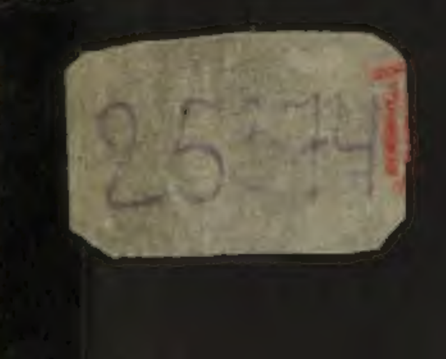

25-74

вить возрастания продовольственной
Свободная торговля в условиях совре-
ти обеспечила бы только свободу на-
и улучшила бы снабжение имущих
з, ничего не давая трудящимся.
е то немногое, что попадает от про-
пеля на рынок, если бы власть в стране
надлежала рабочим и крестьянам, до-
ось бы буржуазии. Имущим же доста
бы и те жалкие остатки
ами в настоящее вре
.
:новной

СОКРАЩЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Часть V.

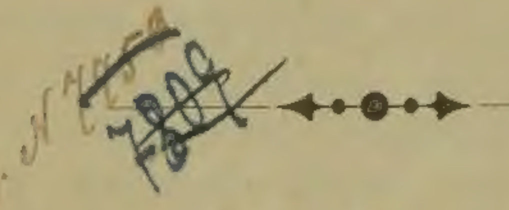
Изданіе второе, дополненное.

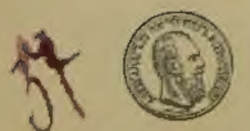
СОСТАВИЛЪ

В. ПОКРОВСКІЙ.

Въ первомъ изданіи одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія.

Цѣна 1 р. 50 к.







МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1905.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ V части „Сокращенной исторической хрестоматіи“ разсматривается жизнь и литературная дѣятельность Гоголя, Лермонтова и Кольцова. Помѣщенными статьями составитель имѣетъ въ виду, вмѣстѣ съ біографическими данными, выясняющими условія развитія личности писателей и направленіе ихъ литературной дѣятельности, опредѣлить характерныя черты этой послѣдней и индивуальныя особенности каждаго изъ поэтовъ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи:

Литературныя и художественныя занятія Гоголя, Щеголева. — Романтическіе мотивы въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки и Арабескахъ“, Замотина. — Реальный и романтическій элементы въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“, Котляревскаго. — Художественное, философское и автобіографическое значеніе повѣсти „Портретъ“, его же. — Гуманизирующее значеніе повѣсти Гоголя, „Шинель“, Малинина. — Общественное значеніе „Мертвыхъ душъ“, его же. — Значеніе „Мертвыхъ душъ“, какъ реальнаго романа, Котляревскаго. — Гоголевскій стиль, Морозова. — Языкъ Гоголя (эпитеты, сравненія и гиперболы), Мандельштама. — Гоголь, какъ эпическій писатель, Малинина. — Національный элементъ въ сочиненіяхъ Го-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Первоначальныя условія жизни, подъ которыми создавалась личность Гоголя.

Самая родина поэта заключала въ себѣ весьма благопріятныя условія для широкаго вліянія на его чуткую душу. Благодатная малорусская природа дѣйствовала могущественно на ребенка Гоголя, и воспитала въ немъ ту любовь къ себѣ, которая одушевляла его до конца жизни. Оторванный смолоду отъ этой природы, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, онъ продолжалъ жить съ ней въ своемъ поэтическомъ воображеніи и правдиво передавалъ ея красоты въ своихъ произведеніяхъ. Быть можетъ, и пристрастіе Гоголя къ Италіи, кромѣ понятныхъ эстетическихъ мотивовъ, во многомъ опредѣлялось близостью ея роскошной природы къ родной малорусской природѣ.

То же должно сказать и о домашней средѣ, въ которой совершалось первоначальное воспитаніе поэта, накоплялись и укрѣплялись первыя его впечатлѣнія. Нормальная обстановка въ этой средѣ, гармоническія, спокойныя, мирныя, проникнутыя живѣйшею искренностью и сердечною теплотою взаимныя отношенія между ея членами — все это должно было могущественно дѣйствовать на нѣжную, воспріимчивую и впечатлительную душу будущаго поэта. Прочитайте его письма къ отцу, матери, — какою глубокою, нѣжною и задушевною привязанностью проникнуты они. „Никогда не оставлю я сего изящнаго занятія (садоводства)“, пишетъ Гоголь матери изъ Нѣжина въ 1827 году, „хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать. Это небесный ангелъ, это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самого себя, и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы.

Въ сіе время сладостно мнѣ съ нимъ, я заглядываю въ него, то-есть въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго, на пользу отечеству, для счастья гражданъ, для блага жизни себѣ подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный и неувѣренный въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела". „Мать для Гоголя была все: повѣренная сокровеннѣйшихъ движеній его души, утѣшительница и наставница, слушательница первыхъ его опытовъ въ стихахъ и прозѣ, помощница во всѣхъ его предпріятіяхъ и, наконецъ, опора его душевной чистоты". Такъ выражается о ней авторъ Записокъ, имѣвшій возможность узнать ее лично и записать нѣсколько ея собственныхъ разсказовъ. Въ своихъ письмахъ Гоголь упоминаетъ о ея тонкомъ и наблюдательномъ умѣ, о ея высокой добродѣтели, великодушномъ самоотверженіи для счастья дѣтей, о ея знаніи обычаевъ и нравовъ малорусскихъ. Прочтите его письма къ сестрамъ, о которыхъ онъ такъ нѣжно заботился, которыхъ устраивалъ на свои средства, — и вамъ станетъ вполнѣ понятенъ тотъ духъ, которымъ была проникнута домашняя среда, воспитавшая Гоголя. „Лучше нѣтъ воспитанія для дѣвицъ, какъ въ глазахъ матери, а особливо такой, какъ вы", пишетъ онъ въ 1833 г. о своей младшей сестрѣ. „Пусть она спитъ въ вашей комнатѣ .., давайте ей побольше занятій, пусть она занимается тѣми же дѣлами, но и большие. Ради Бога, не пренебрегайте этими мелочами. Знаете ли, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? То, что въ дѣтствѣ только хорошая привычка и наклонность, превращается въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель. Внушите ей правила религіи: это фундаментъ всего". А его письма къ самимъ сестрамъ, когда онѣ были уже въ институтѣ? Кромѣ выражаемой въ каждой строкѣ нѣжнѣйшей привязанности, они живо свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ дарѣ Гоголя входить въ интересы и представленія дѣтей. „Ты, Лиза, бывало, разскажешь, какой у тебя новый другъ, и о томъ, какъ у тебя хорошо въ пульпитрѣ, въ какомъ порядкѣ лежатъ книги, тетрадки и бонбоньерки, и какъ ты на-дняхъ помѣнялась съ той или другой. При этомъ у тебя, Лиза, пальцы были въ чернилахъ, и на передникѣ было чернильное пятно, величиною съ мѣсяцъ. Все это я помню, и помню даже, какъ Анетъ была больна и въ лазаретѣ, и я у васъ былъ; и по-

томъ помню, помню еще объ одномъ, но не хочу говорить... о, я все помню"... „Пишите ко мнѣ чаще", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. „Пожалуйста, не думайте о томъ, чтобы написать мнѣ хорошо письмо, пишите, какъ попало. Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ. Чѣмъ хуже письмо, чѣмъ больше чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше". Письма къ нимъ же въ сороковыхъ годахъ проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ. „Несчастія, скорби, потрясенія, удары всякаго рода — вотъ что заставляетъ иногда выступать изъ насъ то, что дремлетъ въ душевномъ хранилищѣ нашемъ. На нихъ, какъ на оселкѣ, мы пробуемся, испытываемся, обнаруживаемъ себя самимъ себѣ и, наконецъ, узнаемъ, что лежитъ въ насъ". Такія чувства и отношенія могли возникнуть только на почвѣ чистой религіозно-нравственной среды; въ этой средѣ могли возникнуть и развиться нѣжные образы старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Простота и патріархальность жизни малорусскихъ помѣщиковъ того времени, протекавшей мирно въ живомъ общеніи съ простымъ народомъ, безъ тѣхъ средостѣній, которыя послѣ затруднили это общеніе, давали просторъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, выходившимъ изъ окружавшей простонародной среды. Богатое сокровище народной поэзіи, ея сказки, пѣсни, историческія преданія, народный бытъ и языкъ — все это должно было могущественно дѣйствовать на впечатлительную душу ребенка, на его наблюдательный умъ, на его пламенное воображеніе, и оставлять въ немъ неизгладимые слѣды. А отъ его необыкновенной наблюдательности, отъ его врожденнаго дара схватывать мельчайшія подробности жизни и характера человѣка не ускользало ничего. „Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства", говоритъ Гоголь, „мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли это деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ... ничего не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ мо-

сковскихъ концертъ; глядѣлъ на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи въ уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними". „Драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ", писалъ онъ Плетневу изъ Неаполя въ 1847 году, „и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ уже руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми, и предо мною сами собою отдѣлялись звуки истинные отъ звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Поэтому я весьма рано сталъ примѣчать, что есть дурного въ хорошемъ человѣкѣ и что есть хорошаго въ дурномъ человѣкѣ. Ко мнѣ становился человѣкъ вовсе не тою стороною, какою онъ самъ хотѣлъ стать предо мною: онъ становился противуволно той стороной своей, которую мнѣ любопытно было узнать въ немъ, такъ что онъ иногда самъ, не зная какъ, обнаруживалъ себя предо мною больше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ". „Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка", писалъ онъ тогда же о. Матвѣю, „отъ малыхъ до большихъ, и потомъ изобразить его такъ передъ глазами, что, по увѣренію моихъ читателей, человѣкъ, мною изображенный, оставался, какъ гвоздь, въ головѣ, и образъ его такъ казался живъ, что отъ него трудно было отдѣлаться". Благодаря этому таланту, многочисленныя и разнообразныя наблюденія, вынесенныя еще изъ родительскаго дома, въ творческой фантазіи Гоголя быстро возводились на общія представленія, типы. Особенно могущественно дѣйствовала на него народная поэзія, ея пѣсни и сказки. Отсюда, изъ дѣтства, вынесъ онъ пламенную любовь къ малорусской пѣснѣ. Извѣстно, съ какимъ одушевленіемъ онъ часто выражалъ свое страстное отношеніе къ малорусской пѣснѣ. „Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами", пишетъ онъ въ Кіевъ Максимовичу въ 1833 году, „и пересмотрѣть пѣсни вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь (Гоголь въ это время занимался исторіею Украйны), передъ этими звонкими, живыми лѣтописями! Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука". И эти пѣсни, безспорно, имѣли

сильное вліяніе на характеръ, тонъ и языкъ его произведеній: цѣлые образы, цѣлыя картины, особенно лирическія мѣста въ его произведеніяхъ, напоминаютъ возвышенную поэзію малорусской пѣсни. *Лавровскій.*

Родители Гоголя, ихъ жизнь и бытъ.

Скудныя свѣдѣнія объ отцѣ Гоголя сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что это былъ человѣкъ выросшій и проведшій всю жизнь въ скромной деревенской обстановкѣ, преданный всею душой семьѣ и роднымъ и не чуждый того мечтательнаго романтизма, который встарину нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества. Природа щедро одарила его, какъ бы предназначивъ для широкаго поприща и серіозной умственной дѣятельности, но судьба и обстоятельства жизни не допустили замѣтно выдѣлиться изъ толпы обыкновенныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Ему, повидимому, не приходило и на мысль мечтать о литературной извѣстности; ни личный характеръ, чрезвычайно скромный и удовлетворяющійся немногимъ, ни весь складъ жизни не представляли данныхъ для честолюбія этого рода. Совершенно случайное обстоятельство вызвало творчество Василія Аѳанасьевича, но даже и при этихъ условіяхъ историки украинской литературы отводятъ ему почетное мѣсто въ своихъ трудахъ; и смѣло можно утверждать, что мимо, такъ сказать, рекомендаціи со стороны знаменитаго сына, одними комедіями-шутками его имя было бы спасено отъ забвенія.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь родился въ 1780 г., въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ Купчинскомъ, близъ рѣки Голтвы, въ сотнѣ Шишацкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ былъ по его имени названъ Васильевкой, а по прибавочной фамиліи — Яновщиной. Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, касающихся ранняго его дѣтства; извѣстно только, что онъ былъ сынъ войскового писаря и воспитаніе получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, какъ въ единственномъ тогда заведеніи родного города. „Мужъ мой“, говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ жена его, Марья Ивановна, „учился въ Полтавѣ, гдѣ еще не было, кромѣ семинаріи, ничего“. При такомъ отзывѣ Марьи Ива-

новны, мнѣніе которой могло быть отголоскомъ мнѣнія мужа, можно думать, что развитіемъ своихъ способностей Василій Аѳанасьевичъ былъ обязанъ почти только личной любознательности и живому, наблюдательному уму. Въ этомъ отношеніи судьба его чрезвычайно походитъ на судьбу его знаменитаго сына. Послѣдній, впрочемъ, благодаря исключительному положенію школы, въ которой воспитывался, встрѣтилъ въ ней довольно развитое товарищество, тогда какъ Василій Аѳанасьевичъ, конечно, не могъ особенно похвалиться и въ этомъ отношеніи... Къ счастью, онъ имѣлъ умнаго, хорошо образованнаго отца. Аѳанасій Демьяновичъ, хотя и не принадлежалъ уже къ духовному званію, подобно двумъ ближайшимъ своимъ предкамъ, изъ которыхъ одинъ былъ даже служителемъ алтаря, но такъ же, какъ названные предки, прошелъ черезъ семинарію и завершилъ свое образованіе въ Кіевской духовной академіи. Сохранились воспоминанія, указывающія на то, что Аѳанасій Гоголь получилъ въ академіи настолько основательное для своего времени образованіе, что считался знатокомъ языковъ, особенно латинскаго и нѣмецкаго, которые преподавалъ дѣтямъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. Для насъ особенно важно, что родъ Гоголей-Яновскихъ отличался интеллигентностью и любовью къ умственнымъ занятіямъ. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, какъ сынъ помѣщика, уже гораздо меньше заботился о своемъ образованіи. Не предназначая себя по окончаніи курса въ семинаріи къ духовному званію, онъ не пошелъ, по примѣру отца и дѣда, въ академію и считалъ свое образованіе законченнымъ. Старинная рутина помѣщичьяго благодушія и скудный выборъ дорогъ при опредѣленіи карьеры побуждали въ тѣ времена большинство молодыхъ людей, не задумываясь о призваніи, идти по слѣдамъ окружающихъ; почти всѣ они посвящали себя сельскому хозяйству, и спокойно оставались на всю жизнь въ имѣніяхъ. На девятомъ году молодой Гоголь былъ зачисленъ (номинально) въ военную службу корнетомъ, но позже былъ переименованъ гражданскимъ чиномъ и перешелъ на службу въ малороссійскій почтамтъ. По выходѣ въ отставку до самой женитьбы онъ долженъ былъ помогать родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ заботахъ и большую часть времени употреблялъ на исполненіе разныхъ мелкихъ порученій. Часто приходилось ему ѣздить въ сосѣднія деревни, особенно Со-

рочницы, а когда родители уѣзжали изъ Яновщины, на обязанности молодого человѣка лежало занимать гостей. Вообще онъ игралъ въ домѣ второстепенную роль панича, которою совершенно удовлетворялся. Самымъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни Василія Аѳанасьевича была, конечно, его женитьба на Марьѣ Ивановнѣ Косяровской. Здѣсь особенно выказала себя его романтическая натура. Уцѣлѣвшая небольшая переписка съ невѣстой, а потомъ женой, знакомитъ непосредственно съ его личностью и отчасти со степенью его литературнаго образованія. Чтеніе распространенныхъ тогда сентиментальныхъ романовъ должно было оставить замѣтные слѣды въ его душѣ, если въ минуты страстныхъ изліяній у него вырываются выраженія, отзывающіяся складомъ литературныхъ произведеній его времени Такія выраженія, какъ „наша дружба основана на священныхъ правилахъ честности“, или „я долженъ прикрывать видомъ веселости сильную печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній“, даже выборомъ словъ напоминаютъ стиль карамзинскихъ повѣстей и писемъ... Съ будущей своей женой Василій Аѳанасьевичъ былъ знакомъ еще въ дѣтствѣ; какъ сосѣди, они часто видали другъ друга; но когда красивая дочь помѣщика Косяровскаго, получившая впослѣдствіи отъ тетки своей Трощинской за нѣжный цвѣтъ лица прозваніе бѣлянки, стала подрастать, — она произвела сильное впечатлѣніе на своего романтика-сосѣда. Въ сердцѣ Василія Аѳанасьевича вспыхнула страсть, увѣнчавшаяся счастливымъ брачнымъ союзомъ, не омраченнымъ ничѣмъ въ продолженіе почти двадцатилѣтней супружеской жизни и оставившимъ въ пережившей мужа подругѣ жизни навсегда самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія. Марья Ивановна втайнѣ отвѣчала на пылкое увлеченіе жениха, но при всемъ томъ не рѣшалась даже читать его письма, которыя она почтительно передавала нераспечатанными отцу или теткѣ.

Бракосочетаніе совершилось въ 1808 году. Молодые зажили счастливой семейной жизнью, и въ ветхомъ деревенскомъ домикѣ Яновщины царствовали миръ и согласіе. Характеры обоихъ супруговъ въ высшей степени благопріятствовали полному ладу между ними. Василій Аѳанасьевичъ въ домашней сферѣ отличался замѣчательной мягкостью и добротой, такъ что никто въ домѣ не чувствовалъ суровой власти господина.

Легко представить себѣ, какъ любили его свои, когда и посторонніе находили въ его обществѣ отраду и отдыхъ. Таковъ же онъ былъ въ обхожденіи съ прислугой и крѣпостными; всѣ случайныя ихъ неловкости и проступки онъ обращалъ въ шутку, будучи неохотникомъ до строгихъ взысканій. Не станемъ распространяться о гостепріимствѣ Василія Аѳанасьевича, такъ какъ оно достаточно извѣстно; замѣтимъ только, что, можетъ-быть, слишкомъ выдвигаютъ, обыкновенно, неотразимо обаятельное дѣйствіе, которое его личность производила на окружающихъ. Вѣрное въ своемъ основаніи, такое представленіе грѣшитъ поэтическимъ преувеличеніемъ. Проще и вѣрнѣе характеризуетъ его по воспоминаніямъ извѣстный товарищъ и лучшій другъ Н. В. Гоголя, А. С. Данилевскій, слѣдующими словами: „онъ былъ человѣкъ въ высшей степени интересный, безподобный разсказчикъ". Эта-то способность его и была, конечно, причиной, что Трощинскій сталъ побуждать его впослѣдствіи сочинять пьесы для сцены.

Несомнѣнно, что, въ свою очередь, и Василій Аѳанасьевичъ нашелъ въ окружающей средѣ много добраго и привлекательнаго, и это все болѣе и болѣе должно было привязывать его къ домашнему очагу и направлять по той дорогѣ, которую указали ему обстоятельства.

Деревню онъ оставлялъ крайне неохотно для рѣдкихъ поѣздокъ въ Полтаву и Миргородъ, но оставался тамъ недолго и всегда спѣшилъ къ семьѣ. Однажды только рѣшился было онъ оставить Яновщину для службы въ губернскомъ городѣ, но и тогда единственною побудительной причиной было желаніе служить при вліятельномъ родственникѣ. Это было въ 1806 году, когда Д. П. Трощинскій, выйдя въ отставку, переселялся изъ Петербурга въ свое помѣстье Кибинцы (Миргородскаго повѣта) и былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе маршалы, или предводители. Гоголь занялъ при немъ мѣсто секретаря, но скоро соскучился, и вышелъ въ отставку. Не будь Трощинскаго, Василію Аѳанасьевичу не пришло бы и въ голову переѣзжать въ городъ и надѣвать чиновничій мундиръ. Несмотря на ограниченность средствъ, въ службѣ онъ не нуждался, и, чуждый по природѣ мелкаго честолюбія, никогда серіозно ее не искалъ. Въ другой разъ подумывалъ Василій Аѳанасьевичъ уже со всѣмъ семействомъ двинуться въ Полтаву и ради воспитанія дѣтей просить долж-

ности. Это было въ то время, когда онъ отдавалъ своихъ сыновей въ гимназію. Но здѣсь главную роль играла, конечно, родительская нѣжность; по крайней мѣрѣ, онъ легко отказался отъ своей мысли, когда по смерти одного изъ сыновей ему удалось устроить другого въ Нѣжинѣ, а такъ какъ вскорѣ, благодаря ходатайству всесильнаго Трощинскаго передъ графомъ Кушелевымъ-Безбородкомъ, послѣдній принялъ на себя безплатное обученіе Никоши, то больше для переѣзда въ городъ не представлялось уже ни малѣйшаго повода.

Большое разнообразіе было внесено въ мирную жизнь Гоголей-Яновскихъ переѣздомъ Трощинскаго въ Малороссію. До того времени Василій Аѳанасьевичъ не встрѣчалъ въ окружающей обстановкѣ ровно ничего, что могло бы ему указать на возможность иной жизни, болѣе соотвѣтствующей его природнымъ задаткамъ. Его эстетическая натура проявляла себя и въ крупныхъ и въ мелкихъ вещахъ, но никому не приходило въ голову серіозно взглянуть на ея указанія, а самъ Василій Аѳанасьевичъ, повидимому, былъ всего менѣе склоненъ прислушиваться къ влеченію своей природы. Онъ какъ бы не чувствовалъ того могучаго голоса, который съ ранняго дѣтства призывалъ къ великой будущности прославившаго его сына, что вполнѣ объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ окружающей средѣ какого-либо намека на серіозный умственный трудъ. Замѣчательно, напримѣръ, что онъ любилъ при всякомъ удобномъ случаѣ писать стихи; но, упражняясь въ поэзіи, онъ единственно забавлялся способностью, шутя, безъ усилій, сочинять вирши. Мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать заключенія о качествахъ этихъ поэтическихъ упражненій; но отзывъ Марьи Ивановны заставляетъ думать, что мужъ ея вообще легко относился къ своимъ литературнымъ опытамъ, не придавая имъ никакого значенія. „Мужъ мой“, разсказываетъ Марья Ивановна, „иногда писалъ стихи, но ничего серіознаго. Къ знакомымъ онъ писалъ иногда письма въ стихахъ, болѣе комическаго характера. Онъ имѣлъ природный умъ, любилъ природу и поэзію“. Уже эти слова женщины, далекой отъ литературы, сумѣвшей однако замѣтить эстетическія наклонности мужа, не лишены интереса. Но есть большое основаніе предполагать, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ Василій Аѳа-

насьевичъ могъ бы заявить себя чѣмъ-нибудь болѣе крупнымъ, сравнительно съ двумя комедіями, случайно имъ сочиненными и случайно, благодаря отчасти громкой извѣстности сына, обратившими на себя вниманіе общества и критики. Прежде всего, живя безвыѣздно въ деревнѣ, онъ, конечно, долго не имѣлъ возможности удовлетворять своей любви къ чтенію. „Книгами мы пользовались изъ библіотеки Трощинскаго“, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Марья Ивановна. Но такой путь для обогащенія ума открылся для Василія Аоанасьевича уже почти въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, когда строй жизни его давно опредѣлился и когда, по воспитанію, образовавшимся привычкамъ и складу характера, онъ окончательно сдѣлался мирнымъ сельскимъ жителемъ. Исполняя желаніе Трощинскаго, Василій Аоанасьевичъ удовлетворялъ, конечно, и внутренней потребности творить, но смотрѣлъ на дѣло, по обыкновенію, легко, низводя свой трудъ на степень простой забавы. Одинъ суровый критикъ драматическихъ пьесъ Гоголя-отца видитъ въ нихъ даже преступленіе противъ народа, полагая, что въ нихъ бары насмѣхались надъ языкомъ, нравами и обычаями того народа, который кормилъ ихъ. Непонятно, откуда авторъ приведенныхъ мнѣній почерпнулъ свѣдѣнія о насмѣшливомъ и презрительномъ отношеніи къ народу такого любителя родной Малороссіи и ея преданій, какимъ былъ Д. П. Трощинскій. Но любопытно, что и этотъ критикъ признаетъ, что „въ комедіи Гоголя нѣтъ ни фарса, ни вычурныхъ фразъ, ни лишнихъ лицъ и рѣчей; у него все „у себя дома“, „всѣ на мѣстѣ“. Согласно другому отзыву, гораздо болѣе авторитетному, В. А. Гоголь, „будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени, — вотъ и все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту, и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи“.

Но и въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ этихъ полушутливыхъ литературныхъ опытовъ, сближеніе съ Трощинскимъ было полезно Василію Аоанасьевичу, не говоря уже о томъ, что маленькій его Никоша много выигралъ для своего эстетическаго развитія, имѣя случай близко видѣть интеллигентную

среду, окружавшую Трощинскаго. Справедливо и мѣтко называетъ Кулишъ, въ одной изъ своихъ статей, Кибинцы (имѣніе Трощинскаго) „Аоинами временъ Гоголева отца“. Неумолимое время не пощадило никакихъ слѣдовъ былого великолѣпія Кибинцевъ; не уцѣлѣли ни богатая избранная библіотека, ни рѣдкія, дорогія картины, ни прекрасная мебель или коллекціи оружія, монетъ, медалей и даже табакерокъ, ни даже такія вещи, какъ бюро королевы Маріи Антуанеты и принадлежавшіе ей великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники. Все продано, все исчезло! Но кто зналъ Кибинцы въ дни ихъ величія и славы, тѣ не могутъ и теперь безъ увлеченія вспомнить объ этомъ сказочномъ мірке. Все здѣсь говорило, что хозяинъ былъ человѣкъ просвѣщенный, съ тонкимъ вкусомъ и большой разносторонней любознательностью. Много было приманокъ, привлекавшихъ сюда всѣхъ, кто имѣлъ возможность проникнуть въ кибинцскіе чертоги. Здѣсь былъ вѣчный пиръ въ праздникъ и въ будни. Кто бы и когда ни подъѣзжалъ къ господскому дому въ Кибинцахъ, уже издалека начиналъ различать звуки домашняго деревенскаго оркестра, казавшіеся сначала какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ, и становившіеся по мѣрѣ приближенія все явственнѣе и громогласнѣе, и, наконецъ, передъ путникомъ выросталъ величавый домъ Трощинскаго съ примыкавшими къ нему безчисленными флигелями и службами. Домъ этотъ походилъ больше на обширный клубъ или гостиницу, чѣмъ на обыкновенный домашній очагъ. Все было поставлено въ немъ на широкую ногу, всего было въ изобиліи, и вездѣ блистали изящество и красота. Гостей въ Кибинцахъ круглый годъ бывало такъ много, что исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ было почти незамѣтно въ этомъ волнующемся морѣ. Большинство изъ нихъ пользовались особыми помѣщеніями и всевозможнымъ комфортомъ; каждому присылался въ его комнату чай, кофе или десертъ, и лишь къ обѣду всѣ должны были въ строго-опредѣленный часъ собираться по звонку. До какихъ широкихъ размѣровъ доходило хлѣбосольство Трощинскаго, показываетъ слѣдующій примѣръ. По словамъ друга Н. В. Гоголя А. С. Данилевскаго, однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ Б***. Онъ попалъ въ Кибинцы случайно передъ именинами Трощинскаго, и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обла-

скали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три. Впрочемъ, при всемъ гостепріимствѣ Трощинскій былъ нѣсколько натянутъ и не особенно привѣтливъ въ обращеніи. А. С. Данилевскій передаетъ, что много разъ случалось ему бывать въ Кибинцахъ и Ярескахъ вмѣстѣ съ Н. В. Гоголемъ и гостить подолгу, но Трощинскій едва ли промолвилъ съ ними даже слово. Съ гостями онъ вообще бесѣдовалъ мало и любилъ при нихъ раскладывать гранъ-пасьянсъ. Передъ обѣдомъ гости, располагаясь въ разныхъ концахъ столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконецъ, появлялся Дмитрій Прокофьевичъ, всегда въ полномъ парадѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, задумчивый, суровый, съ выраженіемъ скуки или утомленія на умномъ старческомъ лицѣ. Усвоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерывъ со всѣхъ сторонъ знаки подобострастія давали ему видъ козырного короля среди этой массы людей. При всемъ томъ это былъ человѣкъ очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство, кому было возможно...

У этого-то „царька", какъ называли въ сосѣдствѣ Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ состоялъ на правахъ родственника, хотя они далеко не были на равной, дружеской ногѣ какъ обыкновенно думаютъ. Несмотря на то, что просвѣщенный сановникъ умѣлъ цѣнить способности Гоголя, особенно драматическія, и знаніе горячо любимой Малороссіи онъ все-таки не дѣлалъ для него исключенія въ характерѣ своихъ отношеній къ окружающимъ и всегда держалъ его на извѣстномъ разстояніи. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ, имѣя несомнѣнныя преимущества передъ толпой случайныхъ посѣтителей Кибинцевъ, и самъ не становился съ Трощинскимъ на одну доску, чего не допускала значительная разница между ними и въ возрастѣ и въ положеніи. Относясь къ Трощинскому, какъ къ покровителю, онъ раздѣлялъ съ другими чувство благоговѣнія передъ нимъ, что, конечно, исключало уже всякую возможность панибратства. Но во время пріѣздовъ своихъ въ Кибинцы Василій Аѳанасьевичъ могъ свободно располагаться въ предоставленномъ въ его полное распоряженіе флигелѣ и помѣстить въ немъ всю семью, хотя, какъ человѣкъ деликатный, онъ лишь въ крайности думалъ

было однажды воспользоваться этимъ правомъ. Кромѣ того, къ его услугамъ былъ экипажъ, люди для посылокъ, наконецъ, онъ могъ во всякое время пользоваться совѣтами домашнихъ врачей Трощинскаго. Случалось, что и самъ Дмитрій Прокофьевичъ пріѣзжалъ къ нему, а потомъ ко вдовѣ его, со всѣмъ штатомъ, съ челядью и шутами. Въ дѣлахъ практической важности Трощинскій всегда оказывалъ содѣйствіе любимому родственнику и его семьѣ. Итакъ сношенія съ Трощинскимъ вносили, повторяемъ, большое разнообразіе въ жизнь васильевскихъ помѣщиковъ, давая имъ возможность многое видѣть и узнавать.

Въ запискахъ Марьи Ивановны мы находимъ всего нѣсколько строкъ о посѣщеніяхъ ею и мужемъ Кибинцевъ: „Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома. Потомъ мы проживали у Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, который, поселясь въ Малороссіи, рѣдко насъ отпускалъ домой. Тамъ я видѣла все, чего не искала въ свѣтѣ: и балы, и театры, и отличное общество; бывали даже пріѣзжіе изъ обѣихъ столицъ. Но я всегда была рада ѣхать къ себѣ въ деревню“.

Не воспитавъ и не обработавъ своего таланта, Василій Аѳанасьевичъ не сдѣлался также хорошимъ помѣщикомъ, къ чему, впрочемъ, не имѣлъ никакого призванія. По крайней мѣрѣ, онъ не пріобрѣлъ въ этой области выдающейся опытности и познаній, какъ того можно было ожидать отъ человѣка его дарованій, прожившаго весь вѣкъ въ деревнѣ. И, какъ деревенскій житель, Василій Аѳанасьевичъ отличался, преимущественно, эстетическими наклонностями, которыя обнаруживались въ любви къ саду и полямъ, въ упоеніи мелодичнымъ пѣніемъ соловьевъ и въ тонкомъ вкусѣ, проявляемомъ въ выборѣ и покупкѣ вещей для дома, наконецъ, въ планахъ, составляемыхъ относительно дома, усадьбы. Въ саду онъ любилъ устраивать изящные гротики, красивыя бесѣдки. Въ немъ онъ проводилъ цѣлые дни, не замѣчая времени за работами, или любуясь посаженными имъ подрастающими деревьями, изъ которыхъ многія донынѣ сохранились въ обширномъ саду Васильевки.

Каждая дорожка, каждая аллея носила у него особыя названія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ его сентиментальные вкусы, какъ, напр., „долина спокойствія“, находившаяся въ сосѣднемъ съ Васильевкой лѣску Яворив-

щинѣ (отъ слова яворъ), возлюбленномъ мѣстѣ прогулокъ какъ Василія Аѳанасьевича, такъ и Николая Васильевича. Къ сожалѣнію, протекшее полустолѣтіе наложило свою желѣзную руку на многое и въ этой усадьбѣ (въ томъ числѣ и на „долину спокойствія", да и самый лѣсокъ вырубленъ на продажу лѣтъ пятнадцать тому назадъ).

Возвращаясь къ разсказу Марьи Ивановны, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что ея записка почти исключительно посвящена разсказу о мужѣ, такъ что этимъ оттѣснены на второй планъ даже воспоминанія объ обожаемомъ сынѣ, о которомъ она говоритъ только вскользь. Какъ видно, дорогая ей память о счастливыхъ годахъ замужества заслонила для нея всю послѣдующую жизнь. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ она съ особенной любовью и обстоятельностью передаетъ только о другомъ важнѣйшемъ событіи своей жизни — о построеніи храма въ Васильевкѣ: „Церкви еще у насъ не было и люди оттого терпѣли много неудобствъ, особенно въ дурную погоду и при переѣздахъ черезъ рѣку Голтву. Я начала просить мужа строить церковь. Онъ удивился и сказалъ: „Помилуй! какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня нѣтъ и 500 рублей!" а я отвѣчала, что Богъ поможетъ. Въ это время пріѣхала маменька, и начала также уговаривать. И видно, что на это было Божье соизволеніе, потому что все начало устраиваться какъ бы само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ, италіанецъ, жившій у Дм. П. Трощинскаго. Онъ охотно сдѣлалъ планъ маленькой церкви для своей деревни (двѣсти душъ) и кстати явился каменщикъ, искавшій работы. Когда ему показали планъ и спросили, что̀ онъ возьметъ за то, чтобы надѣлать кирпичъ съ нашими рабочими, онъ потребовалъ пять тысячъ и приступилъ къ работѣ. Онъ бралъ деньги по частямъ, но требовалъ прибавки, сожалѣя, что дешево запросилъ. Мы ему прибавили еще тысячу рублей. Итакъ, съ Божіей помощью, церковь была окончена вчернѣ въ теченіе двухъ лѣтъ. Потомъ мы поѣхали въ Ромны на Ильинскую ярмарку и перемѣнили старинное серебро на церковныя вещи. И черезъ три года послѣ начала постройки началось служеніе"

Впослѣдствіи, по смерти мужа, Марья Ивановна много заботилась объ изготовленіи плащаницы для церкви и въ продолженіе почти цѣлаго года въ каждомъ письмѣ къ одному

изъ родственниковъ, жившему въ Одессѣ и слѣдившему за исполненіемъ работы, освѣдомлялась о ходѣ дѣла.

Хотя годы супружества Марьи Ивановны были несомнѣнно, золотымъ временемъ ея жизни, но и она перенесла не мало невзгодъ. Вотъ какъ она разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „Жизнь моя была самая спокойная; характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія; вѣрила снамъ. Сначала меня безпокоила болѣзнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трохимовскій. Потомъ онъ былъ здоровъ, но мнителенъ. У насъ было двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ болѣе половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Изъ шести сыновей остался одинъ, который замѣнилъ намъ всѣхъ. Но и его взялъ у меня Богъ — да будетъ Его святая воля! Потомъ смерть любимой моей дочери разстроила его здоровье. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей. Старшій сынъ и тогда отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей. Дочь Марія была на три года моложе его, и потомъ остались только меньшія три дочери".

Утраты и огорченія неизбѣжны и въ самой счастливой жизни. Марья Ивановна это хорошо понимала, и пока не сѣтовала на судьбу. Покорность Провидѣнію, о которой она часто говорила, дѣйствительно, была не фразой; но справедливость требуетъ сказать, что тихое и кроткое настроеніе у нея наступало уже тогда, когда горе успѣвало нѣсколько улечься. Въ первыя же минуты испытанія она была даже склонна впадать въ отчаяніе, что̀ повторялось впослѣдствіи нерѣдко, такъ какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ людей. Но пока, при жизни мужа, она еще не предавалась тому безпредѣльному отчаянію, которое овладѣвало ею потомъ. „Тяжело было это переносить", говоритъ Марья Ивановна, „но я, щадя мужа, подавляла горе, и старалась быть спокойной"...

Нить счастливой супружеской жизни порвалась быстро и неожиданно. Хотя болѣзнь Василія Аѳанасьевича тянулась нѣсколько лѣтъ, но онъ не обращалъ на нее вниманія и огра-

ничивался совѣтами кибинцскаго врача во время случайныхъ посѣщеній Троцинскаго, не считая нужнымъ предпринимать систематическое лѣченіе. Неудобства сообщеній и привязанность къ семьѣ были слишкомъ естественными причинами, объясняющими такую безпечность. Когда внезапно обнаружилось замѣтное ухудшеніе въ состояніи его здоровья, онъ собрался на нѣсколько дней отправиться въ Кибинцы, вѣроятно, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Марья Ивановна: „Мужъ мой болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ; и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Ему очень не хотѣлось уѣзжать, и, прощаясь, онъ сказалъ, что, можетъ-быть, безъ меня придется умереть, но потомъ самъ испугался и прибавилъ: „можетъ, долго тамъ пробуду, но постараюсь скорѣе вернуться“. Я получала отъ него часто письма; онъ все безпокоился обо мнѣ. Я не знала, что жизнь его была въ опасности и далека была отъ мысли потерять его“.

Въ дорогѣ приступы болѣзни Василія Аѳанасьевича обозначились яснѣе, и заставили подумать о лѣченіи серіознѣе. Стѣсненія въ груди тревожили больного днемъ и ночью, и лишали его сна.

Смерть мужа сильно отразилась на характерѣ Марьи Ивановны, сдѣлавъ его апатичнымъ и мечтательнымъ... Ставъ довольно поздно, она проводила каждое утро по нѣскольку часовъ за письменнымъ столомъ, читала, писала письма, иногда гуляла. Часто раскладывала грантъ-пасьянсъ или что-нибудь работала, никуда не спѣша, по своей привычкѣ къ спокойной и не особенно дѣятельной жизни. Въ послѣдніе годы, когда въ ней стала все больше обнаруживаться странная наклонность къ мечтательности, она готова была проводить цѣлые дни, давая полную волю своимъ мыслямъ. Послѣ завтрака она собиралась, обыкновенно, въ гости или куда-нибудь по хозяйству. Запрягались дрожки или сани, и она выѣзжала. Впрочемъ, эти выѣзды имѣли значеніе прогулокъ, а не серіозной ревизіи. Крѣпостные люди нисколько не боялись добродушной своей госпожи. Случались иногда воровства, потравы — и тогда, конечно, Марьѣ Ивановнѣ приходилось волноваться и изыскивать мѣры для пресѣченія зла..

Марья Ивановна была очень подвижна (когда не предавалась мечтамъ), и сохранила бодрость и свѣжесть до самой

смерти. Ей ничего не стоило собраться къ сосѣдямъ или въ городъ; рѣшеніе являлось вдругъ и тотчасъ же осуществлялось безъ откладыванія и отсрочекъ. Но эта подвижность представляла особенно рѣзкую противоположность съ однообразіемъ ея позы, когда она, не сходя съ мѣста, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ. Въ такія минуты самое выраженіе лица ея измѣнялось: изъ добраго и привѣтливаго оно становилось какимъ-то безжизненнымъ; видно было, что мысли ея блуждаютъ далеко...

Съ мужемъ она очень сходилась во мнительности: по самому ничтожному поводу ей представлялись нерѣдко большіе страхи и безпокойства. Отъ этой же причины она отличалась крайней подозрительностью, и если что̀ ей западало въ голову, то разубѣдить ее не было никакой возможности.

Другое сходство въ ихъ характерахъ было въ томъ, что оба они любили всякія изящныя вещи и имѣли хорошій вкусъ. Но непрактичность Марьи Ивановны въ дѣлахъ житейскихъ была необычайная и безъ сравненія превосходила непрактичность мужа. Послѣдній не родился хозяиномъ, скопидомомъ, но не отличался и дѣтской наивностью въ жизни, тогда какъ Марья Ивановна въ этомъ отношеніи была настоящее дитя. Ничего не стоило какому-нибудь торгашу-разносчику убѣдить ее набрать, часто въ долгъ, какихъ угодно бездѣлушекъ, особенно сколько-нибудь красивыхъ, и дочери должны были зорко смотрѣть, чтобы она не поддалась обману со стороны какого-нибудь проходимца. Случалось, что Марья Ивановна въ отсутствіи дочерей накупала такъ много всякихъ мелочей, что дочери должны были, если еще не было поздно, посылать вдогонку за продавцомъ и возвращать ему накупленное...

Шенрокъ.

Основаніе Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, цѣль ея учрежденія и учредители.

Первая половина царствованія императора Александра I была ознаменована усиленнымъ стремленіемъ правительства къ распространенію просвѣщенія. Министерство народнаго просвѣщенія, учрежденное въ 1802 году, одновременно съ семью другими министерствами, съ самаго же начала своего суще-

ствованія привлекло къ себѣ особенное личное вниманіе молодого и благородно настроеннаго государя. Однимъ изъ главныхъ органовъ этого министерства было „главное управленіе училищъ“, замѣнившее собою существовавшую еще съ 1782 года „коммиссію“ по народному образованію, которая въ первые годы новаго царствованія выработала общій планъ устройства учебнаго дѣла въ имперіи, Высочайше утвержденный 24-го января 1803 г. Глава министерства получилъ названіе „министра народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“, въ чемъ можно видѣть желаніе правительственной власти поставить дѣло „просвѣщенія“ на широкія основанія и дать ему характеръ и смыслъ такой общегосударственной потребности, которая вытекаетъ не изъ тѣсныхъ интересовъ того или иного сословія, но изъ условій жизни и благоденствія всего русскаго народа. Вмѣстѣ съ дѣятелями прежняго царствованія, графомъ П. В. Завадовскимъ и М. Н. Муравьевымъ, изъ которыхъ первый былъ назначенъ на постъ министра, а второй — его товарища, государемъ привлечены были къ дѣлу народнаго просвѣщенія и ближайшіе друзья его — князь А. А. Чарторыжскій, графъ П. А. Строгановъ, Н. Н. Новосильцевъ. Эти лица составляли интимный кружокъ государя, который при его содѣйствіи приводилъ въ исполненіе свои смѣлые и энергическіе планы и начинанія касательно укрѣпленія и распространенія въ Россіи просвѣщенія. Ближайшимъ результатомъ дѣятельности „главнаго управленія училищъ“ было утвержденіе въ 1803 году, 18-го мая и 12-го сентября, уставовъ Виленскаго и Дерптскаго университетовъ, а 5-го ноября 1804 года былъ утвержденъ новый типъ университетскаго устава, по которому былъ преобразованъ Московскій университетъ, получившій новую внутреннюю организацію и увеличеніе матеріальныхъ средствъ, изъ которыхъ и то и другое самымъ выгоднымъ образомъ отразилось на жизни и характерѣ дѣятельности этого учрежденія. Въ 1805 году съ тѣмъ же уставомъ основано было два новыхъ университета, Харьковскій и Казанскій.

Чрезвычайныя усилія правительства, не жалѣвшаго средствъ для поднятія просвѣщенія въ государствѣ, послужили примѣромъ для подражанія частнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ, которыя спѣшили приносить огромныя денежныя и имущественныя жертвы для учрежденія учебныхъ заведеній.

Въ виду того, что дѣятельность „главнаго управленія училищъ“ была направлена, главнымъ образомъ, на высшія учебныя заведенія, и наиболѣе крупныя пожертвованія также обращались всего скорѣе на этотъ предметъ: нельзя умолчать тутъ, въ особенности, о громадныхъ пожертвованіяхъ дворянства Харьковской и Екатеринославской губерній на Харьковскій университетъ и щедрыхъ дарахъ П. Д. Демидова въ пользу Московскаго университета и на основаніе „высшаго училища“ въ Ярославлѣ.

Къ этой же порѣ благородныхъ просвѣтительныхъ стремленій относится и весьма значительное пожертвованіе, давшее начало существованію въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія.

Знаменитый вельможа Екатерининской эпохи, ближайшее довѣренное лицо императрицы Екатерины, любимецъ императора Павла, государственный канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ людей своего времени, въ „Запискѣ для моего духовнаго завѣщанія“, относящейся къ послѣднему (1799) году его жизни, въ пунктѣ 7-мъ, писалъ: „Изъ доходовъ моихъ отлагать въ первыя пять лѣтъ по десяти тысячъ, для того что тутъ надобно разные долги платить, а потомъ по двадцати тысячъ въ теченіе осьми лѣтъ, внося ихъ въ ломбардъ, а изъ суммы сей и составить доходы *на содержаніе богадѣленъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ*, гдѣ угодно будетъ правительству приказать“. По смерти князя А. А. Безбородка всѣ имущества его унаслѣдовалъ его братъ, графъ Илья Андреевичъ Безбородко, такъ какъ князь Александръ Андреевичъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства. Формальнаго духовнаго завѣщанія покойный не оставилъ, и потому желаніе касательно устройства богадѣленъ, выраженное въ приведенномъ пунктѣ „Записки“, по разнымъ личнымъ обстоятельствамъ графа Ильи Андреевича, не получило немедленнаго исполненія.

Добросердечный, щедрый и высокочтившій память знаменитаго брата, но много уступавшій ему въ энергіи и подвижности, графъ Илья Андреевичъ только черезъ шесть лѣтъ получилъ возможность ближайшимъ образомъ вникнуть въ дѣла и желанія покойнаго князя, и сталъ обдумывать средства для приведенія въ исполненіе благотворительныхъ намѣреній брата. Въ этомъ онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ

графа В. П. Кочубея, своего и князя Александра Андреевича племянника, воспитаннаго въ домѣ покойнаго канцлера и имъ облагодѣтельствованнаго, бывшаго впослѣдствіи предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ при императорѣ Николаѣ I и умершаго въ 1834 году въ званіи государственнаго канцлера по внутреннимъ дѣламъ. Въ совѣщаніяхъ принимали участіе еще князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и О. Ст. Судіенко, повѣренный въ завѣдываніи имѣніями графа Безбородка, другъ его дома и совѣтникъ. Графъ Илья Андреевичъ не только готовъ былъ исполнить желаніе брата относительно опредѣленной имъ на благотворительную цѣль суммы, но пожелалъ и со своей стороны эту сумму увеличить; вопросъ былъ только въ томъ, въ какой именно формѣ эту цѣль осуществить. Такъ какъ воля покойнаго князя объ устройствѣ богадѣленъ была выражена не формально, а лишь только въ частной „Запискѣ", а между тѣмъ въ это время и умы правительственныхъ лицъ, во главѣ съ государемъ, и частныхъ лицъ были обращены на вопросы народнаго просвѣщенія, и съ разныхъ сторонъ сыпались крупныя пожертвованія на высшія просвѣтительныя цѣли, то весьма естественно, что исполнителямъ воли князя Александра Андреевича, не выходя изъ рамки широко благотворительныхъ предначертаній покойнаго, пришло на мысль послѣдовать въ данномъ случаѣ общему примѣру, и вотъ, въ апрѣлѣ 1805 года, графъ В. П. Кочубей такъ писалъ графу Ильѣ Андреевичу Безбородку: „Усердствуя съ ними (то-есть съ княземъ А. Б. Куракинымъ и Судіенкомъ) вмѣстѣ, чтобъ предложеніе ваше наилучшимъ образомъ устроено быть могло, мы много разсуждали, какое бы именно общеполезное заведеніе имени покойнаго князя посвящено быть могло. Призрѣнія бѣдныхъ, богадѣльни, больницы, малыя училища вездѣ или есть, или къ основанію назначены; итакъ, что было избрать для употребленія капитала вашего? Мы обратились на примѣръ г. Демидова, который въ Ярославлѣ учредилъ гимназію высшихъ наукъ, то есть, училище, нѣкоторымъ образомъ университету соотвѣтсвенное, и разсуждали, что какъ Малороссія университета не имѣетъ, да и дворянскія училища, на кои въ обѣихъ губерніяхъ до милліона дать хотѣли, состояться не могутъ, бывъ несообразны общей системѣ, для училищъ принятой, то существенная польза для края сего быть можетъ, если вы

соорудите подобное заведеніе". Въ томъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, графъ Кочубей касается и мѣста въ Малороссіи, предназначеннаго для устройства тамъ гимназіи высшихъ наукъ, при чемъ присоединяетъ горячее свое желаніе, чтобы не только по содержанію, но и по размѣрамъ своимъ пожертвованіе было вполнѣ достойно имени покойнаго князя: „Смѣю просить Васъ, чтобъ если Вы на что-либо рѣшитесь, то чтобы уже, по возможности, не умалять назначеній Вашихъ, и лучше уже ничего не предпринимать, нежели сдѣлать что-нибудь неполное. Городъ весь говоритъ уже о пожертвованіи Вашемъ... Я осмѣливаюсь также припомнить, чтобы присланъ былъ въ письмѣ Вашемъ и планъ дому Вашего и саду въ Нѣжинѣ. Мѣсто сіе такъ хорошо, что въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ покажется оно раемъ небеснымъ. Я признаюсь, что и самъ я былъ прельщенъ онымъ въ проѣздъ въ чужіе края, и теперь удивляюсь, какъ въ Малой Россіи такой садъ аглицкій есть". Результатомъ добрыхъ намѣреній графа Ильи Андреевича Безбородка, а также этихъ стараній и совѣтовъ близкихъ къ нему людей, была всеподданнѣйшая записка графа 19 іюля 1805 года. Упомянувъ въ ней вначалѣ объ оставшейся „Запискѣ для составленія духовнаго завѣщанія" князя Безбородка, въ которой покойный выразилъ желаніе употребить извѣстную часть своихъ средствъ на дѣла благотворенія, графъ Безбородко пишетъ: „Получивъ въ наслѣдство имѣніе покойнаго брата моего, не могъ я до сихъ поръ, по разнымъ обстоятельствамъ домашнимъ, привести сего предположенія его въ дѣйствіе. Теперь, желая исполнить оное въ точности и обратить сіе пожертвованіе наиполезнѣйшимъ образомъ для общества, я купно разсуждалъ, что нигдѣ удобнѣе оно употреблено быть не можетъ, какъ въ Малороссіи, отчизнѣ покойнаго моего брата. Въ семъ предположеніи я изыскивалъ, на какое бы именно полезное заведеніе сумма сія, которую я внести располагаюсь, обращена быть могла; и, находя, что попеченіемъ правительства въ семъ краю уже основано и еще предназначается довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, я сужу, что всего удобнѣе и съ видами Вашего Императорскаго Величества къ распространенію просвѣщенія сообразнѣе быть можетъ устроить въ Малороссіи на счетъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ, которое здѣсь еще не существуетъ, и отъ котораго можно

ожидать великой пользы какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другого состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя, и коимъ, съ учрежденіемъ сего заведенія, открыться можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества". Далѣе исчисляются жертвуемыя на это дѣло денежныя средства: согласно „Запискѣ" покойнаго канцлера, графъ Безбородко вноситъ за истекшія шесть лѣтъ сумму въ 70.000 р., а съ причитающимися на нее по 1805 годъ процентами — 81.920 р., въ послѣдующіе семь лѣтъ даетъ обязательство вносить ежегодно по 20.000 р. Къ этому пожертвованію брата графъ Илья Андреевичъ присоединилъ отъ себя: мѣсто съ садомъ въ г. Нѣжинѣ для постройки зданія и заготовленный для строенія матеріалъ, а затѣмъ ежегодный взносъ „на вѣчныя времена" по 15.000 р.; въ обезпеченіе чего представилъ свое недвижимое близъ Нѣжина имѣніе въ 3000 душъ (Носовка и Веркіевка), на доходы съ котораго въ означенномъ размѣрѣ право навсегда отдавалось Нѣжинскому высшему училищу. Въ концѣ записки графъ Безбородко испрашивалъ, чтобы предполагаемое училище было устроено въ Нѣжинѣ и чтобы оно наименовано было „Гимназія высшихъ наукъ". Записка шла къ государю черезъ графа Кочубея, который по этому поводу писалъ графу Ильѣ Андреевичу: „Преисполненный полнаго удовольствія, я, не мѣшкая нимало, поднесъ письмо ваше Его Величеству, и имѣлъ также полную пріятность видѣть, что подвигъ вашъ былъ принятъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ". Выраженіемъ этого благоволенія былъ императорскій указъ Сенату отъ 22 іюля 1805 года, которымъ пожертвованіе графа Безбородко утверждалось по всѣмъ пунктамъ, выраженнымъ въ запискѣ жертвователя, графу Ильѣ Андреевичу пожалованъ орденъ Владиміра первой степени, и повелѣно было въ залѣ собраній будущей гимназіи поставить бюсты обоихъ братьевъ жертвователей. Учреждаемому учебному заведенію дано названіе „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко", въ чемъ выражена скромная признательность и уваженіе къ памяти покойнаго канцлера какъ самого графа Ильи Андреевича, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, графа Кочубея и князя Куракина.

Немедленно послѣ этого, приступлено было къ постройкѣ зданія для гимназіи, стоимость котораго, при заготовленномъ ранѣе матеріалѣ, крѣпостномъ трудѣ и другихъ видахъ содѣйствія со стороны имѣній графа Безбородка „натурою“, достигла весьма солидной цифры 604.031 р. Постройка эта потребовала цѣлый рядъ лѣтъ, и графу Ильѣ Андреевичу, скончавшемуся 3 іюня 1815 года не пришлось увидать начала ученія. Послѣ него не осталось мужского потомства, а лишь двѣ дочери, одна въ замужествѣ за княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ, а другая, Любовь Ильинична, за графомъ Г. Г. Кушелевымъ; отъ этого послѣдняго брака родился сынъ Александръ Григорьевичъ, которому позже, но еще при жизни его отца, повелѣно было именнымъ Высочайшимъ указомъ называться впредь графомъ Кушелевымъ-Безбородко „во уваженіе къ отличному служенію покойнаго князя Безбородко, на пользу и славу отечества всю жизнь посвятившаго, дабы знаменитая заслугами фамилія сія съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угасла, но, паки обновясь, пребыла навсегда въ незабвенной памяти россійскаго дворянства“. Это и былъ первый почетный попечитель гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, при которомъ начала она свое дѣйствительное существованіе.

Личность графа А. Гр. Кушелева-Безбородка, кончившаго свое служебное поприще въ должности государственнаго контролера, высоко замѣчательна. Старый графъ Г. Г. Кушелевъ употребилъ всѣ средства, чтобы дать своему сыну блестящее образованіе. По окончаніи въ 1816 году ученія въ благородномъ пансіонѣ при Царско-Сельскомъ лицеѣ, молодой графъ Кушелевъ-Безбородко немедленно подвергся экзамену въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, а затѣмъ вскорѣ былъ удостоенъ отъ Московскаго университета степени доктора этико-политическихъ наукъ; образованіе свое закончилъ онъ продолжительнымъ путешествіемъ за границу, въ которое отправился 8 августа 1818 года съ исходатайствованнымъ ему отцомъ дипломатическимъ порученіемъ. Во время этого путешествія между отцомъ и сыномъ велась оживленная переписка, изъ которой видно, съ какою пользой для своего образованія проводилъ молодой графъ, слѣдуя наставленіямъ отца, свое заграничное время, знакомясь съ выдающимися писателями и учеными, усердно занимаясь въ би-

бліотекахъ и музеяхъ, покупая книги. Переписка эта продолжалась и по возвращеніи молодого путешественника, 22 августа 1819 года, въ Петербургъ, такъ какъ отецъ его продолжалъ до самой смерти своей жить въ своемъ имѣніи Краснопольцахъ, Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи. Въ этой перепискѣ весьма часто идетъ рѣчь о Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Отецъ всячески побуждалъ графа Александра Григорьевича добиться позволенія фактически открыть это учебное заведеніе, да и сынъ не жалѣлъ усилій, идя къ той же цѣли. Участникомъ и вліятельнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ высшей властью опять былъ тутъ гр. В. П. Кочубей. Но окончанію дѣла мѣшали многія обстоятельства, изъ которыхъ главнымъ, кажется, было то, что вниманіе высшаго учебнаго начальства въ это время было отвлечено другими важными дѣлами: 19 октября 1811 года былъ основанъ Царско-Сельскій лицей, существованіе котораго вызвало въ послѣдующіе затѣмъ годы много дополнительныхъ распоряженій касательно этого учебнаго заведенія, находящагося подъ особымъ покровительствомъ государя; 2 мая 1817 года утверждено было существованіе Ришельевскаго лицея въ Одессѣ; 18 января 1819 года объявлено было о переименованіи Волынской гимназіи въ лицей; 8 февраля 1819 года учрежденъ С.-Петербургскій университетъ; мы не говоримъ уже объ естественныхъ и многообразныхъ заботахъ касательно недавно открытыхъ университетовъ въ Харьковѣ и Казани и получившихъ свое начало въ томъ же 1805 году училищѣ правовѣдѣнія и Демидовскомъ Ярославскомъ „училищѣ высшихъ наукъ". Открытіе Нѣжинской гимназіи замедлялось отчасти и тѣмъ, что графъ Кушелевъ-Безбородко, сильно заинтересованный въ наилучшемъ устройствѣ этого учебнаго заведенія, принималъ самое дѣятельное личное участіе въ выработкѣ проекта устава и, недовольный проектомъ, который представилъ гр. Кочубей въ комитетъ министровъ, писалъ на него свои замѣчанія, мотивировка которыхъ требовала частыхъ свиданій и переговоровъ съ разными лицами, что сдѣлалось особенно затруднительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1819 г. гр. Кочубей призванъ былъ къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что въ декабрѣ этого года гр. А. Гр. Кушелевъ-Безбородко писалъ къ отцу: „Дѣло о гимназіи совсѣмъ не идетъ впередъ. Съ тѣхъ поръ какъ

графъ Кочубей принялъ министерство, онъ отговаривается дѣлами, а отстать отъ него теперь нельзя. Я все его понуждаю; не знаю, скоро ли окончится". Наконецъ, благодаря связямъ и усиленнымъ стараніямъ, графъ А. Гр. Кушелевъ-Безбородко добился того, что до утвержденія устава гимназіи, по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, Высочайшимъ рескриптомъ 19 апрѣля 1820 года повелѣно было Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ начать свое дѣйствительное существованіе „на одинаковыхъ съ Ярославскимъ Демидовскимъ высшихъ наукъ училищемъ правахъ въ отношеніи къ чиновникамъ и воспитанникамъ онаго; въ разсужденіи же ученія — на основаніи, предположенномъ главнымъ правленіемъ училищъ". Этимъ же рескриптомъ гр. А. Гр. Кушелевъ Безбородко былъ назначенъ почетнымъ попечителемъ новаго учебнаго заведенія, которому въ учебно-административномъ отношеніи назначено было состоять „подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ" попечителя Харьковскаго учебнаго округа. Касательно же учебнаго устройства гимназіи, въ министерскомъ докладѣ, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, находится слѣдующій единственный пунктъ: „учебные предметы, приличные сего рода заведеніямъ, распредѣлить на три трехлѣтія такимъ образомъ, чтобы они продолжались постепенно въ трехъ разрядахъ по удобности, относя преподаваніе высшихъ наукъ къ послѣднему разряду или трехлѣтію".

Такъ предоставлено было Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ начать свою учебно-воспитательную дѣятельность безъ окончательно утвержденнаго устава единственно по довѣрію власти къ личности высоко-просвѣщеннаго и заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ почетнаго попечителя, который, въ свою очередь, опирался на другую личность, къ тому времени пріобрѣвшую уже почетную извѣстность среди высшей учебной администраціи и предназначенную для занятія мѣста перваго директора гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко: это былъ В. Г. Кукольникъ. принимавшій дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта устава гимназіи, вмѣстѣ съ гр. Кушелевымъ-Безбородко и гр. Кочубеемъ. Хотя уставъ гимназіи былъ утвержденъ лишь значительно позже, 19 февраля 1825 года, но въ виду того, что и первый директоръ ея и почетный попечитель уже гораздо раньше были знакомы съ его

проектомъ, согласно которому было начато и ведено дѣло какъ В. Г. Кукольникомъ, такъ и его преемникомъ по директорству, намъ кажется умѣстнымъ здѣсь же указать на главнѣйшія статьи этого устава, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію самой жизни вновь учрежденнаго учебнаго заведенія, для котораго этотъ уставъ долженъ былъ имѣть руководящее значеніе.

Положеніе гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко и цѣль ея основанія по уставу опредѣляются такъ:

„Гимназія сія есть публичное учебное заведеніе. Она состоитъ между учебными заведеніями въ числѣ занимающихъ первую степень послѣ университетовъ, въ имперіи существующихъ, и отличается предъ губернскими гимназіями какъ высшею степенью преподаваемыхъ въ ней наукъ, такъ и особенными Нами ей дарованными правами и преимуществами“ (§ 3).

„Цѣль учрежденія сего заведенія, согласно съ благотворнымъ намѣреніемъ первыхъ основателей онаго, состоитъ въ томъ, чтобы въ Малороссійскомъ краю, мѣстѣ ихъ рожденія, доставить всѣмъ и особенно неимущимъ дворянамъ и другого состоянія жителямъ удобность при воспитаніи ихъ дѣтей въ благочестивыхъ правилахъ, пріобрѣсть свѣдѣнія въ языкахъ и общихъ наукахъ, полезныхъ для каждаго человѣка, и напослѣдокъ въ высшихъ наукахъ, служащихъ пріуготовленіемъ юношества на службу государству“ (§ 1).

Составъ учащихся опредѣляется: а) изъ 24 воспитанниковъ на счетъ доходовъ гимназіи, предоставленныхъ ей жертвователями, б) трехъ — изъ дѣтей военныхъ чиновниковъ на счетъ особо назначенной для того суммы, в) вольныхъ пансіонеровъ не свыше 150, г) приходящихъ лишь на уроки въ гимназію, но живущихъ въ городѣ: число послѣднихъ не опредѣлено (§ 7).

Продолженіе учебнаго курса въ гимназіи опредѣлено было въ девять лѣтъ при чемъ относительно предметовъ онъ раздѣлялся на три разряда, или трехлѣтія (§ 6), но самое распредѣленіе предметовъ на годы и классы не установлено, а предоставлено на усмотрѣніе начальства и преподавателей, которые будутъ сообразоваться въ такомъ случаѣ „съ обстоятельствами и точною потребностію обучающихся“ (§ 16). Предметами обученія въ гимназіи должны быть: законъ Бо-

жій; языки и словесность россійская, латинская, греческая, нѣмецкая и французская; географія и исторія; науки физико-математическія, политическія, военныя; танцованіе, рисованіе и черченіе (§ 10). „Нравственное" управленіе гимназіей возложено на директора, съ помощью инспектора и надзирателей (§ 30); „учебное" — на директора вмѣстѣ съ конференціею, состоящею изъ законоучителя и профессоровъ (§ 47); „хозяйственное" — на правленіе гимназіи, состоящее изъ директора, инспектора и одного изъ профессоровъ (§ 52); наконецъ, „полицейское" — на директора (§ 62). Права окончившихъ курсъ гимназіи опредѣлены такъ: „Воспитанники гимназіи и обучавшіеся въ оной, получивъ аттестаты о совершенномъ окончаніи полнаго курса, предписаннаго симъ уставомъ, и съ показаніемъ въономъ отличныхъ успѣховъ въ благонравіи и наукахъ, поступаютъ въ гражданскую службу: удостоенные званія кандидатовъ — двѣнадцатымъ, званія же студента — четырнадцатымъ классомъ. Кандидаты и студенты, поступающіе изъ сей гимназіи въ службу военную, пользуются правомъ студентовъ университетскихъ. Аттестаты, полученные отъ сей гимназіи, имѣютъ равную силу съ аттестатами, выдаваемыми отъ россійскихъ университетовъ, и освобождаютъ получившихъ оные отъ испытанія для производства въ высшіе чины" (§ 72). *Пѣтуховъ.*

Состояніе Гимназіи во время директорства Кукольника.

Василій Григорьевичъ Кукольникъ (род. въ 1765 г.), первый директоръ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко, родомъ карпаторуссъ, профессоръ Замосцьскаго лицея, пріобрѣтшій въ своемъ отечествѣ репутацію разностороннеобразованнаго и ученаго человѣка, вызванъ былъ на русскую службу попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцевымъ, по совѣту другого карпаторусса И. С. Орлая, переселившагося въ Россію нѣсколько раньше и бывшаго впослѣдствіи преемникомъ Кукольника по директорству въ Нѣжинской гимназіи. По прибытіи въ Россію, В. Г. Кукольникъ вскорѣ, 6 августа 1803 года, былъ назначенъ профессоромъ физики въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ

институтѣ; съ основаніемъ училища правовѣдѣнія, въ 1805 г., онъ приглашенъ былъ читать тамъ римское право; былъ затѣмъ членомъ особаго комитета, учрежденнаго въ 1809 году при Педагогическомъ институтѣ для производства экзаменовъ на чины; въ 1813—1817 гг. преподавалъ римское и гражданское русское право великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ; въ 1819 году назначенъ онъ былъ предсѣдателемъ временной конференціи только что основаннаго Петербургскаго университета, и общій голосъ называлъ его будущимъ первымъ ректоромъ этого учрежденія. Но болѣзненное состояніе его самого и любимой дочери побудило его пренебречь видами на почетное служебное положеніе въ столицѣ и склониться на приглашеніе гр. А. Г. Кушелева-Безбородка, желавшаго видѣть Кукольника первымъ директоромъ вновь основываемой гимназіи въ Нѣжинѣ. Мы уже знаемъ, что Василій Григорьевичъ принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ гимназическаго устава, и, по назначеніи своемъ въ Нѣжинъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ почетнаго попечителя и высшаго начальства, еще до выѣзда изъ Петербурга, приступилъ къ выполненію своихъ новыхъ обязанностей: выбиралъ по своему усмотрѣнію преподавателей и закупалъ все необходимое для первоначальнаго обзаведенія гимназіи. Уволенный отъ обязанностей при Петербургскомъ университетѣ 21 іюля 1820 года, онъ уже 5 августа съ семействомъ выѣхалъ изъ столицы, а въ концѣ того же мѣсяца былъ въ Нѣжинѣ.

Съ самаго же начала В. Г. Кукольнику пришлось взять на себя чрезвычайно много работы. Прежде всего, внѣшняя сторона устройства новаго учебнаго заведенія всецѣло легла на директора; эконома вначалѣ не было, и, только благодаря внимательности графа, на эту должность вскорѣ было опредѣлено особое лицо; не было бухгалтера, и его обязанности, при весьма значительной офиціальной и полуофиціальной переепискѣ, директоръ долженъ былъ исполнять самъ; самому нужно было заботиться о наймѣ прислуги, заказывать мебель и проч. Главное же — внутреннее устройство гимназіи, составъ преподавателей и учениковъ. Ранѣе приглашенные преподаватели медлили своимъ пріѣздомъ, а между тѣмъ, еще въ сентябрѣ 1820 года, въ гимназію явилось значительное количество молодыхъ людей, привезенныхъ родителями или

родственниками изъ ближнихъ, а иногда и изъ дальнихъ мѣстъ. Нужно было спѣшить съ открытіемъ ученья, чтобы не оставлять этой молодежи въ безполезной праздности, при чемъ далеко неодинаковыя познанія явившихся представляли трудно одолимыя препятствія для сколько-нибудь правильнаго распредѣленія учениковъ по классамъ: иные явились изъ дому почти безъ всякихъ познаній, а иные, прежде учась въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладали уже значительнымъ запасомъ знаній; кромѣ того, познанія въ языкахъ у однихъ и тѣхъ же учениковъ далеко не соотвѣтствовали ихъ познаніямъ въ предметахъ. Директоръ почелъ нужнымъ, при помощи своихъ немногихъ помощниковъ, произвести сначала предварительное испытаніе всѣмъ явившимся, а потомъ имѣя въ виду ихъ собственную пользу — распорядился, до офиціальнаго открытія гимназическихъ классовъ, чтобы наставники, предварительно, занялись съ нѣкоторыми, наиболѣе ревностными, учениками для уравненія ихъ знаній съ знаніями другихъ и такимъ образомъ для болѣе правильнаго распредѣленія учащихся по классамъ; при этомъ негласномъ и, такъ сказать, полудомашнемъ обученіи, предпринятомъ не по формальной обязанности, а лишь по чистѣйшему и вполнѣ безкорыстному убѣжденію въ пользѣ дѣла, только законъ Божій, французскій и нѣмецкій языки и рисованіе поручилъ онъ находившимся на лицо преподавателямъ; главнѣйшіе же предметы — латинскій языкъ, русскую грамматику, ариѳметику, исторію и географію — директоръ взялъ на себя. Наконецъ, чрезвычайнаго вниманія и энергическаго труда требовало устройство гимназическаго пансіона и надзоръ за нимъ. Отношеніе В. Г. Кукольника къ своимъ обязанностямъ было, можно сказать, идеальное, вполнѣ соотвѣтствовавшее тому высокому мнѣнію, которое имѣлъ о немъ не только почетный попечитель, но и попечитель Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣевъ, который въ отвѣтъ на извѣстіе Кукольника о своемъ пріѣздѣ въ Нѣжинъ, писалъ ему: „будучи удостовѣренъ въ отличныхъ вашихъ достоинствахъ, я сердечно радъ, что Богъ благословилъ имѣть мнѣ васъ помощникомъ въ устроеніи такого учебнаго заведенія, которое обѣщаетъ великую для Малороссійскаго края пользу.

Совершенно непосильные труды, принятые на себя Кукольникомъ въ должности директора гимназіи; многія круп-

ныя и мелкія непріятности, неизбѣжныя при организаціи такого сложнаго и нелегкаго дѣла, какъ устройство новаго учебнаго заведенія, наконецъ, полная отчужденность отъ привычнаго круга ученыхъ и образованныхъ друзей, оставленныхъ въ Петербургѣ, — были достаточны для того, чтобы, при слабомъ здоровьи Кукольника, онъ впалъ въ тяжелое состояніе душевной тоски и отчаянія, которыя, по словамъ его сына П. В. Кукольника, увлекли его въ преждевременную могилу, 6 февраля 1821 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ короткій періодъ своего директорства въ Нѣжинѣ (всего пять мѣсяцевъ съ небольшимъ) В. Г. Кукольникъ явился достойнѣйшимъ носителемъ своего труднаго и отвѣтственнаго званія, относясь къ нему съ самымъ живымъ интересомъ, сердечной теплотой и глубокимъ пониманіемъ опытнаго педагога. Своимъ задушевнымъ, истинно-педагогическимъ отношеніемъ къ воспитанникамъ онъ пріобрѣлъ ихъ искреннюю привязанность и уваженіе, и справедливо основалъ на этомъ свой авторитетъ. Вотъ отзывъ о немъ и его директорствѣ одного изъ самыхъ выдающихся воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи, перваго кандидата I выпуска 1826 года, впослѣдствіи знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля, нынѣ покойнаго, П. Г. Рѣдкина, бывшаго свидѣтелемъ-очевидцемъ первыхъ мѣсяцевъ существованія гимназіи при Кукольникѣ: „Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ до смерти Кукольника первыми воспитанниками благороднаго пансіона, учрежденнаго при гимназіи, не могутъ представляться ихъ воспоминанію иначе, какъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. В. Г. Кукольникъ пріобщилъ ихъ къ собственному своему семейству, проводя съ ними почти неотлучно всѣ часы дня, далъ имъ въ первые наставники двухъ старшихъ своихъ сыновей, Павла и Платона Васильевичей, а въ товарищи младшаго, Нестора Васильевича; а между тѣмъ старался съ разборомъ, безъ пристрастія и опрометчивости, выискивать въ профессора такихъ людей, которые... соединяли въ себѣ отчетливое и стоящее въ уровнѣ съ современностью знаніе своего предмета съ любовью къ нему, возбуждающею всегда любовь и въ ученикахъ. Онъ положилъ въ основу всего ученія классическое образованіе, поставивъ латинскій языкъ главнымъ предметомъ преподаванія въ такой степени, что сдѣланные воспитанниками неимовѣрно

быстрые въ немъ успѣхи и теперь еще приводятъ въ изумленіе всѣхъ, въ комъ не изгладилась драгоцѣнная память объ этой цвѣтущей эпохѣ зарождавшагося высшаго учебнаго заведенія. Частыми бесѣдами своими, исполненными отеческой внимательности, нѣжности, дружеской простоты, педагогической опытности, живой занимательности, обширной учености, плодотворной образованности, онъ очищалъ чувствованія, развивалъ умъ, смягчалъ сердце и укрѣплялъ волю питомцевъ своихъ, направляя ихъ ко всему прекрасному, истинному, высокому и доброму. Словомъ, В. Г. Кукольникъ сдѣлалъ, въ самомъ началѣ новаго своего педагогическаго поприща, столь много полезнаго для ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, что можно было питать несомнѣнную надежду на блестящую будущность этого новаго разсадника русскаго просвѣщенія". *Пѣтуховъ.*

Состояніе Гимназіи во время директорства Орлая.

3 сентября 1821 года, состоялось назначеніе новаго директора Ивана Семеновича Орлая. Въ концѣ октября онъ прибылъ въ Нѣжинъ, и 1 ноября вступилъ въ должность.

Если первому директору, по кратковременности его управленія, гимназія обязана только первоначальными основаніями, то второму она обязана полнымъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, и введеніемъ въ дѣйствіе проекта устава во всемъ его объемѣ. Изъ внимательнаго пересмотра его распоряженій по дѣламъ архива выносишь убѣжденіе, что всѣ они отличались основательностью, строгою обдуманностью и живымъ стремленіемъ къ благоустройству ввѣреннаго ему заведенія.

Нѣсколько словъ о немъ самомъ.

Вступивъ въ должность 1 ноября 1821 года, Орлай немедленно принялся за устройство гимназіи во всѣхъ ея частяхъ и прежде всего въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Открывши засѣданія конференціи 8 ноября, онъ заявилъ всѣмъ членамъ свое желаніе, „чтобы каждый изъ нихъ свободно изъявлялъ свои мысли по управленію гимназіей, хотя бы случилось то противъ какой-либо мѣры, предлагаемой самимъ директоромъ, и чьи окажутся основательнѣйшими сужденія, записывать въ параграфахъ журнала". Къ сожалѣнію, дѣя

тельность директора не находила себѣ точнаго опредѣленія и направленія въ уставѣ, который былъ утвержденъ только къ концу его управленія гимназіей.

Общее устройство Нѣжинской гимназіи весьма сходно съ устройствомъ Ярославскаго училища, что естественно: пожертвованія на то и другое учебное заведеніе сдѣланы въ одно время; почти въ одно время обдумывались и составлялись ихъ уставы; оба они отличаются энциклопедическимъ характеромъ, преслѣдуетъ одну и ту же цѣль — сообщенія возможно большаго и разнообразнаго учебнаго матеріала, цѣль, объясняемую господствомъ того же взгляда на учебное дѣло на западѣ и, пожалуй, избыткомъ усердія, не руководимаго ясными педагогическими и дидактическими представленіями. Дѣйствительно, учебные предметы, назначенные для обоихъ заведеній, были одни и тѣ же, съ весьма незначительнымъ различіемъ, а именно: законъ Божій, словесность древнихъ языковъ, россійская словесность (краснорѣчіе по уставу Ярославскаго училища), философія, право естественное и народное, чистая и смѣшанная математика, естественная исторія и технологія съ химіей, политическая исторія со вспомогательными науками, государственное хозяйство (политическая экономія по Ярославскому уставу) и наука финансовъ, римское право съ его исторіей, россійское гражданское и уголовное право и судопроизводство съ исторіей права — предметы преподаванія въ Нѣжинской гимназіи, должно полагать, входили въ составъ учебныхъ предметовъ и въ Ярославскомъ училищѣ.

Полный курсъ ученія въ Нѣжинской гимназіи, продолжавшійся девять лѣтъ, раздѣлялся по трехлѣтіямъ на девять классовъ, по три въ каждомъ трехлѣтіи. Первое трехлѣтіе назначалось для низшаго курса, второе — для средняго и третье — для высшаго.

Съ начала учебнаго года, съ августа 1822 года, открылся I классъ, а затѣмъ въ началѣ каждаго новаго учебнаго года открывались слѣдующіе классы; въ августѣ 1825 года открытъ былъ послѣдній, 6 классъ, а въ іюнѣ 1826 года былъ первый выпускъ воспитанниковъ гимназіи.

Распредѣленіе учениковъ по отдѣленіямъ одновременно съ распредѣленіемъ по классамъ объясняется неравномѣрностью познаній, препятствовавшею правильному движенію учебнаго дѣла; неравномѣрность же познаній, въ свою очередь, объ

ясняется незнакомствомъ въ первое время съ программой заведенія, разнообразіемъ первоначальной подготовки, а также понятнымъ желаніемъ собрать, по возможности, большее число учениковъ къ открытію ученія. Для того же „единообразнаго и единоуспѣшнаго хода языковъ съ ходомъ наукъ", Орлай въ томъ же 1822 году предложилъ конференціи слѣдующую мѣру: раздѣлить учениковъ на шесть разрядовъ: на принципистовъ, или обучающихся началамъ языка, на грамматистовъ, или обучающихся этимологіи, на синтаксистовъ, риторовъ, піитовъ и эстетиковъ, или обучающихся эстетикѣ, съ чтеніемъ которой должны быть соединены чтеніе и разборъ классическихъ авторовъ: по латинской словесности — Горація, Виргилія, Лукреція и другихъ, по нѣмецкой — Виланда, Гердера и другихъ, по французской — Лагарпа, Корнеля, Расина и другихъ, по русской — Ломоносова, Державина, Карамзина и другихъ. „Такое раздѣленіе", замѣчаетъ Орлай, „должно начаться, итти и окончиться постепенно, смотря по успѣхамъ учениковъ. Такъ, поелику изъ мѣсячныхъ рапортовъ профессоровъ видно, что въ 3-мъ отдѣленіи нѣкоторые хорошо знаютъ синтаксисъ, то изъ таковыхъ составить разрядъ риторовъ и такъ далѣе, что черезъ два или три года окончится само собою, и въ то же время можно будетъ уже таковые шесть разрядовъ соединить съ шестью классами двухъ первыхъ трехлѣтій, такъ что въ послѣднемъ трехлѣтіи, или академическомъ курсѣ, будутъ студенты упражняться практически въ сочиненіяхъ на всѣхъ, преподающихся въ гимназіи, языкахъ, проходя философскія науки". Такое раздѣленіе учениковъ существовало въ школахъ іезуитовъ, піаровъ, хорошо извѣстныхъ Орлаю. Впрочемъ, его не оказывается впослѣдствіи въ Нѣжинской гимназіи. Распредѣленіе же учениковъ по отдѣленіямъ для обученія языкамъ оставалось въ силѣ во все время существованія гимназіи съ энциклопедическимъ характеромъ, т.-е. до 1832 года, и эту мѣру нельзя не признать полезною и раціональною. То же явленіе, какъ извѣстно, продолжаетъ сохранять свое значеніе и до настоящей минуты: сила вещей и въ университетахъ и въ институтахъ привела къ обособленію преподаванія новыхъ языковъ отъ преподаванія факультетскихъ предметовъ въ тѣсномъ смыслѣ, а въ послѣднихъ, т.-е обоихъ институтахъ, къ образованію тѣхъ же отдѣленій, что и въ гимназіи высшихъ наукъ. Затрудненія

отъ этого обособленія, въ сущности, остаются тѣ же, хотя и не въ равной степени: на университетскихъ окончательныхъ испытаніяхъ не рѣдкость составляютъ студенты, съ отличіемъ оканчивающіе испытаніе по всѣмъ факультетскимъ предметамъ и весьма слабые даже въ одномъ, обязательномъ для нихъ, новомъ языкѣ. То же было и въ Нѣжинской гимназіи. Послабленія неизбѣжны, и вытекаютъ изъ той же силы вещей. Затрудненія постоянно озабочивали почетнаго попечителя, требовавшаго отъ воспитанниковъ вполнѣ удовлетворительнаго усвоенія обоихъ новыхъ языковъ. Въ дѣлахъ сохранилось нѣсколько его отношеній, строго запрещающихъ послабленія по испытанію въ языкахъ въ виду удовлетворительности познаній по основнымъ предметамъ.

Латинскій языкъ представлялъ едва ли не большія затрудненія, такъ какъ онъ рѣдко входилъ въ домашнее приготовленіе, а въ повѣтовыхъ училищахъ поставленъ былъ плохо по недостатку достойныхъ преподавателей, при чемъ отмѣтки по латинскому языку въ экзаменныхъ вѣдомостяхъ, обыкновенно, бывали ниже отмѣтокъ по новымъ языкамъ. Явленіе это, между прочимъ, объясняется неблагопріятнымъ взглядомъ на этотъ предметъ и въ то время. Такъ сохранились письма родителей изъ богатыхъ чиновниковъ дворянъ съ просьбой освободить ихъ дѣтей отъ обученія латинскому языку, а въ конференціи 1 декабря 1821 года доложено было предписаніе министра объ увольненіи отъ латинскаго языка вольныхъ пансіонеровъ, пажей Сергѣя и Льва Милорадовичей, сыновей тайнаго совѣтника Милорадовича; частыя же перемѣщенія дѣтей изъ гимназіи въ военно-учебныя заведенія, вѣроятно, отчасти объясняются тѣмъ же взглядомъ. Орлай, какъ отличный латинистъ, весьма серіозно и строго относился къ занятіямъ учениковъ этимъ предметомъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется строгая оцѣнка успѣховъ.

Къ тому же времени, къ первымъ годамъ по открытіи гимназіи, относится рядъ учебно-воспитательныхъ мѣръ, принятыхъ конференціей, по предложенію Орлая. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Въ видахъ возбужденія въ ученикахъ наибольшаго соревнованія какъ относительно занятій, такъ и относительно поведенія, Орлай предложилъ: 1) размѣщать учениковъ каждый мѣсяцъ въ классахъ сообразно отмѣткамъ въ профессорскихъ

вѣдомостяхъ, такъ, чтобы превосходные сидѣли по старшинству на первой скамейкѣ и такъ далѣе, каковое старшинство соблюдать и при столѣ; 2) изъ числа превосходныхъ и благонравнѣйшихъ назначать аудиторовъ, которымъ должны быть подчинены нѣсколько учениковъ, отъ которыхъ они спрашиваютъ отчета въ урокахъ; 3) превосходнѣйшіе и благонравнѣйшіе дѣлаются старшими въ комнатахъ для занятій и въ прогулкахъ; 4) чтобы старшіе или аудиторы не ослабѣвали по безпечности въ своемъ ученіи и посредственные имѣли надежду быть старшими, позволить всѣмъ ученикамъ безпрепятственно просить, посредствомъ испытанія или состязанія, о высшемъ мѣстѣ; 5) для сего завести двѣ книги: одну для награды отличныхъ, а другую, черную, для наказанія неисправляющихся — и записи, въ нихъ сдѣланныя, читать въ общей залѣ предъ всѣми учениками.

Въ то же время было принято конференціей предложеніе директора, касающееся наблюденія за занятіями воспитанниковъ и ихъ испытаній. „Такъ какъ Гимназія высшихъ наукъ", заявляетъ Орлай, „по проекту ея устава, есть непосредственно первое учебное заведеніе послѣ университетовъ и заключаетъ въ себѣ три учебныхъ трехлѣтія, въ коихъ предназначены къ преподаванію науки, положенныя для губернскихъ гимназій, а по выслушаніи оныхъ — высшія знанія, обыкновенно, преподаваемыя въ лицеяхъ, академіяхъ и университетахъ, подъ раздѣленіями на факультеты, каковыхъ, по общимъ ученымъ положеніямъ, лицеи имѣютъ одинъ, академіи два и университеты четыре, помянутая же гимназія въ послѣднемъ трехлѣтіи, хотя въ проектѣ устава ея ясно то не означено, имѣетъ два — философскій и юридическій, и такъ какъ воспитанникамъ ея, на основаніи проекта устава, по окончаніи курса наукъ, присвоиваются степени кандидатовъ или дѣйствительныхъ студентовъ, а на основаніи указа 14 февраля 1818 года предназначается полученіе классныхъ чиновъ отъ 14-го до 10-го включительно, равно, по проекту устава, освобожденіе отъ экзаменовъ при производствѣ въ высшіе чины: то, дабы каждый воспитанникъ, по окончаніи курса наукъ въ гимназіи, удостоиваемъ былъ какъ аттестацій и степени кандидата или студента, такъ и назначенія въ которой-либо изъ классныхъ чиновъ справедливымъ образомъ, для достиженія сего вѣрнѣйшимъ средствомъ можетъ служить слѣдующее распоря-

женіе: 1) каждый профессоръ и учитель долженъ вести ежедневную записку объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и подавать ежемѣсячную о томъ вѣдомость, означая успѣхи и поведеніе „вмѣсто похвалъ“ цифрами, а по окончаніи года, предъ испытаніями, годовую съ общей классификаціей учениковъ; 2) по окончаніи каждаго учебнаго года, дѣлать во всѣхъ классахъ, до публичнаго испытанія строгое испытаніе частное въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и учителей подъ предсѣдательствомъ директора; 3) по окончаніи частнаго испытанія, производить публичное, „о чемъ нарочитыми программами обвѣщаются какъ всѣ сословія изъ жителей города, такъ особенно родители питомцевъ“; 4) частное годичное испытаніе производится по билетамъ, въ видѣ краткихъ предложеній, при чемъ билеты влагаются въ закрытое мѣсто и двое воспитанниковъ вынимаютъ изъ онаго по два предложенія, одинъ отвѣчаетъ, а другой обдумываетъ и приготовляется къ отвѣту; при семъ замѣчается, если воспитанникъ на оба предложенія отвѣчалъ удовлетворительно, то считать его превосходнымъ, въ 1-мъ разрядѣ, если медленно и съ ошибками — во 2-мъ, если отвѣчалъ только на одно предложеніе, въ 3-мъ, и если не отвѣчалъ вовсе — въ 4-мъ, при чемъ однако должно брать въ уваженіе и различную трудность вопросовъ; 5) публичное испытаніе, во избѣжаніе весьма продолжительнаго времени, располагается съ нѣкоторою удобностью изъ однихъ главныхъ пунктовъ каждой науки или изъ положеній всеобщаго ея обозрѣнія, по предложеніямъ профессора или учителя; равно назначаются чтенія собственныхъ сочиненій воспитанниковъ какъ по словесности россійской и другихъ языковъ, такъ и по прочимъ наукамъ изъ матерій, наиболѣе занимательныхъ; при семъ дозволяется посѣтителямъ отъ себя предлагать вопросы, которому пожелаютъ воспитаннику, только сообразные съ положеніями програмы. Впрочемъ, если, по случаю, воспитанникъ будетъ или останавливаться, или ошибаться, то изъ всѣхъ прочихъ знающихъ предоставляется свобода вставать съ своего мѣста въ знакъ желанія ихъ отвѣчать на предложенный вопросъ — и тогда который-нибудь изъ нихъ къ тому назначается; 6) по окончаніи публичнаго испытанія, воспитанники двухъ первыхъ разрядовъ переводятся въ слѣдующіе классы съ публичною и каждымъ заслуженною похвалою, которая въ спискѣ противъ имени ихъ отмѣчается;

третьяго разряда ученики также съ оными переводятся, но не считаются съ оными равными, „и единственно изъ уваженія къ той надеждѣ, что они въ новый учебный годъ могутъ сколько-нибудь сблизиться съ первыми и о семъ тщательно постараются, если самыя ихъ дарованія, имѣя свой естественный ходъ къ разверзанію, какимъ-либо особымъ естественнымъ своимъ раскрытіемъ къ тому будутъ способствовать, или и по случаямъ благодати“; четвертаго же разряда воспитанники остаются еще на годъ въ прежнемъ классѣ...

Благодаря такой заботливости директора объ устройствѣ ввѣреннаго ему заведенія, уваженію и довѣрію, которыми онъ пользовался и, конечно, тому обстоятельству, что Нѣжинская гимназія на огромномъ пространствѣ была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ и притомъ съ интернатомъ, представлявшимъ столько удобствъ окрестному дворянству для помѣщенія своихъ дѣтей и родственниковъ, число учениковъ начало быстро возрастать и къ концу пятилѣтняго управленія Орлая гимназіей достигло до 250.

Такое быстрое возрастаніе числа учениковъ, естественно, должно было производить значительныя затрудненія въ ходѣ учебнаго дѣла, а потому оно не замедлило обратить на себя вниманіе высшаго начальства. Министръ, въ началѣ 1827 года, въ особомъ отношеніи на имя почетнаго попечителя гимназіи, выразилъ убѣжденіе, что „для лучшаго успѣха воспитанниковъ какъ въ наукахъ, такъ и въ языкахъ, нужно положить преграду чрезмѣрному увеличенію числа учениковъ, какъ въ классахъ наукъ, такъ и въ отдѣленіяхъ языковъ“. Вслѣдствіе того, почетный попечитель предложилъ конференціи къ исполненію слѣдующую мѣру: въ тѣхъ классахъ по наукамъ, или отдѣленіямъ по языкамъ, въ которыхъ число учащихся достигнетъ 60, остановить пріемъ вольно-приходящихъ и принимать послѣднихъ только въ тѣ классы и отдѣленія, въ которыхъ число учениковъ менѣе 60. Мѣра эта, однако, не распространялась на пріемъ пансіонеровъ.

Пансіонеры всѣхъ наименованій, помѣщавшіеся въ самомъ зданіи гимназіи, разумѣется, обращали на себя особенное вниманіе начальства. Непосредственный надзоръ за ихъ поведеніемъ принадлежалъ дежурнымъ надзирателямъ, число которыхъ, съ увеличеніемъ числа пансіонеровъ, съ двухъ, положенныхъ по штату, увеличилось до пяти, а впослѣдствіи,

съ 30 марта 1822 года, кромѣ того, инспектору, не получавшему, впрочемъ, зато никакого вознагражденія. Инспекторъ и дежурные надзиратели, по предписанію Орлая, должны были представлять ему ежемѣсячныя вѣдомости съ отмѣтками о поведеніи пансіонеровъ.

Въ своихъ помѣщеніяхъ пансіонеры распредѣлялись по отдѣленіямъ, которыя назывались *музеями*. Число музеевъ первоначально, повидимому, соотвѣтствовало числу отдѣленій и затѣмъ — классовъ. Съ открытіемъ же высшихъ классовъ, по предложенію Орлая, число музеевъ было ограничено тремя, по числу трехлѣтій: въ первомъ находились пансіонеры трехъ низшихъ классовъ, съ надзирателями Зельдперомъ и Аманомъ, во второмъ — пансіонеры только двухъ классовъ, 4-го и 5-го, какъ болѣе многолюдныхъ, съ надзирателями Павловымъ и Филибертомъ, и въ третьемъ — пансіонеры 6-го, 7-го и 8-го классовъ (9-й классъ былъ открытъ только въ 1825 году), съ надзирателями Аманомъ и Періономъ. Цѣль этого распредѣленія воспитанниковъ по музеямъ, какъ она выражена въ предложеніи Орлая, состояла въ предоставленіи надзирателямъ болѣе удобства слѣдить какъ за ихъ поведеніемъ, такъ и за приготовленіемъ къ классамъ, а равно и за практикою въ новыхъ языкахъ. Пансіонеровъ каждаго музея Орлай предлагалъ, кромѣ того, раздѣлить по жребію на двѣ части для того, чтобы каждый надзиратель наблюдалъ за воспитанниками, доставшимися ему по жребію, въ разсужденіи учебныхъ пособій, бѣлья, одежды, обуви и чистоты тѣла.

Время пансіоперовъ распредѣлено было весьма точно и подробно особыми правилами, составленными Орлаемъ и утвержденными конференціей. По этимъ правиламъ они должны были вставать въ $5^1/_2$ часовъ „и привѣтствовать гувернера"; въ $6^1/_2$ часовъ являться на утреннюю молитву и затѣмъ на чай; полчаса предъ классными занятіями посвящалось чтенію „Новаго Завѣта"; до-обѣденные уроки продолжались отъ 9 до 12 часовъ, включительно; затѣмъ $^1/_4$ часа, передъ обѣдомъ, назначалась „для движенія"; затѣмъ обѣдъ до часу; 2-й часъ назначался „для свободнаго приготовленія къ классамъ, безъ обремененія вольности отдохновенія"; 3-й и 4-й часы — на классныя занятія; 5-й — въ свободное отдохновеніе; 5—$5^1/_2$ чай; $5^1/_2$—$6^1/_2$ — на повтореніе уроковъ; затѣмъ полчаса — „для пріятнѣйшаго и благородно шут-

ливаго препровожденія времени, на чтеніе Лафонтеновыхъ басенъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, съ помощью изъясненій словъ и выраженій гувернеромъ"; $^1/_4$ часа на приготовленіе классныхъ принадлежностей къ слѣдующему дню; $^1/_4$ часа — на движеніе передъ ужиномъ; $7^1/_2$ — 8 часовъ — ужинъ; $^1/_4$ часа — на движеніе послѣ ужина; $8^1/_4$ — $8^3/_4$ — на повтореніе уроковъ; $8^3/_4$ — 9 — вечерняя молитва, послѣ которой пансіонеры „отходятъ къ постелямъ для раздѣванія и положенія себя въ оныхъ"; 9 — $5^1/_2$ — для сна. Въ свободное отъ занятій время воспитанникъ, по желанію, могъ отправиться, „въ сопровожденіи надежнаго человѣка изъ прислуги", къ профессору или учителю для вразумленія въ мѣстахъ, темно имъ понимаемыхъ. Въ воскресные и праздничные дни, по полученіи отпуска отъ инспектора, пансіонеры могли отправляться къ родителямъ, родственникамъ или знакомымъ, съ надежнымъ проводникомъ отъ послѣднихъ. Дисциплинарныя мѣры: совѣтъ надзирателя, выговоръ „съ кроткимъ увѣщаніемъ", наказаніе по усмотрѣнію инспектора; внесеніе въ черную книгу; „если же кто и послѣ упомянутыхъ наказаній не исправляется и дѣлаетъ грубости, будучи замѣченъ въ томъ многократно, таковой инспекторомъ, по усмотрѣнію, *наказывается больше;* о имени же того воспитанника инспекторъ доноситъ директору". Для внесенія именъ благонравныхъ воспитанниковъ, „для вознагражденія ихъ за хорошее поведеніе", заведена была „бѣлая книга".

Если и почетный попечитель и директоръ обращали особенное вниманіе на обученіе новымъ языкамъ вообще, то они были еще болѣе озабочены успѣхами пансіонеровъ въ этихъ языкахъ и при томъ въ практическомъ ихъ употребленіи. Съ цѣлью облегчить и ускорить усвоеніе новыхъ языковъ путемъ практическимъ, назначались въ надзиратели къ пансіонерамъ иностранцы, французъ и нѣмецъ, которые должны были постоянно говорить съ ними на иностранныхъ языкахъ. Съ этою же цѣлью Орлай, въ конференціи 1 ноября 1821 года, предложилъ раздѣлить воспитанниковъ каждаго музея на три разряда: на хорошо объясняющихся на новыхъ языкахъ, средственно и, наконецъ, мало или ничего не знающихъ. Объ успѣхахъ ихъ надзиратели должны доносить инспектору, а послѣдній - директору. По истеченіи каждаго полугодія, назначались испытанія по новымъ языкамъ въ присутствіи

директора и всѣхъ чиновниковъ пансіона гимназіи. По этимъ испытаніямъ директоръ предоставлялъ себѣ отличать ревностнѣйшихъ надзирателей. Почетный попечитель часто обращался къ директору съ особыми отношеніями о непрерывномъ наблюденіи за неуклоннымъ исполненіемъ надзирателями этой обязанности. Напоминанія были, впрочемъ, излишни, такъ какъ Орлай и по собственнымъ убѣжденіямъ относился къ этой обязанности надзирателей даже съ избыткомъ усердія и ревности — и почетному попечителю приходилось не разъ умѣрять порывы этой ревности. Такъ, когда Орлай просилъ о замѣнѣ русскаго надзирателя, Павлова, иностранцемъ, почетный попечитель отвѣчалъ: „находя мнѣніе ваше весьма справедливымъ, что нужно имѣть въ гимназіи гувернерами иностранцевъ для лучшаго обученія воспитанниковъ иностраннымъ языкамъ, нужнымъ почитаю замѣтить, что столь же необходимо обратить вниманіе на правильное и чистое употребленіе отечественнаго языка, наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произношеніе и выговоръ имѣютъ ощутительную разность; посему полагаю, что можно съ пользою для питомцевъ гимназіи оставить г. Павлова въ надзирательской должности“. Спустя недѣлю по вступленіи на должность, 8 ноября 1821 года, Орлай, заявивъ конференціи о необходимости, „чтобы надзиратели во время дежурства не говорили иными языками, какъ иностранными“, въ то же время указалъ на необходимость, „чтобы даже служители, всегда окружающіе пансіонеровъ, какъ-то: буфетчикъ и лакеи, знали какой-либо изъ иностранныхъ языковъ“, то есть французскій или нѣмецкій. Не рѣшившись самъ привести въ исполненіе послѣднюю мѣру, онъ обратился за разрѣшеніемъ къ почетному попечителю, и получилъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „что касается до служителей, то не могу вамъ не замѣтить, что, во-первыхъ, выборъ въ оные иностранцевъ сопряженъ съ большими трудностями и даже, можетъ-быть, съ излишними расходами; во-вторыхъ, питомцы гимназіи не должны никогда оставаться безъ надзирателя и какъ можно менѣе имѣть сношенія съ служителями вообще. Несмотря на сіе, если найдутся нѣкоторые французы или нѣмцы, коихъ съ удобностью нанимать въ служители гимназіи, то можете ихъ принимать“. Съ тою же цѣлью усилить знаніе новыхъ языковъ, почетный попечитель требовалъ, чтобы „профессоры словесностей, по

крайней мѣрѣ, въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ отдѣленіяхъ, преподавали на иностранныхъ языкахъ". Въ приведенныхъ выше „правилахъ распредѣленія времени воспитанниковъ пансіона" съ величайшею заботливостью преслѣдуется та же цѣль: вставши въ $5^1/_2$ часовъ, пансіонеры привѣтствуютъ гувернера и „разговариваютъ на языкѣ французскомъ, если гувернеръ въ дежурствѣ французъ, или на нѣмецкомъ, если нѣмецъ"; вторые полчаса шестого „употребляютъ на одѣваніе и омовеніе, при чемъ разговариваютъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ", и такъ далѣе.

По ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ инспектора и надзирателей *о поведеніи* пансіонеровъ можно заключить, что бывали выдающіеся случаи уклоненія отъ установленнаго порядка лѣности, непослушанія и прочее. Приведу, для примѣра, хотя одно указаніе, въ которомъ довольно видное мѣсто занимаетъ Гоголь. Въ вѣдомостяхъ за февраль 1824 года записано: „многіе изъ учениковъ, особливо перваго и второго отдѣленія (по языкамъ), отмѣченные въ спискахъ единицею, или ничѣмъ, не успѣли и не успѣваютъ, потому что приходятъ въ классъ неготовыми и неисправными, то-есть безъ учебныхъ пособій, безъ упражненій и безъ знанія заданныхъ уроковъ. Отмѣтку за поведеніе получили по единицѣ: Яновскій — за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновеніе, Левъ Милорадовичъ — за совершенное неповиновеніе и дерзость, Кобеляцкій — за отлично-худую нравственность, которую скрытнымъ образомъ переливать старается своимъ товарищамъ, пріобрѣтая ихъ на свою сторону разными скрытными и непозволительными средствами". Директоръ приказалъ записать въ журналъ конференціи и объявить о томъ пансіонерамъ, а вольноприходящимъ подтвердить, что, если не исправятся, будутъ исключены изъ гимназіи по годичномъ испытаніи, и такъ далѣе. Впрочемъ, такія замѣчанія попадаются довольно рѣдко, если принять во вниманіе общее число учениковъ. Вообще же, повидимому, поведеніе пансіонеровъ при Орлаѣ не отличалось злокачественнымъ характеромъ, а потому и не часто вызывало начальство на особенно сильныя дисциплинарныя мѣры. Такъ Гоголь, отмѣченный въ февралѣ за поведеніе единицей, въ мартѣ велъ себя „отлично-хорошо". По всему видно, что Орлай съ большимъ тактомъ, какъ истый педагогъ, относился къ воспи-

тательному дѣлу, что воспитанники относились къ нему съ уваженіемъ, довѣріемъ и расположеніемъ, которыя, какъ извѣстно, всегда обезпечиваютъ нормальный порядокъ въ интернатѣ — и мы готовы вѣрить относящимся сюда разсказамъ Кукольника, вообще не чуждымъ гиперболизма.

Трудную задачу для Орлая составляло образованіе состава преподавателей. И университеты въ то время, какъ извѣстно, крайне нуждались въ достойныхъ преподавателяхъ: что же могло привлечь послѣднихъ въ Нѣжинъ, гдѣ они должны были встрѣтить неодолимыя затрудненія даже въ средствахъ для собственныхъ занятій? Требовались большія усилія; но и они не всегда достигали цѣли, тѣмъ болѣе, что въ наибольшей части случаевъ не было никакой возможности личнаго удостовѣренія въ дарованіяхъ и познаніяхъ, приходилось полагаться на рекомендаціи.

Какъ серіозно смотрѣлъ Орлай на выборъ преподавателей, видно изъ слѣдующаго мнѣнія его, записаннаго въ журналѣ конференціи 30 іюня 1822 года, по поводу предложенія почетнаго попечителя на должность младшаго профессора россійской словесности Рашкова: „желательно", пишетъ Орлай, „чтобы всѣ, имѣющіе вступить на поприще наставниковъ гимназіи высшихъ наукъ, имѣли: 1) достовѣрныя, за подписаніемъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, подъ которыми они учились, свидѣтельства о пройденныхъ ими съ похвалою не только предуготовительныхъ гимназическихъ наукъ, но и академическихъ, чего у Рашкова не видно; 2) чтобы они возведены были на университетское достоинство или кандидата, или магиста, или доктора, которыя степени еще со временъ Карла Великаго учреждены для того, чтобы пріобрѣсть хорошихъ наставниковъ, для чего и въ дипломахъ, возведеннымъ въ таковыя достоинства выдаваемыхъ, помѣщается право преподавать науки въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ университетахъ, академіяхъ и лицеяхъ; 3) чтобы тѣ, кои хотятъ быть профессорами, извѣстны были высшему начальству по долговременной ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ службѣ, способностью своею и усердіемъ въ наставленіи юношества и притомъ имѣли бы столько другихъ учебныхъ познаній, чтобы, въ случаѣ отлучки или болѣзни кого-либо изъ профессоровъ, могли на время занимать его мѣсто". Требованія эти, особенно для того времени,

конечно, могутъ показаться идеальными — и Орлаю самому на опытѣ приходилось спускаться съ ихъ высоты; но онѣ важны по выраженію взгляда, которымъ онъ руководился въ практическомъ рѣшеніи вопроса о выборѣ лицъ на преподавательскія должности въ гимназію.

Орлай нашелъ въ Нѣжинѣ, кромѣ законоучителя, слѣдующихъ преподавателей, приглашенныхъ предшественникомъ: Шаяпкевича — латинской словесности, выбывшаго, спустя пять мѣсяцевъ, въ Кіевскую гимназію, Никольскаго — россійской словесности, Шапалинскаго — математики и физики, Моисеева — исторіи, географіи и статистики, Амана — учителя французскаго языка и надзирателя Зельднера.

По выбору и ходатайству Орлая, опредѣлены въ гимназію слѣдующіе преподаватели: Билевичъ — нѣмецкой словесности и политическихъ наукъ, Андрущенко — латинской словесности, Ландражинъ — французской словесности, Іеронесъ — греческой словесности, Зингеръ — нѣмецкой словесности, Урсо военныхъ наукъ, Бѣлоусовъ — юридическихъ наукъ, Соловьевъ — естественныхъ наукъ. Для низшихъ классовъ были опредѣлены учителями слѣдующія лица: Лопушевскій — ариометики, Самойленко — географіи, Персидскій — русскаго языка, Кулжинскій — латинскаго языка, надзиратели: Аманъ, Боаргардъ, впослѣдствіи учитель французскаго языка, и Филибертъ.

Лавровскій.

Преобразованіе гимназіи въ лицей князя Безбородка.

По отъѣздѣ Орлая, оставшаяся вакантной должность директора гимназіи высшихъ наукъ была замѣщена не сразу: 28 октября 1826 года временное управленіе гимназей было поручено начальствомъ профессору К. В. Шапалинскому, и хотя 25 января 1827 года состоялось назначеніе директоромъ гимназіи Д. Е. Ясновскаго, но послѣдній, проживая въ Черниговѣ, фактически вступилъ въ должность лишь 6 октября 1828 г., и такимъ образомъ временное управленіе гимназею Шапалинскимъ продолжалось, въ дѣйствительности, около года.

Уходъ Орлая, сдерживавшаго своимъ личнымъ авторитетомъ и опытностью неумѣренное проявленіе тѣхъ послѣдствій, какія могло повести за собою его весьма либеральное отношеніе

какъ къ профессорской корпораціи, такъ и къ воспитанникамъ, не замедлилъ сдѣлаться причиною нѣкоторыхъ событій въ гимназіи, нарушившихъ спокойное теченіе ея жизни.

Несмотря на свои почтенныя умственныя и нравственныя качества, Шапалинскій, въ силу своего временнаго положенія во главѣ гимназіи, конечно, не могъ предпринять ничего существеннаго въ пользу этого учебнаго заведенія, ограничиваясь лишь сохраненіемъ, по-возможности, того порядка вещей, который сложился при Орлаѣ.

Новый директоръ прибылъ въ Нѣжинъ и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей 6 октября 1828 года. Данило Емельновичъ Ясновскій (род. между 1767—1769 г.), проведшій до директорства въ Нѣжинѣ свою службу то въ канцеляріи у графа Румянцева-Задунайскаго, то въ управленіи имѣніями его сына графа Сергѣя Петровича, то въ должности генеральнаго судьи и предсѣдателя уголовной палаты въ Черниговѣ, нисколько не былъ подготовленъ къ своей трудной обязанности руководителя-педагога, и явился въ этомъ отношеніи далеко не вровень двумъ своимъ заслуженнымъ предшественникамъ, В. Г. Кукольнику и И. С. Орлаю. Тогда какъ для этихъ послѣднихъ директорство вполнѣ естественно вытекало изъ ихъ характера и подготовки, для Ясновскаго оно явилось случайной ступенью на служебной лѣстницѣ. Хотя И. Г. Кулжинскій очень горячо отзывается о научныхъ познаніяхъ и образованности Ясновскаго, но мы не находимъ оправданія этого мнѣнія въ дѣйствіяхъ его, какъ директора: быть можетъ, качества эти выказывалъ онъ только въ однихъ частныхъ отношеніяхъ. Сколько можно судить по журналамъ конференціи гимназіи, въ засѣданіяхъ ея при Ясновскомъ не было поднято для обсужденія ни одного капитальнаго въ учебно-педагогическомъ отношеніи вопроса; напротивъ, члены конференціи много занимались препирательствами совершенно формальнаго характера.

Такъ объясняла преобразованіе гимназіи высшихъ наукъ въ лицей офиціальная историческая записка, читанная на торжественномъ актѣ лицея 18 іюня 1855 года: „Воспитанники гимназіи высшихъ наукъ могли получить въ ней образованіе довольно многостороннее, но зато энциклопедическое только. Въ послѣднемъ изъ рядовъ гимназическаго курса, который долженъ быть дать обучавшимся въ гимназіи высшее

образованіе, въ теченіе трехъ лѣтъ излагались: законъ Божій, россійская словесность, философія, науки историческія, науки математическія и физическія, науки политическія, науки военныя и, сверхъ того, языки: греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій и ихъ словесность. Въ три года такое множество предметовъ, преподаваніе коихъ притомъ было раздѣлено сравнительно между немногими, именно восемью профессорами, имѣвшими обязанность, сверхъ высшаго разряда, преподавать также въ разрядѣ среднемъ, могло натурально быть проходимо только въ общихъ чертахъ, а не въ такой глубинѣ, въ какой науки должны быть излагаемы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью поставить своихъ слушателей вполнѣ въ уровень съ современнымъ состояніемъ тѣхъ наукъ, которыя въ нихъ читаются. Къ этому недостатку устройства гимназіи высшихъ наукъ присоединился еще другой. Въ высшемъ трехлѣтіи ея курса проходились предметы самые разнородные. Между тѣмъ, по общему правилу, каждый изъ людей, занимающихся науками, имѣетъ способности и чувствуетъ, сообразно съ этимъ, склонность къ одному какому-нибудь разряду наукъ. Только этотъ разрядъ онъ въ состояніи изучать основательно, только въ этомъ разрядѣ онъ можетъ сдѣлаться со временемъ производительнымъ дѣятелемъ. Исключенія изъ сего правила очень рѣдки. Въ гимназіи высшихъ наукъ воспитанникъ не могъ слѣдовать влеченію своихъ дарованій — своему призванію. Онъ долженъ былъ заниматься многими предметами, которые ему были не по нутру, и такимъ образомъ, съ одной стороны, дѣлать себѣ духовное насиліе, а съ другой стороны — видѣть себя въ любимыхъ наукахъ успѣвающимъ менѣе, чѣмъ сколько онъ могъ бы въ нихъ успѣть, если бы занимался ими исключительно и не раздѣлялъ своего времени и своихъ трудовъ между ими и другими предметами".

Говоря о лицахъ, руководившихъ гимназіей или вообще трудившихся надъ выполненіемъ ея учебно-воспитательныхъ цѣлей за весь періодъ недолгаго ея существованія, нельзя умолчать и о ея почетномъ попечителѣ. Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко не только, какъ мы видѣли, положилъ много труда и хлопотъ на гимназію до ея открытія, но и послѣ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ ея жизни; на свои обязанности попечителя смотрѣлъ онъ очень широко

и серіозно. Между администраціей гимназіи и имъ существовала постоянная и дѣятельная переписка по многимъ, часто очень мелкимъ вопросамъ, какъ учебно-воспитательнаго, такъ и хозяйственнаго характера. Даже уѣзжая за границу, онъ требовалъ доставлять себѣ свѣдѣнія о гимназіи въ извѣстные сроки. Ни одно важное дѣло въ гимназіи не получало движенія или осуществленія безъ вѣдома почетнаго попечителя, при чемъ онъ никогда не упускалъ важности подать въ такихъ случаяхъ добрый совѣтъ или оказать содѣйствіе своимъ вліяніемъ, всегда обнаруживая величайшую внимательность къ жизни гимназіи. На нѣкоторыя торжества и публичныя испытанія учениковъ онъ пріѣзжалъ въ Нѣжинъ самъ, иногда производилъ общую ревизію, всячески стараясь вникать въ дѣло и изыскивать средства для улучшенія. Словомъ, гимназія чрезвычайно многимъ была обязана графу А. Г. Кушелеву-Безбородку, и его авторитетное имя, какъ покровителя гимназіи, безъ сомнѣнія, играло немалую роль въ томъ довѣріи, которое гимназія высшихъ наукъ князя Безбородка быстро пріобрѣла и все время удерживала среди мѣстнаго малороссійскаго общества. *Пѣтуховъ.*

Школьная жизнь Гоголя.

Съ мая 1821 г. по іюнь 1828 Гоголь былъ ученикомъ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Къ сожалѣнію, школьная жизнь его почти совсѣмъ не отражается въ письмахъ къ родителямъ.

Кромѣ писемъ къ матери, при изученіи школьнаго періода жизни Гоголя, мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, напр., отзывамъ о Гоголѣ отрокѣ его школьныхъ товарищей и наставниковъ и нѣкоторымъ офиціальнымъ даннымъ.

Въ ряду источниковъ первымъ по времени документомъ является прошеніе отца Гоголя о принятіи сына въ число воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи въ письмѣ, адресованномъ къ директору Кукольнику (отцу извѣстнаго писателя). Письмо это не достигло цѣли: оно было получено уже по смерти Кукольника, и отцу Гоголя пришлось вторично обратиться къ начальству гимназіи съ тою же просьбой, на которую уже послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Гоголь былъ

помѣщенъ въ число своекоштныхъ пансіонеровъ, а черезъ годъ устроенъ на казенный счетъ, такъ какъ родители были не въ силахъ платить ежегодно тысячу рублей за его образованіе. Поступленіе его въ самомъ концѣ учебнаго года не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что Нѣжинская гимназія въ то время только начала свое существованіе и еще не получила правильной организаціи. Созданная наскоро и открытая лишь за полгода до поступленія Гоголя, она нуждалась даже въ учебномъ персоналѣ и была не богата воспитанниками; ей предстояло еще устройство почти всѣхъ частей школьнаго обихода. Въ это-то время черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ, въ качествѣ хорошаго знакомаго, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи и совѣтовалъ ему отдать сына въ находящійся при ней пансіонъ. Подготовка мальчика оказалась крайне не блестящая: на пріемномъ испытаніи онъ обнаружилъ удовлетворительныя познанія единственно въ законѣ Божіемъ. Поступленіе его при такихъ условіяхъ объясняется, конечно, только исключительнымъ положеніемъ только что возникшаго учебнаго заведенія, хотя Гоголь и попалъ даже въ среднее отдѣленіе изъ трехъ, на которыя были раздѣлены по званіямъ вновь принятые воспитанники.

За первый годъ жизни Гоголя въ Нѣжинѣ письма его становятся нѣсколько больше по объему, но остаются попрежнему однообразными и дѣтскими по содержанію. Въ нихъ мы все еще не находимъ пока почти ничего, кромѣ сообщеній о состояніи своего здоровья и о своихъ нуждахъ. Существенную разницу съ письмами предшествующей поры можно видѣть только въ томъ, что съ болѣе зрѣлымъ сравнительно возрастомъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ Гоголю приходится испытывать и больше заботъ и затрудненій, нежели въ Полтавѣ. Въ новой обстановкѣ Гоголю было уже не такъ привольно, какъ прежде: въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ, очевидно, только что по возвращеніи послѣ вакаціи, онъ уже жалуется на тоску о родителяхъ и проситъ, чтобы они побывали у него въ томъ же мѣсяцѣ; говоритъ о боляхъ въ груди. Разлука съ родителями на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, и съ меньшею надеждою на близкое свиданіе, послѣ полугодовой жизни въ семьѣ, большая отдаленность отъ нея, отсутствіе людей,

кромѣ отпущеннаго съ нимъ дядьки (сближеніе съ другими названными ниже лицами могло произойти только по прошествіи нѣкотораго времени), наконецъ, еще не успокоившееся, не улегшееся чувство нѣкоторой осиротѣлости, одиночества по смерти любимаго брата, раздѣлявшаго съ нимъ въ Полтавѣ тоску разлуки съ домашними, — все это должно было производить самое тяжелое, удручающее дѣйствіе на мальчика. Онъ не спитъ, неутѣшно плачетъ, находя нѣкоторое облегченіе въ своемъ горѣ только въ участіи преданнаго дядьки, просиживающаго надъ его постелью цѣлыя ночи, наконецъ, онъ, что̀ такъ естественно въ его возрастѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства разлуки и одиночества въ совершенно новой и чуждой пока сферѣ, преувеличиваетъ значеніе ощущаемой имъ физической боли. Все это представляетъ явленія очень обыкновенныя въ дѣтскомъ возрастѣ при подобныхъ случаяхъ, какъ и то, что настроеніе Гоголя, какъ и всякаго ребенка его лѣтъ, обыкновенно, перемѣнялось слишкомъ быстро. Сравнимъ для подтвержденія сказаннаго письма его отъ 13 и 14 августа 1821 г.: въ первомъ высказывается радость и спокойное, свѣтлое состояніе духа; второе проникнуто уже наивнымъ дѣтскимъ отчаяніемъ. Дѣло было въ томъ, что, получивъ отъ родителей обѣщаніе пріѣхать къ нему только въ октябрѣ, между тѣмъ какъ онъ прежде расчитывалъ на болѣе скорое свиданіе, Гоголь еще сильнѣе поддался охватившей было его по возвращеніи изъ дому грусти, и теперь она совершенно вытѣсняетъ на короткое время свойственную дѣтскому возрасту безпечность и способность легко забывать непріятныя впечатлѣнія, и вотъ результатомъ такого тяжелаго настроенія является жалобное письмо, повидимому, очень напугавшее родителей. Было, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ встревожиться; свое состояніе Гоголь описываетъ въ яркихъ краскахъ: „Весьма опечалился я, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, если бы вы пріѣхали какъ можно поскорѣе и узнали бы *объ участи* своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь — напротивъ того. О, если бы, дражайшіе родители, вы пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день *слезы рѣкой льются,* и самъ не знаю, отчего, и особливо, когда вспомню объ васъ, *то*

градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать". Слѣдующее письмо, заключавшее въ себѣ извиненія и оправданія Гоголя, даетъ основаніе предположить, что на свои жалобы онъ получилъ въ отвѣтъ увѣщанія и усовѣщиванія. Здѣсь онъ старается загладить свой необдуманный поступокъ, утверждая, что у него, дѣйствительно, очень болѣла грудь съ другого же дня по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, но что теперь (т.-е. когда онъ писалъ) онъ совершенъ здоровъ и веселъ. Между тѣмъ наканунѣ тревожнаго письма онъ говорилъ, что былъ здоровъ; онъ писалъ въ первый разъ не въ день пріѣзда въ Нѣжинъ, а уже по полученіи извѣстій изъ дому („освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ..."). Все это отзывается еще ребячествомъ, какъ и приписка къ письму 14 августа въ постскриптумѣ о томъ, что учениковъ еще не собралось и половины, заключающая въ себѣ какъ бы намекъ на то, что онъ слишкомъ рано привезенъ, что можно было бы побыть еще нѣсколько времени дома.

Но мало-по-малу Гоголь привыкъ, конечно, къ своему новому мѣсту воспитанія и достаточно освоился съ жизнью въ немъ: по крайней мѣрѣ, жалобы его прекращаются, и въ самой перепискѣ замѣчается довольно продолжительный, именно мѣсячный перерывъ, — вѣрный признакъ нѣкотораго успокоенія.

Уже вскорѣ по вступленіи въ школу Гоголь могъ чувствовать себя въ ней не совсѣмъ одинокимъ: въ числѣ товарищей онъ встрѣтилъ дѣтей короткихъ знакомыхъ отца, впослѣдствіи своихъ постоянныхъ спутниковъ въ поѣздкахъ домой на каникулы. (Это были Барановъ и А. С. Данилевскій, оставшійся другомъ Гоголя въ продолженіе всей жизни.) Сверхъ того, при мальчикѣ находился еще дядька, котораго отецъ Гоголя получилъ позволеніе держать при пансіонѣ въ качествѣ служителя безплатно. Постоянная близость любимаго и преданнаго дядьки была большимъ утѣшеніемъ для ребенка въ разлукѣ его съ родителями, особенно на первое время. Заботливые родители, безкорыстно предлагая услуги своего двороваго человѣка, должны были имѣть въ виду именно этотъ уходъ за сыномъ и возможное облегченіе для ребенка

времени первоначальнаго ознакомленія и постепеннаго освоенія съ неизвѣстнымъ ему школьнымъ міромъ.

Вскорѣ и въ числѣ воспитателей Гоголя нашлись также люди, расположенные къ нему и отчасти бывшіе въ короткихъ отношеніяхъ съ его родителями. Самъ глава заведенія, Иванъ Семеновичъ Орлай, познакомился и сошелся съ семействомъ отца Гоголя въ Кибинцахъ у Трощинскаго, еще до назначенія своего въ Нѣжинъ. Степень близости отношеній Орлая къ Гоголю можетъ быть опредѣлена по характеру упоминаній о немъ въ письмахъ (изъ которыхъ ясно, что онъ считался хорошимъ знакомымъ дома) и, главнымъ образомъ, по той заботливости и особенному участію, которое онъ принималъ въ частныхъ дѣлахъ своего питомца, приказывая ему, напр., чаще писать къ матери и проч.

Такова была внѣшняя обстановка Гоголя въ заведеніи.

Обычное однообразіе школьной жизни прерывалось только театромъ въ стѣнахъ заведенія и поѣздками домой на каникулы.

Заботы Гоголя о гимназическомъ театрѣ и постановкѣ на сцену новыхъ пьесъ начались уже на второй годъ пребыванія его въ Нѣжинѣ. Ему, безспорно, принадлежала иниціатива дѣла, съ которымъ изъ его товарищей врядъ ли кто и былъ знакомъ. Театръ, какъ видно, поглощалъ все вниманіе Гоголя: онъ заботится о немъ и съ радостью сообщаетъ объ удачахъ, при чемъ сила увлеченія видна уже изъ умѣнія организовать дѣло и изъ самой иниціативы въ такомъ раннемъ возрастѣ. И дома Гоголь также хочетъ непремѣнно играть. „Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я хорошо ее сыграю“. Со словъ одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя, извѣстно, что любовью къ театру и ко всему изящному Гоголь отличался въ школѣ и выдавался въ этомъ отношеніи между товарищами. Очевидно, что это была страсть, а не мгновенная вспышка обыкновеннаго ребенка.

Любовь къ изящному, развившаяся въ ребенкѣ въ періодъ жизни въ домашнемъ кругу, вообще замѣтно проявилась во время его пребыванія въ школѣ. Не слишкомъ прилежный ученикъ, мало оказывавшій успѣховъ въ обязательныхъ предметахъ обученія, Гоголь съ явной охотой принимается за пе-

обязательные, т.-е. искусства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія учиться музыкѣ и танцамъ, повторяетъ о своемъ желаніи въ нѣсколькихъ письмахъ сряду, проситъ прислать скрипку и смычокъ и т.п., высказываетъ охоту учиться танцовать, и самъ спѣшитъ записаться въ число занимающихся этими искусствами, еще не будучи окончательно увѣренъ въ согласіи на то родителей. „Я уже подписался хотѣвшимъ (т.-е. желающимъ) учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно“. Не получивъ отвѣта изъ дому, онъ уже рѣшается, несмотря на внѣшнюю робкую почтительность, заблаговременно заявить свое желаніе, очевидно, въ полномъ расчетѣ на разрѣшеніе. Вѣроятнѣе всего, что и родители относились поощрительно къ такому проявленію въ мальчикѣ эстетическихъ наклонностей: при несомнѣнной все-таки ограниченности ихъ средствъ, такъ явно обнаружившейся въ перепискѣ, особенно еще въ самыхъ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Нѣжина, въ которыхъ ему приходилось по нѣскольку разъ сряду просить у родителей объ одномъ и томъ же, о присылкѣ денегъ или о покупкѣ нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ, — они не отказывали ему въ концѣ концовъ въ просьбахъ и находили возможнымъ уплатить прибавочную сумму (около 100 р. въ годъ) за обученіе сына искусствамъ.

Но кромѣ страсти къ изящному и отчасти безсознательнаго накопленія матеріала для будущихъ произведеній изъ разсказовъ отца или дѣда и видѣнныхъ въ дѣтствѣ малороссійскихъ комедій, для будущей творческой дѣятельности Гоголя необходимъ былъ и иной запасъ, данный самой жизнью и доставившій впослѣдствіи обильную пищу его фантазіи, уже получившей побужденіе работать въ извѣстномъ направленіи, и эту пищу онъ нашелъ, при [illegible] врожденной наблюдательности, между [illegible] въ путевыхъ впечатлѣніяхъ во время своихъ поѣздокъ въ Нѣжинъ и обратно въ Васильевку. Искреннія, въ высшей степени прочувствованныя воспоминанія Гоголя о дѣтствѣ въ началѣ VI главы „Мертвыхъ Душъ“ и особенно о поѣздкахъ и о дорогѣ имѣютъ, несомнѣнно, весьма важное автобіографическое значеніе. Всего важнѣе въ этомъ смыслѣ слѣдующія слова его послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ его вниманіе: „Я уносился мысленно за ними въ бѣдную

жизнь ихъ". Изъ нихъ мы можемъ убѣдиться, что зародыши его великаго искусства проникать въ тайны внутренняго міра человѣка, дающіе ему право на названіе поэта-мыслителя, его глубокое сочувствіе людскимъ несчастіямъ и склонность „смѣяться сквозь слезы“ имѣли свое начало еще въ дѣтской воспріимчивости и наблюдательности и воспитали въ немъ гуманное отношеніе къ ничтожному и падшему человѣку. Если припомнить, что въ другомъ мѣстѣ того же произведенія онъ говоритъ о дорогѣ: „сколько родилось въ ней чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!“ то мы должны будемъ признать, что, по крайней мѣрѣ, извѣстная доля этихъ впечатлѣній накопилась въ чуткомъ дѣтскомъ возрастѣ и несомнѣнно тогда развилась воспріимчивость къ нимъ, а равно и страстное сочувствіе впечатлѣніямъ длинной дороги зародилось навѣрно еще очень рано. *Шепрокъ.*

Занятія Гоголя въ гимназіи.

Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской гимназіи, у водъ поросшей камышомъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грезы о родинѣ. Онъ — любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость; но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться.

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и „добронравнаго“; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинивался жесткою стороною своей души;

за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что называется, „смирною овечкою". Маленькія злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что онъ разсказываетъ въ „Мертвыхъ Душахъ" о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго питалъ комическое отвращеніе. Онъ шутя говаривалъ, что онъ „не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно, на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ".— Вспомните слова его: „по-англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи". Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

Зато въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ гимназіи было тогда, да есть и до сихъ поръ, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ своего учителя рисованія Павлова, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ.

Что же касается литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы Кукольника, Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій*. Сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опыт-

ностію, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существенныхъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей казался тогда восхитительною забавою. Это было время появленія первыхъ главъ „Евгенія Онѣгина",— время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями.

По разсказу Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи выказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Б—на, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день именинъ Б—на, 12-го декабря, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Вскорѣ за тѣмъ Гоголь написалъ сатиру на жителей Нѣжина, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ", и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: „Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ", „Выборъ въ Греческій магистратъ", „Всеѣдная ярмарка", „Обѣдъ

у предводителя П***", „Роспускъ и съѣздъ студентовъ". Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ — будто бы потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ „Двѣ рыбки". Въ ней, подъ двумя рыбками, онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень трогательно, сколько припомнитъ г. Прокоповичъ тогдашнее свое впечатлѣніе.

Каковы бы ни были эти первыя литературныя попытки, но онѣ обнаруживали уже, къ чему былъ призванъ въ жизни даровитый юноша. Между тѣмъ Гоголь до конца жизни сомнѣвался (разумѣется, по временамъ), „точно ли поприще писателя есть его поприще", и ему можно, поэтому, вѣрить, что онъ не придавалъ большой важности своимъ первымъ опытамъ въ стихахъ и въ прозѣ.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что всего важнѣе, сдѣлать обертку наподобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: „Звѣзда". Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ „Звѣздѣ", между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: „Братья Твердиславичи" (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ „высокимъ" слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего учени-

чества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никто не видалъ. Начальство гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка, и ввело въ репертуаръ Гоголева театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, не пріученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однакожъ, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ гимназіи, процвѣлъ, наконецъ, до того, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ его до сихъ поръ въ роли Простаковой, и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно. Этому можно повѣрить.

Еще мы знаемъ автора „Мертвыхъ Душъ“ въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги не трудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли „Сѣверные Цвѣты“, издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе — нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственно-

ручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ „Математическую энциклопедію“ Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ; но первое изданіе „Вечеровъ на хуторѣ“ еще отзываются ею. *Кулишъ.*

Пансіонная жизнь въ гимназіи и ея вліяніе на питомцевъ.

Жизнь въ пансіонѣ была привольная: дѣти пользовались хорошимъ помѣщеніемъ, большой свободой и могли даже устраивать сообща удовольствія, изъ которыхъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ, конечно, гимназическій театръ. Весною и осенью къ ихъ услугамъ былъ обширный лицейскій садъ, въ которомъ они рѣзвились и проводили бо́льшую часть внѣкласснаго времени. При тогдашнихъ ограниченныхъ требованіяхъ отъ учащихся на долю послѣднихъ выпадало не мало досужихъ часовъ, да и самое приготовленіе къ занятіямъ происходило у нихъ нерѣдко въ саду, подъ обаятельнымъ небомъ Украйны, такъ что иные изъ воспитанниковъ умудрялись даже, забравъ съ собой необходимый письменный матеріалъ, въ видѣ карандашей и бумаги, обдумывать и отчасти набрасывать свои сочиненія, сидя гдѣ-нибудь въ саду на деревѣ. Безпечность и игры устанавливали между школьниками живое общеніе и теплыя товарищескія отношенія, сохранившія для иныхъ значеніе на всю жизнь. Немного, правда, выносили они изъ стѣнъ учебнаго заведенія, но юность ихъ катилась привольно и весело, и у нихъ всегда оставалось достаточно свободнаго времени для чтенія, для собственныхъ любимыхъ занятій и для впечатлѣній жизни. Отсюда вытекаютъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны тогдашняго лицейскаго быта. Въ многолюдной толпѣ почти предоставленныхъ себѣ мальчиковъ, не всегда получившихъ предварительно хорошее домашнее воспитаніе, было, разумѣется, несравненно

больше такихъ, которые, пользуясь предоставленнымъ имъ привольемъ, упивались, преимущественно, прелестями малороссійскаго климата и наслажденіями на лонѣ природы, и изъ такихъ выходили очень часто самые заурядные люди. Вѣчно веселый, кудрявый мальчикъ Гребенка, безцеремонно перелѣзающій черезъ плетень къ своему сосѣду учителю Кулжинскому за альманахами и журналами, живо переноситъ насъ въ патріархальные нравы лицея Безбородко въ концѣ двадцатыхъ и даже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, т.-е. уже нѣсколько позже Гоголя. Но Гребенка, эта „воплощенная юность“, по сочувственному отзыву о немъ любившаго его наставника, былъ уже натура богатая, исключительная, тогда какъ преобладающее большинство составляли тѣ „существователи“, которые, по словамъ Гоголя, при встрѣчѣ съ первыми затрудненіями готовы были отказаться отъ своихъ идеаловъ и „навострить лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольствоваться ничтожностью почти вѣчною“. Не муча себя честолюбивыми заботами и стремленіями, они, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, избирали себѣ невидное мирное поприще, терялись въ глуши и исчезали, по окончаніи курса, изъ виду своихъ болѣе энергичныхъ товарищей, направлявшихся обыкновенно въ Петербургъ. Но, съ другой стороны, не мало въ ихъ средѣ и такихъ, которымъ, къ чести ихъ, снисходительный надзоръ начальства не помѣшалъ сдѣлаться со временемъ серіозными и дѣльными людьми, а нѣкоторымъ даже получить впослѣдствіи весьма почетную извѣстность. Являвшаяся у болѣе даровитыхъ и развитыхъ юношей страсть къ литературѣ и чтенію должна была, естественно, провести рѣзкую грань между молодыми людьми съ склонностью къ умственному труду — и будущими корнетами и титулярными совѣтниками.

Между воспитанниками уже тогда выдвигались люди серіознаго труда и мысли, какъ извѣстный впослѣдствіи профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, еще въ лицейское время работавшій много и дѣльно. Для Гоголя и Данилевскаго [1]) лицейскіе годы были полезны преимущественно той умственной пищей, которую имъ доставляло хорошее чтеніе, постепенно развивая ихъ и воспитывая въ нихъ эстетическое чувство. Для перваго

---

[1]) Другъ Гоголя.

изъ нихъ, впрочемъ, недостатокъ правильнаго систематическаго труда въ школѣ остался роковымъ, сдѣлавъ изъ него человѣка, обязаннаго рѣшительно всѣмъ своимъ богатымъ природнымъ дарованіямъ, а никакъ не ученью. Но съ другой стороны, это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ особенно осторожнаго съ ними обращенія и которымъ безпощадная школьная регламентація съ ея нивелирующимъ давленіемъ, можетъ-быть, полезная для обыкновеннаго большинства, могла бы скорѣе причинить вредъ, — потому, во-первыхъ, что въ нихъ мало гибкости, а во-вторыхъ, лучшая учительница такихъ избранныхъ людей все-таки ихъ природа. Данилевскій же хотя не былъ натурой геніальной, но также былъ хорошо одаренъ отъ природы и во всякомъ случаѣ далеко не принадлежалъ къ числу людей дюжинныхъ: его живая воспріимчивость, сохранившаяся до послѣднихъ дней, его тонкое эстетическое чувство и замѣчательный интересъ къ литературѣ достаточно говорятъ за это.

Артистическая жилка въ школьное время не была чужда Данилевскому такъ же, какъ и Гоголю. Въ гимназическомъ театрѣ Данилевскій тоже былъ однимъ изъ дѣятельныхъ актеровъ или, точнѣе, актрисой, потому что чрезвычайно красивая наружность его заставила кружокъ товарищей разъ навсегда отдать ему женскія роли. Такъ въ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“ Базили игралъ Эдипа, Данилевскій — Антигону; въ „Фингалѣ“ ему приходилось всегда изображать Моину. По сценическимъ дарованіемъ, по собственному откровенному сознанію, Данилевскій не отличался вовсе и подвизался на товарищеской сценѣ, больше благодаря охотѣ и счастливой наружности, хотя неизмѣримо уступалъ Кукольнику и Гоголю, настоящимъ мастерамъ дѣла. Такъ въ „Недорослѣ“ Гоголь и Кукольникъ приводили въ восторгъ публику дѣйствительно блестящимъ исполненіемъ: первый отличался въ роли Простаковой, тогда какъ послѣдній превосходно игралъ Митрофана. Въ этихъ роляхъ оба, по единодушному признанію всѣхъ, кто ихъ видѣлъ на сценѣ, были неподражаемы. Кукольникъ же тогда обращалъ на себя вниманіе наклонностью къ драмѣ и трагедіи: когда онъ исполнялъ послѣднюю сцену трагедіи Сумарокова: „Димитрій Самозванецъ“, онъ, послѣ эффектно произнесенныхъ заключительныхъ словъ, падалъ на полъ какъ трупъ, чѣмъ производилъ сильное впечатлѣніе; онъ изумлялъ

также публику патетическимъ исполненіемъ заглавной роли въ „Фингалѣ“ Озерова.

Театръ съ его волненіями, торжественной обстановкой (конечно не въ первое время, когда кулисами были классныя доски) и съ его многократными репетиціями вносилъ въ жизнь воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, много необычайнаго, праздничнаго, что еще болѣе способствовало ихъ сближенію. Но и въ обыкновенное время у нихъ не было недостатка въ развлеченіяхъ. Въ обыденномъ домашнемъ быту воспитанники постоянно встрѣчались другъ съ другомъ и забавлялись шалостями, изобрѣтаемыми Гоголемъ и другими рѣзвыми мальчиками: такъ, однажды Гоголь, передразнивая учителя физики Шапалинскаго, попался ему на глаза, за что послѣдній, сильно разсердившись, схватилъ его и долго трясъ за плечи, и какъ Севрюгинъ, учитель пѣнія, замѣчая, что Гоголь иногда фальшивилъ и не былъ въ состояніи пѣть въ тактъ съ товарищами, приставлялъ ему скрипку къ самому уху, называя его глухаремъ, что, разумѣется, возбуждало общее веселье. Гоголь любилъ всѣ искусства вообще, любилъ и пѣть; но между тѣмъ какъ онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ рисованіи, пѣніе не давалось ему, благодаря недостатку музыкальнаго слуха. Но въ хорѣ онъ участвовалъ, когда во время рекреаціи воспитанники пѣли стихи:

„Златые наши дни, теките!
Красуйся ты, нашъ русскій царь“, и проч.

Совершенно особый міръ представляла больница, служившая для нѣкоторыхъ воспитанниковъ своего рода клубомъ. Въ больницѣ особенно фигурировалъ другъ Гоголя Высоцкій, который сидѣлъ обыкновенно съ зонтикомъ. У него съ Гоголемъ было много общаго, но Высоцкій былъ гораздо авторитетнѣе. Ихъ соединяло другъ съ другомъ въ особенности то, что, по словамъ Гоголя, они „скоро поняли другъ друга“ и ихъ „сроднили глупости людскія“, надъ которыми они вмѣстѣ потѣшались.

Въ концѣ 1826 года Гоголю предстояло на непродолжительное время разстаться съ Данилевскимъ, оставившимъ по какому-то случаю гимназію высшихъ наукъ и перешедшимъ въ Московскій университетскій пансіонъ. Въ письмѣ къ Высоцкому, отъ 17 января 1827 г., Гоголь сообщалъ между

прочимъ: „Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Лукашевичъ поѣхалъ въ Одессу. Данилевскій тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его“.

Но недолго оставался Данилевскій въ Москвѣ: скоро онъ соскучился по товарищамъ и вернулся снова въ Нѣжинъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ меньше года. 26 іюня 1827 г. Гоголь писалъ Высоцкому: „Данилевскій находится теперь въ Москвѣ, не могу навѣрное сказать — гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ“, а въ декабрѣ того же года онъ былъ уже снова въ Нѣжинѣ.

Въ іюнѣ 1828 г. Гоголь и Данилевскій кончили курсъ въ гимназіи высшихъ наукъ — оба дѣйствительными студентами.

Шенрокъ.

Литературныя и художественныя занятія Гоголя.

Не чувствуя никакой склонности къ ученью, Гоголь съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ школѣ интересовался необязательными занятіями. Уже въ первыхъ письмахъ домой начинаются запросы родителямъ: „Если угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортопіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяцъ. Я уже подписался, хотѣвъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцовать, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно“ (отъ 10 декабря 1821 года. Но больше всего успѣховъ сдѣлалъ Николай Васильевичъ въ рисованіи, и въ этой сферѣ онъ одержалъ, кажется, первую побѣду надъ своими товарищами, показавъ имъ свое превосходство надъ ними. Гоголь съ ранняго дѣтства любилъ рисовать, эта привычка сохранилась на всю жизнь. „Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи“, говорилъ онъ самъ о себѣ. Въ Нѣжинской гимназіи нашелся хорошій учитель рисованія, человѣкъ, необыкновенно преданный своему искусству, К. С. Павловъ. Онъ направлялъ желаніе мальчика и способствовалъ его развитію. Уже на третій годъ своего пребыванія въ школѣ, онъ рисовалъ пастелью картинки. Онъ отсылалъ ихъ домой, и ему доставляло большое удовольствіе говорить о своихъ

успѣхахъ въ живописи. „Извините, что я вамъ не посылалъ картинъ, пишетъ онъ 22 января 1824 года. — Вы видно, не поняли, что я вамъ говорилъ: потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами, и не могутъ никакъ для пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки; и для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ рамки такой величины, какъ я вамъ писалъ, т.-е. двѣ такихъ, которыя бы имѣли 3/4 аршина въ длину и 1/2 аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла 1 1/4 длины и 3/4 ширины, да еще маленькихъ двѣ 1/4 и 2 вершка длины и 1/4 ширины". Въ этомъ же письмѣ Гоголь пишетъ: „Ежели бы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! (Я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія)". Въ письмѣ безъ даты, отнесеннымъ издателями къ концу 1824 г., Гоголь пишетъ: „Я трудился долго и, наконецъ, успѣлъ нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что началъ, и можно сказать, что стоитъ чего нибудь. Ежели бъ вы ихъ повидѣли, то вѣрно бы, не могли повѣрить, что я рисовалъ... Прошу васъ покорнѣйше заказать рамки... Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ".

Другимъ поприщемъ, на которомъ честолюбіе Николая Васильевича могло находить удовлетвореніе, были сценическія представленія. Здѣсь Гоголь является первымъ лицомъ. Онъ пользовался своими впечатлѣніями, вынесенными изъ домашняго театра Трощинскаго, и указаніями своего отца, къ которому онъ обращался съ просьбами о полотнѣ, костюмахъ и другихъ нужныхъ пособіямъ для театра. Онъ былъ не только актеромъ, но и декораторомъ, бутафоромъ и режиссеромъ. Между прочимъ онъ поставилъ и одну изъ комедій своего отца. Театръ при училищѣ возникъ въ 1827 году, но отдѣльныя представленія были гораздо раньше. Уже въ январѣ 1824 года Гоголь извѣщалъ отца о томъ, что первой пьесой, которая пойдетъ у нихъ будетъ „Эдипъ въ Аѳинахъ", трагедія Озерова, и обѣщаетъ сообщить, какъ онъ сыграетъ свою роль. По отзывамъ всѣхъ товарищей Гоголя, онъ былъ прекрасный актеръ. Игра Гоголя не была простой имитаціей; она была творчествомъ. Гоголю особенно удавались роли комическія: онъ игралъ Васютису въ пьесѣ Крылова „Урокъ дочкамъ", Простакову въ „Недорослѣ".

На учениковъ гимназіи игра Николая Васильевича производила огромное впечатлѣніе: они всѣ думали, что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ, что онъ затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ-артистовъ, если бы вступилъ на сцену. „Если бы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ", — говоритъ А. С. Данилевскій. Очевидно, первые театральные дебюты были удачны и выдвинули Гоголя впередъ. Въ концѣ 1824 года онъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, писалъ отцу: „Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю, чѣмъ я вамъ буду много благодаренъ".

Въ игрѣ Гоголя было много творчества и реализма. Вотъ разсказъ одного изъ товарищей объ игрѣ Гоголя: „Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ барашьей шапкѣ и въ смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходитъ крехтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, крехтитъ, хихикаетъ и кашляетъ, да, наконецъ, захихикалъ и закашлялъ такимъ удушливымъ и сильнымъ старческимъ кашлемъ, съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ". Извѣстно, что Гоголь въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ пытался пойти на сцену, держалъ даже экзаменъ и провалился: современная школа театральной игры, ходульной и неестественной, не могла бы помириться съ такими проблесками творчества и реализма.

Наконецъ, еще въ одной области Гоголь могъ развернуть свои дарованія — въ литературѣ. Во вторую половину своего пребыванія въ гимназіи, Николай Васильевичъ особенно предавался литературной и журнальной дѣятельности, но начало ея падаетъ на первый, интересующій насъ періодъ жизни Гоголя въ гимназіи. Гоголь находился въ счастливыхъ условіяхъ: гимназія жила въ литературной атмосферѣ. „Литература процвѣтала въ нашей гимназіи, вспоминаетъ одинъ товарищъ Гоголя, и уже проявлялись таланты Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу". Нужно отмѣтить, что литературныя занятія не встрѣчали поощренія со стороны

школы, и литературный интересъ не получалъ возбужденій на урокахъ словесности. „Профессоръ Никольскій о древнихъ и западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ; Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными, сознавая, впрочемъ, ихъ гармонію“. Воспитанники гимназіи выписывали въ складчину журналы, и Гоголь былъ ихъ хранителемъ. „Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по-очереди. Получавшій для прочтенія книгу долженъ былъ въ присутствіи библіотекаря усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажку большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу“. Немало книгъ Гоголь выписывалъ изъ дома и изъ библіотеки Трощинскаго въ Кибинцахъ. Книги, которыя проситъ мальчикъ въ своихъ первыхъ письмахъ изъ школы, — различные учебники, но уже въ 1823 году онъ обращается съ просьбой выслать „Вѣстникъ Европы“, въ 1824 году онъ проситъ прислать ему комедію: „Бѣдность и благородство души“, „Ненависть къ людямъ и раскаяніе, „Богатонъ или провинціалъ въ столицѣ“; въ другомъ письмѣ этого же года онъ говорилъ о „Собраніи образцовыхъ сочиненій въ стихахъ“. Не разъ встрѣчаются, кромѣ того, просьбы прислать книгъ „на дорогу для разогнанія скуки“ во время поѣздки домой на каникулы.

До насъ не дошли первые литературные опыты Гоголя; у насъ есть только заключеніе о нихъ его товарищей. По словамъ А. С. Данилевскаго, въ Нѣжинѣ Гоголь писалъ во вкусѣ Бестужева, и у него встрѣчались пышныя описанія природы, лѣса и т. п. Въ лицейскомъ журналѣ „Звѣзда“, издававшемся Гоголемъ, была помѣщена его повѣсть „Братья Твердиславичи“ (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ). Въ „Авторской исповѣди“ Гоголь сообщилъ: „Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ“. Но уже въ первые годы гимназической жизни съ этими вліяніями Марлинскаго и страшныхъ повѣстей

современныхъ альманаховъ начало бороться вліяніе поэзіи А. С. Пушкина. А. С. Данилевскій вспоминалъ о томъ, какъ онъ, Гоголь и Прокоповичъ собирались втроемъ и читали „Онѣгина" Пушкина, который выходилъ тогда по главамъ. Уже въ это время Гоголь восхищался Пушкинымъ. Въ письмѣ 1824 г. Николай Васильевичъ пишетъ домой: „Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради со стихами и одна „Эдипъ", которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму „Онѣгина"; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите". Судя по всѣмъ даннымъ, нужно признать, что первые опыты Гоголя были подражаніями произведеніямъ, переполнявшимъ современную литературу, подражаніями не по содержанію, а по „высокому" стилю. Намъ кажется, письмо Николая Васильевича отъ 13 іюня 1824 года, первое изъ сохранившихся представляетъ ясные слѣды литературныхъ занятій автора. До сихъ поръ письма Гоголя были извѣщеніями, ихъ стиль былъ дѣло дѣловымъ, безъ картинныхъ выраженій, безъ образовъ, безъ эпитетовъ. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются литературныя фразы, отдѣланныя въ стилѣ того времени; уже съ этихъ поръ реторика начинаетъ вить гнѣздо въ произведеніяхъ Гоголя. „Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся, такъ сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій... Ожидаю со дня на день сего времени (отъѣзда). Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, насладясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей". Очевидно, Гоголь старался объ усвоеніи принятаго литературнаго стиля: письмо отъ 1 октября 1824 года, въ которомъ онъ поздравлялъ свою мать со днемъ ангела, безукоризненно съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя предъявлялись въ то время стилю. Этотъ навыкъ писать

очень помогъ Гоголю въ тѣхъ письмахъ, которыя онъ писалъ матери послѣ смерти отца.

Въ занятіяхъ литературныхъ и художественныхъ, на подмосткахъ гимназическаго театра, мальчикъ — Гоголь находилъ удовлетвореніе своему честолюбію и своему стремленію выдѣлиться и выказать свое превосходство надъ товарищами.

Щеголевъ.

Товарищескій кружокъ Гоголя.

„Не останавливаясь на подробной характеристикѣ этой товарищеской среды Гоголя (говоритъ Кояловичъ), такъ какъ это — по важности и интересу своему могло бы послужить предметомъ цѣлаго отдѣльнаго изслѣдованія, — упомянемъ только имена этихъ товарищей и напомнимъ вкратцѣ, какими интересами жила въ гимназіи эта талантливая молодежь".

„Всѣмъ извѣстный И. Г. Рѣдкинъ (онъ былъ старше Гоголя на одинъ курсъ), очень скоро по своемъ вступленіи въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, задумалъ грандіозное дѣло: составить изъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей полный курсъ всеобщей исторіи по самой подробной программѣ. Къ нему присоединились его однокурсники: В. И. Любичъ-Романовичъ, извѣстный переводчикъ, и В. В. Тарновскій, бывшій впослѣдствіи, во время крестьянской реформы, послѣдовательно членомъ отъ правительства въ черниговскомъ по улучшенію крестьянскаго быта комитетѣ, членомъ редакціонныхъ коммиссій и членомъ отъ правительства въ полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, чѣмъ и записалъ свое имя въ исторію. Къ этимъ тремъ вскорѣ присоединились и другіе товарищи Гоголя. К. М. Базили, не безызвѣстный впослѣдствіи дѣятель въ области литературы и политики, который самою своей судьбой, приведшей его въ Нѣжинскую гимназію, могъ оказать особаго рода вліяніе на будущаго творца „Тараса Бульбы". Свидѣтель ужасовъ константинопольской рѣзни грековъ въ 1821 г., Базили привезъ своимъ товарищамъ разсказы о всемъ, что такъ жестоко поразило его въ самый нѣжный возрастъ, и воспоминанія о чемъ, конечно, не могли не сопутствовать ему и въ этой новой жизни, которая началась для него съ переѣздомъ въ Рос-

сію. Къ нимъ же скоро присоединился и Н. В. Кукольникъ, будущій авторъ драмы „Рука Всевышняго отечество спасла“, который поражалъ своей начитанностью и знаніями не только товарищей, но и учителей. Къ той же группѣ надо причислить и въ высшей степени симпатичнаго и кроткаго, талантливаго Гребенку, дарованія котораго, согрѣтыя лучами великолѣпнаго генія его земляка и товарища, распустились впослѣдствіи въ прекрасный цвѣтокъ и дали современному обществу нѣсколько поэтическихъ разсказовъ и повѣстей изъ малороссійской жизни, на которыхъ замѣтно вліяніе Гоголя. Наконецъ, нельзя не вспомнить и Н. Я. Прокоповича, имя котораго навсегда слилось съ именемъ его знаменитаго друга, котораго онъ не долго пережилъ, съ которымъ до конца дѣлилъ всѣ горести и радости его шумной и тревожной славы“.

Эта характеристика товарищеской среды Гоголя, сдѣланная Кояловичемъ, вполнѣ подтверждается и нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ дневника одного изъ школьныхъ пріятелей поэта.

„...Въ ту пору литература процвѣтала въ нашей гимназіи, и уже проявились таланты товарищей моихъ: Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Даниллевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу. Эта эпоха моей жизни и теперь, на старости, наводитъ мнѣ умилительныя воспоминанія. Жизнь вели мы веселую и дѣятельную, усердно занимались; къ поэзіи особенно пристрастился я...“

„Одновременно съ этимъ составился у насъ и другой кружокъ по почину старѣйшаго изъ студентовъ, П. Рѣдкина... Вообще, научное и литературное воспитаніе наше дѣлалось, можно сказать, самоучкою... Профессоръ словесности Никольскій о древнихъ и о западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ; Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными, сознавая, впрочемъ, нѣкоторую гармонію въ его стихахъ. Шалуны товарищи въ 5-мъ и 6-мъ классахъ, обязанные еженедѣльною данью стихотворенія, переписывали бывало изъ журналовъ и альманаховъ мелкія стихотворенія Пушкина, Языкова, кн. Вяземскаго и представляли профессору за свои, хорошо зная, что онъ современною лите-

ратурою вовсе не занимался. Профессоръ торжественно подвергалъ строгой критикѣ стихотворенія эти, изъявлялъ сожалѣніе, что стихъ былъ гладокъ, а толку мало: „ода не ода", говорилъ онъ, „элегія не элегія, а чортъ знаетъ что"; затѣмъ начиналъ поправлять. Помнится, и „Демонъ" Пушкина былъ переправленъ и передѣланъ на ладъ профессора нашего къ неописанному веселію всего класса..."

„...До самаго 1826 г. изъ всѣхъ нашихъ преподавателей только профессоръ математики Шапалинскій, воспитанникъ бывшаго Виленскаго университета, и профессора французской и нѣмецкой литературы, Ландражепъ и Зингеръ, совладали съ своимъ предметомъ. Лѣтомъ, бывало, Шапалинскій водилъ насъ за городъ, верстъ за пять и за десять, съ инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засѣли въ моей памяти иныя тригонометрическія формулы... Французская и нѣмецкая литература были намъ не по сердцу, и тѣ изъ моихъ товарищей, кто прежде не зналъ этихъ языковъ, не выучились даже говорить, хотя по положенію и подъ страхомъ остаться безъ чаю или безъ десерта слѣдовало въ рекреаціонныхъ залахъ и во время гуляній говорить день по французски и день понѣмецки. Зато русская литература процвѣтала..."

Кояловичъ.

Жизнь Гоголя въ Петербургѣ и его первая поѣздка за границу.

Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1828 года. По свидѣтельству Г. И. Данилевскаго, онъ былъ привезенъ туда его однофамильцемъ. Съ этихъ поръ началась для Гоголя новая жизнь, во многомъ отличающаяся отъ прежней, школьной, но въ сущности представляющая столько очевидныхъ чертъ сходства, что она является скорѣе послѣдовательнымъ продолженіемъ развитія, начавшагося въ предыдущемъ періодѣ, нежели какимъ-нибудь рѣшительнымъ и рѣзкимъ поворотомъ въ иномъ направленіи. Правда, развитіе это подъ вліяніемъ цѣлой совокупности обстоятельствъ, которыхъ не ожидалъ Гоголь и на которыя не могъ расчитывать во время своихъ мечтаній въ Нѣжинѣ,

но которыя, однако, не замедляли тотчасъ же самымъ настоятельнымъ образомъ заявить о себѣ по пріѣздѣ его въ столицу, — было значительно иначе направлено жизнью, нежели какъ ему представлялось заранѣе, но отнюдь не мѣняло своего существеннаго характера, такъ что первые годы жизни Гоголя въ Петербургѣ mutatis mutandis относились къ годамъ его ранней юности, какъ попытки привести въ исполненіе задуманный и постепенно измѣненный планъ къ первоначальному его замыслу, и въ этомъ-то отношеніи дѣйствительно справедливы приведенныя раньше слова Кулиша: „съ переселеніемъ съ юга на сѣверъ для Гоголя начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время оперѣннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнія въ родномъ гнѣздѣ". Конечно, не тотчасъ стало возможно Гоголю твердо и увѣренно испытать свои силы въ томъ направленіи, которое зависѣло отъ сложившагося міросозерцанія его и нажитыхъ убѣжденій; должно было пройти не мало времени, пока онъ примѣнился къ требованіямъ извѣстной доли внѣшнихъ условій петербургской жизни, именно тѣхъ, которыя были не добровольно избраны имъ, а, такъ сказать, навязаны судьбою, независимо отъ его воли. Въ Петербургѣ Гоголя поразили всевозможныя неудачи съ разныхъ сторонъ. Въ причинахъ для разочарованія не было недостатка на самыхъ первыхъ порахъ: неудачи обрушивались на него одна тяжелѣе другой, и общее впечатлѣніе было самое невыгодное и безотрадное. Рѣзкимъ показался ему переходъ отъ привольной домашней жизни къ стѣсненіямъ столицы. Какъ бы въ насмѣшку надъ преждевременными увлеченіями, жизненныя невзгоды и трудности первоначальнаго устройства тотчасъ же дали себя знать столь чувствительнымъ образомъ, что при одномъ воспоминаніи о нихъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга у Гоголя вызываются рѣзкія несдержанныя выраженія. Матеріальныя затрудненія, какъ видно изъ этого письма, сказались во всѣхъ подробностяхъ житейскаго обихода, начиная отъ найма квартиры и кончая условіями съ мелкими комиссіонерами, къ услугамъ которыхъ приходилось обратиться для доставки привезенныхъ изъ дому писемъ къ разнымъ „покровителямъ". Въ нѣсколькихъ письмахъ Гоголь подробно исчисляетъ всѣ неизбѣжныя издержки на дорогу и на обза-

веденіе, отчасти въ видѣ отчета о своихъ дѣлахъ, отчасти въ видѣ жалобы на совокупность обрушившихся на него неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ была даже потеря по курсу, понесенная имъ при отправленіи изъ родины тотчасъ по выѣздѣ изъ Чернигова. Первое письмо проникнуто сильнымъ раздраженіемъ и почти все наполнено извѣстіями практически-житейскаго характера, которыя повторяются отчасти и въ слѣдующихъ письмахъ, но уже не занимаютъ тамъ главнаго мѣста, уступая мѣсто мыслямъ и впечатлѣніямъ иного рода.

Неудачи были такъ неожиданны и въ то же время такъ жестоки по своимъ размѣрамъ, что онѣ не могли не произвести на Гоголя самаго подавляющаго дѣйствія. Онѣ повергли его на нѣкоторое время въ состояніе тяжелой апатіи, близкой къ отчаянію, изъ которой онъ, однако, скоро нашелъ выходъ благодаря своей дѣятельной и самоувѣренной натурѣ. Степень его подавленности видна изъ собственнаго сознанія его тотчасъ по пріѣздѣ, когда онъ жалуется на хандру, помѣшавшую ему не только заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ, но даже писать письма. Какъ видно, онъ совершенно опустилъ руки сначала, но ненадолго.

Словомъ, это было первое столкновеніе юношескихъ мечтаній съ дѣйствительностью, на этотъ разъ оказавшейся по истинѣ суровой. Но если, вступивши въ чуждую для себя сферу совершеннымъ новичкомъ, Гоголь позволяетъ овладѣть собою разочарованію, то потомъ душевная боль остраго характера постепенно смягчается и, послѣ продолжительной энергической борьбы съ неудачами, ему удается, наконецъ, умѣривши энтузіазмъ и вооружившись терпѣніемъ, овладѣть обстоятельствами и подчинить ихъ теченіе преслѣдованію цѣлей, составлявшихъ для него главную задачу существованія. Не легко было ему убѣдиться въ неосновательности своихъ иллюзій относительно Петербурга, послѣ того какъ онъ привыкъ соединять съ самымъ представленіемъ о немъ всѣ лучшія свои надежды, но тѣмъ больше чести его энергіи, чѣмъ рѣшительнѣе и неожиданнѣе былъ выдержанный имъ ударъ.

„Что за бѣда посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? то ли еще будетъ на жизненной дорогѣ?“ Это уже не фразы незнакомаго съ жизнью школьника, а сознательныя слова чело-

вѣка, приготовляющагося къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, переставшаго воображать, что на его долю достанутся одни трофеи и лавры. Если первыя петербургскія письма продолжаютъ, повидимому, носить на себѣ отпечатокъ такой же неудовлетворенности и тревожнаго состоянія духа, той же досады на всякаго рода неудачи и препятствія, какими были проникнуты послѣднія письма изъ Нѣжина, то съ другой стороны мы замѣчаемъ въ то же время въ перепискѣ явные слѣды благотворнаго вліянія большей степени самостоятельности, которою пользовался Гоголь теперь впервые въ своей жизни: при болѣе внимательномъ сравненіи легко убѣдиться, что вмѣсто нетерпѣливаго и безотрадно удрученнаго настроенія послѣднихъ лѣтъ школьной жизни подъ тяжкимъ гнетомъ не поддающихся никакимъ перемѣнамъ условій, онъ получалъ теперь полный просторъ для попытокъ къ осуществленію своихъ плановъ на дѣлѣ, въ самой жизни, въ чемъ, естественно, должна была заключаться для его энергической натуры нѣкоторая прелесть и во всякомъ случаѣ обильный источникъ надеждъ и утѣшеній. Испытанія казались ему только неизбѣжнымъ временнымъ зломъ, своего рода школой, преддверіемъ къ настоящей жизни, освѣщенной достойнаго разумнаго существа цѣлью. Такимъ образомъ первыя впечатлѣнія Гоголя въ Петербургѣ и его быстрое разочарованіе въ немъ не только интересны, какъ фактъ, но имѣютъ и несравненно важнѣйшее значеніе для біографіи, показывая намъ юношу въ рѣшительную минуту испытанія, когда должна была выясниться степень прочности и глубины убѣжденій, уже не разъ имъ прежде высказанныхъ въ интимныхъ бесѣдахъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, съ разными наиболѣе близкими людьми. Теперь ему самому представлялся случай провѣрить ихъ достоинства, испытать свои силы и состоятельность составленныхъ плановъ и выработаннаго идеала. Таковы были первыя впечатлѣнія Гоголя въ столицѣ.

Два обстоятельства особенно обращаютъ на себя вниманіе въ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Петербурга. Во-первыхъ, сразу обнаружилось, до какой невѣроятной степени доходило незнакомство домашняго круга Гоголя и его самого съ отдаленной столицей и наивное представленіе о ея фантастическомъ блескѣ, великолѣпіи и удобствахъ жизни, и во-вторыхъ, послѣ быстраго разочарованія Петербургомъ въ Гоголѣ

пробуждается страстная потребность предаться воспоминаніямъ прошлаго, оцѣнить только что покинутую родину и все то, что онъ готовъ былъ недавно считать какою-то мрачной могилой, возбуждавшей въ немъ только желчь и отвращеніе. Описанія Петербурга, заключающіяся въ этихъ письмахъ, поражаютъ въ то же время и наблюдательностью автора и самымъ характеромъ сообщаемыхъ о немъ свѣдѣній, показывающихъ, что авторъ предполагалъ въ своей корреспонденткѣ-матери, несмотря на большой интересъ къ Петербургу, полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго представленія объ этомъ городѣ. Благодаря этой провинціальной наивности, къ безпощаднымъ ударамъ общихъ условій столичной жизни не замедлили присоединиться во множествѣ и мелкія непріятныя случайности. Все это вмѣстѣ такъ подѣйствовало на Гоголя, что даже внѣшнимъ видомъ Петербурга онъ не остался доволенъ, говоря, что „воображалъ его гораздо красивѣе и великолѣпнѣе", и рѣшилъ, что всѣ слухи, которые о немъ распускали, были лживы... Но такое недовольство настоящимъ и разочарованіе въ боготворимой прежде столицѣ заставили Гоголя оглянуться назадъ: въ немъ снова вспыхнуло чувство горячей любви къ родной Малороссіи со всею непосредственностью горячаго молодого увлеченія. Примкнувъ въ Петербургѣ къ малороссійскому кружку, состоявшему отчасти изъ бывшихъ школьныхъ товарищей, и поощряемый встрѣченной въ петербургскомъ обществѣ симпатіей и интересомъ къ малороссійской жизни и быту, Гоголь скоро почувствовалъ сильную потребность оживить въ своей памяти просящіеся наружу образы и, какъ человѣкъ практическій, вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не понять, какъ кстати было воспользоваться такимъ настроеніемъ и, удовлетворяя своимъ художественнымъ стремленіямъ, въ то же время извлечь матеріальныя выгоды, столь важныя для него при тогдашнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Можетъ-быть, объ этомъ своемъ предположеніи говоритъ Гоголь въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ второго письма: „Въ Петербургѣ менѣе 120 руб. никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился. . Когда наши въ полѣ — не робѣютъ. Но какъ много еще и отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣ-

ніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, то въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ объ удачахъ или неудачахъ". Правда, мы читаемъ затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ, въ самомъ его началѣ, какъ бы обѣщанное извѣщеніе объ исходѣ блеснувшихъ надеждъ, въ которомъ Гоголь говоритъ о предполагавшейся и едва не осуществившейся даже поѣздкѣ за границу, но едва ли эта поѣздка могла имѣть какое-либо отношеніе къ пріобрѣтенію денегъ и къ ней въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, конечно, не могла быть примѣнена приведенная Гоголемъ пословица. Между тѣмъ въ письмѣ, хотя и въ другой части его, гораздо ниже, Гоголь уже обращается къ матери съ извѣстной просьбой о доставленіи ему подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи, для чего между прочимъ проситъ ее имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ своего повѣта. Особенно подтверждаютъ нашу догадку слова слѣдующаго письма: „Я думаю, вы не забудете моей просьбы извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу". Наконецъ, въ томъ же письмѣ отъ 30-го апрѣля Гоголь высказываетъ весьма опредѣленно занимавшія его въ то время мысли и предположенія: „Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: „Овца-Собака" и „Романъ и Параска". Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а, по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ — къ третьему, и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью". Такъ преимущественно съ практической точки зрѣнія смотрѣлъ сначала Гоголь на свои литературные опыты, на малороссійскія повѣсти, не придавая имъ, можетъ-быть, того значенія, какое онъ придавалъ прежде „Ганцу Кюхельгартену", и не предвидя еще своего будущаго призванія. Тѣмъ не менѣе результатомъ обращенія къ воспоминаніямъ о родинѣ и о впечатлѣніяхъ отрочества являются чудныя страницы въ „Сорочинской ярмаркѣ". Замѣчательно художественныя описанія природы,

описанія родныхъ мѣстъ, связанныхъ съ воспоминаніями юности (Пселъ, самыя Сорочинцы), картина ярмарки - все это было, безъ всякаго сомнѣнія, воспроизведеніемъ наиболѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній, таившихся въ его душѣ. Эту повѣсть, несмотря на вліяніе комедій отца, откуда взяты многіе эпиграфы и цѣлая комическая сцена, слѣдуетъ, однако, считать гораздо болѣе самостоятельною, нежели слѣдующую, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“. „Сорочинская ярмарка“ была написана во второй половинѣ 1829 года, судя по тому, что Гоголь, сочиняя ее, уже имѣлъ подъ руками комедіи своего отца, которыя онъ проситъ прислать ему въ письмѣ отъ 30 апрѣля этого года. Напротивъ, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“, написанный гораздо позже, на основаніи уже доставленныхъ изъ дому источниковъ, за которые въ первый разъ благодаритъ Гоголь свою мать въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 года, повидимому, представляетъ трудъ компилятивный, мозаичный, составленный наскоро на основаніи нѣсколькихъ источниковъ, едва ли не предпринятый, главнымъ образомъ, изъ соображеній экономическаго характера и потому блѣдный въ сравненіи съ первымъ опытомъ, какъ представлявшимъ переработку собственныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, во второмъ письмѣ изъ Петербурга Гоголь довольно подробно намѣчаетъ ту программу, которой должны придерживаться его мать и другіе собиратели необходимыхъ для него свѣдѣній, и уже, очевидно, имѣетъ въ виду опредѣленный сюжетъ, для котораго подыскиваетъ матеріалъ, но когда желаніе его было исполнено, то оказалось, что почти все содержаніе повѣсти составилось изъ разныхъ отрывковъ, слѣды сшивки которыхъ могутъ быть легко замѣчены при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи. Гоголь проситъ, напр., въ письмѣ прислать описаніе костюма и указать точное и вѣрное названіе платья временъ догетманскихъ, особенно костюма дьячка, далѣе самое подробное описаніе свадьбы и, наконецъ, разсказы о повѣрьяхъ, духахъ и домовыхъ, при чемъ прямо и прежде всего указываетъ кромѣ колядъ на обряды объ Иванѣ Купалѣ. Въ повѣсти мы также находимъ описанія костюмовъ въ двухъ мѣстахъ: краткое въ началѣ и подробное при описаніи свадьбы, далѣе подробно разсказаны повѣрья объ Иванѣ Купалѣ, и, наконецъ, въ серединѣ повѣсти мы находимъ цѣлый эпизодъ,

заключающій въ себѣ описаніе свадьбы со всѣми подробностями, — эпизодъ довольно мало и притомъ искусственно связанный съ остальнымъ изложеніемъ, такъ что онъ, по нашему мнѣнію, даже нарушаетъ отчасти единство и цѣлость всей повѣсти. Но въ слѣдующихъ повѣстяхъ Гоголя мы опять замѣчаемъ, несомнѣнно, больше самостоятельности и таланта.

Въ то же время жажда разумной дѣятельности, не мѣшавшая Гоголю иногда легко и свысока относиться къ нѣкоторымъ принятымъ на себя скромнымъ обязанностямъ, искала для себя удовлетворенія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и должна была поставить его сначала въ высшей степени тягостное и неопредѣленное положеніе какого-то безпрерывнаго блужданія, до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени для него не разъяснился понемногу вопросъ о направленіи своей будущей дѣятельности и способѣ примѣненія силъ для осуществленія своего идеала. Поэтому мы должны строго различать въ его петербургской жизни прежде всего этотъ періодъ мучительныхъ колебаній и постепеннаго уясненія неопредѣленныхъ стремленій,—періодъ, ярко характеризуемый постоянными порываніями и невѣрными шагами, вѣроятно, самый тяжелый въ его жизни, кромѣ послѣдняго десятилѣтія, — періодъ, представляющій непрерывную борьбу съ самимъ собой и внѣшними обстоятельствами, при чемъ каждый шагъ на пути превращенія первоначальныхъ фантастическихъ мечтаній во сколько-нибудь реальные образы заключалъ въ себѣ серіозное пріобрѣтеніе, взятое съ бою.

Семилѣтняя жизнь Гоголя въ Петербургѣ, обнимающая все время первой его молодости, по отношенію къ внутреннему развитію писателя, представляетъ послѣдовательно сперва столкновеніе извѣстныхъ намъ неопредѣленно-гуманныхъ стремленій его юности съ дѣйствительностью и непродолжительное разочарованіе, затѣмъ, подъ вліяніемъ встрѣтившихся обстоятельствъ, постепенную переработку и видоизмѣненіе этихъ мечтаній, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и уклоненій въ разныя стороны и особенно временныхъ увлеченій исторіей, представлявшейся Гоголю одно время настоящимъ его призваніемъ, его спеціальностью, опредѣленіе имъ уже истиннаго своего призванія и потомъ окончательное поглощеніе

мечтаній дѣйствительностью. Самыя отношенія Гоголя къ негостепріимной столицѣ, съ которою въ значительной степени были связаны эти мечтанія, въ разсматриваемый промежутокъ времени также неодинаковы: прежнее убѣжденіе въ ничѣмъ незамѣнимой важности Петербурга для людей, желающихъ посвятить свои силы высокому общественному служенію, оставаясь незыблемымъ въ своемъ основаніи, теряетъ, однако, подъ конецъ значительную долю приписываемаго ей исключительнаго значенія. По крайней мѣрѣ, какъ безотчетное увлеченіе Петербургомъ, такъ и сознательное предпочтеніе его родному югу, и даже пламенно любимой Малороссіи, не надолго омраченное на первыхъ порахъ легкимъ разочарованіемъ, лишь не скоро уступаетъ мѣсто обратному стремленію изъ него въ любимый край, и то вовсе не вслѣдствіе недовольства самой столицей, а только невозможнымъ ея климатомъ. Такимъ образомъ и подъ вліяніемъ горячей любви къ родинѣ, не особенно продолжительное пребываніе Гоголя въ Петербургѣ составляетъ цѣлый періодъ его жизни, который можетъ быть раздѣленъ, въ свою очередь, на нѣсколько небольшихъ, поддающихся болѣе или менѣе естественному и отчетливому разграниченію отдѣловъ. При изученіи этого періода необходимо установить для болѣе удовлетворительнаго уясненія послѣдующаго изложенія исходную точку отправленія, затѣмъ отмѣтить извѣстныя грани, и, наконецъ, остановившись на нихъ подробнѣе, прослѣдить въ общихъ чертахъ развитіе Гоголя со времени самаго пріѣзда его въ Петербургъ.

Но цѣлый рядъ разочарованій и неудачъ въ Петербургѣ произвелъ вскорѣ на Гоголя настолько удручающее впечатлѣніе, что онъ, какъ извѣстно, задумалъ оставить Петербургъ и пуститься за границу. Въ самомъ началѣ столичной жизни онъ было отдался съ жадностью наблюденіямъ надъ новымъ, незнакомымъ ему міромъ, осмотрѣлъ и изучилъ городъ и его окрестности (Екатерингофъ и пр.), но вскорѣ имъ овладѣли попеременно — сперва безотчетная, но сильная тоска по родинѣ, а потомъ еще болѣе сильное и болѣе неясное ему самому стремленіе куда-то вдаль, въ чужіе края. Очевидно, Гоголь не нашелъ въ Петербургѣ того, что̀ искалъ и на что страстно надѣялся (Данилевскій зналъ объ этомъ, но мало тогда ему сочувствовалъ и не могъ раздѣлять его фантастическихъ стремленій).

Подобно тому какъ въ Нѣжинѣ Гоголь не могъ примириться съ низменными стремленіями „существователей“, такъ и о петербургской жизни онъ отзывался вскорѣ съ презрѣніемъ: „Тишина въ Петербургѣ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, всѣ служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погрязло въ низменныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ...“ Между тѣмъ Гоголя манило что-то необыкновенное; его юношескій пылъ требовалъ идеаловъ, и онъ все еще не терялъ надежды найти что-то необходимое ему на чужбинѣ. Онъ еще не догадывался или не хотѣлъ знать, что обыденная жизнь вездѣ одинакова, что никуда нельзя уйти отъ житейской прозы. Въ душѣ его былъ запросъ на что-то призрачно-грандіозное, на что дѣйствительность не могла дать отвѣта Его тянуло въ какую-то фантастическую страну счастья и разумнаго, производительнаго труда. По словамъ покойнаго Данилевскаго, такой страной представлялась ему Америка. Не тамъ ли, мечталъ онъ, „передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“, какъ онъ писалъ своей матери? Но онъ былъ еще въ полномъ смыслѣ „зеленый“ юноша, и никто даже изъ товарищей не вѣрилъ, чтобы постоянно мѣнявшіяся мечты его могли быть близки къ осуществленію, да и денегъ на большую поѣздку у него недостало бы. Его словамъ и не придавали особеннаго значенія — одни, думая, что онъ по странной привычкѣ, замѣчавшейся въ немъ чуть не съ дѣтства, забавляется мистификаціей и не желаетъ открыть имъ свое настоящее намѣреніе; другіе — нисколько не сомнѣваясь, что если фантазія его и искренна, то изъ нея ничего не выйдетъ. А между тѣмъ вотъ какая перспектива рисовалась его пылкому воображенію: „Пресмыкаться — другое дѣло *тамъ*, гдѣ каждая минута — богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить вѣкъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ, — это убійственно!“ Едва ли всѣ эти планы Гоголя не могутъ быть объяснены преимущественно неудовлетворенностью настоящимъ, потому что они мигомъ исчезли, когда онъ вошелъ въ кругъ Плетнева и Пушкина и могъ считать свою жизнь достаточно наполненною.

Въ одномъ изъ писемъ къ матери Гоголь дѣлаетъ такое оправданіе своей фантастической поѣздки: „Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко...“ Основнымъ психологическимъ мотивомъ поѣздки Гоголя было невольное поэтическое влеченіе, созрѣвшее на почвѣ его поэтическаго воображенія и только поддержанное всѣми другими жизненными обстоятельствами. *Шенрокъ.*

Остальные годы жизни Гоголя.

Въ 1839 г. Гоголь пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ М. П. Погодинымъ, въ домѣ котораго остановился и жилъ до новаго выѣзда за границу въ 1840 году. Здоровье его поправилось; онъ былъ очень веселъ и шутливъ; но объ „Мертвыхъ Душахъ“ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и на вопросъ о нихъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что „у него ничего готоваго нѣтъ“. 26 октября того же года онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ близкимъ семействомъ въ Петербургъ, для того чтобъ взять двухъ своихъ сестеръ изъ Патріотическаго института Въ Петербургѣ онъ остановился сначала у Плетнева, а черезъ двѣ недѣли переѣхалъ къ Жуковскому, который жилъ тогда во дворцѣ. Въ продолженіе дороги въ Петербургъ, Гоголь былъ очень веселъ и заставлялъ хохотать своихъ спутниковъ, но въ Петербургѣ совершенно перемѣнился, встрѣтивъ какія-то неудачи, которыя привели его опять въ затруднительное положеніе насчетъ денегъ. Затѣмъ, 22-го декабря, вмѣстѣ съ тѣмъ же семействомъ и двумя своими сестрами, возвратился онъ въ Москву.

По возвращеніи, Гоголь началъ читать „Мертвыя Души“ и въ разное время прочелъ шесть главъ. Читалъ также отрывки изъ комедіи „Тяжба“ и начало италіанской повѣсти „Аннунціата“, которое потомъ было нѣсколько передѣлано и составило статью „Римъ“, напечатанную въ „Москвитянинѣ“. Великимъ постомъ пріѣхала къ Гоголю мать и жила вмѣстѣ съ нимъ и дочерьми также у Погодина. 9-го мая, въ день именинъ Гоголя, обѣдали у него всѣ его пріятели

и знакомые въ саду, что повторялось всякій разъ, когда Гоголю случалось проводить этотъ день въ Москвѣ. Гоголь уже собирался ѣхать въ Римъ, откуда обѣщалъ непремѣнно черезъ годъ воротиться.

Осенью 1840 года Гоголь сдѣлался очень боленъ, и послѣ этой болѣзни характеръ его совершенно перемѣнился.

Наступило время возвращенія Гоголя въ Россію. „Мы давно уже его ждали", говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Запискахъ", и даже ждать перестали. Наконецъ, 18 октября 1841 года внезапно Гоголь явился у насъ въ домѣ. Въ этотъ годъ послѣдовала новая, большая перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ, и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ — и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто никогда и не бывало. Иногда — очевидно, безъ намѣренія - слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде непротивный ему или незамѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Покуда переписывались первыя шесть главъ „Мертвыхъ Душъ", Гоголь прочелъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, то-есть въ домѣ Погодина, и ни за что не согласился, чтобъ кто-нибудь слышалъ ихъ, кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній. Я не могъ ихъ дѣлать и сказалъ Гоголю, что, слушая „Мертвыя Души" въ первый разъ, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать недостатковъ его поэмы; что если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ ее, и, можетъ-быть, не одинъ разъ. Тогда дѣло другое. Но Гоголь не могъ этого сдѣлать. Рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру, въ Петербургъ. По полученіи рукописи изъ цензуры немедленно приступили къ печатанію 2500 экземпляровъ. Обертка была нарисована самимъ Гоголемъ. Несмотря на то, что Гоголь былъ сильно занятъ изданіемъ „Мертвыхъ Душъ", очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстраивался духомъ

и даже тѣломъ: онъ почувствовалъ головокруженіе и одинъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ всякой помощи, потому что это случилось наверху, въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было. Вдругъ дошли до насъ слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Мы сначала не повѣрили и спросили самого Гоголя, который отвѣчалъ неопредѣленно: „можетъ-быть"; но вскорѣе сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому что не можетъ писать и потому что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, часовъ въ семь послѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ Гоголь, съ образомъ Спасителя въ рукахъ, съ сіяющимъ и просвѣтленнымъ лицомъ. Онъ сказалъ: „Я все ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ, Иннокентій благословилъ меня — и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко Гробу Господню". Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, и тотъ на прощаніе благословилъ его образомъ. Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было такъ поступить, но Гоголь видѣлъ въ этомъ указаніе свыше. Всѣ разспросы объ отъѣздѣ за границу были Гоголю непріятны. Одинъ разъ спросили его: „Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобъ скоро уѣхать?" Гоголь съ досадою отвѣчалъ: „Съ тѣмъ, чтобы проститься". Но это была неправда: и письменно и словесно онъ высказывалъ прежде совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ: „надолго ли онъ ѣдетъ?" Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ — на шесть лѣтъ, а одинъ разъ сказалъ, что ѣдетъ на десять лѣтъ. Послѣдній отвѣтъ, вѣроятно, вырвался у него въ досадѣ на скучные вопросы. Одна пожилая женщина, любимая и уважаемая Гоголемъ, сказала ему, что она будетъ ожидать отъ него описанія святыхъ мѣстъ. Гоголь отвѣчалъ: „Да, я опишу вамъ ихъ, но для этого мнѣ надобно очиститься и быть достойнымъ". Печатанье „Мертвыхъ Душъ" приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплести десятка два экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить въ Москвѣ и взять съ собою въ Петербургъ. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го мая прямо

къ намъ въ домъ, къ обѣду. У насъ было довольно гостей, по случаю именинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ то же время и прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ", вдвое толще перваго, но пріѣхать для его печатанія уже не обѣщалъ. 23-го мая, въ полдень, послѣ завтрака, Гоголь уѣхалъ изъ нашего дома".

Въ концѣ сентября 1842 года Гоголь былъ опять въ Римѣ, и опять поселился въ Via Felice, № 126, 3 piano, гдѣ онъ былъ окруженъ идиллическими сценами, изображенными имъ въ статьѣ „Римъ".

Здровье Гоголя въ продолженіе 1843 и 1844 годовъ вообще находилось въ лучшемъ состояніи, и онъ дѣятельно трудился надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ". По его письмамъ, мы находимъ его весною въ Ниццѣ, потомъ во Франкфуртѣ и, наконецъ, зимою, опять во Франкфуртѣ. Изъ писемъ къ нему разныхъ особъ видно, что онъ провелъ мѣсяцъ или больше въ Остэнде, гдѣ купался въ морѣ. Одинъ изъ его друзей, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 6 ноября 1844 года, такъ вспоминалъ это время: „Письма ваши очень порадовали бы меня, если бъ не замѣтно было въ нихъ отсутствія той бодрости, которою въ Остэнде вы и *насъ* и *всѣхъ* оживляли". Это показываетъ, что онъ провелъ время своего купанья въ морѣ не безъ друзей и знакомыхъ и что только для людей, знавшихъ его издали, онъ казался въ Остэнде несчастнымъ ипохондрикомъ или мизантропомъ, вѣчно одинокимъ и задумчивымъ.

Въ началѣ 1845 года Гоголь сдѣлался очень боленъ. Онъ бросался въ разныя стороны, ища въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое облегченія приступившихъ къ нему недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Иногда ему казалось, что онъ уже умираетъ, и въ такія минуты онъ горько жалѣлъ, что не написалъ ничего истинно полезнаго для ближнихъ. Всѣ печатныя свои произведенія считалъ онъ слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была полна душа его въ предчувствіи загробной жизни. Единственнымъ достойнымъ дѣломъ считалъ онъ свои письма къ друзьямъ нравственно-религіознаго содержанія; и потому, лишь только оправился нѣсколько отъ болѣзни, немедленно занялся собраніемъ

ихъ для печати. Такъ составилась его „Переписка съ друзьями“, надѣлавшая столько шуму въ обществѣ, которое вовсе не ожидало такой книги отъ своего любимаго писателя.

Несмотря однакожъ на то, что почти всѣ вооружились противъ поворота его духовной дѣятельности, онъ продолжалъ итти своимъ путемъ, и въ 1848 году привелъ въ исполненіе давно задуманное имъ путешествіе въ Іерусалимъ, съ которымъ онъ мистически связывалъ окончаніе „Мертвыхъ Душъ“.

Онъ совершилъ переѣздъ чрезъ пустыни Сиріи въ сообществѣ своего соучастника по гимназіи, Базили — того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Базили, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особеннымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ играть роль полномочнаго вельможи, который признаетъ надъ собой только власть „Великаго Падишаха“. Каково же было изумленіе арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тщедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить, не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе арабовъ о значеніи Базили въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ, что угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ позабывалъ дружескія условія и обращался въ избалованнаго ребенка. Тогда Базили рѣшился вразумить пріятеля самымъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Базили все-таки полновластный визирь „Великаго Падишаха“ и что выше его нѣтъ визиря въ имперіи.

Изъ Іерусалима Гоголь возвратился въ родную семью свою, къ матери и сестрамъ, въ село Васильевку, и здѣсь занялся

продолженіемъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, какъ это видно изъ его писемъ.

Каковы бы ни были достоинства этого похищеннаго у насъ судьбою произведенія, но актъ его созданія интересенъ уже потому, что Гоголь такъ долго готовился къ нему, такъ много для него страдалъ и томился жаждою свѣта и истины. Этотъ актъ христіански-поэтическаго творчества совершился въ Васильевкѣ — и потомъ сама Васильевка дѣлается для насъ уголкомъ въ высшей степени интереснымъ. Но по одному ли этому обстоятельству она интересна? Здѣсь протекло дѣтство нашего поэта; сюда онъ нетерпѣливо рвался, бывало, изъ надоѣвшей школы, чтобъ обновить свои силы послѣ томительныхъ экзаменовъ; здѣсь онъ, въ ранней юности, по собственнымъ словамъ его, былъ „окружаемъ почти съ утра до вечера весельемъ“ и, наконецъ, сюда, безъ сомнѣнія, часто улетала за свѣжими чувствами его творческая фантазія изъ отдаленнаго сѣвера и чужого юга. Бросимъ же взглядъ на эту счастливую точку нашего обширнаго отечества, къ которой долго-долго будутъ обращаться мысли многихъ и многихъ тысячъ людей со всѣхъ концовъ его.

Дорога къ деревнѣ Васильевкѣ изъ Полтавы замѣчательна въ томъ отношеніи, что на пространствѣ тридцати верстъ нѣсколько разъ перемѣняетъ свой характеръ. Ровная плоскость пахотныхъ полей склоняется въ долины, накропленныя кой-гдѣ свѣтлыми пятнами воды. Подымаетесь изъ долинъ на возвышенность — и передъ вами то, что собственно называется степью: невспаханная площадь во все пространство широкаго горизонта, со скирдами сѣна и стадами овецъ и рогатаго скота. Далѣе вы встрѣтите остатки старинныхъ лѣсовъ, гдѣ чаще всего видны дубы, свидѣтели татарскихъ набѣговъ и расправъ съ поляками. Скудная водою и богатая камышами рѣка Голтва нѣсколько разъ покажетъ вамъ свои „загогулины“, между селъ, спускающихся съ косогоровъ къ водѣ, между плоскихъ и гладкихъ какъ столъ возвышенностей, усѣянныхъ скирдами, и между густыхъ рощъ, обѣщающихъ — хотя напрасно — вдали обширные лѣса. Если ваши лошади бѣгутъ быстро, какъ бѣжали тѣ, на которыхъ ѣхалъ я, вы будете всю дорогу гоняться за развивающимися вдали заманчивыми видами, и скоро передъ вами появится бѣлая, съ зеленою крышею, небольшая церковь объ одной

главѣ, на холмѣ, тихо склоняющемся во всѣ стороны, соотвѣтственно плавнымъ линіямъ степныхъ долинъ и возвышенностей — Васильевская церковь.

Церковь стоитъ впереди села, которое закатилось въ долину, противоположную въѣзду на плоскій церковный холмъ и выказывается только своими деревьями, черными „дымарями“ да верхами хлѣбныхъ скирдъ. Съ правой стороны церкви, за небольшою купою дубовъ, видно господское гумно, предупреждающее путника, что тутъ не нуждаются въ хлѣбѣ; съ лѣвой — густой старый садъ или, пожалуй, роща, въ которой уютно укрылся помѣщичій домъ, со своими службами, амбарами и другими пристройками. Издали видны только красныя деревянныя кровли съ бѣлыми трубами, и кажется, что домъ со всѣхъ сторонъ окутанъ деревьями; но когда вы подъѣдете ближе, передъ вами, сквозь веселую рѣшетку, откроется просторный, весь зеленый дворъ, симметрически обставленный съ трехъ сторонъ постройками, которыя пріятно рисуются на садовой зелени.

Садъ въ деревнѣ Васильевкѣ имѣетъ лѣсной характеръ и лѣтомъ долженъ быть очень прохладенъ. Гоголь, въ свои пріѣзды домой, подсаживалъ лѣсныя деревья въ саду, гдѣ только находилъ для нихъ мѣсто. Домъ, въ которомъ теперь помѣщается семейство покойнаго Гоголя, построенъ не очень давно. Не въ немъ протекло дѣтство Гоголя. На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ низенькій, ветхій домикъ, украшенный затѣйливыми зубцами вдоль крыши, крыльцомъ съ намеками на готическій вкусъ, боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ. Гоголю, видно, дорого было воспоминаніе объ этомъ домикѣ, потому что онъ хранилъ собственноручный рисунокъ съ него въ своей записной книгѣ.

Истинное украшеніе дома составляетъ прекрасный грудной портретъ Гоголя, въ натуральную величину, писанный Моллеромъ около 1841 года въ Римѣ. Гоголь просилъ Моллера написать его съ веселымъ лицомъ, „потому что христіанинъ не долженъ быть печаленъ“ — и художникъ подмѣтилъ очень удачно привлекательную улыбку, оживлявшую уста поэта; но глазамъ его онъ придалъ выраженіе тихой грусти, отъ которой рѣдко бывалъ свободенъ Гоголь. Судя по этому портрету, авторъ „Мертвыхъ Душъ“ одаренъ былъ наружностью, которая не бросалась въ глаза съ перваго взгляда, но оста-

вляла пріятное впечатлѣніе въ томъ, кто его видѣлъ, а при повторенныхъ свиданіяхъ заохочивала изучать себя и, наконецъ, дѣлалась дорогою для сердца. Высокій лобъ, полузакрытый спущенными наискось свѣтлорусыми, лоснящимися волосами, тонкій съ небольшимъ горбомъ носъ, нѣсколько нагнувшійся надъ русыми усами, глаза, которые въ Малороссіи называютъ карими, съ тонкими, поднятыми какъ бы отъ удивленія бровями и легкій румянецъ щекъ на свѣтломъ, почти бѣломъ цвѣтѣ всего лица: таковъ былъ Гоголь въ то время, когда первый томъ „Мертвыхъ Душъ" былъ написанъ, а второй и третій существовали только въ его умѣ.

Къ осени Гоголь переѣхалъ въ Москву, гдѣ друзья встрѣтили его съ восторгомъ и окружили самыми почтительными и нѣжными заботами. Онъ велъ жизнь уединенную, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо извѣстныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью — и тогда не было предѣла его затѣйливымъ выходкамъ и смѣху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ Аксаковыхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранилъ страсть къ этимъ произведеніямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у Бодянскаго, для того, чтобъ понимать красоты пѣсенъ, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимою силою, какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества.

Здоровье Гоголя очень поправилось въ это время. С. Т. Аксаковъ говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ: „Я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, то-есть въ ноябрѣ и декабрѣ 1848 и въ январѣ и февралѣ 1849 года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога. Надобно замѣтить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не могъ выносить сильнаго холода и что теперь онъ одѣвался очень легко. Но не долго предавался я радостнымъ надеждамъ на совершенное возстановленіе его здоровья. Съ появленіемъ первыхъ оттепелей, Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра, очевидно, стала имъ овладѣвать. Однако 19-го марта,

въ день его рожденья, который онъ всегда проводилъ у насъ, я получилъ отъ него слѣдующую довольно веселую записку: „Любезный другъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, имѣють сегодня подвернуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Михайловичъ Языковъ и я, оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ бычачины на одно лишнее рыло".

Гоголь чувствовалъ, что суровая сѣверная зима дѣйствуетъ вредно на его здоровье, но въ его планы не входили уже поѣздки за границу, и потому онъ избралъ своимъ зимовьемъ Одессу, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію или въ Константинополь.

Спутникъ его былъ М. А. Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго изъ Василькова (Кіевской губерніи) еврея, съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, неизвѣстно почему, бричкою, или шарабаномъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую Максимовичу. Но еврей, порядившійся везти Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остаться подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до полученія паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства. Гоголь былъ въ страшной досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ путешественники пріискиваютъ себѣ другого „долгаго" извозчика изъ православныхъ.

Страннымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ѣхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія обстоятельства. По крайней мѣрѣ, онъ считалъ необходимымъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и предпочесть медленную и дешевую ѣзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что онъ везъ матери рублей полтораста серебромъ въ подарокъ.

Путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно, но Гоголь не чувствовалъ, повидимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ѣзды, такъ и на постоялыхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ, какъ ребенка, и онъ часто, для выраженія своихъ желаній, употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьники. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ „отправлялся къ Храповицкому",

а когда желалъ только отдохнуть, то говаривалъ своему спутнику: „Не пойти ли намъ къ Полежаеву?“ Хаживалъ онъ также къ „Обѣдову“ и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки. Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ бричкѣ, онъ предлагалъ товарищу „пройти пѣхондачка“ и мимоходомъ собиралъ разные цвѣты, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему Максимовичъ. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цвѣтовъ.

Гоголь зимовалъ въ Одессѣ, а изъ Одессы въ послѣдній разъ переѣхалъ въ свое предковское село и провелъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтущую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его смерть.

Наступила осень; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачъ. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ, какъ въ прошломъ году. Онъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства, въ которыхъ онъ былъ принятъ какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ нему, каждый зналъ его привычки, его любимыя удовольствія, и всѣ старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ или на вечеръ, онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненавистный для него фракъ или совѣтоваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ вообще меньше, нежели въ Петербургѣ, соблюдаются уставы своенравнаго comme il faut. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья и, между прочимъ, вареники, которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ разсказывалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ, на родинѣ, всякій разъ, какъ подавались на столъ вареники, непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее воззваніе: „Вареники-побиденики! сыромъ боки позапиханы, масломъ очи позаливаны!“

Это обстоятельство, между прочимъ, показываетъ, до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же, какъ и въ родной Васильевкѣ, могъ распѣвать украинскія

пѣсни своимъ, какъ онъ называлъ, „козлинымъ“ голосомъ, могъ молчать, сколько ему угодно, и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты, когда ему приходила охота читать свои произведенія, но и строгихъ критиковъ.

Никому не приходило и на мысль въ концѣ 1851 и въ началѣ 1852 года, что Гоголю не долго жить на свѣтѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которыя надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ.

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь — навѣрное не извѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи рукописи въ цензуру, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однакожъ, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ своей поэмы лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Толстого, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, что напечатать и что оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что и другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ — и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ близкой смерти, Гоголь подвелъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, что не отъ истины. Изливъ свою душу предъ Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ духовнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ сожженнаго „въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ“.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена, надѣлъ теплый плащъ, взялъ свѣчу и велѣлъ Семену слѣдовать за собою въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, через

которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеля нѣкоторыя бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесемкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобъ не жалѣть, когда выздоровѣетъ. „Не твое дѣло", отвѣчалъ Гоголь и самъ зажегъ бумаги. Обгорѣли углы тетрадей, и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и ворочалъ бумаги, крестясь и тихо творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ превратились въ пепелъ. Окончивъ свое auto-da-fé, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: „Что вы сдѣлали!" — „Тебѣ жаль меня?" сказалъ Гоголь, обнялъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ. Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь попрежнему въ каждой комнатѣ, легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что̀ сдѣлалъ, графу Толстому съ раскаяніемъ; жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ или допускалъ ихъ только на нѣсколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предлогомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ, и, уступивъ уже незадолго передъ кончиною настояніямъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Такъ прошли первая недѣля поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно, долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія.

Гоголь скончался 21 февраля 1852 г. Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24-го февраля происходило отпѣваніе его въ присутствіи градоначальника, попечителя Московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами университета и до самаго Данилова монастыря несенъ

преимущественно студентами, при многочисленномъ стеченіи народа. Гоголь похороненъ подлѣ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ вырѣзаны слѣдующія слова пророка Іереміи: „Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся".

Кулишъ.

Общій характеръ литературной дѣятельности Гоголя.

Когда Гоголь впервые вступилъ въ литературное поприще съ своими „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки" — это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ и поэтиченъ; еще не слыхать того грустнаго смѣха, который послѣ является единственнымъ честнымъ лицомъ въ произведеніяхъ Гоголя, и самое особенное свойство таланта поэта, — „свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка", выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, и легко и свѣтло оттого на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самого поэта: надъ нимъ какъ будто еще развернулось синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны. Здѣсь проявляется въ особенности необычайная чуткость его поэтическаго чувства. Можетъ-быть, ни одинъ писатель не одаренъ былъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигъ такъ пластической красоты, — красоты полной, „существующей для всѣхъ и каждаго", никто, наконецъ, такъ не полонъ былъ сознанія о „прекрасномъ" физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому самому ни одинъ писатель не обдаетъ души вашей такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разнимаетъ человѣка... Въ „Вечерахъ на хуторѣ" еще не видать этого безпощаднаго анализа: юморъ еще только причудливо-граціозенъ: въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленика, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Өедоровича Шпоньки въ которомъ таится уже однако зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Въ этомъ бытѣ, — простомъ и вмѣстѣ

поэтическомъ бытѣ Украины, поэтъ еще видитъ свою красавицу Оксану, свою Галю — чудное существо, которое спитъ въ „божественную ночь, очаровательную ночь“, спитъ, распуствъ черныя косы, подъ украинскимъ небомъ, когда на этомъ небѣ „серпомъ стоитъ мѣсяцъ“, тутъ все еще полно таинственнаго обаянія, и прозрачность озера, и фантастическія пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы-паночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А Сорóчинская ярмарка, съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскіе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ, эти дантовскіе образы народныхъ преданій. Все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чудно, какъ лепетъ ребенка, какъ сказки народа.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостью художника, воссоздавая этотъ бытъ. Онъ кончилъ его апотеозу эпопеею о „Тарасѣ Бульбѣ“ и „легендой о Віѣ“, гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, и гдѣ между тѣмъ въ тоскѣ безысходной, въ замираніи сердца, мчащагося съ вѣдьмою по безконечной степи философа Хомы Брута, слышится тоска самого поэта и невольно переходитъ на читателя. Уже и здѣсь Гоголь взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, принялся было онъ чертить истинно-человѣческія фигуры Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и остановился въ тяжеломъ раздумьи надъ страннымъ трагическимъ fatum, лежащимъ въ самой непосредственности ихъ отношенія, съ гиперболически-веселымъ юморомъ изобразилъ безплодныя существованія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича и, кончая свою картину, вынужденъ былъ однако воскликнуть: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Съ этой минуты онъ уже взялъ въ руки анатомическій ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже „сквозь зримый міру смѣхъ“ „незримыя слезы“. Гиперболическій юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ „Носѣ“, оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и вмѣстѣ съ тѣмъ все въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія, и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію...

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и, наконецъ, въ „Ревизорѣ“ одинъ уже смѣхъ только высту-

пилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе этой комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ, но въ массѣ тяжелыхъ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностью передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и словно развороченная однимъ прикосновеніемъ пустого проѣзжаго чиновника изъ Петербурга, этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона, глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую бренную удочку, — все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ, можетъ-быть, удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которую никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ. *Григорьевъ*

Постепенный ростъ художественнаго творчества Гоголя.

Одновременно съ обращеніемъ Гоголя отъ свѣтлаго міра юношескихъ грезъ къ сухой и черствой житейской прозѣ мы замѣчаемъ соотвѣтствующую перемѣну и въ сферѣ фантастическихъ образовъ, создаваемыхъ богатой творческой силой его генія. Какъ извѣстно, область фантастическаго занимаетъ весьма видное мѣсто въ его созданіяхъ. Какъ ни странно могло бы показаться это въ такомъ великомъ художникѣ-реалистѣ, Гоголь всегда или долго имѣлъ болѣе или менѣе сильную склонность къ таинственному и волшебному, такъ что въ значительной части его произведеній этотъ элементъ играетъ важную роль, и даже въ сюжетѣ „Мертвыхъ Душъ“ иные не безъ основанія находили что-то фантастическое. Такое присутствіе въ Гоголѣ постояннаго стремленія въ міръ чудеснаго на ряду съ величайшей способностью изображать повседневную жизнь никакъ не можетъ быть объясняемо исключительно внѣшними причинами, какъ, напри-

мѣръ, вліяніемъ родной украинской поэзіи и впечатлѣніями дѣтства; несомнѣнно, напротивъ, что оно имѣло болѣе глубокіе корни въ самомъ психическомъ складѣ этой богато одаренной натуры. Особенное значеніе въ данномъ случаѣ, конечно, необходимо приписать сильному возбужденію дѣятельности воображенія, такъ неутомимо работавшаго въ дни юности Гоголя.

Но характеръ фантастическихъ образовъ въ произведеніяхъ Гоголя постепенно мѣняется соотвѣтственно его духовному росту и происходившимъ въ немъ внутреннимъ перемѣнамъ. Въ раннюю пору юности фантазія Гоголя была настроена свѣтло и радостно, что неизбѣжно должно было отразиться на характерѣ его чудныхъ грезъ въ „Вечерахъ на хуторѣ“,— грезъ, плѣнительныхъ свѣжестью и нѣжнымъ благоуханьемъ этихъ раннихъ, роскошныхъ цвѣтовъ его творчества. Обаятельная веселость автора имѣла тогда своимъ источникомъ безграничную вѣру въ собственныя силы и въ свѣтлую звѣзду счастія, манившую его въ безпредѣльный просторъ жизни, а также и упоеніе тѣми осязательными успѣхами, которые давали ему отрадное чувство нравственнаго самоудовлетворенія. Охлаждающія юношескій пылъ неудачи, дрязги и мелочи обыденной колеи еще не успѣли подорвать въ Гоголѣ его лучшія мечты, и постепенное разставаніе съ ними совершалось не безъ внутренней борьбы. Напротивъ, въ часы горя и грусти Гоголь, какъ будто на зло ненавистной судьбѣ, долго сохранялъ счастливую способность находить убѣжище въ смрадной дѣйствительности въ неистощимомъ калейдоскопѣ чудныхъ созданій своего генія.

Въ „Авторской исповѣди“ Гоголь прямо объясняетъ происхожденіе своихъ первыхъ произведеній тѣмъ, что на него „находили припадки тоски“, и что для того, „чтобы развлекать себя самого, онъ придумывалъ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала“

Такъ было вначалѣ, когда потребность время отъ времени переноситься отъ скучной дѣйствительности въ міръ привлекательныхъ фантастическихъ грезъ была особенно сильна

въ Гоголѣ. Она удовлетворяла тогда его жаждѣ къ прекрасному и освѣжала его духъ, утомленный впечатлѣніями обыденной жизни. Чѣмъ глубже западали въ его душу тяжелые осадки, захваченные со дна мутнаго теченія наблюдаемой имъ жизни, тѣмъ громче говорило страстное желаніе отдохнуть отъ нихъ, забыться среди создаваемыхъ его пылкимъ воображеніемъ картинъ. Гоголь находилъ наслажденіе погружаться на нѣкоторое время въ поэтическую музыку очаровательныхъ образовъ, и пока беззаботно рисовалъ въ своемъ представленіи обаятельныя картины природы, плѣнительныхъ дѣвушекъ, дорогія, при всемъ своемъ комизмѣ, стороны родного украинскаго быта. Точно такъ же и въ его историческихъ изученіяхъ всегда выступали на первый планъ, съ одной стороны, заманчивыя своей таинственностью, а съ другой — поражающія воображеніе грандіозностью и величіемъ эпохи крестовыхъ походовъ, быстраго возрастанія политическаго могущества и мгновеннаго расцвѣта образованности арабской. Хотя въ послѣднемъ случаѣ мы указываемъ примѣръ, повидимому, непрямо подтверждающій склонность Гоголя къ фантастическому, такъ какъ примѣръ этотъ взятъ изъ области исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что Гоголь былъ всего менѣе историкомъ и что при занятіяхъ исторіей въ немъ всегда сказывался прежде всего художникъ, и притомъ художникъ, способный интересоваться въ наукѣ особенно тѣмъ, что̀, благодаря густому туману вѣковъ, давало приволье пылкому воображенію, неохотно мирившемуся съ скучными, прозаическими интересами повседневной жизни.

Но годы шли, и жизнь налагала на Гоголя свою тяжелую руку: полетъ фантазіи, наиболѣе свободной по самой сущности отъ суроваго давленія будничной прозы, тѣмъ не менѣе неизбѣжно отражаетъ всѣ колебанія и перемѣны въ духовной жизни человѣка. Особенно слѣдуетъ признать роковую власть надъ создаваемыми ею образами со стороны господствующаго настроенія извѣстной личности въ данное время. Только тогда возможно созданіе такихъ чудныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наивныхъ образовъ разныхъ нечистыхъ и колдуновъ, — въ томъ родѣ, какъ мы видимъ это въ „Вечерахъ на хуторѣ“, — когда на душѣ еще нѣтъ тяжелаго груза заботъ, и сохраняется неприкосновеннымъ юношескій вкусъ къ сказочнымъ, эффектнымъ сюжетамъ. Со временемъ все это исчезаетъ и понемногу

замѣняется стремленіемъ къ возстановленію душевнаго равновѣсія, нарушеннаго житейской сутолокой, въ направленіи болѣе близкомъ къ той самой удручающей будничной прозѣ, отъ которой не можетъ совсѣмъ укрыться поэтъ въ чудномъ мірѣ своихъ завѣтныхъ мечтаній. Существенная разница заключается здѣсь въ томъ, что юношескія грезы фантазіи Гоголя были гораздо дальше отъ дѣйствительной жизни, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ можно было почерпнуть отраду и освѣженіе; тогда какъ позже онѣ теряютъ свою кристальную чистоту, загрязняемыя цѣпкой тиной повседневныхъ мелочей. Ростъ художественнаго творчества Гоголя обнаруживался больше всего въ прогрессѣ неподражаемаго искусства улавливать и передавать незамѣтныя для другихъ, но весьма характерныя черты явленій окружающей жизни; но чѣмъ ярче и выпуклѣе становилось это изображеніе, тѣмъ больше исчезалъ тотъ наивный фантастическій колоритъ, которымъ были окрашены его первыя созданія, и въ самую сферу изображенія таинственнаго и чрезвычайнаго все больше проникалъ все тотъ же назойливый и грустный элементъ обыденной житейской прозы.

Это мы видимъ еще въ повѣсти „Вій", гдѣ „Гоголь съ рѣдкимъ мастерствомъ поставилъ въ центръ страховъ именно такого равнодушнаго человѣка, какъ Хома Брутъ, ибо надо было много ужасовъ, чтобы доконали они Хому Брута, и поэтъ могъ развернуть передъ своимъ героемъ всю страшную цѣпь чертовщины". Положимъ, что собственно черта эта встрѣчается и прежде въ творчествѣ Гоголя: слѣдуетъ вспомнить особенно „Заколдованное мѣсто" и „Пропавшую грамоту"; но въ „Віи" гораздо больше вполнѣ реальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненныхъ юмора бытовыхъ картинъ. Творческое воспроизведеніе жизни замѣтно растетъ здѣсь въ ширь и въ глубь и охватываетъ собою не одного человѣка или одинъ только случай, а цѣлую группу лицъ и довольно сложную фабулу; но чѣмъ сложнѣе и рельефнѣе рисунокъ Гоголя, тѣмъ увѣреннѣе вступаетъ въ свои права его художественный реализмъ. Нѣтъ нужды, что фантастическая канва въ повѣсти „Вій" несравненно богаче, нежели, напр., въ „Заколдованномъ мѣстѣ", и что вымыселъ разукрашенъ здѣсь болѣе яркими и прихотливыми узорами, но въ сущности ростъ реализма становится не менѣе явнымъ, нежели ростъ фантастическаго элемента.

„Хома Бруть молодецъ, сильный, равнодушный, безпечный, любитъ плотно поѣсть и пьетъ весело и добродушно. Онъ человѣкъ прямой: хитрости у него, когда онъ, напримѣръ, хочетъ отпроситься отъ своего дѣла или бѣжать, довольно наивныя. Онъ и лжеть-то, какъ-то не стараясь; въ немъ нѣтъ экспансивности — онъ слишкомъ лѣнивъ даже для этого“. Всю эту совершенно вѣрную характеристику можно въ значительной степени примѣнить и къ личности дѣда нѣкоторыхъ разсказовъ въ „Вечерахъ на хуторѣ“; но здѣсь какъ сюжетъ, такъ и психологическая сторона повѣсти гораздо ярче, глубже и совершеннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ равномѣрной степени возвысился и интересъ бытовой и описательный. „Величайшее мастерство Гоголя, — говоритъ все тотъ же цитированный нами авторъ, — выказалось въ той постепенности, съ которой намъ сообщается въ разсказѣ таинственное: оно началось съ полукомической прогулки на вѣдьмѣ, и правильное развитіе дошло до ужасной развязки смерти сильнаго человѣка отъ страха. Поэтъ заставляетъ насъ переживать шагъ за шагомъ съ Хомой всѣ ступени развитія этого чувства. При этомъ Гоголю было на выборъ два пути: можно было итти аналитически — говорить о душевномъ состояніи героя, или синтетически — говорить образами. Онъ выбралъ второй путь: душевное состояніе своего героя онъ объективировалъ, а работу аналитическую предоставилъ читателю“.

Чувство страха въ читателяхъ этой повѣсти постепенно усиливается: „Начиная съ момента, когда сотникъ послалъ въ Кіевъ за Хомой, *даже комическія сцены* (напр. въ бричкѣ) *не веселы*, потомъ идетъ сцена съ упрямымъ сотникомъ, его страшныя проклятія, красота мертвой, толки дворни, дорога до церкви, запертая церковь, лужайка передъ ней, залитая луной, тщетныя старанія себя ободрить, которыя только сильнѣе развиваютъ чувство страха, болѣзненное любопытство Хомы, мертвая грозитъ пальцемъ... Весьма напряженное чувство нѣсколько отдыхаетъ за день. Вечеромъ тяжелыя предчувствія, ночью — новые ужасы. Вамъ кажется, что уже всѣ ужасы исчерпаны, но поэтъ находитъ новыя краски, т. е. не новыя — онъ сгущаетъ прежнія“.

До такой степени искусства возвышается здѣсь Гоголь! но здѣсь же мы находимъ кульминаціонный пунктъ его творчества въ области фантастическаго, — по крайней мѣрѣ въ преж-

немъ вкусѣ; послѣ этого наступаетъ поворотъ въ другую сторону.

Самая страсть къ фантастическому начинаетъ ослабѣвать въ Гоголѣ и временами уступаетъ мѣсто чистѣйшему реализму. Въ „Миргородѣ“ впервые являются повѣсти, совершенно свободныя отъ фантастическаго элемента (если не считать въ „Вечерахъ на хуторѣ“ неоконченную повѣсть объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ). Такою повѣстью были „Старосвѣтскіе помѣщики“ и затѣмъ поэма „Тарасъ Бульба“, которая какъ бы поглощаетъ въ себя все бытовое и историческое въ повѣсти „Страшная месть“, оставляя міръ таинственныхъ страховъ и фантастическихъ приключеній на долю повѣсти „Вій“. Въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ опять нѣтъ фантастическаго элемента, хотя и встрѣчаются несомнѣнныя уклоненія въ сторону условной, а не фотографической правды, и, наконецъ, то же самое находимъ потомъ въ повѣстяхъ „Носъ“, „Портретъ“, „Невскій проспектъ“, „Шинель“, а вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ названныхъ петербургскихъ повѣстяхъ есть также и прямо фантастическій элементъ. На этомъ теперь и остановимся.

Въ петербургскій періодъ Гоголь почти совершенно утратилъ способность и желаніе давать волю прихотливому полету фантазіи и развлекать себя свѣтлыми образами и картинами, и если онъ еще отдавался по временамъ затѣйливой игрѣ представленій, придумывая смѣшныя сцены и положенія, то это была уже работа воображенія совершенно иного рода; здѣсь не было уже никакого отраднаго чувства, ничего волшебнаго и обаятельнаго. Самый вымыселъ получилъ теперь характеръ чересчуръ обыденный и сѣрый, нисколько не заслоняя собой поразительнаго реализма общаго содержанія тѣхъ повѣстей, въ которыя его вводитъ авторъ. Въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ встрѣчаются мелкіе фантастическіе штрихи, предназначенные единственно для усиленія комизма; но въ петербургскихъ повѣстяхъ они достигаютъ до предѣловъ цѣлыхъ невѣроятныхъ эпизодовъ или даже составляютъ преобладающее содержаніе цѣлаго произведенія, какъ мы видимъ это особенно въ повѣсти „Носъ“.

„Есть мнѣніе очень распространенное, что „Носъ" есть шутка своеобразной авторской фантазіи и авторскаго остроумія. Оно невѣрно, потому что въ разсказѣ можно усмотрѣть опредѣленную художественную цѣль — заставить людей почувствовать окружающую ихъ пошлость: фантастическое является здѣсь для того, чтобы служить цѣлямъ все болѣе торжествующаго реализма". Собственно говоря, именно въ наиболѣе проникнутыхъ суровымъ реализмомъ повѣстяхъ, какъ, напр., въ „Шинели", мы особенно часто встрѣчаемъ мелкое неправдоподобіе или, вѣрнѣе, условное правдоподобіе; но, пораженные яркостью и правдивостью цѣлой картины, мы этого не замѣчаемъ. Никто, конечно, не могъ бы поставить автору въ упрекъ невѣроятный подборъ именъ, какія попадались священнику передъ крещеніемъ Акакія Акакіевича, тѣмъ болѣе, что поэтъ несомнѣнно руководился здѣсь тонкимъ художественнымъ расчетомъ, изображая гоненіе судьбы на бѣднаго будущаго титулярнаго совѣтника, начавшееся съ самаго появленія его на свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, не составляя нисколько нарушенія истиннаго реализма, такія мелкія отступленія отъ требованій фотографической правды встрѣчаются нерѣдко въ петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя. Внѣшнее неправдоподобіе сюжета въ „Носѣ" имѣло, конечно, второстепенное, такъ сказать, служебное значеніе, давая возможность автору сосредоточить вокругъ разсказа о вымышленномъ происшествіи изображеніе пошлости въ разныхъ слояхъ петербургскаго населенія. Благодаря этому обстоятельству, автору въ небольшой повѣсти удается обрисовать характеръ понятій и интересовъ петербургскихъ мастеровыхъ, полицейскихъ, различныхъ подонковъ чиновничьяго и даже газетнаго міра, пошлую пустоту и жалкій уровень развитія женскаго круга въ низшихъ слояхъ общества, и пр. Все это было предметомъ усиленнаго изученія Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ, когда подъ вліяніемъ сходныхъ наблюденій онъ написалъ „Женитьбу", „Утро дѣлового человѣка", „Отрывокъ", и пр.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что въ данномъ отношеніи повѣсть „Носъ" представляетъ извѣстное сходство съ комедіями Гоголя, хотя вниманіе читателя здѣсь сосредоточено преимущественно на главномъ фантастическомъ приключеніи; отдѣльныя же лица, кромѣ майора Ковалева и цырюльника Ивана Яковлевича, обрисованы только вскользь.

Вся проза уличной толкотни, безучастнаго и сухого равнодушія къ нуждамъ ближняго со стороны мелкихъ представителей офиціальнаго міра, комическая безполезность совѣтовъ и сожалѣній, въ случаѣ какой-нибудь бѣды, совѣтовъ, не помогающихъ горю и не выводящихъ изъ затруднительнаго положенія, — начиная съ равнодушнаго доклада слуги о томъ, что полицеймейстера нѣтъ дома и кончая комическимъ совѣтомъ доктора Ковалеву положить носъ въ банку со спиртомъ, а мѣсто, гдѣ онъ былъ, обмывать холодной водой, - все это до избитой и жалкой казенщины выраженій пошлыхъ людей, даже о такихъ высокихъ и серіозныхъ предметахъ, какъ польза отечества и польза юношества; все это является снова воспроизведеннымъ позже въ болѣе полномъ и яркомъ видѣ въ повѣсти „Шинель".

Въ „Невскомъ проспектѣ" и въ „Шинели" авторъ пользуется фантастическимъ элементомъ явно для того, чтобы дать отдыхъ отъ гнетущаго чувства грусти какъ себѣ, такъ и читателямъ. Для этой цѣли авторъ какъ бы позволяетъ фантазіи насильственно разорвать преграду, отдѣляющую дѣйствительность отъ міра желаній. Такой же смыслъ можно признать за фантастическимъ элементомъ въ повѣсти „Портретъ", съ той, однако, существенной оговоркой, что въ послѣдней въ отличіе отъ обѣихъ ранѣе названныхъ повѣстей, желанія героя устремлены не на предметы вопіющей нужды или настоятельной нравственной потребности, а на пустую приманку богатства и роскоши.

Въ заключеніе настоящей главы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, касающихся повѣсти „Шинель", хотя принадлежащей къ сравнительно позднѣйшему времени творчества Гоголя, но времени, еще не выясненному съ полной точностью.

Въ этой повѣсти, проникнутой глубокой грустью автора и оставляющей положительно самое тяжелое впечатлѣніе изо всѣхъ произведеній Гоголя, мы встрѣчаемъ изображеніе частью сходныхъ предметовъ и лицъ, какія уже были описаны въ повѣсти „Носъ". Здѣсь передъ нами, между прочимъ, открывается тотъ же міръ мастеровыхъ, полицейскихъ и мелкихъ чиновниковъ. Но при этомъ чисто внѣшнемъ сходствѣ, — не входя въ подробный разборъ основной идеи обоихъ прозведеній, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, — мы

должны отмѣтить существенную разницу между обѣими повѣстями, заключающуюся въ томъ, что всѣ подробности разсказа въ „Шинели" гораздо сосредоточеннѣе сгруппированы около личности Акакія Акакіевича и случившагося съ нимъ печальнаго происшествія. Здѣсь, между прочимъ, наиболѣе ярко обрисована отталкивающая пошлость мелкаго чиновничьяго міра и его мертвое равнодушіе къ нуждамъ ближняго и къ собственнымъ профессіональнымъ обязанностямъ. При этомъ чрезвычайно характерно и заслуживаетъ вниманія массовое, такъ сказать, гуртовое изображеніе чиновниковъ: мимоходомъ живо представленъ жалкій уровень ихъ развитія, ихъ обыденный бытъ и привычки, усвоенные ими пріемы въ обращеніи съ просителями, ихъ любимыя развлеченія и интересы; но *нигдѣ*, кромѣ главнаго героя, не выдѣляется ни одна чиновничья личность. Чиновники всѣ сразу выступаютъ на сцену и одновременно сходятъ съ нея по требованію нити разсказа, передъ пропажей новой шинели, въ день общаго торжества у одного изъ начальниковъ. Всѣ лица, кромѣ героя повѣсти и портного Петровича, выведены затѣмъ, чтобы раскрыть съ художественной полнотой мысль, намѣченную въ словахъ: „какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ". Автора поразили въ жизни не только случаи безпощаднаго гоненія судьбы на жалкихъ и беззащитныхъ людей, но и тупая, безсознательная жестокость иногда повидимому, или даже и въ самомъ дѣлѣ, не злыхъ людей, по разнымъ мелкимъ побужденіямъ дѣлающихся ея орудіемъ въ преслѣдованіи какой-нибудь несчастной жертвы и безсознательно принимающихъ на себя роль гонителей или палачей. Мы желали бы обратить вниманіе въ разсматриваемой повѣсти также и на эту сторону ея идеи, заслоняемую обыкновенно для большинства читателей и даже критиковъ плачевной судьбой главнаго героя. Еще прежде, напр. въ повѣсти „Носъ" и во многихъ другихъ случаяхъ, Гоголь слегка затрогивалъ уже данный вопросъ, не обращая, впрочемъ, пока на него особаго вниманія; но въ „Шинели" эта мысль получаетъ бо́льшую опредѣленность и значеніе, какъ и самыя краски сгущены въ ней сильнѣе. Здѣсь мы снова находимъ тѣ же безполезные совѣты домовой хозяйки и одного изъ то-

варищей Акакія Акакіевича, порекомендовавшаго ему обратиться за содѣйствіемъ къ значительному лицу.

Что касается фантастическаго конца разсказа, то его, конечно, требовало до послѣдней степени напряженное чувство сострраданія и грусти, выразившееся въ словахъ: „исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое“ и проч.

Наконецъ, никогда не исчезающая потребность прибѣгать къ мечтѣ и къ воображаемымъ свѣтлымъ образамъ для того, чтобы сколько-нибудь забыться отъ гнетущаго кошмара тоскливой дѣйствительности и удовлетворить хотя на минуту неискоренимому желанію лучшаго, не сказалась ли и позднѣе въ измышленныхъ воображеніемъ Гоголя не фантастическихъ въ буквальномъ смыслѣ слова, но во всякомъ случаѣ и не реальныхъ личностей нѣкоторыхъ героевъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“? *Шенрокъ.*

Жизнерадостный характеръ колядокъ и щедривокъ *).

Наканунѣ праздника Рождества Христова или на первый день праздника, вечеромъ, когда мягкій, таинственный полусвѣтъ разливается на усыпанной снѣгомъ землѣ, и на дале-

*) Малорусская колядка — рождественская величальная пѣсня и затѣмъ — самое славленіе, самый походъ съ такими пѣснями примыкаетъ къ малорусскому же тѣсному значенію слова *коляда* — вечеръ 24-го декабря. Это значеніе, повидимому, древнѣе восточно-малорусскаго обычая, по которому „колядовать“ начинаютъ лишь съ вечера перваго дня Рождества Христова. Гоголь („Ночь подъ Рождество“) могъ еще и въ Полтавской губерніи зазнать обычай начинать колядованіе съ „богатої кути“ 24 декабря, существованіе котораго подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами. Цѣль колядокъ и щедривокъ, какъ она высказывается въ замѣткахъ и послѣсловіяхъ этихъ пѣсенъ, есть *дімъ звеселити. Вайда* (ватага) колядовщиковъ спрашиваетъ подъ окномъ хаты:

Отъ сего діму, отъ веселому,
Ци повелите колядовати,
Колядовати, дімъ звеселити
Дімъ звеселити, діти збудити?

На это хозяинъ, выглянувъ въ окно, отвѣчаетъ: „весельтеся, весельте!“ Значитъ, колядовщики, развеселяя домъ, и сами себя веселятъ. *Потебня.*

кихъ небесахъ затеплятся, словно божественныя лампады, безчисленныя звѣзды, въ южнорусскихъ селахъ молодые парни (парубки) ходятъ небольшими толпами по улицамъ, останавливаются передъ окнами зажиточныхъ домохозяевъ и звонкимъ голосомъ поютъ величальныя пѣсни, уподобляя домохозяина солнцу, жену его лунѣ, дѣтей ихъ звѣздамъ и высказывая имъ пожеланія всякаго благополучія....

Да бувай здоровъ и въ вику довгій,
Самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ усимъ родомъ.
Дай же тобя, Боже, чого жадаешь,—
Здоровья въ твій домъ на челядочку,
Щастя на двирь, на худобочку.

Далеко въ морозномъ воздухѣ несется радостная праздничная пѣсня, и просвѣтляется духъ селянина, освѣжаетъ его сердце свѣтлой надеждой на счастье. Выглянувъ въ окошечко, крестьянинъ говоритъ колядовщикамъ: „весельтеся, весельте", т.-е. веселитесь сами, себѣ на утѣху, и возвеселите мой домъ, мою семью. И въ хату врываются чистые звуки величальной пѣсни, врываются многообѣщающія пожеланія женить сына, выдать дочь замужъ, пожеланія урожая хлѣба и умноженія скота. Все тяжелое и смутное, что тревожитъ крестьянскую душу въ длинныя осенныя ночи, когда на соломенную крышу падаютъ крупныя капли холоднаго дождя, въ воздухѣ стоитъ сырая мгла, и шумливый вѣтеръ врывается въ наклонившуюся на бокъ дымовую трубу, угнетающія заботы, сомнѣнія и опасенія исчезаютъ, забываются подъ обольстительнымъ вліяніемъ веселой праздничной пѣсни. Колядка очаровываетъ воображеніе чертами и образами неземного счастья, наполняетъ бѣдную жизнь фантастическимъ довольствомъ, изъ укромной и сумрачной хатенки ведетъ въ чертоги богача, гдѣ повсюду блеститъ золото и серебро, поднимаетъ слушателя въ лучезарныя надзвѣздныя пространства. Точно по мановенію волшебнаго жезла отворяется небо; взору смертнаго представляются святые престолы и золотые кресты, и сама Богоматерь вьетъ изъ розъ вѣнки, чтобы украсить ими чело земныхъ тружениковъ-хлѣборобовъ, достойныхъ божественной любви и ласки. Въ рождественскихъ пѣсняхъ, колядкахъ и щедривкахъ, милосердное и сострадательное божество нисходитъ на землю, посѣщаетъ бѣдныя

людскія жилища и щедрой рукой раздаетъ довольство и счастье. Солнце обнаруживаетъ родительскую заботливость о крестьянскомъ домохозяйствѣ. Мѣсяцъ дружелюбно разговариваетъ съ людьми и открываетъ имъ, въ какой хатѣ въ предстоящемъ году будетъ свадебное веселье. Добрый молодецъ колядокъ не простой парубокъ, а богатырь, пренебрегающій вороными конями и червонцами и любящій только дѣвушекъ-красавицъ. Дѣвушка въ колядкахъ не простая деревенская дивчина:

Въ хату пришла — паны стричають,
Паны стричають, шапки знимають,
Шапки знимають, іи питають:
Чи ты царивна? чи ты кроливна?

Крестьянскій дворъ окруженъ бѣлокаменными стѣнами; ворота сдѣланы изъ желтой мѣди. Въ хатѣ столы накрыты дорогими коврами; на столахъ стоятъ кубки, наполненные виномъ. Подарки, которые парень вручаетъ молодой дѣвушкѣ, обладаютъ большими достоинствами; золотой перстень блеститъ, какъ огонь; нитки крупнаго жемчуга тяготятъ бѣлую шею. Даже конь въ колядкахъ не простой, общеизвѣстный деревенскій конь, малосильный, захудалый, принятый однимъ иностранцемъ-путешественникомъ за животное особой породы — „conjaka“: золотая грива покрываетъ его широкую грудь; серебряныя копыта разбиваютъ подвернувшійся подъ ноги камень; глаза, подобные терновымъ ягодамъ, читаютъ всякое письмо.

Этотъ пѣсенный идеализмъ чего-нибудь да стоитъ! Вѣковая личная и имущественная зависимость, понижавшаяся иногда до степени рабства, сокрушила бы въ духовномъ отношеніи темнаго, безграмотнаго мужика, если бы его не поддерживала постоянно чародѣйка-пѣсня, уносящая мысль и чувство куда-то далеко-далеко, гдѣ и свѣтло, и тепло, и уютно. Удрученные бѣдствіями, угнетенные горемъ находятъ въ очаровательномъ мірѣ поэзіи утѣшеніе; озлобленные и ожесточенные — успокоеніе и миръ души. Горе, вылившееся въ пѣснѣ, дѣлается полугоремъ, и міръ, представленный черезъ призму поэзіи, получаетъ новую привлекательность.

Сумцовъ.

Колядованье и щедрованье въ Малороссіи.

Въ первый вечеръ Рождества Христова мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти ходятъ колядовать подъ окна, а наканунѣ Новаго года щедровать (щедровать значитъ желать во всемъ изобилія и богатства). Домохозяевъ и господъ восхваляютъ или поздравляютъ со святымъ и щедрымъ вечеромъ. Есть колядчики, которые при пѣніи бьютъ въ бубны, звонятъ въ колокольчики и именуютъ въ своихъ пѣсняхъ хозяевъ, ихъ дѣтей или величаютъ ихъ особыми прозваніями. Колядуютъ до полуночи. Дѣвушки, ходя подъ окна, стараются подойти тихо и прислушиваются, что говорятъ, и изъ этихъ словъ выводятъ разныя для себя предзнаменованія. Колядскія пѣсни поютъ протяжно и за каждымъ стихомъ произносятъ: *святый вечиръ и добрый вечиръ*, а иногда отдѣльно. По окончаніи пѣсни поздравляютъ съ праздникомъ и святымъ вечеромъ, или Рождествомъ Христовымъ.

Иные изъ колядниковъ, подходя подъ окно, говорятъ: *чи колядовать?* или: *благословите вечиръ славить;* имъ отвѣчаютъ: *добре*. И одинъ изъ колядчиковъ произноситъ громко и скоро:

Колядую, колядую,
Ковбасу чую.

Сидитъ дьядько на стильцы,
Вбуваетця въ постильцы.
Здоровъ дьядьку износы,
А мыни винеси ковбасы.
Добрый вечиръ
Добрымъ людямъ!

Ой нашъ Царю, Царю,
Небесный Сапарю!
Пошли, Боже, многа лита
Сему господарю.
Добрый вечиръ!

Дѣвушки поютъ:

Ой якъ бье, такъ бье,
На шатры, на городъ.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный!

Вывели ему коня въ наряди.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный!
Винъ коня взявъ,
Шапочки не снявъ.
Не поклонывся.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный!
Вывели ему дивку въ наряди.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный!
Винъ дивку взявъ.
Шапочку снявъ
И поклонывся.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный!
Боже! дай вечиръ добрый.
Дай пиригъ довгій,
А якъ не дасте
То самы съѣсте.

Колядка взрослыхъ:

Чи дома панъ господарь?
А я знаю, що винъ дома,
Сидитъ же винъ въ конци стола.
А на ему шуба люба,
А на шуби поясочекъ,
А на поясочку калиточка,
А въ калитоци симъ шиляжечкивъ.
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ, братцы, по пирожечку;
Ще того мало,
Дайте кусокъ сала;
Ще того трышкы,
Дайте лемишки.
Дай, Боже, вечиръ добрый,
Дайте пиригъ довгій.
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ.

Въ Подлѣсьи дѣти поютъ:

Эй, коляду, коляду!
Дайте мачку и кутю!

Якъ не дасте, откажите,
Моихъ ножекъ не зябите.
Я дѣтинка маленкая,
Моя ножка босенкая.
Мыкъ, мыкъ!
Вынесте колядникъ.

Когда вообще колядующимъ выносятъ что-нибудь, тогда благодарятъ:

Спасибо тоби, дядьку,
И шелягивъ кипа.
Щобъ же у тебе у поли
Всего було вдоволи.

Въ заключеніи говорятъ: добрый вечиръ и всѣмъ на здоровье.

Ишовъ, перійшовъ мисяцъ по небу.
Святый вечиръ!
Да стрився мисяцъ съ ясною зорею.
Святый вечиръ!
Ой, заря, заря, де у Бога була?
Святый вечиръ!
Де у Бога була, де маешь стати?
Святый вечиръ!
Де маю стати?—у пана Ивана.
Святый вечиръ!
У пана Ивана, да на его двори.
Святый вечиръ!
Да на его двори, да у его хаты.
Святый вечиръ!
А у его хаты да дви радости.
Святый вечиръ!
Первая радость — сына жениты.
Святый вечиръ!
Другая радость — дочку выдаваты.
Святый вечиръ!
Сына жениты, молодца Евфимка.
Святый вечиръ!
Дочку отдавати, молоду Настусю.
Святый вечиръ!
Бувай же здоровъ, молодче Евфимку!
Святый вечиръ!
Да не самъ зъ собою: зъ отцемъ, зъ матерью.
Святый вечиръ!
И зъ милымъ Богомъ и зъ всимъ родомъ.
Святый вечиръ!
Зъ Исусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ!
Святый вечиръ!

По окончаніи пѣсни говорятъ: *Поздравляемъ васъ, пане добродію, и пани матко, и всигъ вашигъ зъ святымъ вечиромъ. Дай, Боже, вамъ довго жиaты да веселиця.* Колядовщикамъ высылаютъ денегъ, или дарятъ чѣмъ другимъ. Если долго имъ не даютъ, то продолжаютъ пѣть, пока не вышлютъ. Случается, что имъ ничего не даютъ, тогда говорятъ, что хозяинъ и хозяйка скупиндяги (скупые).

Слѣдующія пѣсни поютъ во время праздничныхъ забавъ:

Ой, въ Кіеви да на рыночку,
Та на жовтымъ песочку,
Тамъ дивочка садъ сажала,
Садъ сажала, поливала,
Поливаючи, примолвляла:
Рости, саду, высче мене,
Высче мене, красче мене!
Ой, гула, гула крутая гора,
Що не вродилась шкова трава,
Тылько вродила зелене вино.
Красная паня вино стерегла,
Вино стерегла, крипко заснула.
Якъ налитили райскіи пташечки,
Одзябали зелене вино,
Да пробудили красну панну.
Ой, скоражъ вона тоби учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула.
Ой, шуги, въ луги! райскіи пташки,
А мини вина самой надобно:
Брата жениты, сестру отдаваты,
Сама молода заручеaая.

Да чому ты, дивчино, гуляты не йдешъ?
Ой, якъ же мини гуляты пійты,
Що мои братики зъ війска пріихали?
Привезли мини три подарочка:
Першій подарокъ — золотый перстень,
Другій подарокъ — зеленая сукня,
Третій подарокъ — перловая нитка.
Золотый перстень, якъ огонь, сіяе,
Зеленая сукня слидъ заметае,
Перлова нитка голову обвязуе.

А въ сего пана скамья заслана,
Та на сей скамьи три кубки стоятъ;
Въ першемъ кубци медокъ солодокъ,
У другимъ кубци крипкіе вино.
У третьимъ кубци зелене вино.

Зелене вино — для пана сего.
Крипкіе вино — для жинки его.
Медокъ солодокъ — для дитокъ его.

Въ тому саду три корыстоньки:
Перша корысть — то оришиньки;
Другая корысть — то вышеньки,
Третя корысть — то яблучки.
Оришками чечоватися,
Яблучками подкидатися.
Да бувай здорова зъ батькомъ, матерью,
И зъ милымъ Богомъ, и зо всимъ родомъ.
Іисусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ.

Щедрованье — собственно праздникъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые щедруютъ вечеромъ подъ окнами. Случается, что участвуютъ въ щедрованіи молодыя женщины и парубки, но въ такомъ случаѣ они подвергаются посмѣянію, и имъ ничего не даютъ. Чтобы получить что-нибудь отъ домохозяевъ, они притворяются подъ голосъ дѣтей, однако ихъ голосъ узнаютъ. Это они дѣлаютъ изъ одной шалости.

Мальчики щедруютъ и поютъ вездѣ единообразно: или очень протяжно, или скоро:

Щедрикъ ведрикъ.
Дайте варсникъ,
Грудучку кашки,
Кильце ковбаски.
Ще того мало,
Дайте сала;
Ще того тришки
Дайте лемишки.
Або дайте ковбасу,
Я до дому понесу;
А якъ дасте кышку,
То зъимъ у затышку.
Дай, Боже, вечиръ добрый!
Дайте пиригъ довгій,
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ.

Васильева маты
Пишла щедроваты.
У стола стояла,
Золотой крестъ держала,
И золоту кадилницю.

Христитеся, люды!
Отъ вамъ Христосъ буде*).
Богу свичу ставте,
А намъ пиригъ дайте.

После пѣнія приговариваютъ:

Вечиръ добрый!
Давайте пиригъ довгій,
А хоть коротенькій,
Дабы смашненькій.
Маланка ходыла,
Васыля просыла:
Васыльку, мій батьку,
Пусты мене въ хатку.
Я жита не жала,
Честный крестъ держала,
Золоту кадыльнычку,
Срыбну хрыстыннычку.
Радуйтеся, люды!
Къ вамъ Христосъ буде.
Богу свичу ставьте,
А намъ пиригъ дайте,
А на тарылочку и денежку.

Да сивъ Христосъ да вечерята.
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье!
Да пришлажъ къ нему да Божая Маты.
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье!

Терещенко.

Досвѣтки и посидѣлки.

Съ поворотомъ солнца на зиму, съ уменьшеніемъ дня начинаетъ уменьшаться деревенская работа. Хлѣбъ собранъ и сложенъ на току въ высокихъ скирдахъ. Изъ дворовъ

*) Въ простонародіи господствуетъ мнѣніе, что родившійся Христосъ невидимо ходитъ на святой вечеръ и въ Новый годъ къ добрымъ людямъ и ниспосылаетъ на нихъ благословеніе, потому здѣсь и сказано: *отъ вамъ Христосъ буде*.

слышатся тяжелые удары цѣповъ по снопамъ. Въ пожелтѣвшихъ полевыхъ стерняхъ поселился паукъ и сталъ выводить свои причудливыя сѣти. Съ наступленіемъ длинныхъ и темныхъ сентябрьскихъ вечеровъ для исполненныхъ силы и энергіи деревенскихъ парней и дѣвушекъ наступаетъ досужее время. Не дремать же имъ по отцовскимъ хатамъ подъ тихое и однообразное жужжаніе материнскаго веретена! Деревенская молодежь собирается по временамъ въ просторной избѣ какой-нибудь бездѣтной вдовы и здѣсь ищетъ развлеченія въ пѣсняхъ и пляскѣ.

Начало вечерничныхъ гуляній различно, смотря по мѣстности, равно какъ по мѣстностямъ различается и степень ихъ продолжительности. Въ Оренбургской губерніи вечерницы бываютъ отъ Успенія до Сырной недѣли, въ Олонецкой губерніи отъ Рождества Христова до Великаго поста. Въ большей части Великороссіи и почти повсемѣстно въ Малороссіи вечерницы начинаются со дня Самсона-лѣтопроводца и продолжаются всю осень и зиму. Въ малорусской народной поэзіи начало вечернихъ гуляній отмѣчено коротко и выразительно:

Вже минули суниченьки и полуниченьки,
Вже настали осинния та вечерниченьки.

Вечернія собранія молодежи въ разныхъ мѣстахъ носятъ разныя названія: вечерницы, вечереньки, посидѣлки, досвѣтки, одинки, супрядки, улицы, бесѣдки. Различіе между вечерницами и улицами въ Малороссіи состоитъ въ томъ, что первыя бываютъ зимой въ хатѣ, вторыя — лѣтомъ на улицѣ. Вечерницы сложнѣе, продолжительнѣе и сопряжены съ бо́льшимъ весельемъ и бо́льшими расходами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи вечереньки отличаются отъ досвѣтокъ. Первыя бываютъ вечеромъ, при чемъ веселятся дѣвушки и парни; вторыя наступаютъ послѣ ухода парней и короткаго сна дѣвушекъ и состоятъ въ собраніи исключительно дѣвицъ, занимающихся шитьемъ, пряжей и пѣснями. Посидѣлки повсемѣстно состоятъ въ собраніи молодыхъ людей обоего пола. Вечернія супрядки въ г. Котельницѣ Вятской губ. состоятъ въ собраніи исключительно женщинъ. Въ Астраханской губ. отъ вечеринокъ отличаются посидки, въ которыхъ менѣе оживленія. На посидкахъ бываютъ и замужнія женщины.

Мѣстныя отличія малорусскихъ вечерницъ незначительны, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ этнографическихъ данныхъ.

„Въ Галичинѣ, какъ только окончится работа на полѣ и въ огородѣ, настаетъ пряденье. Во все это время замужнія женщины и дѣвушки, управившись дома, идутъ „съ кужельемъ на хаты", гдѣ кому нравится, и тамъ прядутъ до вечера Такія сходбища много способствуютъ поддержанію мѣстной народной жизни. На нихъ младшія отъ старшихъ выучиваются пѣснямъ, сказкамъ, пословицамъ, загадкамъ, вспоминаютъ и сохраняютъ въ памяти минувшее, былое. Сходбища эти бываютъ не только днемъ, но также и по вечерамъ, и тогда они называются вечерницами. На вечерницы вмѣстѣ съ женщинами сходятся и мужчины, остающіеся ночью безъ всякой работы. Вечерницами богаты въ особенности филипповки. Вечерницы походятъ однѣ на другія, и только вечерницы въ день св. Андрея Первозваннаго имѣютъ отличный характеръ".

Въ юго-западномъ краѣ для вечерницъ выбирается большая хата какой-либо вдовы или такого хозяина, у котораго малая семья Дѣвушки назначаютъ день для первыхъ вечерницъ, и вечеромъ, приходя съ работой, приносятъ съ собою разные припасы: пшеничную муку, творогъ, масло, картофель и т. д.; каждая должна что-нибудь принести, хотя въ незначительномъ количествѣ. Освѣщеніе каждая изъ дѣвушекъ обязана доставлять поочередно. Въ дѣятельномъ участіи дѣвушекъ въ устроеніи вечерницъ обнаруживается предпріимчивый характеръ малорусской женщины, по признанію этнографовъ, болѣе предпріимчивый, чѣмъ характеръ малороссовъ-мужчинъ. Часть принесенныхъ припасовъ употребляется на ужинъ, а другая, большая часть остается въ пользу хозяйки или хозяина дома.

Въ Полтавщинѣ осеннія и зимнія встрѣчи молодежи происходятъ на вечерницахъ, досвѣткахъ и грищѣ. Досвѣтки — собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся въ какую-нибудь избу для работы. Досвѣтки можно раздѣлить на двѣ части: на вечерницы и собственно досвѣтки. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь женщину и поручаютъ ей устроять свои собранія, принося кто что можетъ изъ провизіи, припасаемой дома секретно. Забравъ всѣ принадлежности работы

и не забывая провизія, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работой (это вечерницы), тамъ ночуютъ, встаютъ чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это досвѣтки). На вечерницахъ всегда, а на досвѣткахъ очень рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя забота, у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать дѣвушкамъ работать, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, гребнями и чѣмъ попадется. Разсказываютъ сказки, поютъ пѣсни. Иной парубчина хватитъ на скрипкѣ горлицу или метелицу, и начинается пляска. Въ то время, какъ вечерницы и досвѣтки представляются учрежденіями постоянными и правильными, грище является собраніемъ импровизованнымъ, въ родѣ пикника. Точно такъ же избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощеніе. На грище идутъ собственно веселиться, потому что дѣлается это во время праздниковъ.

Въ Воронежской губ. вечерницы устраиваются молодежью обоего пола, преимущественно въ осенніе вечера, въ хатѣ одинокой старухи. Дѣвушки являются съ работой и съѣстными припасами, въ числѣ которыхъ курица и яйца составляютъ необходимую принадлежность; парни приходятъ съ балалайками, скрипками и гармониками. Сначала время идетъ въ разговорахъ и остротахъ, потомъ слѣдуютъ пѣсни съ музыкой и пляскою, наконецъ — приготовленіе ужина и самый ужинъ.

Великорусскія посидѣлки очень сходны съ малорусскими вечерницами. Чтобы не вдаваться въ утомительныя подробности и не повторяться, ограничимся описаніемъ вечеренки или пирища въ сѣверной Россіи. Пирище устраивается въ межговѣнье (т.-е. не въ посты), отъ Покрова до Филипповскаго поста и отъ Рождества Христова до Великаго поста, въ домахъ, принадлежащихъ одинокимъ старухамъ или бѣднымъ поселянамъ, за небольшую плату. Люди зажиточные не допускаютъ устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ, изъ опасенія подвергнуть ихъ вліянію нечистой силы на три года. Вечеринки бываютъ обыкновенно по вторникамъ и воскресеньямъ, и въ понедѣльникъ и въ среду тогда, когда въ эти дни случится праздникъ. Расходы на вечеринку уплачиваются парнями сообща или однимъ молодцомъ. Дѣвушки являются съ прялками. Въ видѣ дозора приходятъ матери, а вслѣдъ за ними

и старухи-бабушки, каждая съ своей работой. Старушки усаживаются въ печномъ углу, а дѣвушки по лавкамъ. Вечерницы начинаются въ 6 часовъ пополудни, а кончаются въ 12, 1 или 3 часа утра. Изба освѣщена лучиной, иногда свѣчами, которыя становятся на грядкахъ въ видѣ люстръ. Парни обыкновенно входятъ толпой. Дѣвушки конфузятся, но не надолго; онѣ начинаютъ пѣть пѣсни, молодцы дружно подхватываютъ, и раздается веселый, стройный хоръ. Парни—охотники пошутить, порвать нитку, кинуть веретено въ уголъ, затушить свѣчку; но старухи этихъ шутокъ не любятъ, разсердятся, пошумятъ, и порядокъ скоро возстановляется. На вечеринкахъ дѣвушки ходятъ съ молодцами попарно, играютъ въ сосѣди, въ веревку, поютъ веселыя пѣсни или импровизируютъ шутливыя двустишія.

Въ восточной, средней и западной Россіи посидѣлки не представляютъ крупныхъ отличій отъ сѣверно-русскихъ пирицъ.

У южныхъ славянъ также встрѣчаются вечерницы. У болгаръ лѣтомъ бываютъ гулянья за околицей села; осенью и зимой, начиная съ 21-го ноября, въ Болгаріи бываютъ „седѣнки“, т.-е. посидѣлки. Дѣвушки и замужнія женщины собираются въ одной избѣ для общей работы и общаго веселья. Впрочемъ, „момицы“ (замужнія женщины) рѣдко посѣщаютъ сидянки. Обыкновенно, сидянки представляютъ собраніе 4—8 момъ (дѣвицъ) и одинаковаго числа ергеней (парней). За каждой дѣвушкой слѣдуетъ мать, тетка или какая-нибудь другая родственница. На сидянкахъ момы прядутъ, распѣвая пѣсни, а ергени забавляютъ ихъ и смѣшатъ пѣснями.

Повсемѣстно на вечерницахъ поютъ пѣсни. Вечерничныя пѣсни многочисленны и разнообразны. Въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя давали бы поводъ выдѣлить ихъ въ самостоятельный пѣсенный отдѣлъ. Вечерничныя пѣсни вполнѣ бытовыя; нѣтъ въ нихъ ни религіозно-миѳическихъ ни историческихъ мотивовъ. Содержаніе, большею частью, неважное, -небольшія сценки изъ семейной жизни, выраженіе любовныхъ желаній, безобидныя шутки и т. п.

Изъ вечерничныхъ пѣсенъ наибольшій бытовой интересъ представляютъ пѣсни шутливыя; къ тому же пѣсни послѣдняго разряда не лишены художественнаго достоинства. Любопытнѣе всего, между великорусскими и малорусскими шутли-

выми вечерничными пѣснями обнаруживается большое сходство. Ограничимся однимъ примѣромъ. На далекой юго-западной окраинѣ русской земли, въ Холмской Руси, во время уличныхъ игръ, преимущественно во время „кривого танця“, дѣвушки поютъ пѣсни, въ которой дѣвичьей красотѣ противопоставляется парубоцкое безобразіе. Между прочимъ, поютъ:

Ой, диво дивное, диво!
Пошли дивоньки на жниво;
Жнутъ дивоньки жито, пшеныцю,
А парубоньки куколь, митлыцю.
Чого дивоньки красныя?
Бо йдять пироги мясные,
Масломъ поливають,
Перцемъ посыпають.
А парубоньки блидныи,
Бо йдять пироги пистныи,
Золою (щелокомъ) поливаютъ
И попеломъ посыпаютъ.

Въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи во время кривого танця“ дѣвушки поютъ подобную пѣсню:

Дивоцькая краса —
Якъ литняя роса,
Въ меду ся купала,
Въ меду выгравала.
На парубочкахъ краса
Якъ зимняя роса,
Въ смоли ся купала,
Въ дегти выгравала.
Помалу ступайте,
Пылу не збивайте,
Шматя не валяйте.
На дивонькахъ шматя —
То шовкъ та китайка,
Кармазинова крайка.
А на парубкахъ шматя —
То мнхъ та рядинна,
Зъ заткала шапки,
Зъ клочья пояснина.

Подобнаго рода шутливыя пѣсни встрѣчаются въ Великой и Малой Россіи на свадьбахъ, при чемъ подруги невѣсты насмѣшки направляютъ на родныхъ и пріятелей жениха, преимущественно на свата.

Въ Тверской губерніи дѣвушки на вечерницахъ на приведенный мотивъ поютъ:

Пряльюшки, попрядальюшки!
А что же вамъ, пряльюшки,
Прясть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ — охлопочковъ,
Молодымъ молодушкамъ — чесаный ленъ,
Краснымъ дѣвушкамъ — бумажкы куделя,
Молодцамъ-щегольцамъ — омяльица.
Пряльюшки, попрядальюшки!
Что же вамъ, пряльюшки,
Ѣсть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ — хлѣбъ да вода,
Молодымъ молодушкамъ — хмель да сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ — колачики,
Молодцамъ-то щегольцамъ — дуранды*) кусокъ.
Пряльюшки, попрядальюшки!
А гдѣ же вамъ, пряльюшки,
Спать-то будетъ?
Старымъ старушкамъ — на печи въ углу,
Молодымъ молодушкамъ — на войлочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ — на перинѣ пуховой,
Молодцамъ-то щегольцамъ — со свиньями въ хлѣву.
Пряльюшки, попрядальюшки!
Чѣмъ-то васъ, пряльюшки,
Будетъ-то будить?
Молодцовъ-то щегольцовъ — полѣномъ по пятамъ,
Красныя дѣвушки, пусть онѣ спятъ:
Въ люди-то выйдутъ — намаются,
Всякой-то заботы наприймаются.

Въ Архангельской губерніи дѣвушки на бесѣдахъ иногда импровизируютъ двустишія, въ которыхъ высказываютъ свое мнѣніе о томъ или другомъ односельчанинѣ. Напримѣръ:

Александру — палка:
Жена его бахвалка.

Смыслъ понятенъ. Александръ долженъ бить палкой свою жену за хвастовство.

Алексѣю — дуга:
Жена его слуга.

---

*) Выбоина отъ конопляного масла.

т.-е. такая послушная, что хоть запрягай ее въ телѣгу, и она повезетъ.

Семену-то доска:
Жена его баска.

т.-е. срисовать портретъ красавицы и любоваться имъ.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ буковинскихъ русиновъ или высказывается сожалѣніе, что настали „молоди парубочки, не носятъ горилочки“, на вечерницы, или выражается желаніе дѣвушекъ, чтобы парубки подолѣе сидѣли на вечерницахъ. Въ одной малорусской пѣснѣ родители порицаютъ сына за посѣщеніе вечерницъ, повидимому, на томъ основаніи, что посѣщеніе вечерницъ отвлекаетъ парубка отъ дѣла. Въ южнорусскихъ и буковинскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что мать не пускаетъ дочь на улицу или на вечерницы. Простонародный пѣсенный мотивъ непусканія дѣвушки на вечерницы и вызываемыя тѣмъ сѣтованія послѣдней на мать вошли, между прочимъ, въ „Кобзарь“ Шевченка. Встрѣчаются малорусскія пѣсни съ такого рода содержаніемъ: замужняя женщина не можетъ заснуть въ лунную ночь, когда по улицамъ разносятся громкія пѣсни парубковъ и дивчатъ. Она проситъ мужа отпустить ее на вечерницы. Вся ея родня находитъ невозможнымъ исполнить эту просьбу, считая посѣщеніе вечерницъ замужней женщиной дѣломъ неприличнымъ, и мужъ даже грозитъ женѣ нагайкою. *Сумцовъ.*

Русалки по понятіямъ украинскаго народа.

Сообразно съ понятіемъ украинскаго народа о русалкахъ, нужно различать три вида и поколѣнія ихъ. Во-первыхъ — первобытныя, коренныя русалки, представляемыя въ видѣ взрослыхъ блѣднолицыхъ дѣвчатъ, съ русыми длинными, распущенными волосами. Родина ихъ, главное мѣстопребываніе — Днѣпръ; отсюда онѣ расходятся по другимъ рѣкамъ, озерамъ и самороднымъ криницамъ и тамъ пріумножаютъ свой родъ изъ рода людского — умершими безъ крещенія дѣтьми и утопленницами. Дѣвчата, кинувшіяся въ воду съ какого-либо горя, подхватывались русалками и обращались въ нихъ, и только тѣмъ и отличаются, что у нихъ зеленые

волосы. Что касается до умершихъ безъ крещенія дѣтей, то русалки любятъ красть ихъ изъ земли и уносить ихъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога, гдѣ полагается самое надежное имъ убѣжище отъ всякой нечеловѣческой силы, какъ по собственному свойству порога, такъ и по дѣйствію переступанія, которое и новорожденныхъ животныхъ предохраняетъ отъ нечистой силы. До семи лѣтъ, говорятъ, есть надежда спасти душу дѣтей, украденныхъ русалками, — особливо ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ петровокъ. Но если въ семь лѣтъ они не будутъ искуплены молитвами, тогда уже навсегда остаются въ русалкахъ. Эта порода русалокъ представляется въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтокъ, съ русыми кудрявыми волосами, въ бѣлой сорочкѣ, безъ пояса. Въ разныхъ мѣстахъ южной Руси онѣ зовутся мавками (т.-е. навками, мертвушками); но здѣсь, на Украйнѣ, это названіе неизвѣстно. Рожденныя на землѣ русалочки, выходя изъ воды во всю Зеленую недѣлю, радостно бѣгаютъ по полямъ, особенно по житамъ, трепля въ ладони и приговаривая:

Ухъ, ухъ, соломяный духъ!
Мене мати породила,
Нехрещену положила.

А тѣ изъ нихъ, которыя своими невѣнчанными матерями были потоплены въ водѣ, тѣ любятъ болѣе сидѣть и колыхаться на березахъ, приговаривая:

Новыи бильця,
Нове барыльце!
Мене мати не колыхала
Да въ воду пускала.

Тѣ же приговорки у русалочекъ, когда онѣ купаются или когда онѣ щекочутъ до смерти попавшихся имъ дѣвчатъ и молодицъ, которыхъ онѣ вообще не любятъ, несмотря, что тѣ для нихъ такъ усердно ломятъ и кладутъ на окнахъ горячій хлѣбъ, дабы онѣ питались его паромъ; что тѣ для нихъ (въ сѣверной сторонѣ) вѣшаютъ на деревьяхъ и намётки, и полотенца на сорочки, и пряжу: дѣвчата вѣшаютъ имъ на березахъ вѣнки. Лоскотъ (т.-е. щекотка) есть единственный способъ, которымъ всѣ русалки, большія и малыя,

наносятъ смерть человѣку; и для того онѣ пристаютъ къ людямъ подъ разными предлогами:

Ой, бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да русалочка.
Ты послухай мене, красна панночко!
Загадаю тобѣ три загадочкы;
Якъ угадаешъ, до батька пущу;
Коли жъ не вгадаешъ, до себѣ возьму.
Ой, що росте безъ кореня,
А що бѣжитъ безъ повода,
А що цвѣте да безъ цвѣту?
Камень росте безъ кореня,
Вода бѣжить безъ повода,
Папороть цвѣте безъ цвѣту!
Дѣвчинка загадочкы не вгадала,
Русалочка дѣвчинку залоскотала.

На украинскихъ степяхъ дѣвчата уже съ перваго дня Зеленой недѣли выходятъ изъ своего села или хутора не иначе, какъ имѣя при себѣ траву полынь, на тотъ случай, что можетъ выбѣжать русалка изъ-за степной могилы или изъ озерной долины, и станетъ спрашивать: „а що мати варила?“ и тогда надо отвѣчать: „борщъ да полынь!“ и надо при этомъ показать ей полынь. Подобно тому, если идти купаться на зеленыхъ святкахъ (разумѣется — не въ Сухій четвергъ), то надо сперва бросить въ воду нелюбимую русалками траву, говоря: „отъ вамъ полынь!“ и будетъ изъ воды сказано: „сама ты изгинь!“ и можно тогда купаться безбоязненно. А если кинуть мяту, говоря: „отъ вамъ мята!“ тогда будетъ въ отвѣтъ: „ты жъ наша мати!“ или: „тутъ тобѣ и хата!“ а если сказать: „отъ вамъ петрушка!“ и бросить ее въ воду, тогда русалки воскликнутъ: „ты жъ наша душка!“ и начнутъ щекотать. Русалки болѣе всякаго зелья любятъ петрушку; и по этой примѣтѣ я полагаю, что извѣстная игра въ драбушки есть представленіе русалокъ, которыя вообще очень любятъ плясать и кружиться; и для того въ продолженіе всѣхъ петровокъ выходятъ онѣ изъ воды на берегъ по ночамъ и особенно при свѣтѣ мѣсяца. Игра въ драбушки или въ драба состоитъ въ томъ, что двѣ дѣвушки, ставъ другъ къ другу лицомъ, схватываются протянутыми впередъ руками и, сступясь ногами близко, вертятся скоро, приговаривая на распѣвъ:

Дрôбъ, дрôбъ, соли дрôбъ;
На камени бочка.
Петрова дочка
Не робôтничка.
Выгнала бычка
За ворôтечка.
Пасись, пасись, бычку,
Поки спряду мычку!
Бычокъ не пасеться,
Мычка не прядеться.
Ставъ бычокъ пâстись,
Стала мычка прястись.

Потомъ онѣ вертятся скоро въ другую сторону, чтобы развертѣться, приговаривая:

Дробу, дробу, дробушечкы,
Наѣвшися петрушечкы;
Гиля, гиля до воды,
Наѣвшися лободы!

Говорятъ, что русалки иногда успѣваютъ заманить къ себѣ овчаря съ сопѣлкою и заставляютъ его играть себѣ всю ночь: и тамъ, гдѣ онъ притопывалъ имъ ногою въ ладъ, остается ямка въ землѣ, и даже на камнѣ, если онъ сидитъ на немъ, играючи на сопѣлкѣ: а тамъ на землѣ, гдѣ плясали и кружились русалки, еще лучше трава зеленѣетъ. За Десною извѣстна троицкая пѣсенка сложенія украинскаго:

Русалочкы, землячочкы,
На дубъ лѣзли, коры грызли,
Звалилися, забилися.

Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о русалочкахъ-мавкахъ, рожденныхъ на землѣ, на сухомъ дубѣ, которыи весьма могъ и къ нимъ относиться. *Максимовичъ.*

Вѣдьма по представленіямъ малорусскаго народа.

Вотъ портретъ старой вѣдьмы: пожилая женщина, чаще старуха, высокая, тонкая, худая, костлявая, нѣсколько сгорбленная, растрепанные или выбившіеся изъ-подъ платка волосы, большіе, съ сердитымъ выраженіемъ глаза, желтыи или сѣрые, косои изъ-подъ насупленныхъ бровей взглядъ,

всегда въ бокъ, а никогда прямо въ глаза другому человѣку; въ зрачкахъ „мальчики“ головою внизъ, ротъ широкій, губы тонкія, подбородокъ выдавшійся впередъ, руки длинныя. Вѣдьма ночью, когда всѣ домашніе уснутъ, садится на лопату, которой сажаютъ хлѣбы въ печь, вылетаетъ на ней въ трубу и летитъ въ Кіевъ, на Лысую гору, куда собираются всѣ вѣдьмы и черти на такъ называемый шабашъ. Шабашъ бываетъ подъ большіе праздники, въ особенности же „пидъ Велыкдень и Здвиження“; начинается онъ, „якъ люди обиснуть“, и продолжается „до первыхъ пивнивъ“. Извѣстно, что всѣ вѣдьмы и черти стараются до первыхъ пивнивъ убраться домой, во-свояси, иначе имъ уже не придется попасть туда до слѣдующей ночи. На шабашѣ происходитъ пляска, черти любезничаютъ съ вѣдьмами.

Говорятъ, что вѣдьма, желая отправиться на промыселъ, снимаетъ съ себя рубашку, намазываетъ все свое тѣло какою-то мазью, ставитъ послѣ этого въ печку горшокъ съ какою-то жидкостью, разогрѣваетъ ее, и когда жидкость начинаетъ испаряться, въ то время вѣдьма схватываетъ кочергу или помело, садится верхомъ какъ на лошадь, и улетаетъ вмѣстѣ съ парами жидкости въ трубу. Въ это время вѣдьма обладаетъ способностью перекидываться на собакъ, кошекъ и птицъ, летать подъ облака, давать по своему желанію, извѣстное направленіе тучамъ, задерживать дождевыя тучи. Вѣдьмы могутъ снимать съ неба звѣзды и прятать ихъ у себя въ хатѣ или, при своихъ полетахъ на шабашъ, сметать съ неба звѣзды своимъ помеломъ, отчего мы и видимъ иногда массу падающихъ звѣздъ.

По общепринятому мнѣнію, вѣдьмы передъ смертію долго и сильно страдаютъ. Чтобы узнать, отчего вѣдьма передъ смертію страшно мучится, надо взять хомутъ, стать у хатняго порога и посмотрѣть сквозь хомутъ на умирающую, — увидишь, что она со всѣхъ сторонъ окружена бѣсами, которые и мучатъ ее. Дабы избавить вѣдьму отъ продолжительной предсмертной агоніи, надо прорубить надъ нею потолокъ и вынуть изъ него одинъ изъ сволочковъ, или же положить ей подъ голову ножъ: тогда она сейчасъ умретъ. Когда вѣдьма умираетъ, страшно мучится и такъ стонетъ и корчится, что, при видѣ страданій ея, ни у кого не хватаетъ духу оставаться въ хатѣ. Она до тѣхъ поръ не

умреть, пока не просверлятъ дыры въ потолкѣ или, по другимъ, въ стѣнѣ надъ дверью. Послѣ смерти распространяется отъ трупа страшный смрадъ, и трупъ въ тотъ же день разлагается.

Погребаютъ женщинъ, слывшихъ вѣдьмами, по обыкновенному христіанскому обряду, какъ и прочихъ умершихъ естественною смертію крестьянокъ, но иногда хоронятъ ихъ поздно вечеромъ. Это бываетъ тогда, когда родственники умершей, боясь посѣщеній ея изъ могилы, просятъ священника прочитать надъ нею „заклятыи молитвы", а потому желаютъ, чтобы было поменьше народа при исполненіи этого обряда.

Если вѣдьма передъ смертію говоритъ домашнимъ, что она будетъ ходить къ нимъ и послѣ смерти, то, чтобы избавиться отъ этихъ ужасныхъ посѣщеній, ее прибиваютъ къ гробу коломъ изъ „квачальной осоки" или, по крайней мѣрѣ, осиновымъ колкомъ прибиваютъ крышку къ гробу. Иные говорятъ, что однѣ родимыя вѣдьмы могутъ вставать изъ могилъ, а вредная дѣятельность ученыхъ вѣдьмъ съ смертію ихъ вполнѣ прекращается; другіе же утверждаютъ, что всѣ вѣдьмы и послѣ смерти могутъ являться въ разныхъ видахъ, хотя вообще умершія вѣдьмы оставляютъ свои могилы рѣже, чѣмъ упыри. Ходятъ умершія души съ длиннымъ серпанкомъ; онъ такъ и волочится по землѣ; ходятъ онѣ дѣтей грызть, пить изъ нихъ кровь, а также хватать тѣхъ дѣтей, которыя воруютъ до Спаса изъ чужихъ садовъ яблоки. Чтобы вѣдьма перестала выходить изъ могилы, приглашаютъ священника отслужить заклятый надъ могилой молебенъ, откапываютъ трупъ, переворачиваютъ его лицомъ внизъ и вбиваютъ въ затылокъ осиновый колъ. Та изъ умершихъ вѣдьма, которая послѣ смерти не была прибита коломъ и заклята, встаетъ каждую ночь изъ могилы и ходитъ домой, но теперь она уже не можетъ измѣнять своего вида и не ходитъ доить коровъ, а ходитъ въ свою хату „вечеряты". Войдя въ хату, она будитъ кого-нибудь изъ домашнихъ и заставляетъ его давать ей вечерю, и если онъ чѣмъ-либо не угодитъ ей, жестоко бьетъ его. Вѣдьма будитъ и заставляетъ себѣ прислуживать одного и того же изъ домашнихъ, оставляя другихъ въ покоѣ, а когда прислуживающее ей лицо умираетъ, она перестаетъ ходить.

По мнѣнію мѣстныхъ крестьянъ-малороссовъ, существуетъ два вида вѣдьмъ, имѣющихъ своихъ представителей между мужчинами и женщинами: вѣдьмы и вѣдьмачи прирожденные и вѣдьмы и вѣдьмачи ученые. Первымъ таинственная сила вѣдовства дается отъ природы, вторыя пріобрѣтаютъ ее или отъ первыхъ путемъ ученія, или получаютъ ее отъ чертей взамѣнъ своей души. Первые въ своихъ отношеніяхъ къ обыкновеннымъ людямъ проявляютъ нѣкоторыя черты доброжелательства, помогая однимъ въ болѣзняхъ или защищая другихъ отъ злокозненныхъ нападеній своихъ злобныхъ сестеръ — ученыхъ вѣдьмъ. По такому характеру дѣятельности прирожденныхъ вѣдьмъ и вѣдьмачей ихъ часто смѣшиваютъ съ знахарками и знахарями, отъ которыхъ они, однако, существенно отличаются способностію къ превращеніямъ, каковой способности ни знахарки ни знахари не имѣютъ. Притомъ природные вѣдьмачи (вѣдьмуны, вѣдьмаки) являются начальниками всѣхъ вѣдьмъ и вѣдьмачей ученыхъ своего околотка и называются упырями (опырякамп). Хотя, впрочемъ, послѣднее названіе чаще относятъ къ блуждающимъ по ночамъ мертвецамъ, но, при ближайшихъ разспросахъ, оказывается, что эти мертвецы-кровопійцы, большею частію, были при жизни вѣдьмачами или, по крайней мѣрѣ, большими грѣшниками, находились въ сношеніи съ чертями. Ученые вѣдьмы и вѣдьмачи зловреднѣе природныхъ: на ихъ-то счетъ и должно быть отнесено большинство сказаній о разнаго рода козняхъ и напастяхъ, причиняемыхъ вѣдьмами сельскому люду.

Чудесная способность къ превращеніямъ, ночные полеты, умѣнье, какъ говоритъ народъ, морочить, отводить глаза, страшный даръ господства надъ самой природой, отдающій въ распоряженіе вѣдьмъ и вѣдьмачей грозу, дождь, градъ, бурю и засуху, — качества эти ставятъ вѣдьмъ и вѣдьмачей въ глазахъ народа въ одинъ рядъ съ колдунами и волшебниками. Наконецъ, посмертная дѣятельность, оставленіе могилъ для ночныхъ посѣщеній жилищъ и нападенія на живыхъ людей, преимущественно же на дѣтей, съ цѣлью высасыванія изъ нихъ крови, пожиранія или умерщвленія ихъ, представляютъ вѣдьмъ-упырей близко родственными по дѣятельности, почти тождественными съ разными кровожадными существами — олицетвореніемъ смертоносной язвы или просто смерти.

Такимъ образомъ широкій размахъ народной фантазіи захватилъ въ представленіи о природныхъ и ученыхъ вѣдьмахъ и вѣдьмачахъ оба великія начала жизни: начало добра и начало зла, въ ихъ вѣчно длящейся борьбѣ, и олицетворяетъ идеи дуализма въ изстари излюбленныхъ образахъ, умѣя и въ скромной обстановкѣ сельскаго быта отыскать слѣды ихъ борьбы, при чемъ, хотя свѣтлое начало обрисовывается слабѣе и блѣднѣе, чѣмъ противоположное ему темное, выступающее обыкновенно рѣзче и ярче, однако и въ этихъ дико звучащихъ для современнаго слуха отголоскахъ стародинныхъ вѣрованій мы находимъ въ основѣ вѣчную идеальную правду: торжество свѣта надъ тьмою вездѣ, гдѣ разсказъ не ограничивается сообщеніемъ одного какого-либо эпизода борьбы, а передаетъ весь ея ходъ.

Ивановъ и Чубинскій.

Вѣдьмы, по народнымъ вѣрованіямъ, доятъ по ночамъ чужихъ коровъ; выдаивая коровъ до крови, вѣдьмы тѣмъ самымъ портятъ ихъ; пугаютъ людей, превращаясь въ разныхъ животныхъ: въ собакъ, свиней, сорокъ и различные неодушевленные предметы. Онѣ же снимаютъ съ неба звѣзды (падающія) и прячутъ у себя подъ „покутьемъ" или въ погребахъ. Имъ также извѣстно искусство скрадывать съ неба дождь и росу, которые онѣ уносятъ въ завязанныхъ сосудахъ съ собой и хранятъ въ своихъ домахъ. Онѣ могутъ управлять какъ дождевыми, такъ и градовыми тучами; слѣдовательно, въ ихъ власти задержать дождь и тѣмъ причинить засуху и голодъ или навести градъ. Имъ приписываютъ также закрутки, или заломы на нивахъ, которыя онѣ закручиваютъ съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, чтобы причинить смерть тому хозяину нивы, который вздумалъ бы самолично, безъ помощи знахаря, вырвать заломъ, съ другой стороны, чтобы такимъ способомъ перетянуть къ себѣ чужое хлѣбное зерно. Вѣдьмы, какъ и упыри, сосутъ кровь у людей, въ особенности у парней и дѣвушекъ, и тѣмъ причиняютъ имъ смерть. Моровое повѣтріе и скотскіе падежи также приписываются вѣдьмамъ.

Вѣрованіе въ вѣдьмъ настолько распространено въ Малороссіи, что въ каждомъ селѣ вамъ укажутъ на одну или нѣсколько вѣдьмъ. Въ этомъ случаѣ не представляютъ исклю-

ченія даже большіе университетскіе города, какъ Кіевъ и Харьковъ, въ которыхъ жители предмѣстій имѣютъ своихъ вѣдьмъ. Вѣдьмы кіевскія извѣстны всей Россіи.

За вѣдьмъ признаютъ преимущественно женщинъ глубокой старости. Народу именно кажется подозрительной долговѣчность такихъ женщинъ, т.-е. онъ думаетъ, что свой вѣкъ вѣдьма можетъ продлить посредствомъ чародѣйства. Иногда, впрочемъ, въ число вѣдьмъ засчитываютъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ или вдовъ, но никогда, кажется, вѣдьмой не признаютъ дѣвушку.

Крестьяне дѣлятъ вѣдьмъ, по ихъ происхожденію, на двѣ категоріи: родимыхъ и ученыхъ; изъ нихъ прирожденныя вѣдьмы не такъ вредны, какъ наученныя. Внѣшнимъ признакомъ, по которому можно узнать вѣдьму, служитъ небольшой хвостъ. Но этотъ признакъ недоступенъ для людей, такъ какъ вѣдьмы старательно прячутъ его ото всѣхъ. Если при изслѣдованіи у какой-либо женщины, обвиняемой въ „видіомствѣ", не окажется хвоста, то ее въ такомъ случаѣ признаютъ за ученую вѣдьму, потому что хвостъ — необходимая принадлежность собственно прирожденной вѣдьмы.

Вѣдьмы стоятъ въ тѣсной связи съ чортомъ и при его помощи совершаютъ всѣ тѣ дѣйствія, какихъ обыкновенный человѣкъ сдѣлать не въ состояніи. По нѣкоторымъ вѣрованіямъ, чтобы сдѣлаться вѣдьмой, женщинѣ необходимо отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ, въ свою очередь, обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся ему женщины. Слетаясь на Лысую гору (по другимъ сказаніямъ — на Бабину или Осіянську), вѣдьмы входятъ въ ближайшую связь съ чертями. Есть, впрочемъ, и другія средства, помимо непосредственнаго сношенія съ чортомъ, сдѣлаться вѣдьмой. Эти секреты извѣстны прирожденнымъ вѣдьмамъ, которыя передаютъ ихъ своимъ ученицамъ. Въ однихъ мѣстахъ женщина, которая хочетъ сдѣлаться вѣдьмой, должна въ полночь на Юрія пойти на коровій бродъ, набрать въ ротъ воды со слѣда коровы-первенца, покропить этой водой *фигуру* на распутьи, снять съ себя всю одежду и, развѣсивъ рубашку на фигурѣ, затѣмъ лѣзть на фигуру вверхъ ногами. Въ другихъ мѣстахъ вѣдьма, взявъ кусокъ своего сыра, отправляется вмѣстѣ съ ученицей къ рѣкѣ. Когда вѣдьма раздробитъ сыръ и броситъ его въ воду, тотчасъ сбѣгаются

всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдьма, указавъ на это своей ученицѣ, говоритъ: „Такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдьмы". Если ученица не устрашится и примется учиться, тогда вѣдьма начинаетъ давать ей уроки колдовства. Хотя изъ приведенныхъ двухъ обрядовъ не видно, чтобы желающая научиться „видiомству" прямо сносилась съ чертями и отъ нихъ получала свои знанія, но практикуемое при этомъ поруганіе креста (фигуры), собираніе всякаго рода гадовъ, какъ извѣстно, принадлежащихъ къ излюбленнымъ тварямъ чорта, а главное,—слова учительницы, обращенныя къ ученицѣ, что она, дѣлаясь вѣдьмой, тѣмъ самымъ передаетъ свою душу чертямъ,—все это указываетъ на участіе въ дѣйствіяхъ вѣдьмъ дьявольской силы.

Самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины. Мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами, да и то имъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ особеннаго рода роль: они являются, такъ сказать, примирителями двухъ началъ —гуманнаго и дьявольскаго. Вѣдьмакъ, по народному вѣрованію, становится во главѣ вѣдьмъ; ему извѣстны всѣ вѣдьмы и чаровницы; самъ онъ ничего дурного не дѣлаетъ людямъ, а напротивъ, старается быть имъ полезнымъ, насколько это возможно въ его положеніи: распоряжаясь вѣдьмами, удерживаетъ вѣдьмъ отъ причиненія людямъ большого зла. На Лысой горѣ онъ предсѣдательствуетъ въ годичномъ засѣданіи вѣдьмъ и опредѣляетъ, что и какъ должны дѣлать вѣдьмы въ теченіе всего годового періода ихъ дѣятельности. Вѣдьмакъ — это человѣкъ, который родился отъ вѣдьмы. Онъ всегда представляется старикомъ съ длинной сѣдой бородой и длинными волосами на головѣ. Длинные волосы на головѣ —необходимая принадлежность вѣдьмака, потому что они скрываютъ присущій ему рогъ.

Другая спеціальность, приписываемая также мужчинамъ, это знахарство. Знахари, впрочемъ, не имѣютъ дѣла съ нечистой силой и дѣлаютъ людямъ преимущественно добро: вылѣчиваютъ наговорами отъ болѣзней, предсказываютъ будущее, отвращаютъ всякія бѣдствія, причиняемыя людямъ вѣдьмами, и т. п.

Кромѣ безвреднаго знахарства мужчины также занимаются чародѣйствомъ (чарівники, чаклуны), которое уже не можетъ

обойтись безъ участія нечистой силы. Но, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, число мужчинъ-чародѣевъ совершенно ничтожно по сравненію съ числомъ женщинъ, посвящающихъ себя этому занятію.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: есть ли существенная разница между чаровницами и собственно вѣдьмами?

Чаровницы, такъ же какъ и вѣдьмы, по своему происхожденію, дѣлятся на двѣ категоріи: однѣ — урожденныя, другія — научившіяся своему искусству отъ первыхъ. Прирожденная чаровница дѣлаетъ добро или зло людямъ, смотря по тому, подъ какой планетой она родилась. Наученная — та, которая, заключивъ союзъ съ чортомъ, обрекается дѣлать людямъ только зло. Такимъ образомъ по своему происхожденію и дѣленію на категоріи чаровницы почти не разнятся отъ вѣдьмъ. Но дѣятельность ихъ нѣсколько отлична. Чаровница разнымъ зельемъ и приговорами можетъ мѣшать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастье, заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую имъ особу, можетъ сдѣлать что-либо вредное для здоровья человѣка или причинить ему смерть, можетъ, наоборотъ, сдѣлать такъ, чтобы кому-либо была во всемъ удача, можетъ обратить человѣка въ волка и т. п. Притомъ для чаровницы не обязательно дѣйствовать такъ или иначе: она дѣлаетъ, что ей хочется или за что получаетъ выгоды; она дѣйствуетъ, какъ наемница, изъ-за денегъ. Дѣятельность же вѣдьмъ носитъ болѣе опредѣленный характеръ, заранѣе очерченный; дѣятельность вѣдьмъ, можно сказать, невольная, такъ какъ она заранѣе опредѣляется на весь годъ. Въ этомъ именно и заключается существенная разница между вѣдьмами и чаровницами. Впрочемъ, надобно сказать, что сфера дѣятельности вѣдьмъ то расширяется, то суживается, смотря по мѣстности и по мѣрѣ того, какъ испаряются въ народѣ суевѣрія. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ южной Руси вѣдьмы умѣютъ дѣлать очень многое, въ другихъ за ними оставляется лишь умѣнье доить чужихъ коровъ, превращаться въ разные предметы и летать на Лысую гору. Уже одно обстоятельство показываетъ, что въ теченіе времени происходили измѣненія въ области воззрѣній о дѣятельности вѣдьмъ.

Въ старину сфера знанія вѣдьмъ значительно была расширена противъ нынѣшняго. На это указываютъ самыя имена:

вѣдунъ, или видьмакъ, гидьмачъ, вѣдьма и вѣщица (въ сѣверныхъ губерніяхъ и у сербовъ) или вѣщая жонка (въ старину). Въ широкомъ понятіи *вѣдать* и *вѣщать* совмѣщались всѣ отправленія чародѣиства. О болѣе широкомъ значеніи слова *вѣдать* и, слѣдовательно, о тождествѣ вѣдовства съ чародѣйствомъ можетъ, напримѣръ, свидѣтельствовать слѣдующая формула присяги, по которой клялись служилые люди въ 1598 г. въ вѣрности избранному на царство Борису Годунову: „Ни въ платьѣ, ни въ иномъ, ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и не велѣти давати. . да и людей своихъ съ *вѣдовствомъ* не посылати и *вѣдуновъ* не добывати на государское лихо... и на слѣду всякимъ вѣдомскимъ мечтаньемъ не испортити и *вѣдовствомъ* по вѣтру никакого лиха не насылати... а хто такое, вѣдовское дѣло, похочетъ мыслити или дѣлати и того поимати“. Очевидно, что здѣсь не полагается никакой разницы между чародѣйствомъ и вѣдовствомъ.

Изложенныя раньше вѣрованія относительно вѣдьмъ показываютъ, что въ представленіи народа вѣдьмы являются врагами мирныхъ людей: онѣ нарушаютъ ихъ покой, причиняютъ разстройство здоровья, ущербъ имуществу, иногда даже посягаютъ на жизнь людей и производятъ общественныя бѣдствія, каковы: моръ и голодъ. Для совершенія этихъ дѣяній онѣ входятъ въ богопротивную связь съ чертями.

Признавая дѣятельность вѣдьмъ столь вредною для человѣческаго общества и, слѣдовательно, столь преступною, народъ издавна выискивалъ средства для того, чтобы узнавать виновницъ, предупреждать и пресѣкать ихъ преступныя дѣянія. Естественно, что въ старину, когда народъ былъ грубѣе и когда его понятія не расходились съ понятіями высшихъ сословій, и онъ принималъ большое участіе въ отправленіи правосудія, средства для испытанія вѣдьмъ и для ихъ наказанія были разнообразнѣе, гораздо реальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ жесточе, нежели впослѣдствіи.

Въ настоящее время, для того чтобы узнать, кто изъ женщинъ въ селѣ занимается „видіомствомъ“, крестьяне оставляютъ на великопостныя заговѣны немного сыра отъ пирога и съ нимъ идутъ въ церковь въ день Пасхи. Кто это сдѣлаетъ, тотъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ, стоящихъ въ церкви,

съ доенками на головѣ. Другіе, съ цѣлью получить возможность увидѣть вѣдьмъ, портящихъ коровъ, подлазятъ подъ новую борону или подъ новыя ворота. Стараются также имѣть собаку-первака, которая можетъ видѣть вѣдьму, когда та доитъ корову, и можетъ разорвать ее, если только вѣдьма не успѣетъ превратиться въ птицу и улетѣть.

Вообще считается крайне труднымъ дѣломъ поймать вѣдьму на мѣстѣ преступленія, такъ какъ она въ такихъ случаяхъ старается превратиться въ какое-либо животное или вещь. Но инымъ удавалось, говорятъ, схватить то животное или тотъ предметъ, напр. колесо или иглу, или клубокъ съ нитками, въ которые превращались вѣдьмы; у пойманнаго животнаго отрубали когти, а колесо или клубокъ втыкали на колъ и вѣшали на воротахъ. Затѣмъ уже поутру находили посаженною на колъ женщину, или же оказывалось, что какая-либо женщина на селѣ, неизвѣстно почему, вдругъ лишалась пальцевъ и т. п. Хорошимъ средствомъ поймать преступницу считается — взять изъ новыхъ, еще неношенныхъ штановъ очкуръ (гашникъ), освятить его вмѣстѣ съ пасхой, и съ нимъ караулить вѣдьму въ сараѣ. Какъ только вѣдьма придетъ, нужно ей набросить петлю на шею и держать крѣпко, несмотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

Если, несмотря на всѣ мѣры подобнаго рода, вѣдьма все-таки производитъ пакости, въ такомъ случаѣ для ея открытія обращаются къ пособію знахаря, и тотъ уже указываетъ виновницу.

Съ женщинами, заподозрѣнными въ видіомствѣ, потерпѣвшіе обыкновенно расправляются самолично, посредствомъ побоевъ. При этомъ, конечно, удостовѣряются, имѣетъ ли подозрѣваемая необходимый признакъ — хвостъ. „Случалось, говоритъ Маркевичъ, поймать иную вѣдьму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдьма, а самозванка“.

Въ прежнее время женщинъ, заподозрѣнныхъ въ причиненіи засухи, подвергали испытанію водою. Водѣ народомъ приписывается, кромѣ плодородящей и цѣлебной силы, еще очистительная и вѣщая сила. Напр., для предотвращенія зловредной способности умершихъ вѣдьмъ и колдуновъ отводить тучи и тѣмъ причинять засуху, вырываются ихъ трупы

изъ земли и бросаются въ воду или же водой поливаются ихъ могилы. Въ силу такого важнаго значенія воды, она употреблялась также для испытанія вѣдьмъ.

Легкій способъ испытанія вѣдьмъ водою состоялъ въ томъ, что подозрѣваемыхъ въ причиненіи засухи заставляли носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близъ села или на раздорожьи. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣнія въ вѣдіомствѣ.

Болѣе труднымъ и вмѣстѣ самымъ ходячимъ способомъ испытанія водою считалось топленіе женщинъ въ водѣ, такъ какъ признавалось, что вѣдьмы не тонутъ въ водѣ, хотя бы онѣ были связаны по рукамъ и ногамъ. Процессъ испытанія вѣдьмъ водою въ Малороссіи состоялъ въ томъ, что во время бездождія жители собирали всѣхъ женщинъ и приводили ихъ къ рѣкѣ или пруду. Приведенныхъ къ водѣ скручивали веревками, иногда даже навязывали имъ на шею камень, и бросали въ глубокое мѣсто; невинныхъ, которыя тотчасъ же начинали тонуть, вытягивали изъ воды съ помощью веревокъ, а тѣхъ, которыя долго держались поверхъ воды, признавъ за вѣдьмъ, обрекали на смерть. Обычай испытанія вѣдьмъ водою сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Женщинъ, обвиняемыхъ въ причиненіи засухи и голода, мора и другихъ подобныхъ бѣдствій, обрекали на смерть и сжигали или топили ихъ, или же закапывали живыми въ землю. *Ефименко.*

Народныя представленія малороссовъ о чертяхъ.

Черти происходятъ другъ отъ друга. Они, подобно людямъ, родятся, женятся, но не умираютъ. Нѣкоторымъ людямъ даже приходилось присутствовать при свадьбѣ чорта.

Однажды самый старый чортъ вздумалъ сравняться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертямъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда, чтобы полюбоваться своими работами, но Богъ разрушилъ это зданіе, и черти летѣли оттуда сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ, тамъ находится и

до настоящаго времени, получивъ отъ того мѣста, въ которое упалъ, свое названіе: который упалъ въ воду — „водяныкъ“, въ лѣсъ — „лісовыкъ“, въ болото — „болотяныкъ“, на поле — „полевой“, въ очеретъ — „очеретяныкъ“ и т. д.

Чорта народъ представляетъ въ видѣ человѣка небольшого роста, чернаго, ноги у него собачьи или куриныя, хвостъ коротκій, морда шировая, носъ длинный, глаза, — какъ раскаленные уголья, волосы черные, длинные и жесткіе, руки длинныя, съ длинными когтями, рога бараньи или козьи, одежда на немъ нѣмецкая, шляпа высокая.

Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шляпой съ широкими полями, собачью морду, хвостъ крючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чортъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козленка; онъ является проѣзжему и такъ жалобно блеётъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и, лаская, говоритъ: „козочка“, „козочка“, а онъ повторяетъ: „козочка“, „козочка“. Путникъ въ испугѣ бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козленокъ исчезаетъ. Чортъ любитъ искушать людей и дѣлать имъ вредъ.

Человѣкъ, сгоравшій желаніемъ разбогатѣть, рѣшился погубить свою душу и пошелъ въ полночь на перекрестную дорогу, тамъ троекратнымъ свистомъ вызвалъ чорта. Сатана не замедлилъ явиться къ нему и спрашиваетъ его:

— Чего ты хочешь?

— Богатства.

— Хорошо. Запиши же мнѣ свою душу.

Человѣкъ въ испугѣ отговаривается неимѣніемъ чернилъ; но чортъ, подавъ ему ножикъ, посовѣтовалъ разрѣзать мизинный палецъ руки и на поданной бумажкѣ принудилъ его записать собственною кровью свою душу. По возвращеніи домой, онъ видитъ у себя дома несмѣтное богатство и живетъ, не боясь растратить его.

Черти выходятъ изъ своего логовища и нашептываютъ человѣку, которому вздумаютъ повредить, чтобы онъ шелъ воровать, пьянствовать, разбивать, разрисовывая въ его воображеніи все это такими яркими красками, настоящую же жизнь — такою скверною, безобразною, или зовутъ его, особенно пьянаго, въ такое мѣсто, гдѣ онъ можетъ погибнуть.

черти особенно часто привязываются къ музыкантамъ, которые чаще всего встрѣчаются съ чертями.

Вѣрятъ, что въ пустыхъ, старыхъ, полуразрушенныхъ зданіяхъ непремѣнно живутъ черти и тамъ по ночамъ свищутъ. Въ полуразрушенныхъ, не дѣйствующихъ мельницахъ черти мелятъ нюхательный табакъ. Мѣсто, куда чортъ заведетъ человѣка, покажется такимъ прекраснымъ, что, какъ говорится, глаза разбѣгаются: тамъ и прислуга для гостя, и гостепріимство, и музыка, и пляски; гость, какъ бы въ какомъ обаяніи, проведетъ тамъ ночь. Послѣ ужина, состоящаго изъ богатыхъ яствъ, слуга подноситъ трубку, и гость съ наслажденіемъ предается этому. Наконецъ, его уводятъ въ спальню на мягкіе пуховики, и тутъ-то онъ отдыхаетъ, какъ никогда еще не отдыхалъ. Пропѣли пѣтухи — все кончено. Гость видитъ себя въ какомъ-нибудь пустырѣ, лежащимъ въ грязномъ мѣстѣ, или въ болотѣ, или камышѣ, или же сидящимъ на какомъ-нибудь бугрѣ и сосущимъ вмѣсто трубки комокъ засохшей земли или скотскаго помету. Опомнившись, онъ крестится и плюетъ во всѣ стороны: а гдѣ-нибудь въ углу спрятавшійся чертенокъ, въ круглой соломенной шляпѣ, одѣтый во фракъ, изъ-подъ котораго виднѣется собачій хвостъ, скалитъ ему зубы и хохочетъ во все свое чортово горло. Ночевавшій въ чортовомъ болотѣ почти всегда заболѣваетъ. *Чубинскій.*

—

Упыри въ народныхъ вѣрованіяхъ.

По однимъ представленіямъ нашего народа, упырь есть ублюдокъ отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. Отсюда и поговорка: *упырь и непевный усімъ відьмамъ родичъ кревный.* Но онъ живетъ какъ обыкновенный человѣкъ, отличающійся лишь злостью. По другому вѣрованію, упыри имѣютъ только образъ человѣческій, и въ сущности они настоящіе черти. Есть и такое вѣрованіе, что упыри — это трупы вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ людей, въ которыхъ послѣ ихъ смерти помѣстились черти и приводятъ ихъ въ движеніе. Упыремъ, впрочемъ, можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, если только его *овѣетъ* степной вѣтеръ. По внѣшнему виду упырь въ однихъ мѣстахъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка,

въ другихъ мѣстахъ его представляютъ человѣкомъ съ очень румянымъ лицомъ. На правой сторонѣ Днѣпра есть еще особый видъ упырей. Упырями тамъ называютъ дѣтей съ большой головой, съ длинными руками и ногами, словомъ — страдающихъ размягченіемъ костей, или англійскою болѣзнью. Такіе уроды „безъ костей" носятъ названіе *одміны* (по великорусски обмѣнышъ, или сѣдунъ), потому что ихъ подбрасываетъ людямъ нечистая сила взамѣнъ выкраденныхъ человѣческихъ младенцевъ. Въ Проскуровскомъ уѣздѣ Подольской губерніи народъ знаетъ дѣленіе упырей на двѣ категоріи — живыхъ и мертвыхъ. Отличительные признаки мертвеца-упыря тѣ, что у него лицо красное, лежитъ онъ въ гробу навзничь и никогда не разлагается; у живого лицо тоже красное, хотя бы онъ былъ старикъ, и, кромѣ того, чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе. Эта крѣпость тѣлосложенія необходима ему потому, что, по мѣстному вѣрованію, ему приходится таскать на своей спинѣ мертваго упыря; послѣдній безъ перваго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить.

По общераспространенному вѣрованію малороссовъ, упыри-мертвецы днемъ покоятся въ могилахъ, будто живые, съ краснымъ или, лучше, окровавленнымъ лицомъ. Ночью встаютъ изъ гробовъ и бродятъ по свѣту. При этомъ они летаютъ по воздуху или вылазятъ на могильные кресты, производятъ шумъ, пугаютъ путниковъ, гоняясь за ними. По болѣе страшны тѣмъ, что, входя въ дома, бросаются на сонныхъ людей, въ особенности на младенцевъ, и высасываютъ у нихъ кровь, причиняя этимъ смерть. Хожденіе ихъ по свѣту продолжается, какъ и остальной нечисти, до тѣхъ поръ, пока не запоютъ пѣтухи. Чуму и другія эпидемическія болѣзни, также засуху, неурожаи и другія общественныя бѣдствія тоже приписываютъ упырямъ и упырицамъ. Упырь-одмина, кажется, не вредитъ людямъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не ходитъ, а лишь можетъ сидѣть или лежать на одномъ мѣстѣ. Онъ приноситъ даже пользу потому, что, отличаясь провидѣніемъ будущаго, занимается предсказываніемъ того, что должно случиться съ людьми. Такой упырь, собственно говоря, никогда не умираетъ: когда его похоронятъ, онъ появляется въ другомъ мѣстѣ и начинаетъ вновь предсказывать будущее.

Избавлялись отъ упырей, выходящихъ изъ могилъ, тѣмъ, что откапывали ихъ трупы и пробивали грудь осиновымъ

коломъ. Но это средство не всегда помогало. Тогда считали необходимымъ прибѣгнуть къ болѣе радикальному средству — сжечь трупъ упыря. А если за упыря признавали живого человѣка, то онъ долженъ былъ погибнуть на кострѣ. И дѣйствительно, въ старину у насъ, какъ и на Западѣ, во время засухъ и мора сожигали на огнѣ упырей и вѣдьмъ. Для того, чтобы окончательно лишить упыря возможности вредить людямъ, передъ сожженіемъ его прибѣгали къ разнымъ символическимъ дѣйствіямъ: завязывали ему глаза, забивали глотку землей и т. п. *Ефименко.*

Повѣрья о кладахъ.

Кладовъ, по понятію народа, существуетъ множество, но всѣ они почти заклятые, и человѣкъ не можетъ ими пользоваться потому, что ими владѣетъ сатана. Обыкновенно деньги и другія цѣнныя вещи закапывались въ землю, и ихъ поручали или чорту, или желали, чтобы кто-нибудь воспользовался ими, и такіе счастливцы нерѣдко бывали.

Клады очищаются посредствомъ огня; они горятъ, большею частью, въ Великую субботу, ночью; нечистые — съ вечера, а чистые — передъ разсвѣтомъ; и кто видитъ, какъ они горятъ, въ особенности чистые, тотъ можетъ смѣло подойти и бросить на то мѣсто платокъ или портянку; деньги въ такомъ случаѣ подымутся наверхъ и останутся въ такомъ разстояніи, какова толщина брошенной вещи, и человѣку не будетъ большого труда взять ихъ; а если горятъ нечистыя деньги или заклятыя, то по очищеніи входятъ глубоко въ землю, и ихъ никто не находитъ.

Кладъ по народному понятію, можетъ найти только тотъ, „кому на роду написано". Когда закапываютъ кладъ, то его заклинаютъ на нѣсколько головъ; и если уже надъ нимъ пропало нѣсколько головъ, на сколько онъ заклятъ, то тогда кладъ тотъ дается всякому. Иногда бываетъ такъ, что кто-нибудь услышитъ, на сколько головъ заклинается кладъ, и притомъ неизвѣстно какихъ, тотъ употребляетъ хитрость: убиваетъ столько головъ животныхъ и бросаетъ на то заклятое мѣсто. Послѣ этого кладъ дается безъ труда.

Повѣрій про клады существуетъ множество, но всѣ они сходятся на томъ, что клады стерегутъ черти. Чистый кладъ можно взять безъ опасности потерять жизнь: стоитъ только подмѣтить, когда горитъ онъ, и бросить на мѣсто, гдѣ горитъ огонекъ, что-нибудь изъ одежды или обуви. Если брошенъ будетъ сапогъ, то кладъ будетъ въ землѣ по колѣно, если же бросить шапку, то придется рыть въ ростъ человѣка. Нечистый кладъ добыть труднѣе: здѣсь нужно необыкновенное присутствіе духа, при видѣ разныхъ привидѣній. Одно нечистое, скверное слово можетъ испортить все дѣло: кладъ, хотя бы уже и открытый, пойдетъ обратно въ землю и больше никогда не выйдетъ.

Клады, по вѣрованію народа, бываютъ двухъ родовъ: добрые и злые. Деньги и все драгоцѣнное закапываютъ въ землю съ цѣлью или сокрыть отъ грабежа и насилія, или укрыть отъ завладѣнія прямыми наслѣдниками. Въ первомъ случаѣ клады бываютъ добрые, а въ послѣднемъ — злые.

Человѣкъ скупой, зарывая свои деньги въ землю, всегда заклинаетъ ихъ, говоря: „Щобъ ці гроши одкопали такі руки, які закопали". Такими кладами постоянно завладѣваетъ чортъ, въ видѣ козы, кота, собаки. Отыскать такіе клады и воспользоваться ими очень трудно, потому что предварительно нужно отогнать чорта, который очень ревностно охраняетъ свое сокровище; впрочемъ, если кому и удается, то такіе клады никогда не пойдутъ въ пользу. Нашедшій такой кладъ непремѣнно будетъ воромъ, или разбойникомъ, или пьяницей, или, наконецъ, найденный кладъ будетъ у него украденъ. Мѣста добрыхъ кладовъ обнаруживаются или огнемъ, или привидѣніями, по большей части, въ видѣ дряхлыхъ, сѣдыхъ стариковъ. Если кто увидитъ, что горятъ деньги, и пожелаетъ воспользоваться ими, то долженъ непремѣнно на мѣстѣ появленія огня положить изъ чего бы то ни было крестикъ и бросить туда свою вещь. Опытные и расторопные всегда бросаютъ сапогъ, или подстилку изъ сапога, утверждая, что въ такомъ случаѣ горѣвшія деньги будутъ покрыты слоемъ земли такой толщины, какой толщины бываетъ подстилка; если кто броситъ шапку, то деньги горѣвшія войдутъ въ землю на глубину, соотвѣтствующую росту того человѣка. Если кому обнаружится мѣсто клада въ какомъ-нибудь привидѣніи, то онъ долженъ это привидѣніе перекрестить и поклониться ему.

Въ такомъ случаѣ привидѣніе само собой разсыпается кучей серебра или золота.

Утверждаютъ, что денегъ никогда не слѣдуетъ закапывать въ глиняныхъ сосудахъ, потому что онѣ очень глубоко войдутъ землю. Лучше всего закапывать деньги въ деревянныхъ ящикахъ.

Нѣкоторые клады закапываются на извѣстное число лѣтъ, по большей части —на семь. По прошествіи урочнаго времени кладъ превращается въ какое-нибудь животное: свинью, кошку, собаку и т. д. Тогда слѣдуетъ только толкнуть это животное, и оно разсыпется деньгами. *Чубинскій.*

Малорусская сказка о кузнецѣ и чортѣ, легшая въ основу повѣсти Гоголя: „Ночь предъ Рождествомъ".

Въ основѣ разсказа: „Ночь предъ Рождествомъ" лежитъ малорусская сказка о кузнецѣ и чортѣ, дополненная подробностями изъ другихъ малороссійскихъ преданій и повѣрій. Сказку эту въ болѣе полномъ видѣ мы находимъ между малороссійскими простонародными балладами, гдѣ она носитъ названіе „Кузнецъ". Кузнецъ Яремка былъ мастеръ своего дѣла и порой любилъ пѣсенку спѣть, поплясать, поиграть на своей свирѣли, и пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Въ кузницѣ у него подлѣ горнила, на самой печкѣ, висѣлъ намалеванный на холстѣ чортъ, повѣшенный кверху ногами. Яремка выпачкалъ чорта грязью и дегтемъ, выжегъ у него очи и всячески издѣвался надъ чортомъ. Чортъ рѣшился отомстить кузнецу, нанялся къ нему въ работники въ видѣ цыгана и сталъ перековывать старыхъ и больныхъ людей въ молодыхъ и здоровыхъ. Народу и денегъ повалило бездна. Но однажды работникъ-цыганъ отлучился, а старый баринъ Яремкинъ приходитъ къ Яремкѣ съ приказомъ перековать его въ молодца. Яремка сталъ перековывать, вынулъ изъ огня обгорѣлыя кости барина и молотомъ разбилъ ихъ вдребезги. Яремка осужденъ, какъ убійца. Идетъ онъ изъ острога въ родимую хату проститься съ ней навѣки и приглашаетъ священника съ молитвой; но какъ только священникъ началъ кропить забытый чортовъ портретъ надъ дверями, является про-

наршій работникъ-цыганъ и обѣщается Яремку выручить изъ бѣды, если онъ не будетъ кропить его портретъ святой водой. Сказано — сдѣлано. Послѣ этого Яремка снялъ чертовскій портретъ, отнесъ въ кузницу и бросилъ въ огонь. Холстъ сгорѣлъ, а проклятый метнулся въ трубу. И съ этой поры чортъ почернѣлъ еще хуже; его борода обгорѣла, и его любимое мѣсто осталось — кузнечныя трубы.

И у Гоголя въ „Вечерѣ наканунѣ Рождества“ главнымъ лицомъ разсказа является кузнецъ Вакула, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и хорошій маляръ. „Торжествомъ его (малярнаго) искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной на правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ св. Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злого духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣньями и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этой картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была покончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ клялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ, но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу и для этого рѣшился украсть мѣсяцъ“. На этомъ необычайномъ обстоятельствѣ основана вся цѣпь событій, совершившихся наканунѣ Рождества. Развязка ихъ тоже въ общихъ чертахъ напоминаетъ собою окончаніе малорусской сказки въ пересказѣ Л. Боровиковскаго. Когда Вакула кузнецъ, желая исполнить прихоть возлюбленной красавицы Оксаны, задумалъ прибѣгнуть къ помощи чорта и отдаться ему, чортъ вскочилъ кузнецу на шею, началъ отъ радости галопировать и думалъ про себя: „теперь-то попался кузнецъ! теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей“. Но Вакула, схвативъ чорта за хвостъ, сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался тихъ, какъ ягненокъ. „Постой же, — сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ!“

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія. „Помилуй, Вакула!—жалобно простоналъ чортъ, — все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!“ „А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сейчасъ же на себѣ! Слышишь, неси, какъ птица!“ „Куда?“ произнесъ печально чортъ. „Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!“ И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя подпимающимся на воздухъ. Такимъ образомъ и у Гоголя чортъ, желая отомстить кузнецу маляру, самъ попадается въ бѣду и силой крестнаго знаменія вынуждается оказать услугу кузнецу. Разница только въ способѣ чертовской услуги; но эта разница, по всей вѣроятности, зависѣла отъ разницы самой редакціи сказки у Гоголя, которая во всякомъ случаѣ вѣрна старипнымъ русскимъ представленіямъ о чортѣ, попадающемъ впросакъ.

На этомъ общемъ фонѣ народной сказки Гоголь помѣстилъ въ своемъ „Вечерѣ наканунѣ Рождества“ и другія частныя черты изъ малороссійскихъ народныхъ повѣрій и разсказовъ. Летанье вѣдьмъ на метлѣ черезъ печную трубу и знакомство ихъ съ чертями — общепризнанный народною миѳологіею фактъ. *Петровъ.*

Народныя преданія въ повѣсти Гоголя „Вій“.

Еще вѣрнѣе народнымъ преданіямъ повѣсть Гоголя „Вій“, о которомъ самъ авторъ ея говоритъ слѣдующее: „Вій есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ“. Намъ остается только разсмотрѣть, какъ воспользовался Гоголь готовыми народными преданіями. Въ основѣ этой повѣсти Гоголя собственно лежатъ два народныя преданія: объ упырѣ и Віи. Въ малорусскихъ сказкахъ разсказывается объ упырѣ, какъ одинъ человѣкъ получилъ отъ царя приказаніе читать три ночи псалтырь надъ его умершей дочерью-волшебницей, стоявшей въ церкви. Ему угрожала явная смерть, но отъ нея онъ спасается благодаря совѣтамъ

старичка (св. Николая) и даже женится на бывшей волшебницѣ. И у Гоголя философъ Хома Брутъ такимъ же образомъ читаетъ три ночи псалтырь надъ убитой имъ вѣдьмой, дочерью сотника, испытываетъ разные ужасы и, наконецъ, на третью ночь погибаетъ отъ нечистой силы. Его отыскало въ церкви чудовище Вій, призванное для этого убитой вѣдьмой въ церковь. Въ народныхъ преданіяхъ этотъ Вій составляетъ предметъ особаго сказанія и представляется приземистымъ, коренастымъ существомъ, у котораго вѣки опущены до земли. Когда ихъ насильно поднимутъ, отъ глазъ Вія летятъ молніи и вихри. *Петровъ.*

Отношеніе поэмы Стороженка „Марко проклятый" къ произведеніямъ Гоголя.

Въ поэмѣ „Марко проклятый" есть нѣкоторыя черты, роднящія ее съ произведеніями Гоголя.

Поэма „Марко проклятый" имѣетъ въ виду изобразить ту эпоху въ жизни малорусскаго народа, которую изобразилъ Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ", и такими же крупными, размашистыми штрихами. Личная судьба самого Марка проклятаго напоминаетъ судьбу героя Гоголевской повѣсти „Страшная месть". Въ послѣдней разсказывается, что при Стефанѣ Баторіи жили два казака, Иванъ и Петръ, и жили дружно, какъ братъ съ братомъ; наконецъ, Петръ изъ зависти рѣшился погубить своего названаго брата Ивана и столкнулъ его съ малюткой сыномъ въ глубокій провалъ между Карпатскими горами. На судѣ Божіемъ Иванъ просилъ Господа сдѣлать такъ, чтобы все потомство измѣнника Петра не имѣло на землѣ счастія; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и чтобы отъ каждаго его злодѣйства дѣды и прадѣды его не имѣли покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались изъ могилъ. „И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, — говоритъ Иванъ, — подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ этой горы въ самый глубокій провалъ". Послѣдній изъ потомковъ вѣроломнаго Петра и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ повѣсти Гоголя „Страшная месть". Это былъ колдунъ, который зарѣзалъ свою

жену, убилъ своего зятя и внука, хотѣлъ обольстить свою родную дочь и убилъ святого старца-схимника, признавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, которому нѣтъ помилованія. Гонимый внутреннимъ страхомъ, колдунъ вскочилъ на коня и направился было черезъ Каневъ и Черкасы въ Крымъ, но, противъ собственной воли, заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону, къ Карпатскимъ горамъ. Чудесный всадникъ ухватилъ колдуна рукою, поднялъ на воздухъ и бросилъ его въ пропасть. Въ то же время поднялись изъ земли мертвецы, вскочили въ пропасть, подхватили колдуна и вонзили въ него свои зубы. Нѣкоторые мотивы этой повѣсти, имѣющеи основаніе въ народныхъ легендахъ о великомъ грѣшникѣ, примѣняются къ Марку проклятому, отецъ котораго жилъ и дѣйствовалъ тоже при Стефанѣ Баторіи. Будучи вскормленъ кровью вмѣсто материяго молока, Марко сдѣлался неукротимымъ, кровожаднымъ человѣкомъ. Въ гнѣвѣ онъ чуть не убилъ своего отца, сжегъ вмѣстѣ съ хатою свою бывшую невѣсту и ея мужа, влюбился въ родную сестру и, наконецъ, убилъ свою родную сестру и мать. Тѣнь отца поднялась съ того свѣта и прокляла Марка: „Проклынаю и я тебе, сыну, зъ того свиту; не прыйме тебе ни земля ни пекло; будешъ ты, оглашенный, якъ той Каинъ, блукаты по свиту до страшнаго суду, ажъ поки добрыми дилами та щырымъ покояннемъ не спасешъ своеи души и загубленныхъ тобою душъ!... Носыся жъ по свиту зъ тяжкою твоею совистью и сими головами, що суботы Божои будемо до тебе приходыть!“ Съ послѣднимъ словомъ онъ кинулъ Марку отсѣченныя головы и пропалъ. И пошелъ Марко бродить по бѣлу свѣту съ этими головами, совѣтовался съ монахами и попами, и одинъ только пустынникъ въ Карпатскихъ горахъ обнадежилъ его милостію Божіею, если онъ будетъ исполнять святои законъ Господа и Его волю не изъ корысти и благъ будущей жизни, а на утѣху и великую радость своей душѣ и сердцу. Былъ Марко и въ „пеклѣ“, т.-е. въ аду, куда путь шелъ черезъ дупло, на высокой горѣ, въ Галицкой землѣ. Тамъ онъ толкался по пеклу цѣлую ночь и поразгонялъ всѣхъ чертей; но загубленныя имъ души сказали ему: „Тикай, Марко, звидци! На симъ свити ты насъ не вырятуешь, а тильки на тимъ!“ Съ тѣхъ поръ Марко, этотъ вѣчный украинскій жидъ, ходитъ съ своею страшною сумою по бѣлому свѣту и творитъ добрыя дѣла, для спасенія

себя и загубленныхъ имъ душъ. Въ войну Хмельницкаго съ поляками Марко являлся въ самыя критическія минуты и выручалъ казаковъ изъ бѣды, помогалъ раненымъ и погребалъ убитыхъ. *Петровъ.*

Украинскій и великорусскій элементы въ произведеніяхъ Гоголя.

Изъ біографическихъ свѣдѣній о Гоголѣ мы узнаемъ, что дѣдъ нашего поэта Аѳанасій Гоголь былъ въ свое время полковымъ писаремъ и женатъ на внучкѣ полковника Танскаго. Одно уже названіе писаря показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской академіи или, по крайнеи мѣрѣ, въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, „и кто знаетъ, — говоритъ Кулишъ, — не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ повѣсти „Вій“. Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Отъ него Гоголь могъ заимствовать и остатки старинныхъ преданій, заключающихся въ „Пропавшей грамотѣ“, „Тарасѣ Бульбѣ“ и т. п. Къ тому нужно прибавить, что въ семействѣ Гоголя должны были сохраняться и родовыя литературныя преданія. Одинъ изъ предковъ его по женской линіи, Танскихъ, несомнѣнно, воспитывался въ Кіевской академіи и въ свое время слылъ знаменитымъ стихотворцемъ, который притомъ же писалъ свои стихотворенія на украинскомъ языкѣ. Можетъ-быть, подъ вліяніемъ этихъ-то семейныхъ литературныхъ преданій Гоголь любилъ въ своей молодости старинныя малороссійскія произведенія. Вслѣдствіе этого самая рѣчь Гоголя, когда онъ воспитывался въ Нѣжинской гимназіи, отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми.

Еще тѣснѣе были у Гоголя связи съ новѣйшей украинской литературой и ея важнѣйшими представителями — Котляревскимъ, Гулакомъ-Артемовскимъ и особенно отцомъ своимъ. Большая часть эпиграфовъ къ его „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки“ взята изъ сочиненій этихъ и другихъ современныхъ имъ украинскихъ писателей. Самый тонъ разсказовъ,

карикатурно-юмористическихъ, совершенно въ духѣ этихъ писателей. Мѣстами даже есть заимствованія и подражанія. Совершенно справедливо Кулишъ видитъ сходство гоголевскаго Голопупенка въ „Сорочинской ярмаркѣ“ съ окарикатуреннымъ Энеемъ въ „Энеидѣ“ Котляревскаго. „Эхъ, хватъ! за это люблю!“ говоритъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, нимало не морщившись, выпилъ до дна, хвативъ ее потомъ вдребезги. „Что скажешь, Параска? какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!“ По мнѣнію Кулиша, это есть перефразированная рѣчь карикатурнаго Зевеса у Котляревскаго объ Энеѣ, кстати поставленная эпиграфомъ къ третьей главѣ „Сорочинской ярмарки“:

Чи бачишъ, вінъ який парнище?
На світі трохи е такихъ:
Сивуху такъ, якъ брагу, хлыще!
Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ.

Въ той же „Сорочинской ярмаркѣ“ супруги Черевики, Солопій и Хивря, напоминаютъ намъ басню Гулака-Артемовскаго о соименныхъ супругахъ, но являются въ иныхъ положеніяхъ, сходныхъ съ положеніями героевъ комедій отца Гоголя. Солопія, который хотѣлъ было продать на сорочинской ярмаркѣ свою кобылу, морочатъ точно такъ же, какъ москаль обманываетъ мужика въ комедіи Гоголя-отца: „Собака-вивця“, и очень можетъ быть, что самый эпиграфъ къ X главѣ „Сорочинской ярмарки“ заимствованъ изъ этой утраченной нынѣ комедіи. Любовныя похожденія Хиври съ поповичемъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ напоминаютъ намъ похожденія Хомы Григоровича въ другой комедіи отца Гоголя: „Простакъ“. Этотъ Хома Григоровичъ даже является героемъ предисловія къ „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Совмѣщая въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ всѣ элементы прежней и современной украинской литературы, Гоголь является достойнымъ завершителемъ новой украинской литературы перваго періода ея развитія. Но онъ не ограничивался одними интересами собственно украинской литературы и очень рано сталъ увлекаться чисто художественными стремленіями. „Русская литература того времени, — говоритъ

одинъ изъ воспитанниковъ „Гимназіи высшихъ наукъ“ въ Нѣжинѣ, — была проникнута духомъ Байрона: Чайльдъ-Гарольдовъ и Онѣгиныхъ можно было встрѣчать не только въ столицахъ, но даже у насъ, въ гимназическомъ саду“. Младшій профессоръ нѣмецкой словесности Зингеръ (съ 1824 г.) открылъ намъ новый живописный родникъ истинной поэзіи. Любовь къ человѣчеству, составляющая поэтическій элементъ твореній Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро привилась и къ намъ и много способствовала развитію характера многихъ. До Зингера на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣобѣденнымъ. Онъ умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательнымъ преподаваніемъ, — и не прошло года, какъ у новаго профессора были ученики, переводившіе „Донъ-Карлоса“ и другія драмы Шиллера; а вслѣдъ затѣмъ и Гете, и Кернеръ, и Виландъ, и Клопштокъ, и всѣ, какъ называли, классики германской литературы, не исключая даже и своеобразнаго Жанъ-Поль Рихтера, въ теченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера. Кстати замѣтить, что развитію германизма между нѣжинцами много способствовалъ „Телеграфъ“, коего изданіе въ Москвѣ началъ тогда Н. А. Полевой. Гоголь не могъ остаться въ сторонѣ отъ этихъ художественныхъ стремленій въ литературѣ, и мы видимъ, что онъ участвуетъ въ представленіи лучшихъ тогдашнихъ комедій русскихъ: „Недоросль“, „Урокъ дочкамъ“, и издаетъ въ гимназіи рукописные журналы со статьями, писанными высокимъ слогомъ. По выходѣ изъ гимназіи онъ еще болѣе подчиняется художественному направленію тогдашней русской литературы. Одинъ изъ украинскихъ разсказовъ Гоголя: „Страшная месть“ представляетъ, по нашему мнѣнію, попытку создать по народнымъ преданіямъ титаническій, мрачный типъ злодѣя въ духѣ байронизма. Мы имѣемъ основаніе думать, что типъ цыгана въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя, противорѣчащій народнымъ взглядамъ на цыганское племя, созданъ подъ вліяніемъ поэмы Пушкина „Цыгане“. Нѣкоторые видятъ на Гоголѣ вліяніе даже столь второстепеннаго писателя, какъ Марлинскій. Но въ послѣдствіи времени направляющую роль въ художественномъ развитіи Гоголя имѣлъ А. С. Пушкинъ. „Мы знаемъ изъ „Переписки съ друзьями“, — говоритъ Кулишъ, — что первыя главы „Мертвыхъ душъ“ читаны были уже Пушкину,

а въ „Авторской исповѣди“ говорится даже, что сюжеты „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ даны были Гоголю Пушкинымъ. Слѣдовательно, можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ „Тарасъ Бульба“, „Ревизоръ“, первая часть „Мертвыхъ душъ“, вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчальными пьесами, и посмотрите, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина: пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ одобряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ“.

Художественный элементъ въ творческой дѣятельности Гоголя не позволилъ ему остаться въ тѣсной сферѣ украинскихъ интересовъ и литературы и былъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ сліянію въ его произведеніяхъ украинскихъ интересовъ съ сѣверно-русскими и образованію цѣльнаго русскаго міровоззрѣнія. „Скажу вамъ одно слово насчетъ того, какая у меня душа, — хохлацкая или русская, — писалъ Гоголь въ 1844 году къ А. О. Смирновой, — потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа,—хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой, явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во время глупой молодости, пользуются

пока незаслуженными похвалами и даже не совсѣмъ заслуженными порицаніями, и въ нихъ виденъ покамѣстъ писатель, еще не утвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ, точно, есть кой-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто и не замѣтитъ и не увидитъ".

Въ этомъ художественномъ сочетаніи интересовъ двухъ племенъ русскаго народа состоитъ величайшая заслуга Гоголя, которую признаютъ и украинскіе писатели. Въ эпилогѣ къ „Чорной Радѣ" Кулишъ говоритъ слѣдующее о Гоголѣ: „Обратясь къ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе; матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Все-таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ „Мертвыхъ душахъ", этой великой попыткѣ произвесть нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ „Мертвыя души"? Сами москвичи признаютъ, что не будь Гоголь украинецъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (К. Аксаковъ). Но созданіе „Мертвыхъ душъ", или, лучше сказать, — стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ его „Исповѣди" и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ великорусскимъ, поэтъ, воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія бардъ казацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностію къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному русскому народу, какой только можетъ желать отъ украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ-быть, это — самое великое дѣло Гоголя по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ-быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо другомъ, оправдывается зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра. Со времени Гоголя взглядъ великоруссовъ на натуру украинца перемѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности

ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ-быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверо-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностію сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ также почувствовать. Назначеніе Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки. *Петровъ.*

Правдивость изображенія жизни, народность, простота вымысла и лиризмъ, какъ отличительныя свойства повѣстей Гоголя.

Задача реальной поэзіи въ томъ состоитъ, чтобы извлекать поэзію изъ прозы жизни, и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни. И какъ сильна и глубока поэзія Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“: что въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни животной, уродливой, карикатурной, и между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣетесь надъ ними, но безъ злости. И потомъ, вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ-быть, никогда не бывалъ въ Малороссіи, никогда не видалъ такихъ картинъ и не слыхалъ о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и, слѣдовательно, очень вѣрно; оттого, что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣ-

ческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка. Знаете ли вы, что такое привычка, это странное чувство, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана:
Замѣна счастія она.

Можете ли вы предположить возможность мужа, который рыдаетъ надъ гробомъ своей жены, съ которою сорокъ лѣтъ грызся, какъ кошка съ собакою? Понимаете ли вы, что можно грустить о дурной квартирѣ, въ которой мы жили много лѣтъ, къ которой мы привыкли, какъ душа къ тѣлу, и съ которою у васъ соединяются воспоминанія о простой однообразной жизни, о живомъ трудѣ и сладкомъ досугѣ и, можетъ-быть, о нѣсколькихъ сценахъ любви и наслажденія, и которую вы мѣняете на великолѣпныя палаты? Понимаете ли вы, что можно грустить о собакѣ, которая десять лѣтъ сидѣла на цѣпи и десять лѣтъ вертѣла хвостомъ, когда вы мимо нея проходили?... О, привычка — великая психологическая задача, великое таинство души человѣческой! Холодному сыну земли, сыну заботъ и помысловъ житейскихъ замѣняетъ она чувства человѣческія, которыхъ лишила его природа или обстоятельства жизни. Для него она истинное блаженство истинный даръ Провидѣнія, единственный источникъ его радостей и (дивное дѣло!) радостей человѣческихъ! Но что она для человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова? Не насмѣшка ли судьбы? И онъ платитъ ей свою дань, и онъ прилѣпляется къ пустымъ вещамъ и пустымъ людямъ, и горько страдаетъ, лишаясь ихъ! И что же еще? Гоголь сравниваетъ ваше глубокое человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть, съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите передъ нимъ потупя глаза и не зная, что отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока передъ своимъ учителемъ!... Такъ вотъ гдѣ часто скрываются пружины лучшихъ нашихъ дѣйствій, прекраснѣйшихъ нашихъ чувствъ! О бѣдное человѣчество! жалкая жизнь! И однакожъ вамъ все-таки жаль Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны! вы плачете о нихъ,— о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! О, Гоголь истинный чародѣй, и вы не можете представить,

какъ я сердитъ на него за то, что онъ и меня чуть не заставилъ плакать о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли!

Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клевещетъ на нее; онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и, въ то же время, не скрываетъ нимало и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту, въ сапогахъ, запачканныхъ известью; отъ колоссальной физіономіи богатыря Бульбы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, съ люлькою въ зубахъ и саблею въ рукахъ, до стоическаго философа Хомы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ и рюмка въ рукахъ.

„Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни. Это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни. И уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начинаетъ кушать. Потомъ велитъ принести Гапкѣ чернильницу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „сія дыня съѣдена такого-то числа“. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: „участвовалъ такой-то...“ Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться и, когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ“.

Скажите, Бога ради, можно ли язвительнѣе, злобнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣе и любезнѣе наругаться надъ бѣднымъ человѣчествомъ?... И все оттого, что слишкомъ вѣрно! А вотъ, посмотрите на жизнь Палемона и Бавкиды:

„Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. — Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ? — Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна, это я... Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: А что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить чего-

нибудь? — Чего же бы теперь закусить, Аѳанасій Ивановичъ? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ! — Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ, — отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. „Мнѣ кажется, будто эта каша“, говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, „немного пригорѣла; вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?“ — Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней. — „Пожалуй“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ и подставлялъ свою тарелку: „попробуемъ, какъ оно будетъ“.. — Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ. — „Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: „бываетъ, что и красный, да нехорошій“.

Замѣчаете ли вы здѣсь всю тонкость Аѳанасія Ивановича, который хочетъ разными околичностями отвести глаза своей сожительницы отъ своего ужаснаго аппетита, котораго онъ какъ будто самъ стыдится? Но посмотримъ на его дальнѣйшіе подвиги.

„Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріею Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ... Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной и говорилъ: „Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?“ — Чего же бы такого? говорила Пульхерія Ивановна; развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить! — „И то добре“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ... — Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселику? — „И то хорошо“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-что закусывалъ, въ половинѣ десятаго садились ужинать... Ночью иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по спальнѣ, стоналъ. Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: „Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?“ — Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна, такъ какъ будто немного животъ болитъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. „Можетъ-быть, вы бы чего-нибудь съѣли, Аѳанасій Ивановичъ?...“ — Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна, впрочемъ чего жъ бы такого съѣсть? — „Кислаго молочка или жиденькаго узвару съ сушеными грушами“. — Пожалуй, развѣ только попробовать, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка

отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку. Послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: „Теперь какъ будто сдѣлалось легче".

Какъ вы думаете объ этомъ? по-моему, такъ въ этомъ очеркѣ весь человѣкъ, вся жизнь его, съ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ! А супружеская любовь двухъ старцевъ, а насмѣшечки Аѳанасія Ивановича надъ своею сожительницею, касательно внезапнаго пожара въ ихъ домѣ, или, что еще ужаснѣе, касательно его намѣренія итти на войну; страхъ доброй Пульхеріи Ивановны, ея возраженія, ея легкая досада и, наконецъ, чувство самодовольствія, испытываемое Аѳанасіемъ Ивановичемъ при мысли, что ему удалось подшутить надъ своей дражайшей половиной! О, эти картины, эти черты — суть такіе драгоцѣнные перлы поэзіи, въ сравненіи съ которыми всѣ прекрасныя фразы нашихъ доморощенныхъ Бальзаковъ настоящій горохъ... И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но угадано чувствомъ, въ минуту поэтическаго откровенія! Если бы я вздумалъ выписывать всѣ мѣста, доказывающія, что Гоголь уловилъ идею описываемой жизни и вѣрно воспроизвелъ ее, то мнѣ пришлось бы списать почти всѣ его повѣсти, отъ слова до слова.

Повѣсти Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно художественнаго произведенія, если подъ народностью должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ, формахъ; слѣдовательно, если изображеніе жизни вѣрно, то и народно. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ малороссу, Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи не ограничивается одною Малороссіей. Въ его „Запискахъ сумасшедшаго", въ его „Невскомъ проспектѣ" нѣтъ ни одного хохла, все русскіе и, вдобавокъ, еще нѣмцы: а каково изображены имъ эти русскіе и эти нѣмцы.

Оригинальность у Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи русская поговорка: „началъ во здравіе, а свелъ за упокой“, можетъ быть девизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ эти картины жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею? Я уже говорилъ о „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ — объ этой слезной комедіи во всемъ смыслѣ этого слова. Возьмите „Записки сумасшедшаго“, этотъ уродливый гротескъ, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнью и человѣкомъ, жалкою жизнью, жалкимъ человѣкомъ, эту карикатуру, въ которой такая бездна поэзіи, такая бездна философіи, эту психическую исторію болѣзни, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира; вы еще смѣетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью: это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшитъ и возбуждаетъ состраданіе. Повѣсть о „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ съ этой стороны всего удивительнѣе. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по крайней мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка все же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣдовательно, еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ — существа совершенно пустыя, ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго; зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до траги-комической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! вотъ онѣ, эти чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!...

Комизмъ или юморъ Гоголя имѣетъ свой, особенный характеръ: это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Гоголь съ важностью говоритъ о бекешѣ Ивана

Ивановича, и иной простакъ не шутя подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи оттого, что у него нѣтъ такой прекрасной бекеши. Да, Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его ироніи, но эта иронія чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, а истинный-то юморъ Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь и, прибавлю еще, нимало не зависитъ отъ карикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить „Тарасъ Бульба", эта дивная эпопея, написанная кистью смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенчествующаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба герой, Бульба человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзной волей; описывая подвиги его кровавой мести, авторъ возвышается до лиризма и въ то же время дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени, и все это не мѣшаетъ ему по мѣстамъ смѣшить васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, убивающаго собственною рукой родного сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнъ надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки съ своимъ сыномъ, пьющимъ горѣлку съ своими дѣтьми, радующимся, что въ этомъ ремеслѣ они уступаютъ батюшкѣ, и изъявляющимъ свое удовольствіе, что ихъ добре пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой карикатурности изображеній заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностью, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный, и, можетъ-быть, тѣмъ скорѣе

достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему нѣтъ дѣла до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ „Горя отъ ума" я не знаю ничего, на русскомъ языкѣ, что̀ бы отличалось такою чистѣйшею нравственностью и что̀ бы могло имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти Гоголя. О, предъ такою нравственностью я всегда готовъ падать на колѣни! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ.

Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакожъ, не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно, только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ!

Итакъ, юморъ Гоголя есть юморъ спокойный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ.

Гоголь сдѣлался извѣстнымъ своими „Вечерами на хуторѣ". Это были поэтическіе очерки Малороссіи, очерки полные жизни и очарованія. Все, что̀ можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ — обольстительнаго, все, что̀ народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, — все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ герояхъ Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви... Читайте вы его „Майскую ночь", читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и метелями: вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица,

жертва ненависти злой мачехи, это оставленное жилище съ однимъ раствореннымъ окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ... Это впечатлѣніе очень похоже на то, которое производитъ на воображеніе „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира. „Ночь предъ Рождествомъ" есть цѣлая, полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей, словомъ, тутъ вся поэзія его жизни. „Страшная месть" составляетъ теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ", а обѣ эти огромныя картины показываютъ, до чего можетъ возвышаться талантъ Гоголя. Но я никогда бы не кончилъ, если бы сталъ разбирать „Вечера на хуторѣ". „Арабески" и „Миргородъ" носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше этого упоенія, этого лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Мы, москали, и не подозрѣвали ея!... „Невскій проспектъ" есть созданіе столь же глубокое, сколько и очаровательное; это двѣ полярныя стороны одной и той же жизни, это высокое и смѣшное о бокъ другъ другу. На одной сторонѣ этой картины, бѣдный художникъ, безпечный и простодушный какъ дитя замѣчаетъ на Невскомъ проспектѣ женщину-ангела, одно изъ тѣхъ дивныхъ созданій, которое могло производить только его художническое воображеніе; онъ слѣдитъ за нею, он, дрожитъ, онъ не смѣетъ дохнуть, ибо онъ еще не знаетъ ея, но уже обожаетъ ее, а всякое обожаніе робко и трепетно; онъ замѣчаетъ ея благосклонную улыбку — и „кареты казались ему недвижны, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка и аллебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ". Задыхаясь отъ упоенія и трепетнаго предчувствія блаженства, онъ входилъ за нею въ третій этажъ большого дома, и что же представляется ему?... Она, все такъ же прекрасная, очаровательная, она смотритъ на него глупо,

нагло, какъ бы говоря ему: „Ну! что же ты?..“ Онъ бросается вонъ. Я не хочу пересказывать его сна, этого дивнаго, драгоцѣннаго перла нашей поэзіи, второго и единственнаго послѣ сна Татьяны Пушкина: здѣсь Гоголь поэтъ въ высочайшей степени. Кто читаетъ эту повѣсть въ первый разъ, для того въ этомъ дивномъ снѣ дѣйствительность и поэзія, реальное и фантастическое, такъ тѣсно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сонъ. Представьте себѣ бѣднаго, оборваннаго, запачканнаго художника, потеряннаго въ толпѣ звѣздъ, крестовъ и всякаго рода совѣтниковъ: онъ толкается между ними, уничтожающими его своимъ блескомъ, онъ стремится къ ней, а они безпрестанно разлучаютъ его съ нею, они, эти кресты и звѣзды, которые смотрятъ на нее безъ всякаго упоенія, безъ всякаго трепета, какъ на свои золотыя табакерки... И какое пробужденіе послѣ этого сна! и какъ можно жить послѣ такого пробужденія? И онъ точно не живетъ въ дѣйствительности, онъ весь въ грезахъ... Наконецъ, въ его душѣ блеснулъ обманчивый, но радужный лучъ надежды: онъ рѣшается на самоотверженіе, онъ хочетъ принести ей въ жертву, какъ Молоху, даже честь свою... „А я только что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра, я была совсѣмъ пьяна“,— это говоритъ ему она, все такъ же прекрасная, очаровательная... Послѣ этого можно ли было жить даже и въ грезахъ?... И нѣтъ художника: онъ сошелъ въ темную могилу, никѣмъ не оплаканный, и міръ не зналъ, какая высокая и ужасная драма была разыграна въ этой грѣшной, страдальческой душѣ...

На другой сторонѣ этой картины вы видите Пирогова и Шиллера; того Пирогова, о которомъ я уже говорилъ; того Шиллера, который хотѣлъ отрѣзать себѣ носъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ расходовъ на табакъ; того Шиллера, который говоритъ съ гордостью, что онъ швабскій нѣмецъ, а не русская свинья, и что у него есть король въ Германіи; того Шиллера, который „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того времени, которое русскій живетъ на фуфу, измѣрилъ всю свою жизнь и положилъ себѣ, въ теченіе 10 лѣтъ, составить капиталъ изъ 50 тысячъ и у котораго это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего на-

чальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово"; наконецъ, того Шиллера, который положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, и чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ". Чего вамъ еще? Тутъ весь человѣкъ, вся исторія его жизни!...

А Пироговъ?... О, объ немъ объ одномъ можно написать цѣлую книгу!... Вы помните его волокитство за глупою блондинкою, съ которою онъ составляетъ такую отличную пару, его ссору и отношенія съ Шиллеромъ; помните, какіе ужасные побои претерпѣлъ онъ отъ флегматическаго Отелло; помните, какимъ негодованіемъ, какою жаждою мести закипѣло сердце поручика, и помните, какъ скоро прошла его досада отъ съѣденныхъ кондитерскихъ пирожковъ и прочтенія „Пчелы"?... Чудные пирожки! Чудная „Пчела"! Пискаревъ и Пироговъ — какой контрастъ! Оба они начали, въ одинъ день, въ одинъ часъ, преслѣдованія своихъ красавицъ, и какъ различны для обоихъ нихъ были слѣдствія этихъ преслѣдованій! О, какой смыслъ скрытъ въ этомъ контрастѣ! И какое дѣйствіе производитъ этотъ контрастъ! Пискаревъ и Пироговъ... одинъ въ могилѣ, другой доволенъ и счастливъ, даже послѣ неудачнаго волокитства и ужасныхъ побоевъ!... Да, господа, скучно на этомъ свѣтѣ!

„Портретъ" есть неудачная попытка Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ, есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смотрѣть на него, хотя вамъ это и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ картинъ и очерковъ во вкусѣ Гоголя; вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи, потомъ эту мать, которая привела къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранитъ балы и восхищается природою, — и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стоитъ; въ ней совсѣмъ не видно Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работалъ умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Вообще надо сказать, фантастическое какъ-то не совсѣмъ

дается Гоголю, и мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Шевырева, который говоритъ, что „ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность; если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ какими-то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое“. Но зато картины малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы (впрочемъ, немного напоминающее бурсу Нарѣжнаго), портреты бурсаковъ, и особенно этого философа Хомы, и философа не по одному классу семинаріи, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь... О несравненный *Dominus* Хома! какъ ты великъ въ своемъ стоистическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты натерпѣлся горя и страха, ты чуть не попался въ когти къ чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронена твоя храбрость и твоя философія; ты на вопросъ о видѣнныхъ тобою страстяхъ машешь рукою и говоришь: „Много на свѣтѣ всякой дряни водится!“ у тебя половина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты оттопываешь трепака, да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плюютъ и восклицаютъ: „Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ Пусть судитъ всякій, какъ хочетъ, а по мнѣ, такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды! Потомъ, помните ли вы невольное путешествіе философа Хомы, помните ли попойку въ шинкѣ, этого Дороша, который, нагрузившись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непремѣнно узнать, чему учатъ въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резонера, который божился, что „все должно оставить такъ, какъ есть, что Богъ знаетъ, какъ нужно“, и, наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А эти поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ „обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка“? А сужденія этихъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? а портретъ пана сотника?... и кто перечтетъ?... Нѣтъ, несмотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хомы въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія — безподобны.

Я еще мало говорилъ о „Тарасѣ Бульбѣ“, и не буду слишкомъ распространяться о немъ, ибо, въ такомъ случаѣ, у меня вышла бы еще статья, не менѣе самой повѣсти... „Тарасъ Бульба“ есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если въ наше время возможна гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!... Если говорятъ, что въ „Иліадѣ“ отражается вся жизнь греческая въ ея героическій періодъ, то развѣ однѣ піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать то же самое и о „Тарасѣ Бульбѣ“ въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка?... И въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все казачество, съ его странною цивилизаціею, его удалою, разгульною жизнію, его безпечностію и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностію, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?... Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ картинѣ, чего недостаетъ къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа запорожцевъ, дружно отдирающая на площади трепака; этотъ казакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какъ бы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, кто бы осмѣлился дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что „многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры неймѣтъ“; эта мать, которая является какъ бы мимоходомъ, чтобы заживо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ казацкой жизни... А жиды и ляхи, а любовь Андрея и кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа? И какая поэзія энергическая, могучая, какъ эта запорожская сѣчь, „то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!“

Что еще сказать вамъ? Можетъ-быть, вы мало удовлетворены и тѣмъ, что я уже сказалъ; что дѣлать! Гораздо легче чувствовать и понимать прекрасное, нежели заставлять другихъ чувствовать и понимать его. Если одни изъ читателей, прочтя мою статью, скажутъ: „это правда“, или, по крайней мѣрѣ: „во всемъ этомъ есть и правда“; если другіе, прочтя ее,

захотятъ прочесть и разобранныя въ ней сочиненія, — мой долгъ выполненъ, цѣль достигнута.

Но какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Что такое Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго! Не мое дѣло раздавать вѣнки безсмертія поэтамъ, осуждать на жизнь или смерть литературныя произведенія; если я сказалъ, что Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. Теперь у насъ слово „поэтъ" потеряло свое значеніе: его смѣшали съ словомъ „писатель". У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіемъ, но нѣтъ поэтовъ. „Поэтъ" — высокое и святое слово, въ немъ заключается неумирающая слава. Но дарованіе имѣетъ свои степени; Козловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Шиллеръ, эти люди поэты — но равны ли они? Развѣ не спорятъ еще и теперь, кто выше: Шиллеръ или Гете? Развѣ общій голосъ не назвалъ Шекспира царемъ поэтовъ, единственнымъ и несравненнымъ? И вотъ задача критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно, наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ: онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ.

Я забылъ еще объ одномъ достоинствѣ его произведеній: это — лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святого чувства любви, — сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ ли онъ юную красоту, — сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи, — это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните ли

вы его описаніе безбрежныхъ степей днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ отношеніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у Гоголя! *Бѣлинскій.*

Красоты природы въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки".

Въ описаніи вѣчныхъ красотъ природы Гоголь является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. Гоголь, можетъ-быть, иной разъ уступаетъ другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, доступныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью. Детали часто являются и у него, и иначе быть не можетъ по самому характеру его творчества, но не въ нихъ заключается главная сила его описаній.

Въ первой части „Вечеровъ" талантъ Гоголя, какъ живописателя природы, проявлялся съ особеннымъ блескомъ въ „Майской ночи", во второй — въ „Ночи передъ Рождествомъ". Въ сравненіи съ этими роскошными картинами блѣднѣетъ описаніе знойнаго малороссійскаго дня въ „Сорочинской ярмаркѣ" и является уже нѣсколько натянутымъ и вычурнымъ. Зато изображеніе „задумавшагося" вечера и обаятельной украинской ночи въ „Утопленницѣ" и зимней ночи — въ другой названной повѣсти съ остальными лучшими описаніями Гоголя, кажется, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской литературѣ. Въ обѣихъ повѣстяхъ такой волшебной кистью нарисована картина чуднаго сіянія звѣздной ночи, спокойно и съ невыразимой нѣгой разлитою повсюду, насколько простирается поле зрѣнія, такъ искусно уловлено и представлено производимое въ такія поэтическія минуты дѣйствіе природы на человѣка, что невыразимая прелесть одинъ разъ нѣжной, благоухающей, весенней, въ другой — морозной рождественской ночи живо чувствуется при чтеніи въ продолженіе всего разсказа, отличающагося замѣчательной художественной выдержанностью.

Кромѣ того, съ особеннымъ искусствомъ умѣетъ Гоголь украшать повѣствованіе въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы изящной рамкой, отдѣльными описательными штрихами, въ высшей степени гармонирующими съ остальнымъ изложеніемъ. При помощи ихъ иногда удается Гоголю немногими словами заставить читателя перенестись въ изображаемую обстановку, живо почувствовать и пережить самое настроеніе дѣйствующихъ лицъ подъ вліяніемъ природы въ разныя времена сутокъ и года. Уже въ „Сорочинской ярмаркѣ“ прекрасно представлено общее тревожное, подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ, настроеніе всѣхъ собесѣдниковъ, собравшихся провести вечеръ въ хатѣ Солопія Черевика, — настроеніе, совершенно исчезающее съ наступленіемъ утра. Электрически потрясающее дѣйствіе всякой ничтожной внезапности, подготовленное предшествующимъ настроеніемъ, также тонко подмѣчено Гоголемъ еще въ этой его ранней повѣсти: послѣ паническаго страха, который нагналъ на все общество разсказъ о красной свиткѣ, неожиданный стукъ моментально поражаетъ всѣхъ непреодолимымъ ужасомъ. Это психологическое наблюденіе, при другой обстановкѣ и отъ другихъ причинъ, нашло себѣ впослѣдствіи приложеніе въ извѣстной сценѣ появленія Бобчинскаго и Добчинскаго, стремительно ворвавшихся въ комнату городничаго, какъ разъ въ минуту самаго напряженнаго страха всѣхъ присутствующихъ.

Въ „Майской ночи“ невыразимое обаяніе чувствуется въ двухъ-трехъ предложеніяхъ, рисующихъ передъ читателями нѣгу весенняго вечера. „Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныніемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль“. И здѣсь описаніе природы находится въ прекрасной гармоніи съ внутреннимъ міромъ человѣка.

Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ „Ночи передъ Рождествомъ“, гдѣ читатель какъ будто видитъ передъ собой темную ночь, дышитъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселье и бодрость. „Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между

кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади". Все это дѣйствительно какъ будто „живетъ и движется передъ нами". *Шенрокъ.*

Женскіе и мужскіе типы въ „Вечерахъ".

Всего ярче субъективное содержаніе замѣчается въ представленныхъ Гоголемъ образахъ молодыхъ дѣвушекъ. Если значительное большинство типовъ, очерченныхъ въ „Вечерахъ", представляется несомнѣнно въ комическомъ свѣтѣ, то, съ другой стороны, юный поэтъ не щадилъ красокъ для идеальнаго изображенія Ганны, Пидорки, Оксаны. Онъ съ любовью рисуетъ ихъ обаятельно-граціозную, иногда отчасти лукавую женственность и освѣщаетъ ихъ бенгальскимъ огнемъ восторженнаго лиризма. Желая по возможности украсить любимые типы, окружить ихъ блестящимъ ореоломъ и произвести наиболѣе разительное впечатлѣніе на читателя, въ противоположность безпощадному анализу при обрисовкѣ прочихъ лицъ, Гоголь въ данномъ случаѣ заботливо избѣгаетъ черезчуръ отчетливыхъ, грубо-реальныхъ штриховъ, пользуясь эффектами и увлекая читателей захватывающей роскошью и изяществомъ неожиданныхъ сравненій. При описаніи молодой женской красоты, которая нѣсколько позже, подъ вліяніемъ изученія искусствъ, представлялась ему преимущественно со стороны изящества и пластичности формъ, Гоголь любитъ изображать яркій румянецъ щекъ, черныя брови и глубокій, проницательный взоръ. Здѣсь уже позволительно видѣть не одни только слѣды наблюденій надъ преобладающими типами малороссійскихъ красавицъ или вліянія народныхъ пѣсенъ, но и отраженіе личнаго вкуса автора, какъ и въ томъ, что прекрасная дѣвушка является у него неизмѣнно на порѣ „восемнадцатой весны". Наконецъ вниманіе автора каждый разъ устремлено преимущественно на обаяніе юной красоты, но внутренній міръ молодой женщины имъ иногда едва затронутъ.

Идеалъ красивой дѣвушки вырабатывался у Гоголя постепенно и, слѣдя за развитіемъ его, можно уловить любопытную послѣдовательность. Въ „Успѣхѣ посольства“ (отрывокъ имъ неоконченной повѣсти „Страшный кабанъ“) читатель узнаетъ о красотѣ Катерины не столько изъ описанія ея авторомъ, сколько изъ своеобразныхъ сравненій ея собесѣдника, чисто въ малороссійскомъ вкусѣ; напр.: „сталъ ли бы я убирать постную кашу, когда передъ самымъ носомъ вареники въ сметанѣ“, и дальнѣйшаго комическаго поясненія: „нелегкая понесла бы меня къ батькѣ, когда есть такая хорошенькая дочка“. Отъ себя Гоголь не прибавляетъ ничего къ изображенію Катерины, но старается дѣйствовать на воображеніе читателя щедро расточаемыми эпитетами („прекрасная“, „прелестная“, „бѣлокурая красавица“; бѣлокурый цвѣтъ фигурируетъ здѣсь какъ единственное исключеніе) и только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ объ очевидно нравившемся ему лично въ нѣкоторыхъ красивыхъ дѣвушкахъ пристальномъ взглядѣ (въ слѣдующемъ выраженіи: „пронзительный взоръ ея, казалось, прожигалъ внутренность“). Въ „Сорочинской ярмаркѣ“ находимъ уже болѣе яркое и отчетливое изображеніе женской красоты, но еще слишкомъ внѣшнее и матеріальное. „На возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, *съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбавшимися розовыми губками*“. Собственно уже въ началѣ повѣсти, описывая Псёлъ, Гоголь мимоходомъ сравниваетъ рѣку и ея отраженія съ смотрящеюся въ зеркало красавицей, любующеюся прелестью собственнаго отраженія. Образъ послѣдней здѣсь только вскользь промелькнулъ въ творческой фантазіи автора, тогда какъ вскорѣ этимъ же самымъ поэтическимъ образомъ, распространивъ его, Гоголь воспользовался при изображеніи Оксаны въ „Ночи передъ Рождествомъ“ и затѣмъ панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Съ тѣхъ поръ идеализація молодой женщины надолго идетъ у Гоголя crescendo. Красота Пидорки въ „Вечерѣ накапунѣ Ивана Купала“ облагорожена тонкими поэтическими штрихами и сравненіями, напр.: „Полненькія щечки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росой, горитъ онъ, расправляетъ листики и охорашивается передъ только что подняв-

щимся солнышкомъ". Въ этомъ поэтическомъ образѣ упоеніе женской красотой какъ бы сливается съ восторженнымъ гимномъ природѣ. Въ Пидоркѣ юный авторъ „Вечеровъ" еще замѣтнѣе, чѣмъ прежде, лелѣетъ и оберегаетъ сочувственный образъ отъ холоднаго прикосновенія свойственнаго ему разлагающаго анализа. Явно щадя въ своихъ произведеніяхъ бравыхъ казаковъ и юныхъ казачекъ, Гоголь выказываетъ къ нимъ иногда нѣкоторое пристрастіе, не углубляясь въ характеристику ихъ внутренней безсодержательности и пустоты, которая едва лишь мелькнула въ „Сорочинской ярмаркѣ", но была совершенно заслонена художественной идеализаціей въ слѣдующихъ разсказахъ. Такъ, еще гораздо эффектнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ Пидорка, хотя и нѣсколько призрачно идеально, изображена Ганна въ „Майской ночи": „Дверь распахнулась со скрипомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, *обвитая сумерками*, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея". Развиваясь далѣе, образъ прекрасной женщины достигаетъ у Гоголя послѣдней степени обаянія въ неподражаемомъ изображеніи Оксаны и ослѣпительной красоты гордой панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ". Въ послѣднихъ такъ много плѣнительной граціи и такъ живо представлено обворожительное дѣйствіе ихъ красоты, что, очевидно, Гоголю удалось, наконецъ, въ этихъ образахъ выразить въ совершенствѣ то, что̀ имъ только затрогивалось прежде и что̀ раньше лишь страстно просилось излиться изъ глубины души на бумагу. Мы должны здѣсь по необходимости коснуться и поэмы „Тарасъ Бульба", такъ какъ именно въ ней нашла свое полное выраженіе вся совокупность чаръ женской красоты, которыя въ разное время производили обаяніе на Гоголя. Такъ, панночка снова изображена „черноглазою и бѣлою, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца". Въ этихъ словахъ опять ясно слышится знакомая намъ нота пылкаго увлеченія наружной красотой женщины. Но дальше мы читаемъ: „глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, *бросали взглядъ долгій, какъ постоянство*".

Почти въ каждомъ изъ юношескихъ произведеній Гоголь съ любовью рисуетъ съ разными видоизмѣненіями въ сущ-

ности все тотъ же обаятельный образъ, посвящая ему, послѣ горячо любимой украинской природы, самые роскошные цвѣты свѣжей юношеской фантазіи. Въ нравственномъ отношеніи его занимаютъ, напротивъ, два существенно различные типа молодыхъ дѣвушекъ; его воображеніе одинаково плѣняютъ какъ простодушныя красавицы, привлекательныя душевной чистотой и какой-то голубиной кротостью, вполнѣ гармонирующими съ ихъ наружной прелестью, но въ то же время не чуждыя при всемъ простодушіи прекраснаго въ своей наивности эстетическаго чувства, — такъ съ другой стороны онъ любитъ изображать прихотливыхъ, избалованныхъ кокетокъ, которыхъ самая недоступность дѣлаетъ особенно очаровательными. Къ первому разряду типовъ слѣдуетъ отнести Параску, Пидорку и Ганну.

Любопытно сходство между Параской и Ганной въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ и къ чувству любви. Изобразивъ прелестную картину отраженій въ водахъ Псла въ началѣ „Сорочинской ярмарки", Гоголь продолжаетъ: „Красавица наша (Параска) задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути". Тѣ же самыя черты, которыя лишь слегка затронуты въ изображеніи Параски, въ болѣе тонкомъ развитіи являются въ Ганнѣ. Не говоря уже о томъ, что эстетическое чувство выражается въ Ганнѣ съ той же непосредственностью, но и возбуждается въ ней сходной картиной природы, вообще чрезвычайно любимой Гоголемъ. „Какъ тихо колышется вода, какъ будто дитя въ люлькѣ!" говорила Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Даже нѣкоторыя любимыя Гоголемъ сравненія повторяются въ обоихъ случаяхъ почти въ тождественной формѣ: напр., и тамъ и здѣсь мы находимъ „огненныя, одѣтыя холодомъ искры и падающія на серебряную грудь рѣки зеленыя кудри деревъ"; кромѣ уже указанныхъ стровъ, этимъ образамъ соотвѣтствуетъ еще слѣдующій: „Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ (прудъ) въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха"; наконецъ, тотъ же образъ является еще разъ, хотя уже со-

вершенно самостоятельно, безъ отношенія къ очарованію, возбуждаемому имъ въ человѣкѣ, въ извѣстномъ описаніи Днѣпра въ разсказѣ „Страшная месть".

Съ неподражаемой наивностью также выдаетъ себя любовь дѣвушки, иногда еще смутно сознаваемая ею. Увѣренія Грицка, что онъ не скажетъ ничего худого, вызываютъ въ Параскѣ такія мысли: „Можетъ-быть, это правда, только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый!... Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ, а силы недостаетъ взять у него руку". Еще типичнѣе наивное признаніе задумавшейся Ганны: „Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется". Эстетическое чувство Пидорки сказалось въ своеобразныхъ, задушевно-поэтическихъ сравненіяхъ: „Ивасю мой милый! Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бы его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя".

Но постепенно этотъ простодушный типъ уступаетъ въ мечтахъ Гоголя типу противоположному, лукавому. Точку соприкосновенія между обоими типами и переходъ отъ одного къ другому можно видѣть у него въ изображеніи любующейся собственной прелестью дѣвушки. Спачала у послѣдней мы не находимъ и намека на то высокомѣрное самоуслажденіе, которое должно было вскорѣ выступить для того, чтобы ярче и рельефнѣе оттѣнить царственное величіе недоступной красоты. Безсознательное кокетство замѣчается уже въ представительницахъ перваго типа, но оно еще вполнѣ невинно и безобидно. Такъ, въ „Успѣхѣ посольства" Катерина, раздосадованная ухаживаніемъ за ней Онисько, приняла на себя сердитый видъ и воскликнула: „Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь (обнимешь), то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ", но тотчасъ же и смягчилась, а Гоголь такъ говоритъ объ этомъ дальше: „При семъ словѣ сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: Я не въ состояніи буду этого сдѣлать". Параска уже отъ души любуется своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ, но подъ вліяніемъ исключительнаго настроенія и увлеченная соблазнившимъ ее мачехнымъ очипкомъ. Она счастлива любовью

жениха и, отдаваясь мечтамъ объ ожидающемъ ее счастьѣ, не можетъ устоять противъ искушенія. Все въ ней ликуетъ, и отъ граціозной задумчивости она незамѣтно переходитъ, какъ истинная казачка, къ захватывающему увлеченію любимымъ танцемъ. Здѣсь радость чистая, увлеченіе безвредное. Съ большимъ сочувствіемъ Гоголь говоритъ о ней: „Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головки. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство поднимало темныя ея брови, иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи".

Напротивъ, Оксана и панночка — кокетки pur-sang: онѣ наслаждаются не только сознаніемъ своей красоты, сколько лестной мыслью о ея могущественной власти надъ людьми. Онѣ находятъ — по крайней мѣрѣ первая — удовольствіе въ томъ, чтобы мучить и презирать тѣхъ, которые имѣли несчастіе ихъ полюбить. Поэтому для полнаго и яркаго ихъ изображенія необходимо описаніе ихъ жертвъ, которыя также поразительны своимъ сходствомъ. Здѣсь Гоголя снова увлекала мысль представить женщину на пьедесталѣ, какъ въ изображеніи Алкинои, тогда какъ кузнецъ Вакула и Андрій, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ очарованному Алкиноей юношѣ Телеклесу. Убѣдительное подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующихъ сопоставленіяхъ. Не напоминаетъ ли восхищеніе Телеклеса передъ Алкиноей эти строки: „И онъ (Андрій) остался также изумленнымъ передъ нею. Не такою воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то неконченное, недовершенное; теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти". И здѣсь и тамъ не описаніе, а апоѳеозъ.

Поразительно сходно изображено и впечатлѣніе, произведенное всѣми тремя женщинами на ихъ поклонниковъ. Сдѣлаемъ сличеніе.

„Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

„Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады разливалась по лицу, и все это такъ смѣшалось, и такъ было неизобразимо хорошо, что расцѣловать ее милліонъ разъ вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

„И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь и сталъ недвижимъ передъ нею". Совершенно такое говорить кузнецъ Оксанѣ: „Что мнѣ до матери? ты у меня мать и отецъ, и все что ни есть дорогого на свѣтѣ!" какъ и Андрій восклицаетъ передъ панночкой: „А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?"

Въ пожилыхъ женщинахъ воображеніе Гоголя прежде всего поражалось извращеніемъ тѣхъ привлекательныхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, объ изображеніи которыхъ было говорено выше. Онъ содрогается при мысли о томъ „періодѣ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы, и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія". То же впечатлѣніе рельефнѣе выражено въ заключительныхъ строкахъ „Сорочинской ярмарки": „Еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы", и пр. Въ пожилыхъ женщинахъ Гоголь, по преимуществу, видитъ пошлость и разные недостатки: сварливость, мелкое любопытство, страсть къ сплетнямъ.

Типъ сварливой женщины нерѣдко встрѣчается въ малороссійскихъ народныхъ сказкахъ. См., напр., въ „Народныхъ южно-русскихъ сказкахъ" Рудченка сказки „Зла Химка и чортъ" и др. Въ наиболѣе полномъ развитіи у Гоголя этотъ рядъ женскихъ типовъ мы находимъ въ „Ночи передъ Рождествомъ". Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить мысленно кокетливую, несмотря на свое безобразіе и старость, Хиврю, и, съ другой стороны, правда, красивую и обходительную, но все же вѣдьму, Солоху, вѣдьму, окруженную многочисленными поклонниками, но предпочитающую изъ нихъ того, отъ котораго можно ожидать больше выгоды. Въ Хиврѣ

(въ „Сорочинской ярмаркѣ") соединяются, главнымъ образомъ, двѣ типическія черты: своенравіе сварливой замужней бабы и запоздалое кокетство. Если первая черта отсутствуетъ въ Солохѣ, то она является зато въ той же повѣсти въ лицѣ кумовой жены, при чемъ кумъ — лицо, явно соотвѣтствующее Солопію Черевику. Такимъ образомъ типъ Хиври не только развивается здѣсь дальше, но, такъ сказать, дифференцируется. Но очевидное сходство между отношеніями Хиври къ поповичу Аѳанасію Ивановичу и Солохи — къ дьячку Осипу Никифоровичу замѣчательно и совпаденіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностей: напр., оба среди своихъ любовныхъ увлеченій вспоминаютъ о бурсѣ, объ отцѣ Кондратіи или о безымянномъ отцѣ протопопѣ, приводятъ тексты и проч.

Юные парубки занимаютъ Гоголя или проявленіемъ въ ихъ могучихъ натурахъ казацкихъ чертъ, своимъ беззавѣтнымъ разгуломъ, удалью и безстрашіемъ, — и въ такомъ случаѣ нѣтъ существеннаго различія между ними и пожилыми казаками, — или же они должны служить почти только для полноты картины вмѣстѣ съ изображеніемъ любимыхъ ими дѣвушекъ. Если имъ приписывается красота, то Гоголь едва лишь даетъ мелькнуть ихъ образу передъ читателемъ, да и самый образъ этотъ гораздо менѣе ярокъ въ сравненіи съ идеализованными образами дивчинъ. Вотъ, напр., какъ изображаетъ Гоголь Петра Безроднаго въ „Вечерѣ накапунѣ Ивана Купала": „Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ". По степени развитія образа эта характеристика недалеко ушла отъ слишкомъ общей характеристики Катерины въ „Успѣхѣ посольства". Въ „Майской ночи" изъ устъ Ганны вырывается болѣе поэтическое и яркое описаніе, но все-таки не дающее опредѣленнаго представленія о наружности Левка: „Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело и хорошо ей; что при-

вѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя"... Впрочемъ, такое обаяніе производитъ, наоборотъ, Оксана въ кузнецѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Оксана засмѣялась, и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо-встрепенувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо".

Наконецъ, Грицко въ „Сорочинской ярмаркѣ" представленъ „съ загорѣвшимъ, но исполненнымъ пріятности лицомъ и огненными глазами, стремившимися видѣть насквозь". Но ни въ изображеніи его ни мужественнаго, загорѣлаго кузнеца Вакулы нѣтъ и блѣднаго намека на тотъ прекрасный образъ, который являетъ собою Андрій въ „Тарасѣ Бульбѣ": впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на панночку, опять сходно, но гораздо изящнѣе выражено, нежели увлеченіе Ганны Левкомъ. Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня, и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усъ". Такимъ образомъ, въ Андріи слились тѣ черты, которыя намѣчены были уже въ Петрѣ Безродномъ, Левкѣ и кузнецѣ Вакулѣ. И съ этой стороны, слѣдовательно, въ „Тарасѣ Бульбѣ" находимъ завершеніе и объединеніе всего, что прежде было затронуто порознь въ „Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки".

Въ старшемъ поколѣніи казаковъ, оставляя въ сторонѣ извѣстныя идеальныя черты запорожскаго типа, обрисованнаго наиболѣе опять-таки въ „Тарасѣ Бульбѣ", а изъ „Вечеровъ на Хуторѣ"—въ „Страшной мести" (которая имѣетъ также много сходныхъ чертъ съ „Тарасомъ Бульбой" и должна быть разсмотрѣна въ связи съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ) въ лицѣ мужа Катерины, пана Данилы Бурульбаша, кромѣ невозмутимаго хладнокровія, безпечности, упрямства, отмѣтимъ особенно комическую способность съ непостижимой быстротой переходить отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ,

совершенно противоположным, и страсть къ національнымъ танцамъ. Когда оскорбленный неучтивыми замѣчаніями „затѣйливаго разсказчика", дьячокъ Ѳома Григорьевичъ совсѣмъ уже собрался показать ему дулю, хозяйка догадалась „поставить на столъ горячій книшъ съ масломъ, и рука Ѳомы Григорьевича вмѣсто того, чтобы показать шишъ, протянулась къ книшу и, какъ всегда водится, всѣ начали прихваливать мастерицу-хозяйку". Солопій Черевикъ особенно комично переходитъ въ мгновеніе ока отъ страха, возбужденнаго въ немъ разсказомъ о красной свиткѣ, къ негодованію на дерзкаго парня, обнявшаго его дочь, и отъ негодованія — къ самому дружелюбному разговору съ обидчикомъ. У казака Чуба такъ же легко смѣняется досада на прибившаго его кузнеца Вакулу мыслію о предстоящемъ свиданіи съ Солохой.

Шенрокъ.

Романтическіе мотивы въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" и „Арабескахъ".

Самое увлеченіе Гоголя украинской стариной находится въ несомнѣнной связи съ увлеченіемъ историческими романами Вальтеръ-Скотта, этого колосса романтизма. Вальтеръ-Скоттъ далъ нашему писателю форму изображенія того поэтическаго матеріала, который онъ черпалъ изъ сокровищницы родной старины. Проф. Дашкевичъ, пріурочивая произведенія украинской литературы XIX стол. къ тремъ главнымъ теченіямъ, замѣчаетъ, что одно изъ нихъ было именно романтическое, соединившееся съ этнографическимъ и историческимъ изученіемъ южнорусскаго эпоса; къ этому романтическому теченію несомнѣнно примыкаетъ такое произведеніе Гоголя, какъ Тарасъ Бульба. Указываютъ и на нѣкоторыхъ другихъ представителей романтизма, повліявшихъ на творчество Гоголя. Такъ въ разсказѣ Гоголя „Вечеръ накануне Ивана Купалы" находятъ мотивы повѣсти романтика Тика „Чары любви"; „Сорочинскую ярмарку" Гоголя еще одинъ изъ современныхъ ему критиковъ (Царынный) сопоставлялъ съ разсказомъ „Вѣкъ рыцарства" Фуке. Отмѣчаютъ также и вліяніе Гофмана. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, особенно сильно напрашивается на сравненіе разсказъ Гоголя „Носъ" съ нѣкоторыми повѣстями

Гофмана, напр. съ „Исторіей о потерянномъ отраженіи въ зеркалѣ“ или даже съ повѣстью Шамиссо „Петръ Шлемиль“, гдѣ человѣкъ теряетъ свою тѣнь; во всѣхъ этихъ разсказахъ выступаетъ на первый планъ романтическая галлюцинирующая двойственность, которая составляетъ особенность романтической психологіи и которую можно наблюдать не только у Гофмана, но и у Клейста (въ „Амфитріонѣ“) и у Ахима Арнима (въ пьесѣ „Оба Вальдемара“). Само собою разумѣется, что приведенными примѣрами далеко еще не исчерпываются тѣ романтическіе штрихи, которые невольно или сознательно Гоголь наложилъ на свои поэтическіе образы. Но не въ нихъ, собственно говоря, заключается внутренняя связь нашего писателя съ романтизмомъ. Вѣдь и самый романтизмъ, какъ явленіе литературное и общественное, не можетъ быть сведенъ только къ причудамъ въ содержаніи и формѣ или къ крайностямъ въ воззрѣніяхъ. Романтизмъ, понимаемый въ широкомъ значеніи этого слова, создалъ цѣлое міровоззрѣніе, далъ цѣлый рядъ положительныхъ и величественныхъ идеаловъ, предъ которыми иногда тускнѣли блестящіе выводы вѣка разума. Романтизмъ имѣлъ свою религію, свое искусство, свою политику и науку. Въ противоположность вѣку разума съ его раціонализмомъ романтики выдвигаютъ въ дѣлахъ вѣры на первый планъ религіозное чувство: вмѣсто разсудочной поэзіи XVIII ст. проповѣдуется независимость художественнаго творчества; на мѣсто отвлеченныхъ разсужденій въ науку исторіи проникаетъ строгое критическое и сравнительное изслѣдованіе; въ литературѣ вмѣсто аристократизма XVIII стол. возникаетъ интересъ къ старинѣ и народности; въ соціологіи механическое объясненіе соціальныхъ явленій смѣняется органическимъ и т. д. Изъ этой обширной области романтическаго міросозерцанія, овладѣвшаго обществомъ въ началѣ XIX столѣтія, нѣкоторые мотивы несомнѣнно должны были, по естественному ходу вещей, проникнуть и во внутренній міръ нашего поэта. Правда мы привыкли поэзію Гоголя сознавать главнымъ образомъ какъ изображеніе отрицательной стороны дѣйствительности, да и самъ Гоголь сознавалъ ее такъ въ эпоху творчества „Мертвыхъ Душъ“; однако надо признаться, что Гоголь всегда былъ въ значительной степени склоненъ къ восторженности и къ идеализаціи, которыя или по простому

совпаденію или въ силу опредѣленныхъ вліяній на нашего поэта выливались иногда въ форму ходячихъ тогда романтическихъ мотивовъ. И это уже были не случайные штрихи романтизма, о которыхъ мы говорили выше, но лучшіе его идеальные завѣты, отъ которыхъ писатель-реалистъ не могъ отказаться при всемъ реализмѣ своихъ произведеній и по которымъ онъ тосковалъ безконечно. По личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, такими романтическими мотивами въ произведеніяхъ Гоголя являются его отношеніе къ религіи, искусству и природѣ.

Если разсматривать эти мотивы въ хронологическомъ и генетическомъ порядкѣ, то на первый планъ придется поставить отношеніе Гоголя къ природѣ. Первый міръ въ который вступилъ Гоголь своими „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки", былъ поэтическій міръ Украйны. Для поэта-романтика міръ украинской природы, повѣрій, преданій и быта былъ бы самой благодарной почвой. Однако Гоголь не впалъ въ крайности романтизма. Правда, онъ замѣтно идеализируетъ въ своихъ повѣстяхъ Украйну; тѣмъ не менѣе по свойству своего таланта черты украинскаго быта онъ рисуетъ настолько реально, насколько позволялъ ему находившійся у него подъ руками народно-поэтическій матеріалъ. Но въ то же время обычная восторженность Гоголя искала себѣ пищи и нерѣдко сквозь жизнерадостный смѣхъ юмористической повѣсти прорывалась въ видѣ того или другого лирическаго эпизода. Такое лирическое настроеніе автора въ данной серіи повѣстей особенно замѣтно проявляется при изображеніи картинъ природы. Гоголь уже въ этотъ ранній періодъ своего творчества какъ бы предчувствовалъ свой идеальный „далеко отторгнутый отъ земли и возвеличенный образъ", о которомъ онъ говоритъ въ эпоху творчества „Мертвыхъ душъ", но, не находя его въ украинскомъ бытѣ, онъ его воплощалъ въ украинской природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать лучшія его картины природы реальными? Знаменитыя его описанія украинской ночи („Майская ночь") или Днѣпра („Страшная месть"), эти чудныя картины, при всей своей пластичности невольно поднимаются надъ землею подобно этому неуловимому, „отторгнутому отъ земли" идеалу. Вглядимся въ эти картины. Вотъ лѣтній день. Передъ нами *неизмѣримый* голубой *океанъ*, который

сладострастно сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ влюбленную землю; а на землѣ недвижно стоятъ *поднебесные* дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ на нихъ цѣлыя живописныя массы листьевъ: куда достигнутъ они, тамъ прыщетъ *золото*; куда не проникнетъ, тамъ лежитъ *темная какъ ночь* тѣнь... Какія краски и какіе контрасты! А вотъ лѣтняя ночь. Передъ нами опять *необъятный* небесный *сводъ*, онъ горитъ и дышитъ; въ этомъ необъятномъ сводѣ движется *океанъ* благоуханій; подъ нимъ лежитъ земля *вся* въ серебряномъ свѣтѣ, а на этомъ громадномъ *морѣ* серебрянаго *свѣта* лежитъ огромная *тѣнь* полныхъ мрака лѣсовъ... Какіе могучіе штрихи! Тутъ все громадно и величественно; тутъ нѣтъ деталей. Или вотъ передъ вами *величественный* Днѣпръ. Днемъ это голубая зеркальная *дорога, безъ мѣры* въ ширину, *безъ конца* въ длину, рѣющая по зеленому *міру*; никто кромѣ солнца и голубого неба не глядитъ въ середину этого необъятнаго зеркала. Ночью это безконечное *темное лоно*, въ которомъ отдались разомъ *всѣ звѣзды*, осыпавшіеся съ Божіей ризы. Въ бурю это — водяные *холмы*, ударяющіеся о прибрежныя *горы*, надъ которыми *горами* же по небу ходятъ черныя тучи... Вглядимся, наконецъ, въ гоголевскую степь. Это опять зелено-золотой *океанъ*, по немъ брызнули *милліоны* разныхъ цвѣтовъ, а надъ нимъ — *тысячи* птичьихъ голосовъ. Какъ это все сильно, характерно, но не детально. Даже въ „Мертвыхъ душахъ“, гдѣ изложеніе Гоголя отличается, по преимуществу объективнымъ спокойствіемъ, его не покидаетъ манера рисовать лирически-восторженныя, широкія картины природы. Вспомнимъ, какъ представляется Гоголю Русь изъ его „прекраснаго далека“. Это опять *необъятный просторъ*, это — сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль... Можно ли возвышеннѣе говорить о той формѣ поверхности, которую принято называть равниной. Во всѣхъ этихъ картинахъ Гоголя мы не видимъ детальной отдѣлки: онъ рисуетъ ихъ сильными взмахами кисти, крупными мазками, самыми яркими красками, и выростающіе отсюда идеально-величественные образы наиболѣе соотвѣтствуютъ восторженному настроенію поэта. Дѣйствительно, читая эти описанія, не столько видишь самыя картины, сколько переживаешь какое-то чудное настроеніе. И невольно хочется воскликнуть, какъ восклицаетъ Гоголь въ одномъ изъ этихъ описаній („Майская

ночь“): „А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно встаютъ въ ея глубинѣ“... И это не только мое личное впечатлѣніе. Нѣкоторые критики произведеній Гоголя давно уже указали на то, что Гоголь идеализировалъ украинскую природу и жизнь и въ изображеніи ихъ допускалъ, какъ выражается Кулишъ, „эскизность манеръ“, т.-е. писалъ наброски, эскизы, не проникая въ глубину своего сюжета. Этотъ характерный терминъ „эскизность манеръ“ именно заставляетъ насъ вспомнить объ отношеніи къ изображенію природы романтиковъ, для которыхъ поэтическій ландшафтъ сводился къ величественной, ярко, крупно и широко нарисованной картинѣ и, наоборотъ, всякій опредѣленный контуръ, всякое ясное очертаніе казалось сухимъ и прозаичнымъ. Но картины природы у Гоголя не только величественны: онѣ еще и живы. Всѣ его громадные силуэты живутъ самою полною жизнью. Необъятный небесный сводъ горитъ и дышитъ, земля нѣжится въ его объятіяхъ, лѣса толпятся къ зеркалу Днѣпра и любуются своимъ свѣтлымъ зракомъ и т. п.; даже необъятный просторъ Руси глядитъ на поэта полными ожиданія очами!... Иногда эти живые силуэты принимаютъ самый фантастическій видъ. „Любо глянуть съ середины Днѣпра“, говорилъ Гоголь („Страшная месть“), „на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ — не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга — не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій по серединѣ круглое небо; и въ верхней половинѣ, и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ“. Сколько тутъ величественной, чисто миѳологической фантазіи. Тутъ нелишне вспомнить, что подъ перомъ Гоголя даже картина Невскаго проспекта въ сумерки (въ повѣсти того же имени) получаетъ какой-то таинственный, фантастическій характеръ. Эта вторая черта гоголевскихъ картинъ природы, ихъ фантастическая живость, опять заставляетъ насъ вспомнить о ландшафтѣ романтиковъ, напр. о пресловутомъ романтическомъ Waldeinsamkeit, полномъ таинственной жизни, населенномъ эльфами и демонами. Таковы всѣ ландшафты

Тика, Новалиса, Гофмана... Но подобная параллель съ романтиками дѣлается не въ укоръ Гоголю. Эта параллель доказываетъ только, что Гоголь въ своей родной природѣ примѣнилъ то сердечное отношеніе, которое выдвинули романтики, что онъ любилъ свою родную природу и созерцалъ ее съ благоговѣйнымъ восторгомъ и настоящимъ энтузіазмомъ влюбленнаго, для котораго нѣтъ въ любимомъ предметѣ ни контуровъ ни деталей, но есть только одинъ полный обаянія и именно отторгнутый отъ земли образъ. Восторженное настроеніе поэта создавало идеальный образъ, а романтизмъ давалъ этому образу соотвѣтствующую форму.

Но вотъ Гоголь вступаетъ въ новый міръ. Повѣстями, вошедшими въ сборникъ „Арабески" (1835), начался новый періодъ въ литературной дѣятельности Гоголя: изъ міра украинской поэзіи онъ вступилъ въ тотъ самый міръ пошлости, изображеніе котораго онъ вскорѣ сталъ считать своей поэтической задачей. Повидимому, въ сѣренькой чиновничьей средѣ Петербурга не могло быть пищи для восторженнаго настроенія Гоголя. Но это только такъ кажется на первый взглядъ. Правда, въ петербургской жизни не было ни поэзіи народной жизни, ни поэзіи природы; но зато въ ней былъ симпатичный для Гоголя міръ художниковъ, міръ искусства; въ немъ-то Гоголь и искалъ этого „далеко отторгнутаго отъ земли и возвеличеннаго образа", въ которомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, промелькнетъ передъ нами опять довольно опредѣленный и современный Гоголю романтическій мотивъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ какъ изображаетъ Гоголь міръ художниковъ. И „Портретъ" и „Невскій проспектъ" — обѣ повѣсти рисуютъ намъ печальную картину того, что свободное художество и чистое вдохновеніе гибнутъ отъ соприкосновенія съ грубою и пошлою дѣйствительностью; въ первомъ случаѣ элементомъ этого грубаго и пагубнаго реализма являются деньги, на которыя художникъ промѣнялъ свое свободное творчество, а во второмъ — женщина, которая отвергла чистый порывъ души художника. Въ обоихъ случаяхъ Гоголь, согласно обычному пріему романтиковъ, поставилъ личность художника несравненно выше обыденной, реальной жизни, окружилъ его ореоломъ идеала и изъ міра пошлости восхитилъ въ романтическій міръ, созданный собственной фантазіей поэта. Не подлежитъ сомнѣнію, что

тутъ мы встрѣчаемся съ отраженіемъ романтической теоріи, въ частности теоріи Шлегеля, о свободѣ художественнаго творчества. Въ то время, къ которому относятся вышеуказанныя повѣсти Гоголя, романтическія темы „поэтъ“ и „художникъ“ получили уже право гражданства въ нашей литературѣ. Стоитъ перелистать напр. „Московскій Вѣстникъ“ М. П. Погодина, и мы встрѣтимъ тамъ рядъ стихотворныхъ произведеній и прозаическихъ разсужденій, посвященныхъ тому взгляду на поэтическое творчество, который былъ навѣянъ нѣмецкой романтикой. Даже этотъ сюжетъ гоголевскихъ повѣстей — соприкосновеніе идеальнаго міра художника въ широкомъ смыслѣ этого слова съ реальнымъ міромъ пошлости — не разъ затрогивался и другими нашими писателями и даже раньше Гоголя. Таковы произведенія кн. Одоевскаго: „Послѣдній квартетъ Бетховена“, „Импровизаторъ“, „Себастьянъ Бахъ“, Полевого: „Живописецъ“, „Аббадона“, Павлова: „Именины“, Пушкина: „Египетскія ночи“ и т. д. Посмотримъ, въ чемъ же заключается задача этого романтическаго гоголевскаго художника. Художникъ, — котораго по духовной структурѣ врядъ ли отдѣляетъ Гоголь отъ геніальнаго поэта, или музыканта, или вообще всякой вдохновенной натуры, — по его мнѣнію, неизбѣжно нравственно падаетъ, если только спускается въ низменную сферу обыденной жизни, потому что становится ничтожнымъ человѣкомъ. Какъ тутъ кстати вспомнить, что и пушкинскій поэтъ (ст. „Поэтъ“) въ тѣ минуты, когда его не посѣщаетъ вдохновеніе, теряетъ свой величественный обликъ:

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ...

Но зато какъ высоко встанетъ художникъ надъ толпою, когда онъ не погрязнетъ въ пошлой дѣйствительности, выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ грубымъ реализмомъ жизни и взлелѣетъ свое созданіе. Гоголь рисуетъ намъ и этотъ моментъ изъ жизни художника. Герой повѣсти „Портретъ“, нравственно павшій художникъ, съ видомъ знатока приближается къ картинѣ своего дотолѣ неизвѣстнаго товарища, который сберегъ въ себѣ божественную искру генія. „Боже, что онъ увидѣлъ!“ восклицаетъ авторъ. „Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста,

стояло передъ нимъ произведеніе художника". Припомнимъ тутъ кстати, что и Жуковскій называетъ въ одномъ своемъ произведеніи (въ повѣсти „Вадимъ Новогородскій") свое поэтическое творчество, свою музу „тихою", „непорочною, какъ сама природа". „И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть", говоритъ авторъ о художникѣ-творцѣ этого дивнаго созданія, „хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя бы мысль о томъ, чтобы показаться черни"... Тутъ опять напрашивается на сравненіе „поэтъ" Пушкина, который тоже далекъ отъ мысли искать одобренія черни (ср. стих. „Поэтъ и Чернь"). „Оно вознеслось скромно"... продолжаетъ Гоголь о созданіи художника. „Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ геній. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ; — и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была — мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно приготовленіе". Трудно идеальнѣе и возвышеннѣе говорить о человѣческомъ творчествѣ. Но не трудно замѣтить, что идеалъ поэта здѣсь слишкомъ неуловимъ и туманенъ, какъ всякій романтическій образъ: онъ весь складывается изъ „божественныхъ чертъ", изъ „тайныхъ явленій", изъ чего-то „невыразимо выразимаго", какъ говоритъ Гоголь, — и все это созданіе — только мгновеніе, но такое мгновеніе, къ которому надо готовиться всю жизнь. Взглядъ Гоголя на искусство былъ замѣченъ уже почти его современниками. Ап. Григорьевъ, коментируя ту же повѣсть Гоголя („Портретъ"), по поводу вышеизложеннаго взгляда его замѣчаетъ, что Гоголь именно указалъ законы художественнаго творчества. Идеалъ художника, указанный Гоголемъ, по пониманію Ап. Григорьева заключается въ томъ, чтобы за рельефными фигурами художественнаго произведенія таилось еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному и что связываетъ ихъ самихъ съ без-

конечнымъ незримою связью. Послѣдняя мысль о незримой связи конечнаго съ безконечнымъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что самый коментарій Ап. Григорьева къ романтическому идеалу Гоголя отзывается тоже романтизмомъ, и это вполнѣ понятно, такъ какъ самъ критикъ въ своихъ воззрѣніяхъ опирался на Шеллинга, связь котораго съ романтической школой неоспорима. Впрочемъ, еще до Ап. Григорьева, Гегель, опредѣляя прекрасное какъ безконечное въ конечномъ, подъ романтической формой искусства разумѣлъ тотъ видъ прекраснаго, въ которомъ идея, внутреннее содержаніе чувства беретъ перевѣсъ надъ явленіемъ. Не трудно видѣть, что взглядъ Гоголя на искусство можетъ быть подведенъ подъ эту именно философскую формулу. Но если Гоголь взглянулъ глазами романтика на искусство, которое, очевидно, онъ понималъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, то и во взглядѣ его на поэзію, не на поэзію отрицательной стороны жизни, но на поэзію положительнаго идеала, долженъ промелькнуть опять-таки романтическій мотивъ. Его идеалъ, этотъ „далеко отторгнутый отъ земли и возвеличенный образъ" (какъ онъ самъ выражается) можетъ быть „прекраснымъ удѣломъ" не только для художника-живописца, но и для того счастливаго писателя, о которомъ Гоголь говоритъ въ вышеприведенномъ лирическомъ отступленіи. Этого счастливаго писателя Гоголь болѣе всего видитъ въ Пушкинѣ и его именно поэзію опредѣляетъ романтическими штрихами. Вотъ какъ онъ говоритъ о поэзіи Пушкина въ статьѣ, носящей заглавіе: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?" „Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ и ничего больше, — что такое поэтъ, взятый не подъ вліяніемъ какого-нибудь времени или обстоятельствъ и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего... При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самаго... У одного Пушкина ея нѣтъ. Что схватишь изъ его сочиненіи о немъ самомъ? Поди, улови его характеръ, какъ человѣка! На мѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному себѣ только не находящіи отклика". Тутъ Гоголь впадаетъ даже въ нѣкоторую крайность, легко, впрочемъ, объяснимую его романти-

ческой точкой зрѣнія на искусство. Поэзія Пушкина, которой во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ субъективномъ элементѣ, представляется ему чѣмъ-то романтически-неуловимымъ на все откликающимся и въ то же время ни отъ чего не зависимымъ чуднымъ образомъ. Какъ это напоминаетъ Новалиса съ его пресловутымъ опредѣленіемъ романтическаго творчества. Поэзія, по мнѣнію Новалиса, есть не что иное, какъ міръ неопредѣленныхъ неуловимыхъ настроеній: Stimmungen, unbestimmte Empfindungen, nicht bestimmte Empfindungen und Gefühle... То, что Новалисъ говоритъ о субъективномъ настроеніи поэта, у Гоголя примѣняется къ объективному образу поэтическаго творчества. Необходимо оговориться впрочемъ, что Гоголь глубоко цѣнитъ въ Пушкинѣ пониманіе русской дѣйствительности, слѣдовательно признаетъ за его поэзіей національный характеръ; но въ то же время призваніе его видитъ не въ изображеніи только „самой правды жизни, но и въ изображеніи того, что „еще лучше ея", какъ онъ самъ выражается. „На то и призваніе поэта", говоритъ Гоголь, „чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ, въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ тому стремился". Итакъ идеалъ того счастливаго писателя, о которомъ такъ восторженно говоритъ Гоголь, того поэта положительной стороны жизни — это очищенная и просвѣтленная жизнь, — то, что лучше жизненной правды. Въ этомъ взглядѣ Гоголя на поэзію легко чувствуется та же романтическая мысль о незримой связи конечнаго съ безконечнымъ, которую подмѣтилъ Ап. Григорьевъ въ воззрѣніяхъ нашего поэта на искусство.

Замотинъ.

Реальный и романтическій элементы въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки".

Среди различныхъ путей, какими писатель того времени шелъ на розыски настоящей „народности", былъ, какъ мы знаемъ, одинъ путь, повидимому, самый прямой и удобный. Народная жизнь въ ея далекомъ прошломъ съ ея миѳами, преданіями и обрядами, съ ея историческими воспоминаніями, давала художнику сразу обильнѣйшій матеріалъ для

литературнаго сюжета и готовые образцы для внѣшней его отдѣлки. Писатель могъ воспользоваться также и тѣмъ матеріаломъ, который онъ находилъ въ современной ему жизни простонародья, въ міросозерцаніи котораго были еще такъ живы традиціи и воспоминанія старины. Въ обоихъ случаяхъ онъ стоялъ у самаго источника „народности", понятой, правда въ нѣсколько узкомъ смыслѣ, но, во всякомъ случаѣ, неподдѣльной. Эти богатства, таящіяся въ жизни народной массы, были къ тридцатымъ годамъ уже достаточно разработаны, и мы знаемъ, что критика такую разработку очень поощряла. Но и помимо критики на эту же сторону народной жизни обратила тогда свое вниманіе и наука, еще очень не совершенная, но, тѣмъ не менѣе, авторитетная въ глазахъ общества.

Изслѣдованіе народной старины, начавшееся еще въ XVIII вѣкѣ, подвигалось успѣшно и быстро. Если пріемы этого изслѣдованія были мало научны, то результаты его оказались все-таки плодотворны. Старина воскресла подъ перомъ историковъ, юристовъ, издателей старинныхъ памятниковъ, въ особенности собирателей народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ. Къ тридцатымъ годамъ запасъ такихъ археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ былъ достаточно обширенъ и богатъ, и писатель-художникъ могъ имъ легко воспользоваться. Пользовались имъ, какъ извѣстно, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь — Гоголь въ особенности — и такая разработка старины иной разъ обогащала нашу изящную словесность; но, какъ уже было замѣчено, литература могла и пострадать отъ неумѣлаго стремленія писателя поддѣлаться подъ эту старину и отъ неизбѣжной въ такихъ случаяхъ фальсификаціи „народности". И дѣйствительно, въ нашей словесности тѣхъ годовъ существовали всѣ эти три вида разработки народныхъ древностей — и простое, весьма цѣнное, собираніе самихъ памятниковъ старины, и художественная переработка ихъ и, наконецъ, поддѣлка подъ старое — въ большинствѣ случаевъ неудачная его фальсификація. Рѣдко, очень рѣдко удавалось художнику реставрировать старину настолько правдоподобно, чтобы она казалась истинно народной и старинной. Пушкинъ въ своихъ „Сказкахъ" и въ своемъ „Борисѣ" подходилъ къ этому идеалу довольно близко, подходилъ и

Жуковскій также въ своихъ „Сказкахъ“ — но это были исключенія. Обыкновенно въ произведеніяхъ съ такимъ народнымъ и археологическимъ колоритомъ царило полное смѣшеніе стараго съ новымъ, русскаго съ иноземнымъ, и въ лучшемъ смыслѣ получалась та амальгама, та мозаичная работа съ подборомъ старинныхъ образовъ и романтически-сентиментальныхъ положеній, какая намъ дана, напр., въ сочиненіяхъ Катенина — тогда достаточно популярнаго писателя...

Въ „Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки“ смѣшеніе реальнаго элемента съ романтическимъ составляетъ, дѣйствительно, отличительную черту всего замысла художника. Впрочемъ, былъ ли у Гоголя замыселъ, когда онъ сочинялъ эти повѣсти? Мы знаемъ, какъ случайно онѣ возникли: авторъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ ихъ художественномъ значеніи, онъ писалъ ихъ отчасти скуки ради, отчасти имѣя въ виду матеріальную выгоду, а главное писалъ ихъ потому, что часто вспоминалъ о своей Малороссіи и находилъ отраду въ этихъ воспоминаніяхъ. Быть можетъ, эти разсказы и вышли такъ непринужденно естественны и такъ разнообразны потому, что авторъ при ихъ созданіи не преслѣдовалъ никакой опредѣленной цѣли, ни назидательной ни литературной. Смѣшеніе же романтическихъ образовъ съ чисто бытовыми картинами произошло также невольно и неумышленно. Въ Гоголѣ романтическій лиризмъ всегда боролся съ зоркостью наблюдателя-жанриста и по этому первому, самостоятельному и относительно зрѣлому произведенію никакъ нельзя было рѣшить, куда клонятся симпатіи автора — къ реальному ли изображенію жизни или къ символизаціи ея въ романтическихъ образахъ. И то и другое въ „Вечерахъ“ смѣшано и слито.

Передъ нами рядъ фантастическихъ легендъ самаго опредѣленнаго романтическаго характера, съ совсѣмъ воздушными образами вмѣсто живыхъ людей и съ большой примѣсью суевѣрія. Рядомъ съ этими легендами — много жанровыхъ картинъ, съ реальными аксессуарами, съ относительно естественной композиціей, и даже одинъ разсказъ о Шпонькѣ и его тетушкѣ, выдержанный весь, безъ малѣйшаго отклоненія, въ стилѣ строжайшаго реализма. Такое совмѣщеніе въ душѣ художника двухъ противоположныхъ пріемовъ и направленій

творчества тѣмъ болѣе оригинально, что почти всегда эти направленія смѣшиваются или идутъ параллельно въ одномъ и томъ же разсказѣ. Такъ уже въ „Сорочинской ярмаркѣ“ въ реальную жизнь начинаетъ вторгаться легенда. Въ разсказъ объ „Ивановой ночи“, полный ужаса и романтическихъ страстей, вставлены живые, съ натуры списанные, портреты. Въ „Майской ночи“ сельская идиллія, веселая и живая, сплетена даже неестественно съ печальной легендой. Въ фантастическое сказаніе о „Страшной мести“ введенъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ казацкой жизни, нарисованныхъ необычайно правдиво и реально. Въ „Ночи передъ Рождествомъ“ фантастика совсѣмъ переплелась съ дѣйствительностью, какъ и въ „Пропавшей грамотѣ“ и въ „Заколдованномъ мѣстѣ“. Въ одной только „повѣсти о Шпонькѣ“ — какъ мы замѣтили — реализмъ въ искусствѣ проявился безъ всякой примѣси романтической грезы или мечты, и авторъ далъ намъ первый примѣръ истинно художественной юмористической повѣсти. Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ онъ одновременно и юмористъ-бытописатель, и сентиментальный романтикъ.

„Вечера на Хуторѣ“ стояли, такимъ образомъ, на распутьи двухъ литературныхъ теченій, стараго — романтическаго и новаго — реальнаго и скорѣе принадлежали прошлому, чѣмъ открывали дорогу новому.

Романтика въ нихъ преобладала. Она проявлялась прежде всего въ обиліи фантастическаго элемента, которымъ большинство этихъ повѣстей было насквозь пропитано. Эта фантастика была тогда очень распространена въ нашей словесности. Богатѣйшій родникъ ея имѣли мы въ нашихъ собственныхъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ; кромѣ того, многое перенесено было къ намъ съ Запада. Изъ дебрей, преимущественно, нѣмецкаго романтизма перелетали на русскую землю вѣдьмы, лѣшіе, оборотни и всякая нечисть. Повѣсти Тика, напр., читались охотно, и самъ Гоголь заимствовалъ у него завязку своего „Вечера накунѣ Ивана Купалы“. *Чудесное происходило къ намъ и съ Востока, съ горъ Кавказа.* Правда, повѣсти Гоголя вносили нѣчто свое въ эту чертовщину, а именно, тотъ же малороссійскій юморъ, который по репликамъ вѣдьмъ и чертей заставлялъ всѣхъ догадываться, что они проживаютъ не въ ущельяхъ финскихъ горъ,

не въ дремучихъ лѣсахъ Муромскихъ, а на Лысой горѣ подъ Кіевомъ. Но это этнографическое отличіе нисколько не мѣняло ихъ роли и ихъ участія въ людской жизни.

Читатель, еще задолго до этихъ „Вечеровъ", любилъ, какъ мы въ нашемъ дѣтствѣ, чтобы съ героемъ повѣсти случалось непремѣнно что-нибудь необыкновенное, чтобы въ жизни его вмѣшивались свѣтлые и темные духи — именно потому, что русскій читатель тогда былъ еще ребенкомъ.

Повѣсти Гоголя въ этомъ смыслѣ вполнѣ отвѣчали господствующему вкусу. Но это чудесное, подсказанное народными легендами, интересовало Гоголя не только какъ извѣстный рычагъ дѣйствія: оно совпадало съ одной очень важной стороной его собственнаго міросозерцанія. Зародыши суевѣрія и наивной вѣры съ дѣтства таились въ Гоголѣ; съ годами они окрѣпли. Эти малороссійскіе черти и вѣдьмы превратились со временемъ въ настоящаго чорта, въ существованіе котораго Гоголь вѣрилъ и отъ котораго предостерегалъ Аксакова; старые народные мрачные духи, подъ вліяніемъ религіи, отожествились тогда въ его пониманіи съ принципомъ зла и, конечно, о комическомъ ихъ вторженіи въ жизнь человѣка не могло быть и рѣчи.

Но помимо этой существенной роли, какую чудесное играло въ міросозерцаніи нашего автора, міръ призраковъ удовлетворялъ во дни его юности и другой потребности его духа, именно — жаждѣ свободы. Выворотить человѣческую жизнь наизнанку, поставивъ въ ней все вверхъ дномъ, сдѣлать ее рядомъ неожиданностей, пока въ большинствѣ случаевъ очень пріятныхъ для человѣка, значило тогда для скромнаго и нуждающагося мелкаго чиновника — испытать хоть въ мечтахъ свободный размахъ своей энергіи и воли, которая такъ была стѣснена въ жизни. Очень часто, когда обстоятельства слагаются не весело, охотно мечтаешь о томъ, какъ бы хорошо было, если бы они вдругъ, по щучьему велѣнію, какъ говорятъ, перемѣнились. Такъ могло быть и съ Гоголемъ.

Таившееся въ немъ суевѣріе и страхъ передъ зломъ въ мірѣ нашло себѣ выраженіе въ такихъ повѣстяхъ, какъ „Вечеръ накапунѣ Ивана Купалы" и „Страшная месть", а невинная мечта о благосклонномъ вмѣшательствѣ этихъ силъ въ жизнь человѣка отразилась въ „Майской ночи" и въ особенности въ „Ночи передъ Рождествомъ".

Но помимо чудеснаго, которое придаетъ этимъ повѣстямъ такой романтическій характеръ, само изображеніе малороссійскаго быта грѣшитъ нерѣдко излишней романтической красотой. Конечно, сравнительно со всѣми прежними опытами въ этомъ родѣ, „Вечера на Хуторѣ“ могутъ быть названы первой правдивой картиной южно-русскаго быта, написанной безъ всякой тенденціи дидактической или сентиментальной. Но это отсутствіе тенденціи и даже обиліе вѣрно схваченныхъ и правдиво изображенныхъ типовъ не спасаютъ „Вечера на Хуторѣ“ отъ упрека въ идеализаціи и въ не совсѣмъ правдоподобной компановкѣ разсказа. Одно время критика очень придирчиво высчитывала разныя ошибки, которыя Гоголь допустилъ въ обрисовкѣ малорусскаго народнаго характера и въ описаніи различныхъ народныхъ обрядовъ; она оказалась, однако, неправдой: почти все, что Гоголь говорилъ о малорусской жизни, были фактически вѣрно; онъ ничего не измыслилъ и не исказилъ; но вопросъ не въ этомъ — вѣрно ли онъ срисовалъ детали. Онѣ могли быть всѣ списаны съ натуры или взяты изъ народныхъ пѣсенъ. Если Гоголь въ чемъ погрѣшилъ противъ правды, такъ это въ компановкѣ этихъ деталей и въ привычкѣ слишкомъ оттѣнять красивую и яркую сторону изображаемой имъ жизни.

Въ компановкѣ повѣстей допущены, дѣйствительно, нѣкоторыя странности, съ реализмомъ не вполнѣ согласныя. Могла ли свадьба устроиться такъ быстро, какъ она устроилась на ярмаркѣ въ Сорочинцахъ, и могъ ли цыганъ такъ хитро спрятать всѣ нити своей интриги и своего „чудеснаго“ вмѣшательства въ ходъ сватовства парубка — это остается на совѣсти автора; могла ли майская ночь пройти такъ безумно весело съ такимъ импровизированнымъ крестьянскимъ маскарадомъ, съ такой правильно организованной остроумной уличной демонстраціей хлопцовъ противъ начальства — это также сомнительно; какимъ образомъ вся ночь передъ Рождествомъ обратилась въ сплошную буффонаду, невѣроятно запутанную и невѣроятно смѣшную, какимъ образомъ всѣ дѣйствующія лица этого фарса могли позволить случайностямъ такъ играть съ собой — тоже мало понятно. Впрочемъ, можетъ быть, въ этой малопонятливости и заключался умыселъ художника; но, во всякомъ случаѣ,

въ его планы отнюдь не входило заставлять своихъ крестьянъ иной разъ говорить совсѣмъ городской выхоленной рѣчью, а въ „Вечерахъ" такая рѣчь въ устахъ парубковъ и дѣвчатъ совсѣмъ не рѣдкость. Послушать ихъ любовныя разговоры — и въ нихъ даже не замѣтно поддѣлки подъ народную рѣчь, до того ихъ слова отборны и литературны...

Помимо этихъ довольно явныхъ отступленій отъ реализма и житейской правды, нельзя не указать и на описанія природы, какъ на образецъ художественной, но никакъ не реальной пейзажной живописи. Мы съ дѣтства привыкли благоговѣть передъ этими описаніями и учимъ ихъ наизусть; но едва ли, созерцая настоящую природу Малороссіи, мы о нихъ когда-либо вспомнимъ. Конечно, тѣ страницы „Вечеровъ", гдѣ насъ спрашиваютъ — „знаемъ ли мы украинскую ночь" и гдѣ намъ говорятъ, какъ „чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ" — эти страницы ослѣпительны по блеску метафоръ, красотѣ образовъ и торжественному настроенію созерцателя, но это не описанія того, что видишь и что желалъ бы другого заставить видѣть, это — восторгъ по поводу видѣннаго и, какъ таковой, онъ субъективенъ въ крайней степени.

Нельзя назвать реальной живописью и тѣ портреты, преимущественно, женскіе, которые нерѣдко авторъ вставляетъ въ свои разсказы. Въ нихъ очень много красоты, но жизни мало. Когда видишь, какъ на возу сидитъ хорошенькая дочка Солопія Черевика — „съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбающимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ богатою короною покоятся на ея очаровательной головкѣ", то такому портрету вѣришь, хотя и не узнаешь въ немъ крестьянки. Но когда затѣмъ читаешь про дочку Коржа, какъ „ея щеки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьей росою, — горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; какъ брови ея, словно черные шнурочки, ровно нагнувшись, какъ будто глядятся въ ясныя очи; какъ ротикъ ея кажись на то и созданъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни, какъ волосы ея черны какъ крылья ворона, и мягки, какъ молодой ленъ" —

то такому портрету уже не вѣришь, хотя и любуешься имъ, какъ любуешься и на первый выходъ Ганны, когда она на „порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и, не выпуская ручки двери, переступаетъ черезъ порогъ: когда въ полуясномъ мракѣ горятъ привѣтно, будто звѣздочки, ея ясныя очи“...

Всѣ эти женскіе портреты — типичные образцы ходячей красоты, символы женскаго внѣшняго совершенства и убранства. Эти деревенскія красавицы не хрупки, не блѣдны, не воздушны какъ дѣвы тогдашней романтики; онѣ не разсѣиваются въ туманѣ, напротивъ того, онѣ всѣ очень здоровы, румяны, какъ былинныя красавицы, но онѣ все-таки сродни своимъ блѣднымъ сестрамъ, онѣ также съ реальной жизнью имѣютъ мало общаго, хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ здоровья.

Такъ же точно и любовныя рѣчи этихъ красавицъ и ихъ обожателей едва ли не подслушаны Гоголемъ; вѣрнѣе, что они отзвукъ народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ.

Такая идеализація типовъ — явленіе, однако, не постоянное. Подкрашены въ большинствѣ случаевъ только молодые типы — тѣ, вокругъ которыхъ сплетается любовная романтическая завязка. Чѣмъ дѣйствующее лицо старше — тѣмъ оно реальнѣе обрисовано. Старики и старухи иногда даже смахиваютъ на карикатуры — такъ усердно авторъ при изображеніи ихъ не соблюдая мѣры, гнался за реализмомъ.

Такимъ образомъ, „Вечера на Хуторѣ“, при многихъ вѣрныхъ бытовыхъ деталяхъ, при относительно естественномъ языкѣ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, наконецъ, при безспорно „народныхъ“ сюжетахъ историческихъ, легендарныхъ и бытовыхъ, были все-таки произведеніемъ, созданнымъ скорѣе въ старомъ стилѣ, сентиментально-романтическомъ, чѣмъ въ стилѣ новомъ, который требовалъ тѣсной связи искусства и жизни. Одна только повѣсть „объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“ давала понять, что авторъ способенъ создать въ этомъ новомъ реальномъ стилѣ. Но эта повѣсть осталась неоконченной, и застѣнчивый Иванъ Ѳедоровичъ — родственникъ Подколесина, его тетушка-амазонка и ея дворня, Григорій Григорьевичъ, хитрый плутъ, и его благонравныя сестрицы промелькнули передъ нами и исчезли, чтобы появиться, однако, вновь въ „Женитьбѣ“, „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“.

Итакъ, въ исторіи жизни и творчества Гоголя „Вечерамъ на Хуторѣ близъ Диканьки“ должно быть отведено, несмотря на незатѣйливость ихъ содержанія, мѣсто очень видное. Эти повѣсти были первымъ оригинальнымъ произведеніемъ нашего автора, въ которомъ „народность“, понимаемая не въ широкомъ, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, нашла себѣ художественное воплощеніе. Гоголь являлся передъ нами, и какъ бытописатель современной ему простонародной малороссійской жизни и какъ романтикъ, творчески пересоздающій старыя преданія и легенды. Онъ смѣшивалъ въ своемъ произведеніи оба стиля, отдавая пока предпочтеніе романтическому, въ которомъ онъ выдерживалъ даже описанія природы и характеристику многихъ дѣйствующихъ лицъ, — что не мѣшало ему изображать другія лица и иныя положенія съ неподдѣльной простотой и трезвостью истиннаго реалиста. Въ этомъ смѣшеніи двухъ стилей, равно какъ и въ чередованіи веселья и грусти, смѣха и слезъ, сказывалось не только неустановившееся пока направленіе его творчества, но также та внутренняя борьба, которая происходила въ самомъ авторѣ: идеализмъ романтика никакъ не могъ ужиться со способностью реалиста видѣть насквозь всю пошлость и грязь той дѣйствительности, которую хотѣлось бы понять и истолковать въ иномъ, возвышенномъ и идеальномъ смыслѣ.

Послѣ юношескаго мечтательнаго сентиментализма, какъ онъ выразился съ „Ганцѣ“ и отчасти въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, художникъ вступалъ теперь въ новый фазисъ своего духовнаго развитія; въ немъ, послѣ упорной борьбы, крѣпъ все болѣе и болѣе трезвый, юмористическій взглядъ на окружающую его дѣйствительность, который и достигъ своего полнаго выраженія въ комедіяхъ и въ „Мертвыхъ Душахъ“.

На этой ступени художественнаго созерцанія жизни Гоголь однако не устоялъ. Неудовлетворенный однимъ созерцаніемъ, онъ сталъ упорно доискиваться ея религіозно-нравственнаго смысла, и вновь романтикъ восторжествовалъ надъ реалистомъ. Художникъ произнесъ тогда осужденіе всему тому, что онъ успѣлъ надумать и высказать, и онъ захотѣлъ все это передумать и пересказать по новому. *Котляревскій.*

Художественное, философское и автобіографическое значеніе повѣсти „Портретъ".

Надъ повѣстью „Портретъ" Гоголь трудился долго, часто ее передѣлывалъ и въ сороковыхъ годахъ написалъ ее почти-что заново, что указываетъ на особое значеніе, какое онъ придавалъ ей. Если въ выборѣ сюжета и въ главномъ мотивѣ повѣсти, т.-е. въ противорѣчіи истиннаго искусства съ ремесломъ, и въ исторіи о таинственномъ портретѣ, въ которомъ заключена частица души оригинала, съ котораго онъ списанъ, нашъ писатель, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ связанъ извѣстными литературными традиціями и воспоминаніями, то въ разработкѣ темы и, главнымъ образомъ, въ развитіи двухъ основныхъ ея мыслей Гоголь былъ вполнѣ оригиналенъ и субъективенъ.

Повѣсть была лишена всякаго мѣстнаго бытового интереса, не говоря уже о соціальномъ. Это былъ разсказъ общаго типа, въ которомъ можно было безъ нарушенія правдоподобности замѣнить всѣ русскія имена лицъ и мѣстъ иностранными. Скажемъ больше: при такой замѣнѣ повѣсть выиграла бы въ стилѣ; она все-таки по стилю западно-романтическая и спеціально нѣмецкая. Не будь въ ней нѣкоторыхъ мыслей, выстраданныхъ самимъ Гоголемъ, можно было бы подумать, что онъ написалъ ее, вспоминая Гофмана или Тика.

Въ повѣсть включено два эпизода: разсказъ о гибели таланта художника Черткова и разсказъ о страшномъ ростовщикѣ. При всей занимательности этихъ двухъ эпизодовъ и мастерствѣ, съ какимъ они изложены, не въ нихъ смыслъ повѣсти. Легенда о ростовщикѣ и объ антихристѣ — простая сказка, а исторія гибели художника — подтвержденіе старой мало интересной истины о томъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ, что погоня за успѣхомъ и служеніе святому, истинному призванію трудно примиримы.

„Портретъ" — славословіе искусства и болѣе полное и художественное повтореніе тѣхъ мыслей, какія Гоголь высказывалъ въ своемъ гимнѣ скульптурѣ, живописи и музыкѣ, въ своемъ воззваніи къ генію, въ статьѣ о Пушкинѣ и въ другихъ своихъ лирическихъ изліяніяхъ. Когда злой

геній шепчетъ художнику: „Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь завидное право кинуться съ Исаакіевскаго моста въ Неву или, завязавъ шею платкомъ, повѣситься на первомъ гвоздѣ; а труды твои первый маляръ, накупивъ ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлается на свѣтѣ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! Бери все, что ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи: время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ больше смастеришь ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и славы" — когда злой геній шепчетъ эти слова, онъ повторяетъ то, что всегда говорилось всѣми, кто оплакивалъ гибель таланта въ сѣтяхъ моды. Немного новаго, хотя много красиваго, давали и тѣ страницы повѣсти, на которыхъ Гоголь стремился передать читателю впечатлѣнія истиннаго, высокаго вдохновенія и искусства. Припомнимъ одну страничку, и тотъ, кто имѣлъ случай читать романтическія повѣсти тридцатыхъ годовъ, найдетъ въ словахъ Гоголя много знакомаго, хотя, конечно, долженъ будетъ признать силу этой красивой и патетической рѣчи.

„Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ (Чертковымъ) произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя мысль о томъ, чтобы показаться черни, — никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ геній. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ; и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была мгновеніе, но то мгновенье, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно

приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію".

Никогда, говоря объ искусствѣ, Гоголь не возвышался до такой красоты выраженія, и если невыразимое, дѣйствительно, поддается до извѣстной степени выраженію, то такая степень на этой страницѣ достигнута, и въ писателѣ чувствуется и творецъ изящнаго, и удивительно тонкій его цѣнитель.

Но не эти страницы въ „Портретѣ" самыя цѣнныя. Есть въ этой повѣсти двѣ мысли, съ которыми не встрѣчаешься въ однородныхъ повѣстяхъ того времени, и очень важныхъ въ исторіи развитія взглядовъ самаго Гоголя на искусство. Одна мысль касается вопроса о степени приближенія искусства къ жизни, т.-е. о границахъ истиннаго реализма въ художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности.

Гоголь описываетъ впечатлѣніе, произведенное портретомъ на художника: „Чертковъ, — разсказываетъ онъ, — съ жадностью ухватился за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея пораженный страхомъ. Темные глаза нарисованнаго старика глядѣли такъ живо и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, въ нихъ неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человѣческіе глаза... Не смѣя думать о томъ, чтобы взять портретъ съ собою, Чертковъ выбѣжалъ на улицу. „Что это?" думалъ онъ самъ про себя: „искусство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда онъ, желая постигнуть

прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Непостижимо! Такая изумительная, такая ужасная живость! Или черезчуръ близкое подражаніе природѣ такъ же противно, какъ блюдо, имѣющее черезчуръ сладкій вкусъ?" Но это было, во всякомъ случаѣ, произведеніе искусства, "которое, хотя оно было не окончено, однако носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но, при всемъ томъ, эта сверхестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художника. Всѣ чувствовали, что это верхъ истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только геній, но что этотъ геній уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка".

Если мы вспомнимъ, что въ тѣ годы, когда „Портретъ" былъ написанъ, въ талантѣ Гоголя происходила упорная борьба его романтическихъ вкусовъ съ все болѣе и болѣе созрѣвавшей способностью реальнаго бытописанія, то эти размышленія художника надъ границами приближенія искусства къ жизни пріобрѣтаютъ особое значеніе. Талантъ Гоголя, дѣйствительно, приближалъ художника къ той чертѣ, которая отдѣляетъ искусство отъ самой жизни. Съ каждымъ годомъ анатомическая зоркость его артистическаго взгляда возрастала. Жизнь теряла тотъ постепенный привлекательный образъ, который она имѣла, когда художникъ смотрѣлъ на нее взглядомъ романтика; грязь и грѣховность этой жизни переходила на страницы созданій поэта. У него — строгаго моралиста отъ рожденія — могла явиться мысль, не служитъ ли искусство самому грѣху, когда такъ правдиво его воспроизводитъ? Эту робкую, тревожную мысль онъ и высказалъ въ своемъ „Портретѣ". Предчувствовалъ ли онъ, что со временемъ онъ въ ней укрѣпится и все созданное имъ въ реальномъ стилѣ сочтетъ грѣхомъ передъ человѣчествомъ и въ частности передъ русской жизнью? Пока эта мысль была высказана лишь въ видѣ догадки, и, увлекаемый своимъ талантомъ, Гоголь не давалъ ей власти надъ своимъ творчествомъ. Онъ, наоборотъ, старался, чтобы именно частица жизни, самой будничной, оставалась въ его созданіяхъ. Онъ не убѣгалъ грѣха жизни, а шелъ ему смѣло навстрѣчу. Но замѣчательно все-таки, что именно въ годы этого смѣлаго творчества такая мысль остановила на себѣ его вниманіе.

Въ томъ же „Портретѣ“ Гоголь высказалъ и другую мысль, которой также суждено было со временемъ восторжествовать въ его творчествѣ. Это была мысль о религіозномъ призваніи искусства и поэта въ жизни — мысль старая, нѣмецкая по происхожденію. Художникъ, написавшій знаменитый портретъ ростовщика, который былъ не кто иной, какъ самъ антихристъ, долженъ былъ искупить свой грѣхъ — свой невольный грѣхъ артиста. Онъ и искупилъ его постомъ и молитвой, иноческой жизнью и своимъ же искусствомъ, которое онъ всецѣло посвятилъ Богу. Міръ дѣйствительный далеко отошелъ отъ него, и ему здѣсь на землѣ уже свѣтилъ міръ небесный. Стоя на краю могилы, раскаявшійся художникъ говорилъ своему сыну: „Дивись, мой сынъ, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо, безъ образа, на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышленій. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству... Но слушай, что мнѣ открыла въ часъ святого видѣнія сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты ея, я былъ посѣщенъ вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня, и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку, я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волоса мои, и душа вся трепетала. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы, и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ невѣчно“. Случай, разсказанный въ „Портретѣ“, конечно, случай исключительный, и портретъ, списанный съ антихриста, хотя бы безъ вѣдѣнія художника, могъ требовать отъ него покаянія; но, читая эту повѣсть и припоминая нѣкоторыя мысли, которыми Гоголь былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни, нельзя опять не подивиться страннымъ совпаденіямъ... Гоголя, какъ извѣстно, преслѣдовали списанные имъ съ натуры портреты; онъ думалъ, что онъ совершилъ тяжкій грѣхъ, отдавшись свободно своему вдохновенію, онъ вѣрилъ, что на немъ

лежитъ обязанность искупить все имъ сотворенное, новой творческой работой, и онъ у Бога также просилъ вдохновенія, чтобы Онъ помогъ ему на новомъ пути уже не простого воспроизведенія дѣйствительности, а ея возсозданія въ идеальныхъ образахъ. Постомъ и молитвой замаливалъ и Гоголь свой грѣхъ реалиста-художника.

Но все это случилось значительно позже; въ серединѣ тридцатыхъ годовъ эта религіозная мысль лишь промелькнула въ „Портретѣ", не возбудивъ пока особенно сильной тревоги въ душѣ благочестиваго художника. *Котляревскій.*

Природа, обычаи и преданія Украйны въ повѣстяхъ Гоголя.

Уже въ первыхъ малороссійскихъ повѣстяхъ, которыя Гоголь началъ писать съ 1829 года, выразился положительный характеръ его таланта, направленнаго къ внимательному изученію дѣйствительности. Среди разныхъ невзгодъ своей петербургской жизни, онъ съ особенной любовью обращается къ воспоминаніямъ первой юности: этимъ объясняется страстное одушевленіе, съ какимъ онъ описываетъ природу и нравы родной Малороссіи. Въ апрѣлѣ 1829 года онъ пишетъ матери: „Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мнѣ ихъ въ нашей переспискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ нужно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна или Агаѳія Матвѣевна много знаютъ кое-чего изъ древнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская ни малѣйшихъ подроб-

ностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна, котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всевозможные повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи, или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. На этотъ случай совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта". Такъ приступалъ Гоголь къ своимъ повѣстямъ, составившимъ два тома „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки". Мы не будемъ подробно разбирать ихъ: укажемъ только, въ чемъ состоитъ главное ихъ значеніе. Тутъ вы находите, во-первыхъ, пластичныя описанія украинской природы; во-вторыхъ, ярко обрисованы многіе народные обычаи, и живьемъ выступаетъ типъ запорожца съ его безпечностью и разгуломъ, также какъ многіе прекрасные типы женщинъ; въ-третьихъ, съ живымъ мѣстнымъ колоритомъ воспроизведены народныя преданія о колдунахъ, о вѣдьмахъ, о чертяхъ, о кладахъ и проч. Въ повѣсти „Утопленница" обаятельно описана мѣсячная ночь съ ея чарами. Левко идетъ въ лѣсъ къ старому господскому дому, о которомъ носятся недобрые разсказы. Онъ задремалъ надъ прудомъ, убаюканный пѣснію соловья... протираетъ глаза, и видитъ: „Какое-то странное, упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца... Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ". Левко глядитъ въ прудъ и видитъ чудо: старинный домъ отразился тамъ въ новомъ видѣ. „Вмѣсто мрачныхъ ставней — веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка, съ блестящими очами, тихо свѣтлѣвшими сквозь темно-русыя волны волосъ и оперлась на локоть; и видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала, и окно закрылось снова". Левко отошелъ отъ пруда, но при лунномъ свѣтѣ домъ ему все кажется новымъ. Его оглушали пѣсни соловьевъ, а когда

онъ замиралъ въ томленіи, „слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болотной птицы, ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало! Онъ настроилъ бандуру и запѣлъ:

„Ой, місяцю, місяченьку!
И ты, зоря ясна!
Ой, свитіть тамъ по подвірью,
Де дівчина красна“.

И вотъ, въ окнѣ показалась та самая панночка, которую онъ видѣлъ въ пруду,— блѣдная, какъ блескъ мѣсяца. „Парубокъ,— говорила она,— найди мнѣ мою мачеху!... я награжу тебя... у меня есть зарукавья, шитыя шелкомъ, кораллы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачеху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покоя на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня: заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смоются, эти синія пятна отъ желѣзныхъ когтей ея!...“ Итакъ, это была дѣвушка, которая, не вытерпѣвъ гоненій мачехи, бросилась въ прудъ и обратилась въ русалку: но и мачеха, ставши русалкой, скрылась въ пруду, такъ что панночка не можетъ отличить ея между подругами. Левко вдругъ увидѣлъ на берегу: „въ тонкомъ, серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ“. Онѣ стали играть въ ворона, и Левко узналъ вѣдьму въ той, которая усерднѣе, другихъ представляла ворона, со злобой хватая дѣвушекъ. Изъ этого примѣра видно, какъ искусно Гоголь связываетъ поэтическія преданія народа съ обаяніемъ роскошной природы: лѣсная тишина, блескъ мѣсяца, его свѣтлое отраженіе въ прудѣ передъ старымъ, заброшеннымъ домомъ, звонкія пѣсни соловьевъ — все это наводитъ сонъ на влюбленнаго Левко, и въ грезахъ сна ему видится то, что уже создала народная фантазія подъ вліяніемъ этихъ чаръ природы: блѣдныя русалки, словно связанныя изъ прозрачныхъ облаковъ, свѣтятся насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ, а одна тихо льетъ слезы, смотря изъ очарованнаго терема. Народныя преданія

тутъ, конечно, значительно приукрашены или, лучше сказать, пересозданы фантазіею поэта; но мы все-таки понимаемъ ихъ смыслъ, чувствуемъ ихъ наивную прелесть. Мы замѣчаемъ также, что рядомъ съ этой прелестью природы, одушевленной въ народныхъ вымыслахъ, является у Гоголя и обыденная, неприкрашенная жизнь съ ея горемъ и заботами: жалобы русалки на свою мачеху уже не относятся къ одному сказочному міру. Тамъ, гдѣ принимаетъ участіе нечистая сила, Гоголь, согласно народному воззрѣнію, чаще всего вноситъ въ описаніе юморъ; но его юморъ, какъ человѣка образованнаго, нагляднѣе выставляетъ всю нескладицу суевѣрія. Такъ, напр., въ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ", гдѣ очень живо описаны обычаи колядованія и веселая гулянка парубковъ, чорту приходится играть самую незавидную роль. Удалой кузнецъ Вакула осѣдлалъ его и заставляетъ его везти себя въ Петербургъ, чтобы выпросить у царицы башмачокъ для своей балованной красавицы Оксаны. Вотъ, сидя на чортѣ, онъ „пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что, если бы не наклонился немножко, то зацѣпилъ бы его шапкою... Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя на горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ клубится въ сторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... много еще дряни встрѣчали они". Тутъ мы замѣчаемъ уже явную насмѣшку надъ суевѣрными сказаніями. Казачья удаль особенно хорошо очерчена въ повѣстяхъ: „Пропавшая грамота" и „Заколдованное мѣсто". Въ первой вы узнаете, какъ смѣлый запорожецъ добываетъ у чертей свою шапку съ зашитою въ нее грамотой къ царицѣ. Безпечно на дьявольскомъ пиру онъ „придвинулъ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, какими мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, подставилъ корку хлѣба — и глядь, и отправилъ въ чужой ротъ: вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ". Еще

два раза повторилось то же, и казакъ взбеленился, привскочилъ къ вѣдьмамъ: „Что вы, Иродово племя, задумали смѣяться, что ли, надо мною? Если не отдадите, сей же часъ, моей казацкой шапки, то я, будь католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ". Въ разсказѣ „Заколдованное мѣсто" точно также лихому дѣду бѣсовская сила не даетъ въ пляскѣ выметнуть на вихорь ногами ловкую штуку, и потомъ загоняетъ въ лѣсъ, гдѣ онъ, думавъ достать кладъ, выкопалъ изъ земли котелъ со всякимъ соромъ. Такъ всѣ эти дѣйствія нечистой силы становятся обманомъ воображенія.

Водовозовъ.

Запорожье.

Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.

Кольцовъ.

...Витеръ віе — повиває,
По полю гуляе,
На могили кобзарь сидить
Та на кобзи грае...
Кругомъ его степь, якъ море
Широке, синее;
Зъ могилою могила,
А тамъ тилько мріе.

Шевченко.

... Иду шляхомъ; солнце сяе,
Витеръ съ травами говоре,
Передъ мною и за мною
Степъ колышется, якъ море;
А затихне витеръ буйный, —
Степъ, мовъ камень, не двигнетця,
И, якъ килимомъ богатымъ,
Весь квитками уберетця.
Онъ нагнулась тирса била,
Звиробоі скрутивъ стебельци,
Червоніе материнка,
Якъ зирки горять козельци;
Крикнувъ перепелъ въ ярочку,
Стрепетъ приснувъ надъ тернами,
По кущамъ мижъ дерезою

Холють дрохвы табунами.
Тихо всюди; тилько де-де
Витерочокъ пронесетця,
Та на землю изъ-пидъ неба
Писня жайворонка льетця.

Щеголевъ.

„Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до Сѣвернаго Донца, по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, ее посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы; богатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣняетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію. Климатъ ея благорастворенный, растительность изумительная, и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее „колыбелью послѣ потопа“. „То, что писано современниками объ этой землѣ (Малороссіи), текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное на землю, взрыхленную деревянной сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 30 корцевъ собрано жита 1500 копенъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностью. По свидѣтельству того же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украинѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіяся случайно на землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, попавшись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца и Ржончинскій зналъ одного пасѣчника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ которыхъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасѣкъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ,

который собираетъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній". „И бысть намъ сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди... А земля зѣло удобна и хлѣбородна, и овощу всякого много, сады, что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать золотою, понеже всего много въ ней родится".

Такова была природа Малороссіи. Но что касается собственно Запорожья, то здѣсь природа носила двойственный характеръ: по мѣстамъ она представляла такое же изобиліе, какимъ отличалась вообще вся Малороссія, а по мѣстамъ граничила съ крайнимъ недостаткомъ, свойственнымъ собственно Запорожью. То и другое требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. „Славное войско запорожское низовое" занимало одну изъ тѣхъ окраинъ южно-русскихъ степей, гдѣ уже искони вѣковъ носились „киммерійскіе мраки", волновались „скиѳскія тѣни", сгущались „половецкіе туманы", осаживалась „татарская мгла" и гдѣ съ незапамятныхъ временъ происходили ожесточенныя, кровопролитныя боевыя схватки между различными наѣздниками, полу-дикарями, полу-варварами, полу-кочевыми, полу-осѣдлыми. Весь районъ запорожскихъ казаковъ по-теперешнему опредѣляется двумя губерніями: Екатеринославскою и Херсонскою, за исключеніемъ въ этой послѣдней уѣздовъ Ананьевскаго и Тираспольскаго и градоначальства Одесскаго. Взятое въ такихъ предѣлахъ, Запорожье называлось у москвитовъ Заднѣпровскою Украйной, а у поляковъ — Низомъ или Дикимъ полемъ. Характеръ мѣстности — по преимуществу *степной*. Много оригинальности и своеобразія въ южно-русскихъ степяхъ теперь, но еще больше оригинальности и своеобразія было въ нихъ въ отдаленныя отъ насъ времена. И въ самомъ дѣлѣ. Что такое представляли изъ себя эти степи въ давнемъ прошломъ? Онѣ представляли собою безпредѣльную раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную шелковистую пелену съ живописными скалами, многоводными

рѣками, плодоносными островами и вѣчно зеленѣющими балками и долинами. И сколько здѣсь разнообразія?! Вотъ разстилается логъ, тянется оврагъ; тамъ, по берегамъ рѣкъ, скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей или живописно извивается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высятся небольшіе пригорки, холмятся курганы или могилы (tumuli), „звучащіе игрой труда и жизни человѣка“; а тамъ, у текучихъ водъ, чернѣютъ дремучіе, дѣвственные густолиственные лѣса. Все это чрезвычайно живописно и величественно, на всемъ этомъ отдыхаетъ взоръ и освѣжается мысль; здѣсь, въ этой необозримой, безкрайной, неподвижной пустотѣ можно расплыться, забыться о самомъ себѣ и любоваться лишь одними красотами природы. „Широко ты, степь, пораскинулась“!... Но при всемъ томъ здѣсь, среди этого моря степей, въ былыя времена лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣдъ проявленія человѣческой жизни; только изрѣдка, да и то по окраинамъ, изъ-за густой „торсы“ и желтаго „бурунчука“ показывался здѣсь одиночный скиталецъ—чабанъ и снова невидимо, какъ мимолетный призракъ, скрывался въ ней; изрѣдка, изъ-за высокаго „буркуна“ и бѣлаго, какъ морская пѣна, пушистаго ковыля показывалась „чумацкая шапка та довгій батигъ“... Да, это были своего рода terra incognita — невѣдомая земля, это было своего рода bonum nullius — ничье благо, это былъ особаго вида, скажемъ вмѣстѣ съ другими, травяной лѣсъ. Дорогъ здѣсь не было, кромѣ трехъ новыхъ и двухъ старыхъ, отвѣчныхъ шляховъ. То были: Бутуринскій, Изюмскій и Кальміусскій шляхи и Черный (иначе Шпаковъ) съ Муравскимъ шляхомъ. Степи эти отдѣляли тогда собой весь міръ славянскихъ людей отъ міра мусульманскихъ; для татаръ онѣ были естественною и вполнѣ надежною охраною ихъ кочевьевъ, а для русскихъ представляли собой безграничный океанъ зелени, скрывавшій въ себѣ все то, что можетъ приводить въ ужасъ и содроганіе, и проникнуть куда мало кто отваживался. Русскому человѣку здѣсь всегда представлялась опасность; здѣсь онъ каждую минуту былъ настороже, ибо въ каждой балкѣ, подъ каждымъ яворомъ или черноклепомъ, подобной черной гадинѣ, могъ скрываться тайный врагъ, жадно пожиравшій его своими зоркими очами и всегда готовый вонзить въ сердце его если не калену стрѣлу, то пулю быструю.

Расположеніе лѣсной растительности запорожскаго края показываетъ, что она держалась, главнымъ образомъ, и по преимуществу въ мѣстахъ низменныхъ, наиболѣе влажныхъ, и только здѣсь достигала большихъ размѣровъ. Таковы были, напр., лѣса, росшіе по рѣкамъ Самарѣ и Конскимъ Водамъ: ихъ густота и обширность такъ были велики, что тамъ расхаживали только одни хищные звѣри да дикія птицы, а человѣкъ, даже вооруженный, едва за нѣсколько верстъ могъ свободно объѣзжать ихъ. Поражающею густотою отличались и многіе изъ тѣхъ запорожскихъ лѣсовъ, которые росли по такъ называемымъ балкамъ, т.-е. широкимъ долинамъ, окаймленнымъ сверху покатыми возвышенностями и на днѣ увлажненнымъ ключевыми и атмосферными водами. И здѣсь лѣсъ разрастался нерѣдко до того, что человѣку не было никакой возможности пробраться чрезъ него: одни звѣри да птицы господствовали въ немъ.

Таковы лѣса запорожскіе. Относительно самой флоры лѣсной нужно сказать, что въ запорожскихъ владѣніяхъ росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтреная и непостоянная погода обусловливали и извѣстные виды древесной растительности.

Но если страна запорожскихъ казаковъ, говоря вообще, не могла назваться богатою въ отношеніи лѣса, то зато въ отношеніи воды она была несравненно счастливѣе. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и только въ одномъ — съ сѣвера на югъ — разграниченную балками, страна запорожскихъ казаковъ въ томъ же направленіи, но почти черезъ самую средину свою, пропускала одну изъ большихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ, рѣку Днѣпръ, со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ его, несущихъ въ него свои воды, начиная отъ самыхъ значительныхъ, Самары и Буга, и кончая самыми мелкими, въ родѣ Каменки и Малой Сурки, коихъ число

Зъ устя Днiпра та й до вершины —
Симъ сотъ ричокъще й чътыри.

На всемъ пространствѣ запорожскихъ владѣній Днѣпръ имѣлъ десять переправъ. Способъ переправы у казаковъ прак-

тиковался такой же, какой практикуется и теперь: употреблялись лодки, плоты, пороны и проч.

Земля запорожскихъ казаковъ была очень плодородна. Здѣсь, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ, можно было найти и дикій чай, и шалфей, и ковыль, и цикорій, и куколь, и незабудку, и бузину, и сурѣпку, и спаржу, и чеснокъ, и лукъ, и хрѣнъ, и ромашку, и множество другихъ видовъ растительности. Все это, при первомъ же блескѣ весенняго солнца, скоро поднимается изъ земли, быстро возрастаетъ и въ короткое время достигаетъ почти полнаго развитія, а при обильныхъ дождяхъ и подъ вліяніемъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ, земля запорожскихъ казаковъ съ успѣхомъ производила и всякаго рода хлѣбъ, свойственный вообще всей южно-русской полосѣ. Вмѣстѣ съ появленіемъ растительности, появлялись и животныя, прилетали и птицы; изъ животныхъ тутъ были: олени, дикія козы, кабаны, барсуки, выдры, сугаки, волки, лисицы, зайцы, медвѣди, лани, байбаки, лоси, дикія кошки, буйволы; были также дикія лошади. „Они ходили, говоритъ очевидецъ Бопланъ, отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе, потому что издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Такъ богато было Запорожье разными животными. Не меньше того оно богато было и птицами. Изъ птицъ, водившихся въ запорожскихъ предѣлахъ, были: дикіе гуси, лебеди, дрохвы, бакланы, бабы-птицы, цапли, журавли, аисты, ястребы, орлы, соколы, куропатки, скворцы, коростели, дупеля, голуби, кулики, тетерева, стрепеты, огари и др.

Вотъ привлекательная сторона запорожскихъ владѣній: днѣпровской долины, ближайшихъ къ ней окрестностей, самарскаго побережья, смежныхъ съ нимъ земель, вообще большей части правой и лѣвой стороны днѣпровскихъ степей. Здѣсь были прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетры для птицъ и необозримыя пространства для звѣрей; здѣсь, именно въ этой части запорожскихъ владѣній, нужно искать ту „Палестину", тотъ „обѣтованный рай", который текъ молокомъ и медомъ и который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ всякаго казака; эта Самарь и Посамарье съ ея священнымъ Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ:

Славно жить на кошу:
Я земли не пашу,
Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть колочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
Въ свою голову!..

Но то же Запорожье, по мѣстамъ и въ иное время, носило и противоположный этому характеръ. Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось казачество. Становится понятнымъ, почему она оставалась „дикими полями", безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчою, удаленныя отъ поселеній настолько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги — значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому казаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли... *Казакъ сиромога* — было давнишнею народною поговоркою на Украйнѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Казакъ и убожество, казакъ и нужда — эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Казакъ душа правдива,
Сорочки не мае, и т. д.

Характеромъ безплодія отличалось, по преимуществу, такъ называемое „Дикое поле", теперь „Чисто-поле", „Пусто-поле". Хотя у поляковъ именемъ „Дикаго-поля" называлось вообще все Запорожье, но есть основаніе думать, что это

была только часть запорожскихъ владѣній, по-преимуществу, съ правой стороны Днѣпра. Дикое поле начиналось на западѣ отъ р. Синюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берегу Днѣпра, по верховьямъ рр. Ингульца, Саксагани, Базавлука и Мокрой Суры; на сѣверѣ оно граничило съ гетманщиной, а на югѣ со степями ногайскихъ татаръ, въ паланкахъ Кайдацкой, Буго-гардовской и Ингульской. Это была дикая, малоплодная пустыня; въ ней не было ни деревушки ни хаты, кромѣ рѣдко разбросанныхъ казацкихъ жилищъ—бурдюковъ. Здѣсь путешественники не только не находили необходимаго для себя пропитанія, но даже лишались зачастую и самой жизни.

Но не одно Дикое поле отличалось такими ужасами; безхлѣбье и безводье были частыми явленіями и во всей краинѣ запорожской, а голодные и оттого дико-свирѣпые волки рыскали цѣлыми стаями повсемѣстно; они нападали на путешественниковъ, разрывали ихъ, пожирали скотъ и въ ночное время поднимали въ степи такой адскій вой и дикое пѣніе, отъ котораго всякое живое существо приходило въ ужасъ и содроганіе. Еще больше того было здѣсь гадовъ, слѣпней, комаровъ и мошекъ, „крылатыхъ шпилекъ запорожскихъ омутовъ“. „Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ казацкимъ пологомъ, т.-е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство — прогонять ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь“. Но что это въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигали запорожскій край отъ множества водившейся здѣсь саранчи? Это былъ страшный бичъ Запорожья; она истребляла не только травы степныя, произрастенія земныя, не только всѣ посѣвы хлѣбные и листья древесные, но даже пожирала самую

одежду, особенно зеленыхъ и красныхъ цвѣтовъ, и на далекое разстояніе заражала воздухъ зловоннымъ и отвратительнымъ смрадомъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкесіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ описать саранчу: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпанными вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца, и небо покрывается какъ будто мрачными облаками.

Но и саранчою не оканчивались бѣдствія, постигавшія запорожскій край. Много приходилось казакамъ терпѣть еще отъ заразительныхъ лихорадокъ и особенно отъ страшной болѣзни, извѣстной подъ именемъ чумы, моровой язвы или наглой смерти. И это бѣдствіе не было рѣдкимъ явленіемъ на Запорожьѣ.

Вотъ непривлекательная сторона того удѣла, который достался на долю запорожскихъ казаковъ. Страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютая стужа зимой довершали общую картину и всего вообще Запорожья и Дикаго поля въ особенности, гдѣ холодъ, вслѣдствіе открытой, почти голой поверхности, вслѣдствіе своего положенія на сѣверъ, особенно давалъ о себѣ знать.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, изъ всѣхъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ былъ въ зимнее время холодъ. Бопланъ въ этомъ отношеніи даетъ прекрасное описаніе. „Хотя Украйна, говоритъ онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго вре-

мени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зараждается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются у нихъ вереды. Вереды сначала бываютъ въ горошину, но черезъ нѣсколько дней, иногда черезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается"... „Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпенѣніе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ,— жизнь ваша спасена... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и обхватываетъ поясницу: всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно и съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности раздираются".

Такова характеристика запорожскихъ владѣній. Много здѣсь удобствъ и привлекательности, но много же здѣсь неудобствъ и непривлекательности. Уже одинъ Днѣпръ мало казался госте-

пріемнымъ для всякаго путешественника. Грозенъ и дикъ онъ въ настоящее время, но еще грознѣе, еще болѣе дикимъ онъ казался въ прошлую пору, въ тѣ молодыя для Руси времена. Такимъ грознымъ, дикимъ, недоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ обиліе его заливовъ, гирлъ, болотъ и рукавовъ, такъ и множество его острововъ, корчей, заборовъ и пороговъ. По сказанію Боплана, съ южной стороны Днѣпра острововъ было болѣе десяти тысячъ, и всѣ они были покрыты такою густою травою, такимъ непрогляднымъ камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины островъ. „Однажды, говоритъ Бопланъ, преслѣдуя казаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Казаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли выходить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья“. Но что это въ сравненіи съ днѣпровскими порогами! Кто не видѣлъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать черезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величія, какимъ обдаетъ Днѣпръ всякаго путешественника. Кровь леденѣетъ въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться. Уже издали можно узнать приближеніе пороговъ, — узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымается вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, желая какъ бы все пожрать своимъ теченіемъ, за все какъ бы судорожно хватаясь и все мгновенно увлекая. Картина еще страшнѣе выходитъ, когда на Днѣпрѣ схватится вѣтеръ или буря, такъ называемая *полоса*. „Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ (сѣверо-восточный) самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурного глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его“, сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ, и это же можно примѣнить къ днѣпровскимъ.

Изъ періодическихъ вѣтровъ съ большимъ постоянствомъ дуетъ здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, достигая наибольшей силы около двухъ часовъ дня. „Имъ (лоцманамъ) опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнется. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы, и если такая полоса застанетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить ни бросить якорь, тогда, съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь“. Полосы эти схватываются во всякое время дня и совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво, оно непродолжительно. Не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ разражается страшная буря, дико завоетъ свирѣпый вѣтеръ, и вмигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны. Еще хуже того бываетъ въ осеннее время. Тогда среди яснаго, тихаго и теплаго дня воздухъ вдругъ холодѣетъ и начинаетъ мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сначала сѣрымъ, а потомъ совершенно темнымъ; оно какъ бы наливается тяжелымъ свинцомъ. Днѣпръ кажется тогда черной, ужасающихъ размѣровъ гадиной, готовой всякаго пожрать въ своей невмѣстимой пасти; тогда всѣ предметы естественной величины выходятъ до чудовищной; былинка представляется деревомъ, небольшой камень огромной скалой, маленькій стрижъ (птица) огромнымъ орломъ.

По всему этому среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и очень опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ острововъ, топкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину: въ противномъ случаѣ, одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ человѣка вели къ завѣдомой гибели его, непремѣнной смерти. Но вотъ эта-то дикость, вотъ эта-то неприступность Днѣпра и привлекала „низовыхъ молодцовъ“, запорожскихъ казаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ без-

плодныхъ и знойныхъ „поляхъ“, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ, — здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище, прочную колыбель, всеобъемлющее лоно. „Сичь — мати, а великій лугъ — батько!..“ Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука папа-узурпатора, ни власть коронцаго гетмана, ни даже распоряженіе самого короля Рѣчи Посполитой. Здѣсь же „молодцы“ не боялись ни набѣговъ татаръ ни наѣздовъ турокъ. Такъ было уже въ началѣ существованія запорожской общины и до самаго 1638 года, когда поляки впервые, и то лишь отчасти, проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами, придавая этому знакомству чрезвычайно важное значеніе.

Съ низовья вѣтеръ вѣетъ,
    Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
    И качаетъ,
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
    Будемъ отдыхать,
Дружно въ весла! чайкой чайку
    Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
    Запѣвайте.
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
    Вольныя поютъ.

Эварницкій.

Запорожская община или „товариство“.

Запорожское войско, по своему происхожденію, положенію вблизи рубежа враговъ своихъ и христіанства и по особеннымъ формамъ своего учрежденія, составляло родъ военнаго братства, которое можемъ сравнить съ католическими монашеско-рыцарскими орденами. Подобно имъ, казачество было связано узами *общины* (societas), вѣры (religio) и *призванія* или цѣли своего учрежденія (vocatio).

Подобно рыцарямъ, запорожцы были связаны священными обѣтами: *товариства*, ибо всѣ казаки, безъ различія званія, лѣтъ и происхожденія, дѣлались братьями-товарищами, называли своего куренного и кошевого атамановъ *батькомъ*, отцомъ, а казаковъ *братчиками;* обѣтомъ *вѣры*, требовав-

шимъ, чтобы никто не могъ быть запорожскимъ казакомъ, если не былъ *русскимъ православнымъ*, такъ что пришельцы всѣхъ другихъ націй и религій, христіане и нехристіане, принимались въ общину не иначе, какъ послѣ принятія ими обрядовъ восточной православной Церкви. Объ этомъ войско говоритъ положительно въ своемъ *наказѣ*, данномъ депутатамъ, отправленнымъ въ комиссію составленія новаго уложенія (1767 г., іюля 23) въ § 8: „Въ войско запорожское, изъ разныхъ націй, для проживательства и службы, малолѣтними и уже совершенныхъ лѣтъ люди приходятъ, по принятіи ими закона *греко-россійскаго* и на вѣрность его имп. в-ва присяги, записываются въ службу и выучась совсѣмъ какъ должно *регулы* казацкой, живутъ“. Они обрекались обѣту *послушанія* (votum obedientiae), ибо не только вся военная община, но даже служители церкви запорожской, считая себя отдѣльною отъ всѣхъ русскихъ эпархій паствою, повиновались только одному начальству: кошевому, или кошу (магистру grand-maître на Западѣ). Они возлагали на себя обѣтъ безбрачія (castitatis), и такъ строго его исполняли, что во всѣхъ видѣнныхъ нами запорожскихъ бумагахъ, а ихъ у насъ тысячи, даже не упоминается о женщинахъ. Только неженатые считались собственно „товариствомъ“, или запорожскимъ воинствомъ, участвовали въ военныхъ подвигахъ и могли получать войсковыя должности и званія. Всякое преступленіе противъ этого основного, быть можетъ, обѣта, совершонное въ кошѣ, даже сокрытіе въ немъ родной женщины (матери, сестры, дочери), считалось уголовнымъ преступленіемъ, и преслѣдовалось жестоко, даже смертною казнью. Женщинѣ навсегда было воспрещено посѣщеніе не только Сѣчи, но даже ретраншамента, гдѣ стоялъ русскій гарнизонъ, что весьма сходно съ подобнымъ же закономъ (claustrum) въ католическихъ рыцарскихъ орденахъ. Наконецъ, та же цѣль, то же призваніе: война съ врагами христіанства и защита христіанскихъ государствъ (славянскихъ или другихъ, для исторіи все равно), отъ наѣздовъ сарацинъ, турокъ, или татарскихъ ногаевъ, собирали равно и католическихъ рыцарей и запорожское товариство, подъ ихъ знамена, прапоры и хоругви. Замѣтимъ еще, что, подобно всѣмъ рыцарскимъ монашескимъ орденамъ въ западной церкви, и запорожцы особенное благоговѣніе имѣли къ Пре-

святой Богородицѣ Дѣвѣ Маріи, ибо она считалась патронкою войска, и вездѣ, гдѣ была Сѣчь, воздвигали немедленно храмъ, во имя Покрова Пресвятой и Пренепорочной Матери Богочеловѣка.

Понятіе объ *общинѣ*, или *товариствѣ* (орденѣ, по-польски zakon), встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ дѣйствіяхъ Запорожья. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами документовъ мы убѣждались, что никто въ запорожскомъ войскѣ не составлялъ *лица*, отдѣльнаго отъ *міра*, *громады*, т.-е. *товариства*. Всѣ безъ исключенія запорожцы, пока были дѣйствительно или считались въ казачествѣ: кошевой, старшины, полковники, куренные атаманы или простые товарищи, дѣйствовали только *міромъ*, цѣлымъ обществомъ (en corps), отъ имени всего вообще или части войска, т.-е. *товариства*. Куренные казаки не должны были имѣть никакой другой собственности ни въ войскѣ ни за границею онаго, кромѣ зимовника, на запорожской землѣ выстроеннаго, стадъ, жалованья и денегъ, заработанныхъ промыслами или добытыхъ на войнѣ. Даже, судя по древнему обыкновенію „бросать ласы“, т.-е. жребій, на земли и рѣчки, ежегодно повторяемому, — взявъ во вниманіе непрочность многихъ зимовниковъ, несмотря на свое названіе, устраиваемыхъ только для временнаго пребыванія, — должно полагать, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ казакъ не имѣлъ другой собственности, кромѣ коня и оружія. Въ одной старинной сказкѣ, слышанной нами въ Звенигородкѣ (Кіевской губ.), отставной запорожецъ, въ глубокой старости, говоритъ о своемъ пріемѣ въ войско слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, я пришелъ въ Сѣчь и заявился въ куренѣ, а якъ уже мене совсѣмъ приняли, то атаманъ при собраніи всѣхъ отвелъ мени въ куренѣ три аршина въ длину, та два въ ширину, сказалъ: вотъ тебѣ *домовина* [1]), а якъ помрешь, то зробимъ еще короче“. Съ 1760 годовъ, при Калнишевскомъ, старшины завели себѣ обширные и богатые зимовники, развели стада и табуны, такъ что атаманъ кошевой, при наѣздѣ татаръ 1769 года, потерявъ табунъ въ 600 лошадей, могъ скоро обзавестись другимъ. А это казалось войску расколомъ и началомъ разныхъ клеветъ и даже громкихъ нареканій на кошъ и старшину. Все въ войскѣ

---

[1]) Гробъ.

было собственностью или всей общины, или, по крайней мѣрѣ, куреня.

Въ самыхъ даже формахъ письменныхъ сношеній — это дѣйствіе *міромъ* было необходимымъ условіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1688 году, когда русское правительство, намѣреваясь воевать противъ Крыма и сосредоточивая свои войска на Украйнѣ, сочло нужнымъ построить крѣпость на рѣкѣ Самарѣ (Усть-Самару) на землѣ запорожской, подъ названіемъ Богородицкаго ретраншамента, то въ царской грамотѣ Іоанна и Петра Алексѣевичей и Софьи Алексѣевны сказано: „Нашего царскаго величества подданному, низового запорожскаго войска кошевому атаману Григорію Сагайдачному и *всему* при тебѣ будучему поспольству нашего царскаго величества милостивое слово".

Взаимно въ 1683 году войско запорожское универсалъ свой о церкви запорожской такою формулою начинаетъ: „Григорій Ивановичъ, атаманъ, на тотъ часъ кошевой, судья, писарь, асаулъ и мы, атаманы всѣхъ куреней, и все товариство куренное, низовое войско, царскаго ихъ пресвѣтлаго величества, Запорожское". Въ 1734 году на посланіе хана крымскаго Колтанъ-Гирея, Запорожье отвѣтъ свой начинаетъ: „Листъ вашъ ганскій до *насъ*, войска запорожскаго низового, присланный, благопріятне *мы*, войско, до своихъ рукъ одоброли [2]) и оный по обычаю нашему войсковому въ *общей радѣ* нашей, всѣмъ вслухъ вычитали" и проч., а оканчиваютъ такъ: „Вашему ганскому величеству всего добра желатели и нижайшіе до услугъ. Атаманъ кошевый войска запорожскаго низового зъ товариствомъ".

Россійскіе начальники и командовавшіе войсками, даже въ походахъ, ордера и депеши свои подписывали почти такимъ же образомъ. Графъ Румянцовъ въ 1769 году формальные свои ордера такъ начинаетъ: Господину атаману кошевому войска запорожскаго Калнишевскому, съ войсковою старшиною и товариствомъ", и въ письмѣ болѣе дружескомъ нежели официальномъ, пишетъ: „Достойно-почтенные господинъ кошевой атаманъ и все общество войска запорожскаго".

Предлагаемъ здѣсь еще два любопытныхъ документа объ участіи всей общины во всѣхъ дѣлахъ войска. 1) Когда,

---

[2]) Получили.

послѣ увольненія отъ должности кошевого Филиппа Өедорова, войско призвало въ это званіе Петра Калнишевскаго и вмѣстѣ просило быть его ходатаемъ въ Петербургѣ, то актъ избранія и полномочія былъ слѣдующаго содержанія: „Мы, всѣхъ куреней атаманы, со всѣмъ куреннымъ товариствомъ, съ *стариками* и молодыми добросовѣстными казаками, и старшина и все войско, выбравъ Петра Ивановича Калнишевскаго — атамана, паки къ командованію надъ войскомъ запорожскимъ упросили его“ и проч. Столь любопытный документъ такъ ратификованъ: „во увѣреніе твердости, въ заключеніе вышеописаннаго, всѣ вообще атаманы и все товариство, тако жъ *старики* и старшины войсковые, на семъ, при *общемъ круговомъ* собраніи, подписуемся“. 2) Кошевой, въ 1766 году будучи въ Петербургѣ, имѣлъ нужду занять для войсковыхъ надобностей 1000 руб. Расписка, имъ данная, подписана всѣми его товарищами и скрѣплена рукою писаря, положившаго подпись атамана кошевого, и немедленно отослана въ кошъ для ратификаціи.

До сихъ поръ сохранившаяся пословица „терпи казакъ, атаманомъ будешь“ доказываетъ, что по правамъ товариства, всякій казакъ могъ быть избранъ старшиною и атаманомъ; но власть сего послѣдняго прекращалась немедленно, какъ скоро другое лицо было избрано на его мѣсто. Тогда кошевой, судья, куренный атаманъ дѣлался опять казакомъ — товарищемъ, исключая только, что долговременною службою достигнувшіе до старшинскихъ должностей (писаря, судьи, есаула войсковыхъ), сохраняли титулъ „войсковыхъ старшинъ“ и послѣ сдачи должности. „Въ войскѣ запорожскомъ“, говоритъ кошъ въ докладѣ своемъ Сенату 30 ноября 1767 года, „служатъ и въ Сѣчи Запорожской жительство имѣютъ изъ шляхетства и гражданъ; *но все общество* войска запорожскаго, *равно* его имп. в-у отправляютъ войсковую службу, тѣмъ паче между оными раздѣленій на особливыя каждаго состоянія нѣтъ“. Эти простыя слова — лучшій историческій документъ ихъ орденскаго равенства.

Не можемъ не обратить вниманія читателей на слово „старики“, употребляемое на грамотахъ запорожскихъ, равное слову въ капитулахъ seniores, „старшіе“. Мы видѣли, что правленіе въ запорожскомъ войскѣ было чисто демократическое и патріархальное вмѣстѣ; хотя власть кошевого и старшины

была велика, но сила ихъ, какъ чиновъ избирательныхъ, зависѣла отъ воли и добраго къ нимъ расположенія *поспольства*, общины, т.-е. толпы простыхъ и грубыхъ, а часто и весьма буйныхъ головъ казацкихъ. Несмотря на обстоятельства, требовавшія иногда строгой тайны, всѣ бумаги нужно было сообщать „вслухъ“ всему войску, на площади, и требовать его воли, его рѣшенія. Кто же могъ ручаться за добрыя распоряженія, за здравый смыслъ толпы бездомной, любящей всегда вольницу, насилія, неповиновеніе, а еще болѣе пьянство? Вся сила старшины и слѣдственно коша лежала на старикахъ, которыхъ нравственное вліяніе на войско было удивительное. Во всѣхъ важнѣйшихъ бумагахъ, напр. всеподданнѣйшихъ челобитныхъ и рапортахъ, грамотахъ къ ханамъ крымскимъ, наказахъ отъ всего войска и проч., послѣ слова „кошевой“ и „войсковая старшина“ помѣщалось въ титулѣ и въ подписи слово *старики*. Старики были заслуженные и преклонныхъ лѣтъ казаки, *войсковые старшины*, а не простые казаки. Они такъ любили войско, что уже слились съ нимъ въ одно нераздѣльное тѣло. Такіе запорожцы, которые изъ своего отечества никакихъ воспоминаній не могли принести, будучи заведены въ войско въ дѣтствѣ, и по-казачьему воспитаны, міръ свой считали въ кошѣ и все, что было внѣ онаго, казалось имъ чуждо и даже непріязненно. Это были истинныя опоры войска, а иногда виновники его бѣдствій.

Это насъ заставляетъ упомянуть еще объ одной точкѣ сходства запорожской общины съ орденскими регулами — это объ *молодикахъ*. Изъ многихъ примѣровъ мы видимъ, что при кошевомъ, при главныхъ старшинахъ въ Сѣчи и въ походахъ, находилось всегда отъ 30 до 50 *молодиковъ*, т.-е. весьма молодыхъ, въ куренѣ записанныхъ казаковъ, которые исправляли при нихъ должности *хлопцевъ* (пажей) и готовились такимъ образомъ въ казачье званіе. Обыкновенно избирались они изъ того куреня, изъ котораго происходили кошевой или старшины. Кромѣ того, не только при старшинѣ, но и при всякомъ старомъ казакѣ былъ молодикъ (часто ихъ дѣти и племянники съ ними или къ нимъ въ запорожье пришедшіе), которые *выслуживали* свои годы, а послѣ поступали въ *куренные*, т.-е. настоящее товариство. По сравненію, всѣхъ *наймитовъ* молодыхъ по паланкамъ называли

молодиками, для различія отъ просто рабочихъ, поденщиковъ. Но хотя запорожцы охотно принимали всякаго въ свое общество и, испытавъ его удальство или усердіе, приписывали къ куренямъ въ товариство, однакожъ крѣпко смотрѣли, чтобы они были люди вольные: дворяне, поповичи, татары или казаки, все равно, но поселянъ не принимали, — развѣ чрезъ злоупотребленіе тѣхъ, которые ихъ въ товариство предлагали и были за нихъ *порукою* (то же, что parrains въ рыцарствѣ). Равнымъ же образомъ, всякій казакъ безъ затрудненія увольнялся изъ онаго, чтобы тѣмъ доказать казачью вольность.

Товариство оставляло Запорожье или по *женитьбѣ*, или для службы въ Малороссіи, гдѣ ихъ жаловали чинами и землями, какъ мы этого имѣемъ многіе примѣры. Многіе оставались вѣрными друзьями войска до послѣднихъ дней.

Наконецъ, нѣкоторое понятіе о „товариствѣ“ распространилось и внѣ предѣловъ войска запорожскаго, ибо въ последніе годы его существованія встрѣчаемъ факты, достойные упоминанія исторіи. Между 1763 и 1774 годами, между русскими, особенно военными, которые или бывали сами въ Сѣчи (астрономъ Эйлеръ, генералы Исаковъ и Бибиковъ), или знали запорожцевъ въ Петербургѣ (какъ графъ Браницкій), или вмѣстѣ съ запорожцами дѣлали походъ турецкій и крымскій, явилась охота, мода или прихоть вступать въ запорожское товариство (разумѣется — номинально) и записываться по куренямъ. До сихъ поръ не можемъ иначе объяснить этотъ феноменъ, какъ считая его преддверіемъ или послѣдствіемъ знаменитаго *греческаго прожекта*, когда въ Россіи все мечтало о войнѣ съ турками для возстановленія греческихъ классическихъ республикъ. Быть можетъ, въ эту эпоху виновники проекта считали Запорожье передовымъ постомъ, вѣчно вооруженнымъ, хранимымъ русскими витязями, врагами исламизма.

Скальковскій.

Составъ, раздѣленіе и управленіе низового запорожскаго войска.

Войско запорожское состояло изъ *старшины* и *товариства*, раздѣленнаго на *курени*. Столицею войска была Сѣчь, которая въ переносномъ смыслѣ называлась *кошемъ*, т.-е. военнымъ станомъ. Въ ближайшемъ смыслѣ „кошъ“ или

„сѣчь" былъ укрѣпленный городокъ, окруженный валомъ и палисадами, и самой оригинальной постройки. Сколько судить можемъ по мѣстности и дошедшимъ до насъ документамъ, онъ состоялъ изъ трехъ частей: предмѣстья, или такъ называемаго *крамнаго базара*, гдѣ всякій курень и пріѣзжіе гости имѣли свои *крамы* (лавки) и шинки для торговли и гдѣ были жилища базарныхъ атамановъ и войскового *кантаржея*, или хранителя вѣсовъ и мѣръ. Это предмѣстье называлось *Гассанъ-Геашею*. Укрѣпленная башня (башта) съ воротами и пушками вела уже собственно въ „кошъ", т.-е. обширную площадь, на которой стояло 37 особеннаго рода зданій, въ видѣ казармъ или амбаровъ построенныхъ, именуемыхъ *куренями*: всѣ они звѣздообразно въ полукругъ сходилися у другой стѣны или укрѣпленія. Въ семъ послѣднемъ пространствѣ, между стѣною и р. Подпольною, была уже *паланка*, т.-е. жилище кошевого и старшины, соборная сѣчевая церковь Покрова Божіей Матери, покровительницы войска, домъ духовенства, войсковая казна и канцелярія. Третья часть составляла отдѣльное укрѣпленіе, къ западу отъ коша лежащее, въ видѣ цитадели, въ которой съ 1735 г. находился русскій комендантъ съ гарнизономъ изъ ландмилицейскихъ полковъ, и который именовался *Ново-Сѣчевскимъ* ретраншементомъ. Всѣ строенія были деревянныя: домъ кошевого былъ простая поселянская изба, „безъ роскоши и излишества", какъ говорили грамотные запорожцы, и даже безъ „кладовой", прибавимъ отъ себя, зная одинъ примѣръ, что имущество кошевого хранилось въ куренѣ, къ которому онъ принадлежалъ, въ общей скарбницѣ, и атаманъ онаго получалъ слѣдующее кошевому жалованье. Сѣчь съ трехъ сторонъ окружена была водою рѣчки Подпольной, которая посредствомъ рукава или рѣчки *Сысиной*, соединялась съ Днѣпромъ. Со стороны степи большая дорога вела по теченію Базавлука, а близъ впаденія въ нее р. Солоной былъ мостъ, называвшійся „Церковнымъ мостикомъ". Рѣчка Подпольная была такъ глубока, что запорожскія военныя лодки и обширные дубы, даже греческіе и турецкіе суда (тумбасы) съ большимъ грузомъ могли ходить по ней и даже стоять спокойно на якорѣ, какъ бы въ отличной гавани: но собственно портомъ былъ заливъ этой рѣчки, теперь уже обмелѣвшій, который назывался устуномъ.

Что значитъ слово *кошъ*, рѣшить трудно. По-польски слово *кошъ* или *кошикъ* (koszyk) значитъ *корзина;* не отъ сходства ли Сѣчи, окруженной палисадами, названа она кошемъ или корзиною? Не менѣе похоже на истину толкованіе запорожскаго разсказчика Никиты Коржа, говорящаго: „стада (въ Запорожьи) зиму и лѣто кочевали въ степи; для холодныхъ же ночей и противъ степныхъ вѣтровъ чабаны и скотари имѣли „коши". Это былъ родъ шалаша изъ войлоковъ, поставленнаго на двухъ колесахъ, чтобы можно было въ случаѣ нужды перевозить его съ мѣста на мѣсто. Въ такомъ кошѣ была кабица (очажокъ) для огня, гдѣ пастухи сушились, грѣлись и варили пищу". Такимъ образомъ можно полагать, что запорожцы свою столицу, куда возвращались, какъ домой, для отдыха и зимовки, называли изъ подражанія „кошемъ". Мы находили даже выраженіе: „укрѣпленіе кошей", вмѣсто Сѣчи, — вѣроятно, въ младенчествѣ Запорожья, жилища ихъ, похожія на пастушьи или ногайскіе коши, собранныя вмѣстѣ и окруженныя валомъ или какою-нибудь естественною преградою, составляли Сѣчь. Оріенталисты говорятъ, что *кошъ* по-турецки значитъ „собрать": слѣдственно слово кошъ могло изображать сборное мѣсто всего войска. Въ переносномъ смыслѣ „кошъ" значитъ главная квартира, станъ или лагерь войска, ибо въ реляціяхъ находимъ подпись: „зъ коша на Чергалѣ", „данъ въ кошѣ на Чигаклеѣ" и т. п., и кромѣ того значилъ управленіе войскомъ, котораго канцелярія употребляла формулу: „Изъ коша войска запорожскаго низового", „въ кошъ войска запорожскаго", „донести кошу" и проч.

Кошъ или Сѣчь и ея курени были исключительно назначены для обиталища *товариства*, такъ какъ войско состояло только изъ холостыхъ, по куренямъ записанныхъ „товарищей", а женатые, хотя бы изъ „товариства" происходившіе, и посеЛяне жили въ паланкахъ, были „подданствомъ" войска. „Товариство" или холостые казаки были первые владѣльцы земли: имъ раздавались ежегодно степи и рѣчки для зимовниковъ, скотоводства, земледѣлія, звѣриной охоты и рыболовства, что называлось „бросать *лясы* (жребій) на рѣчки". По окончаніи жребія остальные „безъ угнетенія однакожъ куреней" можно было отдавать старшинѣ, духовенству, поселянамъ и даже гостямъ, хотя бы то были „чабаны" татарскіе и волошскіе.

Слово „курень“ до сихъ поръ въ Малороссіи значитъ шалашъ изъ плетня и соломы съ отверстіемъ вверху для дыма. Коржъ, очевидецъ, такъ ихъ описываетъ: „*курени сѣчевые* не походили на обыкновенные пастушьи шалаши, но дѣлались изъ рубленаго и рѣзанаго лѣса, потому что *Великій Лугъ*[1]) имъ изобиловалъ. Курени были такъ обширны, что болѣе 400 казаковъ могло вмѣщаться во всякомъ; они строились безъ всякихъ перегородокъ и чулановъ и имѣли видъ залы. Вокругъ, подлѣ стѣнъ, до самыхъ дверей, стояли столы, а кругомъ столовъ узкія скамьи. Первое мѣсто было подъ иконами (гдѣ во время трапезы садился куренный атаманъ); передъ ними стояли богатыя паникадила и навѣшивались лампады, которыя въ большіе праздники зажигались. Печи для приготовленія хлѣба были устроены въ особомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщался и кухарь (поваръ) куренный, и въ куреняхъ бывали только *грубы* (печки), большею частію, изразцовыя. Курени имѣли свою собственность общественную или куренную, шинки и лавки на сѣчевомъ базарѣ, дворы около куреней и въ паланкахъ; эта собственность не могла быть никогда отчуждена частному лицу.

Патріархальное уваженіе къ куреню своему было такъ велико, что даже кошевые всегда по его регистрамъ считались, свое частное имущество въ скарбницѣ куренной сохраняли, иногда въ куренѣ жили и отъ куреня депутатами быть въ важныхъ случаяхъ не отказывались.

Запорожское низовое войско управлялось своею собственною „старшиною“, которая раздѣлялась на степени и званія.

Кошевой атаманъ, первое лицо въ войскѣ, „главный его командиръ“, былъ гражданскій, военный и даже духовный начальникъ Запорожья. Какъ главный судья, онъ былъ владыка жизни и смерти всякаго казака, рѣшая окончательно и исполняя судебные приговоры, даже смертные, несмотря на строгія запрещенія русскаго правительства. Онъ входилъ отъ своего имени въ „дипломатическія“ сношенія съ сосѣдними государствами (Крымомъ, турецкими крѣпостями и Польшею)

[1]) *Лугъ* значитъ у насъ низменные берега рѣкъ, покрытые травою или мелкимъ камышомъ, способные къ сѣнокошенію. Урочище *Великій Лугъ* есть большой низменный островъ, обмытый со всѣхъ сторонъ Днѣпромъ и р. *Конская Вода* и перерѣзанный рѣчками или каналами, которыя называются: *Бугушъ, Кушугумъ, Перебоина* и пр.

и властями пограничными. Онъ утверждалъ всѣ выборы войсковыхъ чиновъ, распредѣленіе по куренямъ: земель, рѣчекъ, угодій, царскаго жалованья, провіанта, войсковыхъ доходовъ, военной добычи и пр. Равно утверждалъ пріемъ казаковъ въ товарищество и увольненіе его изъ войска. На его имя адресовались царскія, ханскія и духовныя грамоты, указы сената, ордера начальниковъ, рапорта подчиненныхъ и проч. Но эта обширная власть, и, съ перваго взгляда, безпрекословная, была однакожъ весьма ограничена: 1) самою же общиною, сходкою старшины или войсковою радою, которой надобно было сообщать всякое важное дѣло, всякую даже бумагу и обыкновенною формулою: „а що, братчики (или диты), будемъ теперь робыты?“ кошевой спрашивалъ ея мнѣнія прежде, нежели рѣшался на что-либо; 2) временемъ, ибо званіе кошевого продолжалось только одинъ годъ и зависѣло отъ выбора товарищества.

Войсковая старшина. Это званіе присвоивалось только четыремъ лицамъ: кошевому судьѣ, писарю и есаулу войсковымъ, но оставалось какъ титулъ только тѣмъ казакамъ „старымъ и заслуженнымъ“, которые несли уже всѣ или одно изъ упомянутыхъ четырехъ званій и, по увольненіи отъ оныхъ, въ войскѣ и при куренѣ своемъ оставались. Въ общихъ собраніяхъ они имѣли первое послѣ дѣйствительныхъ старшинъ мѣсто; въ куреняхъ послѣ куреннаго атамана участвовали въ тайномъ совѣтѣ или сходкахъ, а въ военное время въ походахъ командовали большими отрядами, имѣя въ командѣ своей полковниковъ. *Судья* былъ главный представитель войсковаго суда для разбора дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ; въ отсутствіе кошевого командовалъ въ Сѣчи на его правахъ и тогда назывался „наказный кошевой атаманъ“; кромѣ того хранилъ въ качествѣ кошевого казначея войсковой „скарбъ и армату“. *Писарь войсковой* былъ генеральнымъ секретаремъ или, лучше сказать, первымъ министромъ войска, въ которомъ кошевые и судьи не знали и не должны были знать грамоты; писарь не только составлялъ, но и подписывалъ всѣ бумаги; подписывалъ же не свое имя, а цѣлую формулу. Ихъ должность такъ высоко цѣнилась и уважалась въ Запорожьѣ, что въ теченіе всего послѣдняго коша съ 1734 по 1775 годъ только 4 войсковые писаря избирались и то одинъ послѣ другого.

Полковники были двоякаго рода: *походные* и „до паланки". Первые назначались при опредѣленіи отрядовъ для занятія постовъ на сушѣ и на водѣ, для поимки воровъ и гайдамаковъ, для поѣздки въ столицу за всемилостивѣйшимъ жалованьемъ и провіантомъ и т. п. Тогда къ нимъ назначалась и *особая полковая старшина:* есаулъ или поручикъ-адъютантъ и писарь или секретарь, для переписки съ кошемъ, такъ какъ полковники вообще грамоты не знали и не должны были знать. Они назывались „походною старшиною" для отличія отъ обыкновенной, посылаемой ежегодно „на правленіе" въ паланки, которая именовалась въ просторѣчіи *паланочнымъ панствомъ.* Во всякую паланку назначался полковникъ, есаулъ, писарь, подъесаулій и подписарій; „три пана и три пидпанка", какъ говоритъ Коржъ. Полковникъ въ знакъ своей власти получалъ перначъ, который носилъ за поясомъ, и *значокъ,* или знамя, который несъ хорунжій полковой впереди его команды. Всякая паланка имѣла свои печати, нѣсколько разъ перемѣнявшіяся.

Весьма замѣчательно званіе *куренныхъ атамановъ,* коренного основанія войска. Судя по ихъ вліянію и глубокому уваженію къ нимъ и войска и самой старшины, можно полагать, что ихъ учрежденіе принадлежитъ къ самымъ древнимъ и патріархальнымъ временамъ и обычаямъ Запорожья. Казакъ, не бывши куреннымъ атаманомъ, не могъ быть ни войсковымъ старшиною ни тѣмъ болѣе кошевымъ.

Войсковые служители были слѣдующіе: 1) *Войсковой довбышъ* (барабанщикъ и литаврщикъ), который, званіемъ стоя ниже полковой старшины, былъ однакожъ важнымъ лицомъ въ войскѣ; въ 1-й день января каждаго года и въ большихъ радахъ онъ ударомъ въ литавры или барабанъ сзывалъ войско на площадь и давалъ сигналъ, что кошевой подъ знаменемъ становился. Кромѣ того, онъ былъ посылаемъ въ званіи полицеймейстера, для привоза въ Сѣчь болѣе важныхъ преступниковъ, для побужденія къ скорой уплатѣ податей, для повѣрки сборовъ и высылки изъ зимовниковъ замѣшкавшихся казаковъ. Онъ также лично присутствовалъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. 2) *Войсковой пушкарь* управлялъ артиллеріею, хранилъ порохъ, свинецъ и ядра, командовалъ *гармашами,* или канонерами, а вдобавокъ посылался для пріема жалуемаго войску отъ казны провіанта, пороха и

свинца. Въ его вѣдѣніи была пушкарня, гдѣ содержались преступники. 3) *Войсковой толмачъ* былъ переводчикомъ въ сношеніяхъ съ татарами, греками, молдаванами и поляками и употребляемъ для посылки въ чужіе края „по секретамъ", т.-е. къ развѣдыванію о заграничныхъ происшествіяхъ. 4) *Войсковой кантаржей* былъ хранителемъ войсковыхъ вѣсовъ и мѣръ и смотрѣлъ за сборомъ войсковыхъ доходовъ въ предмѣстьѣ или базарѣ Сѣчи, гдѣ всѣ промышленники вносили въ кошевой скарбъ извѣстную плату и *ралецъ* или подарки: „на старшину", на „войско" и на „церковь". 5) *Шафари* были на перевозахъ: Кодацкомъ и Никитинскомъ черезъ Днѣпръ, Самарскомъ черезъ р. Самару и Буго-Гардовомъ черезъ р. Бугъ. Они собирали доходы, производили издержки, нужныя для содержанія команды и строеній, и вмѣстѣ наблюдали за благочиніемъ на перевозахъ, что было довольно важно въ лѣтнее время, по причинѣ значительной въ томъ краѣ торговли. Никитинскому шафарю предоставлялась еще обязанность угощать и содержать на „войсковой коштъ" пограничныхъ комиссаровъ, собиравшихся у „Никитина перевоза", для рѣшенія взаимныхъ споровъ и жалобъ между Крымомъ и запорожскимъ войскомъ. 6) *Канцелярія* войсковая, состоявшая изъ писарей, подписаріевъ, канцеляристовъ и подканцеляристовъ, наполнялась казаками же, могущими достигать подобно другимъ и даже скорѣе „писарскихъ" должностей и чиновъ. 7) Наконецъ *атаманъ* сѣчевой *школы*, или учитель и начальникъ свѣтскаго образованія дѣтей, которыя воспитывались на счетъ войска, подъ надзоромъ начальника сѣчевыхъ церквей. Войсковой *стадникъ*, смотрѣвшій за стадами общественными, всему войску принадлежащими, и *громадскіе атаманы*, т.-е. головы селеній и городовъ, надъ женатыми казаками и подданствомъ, были послѣдніе чины въ запорожской чиновной іерархіи. *(Скальковскій.*

— ———

Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ казаковъ.

У каждаго народа свои нравы и обычаи, и чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ устойчивѣе его нравы и обычаи; народъ, стоящій на самой низшей ступени развитія, возводитъ ис-

полненіе обычаевъ въ культъ; народъ, хотя и болѣе развитой, чѣмъ первобытный, но еще не создавшій себѣ опредѣленныхъ законовъ, живущій только преданіями, считаетъ свои обычаи непреложнымъ закономъ. Для человѣка, живущаго преданіями, отступить отъ какого-либо обычая — значитъ потерять честь и навлечь не только на себя, но и на весь свой родъ и даже на самое общество, среди котораго онъ живетъ, вѣчную поруху и вѣчное безславіе. Такъ бываетъ у всѣхъ народовъ въ первыя времена ихъ общественнаго развитія. Запорожскіе казаки, съ ихъ общественнымъ устройствомъ, основывающимся на преданіи, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Въ основѣ всей казацкой общины ихъ лежалъ обычай; по обычаю они не допускали въ Сѣчь женщинъ, по обычаю судили преступниковъ, по обычаю раздѣлялись на курени и паланки, по обычаю ежегодно мѣняли всю свою старшину. Дѣлежъ земли и выборъ старшины происходили у запорожскихъ казаковъ перваго января каждаго новаго года. Вотъ какъ это дѣлалось. Еще за нѣсколько дней до наступленія новаго года, всѣ казаки, бывшіе въ зимовникахъ, на рѣкахъ, озерахъ, степяхъ и занимавшіеся тамъ кто домашнимъ хозяйствомъ, кто рыбною ловлею, а кто звѣриной охотою, — всѣ спѣшили, въ виду предстоящаго дѣлежа земли и выбора старшины, въ столицу своей казацкой общины, Сѣчу. Въ самый день перваго января новаго года они поднимались на ноги особенно рано, тотчасъ же умывались холодною водой, выряжались въ самое лучшее платье — штофныя узорчатыя черкески, красные съ широкими вылетами кафтаны, сафьяновые сапоги, высокія шапки, пестрые шелковые пояса, вооружались саблями, пистолетами, кинжалами, ятаганами, и спѣшили, по звону колоколовъ, въ сѣчевую церковь, непремѣнно Покрова Пресвятой Богородицы; въ церкви они слушали сперва заутреню, потомъ обѣдню. Божественную службу у нихъ правили всегда два іеромонаха кіевскаго Спасо-Преображенскаго, Межигорскаго монастыря, отъ которыхъ требовалась особенная трезвость жизни и умѣнье краснорѣчиво говорить проповѣди; при іеромонахахъ были два діакона, непремѣнно голосистыхъ, два дьячка, понамарь и цѣлый хоръ пѣвчихъ, старшаго и младшаго возрастовъ, учившихся чтенію и пѣнію въ сѣчевой школѣ и жившихъ на особыхъ общинныхъ правахъ независимо отъ

общаго сѣчевого управленія. Войдя въ церковь, казаки становились по особымъ мѣстамъ: старшина — за такъ называемыми бокупами, или стасидіями, простые казаки длинными рядами, одинъ за другимъ, среди церкви. Служба происходила въ этотъ день съ особенною торжественностью и благолѣпіемъ: во время заздравной ектеніи, послѣ членовъ царской фамиліи россійскаго дома, назывались по именамъ четыре человѣка сѣчевой старшины: кошевой, судья, писарь и есаулъ; во время заупокойной ектеніи прочитывались имена убитыхъ на брани казаковъ, написанныя на особой лопаточкѣ, которую діаконъ держалъ въ рукѣ во время чтенія предъ алтаремъ; а при чтеніи священникомъ Евангелія, казаки брались за ручки своихъ сабель и вынимали ихъ до половины изъ ноженъ, въ знакъ готовности сражаться за слово Божіе съ невѣрными народами.

По окончаніи божественной службы, казаки расходились изъ церкви по куренямъ для обѣда. Придя въ курень, они молились на иконы, поздравляли одинъ другого съ праздникомъ, потомъ снимали съ себя на время дорогое верхнее платье и садились за общій столъ, называвшійся у нихъ сырномъ, уступая всегда куренному атаману мѣсто въ красномъ углу подъ образами, гдѣ висѣла неугасаемая лампада, и стояла карнавка, т.-е. кружка для опусканія въ нее денегъ. Отобѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ — соломахой, тетерею, щербою, ухой, рыбой, иногда дичиной, рѣдко галушками и еще рѣже варениками, и обильно запивъ ради большого праздника, горѣлкою, пивомъ, медомъ, брагою или варенухою, казаки вставали изъ-за стола, молились Богу, благодарили атамана, куренного кухаря, одинъ другого, бросали по одному, иногда по два, по три гроша въ карнавку для закупки провизіи къ слѣдующему дню, потомъ, поодѣвшись въ верхнее платье, всѣ высыпали изъ куреней на площадь для предстоящей войсковой рады. Между тѣмъ, кошевой атаманъ отдавалъ приказаніе войсковому довбишу и барабанщику итти въ свой курень взять оттуда всегда хранившіяся у него литаврныя палки, затѣмъ итти въ церковь, гдѣ у запорожскихъ казаковъ находились всѣ ихъ войсковые клейноты, или войсковые знаки, отыскать тамъ же литавры и потомъ бить въ нихъ два сбора казаковъ на раду. Довбишъ шелъ въ церковь, выносилъ оттуда литавры, билъ

въ нихъ сперва одинъ разъ „мелкою дробью"; на бой литавръ являлся прежде всего войсковой есаулъ, который также входилъ въ церковь, бралъ оттуда большое войсковое знамя, иначе стягъ, корогву или прапоръ, выносилъ его на площадь и ставилъ около церкви. Тутъ довбишъ снова билъ въ литавры уже два раза. На его бой спѣшили, какъ пчелы на медъ, казаки на радную или вѣчевую площадь, гладко выровненную, усыпанную пескомъ, обставленную кругомъ, въ видѣ правильной подковы, тридцатью-восемью куренями, имѣвшую одну пушкарню или артиллерійскій цейхгаусъ, цѣлую сотню торговыхъ лавокъ и оканчивающуюся обыкновенно на южной сторонѣ сѣчевою церковью съ особою при ней колокольнею, замѣнявшею собою боевую башню, а на сѣверной окраинѣ — предмѣстьемъ съ особыми дворами для пришлыхъ мастеровыхъ и торговыхъ людей.

За простыми казаками выступала на площадь сѣчевая старшина: кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой есаулъ и тридцать восемь куренныхъ атамановъ, каждый со знакомъ своего достоинства: кошевой съ большой палицей или булавой, судья съ большой серебряною печатью, писарь съ перомъ и серебрянымъ каламоремъ или чернильницей, есаулъ съ малой палицей. Довбишъ, завидя идущую старшину, отдавалъ ей честь боемъ въ литавры. Вся старшина шла съ открытыми головами и, выйдя на средину, становилась на площади въ одинъ рядъ, другъ подлѣ друга, по старшинству своихъ членовъ, и кланялась на всѣ четыре стороны собравшемуся „славному низовому товариству". Товариство, также съ открытыми головами, становилось за куренными атаманами, кругомъ церкви, зачиная правымъ флангомъ отъ кошевого, кончая лѣвымъ флангомъ у войскового есаула; а иногда, при полномъ войсковомъ сборѣ, не вмѣстясь въ городкѣ Сѣчи, взлѣзало на курени, колокольню, канавы или становилось по валу и по рѣкѣ. На поклоны старшины отвѣчало поклонами. Вслѣдъ за этимъ на площадь являлся священникъ и предъ начатіемъ рады служилъ церковную службу. Послѣ окончанія службы кошевой атаманъ объявлялъ собравшемуся товариству о цѣли рады.

— Паны молодцы! у насъ теперь новый годъ; надлежитъ намъ, по древнему нашему обычаю, произвести раздѣлъ

между товарищами рѣкъ, озеръ, урочищъ, звѣриныхъ уходовъ и рыбныхъ ловель.

— Да, слѣдуетъ, слѣдуетъ! Будемъ дѣлить, какъ искони заведено у насъ, по жребію, по ласамъ.

Тутъ выступалъ на сцену войсковой писарь, который заблаговременно расписывалъ по куренямъ всѣ угодья на маленькихъ ярлыкахъ, клалъ въ шапку всѣ ярлыки, встряхивалъ ихъ и предлагалъ куреннымъ атаманамъ подходить къ шапкѣ и разбирать ярлыки. Атаманы подходили и разбирали, писарь прочитывалъ, и что какому куреню доставалось, тѣмъ онъ и владѣлъ въ теченіе всего года, до новаго раздѣла; тутъ споровъ и прекословій не бывало: атаманы благодарили старшину и становились на свои мѣста. Такъ дѣлилась вся земля запорожскихъ казаковъ отъ устья рѣки Самары до верховья рѣки Конки и отъ порожистой части Днѣпра до устья Буга. Этотъ ежегодный по жребію дѣлежъ земли происходилъ въ виду неодинаковаго богатства запорожскихъ урочищъ: одни изъ нихъ были слишкомъ изобильны, другія — слишкомъ бѣдны. Поэтому, чтобы долговременное владѣніе богатыми угодіями не возбуждало зависти и не подавало повода къ раздорамъ въ средѣ товарищества, ихъ дѣлили каждый годъ по жребію. Въ такомъ случаѣ всякій доволенъ былъ доставшимся ему угодьемъ и не думалъ завидовать товарищу, которому, по счастью, доставался лучшій жребій:

Послѣ дѣлежа угодій довбишъ вновь билъ въ литавры. и казаки вновь прибывали, — иногда ихъ собиралось до пяти тысячъ человѣкъ. Тутъ кошевой атаманъ опять обращался съ рѣчью къ сѣчевому товариству.

— Паны молодцы! у насъ сегодня новый годъ; не желаете ли вы, по старому обычаю, перемѣнить свою старшину и вмѣсто нея выбрать новую.

Если товариство довольно было своею старшиною, то въ такомъ случаѣ на предложенный кошевымъ вопросъ отвѣчало.

— Вы, добрые паны, пануйте еще надъ нами!

Тогда кошевой, судья, писарь и есаулъ кланялись казакамъ, благодарили ихъ за честь и расходились по куренямъ. Если же товариство было недовольно чѣмъ-нибудь на свою старшину, то тогда, послѣ вызова кошевого, объявляло ему,

чтобы онъ отнесъ свою булаву или палицу къ знамени и положилъ бы ее на шапку. Съ кошевымъ, оказавшимся несправедливымъ или въ чемъ-либо провинившимся, казаки не церемонились.

— Покинь, скурвый сыну, свое кошевое, ты уже казацкого хлѣба наѣвся! Иди себѣ прочь, негодный сыну, ты для насъ неспособенъ! Положи! Положи!... Кошевой немедленно повиновался: онъ бросалъ на землю свою шапку, сверхъ шапки клалъ палицу, кланялся товариству, благодарилъ его за честь, которую оно оказывало ему въ теченіе года, и уходилъ въ свой курень. То же самое дѣлали судья, писарь и есаулъ. Впрочемъ, если изъ послѣднихъ кто-либо былъ угоденъ казакамъ, то они кричали, чтобы онъ „не складывалъ съ себя своего чина“, и онъ безпрекословно повиновался. Иногда, прежде чѣмъ отпустить старшину, товариство требовало отъ нея отчета въ разныхъ дѣйствіяхъ и предлагало ей разные вопросы. Въ результатѣ, однако, рѣдко старшина оказывалась виновною: пользуясь своею властью всего лишь одинъ годъ и имѣя въ виду въ концѣ года отчетъ, она рѣдко дѣйствовала по собственному произволу, больше же по желанію всего войска, и потому рѣдко оказывалась виновною. Въ случаѣ удаленія старой старшины приступали къ избранію новой. При этомъ выступали на сцену чисто народныя начала: ни куренные атаманы, никто другой изъ лицъ начальственныхъ не имѣли въ этомъ случаѣ никакого значенія, всѣмъ дѣломъ руководила чернь, такъ называемая „сиромашня“. Естественно, что при этомъ подымались споры, пререканія и раздоры, тѣмъ болѣе, что многіе въ этотъ день, праздника ради, иногда черезъ край хватали „пьяного зилья“ — горѣлки. Спорили прежде всего о томъ, кого именно выбрать въ кошевые атаманы — каждый курень выставлялъ своего кандидата и настаивалъ на выборѣ именно его, а не другого кого-либо. Споры длились иногда по нѣскольку часовъ. Всѣ кандидаты, имена которыхъ выкрикивались на площади, должны были тотчасъ же оставлять площадь и уходить въ свои курени, чтобы своимъ личнымъ участіемъ не помогать своему избранію. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, останавливались на одномъ изъ всѣхъ названныхъ кандидатовъ. Тогда изъ всего товариства отдѣлялись десять человѣкъ казаковъ или больше и шли въ тотъ ку-

рень, гдѣ сидитъ выбранный въ кошевые казакъ. Пришедшіе объявляли избранному волю всего товариства и просили его принять предлагаемую ему честь. Если избранный станетъ отговариваться, то двое изъ пришедшихъ казаковъ берутъ его подъ руки, двое или трое пихаютъ сзади, нѣсколько человѣкъ толкаютъ въ бока и ведутъ на площадь, приговаривая: „Иды, скурвый сыну, ибо намъ тебе треба, ты теперь нашъ батько, ты будешь у насъ паномъ“. Такъ приводятъ избраннаго въ раду, тутъ вручаютъ ему палицу и объявляютъ желаніе всего войска видѣть его кошевымъ атаманомъ. Избранный, однако, по древнему обычаю, долженъ былъ сперва два раза отказаться отъ предлагаемой ему чести и только послѣ третьяго предложенія бралъ въ руки палицу. Тогда войско приказывало довбишу пробить честь новому кошевому атаману, а старые сѣчевые казаки, „славные низовые лыцари“, поочередно подходили къ нему и сыпали на бритую голову его песку или мазали макушку головы грязью, если на ту пору случится дождливая погода, въ знакъ того, чтобы онъ не забывалъ о своемъ низменномъ происхожденіи и не стремился бы къ возвышенію надъ всѣмъ товариствомъ. Кошевой долженъ былъ кланяться на всѣ четыре стороны и благодарить товариство за честь, на что товариство отвѣчало ему крикомъ: „Будь, пане, здоровый та гладкый! Дай тоби, Боже, лебедыный викъ, а журавлыный крыкъ!“ Тѣмъ избраніе кошевого и оканчивалось. Въ тотъ же день, перваго января, и такимъ же порядкомъ, происходило избраніе судьи, писаря, есаула и куренныхъ атамановъ, съ тою только разницей, что войсковому судьѣ при избраніи вручали печать, войсковому писарю — чернильницу, а войсковому есаулу — жезлъ. Второго января избирали довбиша, потомъ слѣдующихъ за нимъ чиновъ: пушкаря, шафаря, кантаржея и другихъ. Далеко, однакоже, не всегда такъ мирно и такъ скоро оканчивались выборы новой старшины. Иногда, при общемъ голосованіи, страсти казаковъ до того разгорались, что дѣло доходило и до смертоубійствъ. Спорящіе въ такомъ случаѣ раздѣлялись въ концѣ концовъ на двѣ половины: одну составляли такъ называемые нижніе курени, а другую такъ называемые верхніе курени, и каждая сторона, желая видѣть кошевымъ атаманомъ своего кандидата, не признавала другого. Тогда начинался споръ, за споромъ слѣдовала ссора.

за ссорой драка. Дерущіеся въ своемъ ожесточеніи доходили до того, что даже бросались на курени, разоряли ихъ, ломали все на своемъ пути и наносили одни другимъ великія обиды. Въ это время кандидаты той или другой стороны немедленно оставляли площадь и скрывались въ свои курени, сидя на запорахъ. Но это не спасало ихъ. Вотъ казаки одной какой-либо стороны вскакиваютъ въ курень, гдѣ сидитъ ихъ кандидатъ, тащатъ его на площадь и объявляютъ кошевымъ. Но противная сторона не желаетъ видѣть объявленнаго кандидата кошевымъ: самъ выбранный отказывается отъ предлагаемой ему чести, не идетъ на площадь и упирается ногами. Но его сторонники не успокоиваются: они толкаютъ его въ шею, пихаютъ въ спину, бьютъ кулаками подъ бока и, когда онъ все также будетъ упираться ногами, порвутъ на немъ все платье, выщиплютъ на головѣ чуприну, помнутъ ему всѣ ребра, и можетъ статься, что все-таки противная сторона не признаетъ его своимъ кошевымъ. Въ подобныхъ случаяхъ перевѣсъ, разумѣется, остается всегда за болѣе сильною стороною.

Частая смѣна старшины происходила, конечно, въ видахъ гарантіи политической свободы въ средѣ запорожскихъ казаковъ: такъ понимало это и само сѣчевое товариство, но лица, не принадлежавшія къ запорожской общинѣ, объясняли это тѣмъ, что, часто мѣняя кошевыхъ, запорожскіе начальные казаки соблюдали будто бы свою личную выгоду, такъ какъ русскій дворъ обязанъ былъ дѣлать всякому новому кошевому подарокъ 7000 рублей, которые онъ, обыкновенно, раздѣлялъ между начальными казаками для расположенія ихъ въ свою пользу. Избраніемъ войсковой старшины запорожская сиромашня иногда пользовалась, какъ случаемъ поживиться чужимъ добромъ. Въ предмѣстьѣ Сѣчи, на крамномъ базарѣ, у запорожцевъ всегда жили разнаго рода и различныхъ національностей ремесленники и торговцы: котляры, кузнецы, пушкари, шинкари, купцы, мелкіе торговцы изъ грековъ, армянъ, великороссіянъ и малороссіянъ, наѣзжавшіе въ Сѣчу для занятій ремеслами, промыслами и торговлею. Сиромашня, завидовавшая богатству ремесленниковъ и торговцевъ, вовремя избранія старшины дѣлала между собою стачку, съ цѣлью нападенія на „базарныхъ людей“. Пользуясь всеобщей безурядицей, она неожиданно нападала на нихъ, разгоняла изъ

предмѣстья, бросалась на ихъ лавки и шинки, вытаскивала оттуда товары, выпускала изъ бочекъ напитки и забирала все, что попадалось подъ руку. „Базарные люди“ старались защищать свое добро. Они, въ свою очередь, составляли стачку, вооружались ружьями, дубинами, становились у сѣчевой колокольни и старались не впускать сиромашню въ свое предмѣстье, простаивая по днямъ и ночамъ у воротъ, ведшихъ изъ самой Сѣчи въ предмѣстье ея. Но сиромашня не унималась. Тогда противныя стороны схватывались между собою и нерѣдко дѣло доходило до жестокихъ дракъ и смертоубійствъ. Кошевой атаманъ, судья, писарь и есаулъ всѣми мѣрами старались унять враждовавшихъ, дѣйствуя, однако, не лично, а черезъ куренныхъ атамановъ и старыхъ „сивоухихъ“ казаковъ. Послѣдніе, дѣйствуя частію палками, частію увѣщаніями, отвращали подъ конецъ сиромашню отъ хищныхъ намѣреній и водворяли спокойствіе въ Сѣчи. Но такія явленія были какъ исключенія: обыкновенно же запорожцы заканчивали важное дѣло избранія старшины генеральной попойкой и самымъ безшабашнымъ весельемъ, какое только можетъ выдумать вольная голова запорожца.

Послѣ окончанія избранія войсковой старшины, съ площади уносятся всѣ войсковые и властные знаки, и тутъ сцена сразу перемѣняется. На площадь выходятъ пѣвчіе, являются музыканты, выкатываются съ разными питьями бочки, вытаскиваются груды бубликовъ, выставляются куски сала, вывозятся цѣлые воза рыбы, колбасъ и всякаго рода лакомства на счетъ выбранной старшины, и тогда начинается настоящее разливанное море во всей Сѣчи: въ куреняхъ и на площадяхъ, и на казацкихъ слободахъ. Тутъ звенитъ кобза, свиститъ сопилка, глухо гудитъ бубенъ, а тамъ раздается пѣсня изъ устъ цѣлой сотни сѣчевыхъ школяровъ,— пѣсня, громко, отчетливо и звонко разливающаяся по чистому морозному воздуху. А подъ звуки музыки уже носятся, какъ легкія тѣни, удалые казаки. И чего они не выдѣлываютъ своими неутомимыми ногами? Иной, прежде чѣмъ пуститься въ плясъ, неожиданно присядетъ на корточки, потомъ моментально подскочитъ вверхъ, снова опустится внизъ, затѣмъ молодецки возьмется въ боки и потомъ пойдетъ писать и передомъ и задомъ, и скокомъ и бокомъ, и направо и налѣво, и на головѣ и на рукахъ. Другой выскочитъ

въ средину пляшущихъ, круто заломитъ на затылокъ свою красную съ острымъ верхомъ шапку и начнетъ выбивать своими сафьянными на серебряныхъ подковахъ сапогами мелкаго казачка, поддерживая одной рукой свою звенящую саблю въ дорогой съ каменьями оправѣ, а другой взявшись за свой усъ, черный, какъ смоль, и длинный, какъ „дивча" коса. Только и видно отъ него, какъ то туда, то сюда мотается на казацкой головѣ, точно въ зеленомъ огородѣ созрѣвшій макъ, кончикъ красной шапки. А третій и шапку бросилъ „къ нечистой матери" и носится какъ толкачъ, чѣмъ сало толкутъ, съ открытой гладко выбритой головой, высоко вскинувъ свою чупрыну на макушку, плотно заложивъ свои „страшенныя усища" за оба уха и сбросивъ съ себя верхнее платье, кунтушъ. Гуляй душа, безъ кунтуша!... Четвертымъ и танцы нипочемъ: они закупили нѣсколько бочекъ горѣлки и раздаютъ ее даромъ всякому встрѣчному и поперечному. Всякъ спѣшитъ къ даровому „пойлу", кто съ котлами, кто съ горшками, кто съ ведрами, кто съ коновками, а кто съ цѣлыми куфами.

И тогда чего только не выдумаетъ изобрѣтательная фантазія запорожца? Вотъ подкатили запорожцы огромную бочку горѣлки къ хатѣ, что строится при всякомъ куренѣ, вылили въ нее горѣлку, повскакивали сами въ хату, заперли за собою дверь и плаваютъ по горѣлкѣ, какъ въ настоящей рѣкѣ... А вотъ цѣлый десятокъ добрыхъ молодцовъ уставили среди площади преогромный казанище, налили въ него водки и деревянными ложками черпаютъ изъ него „пьяное питье", какъ черпаютъ борщъ, опрокидывая ложки подъ свои длинныя усища и закусывая любимымъ лакомствомъ — бубликами. И тутъ же около нихъ какой-нибудь „химерный запорожецъ" переродился въ чорта съ коротенькими рожками, куцымъ хвостикомъ, собачьими когтями, на тонкихъ ножкахъ, и, для большаго сходства съ нечистымъ, облился съ ногъ до головы дегтемъ. Настоящій чортъ!... А рядомъ съ „химернымъ запорожцемъ" какой-нибудь „молокососъ" споритъ со старымъ казакомъ, кто скорѣе вскарабкается на высокій, гладко выструганный столбъ, врытый въ землю, и, чтобы обмануть стараго „комарлюгу", мажетъ свои шаровары медомъ, быстро поднимается на самый верхъ столба и заливается веселымъ хохотомъ отъ неудачи „сивоусаго лыцаря".

А тамъ, за городкомъ Сѣчью, гарцуютъ на бойкихъ коняхъ нѣсколько человѣкъ лихихъ наѣздниковъ: они обгоняютъ другъ друга на коняхъ, стрѣляютъ на всемъ скаку изъ пистолетовъ въ воздухъ и тутъ же, бѣшено разгоняя своихъ коней, перепрыгиваютъ невѣроятно высокіе барьеры. Но были и такіе, которые предпочитали всякимъ „скокамъ, спивамъ и выгадкамъ“ на площади игру въ „чупрундыръ“ въ куренѣ: они садились среди куреня, раздѣлялись на партіи и съ страшнымъ задоромъ рѣзались въ карты, при чемъ побѣдившая сторона всякій разъ усердно тягала побѣжденную за чубы; въ куренѣ стоялъ здоровый дружный и веселый хохотъ счастливыхъ побѣдителей, безмѣрно торжествовавшихъ свою побѣду надъ противниками.

Вездѣ шумъ, гамъ, крикъ, невообразимое веселье. А надъ всѣмъ этимъ опрокинулось высокое чистое небо, на которомъ плаваютъ миріады мигающихъ звѣздъ, и въ ночномъ холодномъ воздухѣ разливается мягкій, серебристый свѣтъ луны. *Эварницкій.*

Суды, наказанія и казни у запорожскихъ казаковъ.

Какъ въ выборѣ войсковой старшины и раздѣла земель, такъ и въ судахъ, наказаніяхъ и казняхъ запорожскіе казаки руководились не писанными законами, а „стародавнимъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ“. Писанныхъ законовъ отъ нихъ нельзя было ожидать прежде всего потому, что община казаковъ слишкомъ мало имѣла за собою прошлаго, чтобы выработать такіе или иные законы, привести ихъ въ систему и выразить на бумагѣ, а затѣмъ и потому, что вся историческая жизнь запорожскихъ казаковъ была наполнена почти безпрерывными войнами, не позволявшими имъ много останавливаться на устройствѣ внутреннихъ порядковъ своей жизни. Оттого самыя наказанія и казни у запорожскихъ казаковъ всего больше касались уголовныхъ и имущественныхъ преступленій; это — общее правило у всѣхъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія: прежде всего человѣку нужно оградить свою личность и свое имущество, а потомъ уже думать о дру-

гихъ болѣе сложныхъ сочетаніяхъ общественной жизни. Оттого же у запорожскихъ казаковъ за такое преступленіе, какъ воровство, влекущее за собой въ благоустроенномъ государствѣ штрафъ или лишеніе свободы преступника, опредѣлялась смертная казнь: „у нихъ за едино путо или плеть вѣшаютъ на деревѣ. Обычай, взамѣнъ писанныхъ законовъ, признавался, какъ гарантія прочныхъ порядковъ въ Запорожьѣ, и русскимъ правительствомъ; такъ, императрица Екатерина II, вооружась противъ возстанія гайдамаковъ въ своемъ указѣ 1786 года 12 іюля, повелѣвала „поступать съ ними по всей строгости запорожскихъ обрядовъ“. Нельзя сказать при этомъ, однако, чтобы запорожскіе судьи, руководствовавшіеся въ своей практикѣ исключительно обычаемъ, дозволяли себѣ произволъ и допускали волокиту дѣлъ: и незначительное число запорожскаго товарищества, и чисто народное устройство его, и полнѣйшая доступность всякаго члена казацкой общины къ высшимъ начальникамъ дѣлали судъ въ Запорожьѣ простымъ, скорымъ и правымъ въ полномъ и точномъ смыслѣ этихъ словъ; обиженный и обидчикъ словесно излагали передъ судьями сущность своего дѣла, словесно выслушивали рѣшеніе ихъ и тутъ же прекращали свои распри и недоразумѣнія, при чемъ передъ судьями были одинаково равны — и простой казакъ и значный товарищъ. Дошедшіе до насъ акты, касающіеся судебныхъ казацкихъ дѣлъ, показываютъ, что у запорожцевъ признавались право перваго займа (jus primae occupationis), право договора между товарищами, право давности владѣній — послѣднее, впрочемъ, допускалось только въ ничтожныхъ размѣрахъ, и то въ городахъ: оно касалось не пахотныхъ земель и угодій, бывшихъ всеобщимъ достояніемъ казаковъ, а небольшихъ при домахъ огородовъ и усадебныхъ мѣстъ; признавался обычай увѣщанія преступниковъ отстать отъ худыхъ дѣлъ и жить въ добромъ поведеніи: допускались слѣдствія „по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ“ во всякое время, кромѣ постныхъ дней первой седьмицы: практиковались предварительныя заключенія преступниковъ въ войсковую тюрьму или пушкарню, пристрастный судъ или пытки: наконецъ, дозволялась порука всего войска и духовныхъ лицъ за преступниковъ, особенно если эти преступники выказывали себя раньше съ выгодной для всего войска стороны, или почему-либо нужны были сму-

Тѣ же акты и свидѣтельства даютъ нѣсколько примѣровъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства у запорожскихъ казаковъ. Изъ преступленій гражданскаго судопроизводства важнѣйшими считались дѣла о неправильной денежной претензіи, неоплатному долгу, обоюднымъ ссорамъ, разнаго рода шкодамъ или потравамъ. Изъ преступленій уголовныхъ самыми большими считались: убійство казакомъ товарища; побои, причиненные казакомъ товарищу въ трезвомъ или пьяномъ видѣ; воровство чего-либо казакомъ у товарища и укрывательство краденной вещи; дерзость противъ начальства, особенно въ отношеніи чиновныхъ людей русскаго правительства: насилія, когда казакъ отнималъ у товарища лошадь, скотъ и имущество: дезертирство, т.-е. самовольная отлучка казака подъ разными предлогами въ степь во время похода противъ непріятеля: гайдамачество, т.-е. воровство лошадей, скота и имущества у мирныхъ поселенцевъ польскихъ и татарскихъ областей и проѣзжавшихъ по запорожскимъ степямъ купцовъ и путешественниковъ; пьянство во время походовъ на непріятеля, считавшееся уголовнымъ преступленіемъ и ведшее за собой строжайшее наказаніе.

Судьями у запорожскихъ казаковъ была вся войсковая старшина, т.-е. кошевой атаманъ, судья, писарь, войсковой есаулъ, довбишъ, паланочный полковникъ и иногда весь кошъ. Кошевой атаманъ считался высшимъ судьей, потому что онъ имѣлъ верховную власть надъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ: рѣшеніе суда кошемъ иногда сообщалось особой бумагой, на которой писалось: „съ повелѣнія господина кошевого атамана такого-то войсковой писарь такой-то“; войсковой судья только разбиралъ дѣла, давалъ совѣты ссорившимся сторонамъ, но не утверждалъ своихъ опредѣленій; войсковой писарь иногда излагалъ приговоръ старшины на радѣ, иногда извѣщалъ осужденныхъ, особенно когда дѣло касалось лицъ, жившихъ не въ самой Сѣчи, а въ паланкахъ, иначе отдаленныхъ отъ Сѣчи округахъ или странахъ: войсковой есаулъ выполнялъ роль слѣдователя, исполнителя приговоровъ, полицейскаго чиновника: онъ разсматривалъ на мѣстѣ жалобы, слѣдилъ за исполненіемъ приговоровъ атамана и всего коша, преслѣдовалъ вооруженной рукой разбойниковъ, воровъ и грабителей: войсковой довбишъ былъ помощникомъ есаула, „приставомъ при экзекуціяхъ, тѣмъ, что называлось въ за-

падной Европѣ prévôt", — онъ читалъ опредѣленія старшины и всего войска публично на мѣстѣ казни или на войсковой радѣ; куренные атаманы, весьма часто выполнявшіе роль судей въ средѣ казаковъ собственныхъ куреней, — при куреняхъ имѣли такую силу, что могли разбирать тяжбу между спорившими сторонами и тѣлесно наказывать виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ; наконецъ, паланочный полковникъ, съ его помощниками — писаремъ и есауломъ, жившій вдали отъ Сѣчи, завѣдывавшій пограничными разъѣздами и управлявшій сидѣвшими въ степи въ особыхъ хуторахъ и слободахъ казаками, во многихъ случаяхъ, за отсутствіемъ сѣчевой старшины, въ своемъ вѣдомствѣ также выполнялъ роль судьи.

Наказанія и казни опредѣлялись у запорожскихъ казаковъ смотря по характеру преступленій. Изъ наказаній практиковались: привязываніе къ пушкѣ на площади за оскорбленіе начальства и особенно за денежный долгъ: если казакъ будетъ долженъ казаку и не захочетъ или не будетъ въ состояніи уплатить ему долгъ, то виновнаго приковываютъ къ пушкѣ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока или онъ самъ не заплатитъ своего долга, или кто другой не поручится за него; битье кнутомъ подъ висѣлицей за воровство и гайдамачество; поврежденіе членовъ — „изломленіемъ одной ноги на сходкѣ"; за нанесеніе ранъ въ пьяномъ видѣ ножомъ; ссылка въ Сибирь, вошедшая, впрочемъ, въ употребленіе только въ послѣднія времена историческаго существованія запорожскихъ казаковъ въ предѣлахъ Россіи, при императрицѣ Екатеринѣ II; наконецъ, преданія столѣтнихъ стариковъ указываютъ еще на одинъ видъ судебныхъ наказаній у запорожскихъ казаковъ, — сѣченіе розгами, но акты о томъ не говорятъ, и потому можно думать, что подобнаго рода наказаніе допускалось только какъ единичное явленіе, къ тому же мало гармонирующее съ честью запорожскаго „лыцаря".

Казни, какъ и наказанія, также опредѣлялись у запорожскихъ казаковъ, смотря по роду преступленій, совершонныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Самою страшною казнью было *закапываніе* преступника живымъ въ землю; это дѣлали съ тѣмъ, кто убивалъ своего товарища: убійцу клали живого въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ и обоихъ закапывали въ землю; впрочемъ, если убійца былъ храбрый воинъ и добрый казакъ, то его освобождали отъ этой страшной казни и опредѣляли

штрафъ. Но наиболѣе популярною казнью было забиваніе у позорнаго столба кіями: къ позорному столбу и кіямъ приговаривались лица, совершившія воровство или скрывшія уворованныя вещи, позволявшія себѣ прелюбодѣяніе, побои, насилія, дезертирство. *Позорный столбъ* стоялъ на сѣчевой площади близъ сѣчевой колокольни; около него всегда лежала связка сухихъ дубовыхъ бичей съ головками на концахъ, называвшихся кіями и похожихъ на бичи, привязываемые къ цѣпамъ: кіи замѣняли у запорожцевъ великорусскіе кнуты. Если одинъ казакъ украдетъ что-либо маловажное у другого, въ самой ли то Сѣчи, или внѣ ея, и потомъ будетъ уличенъ въ воровствѣ, то его приводятъ на площадь, приковываютъ къ позорному столбу и по обыкновенію держатъ въ теченіе трехъ дней, а иногда и больше того, пока не уплатитъ деньги за украденную вещь. Во все время стоянія преступника у столба мимо него проходятъ товарищи; при чемъ одни изъ нихъ молча смотрятъ на привязаннаго, другіе, напившись пьяными, ругаютъ и бьютъ его, третьи предлагаютъ ему деньги, четвертые, захвативши съ собой горѣлку и калачи, поятъ и кормятъ его принесеннымъ: и хотя бы преступнику не въ охоту было ни пить ни ѣсть, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ это дѣлать: „Пій, скурвый сыну, злодію! Якъ не будешь пить, то будемъ тебе, скурваго сына, бить!“ кричали проходившіе. Но когда преступникъ выпьетъ, то приставшіе къ нему казаки говорятъ: „Теперь же, брате, дай мы тебе трохи побьемъ!“ Напрасно тогда преступникъ будетъ молить о пощадѣ; на всѣ просьбы его о помилованіи казаки упорно отвѣчаютъ: „За то мы тебе, скурвый сыну, и горилкою поимъ, что намъ тебе треба побить!“ Послѣ этого они наносили нѣсколько ударовъ привязанному къ столбу и уходили; за ними являлись другіе. Обыкновенно бывало такъ, что уже черезъ одни сутки преступника убивали до смерти, послѣ чего имущество его отбирали на войско; случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ не только оставались въ живыхъ, но даже получали отъ пьяныхъ своихъ товарищей деньги. Иногда наказаніемъ кіями замѣнялась смертная казнь; въ такихъ случаяхъ у наказаннаго отбирали скотъ и движимое имущество, одну часть скота отдавали на войско, другую — паланочному старшинѣ, третью часть и все движимое имущество виновнаго женѣ и дѣтямъ его, если онъ

былъ женатымъ человѣкомъ. Рядомъ съ позорнымъ столбомъ практиковались у запорожцевъ шибеница и желѣзный гакъ; къ нимъ присуждали за „великое“ или нѣсколько разъ повторяемое воровство. *Шибеницы* или висѣлицы ставились въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей надъ большими дорогами или шляхами и представляли изъ себя два столба съ поперечной перекладиной наверху и съ веревочнымъ сильцомъ, т.-е. петлей на перекладинѣ; для того чтобы совершить казнь, преступника сажали верхомъ на лошадь, подводили подъ висѣлицу, набрасывали на шею его петлю, лошадь быстро прогоняли вонъ, и преступникъ оставался висѣть въ петлѣ. *Желѣзный гакъ* или желѣзный крюкъ (съ нѣмецкаго „Haken“ — крюкъ) — та же висѣлица, но съ замѣною петли веревкой съ стальнымъ острымъ крюкомъ на концѣ; преступника приводили къ висѣлицѣ, продѣвали подъ ребра острый крюкъ и оставляли его въ такомъ положеніи висѣть до тѣхъ поръ, пока на немъ не разлагалось тѣло и не разсыпались кости, на страхъ злодѣямъ и ворамъ: снять трупъ повѣшеннаго не позволялось никому подъ угрозою смертной казни. Острая паля или острый колъ практиковались у поляковъ и у татаръ, и, вѣроятно, отъ нихъ заимствованъ запорожскими казаками: это — высокій деревянный столбъ съ желѣзнымъ шпицемъ наверху; для того, чтобы посадить на острую палю преступника, его поднимали нѣсколько человѣкъ по крутой лѣстницѣ и сажали на колъ; острый конецъ кола пронзалъ всю внутренность человѣка и выходилъ между позвонками на спину: запорожцы рѣдко, впрочемъ, прибѣгали къ такой казни, и о существованіе ея у нихъ есть только указанія въ преданіяхъ глубокихъ стариковъ, въ дошедшихъ же до насъ актахъ нѣтъ свидѣтельствъ. Зато поляки очень часто прибѣгали къ этой казни для устрашенія казаковъ; запорожцы называли смерть на острой палѣ „столбовой смертью“: „такъ умеръ покійникъ мій батько, такъ и я умру потомственною столбовою смертью“. *Эварницкій.*

Казаки и евреи.

Южная Русь въ своей исторіи представляется до извѣстной степени классической страной жидотрепанія. Начиная съ дальнихъ удѣльныхъ временъ до нашихъ дней, много можно

указать примѣровъ и мѣстныхъ, спорадическихъ, и такихъ, которые имѣли значеніе всенароднаго возстанія противъ іудеевъ. Это племя, всегда очень даровитое, давно уже лишенное отечества, разсѣянное по всему пространству земного шара, живущее посреди разныхъ иноплеменниковъ безъ всякой духовной связи съ ними, съ своими вѣрованіями и національными преданіями, гордое ими даже въ несчастіяхъ, всѣхъ чужихъ внутренно презиравшее, никѣмъ изъ чужихъ не любимое, никого не любившее, — это племя поставлено было вездѣ въ такое безысходное положеніе, что должно было искать средствъ къ существованію, которыя бы вели къ пользѣ его самого въ ущербъ туземному населенію. Куда ни являлся на житье іудей, онъ съ чрезвычайною проницательностью отыскивалъ слабыя стороны общества, хватался за нихъ и успѣвалъ. И въ южную Русь забравшись, іудеи пошли тѣмъ же путемъ. Въ XI столѣтіи въ Кіевѣ они составляли не малую часть населенія и притомъ, какъ видно, не бѣдствовавшую, но умѣвшую отыскать пути къ наживѣ. Они пріобрѣли довѣренность князя Святополка-Михаила и взяли въ свои руки управленіе нѣкоторыми княжескими доходами. Тогда они до того отягощали народъ, что, по смерти князя, въ Кіевѣ произошла самая намъ извѣстная жидотрепка, — многихъ пограбили и разорили, иныхъ поколотили; едва митрополитъ и бояре утишили расходившуюся толпу, призвавъ поскорѣе на княжескій столъ Владимира Мономаха.

Многое унеслось потокомъ времени, оставляя по себѣ воспоминанія, становившіяся все болѣе и болѣе тусклыми; смѣнялись этнографическія особи населенія, — іудеи, все такіе же, какъ прародители, продолжали являться въ южнорусскомъ краѣ, возбуждая противъ себя то въ одномъ углу, то въ другомъ нерасположеніе. Іудея вообще никогда не любили; въ іудеѣ не нуждался народъ, но іудей съ неподражаемымъ нахальствомъ лѣзъ туда, гдѣ безъ него прежде обходились, и своею настойчивостью и пронырствомъ заставлялъ, наконецъ, принимать его. Когда южная Русь подпала подъ власть Польши, тутъ-то настало счастливое время для происковъ іудейскихъ. Мѣстный земянинъ (вотчинникъ), иначе шляхтичъ, воспринимавшій польскіе нравы, языкъ и мало-по-малу передѣлывавшійся въ поляка, сошелся съ іудеемъ до того, что услуги послѣдняго стали необходимы для существо-

ванія перваго. Не такъ относился къ іудею народъ, подвластный шляхтичу, и особенно казаки, цвѣтъ простого народа, пріобрѣтавшіи себѣ большую свободу. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что казаки, находившіеся подъ гетманствомъ шаха, трепали іудеевъ, занимавшихся винною продажею, за то, что они возвысили цѣну на вино. Это было, такъ сказать, предостереженіе на будущее время, это были, такъ сказать, цвѣтки, изъ которыхъ когда-то родиться должны были ягодки. Народъ смѣтливый, іудеи отлично видѣли всѣ общественныя щели, куда можно было имъ заползти и заложить гнѣздо своихъ выгодъ; русско-польскій шляхтичъ-рабовладѣлецъ былъ по преимуществу сельскій хозяинъ-производитель; іудей оставался быть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ и сталъ имъ исключительно. Іудей усматривалъ въ достояніи и правахъ владѣльца такіе источники и пути доходовъ, какихъ послѣдній не замѣчалъ, и въ этомъ случаѣ іудей становился наставникомъ владѣльца. Это наставленіе не обходилось владѣльцу даромъ. Іудей нашелъ для себя способъ вознагражденія и такимъ способомъ былъ откупъ. Іудей давалъ владѣльцу впередъ круглую сумму за право распоряжаться и обращать въ свою пользу тотъ или другой владѣльческій доходъ, и владѣльцу показалась такая сдѣлка выгодною; прежде нужно было ему самому прилагать трудъ, надзоръ и бдительность, теперь же, не прилагая ничего такого, онъ могъ получать то же. Іудей показался его истиннымъ благодѣтелемъ. Но тутъ іудей сталъ до крайности невыносимъ подвластнымъ, съ которыхъ получалъ откупленный у владѣльца доходъ. Іудей въ этомъ случаѣ отличался чрезмѣрнымъ безсердечіемъ, рѣдко позволяя себѣ прямо дѣйствовать противъ закона, но умѣя съ искусствомъ расширять или суживать законныя рамки, ему предоставленныя. Кстати въ Рѣчи Посполитой въ тѣ времена отношенія владѣльцевъ къ подвластнымъ мало опредѣлялись обязательными для первыхъ законоположеніями, да и если были какія, то шляхтичъ, по своей шляхетской вольности, считалъ возможнымъ не исполнять ихъ: такой же произволъ передавался владѣльцемъ своему откупщику-іудею. И мы видимъ, что нелюбовь къ іудеямъ простого русскаго народа скоро достигла крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Съ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка до половины XVII

происходили одно за другимъ казацкія возстанія. Простой народъ постоянно принималъ въ нихъ участіе, и злоба его къ іудеямъ выражалась рѣзче и свирѣпѣе, чѣмъ къ самимъ владѣльцамъ. Каждое изъ возстаній изобилуетъ одинакими пріемами этой злобы: разоряли синагоги и жилища іудеевъ, предавали поруганію ихъ святыни, при всякой возможности ихъ самихъ топили, вѣшали. Вражда къ іудейскому племени усилилась отъ того, что при фанатическомъ стремленіи поляковъ ввести въ народъ унію, православная церковь, потерявши большую часть своихъ духовныхъ чадъ между шляхетствомъ, становилась какъ бы исключительно мужицкою (хлопскою) вѣрою, и владѣльцы, потерявъ къ ней уваженіе какъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, стали передавать откупщикамъ-іудеямъ въ своихъ маетностяхъ нѣкоторыя свои владѣльческія права, имѣвшія соприкосновеніе съ православною церковью и ея требами, такъ что, при своей обычной пронырливости, іудей-арендаторъ очутился хозяиномъ, блюстителемъ, распорядителемъ духовной жизни подвластныхъ. Наступила эпоха Богдана Хмельницкаго. Началось безпощадное истребленіе іудейскаго племени во всей южной Руси — и старыхъ и малыхъ. Эпоха эта оставила на іудеяхъ такое страшное впечатлѣніе, что они въ своихъ племенныхъ воспоминаніяхъ отмѣтили ее, какъ одну изъ эпохъ величайшихъ бѣдствій, постигшихъ израиля въ теченіе его многовѣковой скорбной жизни. Хмельницкій, какъ только въ періодъ своей борьбы съ Польшею показывалъ малѣйшую наклонность вести толки о возможности примиренія, всегда выставлялъ однимъ изъ главныхъ требованій, чтобъ іудеи отнюдь не жительствовали въ Украйнѣ. Дѣйствительно, при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался показать носа въ казацкомъ краѣ. Проѣзжавшій чрезъ Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ арабъ, Павелъ діаконъ, повсюду встрѣчалъ народное ликованіе, довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдъ разрушенія недавняго господства іудейскаго. Православный инокъ, забывая всякія христіанскія правила о прощеніи врагамъ, о предоставленіи Богу отмщенія за неправды человѣческія, расточаетъ похвалы безчеловѣчной свирѣпости, съ какой казаки искореняли іудеевъ, и восхищается тѣмъ, что не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но проходили годы, десяти-

лѣтія. Не знаемъ подлинно, въ какой годъ, но вообще въ концѣ XVII столѣтія іудеи стали снова исподволь появляться въ казацкой странѣ. Оказалось, что іудей ничѣмъ не изгонимъ, не выкуриваемъ, не выжигаемъ; его бьютъ, трутъ въ порошокъ, мнутъ, а онъ все тутъ, какъ тутъ. Что удивительнаго! Вѣдь у подножія Везувія стояли когда-то цвѣтущіе города; они были залиты лавою, засыпаны пепломъ, погреблись подъ землею, а на мѣсто ихъ построились другіе, явились новые обитатели края, долго не зная и не подозрѣвая, что подъ плодородною почвою, которая привлекала новыхъ поселенцевъ, лежатъ посреди развалинъ груды костяковъ, которые когда-то въ свое время были живыми людьми и нежданно погибли отъ того самаго, что̀ и новымъ поселенцамъ угрожаетъ каждый часъ гибелью. Іудеевъ снова приманило въ Украйну то, что тамошніе гетманы для пополненія войскового скарба и для средствъ къ содержанію платнаго войска установили такъ называемыя *оранды*, т.-е. отдавали на откупъ доходы съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами, обращенные на войсковыя потребности. Іудеи были падки на всякіе откупа̀, какъ во̀роны на трупы. Они мало-по-малу стали пробираться въ Украйну царскаго владѣнія, стали тамъ селиться, брать откупа̀ и заводить корчмы. Ихъ было еще не много, и они безъ страха вступали во владѣнія московскаго государства, куда ихъ никогда не пускали. Въ ихъ тогдашнемъ не представлялось ничего, что могло со временемъ стать исключительно занятіемъ іудейскаго племени. Но они вездѣ и всегда вели себя съ кажущеюся скромностью, чтобы впослѣдствіи нахально растолкать всѣхъ вокругъ себя и самимъ занять все мѣсто. *Костомаровъ.*

Жалобы польскихъ и русскихъ патріотовъ на западнорусское еврейство.

Въ исторіи XVI вѣка еврейство неуклонно перебиралось изъ Польши и распространялось на западной и юго-западной Руси. Оно въ качествѣ откупщиковъ и арендаторовъ постепенно захватывало въ свои цѣпкія руки народныя подати, повинности, промыслы и торговыя статьи. Въ первую половину XVII вѣка размноженіе еврейства и экономическое

порабощеніе имъ коренного народа, какъ и слѣдовало ожидать, только преуспѣваютъ и преодолѣваютъ всѣ препятствія. Это энергическое въ дѣлѣ высасыванія народныхъ соковъ племя пользуется мягкостью славянской натуры, распущенностью и подкупностью чиновничества, взаимною непріязнью сословій и цѣлыхъ народностей, — словомъ, всѣми возможными способами для того, чтобы обходить направленныя противъ него постановленія, острымъ клиномъ врѣзаться въ организмъ Рѣчи Посполитой, засѣсть камнемъ въ его желудкѣ, совершенно подточить средніе торгово-промышленные классы и необоримою стѣною встать между высшими и низшими слоями населенія. Тороватые польскіе и ополяченные паны находили у еврейскихъ ростовщиковъ всегда готовый кредитъ для своихъ непроизводительныхъ расходовъ, а потому естественно оказывали всякое покровительство повсемѣстному распространенію еврейства и его стремленію къ захвату арендныхъ статей. Паны и шляхта охотно отдавали еврею свои имѣнія въ аренду; ибо никто болѣе его не вносилъ имъ арендной платы, никто не обезпечивалъ имъ бо̀льшихъ доходовъ и не избавлялъ ихъ такъ отъ всякихъ хлопотъ по управленію и хозяйству. Такимъ образомъ еврей въ одно и то же время удовлетворялъ и жадности и лѣни польскаго пана. Впослѣдствіи привычка пользоваться услугами ловкаго, смѣтливаго еврея внѣдрилась до такой степени, что польскій панъ безъ еврея-арендатора или еврея-фактора сдѣлался немыслимъ. А панамъ въ этомъ случаѣ стала подражать и вся имущая шляхта.

Разумѣется, давая высокую арендную плату за имѣніе, еврей, въ свою очередь, старался съ лихвою выжать ее изъ крестьянъ, всѣми способами умножалъ ихъ повинности, увеличивалъ поборы, вообще велъ самое хищническое хозяйство и сильно угнеталъ сельское населеніе. Отсюда сложились извѣстные латинскіе вирши, назвавшіе Рѣчь Посполитую шляхетскимъ небомъ, еврейскимъ раемъ и крестьянскимъ адомъ (Clarum regnum Polonorum — est caelum Nobiliorum — paradisus Iudaeorum — et infernus rusticorum).

Въ болѣе распространенномъ видѣ содержаніе сихъ виршей встрѣчаемъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка въ сочиненіи одного изъ тѣхъ польскихъ патріотовъ, которые ясно сознавали темныя стороны своего государственнаго и общественнаго быта, но тщетно указывали на нихъ своимъ со-

временникамъ. Вотъ въ какихъ яркихъ чертахъ одинъ изъ нихъ изображаетъ положеніе еврейства въ своемъ отечествѣ.

„Развѣ это не рай (еврейскій), когда у другихъ націй гнушаются симъ дурнымъ народомъ, а въ Польшѣ жиды у многихъ пановъ — любимые люди? Кто (у насъ) арендаторъ въ имѣніяхъ? Жидъ. Кто чтимымъ докторомъ? Жидъ. Кто славнѣйшимъ и состоятельнѣйшимъ купцомъ? Жидъ. Кто держитъ мельницы и корчмы? Жидъ. Кто мытникомъ и таможникомъ? Жидъ. Кто наивѣрнѣйшій слуга? Жидъ. Кто скорѣе добивается и выигрываетъ дѣло, хотя бы и несправедливое? Жидъ. Кто на сеймикахъ и сеймахъ получаетъ наибольшее вниманіе къ своимъ дѣламъ и привилегіямъ? Жидъ. Кто такъ счастливъ, чтобы ему всякія плутовства, увертки, предательства и другія несказанныя беззаконія благополучно сходили съ рукъ? Жидъ. По какимъ же способомъ этотъ отверженный народъ отворилъ себѣ дверь въ такой рай? Отвѣтъ простой: у него золотой ключъ, посредствомъ котораго онъ всего достигаетъ. Горе тѣмъ панамъ, которые. къ великой кривдѣ христіанскому люду и въ ущербъ католической религіи, дѣлаютъ поблажки сему вредному народу, чѣмъ сильно отягчаютъ свою совѣсть и обездоливаютъ своихъ подданныхъ: отдаютъ въ аренду жидамъ мѣстечки. села, таможни, мыто, мельницы, корчмы. Давно ли все это запрещено сеймовыми конституціями?" Затѣмъ слѣдуютъ ссылки на статутъ Сигизмунда-Августа, или сеймъ Петроковскій 1565 г., конституціи 1567 и 1538 гг., „Теперь все дѣлается наоборотъ. Всѣ помянутыя статьи (для нихъ запрещенныя) жиды арендуютъ въ Польшѣ, Литвѣ. Руси, на Волыни, Подоліи и т. д. Этотъ злой народъ сидитъ на арендахъ, въ городахъ и селахъ; жиды мытниками и жупниками (арендаторы соляной регаліи), жиды на постоялыхъ дворахъ; у нихъ монополія: никакихъ потребныхъ вещей нельзя нигдѣ достать помимо жида". Между прочимъ авторъ жалуется, что жиды-арендаторы заставляютъ крестьянъ работать даже въ праздники и лишаютъ ихъ возможности посѣщать храмы Божіи, что приходящихъ къ нимъ по дѣлу женщинъ склоняютъ къ измѣнѣ ихъ мужьямъ, что отняли торги у мѣщанъ, промыслы и заработки у ремесленниковъ, отчего города и мѣстечки обѣднѣли, и т. д.

Почти тѣми же чертами оттѣняетъ значеніе еврейства для польско-русскаго государства Іосифъ Верещинскій, занимав-

шій католическо-епископскую каеедру въ Кіевѣ въ концѣ XVI вѣка — одинъ изъ лучшихъ польскихъ писателей своего времени, человѣкъ ученый и знакомый съ Талмудомъ. „Жиды, говоритъ онъ, очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Они выпѣдили почти всѣ наши имѣнія; они околдовали насъ, какъ цыгане, и заразили своимъ дыханіемъ, какъ волки; разоряютъ насъ, какъ хотятъ, и всѣхъ отъ низшаго сословія до высшаго, къ стыду нашему, водятъ за носъ. Развѣ не жиды чрезъ руки армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи Посполитой къ туркамъ и волохамъ? Развѣ не жиды чрезъ руки армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайныя свѣдѣнія о дѣлахъ всего королевства польскаго? Вѣдь, на это направляетъ ихъ Талмудъ". (Слѣдуютъ изъ него выдержки.) „Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ запрещаетъ имъ занимать общественныя и государственныя должности, на которыхъ они могли бы раздавать приказанія христіанамъ; а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не держатъ на откупѣ таможенъ, пошлинъ, чоповаго (акцизъ съ напитковъ)? Развѣ они, вопреки тому же праву, не держатъ у себя христіанской прислуги? Развѣ не противорѣчитъ сему праву и то, что жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Даже защитники ихъ сознаются, что не разъ испытывали на себѣ (ихъ мошенничества), и все-таки своими ходатайствами способствуютъ тому, что дѣла жидовскія процвѣтаютъ, а мы, прочіе, и сами они — даемъ себя обманывать".

Если въ наше время, при всѣхъ наличныхъ средствахъ государственныхъ и общественныхъ, нельзя назвать успѣшною борьбу съ безпощадной еврейской эксплоатаціей и съ еврейскими обходами законовъ, то можно себѣ представить, какъ безнадежно въ этомъ отношеніи было положеніе среднихъ и низшихъ классовъ въ земляхъ Рѣчи Посполитой, при слабости исполнительной власти, подкупности лицъ, занимавшихъ земскіе и королевскіе уряды, и своеволіи пановъ. Многіе дошедшіе до насъ судебные и административные акты западной Руси того времени подтверждаютъ горькія жалобы польскихъ и русскихъ патріотовъ.

На Украйнѣ евреи-арендаторы явились вслѣдъ за первыми же колонистами-панами и шляхтою и, конечно, подъ ихъ покровомъ. Но особенный еврейскій гнетъ украинскому народу началъ чувствоваться съ 1625 г., т.-е. съ эпохи Куруковскаго договора или неудачнаго казацкаго возстанія, когда для многихъ поселенныхъ слободъ окончились льготные сроки и началось отбыванiе всякаго рода повинностей и поборовъ. Да и какъ могло лѣнивое, легкомысленное панство не соблазняться услугами евреевъ, отъ которыхъ безъ всякихъ съ своей стороны хлопотъ оно расчитывало получать тысячи и десятки тысячъ золотыхъ за аренды, только подъ условіемъ, чтобы никто кромѣ нихъ не курилъ и не продавалъ горѣлки.

Благодаря этимъ арендамъ уничтожались для народа прежняя вольная охота въ степяхъ и безмездная рыбная ловля въ рѣкахъ; въ особенности тяжело показалось ему (а главное казачеству) уничтоженiе свободы курить вино, варить пиво и медъ. Вноси высокую арендную плату, евреи, ради своей наживы, кромѣ этихъ вольностей изобрѣли и другія тяжести. Между прочимъ они усилили такъ называемую поволовщину, т.-е. десятину съ приплода скота. Прежде она взималась разъ въ десять лѣтъ; а они, учащая ее постепенно, довели до ежегоднаго взиманія. Точно такъ же, умножая панщину, они достигли того, что стали выгонять на панскія работы каждый день и даже въ праздники. Изобрѣтательность евреевъ въ сочиненіи налоговъ и даней не имѣла предѣловъ. Съ ихъ помощію польскіе паны придумали, напримѣръ, слѣдующія, по выраженію русскаго лѣтописца, „неслыханныя, новомышленныя дани"; такъ, напримѣръ, *дуды*, т.-е. пошлину за игру на дудкѣ, свирѣли, скрипкѣ, *повивачное* отъ новорожденныхъ дѣтей за повиваніе, *поемщину* отъ вступающихъ въ бракъ, *роговщину* отъ каждаго рога воловьяго или коровьяго и т. д.

Свой гнетъ евреи не ограничили матеріальною или хозяйственною стороною, а распространили и на религіозныя потребности населенія. Польскіе и ополяченные паны и старосты въ своемъ легкомысліи и презрѣніи къ народу дошли до того, что ради гнуснаго прибытка стали отдавать въ аренду въ своихъ имѣніяхъ и староствахъ самыя православныя церкви, и ключи отъ нихъ вручали жидамъ-арендаторамъ. Такимъ образомъ не только кто хотѣлъ обвѣнчаться или окрестить

ребенка, долженъ былъ платить за это жиду, но и въ воскресенье или другіе праздники онъ не давалъ ключей отъ церкви безъ оплаты ихъ пошлиной. Понятно, какъ подобныя неправды и притѣсненія раздражали народное чувство, и казацкія возстанія, конечно, происходили въ непосредственой связи съ этимъ народнымъ чувствомъ. Ненависть къ ляху и жиду росла въ русскомъ украинскомъ народѣ. Она неизбѣжно должна была вызвать впослѣдствіи еще болѣе рѣшительныя событія и перевороты.

Судебные акты эпохи наглядно свидѣтельствуютъ, что раздраженіе обывателей-христіанъ противъ евреевъ часто выражалось въ разныхъ насиліяхъ надъ ними, т.-е. въ грабежахъ, побояхъ и убійствахъ, а также въ обычныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на евреевъ: таковы обвиненія въ убіеніи христіанскихъ дѣтей, въ колдовствѣ и въ общественныхъ бѣдствіяхъ, которыя посылаются на людей за попустительство властей въ отношеніи жидовъ. Но тѣ же акты показываютъ, что и евреи, съ своей стороны, не оставались въ долгу, и гдѣ чувствовали себя въ силѣ или большомъ количествѣ, тамъ они сами нападаютъ на христіанъ и даже убиваютъ; по нѣкоторымъ указаніямъ, они, подобно шляхтичамъ и казакамъ, носили сабли и не чуждались вооруженія. Много встрѣчаемъ жалобъ на обманы и коварство евреевъ: но и послѣдніе обременяютъ суды или безконечными денежными исками, или дѣлами о насиліи. Въ самихъ судебныхъ приговорахъ, дошедшихъ до насъ, нерѣдко замѣчается явное пристрастіе къ еврейской сторонѣ, заставляющее подозрѣвать подкупность судей и наглядно подтверждающее жалобы вышеприведеннаго патріота. Притомъ въ исковыхъ и тяжебныхъ дѣлахъ еврей обыкновенно находилъ поддержку и заступничество со стороны того пана, у котораго онъ былъ арендаторомъ; разумѣется, чѣмъ сильнѣе былъ панъ, тѣмъ безнаказаннѣе могъ дѣйствовать его арендаторъ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на разныя насилія и всякія потери, претерпѣваемыя отъ христіанскихъ обывателей, еврейство въ западной Россіи все множится и растетъ на горе и разореніе коренному русскому населенію.

Иловайскій.

Поляки и казаки.

Документы XVI столѣтія наполнены жалобами на безпрерывныя разбойничьи нападенія, грабежи и убійства казаковъ. Польское правительство рѣшилось принять мѣры противъ этого зла, но приняло такія мѣры, которыя не могли не увеличить его. Въ 1590 г. оно постановило: поставить казаковъ въ зависимость отъ польскаго главнокомандующаго, коронпаго гетмана, безъ воли котораго они не должны ничего предпринимать; исключить въ холопство всѣхъ нереестровыхъ казаковъ, но и реестровыхъ обложить данью въ пользу пановъ. Это значило уничтожить историческую задачу казаковъ — борьбу съ азіатцами, порвать ихъ связь съ народомъ и, что составляло самую тяжелую новость, взять ихъ изъ непосредственной власти короля, утверждавшаго прежде свободно избраннаго гетмана, и подчинить ихъ, въ лицѣ польскаго гетмана, польской шляхтѣ. Эти тяжелыя и необдуманныя мѣры повели къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Не желавшіе выйти изъ казачества и многіе изъ реестровыхъ казаковъ нашли себѣ такой выходъ изъ тяжелаго положенія, который расширялся по мѣрѣ новыхъ стѣсненій и поставилъ вскорѣ Польшу на край гибели.

Давно уже (въ томъ же однако XVI ст.) изъ украинскаго казачества стала выдѣляться особая группа и утвердилась на Днѣпрѣ, за порогами его, въ такъ называемой Сѣчи Тутъ образовалась особая община людей, посвящавшихъ себя добровольно исключительной борьбѣ съ азіатскимъ міромъ или порвавшихъ всѣ связи съ польскимъ государствомъ и искавшихъ себѣ здѣсь спасенія. Они образовали новую отрасль украинскаго казачества, такъ называемую Запорожскую сѣчь. Сюда-то устремились всѣ казаки, которые не могли вынести новаго порядка, установленнаго въ 1590 г., и особенно всѣ не желавшіе быть холопами. Они свободно, независимо избирали гетмановъ, составляли отряды для нападенія на татаръ, турокъ, а также и для нападенія на поляковъ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія давали полякамъ знать о Сѣчи вожди: Косинскій, Лобода, Наливайко, которые выступили теперь еще съ новымъ знаменемъ, не только съ знаменемъ гражданской русской независимости, но и съ знаменемъ независимости религіозной противъ нововозникшей уніи. Поляки

встревожились и стали жестоко расправляться съ новыми казацкими силами. Вопросъ казацкій готовился приблизиться къ разрѣшенію, но его отсрочили постороннія обстоятельства, отвлекшія вниманіе поляковъ въ другія стороны.

Въ девяностыхъ же годахъ XVI столѣтія начались волненія шляхты противъ Сигизмунда III, волненія, которыя продолжались и въ началѣ XVII ст. Затѣмъ начались въ Россіи самозванческія смуты, которыя, какъ извѣстно, заняли поляковъ еще больше. Поляки теперь мало обращали вниманія на своеволія казаковъ, напротивъ готовы были терпѣть ихъ, только бы казаки шли вмѣстѣ съ ними въ Россію.

Многіе казаки имѣли безтактность увлечься общимъ потокомъ и обнаружить крайнее извращеніе своихъ историческихъ задачъ. Они вмѣстѣ съ поляками пошли въ восточную Россію, вмѣстѣ съ ними разрушали ея государственность и вмѣстѣ съ ними терзали русскій народъ. Къ чести однако западно-русскаго народа, явились въ этой странѣ люди, которые показали истинное пониманіе дѣлъ, именно, пониманіе того, что въ восточной и западной Россіи народъ одинъ, что этимъ половинамъ одного и того же народа не слѣдуетъ враждовать, а нужно думать объ общемъ ихъ врагѣ — Польшѣ, полякахъ. Такое народное вниманіе дѣлъ вышло изъ лучшаго тогда по чистотѣ силъ пункта братской дѣятельности, изъ Вильны. Когда Сигизмундъ III шелъ къ Смоленску въ 1609 году, подвергая на пути православныхъ преслѣдованію за противодѣйствіе уніи, то виленскіе мѣщане-братчики послали въ Смоленскъ предостереженіе, чтобы русскіе знали, чего ожидать отъ польскаго короля, который хочетъ властвовать и въ восточной Россіи: а когда Сигизмундъ подошелъ къ Смоленску и требовалъ сдачи, то поляки увидѣли на стѣнахъ крѣпости и нѣкоторыхъ мѣщанъ западно-русскихъ. Подъ вліяніемъ этихъ-то извѣстій и этихъ людей, жители Смоленска объявили полякамъ, что скорѣе сами зарѣжутъ своихъ женъ и дѣтей и всѣ погибнутъ, чѣмъ сдадутся полякамъ. Мало-по-малу и казаки стали проникаться тѣми же свѣтлыми взглядами, которые высказаны лучшими западно-русскими людьми. Опустошая Россію вмѣстѣ съ поляками, терзая вмѣстѣ съ ними русскихъ, казаки невольно приходили къ сознанію, что опустошаютъ и терзаютъ родное. Народное единство сказывалось невольно и заговаривало о

себѣ среди самыхъ страшныхъ неистовствъ. Но казаки вмѣстѣ съ тѣмъ приходили и къ другому убѣжденію, которое должно было кореннымъ образомъ измѣнить ихъ политическое направленіе. Они видѣли, что родное русское, православное страдаетъ и на востокѣ и на западѣ Россіи отъ одного и того же врага: латинской Польши, отъ поляковъ-латинянъ.

Оба эти убѣжденія ясно сказались и рѣшительно измѣнили политику казаковъ, такъ только московское государство начало оправляться отъ самозванческихъ смутъ. Двигателемъ этого новаго направленія казаковъ былъ замѣчательный человѣкъ своего времени, до сихъ поръ не оцѣненный въ исторіи Малороссіи, Конашевичъ Сагайдачный, свободно избранный казацкій гетманъ, управлявшій обѣими частями казачества: украинскою и запорожскою, и имѣвшій такое значеніе, что поляки не осмѣливались не признавать его гетманства.

Когда въ 1618 — 1619 гг. Владиславъ, сынъ Сигизмунда, послѣ неудачнаго похода въ Россію, принужденъ былъ заключить съ нею миръ, то казаки, бывшіе тоже въ этомъ походѣ, заключили особую мировую или, лучше сказать, дружбу съ русскими восточной Россіи. Мало того, они торжественно сознались въ своемъ грѣхѣ, что воевали противъ русскихъ, и приняли разрѣшеніе отъ этого грѣха отъ бывшаго тогда въ Россіи іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Подъ вліяніемъ этого новаго направленія и подъ руководствомъ Конашевича Сагайдачнаго, казаки стали ближе и ближе становиться къ чисто народнымъ интересамъ западной Россіи, яснѣе и яснѣе опредѣлять свои отношенія къ Польшѣ. При ихъ содѣйствіи и подъ ихъ охраною, въ 1620 году, возстановлена въ западно-русской церкви тѣмъ же патріархомъ Ѳеофаномъ высшая іерархія, безъ которой народъ изнемогалъ въ борьбѣ за вѣру и которая сильно подняла его не только религіозный, но и народный духъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ политикѣ казацкой произошелъ слѣдующій переворотъ. Уяснивъ себѣ, что Россія имъ родная страна, а Польша врагъ, они рѣшительно измѣнили свои старыя историческія отношенія къ азіатскому міру, къ татарамъ и туркамъ. Тѣ и другіе представлялись имъ теперь друзьями въ сравненіи съ Польшею. По свидѣтельству польскихъ писателей, казаки вступали теперь въ дружескія отношенія съ тѣми и другими на погибель Польши. Явился союзникъ казаковъ и на про-

тивоположной сторонѣ по отношенію къ Крыму и Турціи, шведскій король Густавъ-Адольфъ, съ которымъ враждовалъ польскій король Сигизмундъ III, и какъ съ соперникомъ по дѣламъ шведскаго государства, и какъ съ главою протестантовъ. Казаки имѣли дружескія сношенія и съ этимъ врагомъ Польши. Противъ Польши теперь легко могъ образоваться союзъ Швеціи, Россіи и Турціи (Россія тогда тоже готовилась завоевать Польшу), и въ этомъ союзѣ западно-русскіе казаки могли занять первую роль, отъ которой зависѣло бы быть или не быть Польшѣ... Этотъ страшный кризисъ приближался къ Польшѣ въ 1621 г., и разрѣшеніе его дѣйствительно зависѣло отъ казаковъ.

Противъ Польши выступилъ одинъ изъ указанныхъ враговъ, самый страшный и сильный тогда, турецкій султанъ Османъ II, при которомъ Турція имѣла огромное могущество. Польша собрала свои силы, но главная ея надежда въ этой борьбѣ была на западно-русскій народъ, на казаковъ. Русскіе западной Россіи очень хорошо понимали, что судьба Польши теперь въ ихъ рукахъ и рѣшились прямо высказать ей это, какъ бы послѣдній разъ вразумляя ее добрымъ словомъ. Когда въ 1620 г. на сеймѣ обсуждалась предстоявшая война съ турками, то посолъ волынской земли Лаврентій Древинскій говорилъ между прочимъ: „Въ таковомъ нашемъ противу главнаго врага святаго креста предпріятіи смѣло могу сказать, что ваше королевское величество едва ли не большую часть ратниковъ потребуете отъ народа грeко-россійскаго исповѣданія того народа, который, если еще не удовлетворенъ пребудетъ въ своихъ нуждахъ и прошеніяхъ, то какъ можетъ въ защиту вашей державы преградою грудь свою представлять? Какъ можетъ усиліе свое употребить къ доставленію вѣчнаго мира, внутренняго въ домѣ своемъ покоя не имѣя? Съ какою искренностію, мужествомъ, ревностію начнетъ угашать своею кровію горящія стѣны своего отечества, внутренняго пламени пылающихъ домашнихъ стѣнъ угашаемаго не видя? Кто жъ, о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ?... Итакъ, — заключаетъ Древинскій,— милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея всенижайше прошу ваше королевское величество сжалиться

въ обидѣ не нашей, но Божіей... Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе толь тяжкихъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: суди ми, Боже, и разсуди прю мою!" Сагайдачный, какъ бы въ подтвержденіе словъ Древинскаго, съ своей стороны, объявилъ полякамъ, что казаки не иначе примутъ участіе въ турецкой войнѣ, какъ если польское правительство признаетъ новопоставленную православную іерархію и оставитъ гоненія западно-русскаго народа. Король далъ на это согласіе, по всему видно, устное. Казаки стали рядомъ съ поляками. Польша при содѣйствіи ихъ одержала знаменитую побѣду надъ турками въ 1621 году подъ Хотиномъ, такъ называемую хотинскую побѣду.

Поляки жестоко отплатили за эту помощь. Они вспомнили теперь всю опасность, какою грозили имъ казаки, и обратили всѣ свои силы на то, чтобы сдавить ихъ. Начали они дѣло, впрочемъ, не прямо съ казаковъ, а вообще съ русскаго народа. Посыпались на него съ ихъ стороны укоры въ измѣнѣ отечеству, въ готовности предаться туркамъ. Укоры и преслѣдованія обрушились больше всего на главный тогда центръ православія, на виленское братство. Православныхъ преслѣдовали въ судахъ, на улицѣ, въ домахъ; запрещали имѣть съ ними какія бы то ни было сношенія, даже говорить съ ними: въ братскій монастырь Св. Духа — новое средоточіе виленскаго братства послѣ отнятія у него Троицкаго монастыря — бросали камни изъ пращей и головешки. Было это въ самую Страстную седьмицу. Преслѣдованія эти были до крайности жестоки и невыносимы. „Вы, какъ огонь пожирающій, накинулись на насъ, говорили потомъ православные латинянамъ: вы повернули намъ всю душу и переполнили ее горечью. Мы думали, что наступаетъ послѣдній день міра и страшный судъ".

Особенно видимымъ и неутомимымъ представителемъ латино-польскаго фанатизма былъ въ то время полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, неистовствовавшій въ Бѣлоруссіи. Жестокости его вывели изъ терпѣнія русскихъ, и они его убили въ Витебскѣ въ 1623 г.

На разбирательствѣ этого злодѣянія обнаружилось одно явленіе, которое быстро потомъ развилось и потрясло всѣ

основы польскаго государства. Жители Витебска, замышляя убить Кунцевича, вошли въ тайныя сношенія съ казаками и условились, чтобы, какъ только будетъ убитъ Кунцевичъ, казаки подняли возстаніе и вступили въ Бѣлоруссію. Въ бѣлорусской странѣ, бѣдной населеніемъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ, заговоръ этотъ не удался. Казаки не успѣли двинуться, правосудіе поразило виновныхъ въ убійствѣ. Но мысль о призывѣ казаковъ къ защитѣ народнаго дѣла упала на жизненную почву, и тѣмъ быстрѣе созрѣвала, что это дѣло выпало изъ рукъ аристократіи и подвергалось теперь той же участи въ изнеможенныхъ, дрожащихъ рукахъ мѣщанства.

Событіе витебское, въ которомъ были замѣшаны и казаки, повело къ очень важнымъ послѣдствіямъ. Латиняне-поляки и папа призывали всѣхъ къ преслѣдованію русскихъ. Польское правительство нашло теперь удобный случай употребить рѣшительныя мѣры противъ казаковъ. Оно лишило ихъ всѣхъ правъ и снова подчинило управленію короннаго гетмана. Казаки стали сильно волноваться. Запорожская сѣчь выставляла, одного за другимъ, вождей, какъ напримѣръ, Тараса, Павлюка, которые сокрушали польскую власть на Украйнѣ и жестоко расправлялись съ панами, жидами и ксендзами. Польша посылала противъ войско. Завязывалась упорная борьба. Успѣхъ чаще всего бывалъ на сторонѣ поляковъ, тогда еще очень воинственныхъ. Но Польша не могла окончательно расправиться съ казаками. Ее отвлекала шведская война съ 1626—1629 гг. Борьба возобновилась съ большею рѣшительностію въ 1631—1632 гг., между тѣмъ же Павлюкомъ и гетманомъ Конецпольскимъ. Но опять неожиданное событіе отсрочило ее. Въ 1632 г. умеръ Сигизмундъ III, старый іезуитъ-грѣховодникъ, 45 лѣтъ томившій русскій народъ западной Россіи. Поляки занялись избраніемъ новаго короля, казаки лелѣяли надежды на лучшее будущее. Избранъ былъ на польскій престолъ сынъ Сигизмунда, Владиславъ, подъ именемъ IV.

Владиславъ имѣлъ много времени и случаевъ присмотрѣться къ началамъ правленія отца и оцѣнить ихъ. Онъ видѣлъ непомѣрное господство крайней латинской, іезуитской партіи и получилъ къ ней сильное нерасположеніе, тѣмъ болѣе, что она вносила въ литовско-польское государство инозем-

ное вліяніе, разрушавшее всѣ древнія основы жизни, польской и западно-русской. Владиславъ задумалъ ослабить латинскую, іезуитскую партію и опереться на туземныя силы польскія и западно-русскія. Но въ Польшѣ онъ увидѣлъ на этомъ пути самыя грустныя и неодолимыя препятствія. Вмѣстѣ съ латинскимъ, іезуитскимъ господствомъ, въ Польшѣ развилось необычайное своеволіе, разнузданность шляхты, которая съ поразительною ненасытностью благами свободы и еще съ болѣе поразительнымъ неразумѣніемъ старалась какъ можно болѣе ограничить власть и средства короля. Для молодого, даровитаго и воинственнаго Владислава такое положеніе было невыносимо. Онъ задумалъ усилить свою власть. Твердую опору для подобнаго дѣла онъ видѣлъ въ западно-русскомъ народѣ. Историческія обстоятельства поставили его въ необходимость узнать ближе русскій народъ. До его слуха съ самой ранней юности доходили вопли этого народа, страдавшаго отъ неистовыхъ преслѣдованій за вѣру и народность. Онъ былъ избранъ на московскій престолъ и лишился его, благодаря тому же фанатическому отношенію Польши къ русскому народу. Онъ не могъ не вникнуть въ положеніе, въ свойства этого народа, понять, что русскій народъ имѣетъ на своей сторонѣ правоту дѣла, и, что особенно было важно для Владислава, что этотъ народъ, несмотря на всѣ разрушительныя вліянія Польши, твердо хранитъ въ себѣ начало монархизма, слѣдовательно можетъ служить для Владислава самою надежною опорою въ его борьбѣ съ шляхтою за права власти. Представители западно-русскаго народа — казаки, выступили тутъ предъ Владиславомъ сами собой на первый планъ. Казаки знакомы были съ образомъ мыслей Владислава. Еще на избирательный сеймъ они послали своихъ депутатовъ и потребовали не только возстановленія своихъ правъ, но — неслыханное до тѣхъ поръ требованіе — требовали, чтобы ихъ допустили къ избранію короля, т.-е. желали стать рядомъ съ польскою шляхтою. Владиславъ, не сомнѣвавшійся въ своемъ избраніи, смѣло поддерживалъ желаніе русскихъ, ласкалъ казаковъ. Для православныхъ вообще по дѣламъ вѣры онъ дѣйствительно и сдѣлалъ много — добился значительныхъ льготъ. Признано законнымъ существованіе Кіевской православной митрополіи, на каѳедру которой тогда же возведенъ былъ

знаменитый Петръ Могила, основатель кіевской академіи; дано право быть еще четыремъ православнымъ епархіямъ: львовской, перемышльской, луцкой и на мѣсто полоцкой учреждена епархія могилевская; возвращены также православнымъ нѣкоторые монастыри и приходскія церкви, и всѣмъ гражданамъ государства вмѣнено въ обязанность жить въ мірѣ и изъ-за различія по вѣрѣ не нарушать правъ другъ друга; дозволенъ даже свободный переходъ какъ изъ православія въ унію, такъ и изъ уніи въ православіе. Несмотря на протесты противъ этихъ правъ со стороны уніатскаго, латинскаго духовенства и папы, король утвердилъ ихъ. Но для казаковъ Владиславъ не могъ сдѣлать ничего. Поляки поняли еще яснѣе, чѣмъ прежде, опасность отъ казачества и накинулись на него съ большимъ еще озлобленіемъ. Депутаты казацкіе устранены были отъ избранія короля, и насчетъ ихъ правъ даны самыя сомнительныя обѣщанія. Дѣйствительный взглядъ поляковъ и дѣйствительныя ихъ намѣренія по отношенію къ казакамъ обнаружились на ближайшемъ сеймѣ въ 1635 г. Постановлено вновь и какъ можно строже подчинить казаковъ гетману коронному. Но такъ какъ это значило усилить Запорожскую сѣчь и вызвать на себя оттуда новую силу, то рѣшились употребить новую мѣру противъ этого несокрушимаго гнѣзда казаковъ. Постановили построить подлѣ Сѣчи (немного выше) крѣпость Кодакъ. Крѣпость эта должна была нанести смертельный ударъ запорожскому казачеству и всему западно-русскому дѣлу. Она запирала казаковъ въ Сѣчи, удерживали ихъ экспедиціи къ сторонѣ Польши, въ Крымъ, въ Турцію. словомъ, держала Сѣчь въ осадномъ положеніи во всякое время. Само собою разумѣется, казаки смотрѣли на эту крѣпость съ самыми враждебными чувствами и немедленно же стали бунтоваться и громить ее. Но теперь было неблагопріятное время для казаковъ. Польша, спокойная отъ внѣшнихъ враговъ и оживленная избраніемъ новаго короля, могла двинуть противъ нихъ большія и бодрыя силы. Силы эти дѣйствительно двинулись, казаки жестоко поражены были гетманомъ Потоцкимъ въ самой Сѣчи. Успѣхъ этотъ вызвалъ новую и еще болѣе тяжелую мѣру противъ казаковъ. По опредѣленію сейма въ 1637 году, они подчинены новой власти — сеймовымъ комиссарамъ. Мѣра эта имѣла слѣдующія

смыслъ. Когда казаки сами избирали себѣ гетмана, они зависѣли прямо отъ короля, а Польши какъ бы не знали. Подчиненіе ихъ коронному (польскому) гетману означало ослабленіе надъ ними королевской власти и усиленіе польской, шляхетской, отъ которой значительно зависѣлъ гетманъ коронный. Теперь же, подчиняя казаковъ уже не гетману, а сеймовымъ комиссарамъ, польская шляхта рѣшительно забирала казаковъ въ свои руки.

Взрывы отчаянныхъ возстаній, особенно подъ начальствомъ независимо избраннаго гетмана Остраницы, были отвѣтомъ казаковъ на эти новыя распоряженія. Но сила польская и теперь брала верхъ. Особенно сильный ударъ нанесъ теперь казакамъ свой человѣкъ, предавшійся полякамъ, князь Іеремія Вишневецкій, о которомъ народное преданіе потомъ гласило, что ему за это нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ. Вишневецкій жестоко разорилъ самое гнѣздо казачества — Сѣчь запорожскую.

Послѣ этого передъ поляками была открыта и становилась безопасною вся Малороссія. Цѣлыя толпы пановъ и ксендзовъ устремились сюда и забирали все, что принадлежало даже реестровымъ казакамъ. Этимъ путемъ явились огромнѣйшія имѣнія Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ. Вмѣстѣ съ лишеніемъ земли, всѣ казаки обращались въ холопство и подвергались неистовому угнетенію. Поляки руководствовались явно мыслію истребить совершенно казачество. Они задумали даже задержать увеличеніе малороссійскаго населенія. Съ этою цѣлью они наложили особую плату за браки и особую поголовную плату за каждаго новорожденнаго мужского пола. Наконецъ, безразсуднѣйшее глумленіе, чтобы извлекать выгоды изъ всего и во всемъ давать чувствовать народу свое фанатическое господство надъ нимъ, они отдавали въ аренду жидамъ православныя церкви.

Подъ тяжестью всѣхъ этихъ мѣръ, казалось, истощились всѣ лучшія силы западной Россіи, вся ея надежда на казачество. Но поляки ошиблись въ своихъ расчетахъ. Малороссійская земля и малороссійскія матери были болѣе плодородны, чѣмъ думали поляки. Незамѣтно, какъ бы случайно, созрѣлъ одинъ человѣкъ малороссійскій, который вдругъ поднялъ погибавшее народное дѣло западной Россіи и всколе-

бал самыя основы польскаго государства. Это был Богдан Хмельницкій, сотник и потом писарь казацкій. Хмельницкій принадлежал к реестровым казакам и владѣл имѣніем Субботово. Шляхтич Чаплинскій, слѣдуя примѣру других панов, отнял у Хмельницкаго Субботово, мало того — похитил его жену и потом публично высѣк его малолѣтняго сына. Хмельницкій в 1647 г. поѣхал в Варшаву и на сеймѣ жаловался на Чаплинскаго. Поляки смѣялись над жалобою Хмельницкаго на похищеніе жены и утѣшали тѣм, что много есть красавиц на свѣтѣ, Хмельницкій может выбрать другую жену; что же касается до имѣнія, то в этом случаѣ объявили, что удовлетворенія не может быть. Хмельницкій отправился с жалобой к королю, с которым давно уже был знаком лично. Владислав принял живое участіе в положеніи Хмельницкаго, но должен был объявить, что сам ничего не в состояніи сдѣлать; при этом он прибавил то, что говорил еще при избраніи своем казацким депутатам, что они имѣют сабли, им остается самим добиться своих прав. Эту мысль король даже высказал письменно, писал в этом смыслѣ к казацкому полковнику Барабашу. Хмельницкій поѣхал назад и по пути дѣлился с своими родичами своим горем и совѣтом короля. Мысли Хмельницкаго быстро облетали области и поднимали дух народа. Поляки обратили вниманіе на пропаганду Хмельницкаго, поймали его и доставили к гетману Потоцкому. Народный вождь очутился на краю гибели. Но не даром он был выдвигаем тяжелою жизнью, не даром был знаком с іезуитским образованіем. Он разыграл перед Потоцким такую невинность, так искренне проливал слезы, что гетман повѣрил его невинности и даровал ему жизнь. Хмельницкій полетѣл в Сѣчь, открыл свою душу остаткам вольнаго казачества, призывал к спасенію родины; но так как силы казацкія были слабы, то Хмельницкій понесся в Крым чтобы призвать на помощь исторических врагов западной Россіи, татар. Призыв Хмельницкаго между тѣм облетал западную Россію; в Сѣчь стремились отовсюду казаки; Малороссія подымалась на смертельную борьбу с Польшей.

Коялович.

Общій планъ и содержаніе „Тараса Бульбы".

Тарасъ Бульба — этотъ дивный типъ запорожца — написанъ широкими и крупными чертами. Это есть одно изъ тѣхъ созданій, которыя отмѣчены печатью народности и глубоко нарѣзываются на воображеніи читателя. Яркая картина Запорожья свѣжа, нова и исполнена какого-то удалого разгулья казачьяго. Эти широкія степи Малороссіи съ ихъ чудною растительностью поглощаютъ наше воображеніе. Очертимъ вкратцѣ содержаніе повѣсти. Два бурсака возвращаются изъ Кіевской академіи въ хату отца своего, запорожца. Отецъ, на радостной встрѣчѣ съ дѣтьми, выходитъ съ однимъ изъ нихъ на кулачки. Мать привѣтствуетъ ихъ своею заботливою нѣжностью; но милыя дѣти достались ей на одну ночь. Тарасъ Бульба, увлекаемый воинскимъ духомъ, нетерпѣливо хочетъ показать сыновьямъ Запорожье и обучить ихъ военному дѣлу. Ночь матери, проведенная безъ сна, и грустное ея прощаніе съ дѣтьми наводятъ слезы. Слѣдуетъ путешествіе трехъ всадниковъ, отца и двухъ сыновей, по широкимъ степямъ Малороссіи: ландшафтъ роскошный! Между тѣмъ въ этой пустынѣ авторъ искусно знакомитъ насъ съ различными характерами юношей: Остапа, суроваго и воинственнаго, и Андрія, нѣжнаго и мечтательнаго, которому въ сердце запала уже любовь къ очаровательной полячкѣ. Воспоминанія, которымъ предаются юноши въ степяхъ отчизны, прекрасно оживляютъ нѣмую картину ихъ странствія. А эти степи! „Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!" вскрикнемъ мы вмѣстѣ съ авторомъ. За безмолвною степью слѣдуетъ шумная, живая картина дѣятельнаго Запорожья, „*того гнѣзда, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну*". Нетерпѣливый Тарасъ Бульба воспламенилъ народъ къ войнѣ, несмотря на упорство атамана кошевого. Народъ рѣшилъ послать молодежь на удалой набѣгъ; но въ то же самое время доносится вѣсть, что ляхи разорили Гетманщину и вмѣстѣ съ жидами обижаютъ православіе. Мигомъ закипѣло все Запорожье, и первый знакъ мести обнаружился на несчастныхъ жидахъ. Вся Сѣчь вооружается. Ея ополченіе и походъ написаны тою же широкою и сильною

кистью. Осаждают Дубно и хотят взять его голодомъ. Однажды ночью Андрій узнаетъ отъ татарки, вылѣзшей изъ города тайнымъ проходомъ, о томъ, что его красавица-полячка томится голодомъ въ осажденномъ городѣ. Любовь побѣдила въ немъ всѣ другія чувства. Андрій измѣнилъ отчизнѣ и предался врагамъ. Закипѣла вся кровь отца при вѣсти объ измѣнѣ сына. Тарасъ въ битвѣ поднялъ руку на свое дѣтище, убилъ измѣнника и самъ похоронилъ его... Эта картина была бы ужасна, если бы черты воинственной дикости не объясняли ся возможности, и если бы потомъ не смягчена она была сильнымъ чувствомъ любви родительской, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Между тѣмъ въ войско донеслась новая вѣсть, что Сѣчь взята и разорена татарами. Атаманъ зоветъ казаковъ на изгнаніе татаръ; но Бульба хочетъ прежде освободить плѣнныхъ запорожцевъ отъ ляховъ. Оба войска, раздѣлясь на двѣ половины, простились и расстались. Страшно дрался Бульба; но сынъ его достался въ плѣнъ ляхамъ — и самъ Тарасъ едва не погибъ. Этотъ запорожецъ, котораго мы видѣли такимъ неумолимымъ къ его сыну, измѣнившему отчизнѣ, тутъ трогаетъ насъ своимъ чадолюбіемъ и истребляетъ въ душѣ первое впечатлѣніе своей жестокости. И во снѣ и наяву нѣтъ у него другой мысли, какъ освободить сына. Тарасъ въ Варшавѣ, гдѣ Остапъ заключенъ въ тюрьмѣ... Ему готовится казнь. Отецъ обѣщалъ жидамъ всѣ свои сокровища, и настоящія и будущія, если они ему выручатъ сына. Жиды хлопочутъ; но дѣло самъ же Бульба испортилъ своею горячностью... Насталъ день казни. Бульба на площади... Онъ видитъ своего сына, гордо идущаго впередъ на плаху; онъ слышитъ его рѣчь противъ еретиковъ: „Добре, сынку, добре!“ говоритъ тихо Бульба, потупивъ въ землю свою сѣдую голову... Мучаютъ Остапа... кости его хрустятъ. Остапъ крѣпится... и въ припадкѣ мученій, вскрикиваетъ невольно: „Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты?“ — „Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ“.

Это славное: *слышу!* отдалось въ душѣ громко и глубоко, и, вѣрно, такимъ же звукомъ отдается въ душѣ каждаго изъ читателей. Это: *слышу!* останется навсегда памятнымъ въ нашей литературѣ, и если бы Гоголь не изобрѣлъ ничего

другого, кромѣ этого славнаго *слышу!* то однимъ этимъ могъ бы заставить молчать всякую злонамѣренность критики. Повѣсть кончается славною местью Тараса полякамъ, поминками по Остапѣ, и чудною и страшною кончиною самого героя, которая фантастически заключаетъ этотъ огненный разсказъ. Старикъ Бульба, привязанный къ бревну, и его вѣющіе бѣлые волосы рѣзко запечатлѣются въ воображеніи.

Шевыревъ.

Характеристика Тараса Бульбы.

Вы возвышаетесь духомъ и предаетесь глубокой и важной думѣ, читая „Тараса Бульбу“; вы смѣетесь и хохочете, читая куріозную „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: отчего эта противоположность впечатлѣнія отъ двухъ произведеній одного и того же художника? — Отъ сущности дѣйствительности, возсозданной въ томъ и другомъ, оттого, что первое изображаетъ положеніе жизни, а другое—ея отрицаніе. Что такое Тарасъ Бульба? Герой, представитель жизни цѣлаго народа, цѣлаго политическаго общества въ извѣстную эпоху жизни. Что вы видите въ этой поэмѣ? что особенно поражаетъ васъ въ ней? Общество, составленное изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ — кто отъ нищеты, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона, и между тѣмъ — общество, имѣющее одинъ общій характеръ, твердо сплоченное и связанное какимъ-то крѣпкимъ цементомъ. Въ чемъ эта связь? въ православіи? Но оно такъ безтребовательно, такъ ограниченно и бѣдно въ своей сущности, что мало походитъ на религію. „Они приходили сюда, какъ будто возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: „Здравствуй. Что во Христа вѣруешь?“ — Вѣрую! отвѣчалъ приходившій. „И въ Троицу Святую вѣруешь? — Вѣрую. — „И въ церковь ходишь?“ — Хожу. — „А ну, перекрестись!“ Пришедшій крестился. „Ну, хорошо“, отвѣчалъ кошевой: „ступай же въ который самъ знаешь курень“. Этимъ оканчивалась вся церемонія“. Нѣтъ, тутъ была другая, сильнѣйшая связь: это — удальство, которому жизнь—

копейка, голова—наживное дѣло; это жажда дикихъ натуръ, людей, кипящихъ избыткомъ исполинскихъ силъ, — жажда наполнить свою жизнь, тяготимую бездѣйствіемъ и праздностью. Что же лучше могло наполнить ее, удовлетворить дикій духъ человѣка могучаго, но безъ идей, безъ образованности, почти полудикаря, какъ не кровавая сѣча, какъ не отчаянное удальство во время войны, и не бѣшеная гульба во время мира? Оттого-то и въ этой гульбѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство, но такъ много поэтическаго; оттого-то эта гульба была, какъ превосходно выразился поэтъ, широкимъ размётомъ души. Итакъ, вотъ гдѣ основа и источникъ казацкой жизни и Запорожской сѣчи, „того гнѣзда, откуда вылетали тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы", и вотъ гдѣ основная идея поэмы Гоголя. Тарасъ Бульба является у него представителемъ этой жизни, идеи этого народа, апоѳеозомъ этого широкаго размета души. Дурной мужъ, какъ всѣ люди полудикой гражданственности, онъ любитъ своихъ сыновей, потому что изъ нихъ должны выйти важные лыцари, и онъ не любилъ бы и презиралъ бы дочерей своихъ, если бы имѣлъ ихъ, потому что онъ никакъ не могъ понять, что хорошаго въ человѣкѣ, если онъ не годится въ лыцари. Онъ былъ христіаниномъ, и православный по преданію, въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ: рѣдко видѣлъ церковь Божію и въ правилахъ жизни своей руководствовался обычаемъ и собственными страстями, а не религіею,—и между тѣмъ зарѣзалъ бы родного сына за малѣйшее слово противъ религіи и фанатически ненавидѣлъ басурмановъ. Онъ любилъ свою родную Украйну и ничего не зналъ выше и прекраснѣе удалого казачества, потому что чувствовалъ то и другое въ каждой каплѣ крови своей, и духъ того и другого нашелъ въ немъ свой настоящій сосудъ, рѣзкими, рельефными чертами напечатлѣлся на его полудикой физіономіи и во всей его полудикой личности. Народную вражду онъ смѣшалъ съ личною ненавистью, и когда къ этому присоединился дикій фанатизмъ отвлеченной религіозности, то мысль о поганомъ католичествѣ, какъ называлъ онъ поляковъ, представлялась ему въ формѣ дымящейся крови, предсмертныхъ стоновъ и зарева пылающихъ городовъ, селъ, монастырей и костеловъ. Это лицо совершенно трагическое; его комизмъ только въ противоположности формъ его индивидуальности съ нашими—

комизмъ чисто внѣшній. Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ и пресеріозно совѣтуетъ ему тузить всякаго, какъ онъ тузилъ своего батьку; но вы уже и не улыбаетесь, когда видите, что онъ попался въ плѣнъ, потянувшись за грошевою люлькою; но вы содрогаетесь, только еще видя, что онъ въ яростной битвѣ приближается къ оторопѣвшему сыну: сердце ваше предчувствуетъ трагическую катастрофу; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ комическій вопросъ: „Что, сынку?“ но вы болѣзненно раздѣляете это мимолетное умиленіе желѣзнаго характера, въ словахъ Бульбы: „Чѣмъ бы не казакъ былъ? И станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ, пропалъ безъ славы!...“ А эта страшная жажда мести у Бульбы противъ красавицы-полячки, по мнѣнію его, чарами погубившей его сына, и потомъ — это море крови и пожаровъ, объявшее враждебный край, и среди него грозная фигура стараго фанатика, совершавшаго страшную тризну въ память сына; наконецъ, это омертвѣніе могучей души, оглушенной двукратнымъ потрясеніемъ, потерею обоихъ сыновей: „Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу моря, шевеля губами и произнося: „Остапъ мой, Остапъ мой!“ Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слезы капали одна за другою“... А это безконечно-знаменательное: „слышу, сынку!“ и эта вторая страшная тризна мщенія за второго сына, кончившаяся смертью мстителя, и какою смертью! Привязанный желѣзною цѣпью къ стоячему бревну, съ пригвожденною рукою, кричалъ онъ своимъ „хлопцамъ“, что имъ надо дѣлать, чтобы спастись отъ непріятеля, и изъявлялъ свой восторгъ отъ ихъ удальства и проворства .. Видите ли: у этого человѣка была идея, которою онъ жилъ и для которой онъ жилъ; видите ли: онъ не пережилъ ея, онъ умеръ вмѣстѣ съ нею. Для нея убилъ онъ собственною рукою милаго сына, для нея онъ умеръ и самъ... Въ его душѣ жила одна идея, и всѣ другія были ему недоступны, враждебны и ненавистны. Грубость и ограниченность Бульбы принадлежатъ не его личности, но его народу и времени.

Бѣлинскій.

— — —

Лирическій элементъ въ „Тарасѣ Бульбѣ".

Въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ такъ блестяще удалось Гоголю изобразить поэтическія стороны казачества, въ которомъ „русскій характеръ получилъ могучій, широкій размахъ и крѣпкую наружность", лиризмъ нерѣдко прорывается неудержимымъ потокомъ и особенной силы достигаетъ въ концѣ шестой главы, въ извѣстной патетической сценѣ между прекрасной панночкой и Андріемъ. Но если взглянуть на все это съ точки зрѣнія автора, то нельзя не согласиться, что глубокій лиризмъ, которымъ проникнуты эти мѣста, заставляетъ читателей переживать высокое поэтическое наслажденіе. Словомъ, въ „Тарасѣ Бульбѣ" можно искать не столько трезвой исторической правды, отъ которой поэма дѣйствительно далека уже по своему „лирическому теченію", сколько отвлеченія отъ всего будничнаго, прозаическаго, — идеальныхъ сторонъ казачества, собранныхъ вмѣстѣ, въ одномъ волшебномъ фокусѣ. Иначе и быть не могло, такъ какъ Гоголь ровно настолько интересовался исторіей, насколько она затрогивала его воображеніе и чувство, а страстно любимыя имъ народныя пѣсни, его главный источникъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ вліянія на его душу, естественно представляютъ жизнь съ ея поэтической стороны. Пѣсни, какъ мы раньше говорили, сохраняли свою чудную власть надъ Гоголемъ во всю его жизнь, и его горячее воображеніе къ родинѣ въ „Мертвыхъ душахъ" не могло ихъ забыть; изъ него видно, что любовь къ русскимъ пѣснямъ была чуть ли не самой чувствительной струной въ патріотической лирѣ Гоголя. Не даромъ онъ прежде всего устремляется къ ней мыслью, желая найти въ Россіи, что бы достойнымъ образомъ можно было противопоставить „дерзкимъ дивамъ" Запада „Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, неприметно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются

около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами?"

„Тарасъ Бульба" — глубоко субъективное произведеніе: но особенно, изображая разговоръ Андрія съ полячкой, Гоголь гораздо больше чувствовалъ потребность излить поэтическое преклоненіе передъ женщиной, давая полную волю идеализаціи послѣдней, нежели заботился о соблюденіи исторической вѣрности. Ему было не до того. Поэтому здѣсь всюду слышатся лирическія ноты, но особенно въ этихъ словахъ: „Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ-тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣзжающей телѣги". Или: „Полный чувствъ, вкушаемыхъ не на землѣ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Они отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдно-сліянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку". И тотчасъ послѣ этихъ словъ переходъ: „И погибъ казакъ! и пропалъ для всего казацкаго рыцарства" и проч. Трогательное предсмертное прощаніе казаковъ съ родиной также, конечно, всецѣло принадлежитъ поэзіи, а никакъ не исторіи, какъ и разсказъ объ артистическомъ восторгѣ иностранца-инженера, съ увлеченіемъ аплодирующаго своимъ непріятелямъ, „месьё запорогамъ".

Нѣкоторыя лирическія мѣста являются въ „Тарасъ Бульбѣ" подъ явнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣръ. Въ описаніи боя съ поляками есть, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Не по одному казаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, — нѣтъ ли между ними

одного, милѣйшаго всѣхъ; по много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска, и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ“. Въ малорусскихъ пѣсняхъ Максимовича мы находимъ совершенно подобное содержаніе въ слѣдующей пѣснѣ:

„У Глуховѣ у городѣ
Стрѣльнули зъ гарматы;
Не по одномъ козаченьку
Заплакала мати.

У Глуховѣ у городѣ
Стрѣльнули зъ ружници;
Не по одномъ козаченьку
Заплакали сестрици.

У Глуховѣ у городѣ
Поплетены сѣтки;
Не по одномъ козаченьку
Заплакали дѣтки.

На быстрому на озерѣ
Геть! плавала качка;
Не по одномъ козаченьку
Заплакала козачка“ и проч.

Пѣсни же и представленіе объ ихъ исполнителяхъ-бандуристахъ внушили Гоголю и эту лирическую тираду: „И пойдетъ дыба по всему свѣту, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о немъ“ (т.-е. объ убитомъ казакѣ); „ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогого, чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая всѣхъ равно на святую молитву“.

Вліяніе пѣсенъ, несомнѣнно, сильно способствовало яркому, праздничному и торжественному колориту всего содержанія „Тараса Бульбы“, — торжественному, несмотря на общій трагическій отпечатокъ, который носитъ на себѣ повѣсть; но удаленіе Гоголя отъ всего обыденнаго въ поэмѣ вовсе не ослабляетъ ея художественнаго значенія и не приближаетъ ее къ натянутой аффектаціи бездарныхъ писателей. Гоголь же, почерпая свое вдохновеніе въ такомъ прекрасномъ и свѣтломъ источникѣ, какъ народная поэзія, несо-

мнѣнно правдиво и художественно передалъ намъ въ своей поэмѣ то, что пережилъ и глубоко прочувствовалъ малороссійскій народъ.

Другія лирическія мѣста являются въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже просто подъ вліяніемъ личныхъ чувствъ и размышленій автора. Сюда, вѣроятно, слѣдуетъ отнести это прекрасное мѣсто: „Что-то пророчитъ имъ (Остапу и Андрію) и говоритъ это благословенье (матери)? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?... Но не извѣстно будущее, и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка — не видя ястреба, ястребъ — не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ отъ своей погибели“... Этотъ образъ такъ нравился Гоголю, что былъ имъ повторенъ въ сокращенномъ видѣ въ той же повѣсти: „Но не вѣдалъ Бульба, что готовитъ Богъ человѣку завтра, и сталъ позабываться сномъ, и, наконецъ, заснулъ“. Прекрасное, исполненное глубокаго лиризма, описаніе величественныхъ звуковъ органа и вообще католическаго богослуженія, несомнѣнно, явилось у Гоголя какъ результатъ заграничныхъ впечатлѣній, преимущественно римскихъ, что ясно уже изъ того, что вся эта часть главы отсутствуетъ въ первоначальной редакціи и является только въ исправленной. *Шенрокъ.*

Петербургскія повѣсти Гоголя.

Подъ вліяніемъ впечатлѣнія петербургской жизни, въ воображеніи Гоголя накоплялся обширный запасъ новыхъ картинъ и образовъ, требовавшихъ, въ свою очередь, выраженія въ словѣ. И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, его творчество работало методически, постепенно переходя отъ небольшихъ отрывковъ къ цѣлымъ, законченнымъ произведеніямъ. Въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя сохранился небольшой отрывокъ неоконченной повѣсти подъ заглавіемъ „Страшная рука“, въ которомъ нельзя не узнать первыхъ набросковъ возникшихъ въ душѣ его новыхъ образовъ, по-

служившихъ первоначальной основой для такъ-называемыхъ „петербургскихъ повѣстей“. Это особенно явно при сличеніи одного мѣста третьяго отрывка съ нижеслѣдующей выдержкой изъ „Записокъ сумасшедшаго“: „Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками, да курьеры попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: „*Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки*“. Въ третьемъ отрывкѣ повѣсти „Страшная рука“ это мѣсто читается такъ: „Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки по улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, чтобы посмотрѣть на сапоги, на штаны, на фракъ или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ[1]). Теперь раздолье мнѣ закутаться крѣпче въ свой плащъ. Какъ удираетъ этотъ любезный молодой франтъ, съ личикомъ, которое можно упрятать въ дамскій ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣніе Невскаго проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ! пусть онъ бѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой. *А вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ*[2]), *подняВши платье, далье чего нельзя*

---

[1]) Ср. въ „Невскомъ проспектѣ“: „Есть множество такихъ людей, которые встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши, и если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но однакоже, ничуть не бывало: они большею частью служатъ въ разныхъ департаментахъ“ и пр.; въ „Шинели“: „Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ (Акакій Акакіевичъ) вниманія на то, что̀ дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что̀, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же́ братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка, — что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его“.

[2]) Ср. въ „Запискахъ сумасшедшаго“: „И зачѣмъ ей выбѣжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ“.

поднять, не нарушая послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновная крыса въ вицъ-мундирѣ съ крестикомъ, запустивъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ". Здѣсь промелькнула мимоходомъ и черта, напоминающая „Невскій проспектъ". Это сличеніе показываетъ, однако, что въ позднѣйшей переработкѣ Гоголь не распространилъ, какъ онъ дѣлалъ прежде, но сузилъ первоначальный набросокъ.

Другая картина, въ началѣ второго отрывка изъ „Страшной руки", повторена съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ „Шинели", а именно вотъ это мѣсто: „Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда отдаленный будочникъ спитъ, когда кошки, безсмысленныя кошки, однѣ спѣваются и бодрствуютъ! Но человѣкъ знаетъ, что онѣ не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ атакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему мрачныя объятія".

Всѣ эти сопоставленія ясно показываютъ, что въ душѣ Гоголя всегда жила потребность естественнаго и правдиваго изображенія дѣйствительности, являвшаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его тонкой наблюдательности, о которой мѣтко выразился Анненковъ, что „его лица не покидала постоянная, какъ бы приросшая къ нему наблюдательность". Гоголю не было, такимъ образомъ, нужды придумывать сложные сюжеты и обставлять ихъ постепенное развитіе вымученными эффектами; ему необходима была только внѣшняя фабула, въ которую онъ и вкладывалъ уже готовое содержаніе. Потому онъ высоко понимаетъ и цѣнитъ значеніе простоты въ истинно художественныхъ произведеніяхъ, и охотно допуская въ нихъ высокіе, вдохновенные лирическіе порывы, въ то же время онъ — отъявленный врагъ натянутаго и напускного. Образцомъ ложной аффектаціи и заказныхъ восторговъ былъ для него со школьной скамьи товарищъ его, Кукольникъ, котораго онъ всегда презиралъ какъ писателя и которому далъ насмѣшливое прозвище „возвышеннаго". Гоголь, напримѣръ, никакъ не могъ мириться съ его безвкусіемъ и отъ всей души возмущался на него за то, что онъ „Пушкина все попрежнему не любитъ: „Борисъ

Годуновъ“ ему не нравится“. Надо помнить при этомъ, что эстетическій вкусъ Гоголя въ значительной степени образовался самъ собою, независимо отъ постороннихъ вліяній, которыя и не могли бы имѣть особаго значенія для него, даже если бы они и существовали, потому что онъ чувствовалъ непреодолимое внутреннее отвращеніе ко всему навязываемому извнѣ и особенно ко всему ходульному, — отвращеніе, которое не могло быть заглушено ничѣмъ. Если въ раннемъ дѣтствѣ, какъ говорятъ, онъ и поддался ненадолго вліянію произведеній, написанныхъ въ риторическомъ духѣ, то эта была неважная, почти неизбѣжная уступка естественной неустойчивости возраста.

Въ статьѣ о Пушкинѣ Гоголь разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе — хорошо растущее, а не сухое“. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость знать, что̀ нравится и не нравится толпѣ“. Очевидно, сужденіе взрослаго сосѣда нисколько не поколебало Гоголя-ребенка въ его намѣреніи нарисовать сухое дерево, точно такъ же, какъ въ школѣ на него не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія увѣщенія начальства, направленныя противъ смѣлаго реализма его игры на сценѣ гимназическаго театра; Гоголь твердо стоялъ на своемъ и не могъ перемѣнить мнѣнія, потому что внутренній голосъ говорилъ въ немъ громче и убѣдительнѣе. Та же самостоятельность сужденій отличала его и впослѣдствіи.

Въ статьѣ о Пушкинѣ, развивая далѣе свою мысль и объясняя особенно причины непониманія въ нѣкоторыхъ случаяхъ поэта толпою, Гоголь говоритъ между прочимъ: „Поэту остаются два средства“ (чтобы привлечь на свою сторону толпу): „или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что̀ само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара: тогда толпа почитателей, толпа народа — на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ — прощай, толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма". Ниже онъ заключаетъ статью словами: „Но, увы! это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ обступившей его толпы и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей". И здѣсь Гоголь, какъ всегда, остается вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ сужденіяхъ, не слушая толковъ никакого общепризнаннаго ареопага. „Мнѣ всегда было странно слушать", говорилъ онъ, „сужденіе многихъ, слывущихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, покамѣстъ еще не слышалъ ихъ толковъ о небольшихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика". Эти толки заурядныхъ литераторовъ, какъ извѣстно, были Гоголемъ потомъ охарактеризованы въ „Театральномъ разъѣздѣ". Во всю жизнь свою Гоголь исключительно дорожилъ мнѣніемъ Пушкина и, можетъ-быть, нѣкоторыхъ членовъ пушкинскаго кружка, напр. Жуковскаго. По словамъ всѣхъ знавшихъ Гоголя, онъ ставилъ гораздо выше мнѣнія обыкновенныхъ людей, какихъ-нибудь узкихъ спеціалистовъ, нежели толки литераторовъ. Сужденія же толпы воспроизводятся имъ не только въ „Театральномъ разъѣздѣ", но и въ другихъ произведеніяхъ, напр. въ „Портретѣ", гдѣ напр. квартальный, по-своему любившій оцѣнивать произведенія искусства, совѣтуетъ отнести тѣнь „куда-нибудь въ другое мѣсто", такъ какъ подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто, а домохозяинъ высказываетъ согласіе повѣсить „на стѣну генерала со звѣздой, или князя Кутузова портретъ" и негодуетъ на Черткова за то, что онъ „вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ"...

Такимъ образомъ, задолго до „Мертвыхъ душъ", Гоголь касался столь занимавшаго его впослѣдствіи вопроса объ

изображеніи обыденной стороны жизни. Высказаннымъ здѣсь принципамъ Гоголь оставался вѣренъ и впослѣдствіи, но одно изображеніе пошлости никогда не удовлетворяло его и въ немъ постоянно жило стремленіе къ чему-то высокому, исключительному, подъ вліяніемъ котораго поэтъ создавалъ себѣ свой собственный, идеальный міръ.

Несомнѣнно, что вопросы объ искусствѣ были для Гоголя всегда не только однимъ предметомъ отвлеченнаго, теоретическаго интереса; такими они дѣйствительно были и остались для него въ сферѣ живописи, музыки, скульптуры; но все, что касается области слова и особенно поэзіи, имѣло всегда для него значеніе близкое, первостепенное, захватывающее. Въ статьѣ о Пушкинѣ впервые были имъ высказаны взгляды на художественное творчество, и замѣчательно, что въ нихъ Гоголь обсуждаетъ вопросъ не со стороны, какъ присяжный литературный критикъ, но говоритъ преимущественно то, что имѣло въ его глазахъ самое близкое къ нему и обширное значеніе и болѣе или менѣе, хотя бы косвеннымъ образовъ, относилось къ его трудамъ или къ созданіямъ наиболѣе дорогихъ для него писателей.

Тонко оцѣнивъ художественныя красоты „Бориса Годунова“ Пушкина, Гоголь былъ сильно возмущенъ невниманіемъ къ этому произведенію со стороны публики и такихъ литераторовъ, какъ Кукольникъ, и тогда же, въ недавно изданномъ отрывкѣ „Борисъ Годуновъ“, сдѣлалъ попытку охарактеризовать нелѣпые толки профановъ, какъ позже онъ повторилъ это въ болѣе совершенномъ видѣ въ „Портретѣ“ и, наконецъ, „Театральномъ разъѣздѣ“. Такимъ образомъ уже тогда былъ сдѣланъ первый шагъ къ созданію этихъ произведеній. Кромѣ того, въ статьѣ о Пушкинѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки, показывающія, что идея „Портрета“ созрѣвала въ умѣ Гоголя одновременно съ статьей о Пушкинѣ, т.-е. въ 1832 году: „Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что

было". *„Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ"*. Основываясь на поразительномъ совпаденіи мыслей, заключающихся въ этихъ строкахъ съ главной идеей „Портрета", а также и на томъ внѣшнемъ, повидимому незначительномъ обстоятельствѣ, что оба произведенія слѣдуютъ одно за другимъ въ той же самой записной тетради Гоголя, мы имѣемъ, кажется, несомнѣнное право сдѣлать заключеніе о существованіи между ними внутренней, органической связи. Съ другой стороны, повѣсти „Портретъ" и „Невскій проспектъ", написанныя почти одновременно, въ свою очередь, связаны одной общей нитью, представляя одна—художника-идеалиста, гибнущаго отъ полнаго незнакомства съ пошлостью обыденной жизни, другая — художника, погибающаго отъ поглощенія этою самою пошлостью его высшихъ стремленій.

Въ обѣихъ повѣстяхъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе самый выборъ сюжета и главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Появленіе художниковъ въ качествѣ героевъ обѣихъ повѣстей, принадлежащихъ къ одному и тому же времени, никакъ нельзя считать случайнымъ совпаденіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить вниманіе на значительную близость Гоголя въ первые годы его петербургской жизни къ кружку художниковъ, посѣщавшихъ классы Академіи художествъ. Любовь къ рисованію, замѣтно проявлявшаяся еще въ Гоголѣ-ребенкѣ, съ новой силой заговорила въ немъ тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу, гдѣ онъ получалъ возможность на досугѣ иногда заниматься любимымъ искусствомъ подъ руководствомъ опытныхъ и свѣдущихъ людей; въ тяжелое время своей департаментской службы Гоголь находилъ иногда часы для посѣщенія музеевъ и картинныхъ галлерей. Страсть ко всему изящному была въ немъ очень сильна еще въ юности: по свидѣтельству Данилевскаго, во время своей первой заграничной поѣздки Гоголь накупилъ множество разныхъ небольшихъ, но чрезвычайно изящныхъ и красивыхъ вещей, которыя особенно пришлись ему по вкусу; извѣстно также, что онъ жадно присматривался за границею къ произведеніямъ архитектуры и наслаждался живописью и вели-

чественной мазайкой католическихъ храмовъ. Вскорѣ у него сложились опредѣленные взгляды и симпатіи въ сферѣ изящнаго, но особенно онъ восторгался готической архитектурой, какъ это видно изъ его статьи: „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени“. По возвращеніи въ Петербургъ, при его живомъ интересѣ къ искусству, онъ, конечно, нерѣдко посѣщалъ Эрмитажъ и выставки Академіи художествъ и, наконецъ, въ свободное время поспѣшилъ воспользоваться возможностью продолжать свои любимыя занятія живописью. Общая страсть скоро сблизила его съ петербургскими художниками. Хотя отношенія Гоголя въ этой сферѣ намъ неизвѣстны, за исключеніемъ развѣ знакомства его съ Брюлловымъ, и, можетъ-быть, даже ни съ кѣмъ изъ художниковъ Гоголь не былъ связанъ особой пріязнью, но сочувствіе его этой горсти честныхъ тружениковъ, поклонниковъ искусства, скромно уединившихся въ своихъ бѣдныхъ студіяхъ отъ бѣшеной суеты многолюдной столицы, — не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ кругъ этотъ былъ достаточно извѣстенъ Гоголю, и онъ относился къ нему совершенно иначе, нежели къ прозаической толпѣ петербургскихъ чиновниковъ, полицейскихъ и военныхъ.

Лѣтомъ 1830 года Гоголь по три раза въ недѣлю отправлялся въ пять часовъ вечера въ Академію художествъ для занятій живописью и оставался тамъ часа два. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ знакомства съ міромъ художниковъ, были таковы: „Не говоря уже объ ихъ талантѣ“, писалъ Гоголь матери: „нельзя отказаться отъ нихъ навѣки! Какая скромность при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ помниѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники“. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ времена это что-нибудь значило. Такое же выгодное мнѣніе о художникахъ отразилось и въ произведеніяхъ Гоголя.

Въ „Невскомъ проспектѣ“ Гоголь даетъ подробную характеристику петербургскаго художника и его обстановки, и видно, что жизнь художника и бытъ его были ему хорошо извѣстны. „Это исключительное сословіе“, говоритъ Гоголь, „очень необыкновенное въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы, или ремесленники-нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе — художникъ

въ землѣ снѣговъ, въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сыро и туманно". При этомъ противоположеніи художниковъ почти всему остальному населенію Петербурга нѣтъ никакого сомнѣнія, на чьей сторонѣ симпатія автора, и это немедленно подтверждается дальнѣйшимъ изложеніемъ. „У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ — неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своей работой. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы, только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ".

Желая воплотить въ художественный образъ торжество суровой дѣйствительности надъ восторженной юношеской идеализаціей, Гоголь представляетъ въ „Невскомъ проспектѣ" обаятельный образъ разукрашенной пылкимъ юношескимъ воображеніемъ прекрасной женщины какимъ-то лживымъ, обманчивымъ призракомъ, скрывающимъ за собой довольно пошлое и совсѣмъ не поэтическое содержаніе. Его собственныя прежнія горячія мечты, подъ вліяніемъ которыхъ онъ создалъ своихъ граціозныхъ Пидорку, Ганну и Оксану, теперь, повидимому, представляются ему прекраснымъ сномъ, отъ котораго онъ пробудился, и возвращеніе къ которому болѣе невозможно. Въ „Невскомъ проспектѣ", молодую, очаровательную своей красотой женщину ставитъ на пьедесталъ уже не авторъ, а мечтатель-художникъ, неисправимый идеалистъ, грёзы котораго не имѣютъ ровно ничего общаго съ жалкой дѣйствительностью. Художникъ Пискаревъ полнъ восторговъ безкорыстнаго юношескаго увлеченія, высоко цѣнимаго Гоголемъ: сила его впечатлительности далеко превосходитъ впечатлительность обыкновенныхъ людей. Это натура избранная. Вѣдь и его, какъ Гоголя, влекутъ къ себѣ тѣ стороны женской красоты, которыя могутъ возбуждать чисто художественное наслажденіе.

Другую, болѣе широкую идею хотѣлъ выразить Гоголь въ „Невскомъ проспектѣ", — печальную идею о торжествѣ въ жизни начала пошлаго надъ возвышеннымъ, благороднымъ и честнымъ. Это горькое убѣжденіе, вынесенное авторомъ изъ горькаго опыта жизни, проявляется различнымъ

образомъ, но съ одинаковой силой, въ „Невскомъ проспектѣ“ и „Портретѣ“. Въ послѣднемъ Гоголь, очевидно, хотѣлъ выразить какъ свои мысли объ искусствѣ и о томъ, какъ слѣдуетъ служить ему, такъ и показать гибельное столкновеніе между пошлостью свѣта и самыми прекрасными, самыми святыми идеалами юноши-художника. *Шенрокъ.*

Свѣтлыя стороны характера у дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“.

Старосвѣтскіе помѣщики — это два живые, яркіе портрета во вкусѣ Теньера, снятые вѣрно съ малороссійской жизни. Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, говоря выраженіемъ самого автора, — Филемонъ и Бавкида Малороссіи, представляютъ добрую, вѣрную, гостепріимную чету, прожившую свой вѣкъ душа въ душу, безъ вреда и пользы ближнему. Весь домашній бытъ ихъ долженъ быть списанъ вѣрно, потому что это не можетъ быть несхоже: такъ оно ярко и живо. Все окруженіе этой семейной картины, вся эта малороссійская природа, тучная и плодоносная, составляетъ живой ландшафтъ, которымъ она прекрасно обставлена. Эти два лица старика и старушки, эти два портрета служатъ явнымъ обличеніемъ тѣмъ критикамъ, которые ограничиваютъ талантъ автора одною карикатурою. Авторъ изобразилъ намъ ихъ не съ одной смѣшной стороны. Малороссійская доброта, теплая дружба, которая связываетъ ихъ и за могилою, эти веселыя шутки, которыми мужъ какъ будто сердитъ жену для разнообразія въ жизни — все это черты, схваченныя рѣзко съ самой природы. А заботливость доброй супруги передъ ея кончиною о своемъ мужѣ, который остается безъ присмотра, и эти слезы, чрезъ пять лѣтъ брызнувшія изъ глазъ добраго старика, когда подали ему на столъ любимое кушанье покойницы — все это черты, показывающія кисть, одушевленную чувствомъ, кисть живую и художественную. *Шевыревъ.*

Тѣневая сторона повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“.

Быстро кончились юношескія мечтанія Гоголя. Его молодыя поэтическія грезы скоро уступили мѣсто серіознѣйшимъ

и глубочайшимъ мыслямъ о жизни людской, о страшномъ противорѣчіи между идеаломъ человѣка и дѣйствительнымъ человѣкомъ съ неустойчивостью его природы, съ искаженіями въ немъ образа и подобія Божія, которыя поражали въ живой дѣйствительности проницательныя очи поэта. И то, что у поэта „тоски по идеалу", Лермонтова, оставалось безъ опредѣленія, получили у Гоголя реальнѣйшее выраженіе. Гоголь не тоскуетъ противорѣчіемъ между дѣйствительностью и идеаломъ, но прямо указываетъ, ярко изображаетъ это противорѣчіе, какъ оно проявляется въ жизни.

Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" это противорѣчіе выражено въ удивительно простыхъ и задушевныхъ формахъ. Съ геніальнымъ чутьемъ истины великій поэтъ не остановился на какихъ-либо глаза рѣжущихъ извращеніяхъ человѣческой природы. Нѣтъ, онъ беретъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ изъ обыкновенныхъ людей, даже, можно сказать, лучшихъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ, — но, Боже, какое поразительное ничтожество въ ихъ жизни! Эти два старичка, живущіе безъ интересовъ, облагораживающихъ человѣческое существованіе, безъ умственной дѣятельности, стали рабами плотскихъ привычекъ, подобные растеніямъ. Души ихъ спятъ безпробудно и, казалось бы, разбуди ихъ, — жизнь ихъ сразу сдѣлается содержательною и истинно-человѣческою. Великая и простая мысль вложена въ это произведеніе Гоголя, — та мысль, что не тѣлесная, а духовная жизнь есть истинно человѣческая жизнь, что ничтожество грозитъ тому, кто пренебрежетъ интересами духа въ пользу плоти. *Введенскій.*

Отношеніе повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики" къ изображенію событій дѣйствительной жизни.

На основаніи многихъ данныхъ никакъ нельзя согласиться, что, изображая „старосвѣтскихъ помѣщиковъ", Гоголь будто бы рисовалъ портреты своихъ домашнихъ. Мнѣніе это крайне наивно и одностороннее. Но отдѣльныя черты изъ жизни близкихъ, безъ сомнѣнія, могли быть внесены имъ въ собранный для повѣсти матеріалъ. Такъ, Гоголь воспользовался слухами объ увозѣ тайкомъ его дѣдомъ будущей своей

жены въ разсказѣ объ Афанасіи Ивановичѣ и его молодости. Далѣе въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ нашли себѣ отраженіе отчасти обстановка Гоголева дѣтства, картина обычнаго малороссійскаго помѣщичьяго гостепріимства и прочее. Добродушные выговоры Пульхеріи Ивановны приказчику и ея ни для кого не страшные выѣзды на ревизію, о которыхъ всюду знали задолго до ея пріѣзда, представляютъ много сходства съ такими же выговорами и ревизіями Марьи Ивановны Гоголь, хотя общій складъ жизни и привычекъ, изображенныхъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“, больше всего напоминалъ бытъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и сосѣдей Гоголя, напр. стариковъ Зарудныхъ. Въ самомъ описаніи выѣздовъ помѣщицы на ревизію есть подробность, не относящаяся, конечно, къ изображенію М. И. Гоголь: когда Пульхерія Ивановна выѣзжала на дрожкахъ, „воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ“. Любопытно, что и здѣсь замѣчается сходство между „Повѣстью объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“ и „Старосвѣтскими помѣщиками“; въ повѣсти о Шпонькѣ читаемъ о бричкѣ: „Это была та самая бричка, въ которой еще ѣздилъ Адамъ“. Подобной патріархальности не могло быть и слѣдовъ у родителей Гоголя, уже близко знакомыхъ съ Д. П. Трощинскимъ, въ домѣ котораго они нерѣдко бывали. Наконецъ, мы находимъ въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“ собственное откровенное признаніе Гоголя о страхѣ, который ему причиняли разные слышанные имъ въ дѣтствѣ голоса. Такіе же голоса слышались ему и незадолго до смерти... Наконецъ, личныя впечатлѣнія вообще нерѣдко передаются въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ прямо отъ лица автора и мѣстами переходятъ въ „лирическія отступленія“; напр.: „Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время! Какая страсть уцѣлѣетъ въ неравной битвѣ съ нимъ!“ и пр.: или: „Боже“, думалъ я, глядя на него, „пять лѣтъ всеистребляющаго времени!“ и пр.

Оканчивается повѣсть такъ же печально, какъ и всѣ другія въ „Миргородѣ“, при чемъ мимоходомъ сказалось уже тогда выяснившееся крайнее несочувствіе Гоголя къ ухищреннымъ нововведеніямъ въ хозяйствѣ во вкусѣ Манилова (новый помѣщикъ „накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ“ и пр.) при полномъ недоумѣньѣ взяться за дѣло, но особенно

тяжелое чувство, испытываемое при видѣ постепеннаго исчезновенія дорогихъ и близко знакомыхъ съ дѣтства чертъ стариннаго быта и замѣны ихъ несимпатичной и притязательной новизной. *Шенрокъ.*

Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Совсѣмъ другой міръ, чѣмъ „Ревизоръ", представляетъ намъ ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Это міръ случайностей, неразумности; это отрицаніе жизни, пошлая, грязная дѣйствительность. Но какимъ же образомъ могла она сдѣлаться содержаніемъ художественнаго произведенія, и не унизилъ ли художникъ своего таланта, сдѣлавъ изъ него такое употребленіе? Резонеры, которымъ доступна одна внѣшность, а не мысль, отвѣтятъ намъ утвердительно на этотъ вопросъ. Мы думаемъ напротивъ. Тутъ задача въ томъ, чтобы въ основаніи художественнаго произведенія лежала общая идея, и чтобы изображенія поэта были не списками съ частныхъ явленій (эти списки — суть призраки), но идеалы, для того перешедшіе въ дѣйствительность явленія, чтобы каждый изъ нихъ былъ выраженіемъ идеи, представителемъ цѣлаго ряда безконечнаго множества явленій одной идеи и, будучи въ этомъ значеніи общимъ, былъ бы въ то же время единымъ — живою, замкнутою въ самой себѣ особностью. Всякая частность есть случайность, и если ея значеніе низко и пошло — она оскорбляетъ человѣческое, эстетическое чувство: но общее, хотя бы и отрицательной стороны жизни, уже дѣлается предметомъ знанія и теряетъ свою случайность.

Изображая отрицательныя явленія жизни, поэтъ нисколько не думаетъ писать сатиры. Рисуя нравственныхъ уродовъ, поэтъ дѣлаетъ это совсѣмъ не скрѣпя сердце, какъ думаютъ многіе: нельзя сердиться и творить въ одно и то же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута высочайшаго наслажденія. Поэтъ не можетъ ненавидѣть свои изображенія, каковы бы они ни были; напротивъ, скорѣе онъ ихъ любитъ, потому что они представляются ему уже просвѣтленными идеею.

Были два пріятеля-сосѣда, соединенные другъ съ другомъ неразрывными узами взаимной пошлости, привычки и праздности. Мы не будемъ ихъ описывать послѣ изображенія, сдѣланнаго поэтомъ. Если, читатели, вы помните и знаете Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — были они искренними друзьями и вдругъ сдѣлались страшными врагами и прожили все свое имѣніе, стараясь доѣхать другъ друга судомъ. А отчего? Стоитъ привести по нѣскольку чертъ характера каждаго — и вы поймете причину этого страннаго явленія. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма солидный, самаго тонкаго обращенія, терпѣть не могъ грубыхъ или непристойныхъ словъ, и когда потчевалъ кого-нибудь знакомаго табакомъ, то говорилъ: „смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?“ а если незнакомаго, то: „смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?“ Онъ любилъ лежать на солнцѣ подъ навѣсомъ въ одной рубашкѣ только послѣ обѣда, а вечеромъ надѣвалъ бекешь, выходя со двора; но самая рѣзкая черта его характера была та, что съѣвши дыню, онъ завертывалъ въ бумажку сѣмена и надписывалъ: „сія дыня съѣдена такого-то числа“, а если при этомъ былъ гость, то: „участвовалъ такой-то“. Присовокупите къ этому портрету страшную скупость и высокую цѣну, придаваемую земнымъ благамъ, — и Иванъ Ивановичъ весь передъ вами. Иванъ Никифоровичъ отличался отъ своего друга толстотою и любилъ употреблять въ разговорѣ непристойныя слова, къ крайнему неудовольствію достойнаго Ивана Ивановича; любилъ въ жаркіе дни выставлять на солнце спину, садиться по горло въ воду, куда ставилъ столъ и самоваръ и пилъ чай; любилъ въ комнатѣ лежать въ натурѣ, и когда потчевалъ кого изъ своей табакерки табакомъ, то просто говорилъ: „одолжайтесь“. Теперь вы видите всю эту жизнь, понятную только въ произведеніи художника, но случайную, безсмысленную и глупо-животную въ дѣйствительности. Оба героя — призраки (въ томъ смыслѣ, который мы выше придали этому слову), и все, что они ни дѣлаютъ, есть призракъ, пустота, безсмыслица. Въ ихъ характерахъ лежитъ, какъ необходимость, ихъ ссора. Ивану Ивановичу захотѣлось имѣть у себя ружье Ивана Никифоровича: зачѣмъ? — не спрашивайте: онъ самъ этого не знаетъ. Мы думаемъ, что это было безсознательнымъ желаніемъ чѣмъ-ни-

будь наполнить свою праздную пустоту, потому что пустота, вслѣдствіе праздности, тяжка и мучительна для всякаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ пошлъ. Иванъ Никифоровичъ, по такой же причинѣ, не хотѣлъ уступить ему своего ружья, хотя тотъ и обѣщалъ ему за него приличное вознагражденіе — бурую свинью и мѣшокъ гороха. Завязался крупный разговоръ, въ которомъ Иванъ Никифоровичъ, грубый въ своихъ выходкахъ, назвалъ Ивана Ивановича, этого до крайности деликатнаго и щекотливаго со стороны своей чести и аттенціи человѣка, назвалъ его — о, ужасъ! — гусакомъ...

Великая, безконечно великая черта художественнаго генія этотъ гусакъ! Если бы поэтъ причиною ссоры сдѣлалъ дѣйствительно оскорбительныя ругательства, пощечину, драку — это испортило бы все дѣло. Нѣтъ, поэтъ понялъ, что въ мірѣ призраковъ, которому онъ давалъ объективную дѣйствительность, и забавы, и понятія, и удовольствія, и горести, и страданія, и самое оскорбленіе — все призрачно, безсмысленно, пусто и пошло. Не думайте, чтобы эти два чудака были отъ природы созданы такими: нѣтъ, природа справедлива къ людямъ — она каждому даетъ въ мѣру чего и сколько ему нужно. Конечно, эти чудаки и отъ природы были небойкіе люди, но и имъ нашлась бы своя ступенька на безконечной лѣстницѣ человѣческой и гражданской дѣятельности; они могли бы быть хорошими мужьями, отцами, хозяевами и имѣть, сообразно съ занимаемымъ ими мѣстечкомъ въ цѣпи явленій духа, свою благообразность формы; но воспитаніе, животная лѣнь, праздность, невѣжество — вотъ что сдѣлало ихъ такими. Ихъ хотятъ примирить и почти было успѣли въ этомъ; уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать „одолжайтесь", но вдругъ лукавый дернулъ его замѣтить, что не стоитъ сердиться изъ пустого слова „гусакъ". Видите ли: если бы онъ гусака замѣнилъ птицею или выразился какъ-нибудь иначе, они снова были бы друзьями, но роковое слово было сказано, и снова прадѣдовскіе карбованцы полетѣли изъ желѣзныхъ сундуковъ въ карманы подьячихъ, и имѣніе, внѣшнее и внутреннее благосостояніе, вся жизнь была истощена въ тяжбѣ. Десять лѣтъ прошло, головы ихъ убѣлились сѣдиною, и поэтъ восклицаетъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!" Да! грустно думать, что человѣкъ, этотъ благороднѣйшій сосудъ духа, можетъ жить и умереть

призракомъ и въ призракахъ, даже и не подозрѣвая возможности дѣйствительной жизни! И сколько на свѣтѣ такихъ людей, сколько на свѣтѣ Иванов Ивановичей и Иванов Никифоровичей!...

Бѣлинскій.

Минорный тонъ повѣстей, вошедшихъ въ „Миргородъ“.

Гоголь возвратился домой уже не тѣмъ счастливымъ, исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ юношей, какимъ выѣхалъ изъ деревни три года назадъ съ своимъ другомъ Данилевскимъ. За этотъ промежутокъ времени онъ утратилъ самое дорогое въ жизни — радужное царство молодыхъ мечтаній, которыми такъ украшается юность, представляющая міръ въ своемъ пылкомъ, свѣжемъ воображеніи, усыпанномъ цвѣтами тріумфальнымъ путемъ. Теперь, напротивъ, когда эта розовая пелена спала, когда во всей ужасающей наготѣ раскрылся передъ нимъ возмутительный омутъ житейской пошлости, и онъ глубоко почувствовалъ суровый трагизмъ жизни, всегда скрытый подъ ея будничной монотонностью, — многое изъ знакомаго ему съ ранняго дѣтства предстало въ иномъ свѣтѣ. Если первыя впечатлѣнія пріѣзда на родину были свѣтлы и отрадны, то вскорѣ же дала себя знать и горечь, непріятно охватывающая почти каждаго при возвращеніи на мѣсто, когда-то дорогое и близкое, но давно покинутое и сильно перемѣнившееся. Все, что въ заманчивомъ видѣ рисовала мечта, что представлялось послѣ долгой разлуки привлекательнымъ издали, въ дѣйствительности оказалось такимъ же или еще болѣе убогимъ и печальнымъ, какимъ было въ глазахъ поэта передъ первымъ отъѣздомъ въ столицу. Какъ послѣ высокихъ минутъ художественнаго наслажденія досаденъ переходъ къ обычнымъ очерствляющимъ впечатлѣніямъ повседневной жизни, такъ и радости первой встрѣчи со всѣмъ близкимъ должны были вскорѣ уступить мѣсто тяжелому чувству совершенно иного характера. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ изъ деревенскихъ знакомыхъ Гоголь не засталъ въ живыхъ по возвращеніи, другихъ нашелъ постарѣвшими или опустившимися, иныхъ — обремененными нуждой и заботами; любимые его дяди Косяровскіе были оба далеко, — словомъ, передъ нимъ предстала въ своемъ возмутительномъ ужасѣ

неумолимая проза жизни, съ которой съ такимъ трудомъ можетъ мириться человѣкъ, но которая всегда надъ нимъ торжествуетъ. Таково было передъ нимъ настоящее, а въ близкомъ будущемъ его ожидалъ тотъ же Петербургъ, какъ и при первомъ отъѣздѣ въ него, но уже лишенный прежняго своего обаянія и ореола. Мы не настаиваемъ, впрочемъ, на буквальной вѣрности каждаго слова въ послѣднихъ выраженіяхъ, потому что за отсутствіемъ положительныхъ документальныхъ данныхъ и живыхъ свидѣтелей, помнящихъ это время, трудно представить точныя свѣдѣнія; но намъ важно отмѣтить и очертить самое настроеніе, несомнѣнно выразившееся въ „Миргородѣ“.

Представляя себѣ *такимъ образомъ* настроеніе Гоголя по возвращеніи его изъ Петербурга въ деревню, мы основываемся, во-первыхъ, на томъ исполненномъ искренней грусти изображеніи родной Малороссіи, которое является у него во многихъ мѣстахъ въ „Миргородѣ“, особенно въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, на одномъ мѣстѣ въ отрывкѣ „Римъ“, имѣющемъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Тамъ, между прочимъ, читаемъ: „Грустное чувство овладѣло княземъ“ (по возвращеніи въ вѣчный городъ),—„чувство, *понятное каждому пріѣзжающему*, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говоритъ всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были сопряженные съ нимъ случаи, тѣмъ сокрушительнѣе грусть, насылаемая имъ на сердце“. Само собою разумѣется, что описанное выше настроеніе не могло быть постояннымъ, можетъ-быть, не было и преобладающимъ, но оно *существовало* и отразилось въ творчествѣ Гоголя. Что касается „Миргорода“, то нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ мы не находимъ уже того ровнаго, свѣтлаго настроенія, которымъ отъ начала до конца проникнуты „Вечера на хуторѣ“ (исключая отчасти „Страшную месть“). Здѣсь уже нѣтъ прежней заразительной юношеской веселости, но, наоборотъ, часто, слишкомъ часто слышатся довольно трагическія ноты. Укажемъ, напримѣръ, на слѣдующія строки въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“: „Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы!

теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣвшее жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ, и ничего болѣе... Грустно, мнѣ заранѣе грустно!" Такая же тоска слышится въ заключительныхъ строкахъ этой же повѣсти и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ": „Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость проняла меня насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣта небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!" — Подобное настроеніе въ „Вечерахъ на хуторѣ" можетъ быть указано лишь въ единственномъ мѣстѣ, именно въ послѣднихъ строкахъ повѣсти „Сорочинская ярмарка": въ „Вечерахъ" же, въ описаніяхъ природы выражается или восторгъ, или упоительная нѣга, но нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ того сумрачнаго настроенія, которое наводится иногда непогодой; тамъ, напротивъ, изображаются исключительно или яркіе, солнечные дни (въ началѣ „Сорочинской ярмарки"), или ясный вечеръ, или же обаятельная ночь. Метель въ „Ночи передъ Рождествомъ" и буря на Днѣпрѣ въ „Страшной мести" представлены преимущественно съ художественной и картинной стороны. Напротивъ, въ „Миргородѣ" такія описанія, какъ описаніе степи въ „Тарасѣ Бульбѣ" или усадьбы сотника въ „Віи", т.-е. возбуждающія отрадное или — въ первомъ случаѣ — восторженное чувство, становятся рѣдкими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже солнечный свѣтъ является не ослабляющимъ, а усиливающимъ грусть; напр., при описаніи похоронъ Пульхеріи Ивановны: „Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ". Вспоминая о страхѣ, ко-

торый наводили на него таинственные голоса, слышанные имъ въ дѣтствѣ, Гоголь также говоритъ, что „день обыкновенно въ это время былъ ясный и солнечный; тишина была мертвая“ и пр., но такому дню онъ охотно предпочелъ бы въ подобныя минуты ужаса ночь „самую бѣшеную и бурную“. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ встрѣчаемъ уже изображеніе сѣраго дня („день былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ“)...

Замѣчательно, что, начинаясь сценами незначительными и забавными, каждая изъ повѣстей въ „Миргородѣ“ становится, по мѣрѣ разсказа, все болѣе трагическою и потрясающею. Особенно чувствуется это въ „Тарасѣ Бульбѣ“, гдѣ беззаботный смѣхъ читателя, возбуждаемый началомъ первой главы, къ концу ея постепенно переходитъ въ тяжелую, сосредоточенную грусть, и это чувство потомъ постоянно возрастаетъ, уступая лишь по временамъ мѣсто поэтическому восторгу при такихъ описаніяхъ, какъ степи и устройства Запорожской сѣчи; тонъ изложенія становится все болѣе возвышеннымъ и удаленнымъ отъ того обыденнаго, которымъ начинается повѣсть, и, наконецъ, доходитъ до захватывающаго трагическаго паѳоса въ сценѣ между прекрасной полячкой и Андріемъ, въ описаніи осады Дубна, битвъ казаковъ за родину, и проч. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ также замѣчается постепенный переходъ отъ мирной идилліи къ глубокому трагизму; вся вторая половина повѣсти проникнута грустью, но особенно ровное пока настроеніе читателя омрачается простымъ, трогательнымъ діалогомъ, въ которомъ Пульхерія Ивановна сообщаетъ мужу свое предчувствіе смерти. Здѣсь, впрочемъ, могла бы быть найдена связь съ „Вечерами на хуторѣ“; такъ, подобное мѣсто, хотя гораздо менѣе художественное, находимъ и въ „Страшной мести“. Въ самомъ дѣлѣ, поразительное сходство открывается при сличеніи.

Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“:

„— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

„ — Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе. Я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру; смерть моя уже приходила за мною. — Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю“, и проч.

Въ „Страшной мести“:

„— Что-то грустно мнѣ, жена! — сказалъ панъ Данило: — и голова болитъ у меня, и сердце болитъ; какъ-то тяжело мнѣ! видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя“.

Далѣе слѣдуютъ утѣшенія жены со стороны Аѳанасія Ивановича въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и пана Данила со стороны Катерины въ „Страшной мести“, и потомъ чрезвычайно похожія предсмертныя просьбы беречь и холить своихъ любимцевъ (въ первомъ случаѣ — Аѳанасія Ивановича, во второмъ — сына Данилина, Ивана).

„— Слушай, жена моя! — сказалъ Данило: — не оставляй сына, когда меня не будетъ: не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ; а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей“.

„— Смотри мнѣ, Явдоха, — говорила Пульхерія Ивановна, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать: — когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Не своди съ него глазъ, Явдоха, я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить, — не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ: я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины“, и проч.

Шепрокъ.

Характерныя черты главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти „Шинель“ [1]).

Акакій Акакіевичъ служитъ вѣчнымъ чиновникомъ для письма, „какъ будто и родился совсѣмъ готовымъ въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ“. Письмо, буквы — вотъ предметъ, которымъ тѣсно ограничивалась вся жизнь его и дѣятельность. Онъ и подсмѣивается, и подмигиваетъ, и помогаетъ губами, добравшись до какой-нибудь изъ своихъ буквъ-фавориток, онъ и на улицѣ видитъ однѣ свои, ров-

[1]) См. объ этомъ стран. 95 и 96.

нымъ почеркомъ выведенныя строки; дома, также для собственнаго удовольствія, онъ переписываетъ бумаги, замѣчательныя не по красотѣ слога, а по адресу къ какому-нибудь новому, или важному лицу. Такъ въ переписываніи заключался для Акакія Акакіевича цѣлый міръ — послѣдній предѣлъ его желаній, его радости и утѣхи. Другую сторону его характера составляетъ необыкновенная его робость, запуганность. Департаментскіе сторожа не обращаютъ на него и вниманія, словно пролетѣла обыкновенная муха; начальники обходятся съ нимъ холодно, деспотически; молодые чиновники надъ нимъ потѣшаются, сыплютъ ему на голову бумажки, называя это снѣгомъ — и Акакій Акакіевичъ все переноситъ молчаливо; развѣ ужъ шутка очень невыносима, когда толкаютъ его подъ руку, мѣшая заниматься, онъ жалобно скажетъ: „Оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете?“ Третьею чертою его служитъ необыкновенная разсѣянность: онъ ходитъ по улицѣ вѣчно въ какой-то забывчивости и опомнится развѣ тогда, когда лошадиная морда, неизвѣстно откуда взявшись, помѣстится ему на плечо и напуститъ ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку; дома онъ хлебаетъ наскоро свои щи, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣстъ съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни пошлетъ Богъ на ту пору. Эта разсѣянность происходила не отъ какихъ-нибудь увлеченій, а отъ совершеннаго бездѣйствія ума. Онъ говорилъ особеннымъ языкомъ, изъясняясь, большею частію, предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: „Это, право, совершенно того...“ а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ. И такая крайняя ограниченность желаній, напоминающая въ немъ скорѣе машину, чѣмъ человѣка, пугливость и разсѣянность — вотъ главныя свойства Акакія Акакіевича. Между тѣмъ Гоголь вездѣ указываетъ въ этомъ бѣдномъ чиновникѣ и другія черты: природную мягкость и добродушіе, совѣстливость, необычайное трудолюбіе, даже наклонность къ созданію идеала изъ того, что даетъ жизнь человѣку. Мы думаемъ поэтому, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ Акакій Акакіевичъ могъ бы быть инымъ человѣкомъ: онъ не блисталъ бы умомъ, не хва-

талъ бы съ неба звѣздъ, но явился бы скромнымъ, добросовѣстнымъ и полезнымъ дѣятелемъ. Ему однако суждено отупѣть, сдѣлаться притчею со своимъ вицмундиромъ рыжеваго-мучного цвѣта, къ которому всегда что-нибудь прилипало: или кусочекъ сѣнца, или какая-нибудь ниточка, — со своимъ капотомъ вмѣсто шинели. Такъ произошло отъ его жалкаго общественнаго положенія, отъ мертвой формы, которая сковывала всю его жизнь, и отъ крайней бѣдности. Гоголь чрезвычайно удачно сосредоточиваетъ всю драму его микроскопической жизни на шинели. Акакій Акакіевичъ, наконецъ, рѣшается на великій подвигъ, понуждаемый петербургскимъ климатомъ: онъ задумалъ *сшить себѣ новую шинель*. И дѣйствительно, это предпріятіе стоило для Акакія Акакіевича болѣе заботы и самоотверженія, чѣмъ встарину для иного полководца покорить цѣлое царство. Получая 400 р. въ годъ жалованья (около 10 р. с. въ мѣсяцъ на нынѣшнія деньги), онъ во многомъ долженъ былъ себѣ отказывать. Гоголь подробно описываетъ, какъ онъ ходилъ къ Петровичу, самоучкѣ-портному, чинившему старое платье, жалобно умоляя его исправить капотъ, какъ хитрилъ съ нимъ (тутъ нашелся умъ и у Акакія Акакіевича), чтобъ онъ взялъ подешевле, какъ, собирая деньги, толковалъ съ нимъ о новой шинели, и проч. Сближеніе этихъ двухъ бѣдныхъ людей не столько смѣшитъ, сколько наводитъ грусть. „Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное, того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!" разсуждалъ Акакій Акакіевичъ, пораженный невозможностью ходить въ своемъ старомъ капотѣ; но потомъ собрался съ мыслями и взялся за дѣло. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ скопилъ сорокъ рублей, откладывая отъ каждаго истраченнаго рубля по грошу, но нужно еще было достать сорокъ рублей: онъ рѣшился не употреблять чая по вечерамъ, не зажигать свѣчки, на улицѣ ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, чтобъ не истереть подметокъ и проч. Онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ *вѣчную идею будущей шинели*. „Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось *полнѣе*, какъ будто онъ женился... какъ будто бы *какая-то пріятная подруга жизни* согласилась съ нимъ проходить жизненную дорогу, и подруга эта была не кто другой, какъ *та же шинель*, на толстой ватѣ, на

крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то *живѣе*, даже *тверже* характеромъ, какъ человѣкъ, *который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль*. Итакъ шинель для Акакія Акакіевича то же, что для другого мечта о какой-нибудь идеальной красавицѣ, или грезы объ искусствѣ, объ Италіи, или думы о славѣ, объ ученой карьерѣ, о высокомъ положеніи въ обществѣ. По крайней мѣрѣ Акакій Акакіевичъ тутъ не менѣе испыталъ заботъ и идеальныхъ томленіи, но изъ бѣдной среды, въ которой жилъ онъ, для него и не могло возникнуть другого идеала, кромѣ шинели на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ. Видя, какой идеалъ даетъ жизнь человѣку, мы можемъ судить и о самой жизни. Гоголь до конца обрисовываетъ намъ типъ Акакія Акакіевича съ его *обычною идеею*, съ шинелью. Какъ онъ былъ счастливъ, когда, наконецъ, достигъ своей цѣли, какъ тѣшился, сравнивая новую шинель со старымъ капотомъ! Онъ даже послѣ обѣда въ тотъ день ничего не писалъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не стемнѣло. Но вотъ въ тотъ же день ночью его ограбили: шинель исчезла, какъ мимолетное видѣніе. Что долженъ былъ тогда чувствовать Акакій Акакіевичъ? То же, что чувствуютъ и всѣ люди, когда предметъ ихъ долгихъ мечтаній, для котораго поднято было много трудовъ, принесено много жертвъ, безвозвратно отъ нихъ ускользаетъ. Но горе Акакія Акакіевича было посущественнѣе многихъ горестей, основанныхъ на себялюбивыхъ грезахъ. Ему приходилось не только оплакивать потерянныя жертвы и деньги, нажитыя многолѣтнимъ, кровнымъ трудомъ, но и вновь терпѣть отъ мороза; онъ встрѣчалъ не просто равнодушіе въ людяхъ, отъ которыхъ могъ ждать участія, но долженъ былъ сносить ихъ грубыя выходки и свирѣпое распеканіе. Запуганный значительнымъ лицомъ, онъ весь внѣ себя идетъ, разиня ротъ, по улицѣ, а вѣтеръ дуетъ на него, по петербургскому обычаю, со всѣхъ четырехъ сторонъ, изо всѣхъ переулковъ. Онъ схватилъ горячку и умеръ. Нѣсколько дней спустя послѣ его смерти, сторожъ былъ посланъ къ нему на квартиру съ приказаніемъ отъ начальства, чтобы онъ немедленно явился, но сторожъ долженъ былъ принести отвѣтъ: „Не можетъ прійти". — Почему? — „Да такъ: ужь онъ умеръ: четвертаго дня похоронили". И на мѣсто Акакія Акакіевича посадили другого чиновника.

Машина шла своимъ порядкомъ, перемалывая все, что въ нее ни попадалось. „Такъ исчезло существо, — говоритъ Гоголь, перепосившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все-таки, хоть передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ *свѣтлый гость* въ видѣ шинели, оживившій на мигъ *бѣдную жизнь*". Осмыслить совершенно обыденный предметъ, шинель, какъ это дѣлаетъ Гоголь, не въ какомъ-нибудь фантастическомъ образѣ, а поднявъ изъ самой глубины жизни насущный вопросъ о судьбѣ бѣднаго служащаго человѣка, — вотъ тема, какую можетъ задать себѣ и искусно выполнить только великій талантъ, и повѣсть Гоголя займетъ свое мѣсто въ исторіи нашего общественнаго быта. Рядомъ съ типомъ Акакія Акакіевича выведенъ типъ *значительнаго лица*, котораго правиломъ было: „строгость, строгость и строгость". Гоголь очень кстати представляетъ, что онъ отъ природы былъ чрезвычайно добрый и милый человѣкъ, но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку: любя общество онъ молчалъ тамъ, гдѣ встрѣчались люди хоть чиномъ его пониже и этимъ самъ себя жестоко наказывалъ; онъ и рѣчь свою и всѣ пріемы, канцелярскій порядокъ направилъ къ тому, чтобы внушать страхъ, хотя въ этомъ не было никакой нужды: онъ упивался мыслью, что слово его можетъ убить человѣка и въ то же время мучился совѣстью, что безъ вины распекъ какого-нибудь бѣдняка, который и безъ того дрожалъ передъ нимъ. Мы видимъ, что здѣсь тупость и забитость то же раболѣпство передъ пустою формою, за недостаткомъ серіозной мысли и серіознаго дѣла, какъ и у Акакія Акакіевича, только въ другомъ видѣ. Оба эти человѣка взаимно объясняютъ другъ друга, и существованіе одного нельзя предположить безъ существованія другого.

Водовозовъ.

Акакій Акакіевичъ и Макаръ Дѣвушкинъ.

Представимъ себѣ умнаго впечатлительнаго юношу, еще не знающаго жизни, но предугадывающаго ее по тому немногому, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ получилъ хорошее литературное образованіе, узналъ Гомера, Софокла и Горація,

читалъ Шекспира, Сервантеса, Гете, Шиллера, знаетъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, но совсѣмъ не знакомъ ни съ Тургеневымъ, ни съ Толстымъ, ни съ Островскимъ, не видѣлъ новыхъ пьесъ, не читалъ новыхъ журналовъ. Дадимъ ему въ руки „Бѣдныхъ людей“ и попросимъ у него отчета въ его впечатлѣніи.

Я убѣжденъ, что впечатлѣніе очень сильное, и представленіе о томъ, что такое художественное произведеніе, будетъ поколеблено въ самомъ основаніи. Юноша сразу замѣтитъ близкое родство „Бѣдныхъ людей“ и „Шинели“ Гоголя и въ отношеніи искусства изображенія, конечно, отдаетъ предпочтеніе Акакію Акакіевичу передъ Макаромъ Дѣвушкинымъ. Какъ у Гоголя все ясно, пластично, сильно, и, главное, какъ весело и живо разсказана вся немногосложная жизнь героя до великаго событія — пріобрѣтенія новой шинели включительно! Какъ здѣсь, напротивъ, все вяло, тоскливо, растянуто! Но скоро юноша начнетъ понимать, что Акакій Акакіевичъ все-таки же только комическая фигура, хоть и написанная геніальнымъ художникомъ. Его сердечно жаль по человѣчеству, и только; онъ братъ нашъ, но братъ младшій, обиженный судьбою, доведенный ею почти до идіотизма. Читателю никогда не приходитъ охота поставлять себя на его мѣсто или хоть посмотрѣть на него, какъ на равнаго. Всякій улыбается при мысли представить себѣ Акакія Акакіевича влюбленнымъ или великодушнымъ, вообще тѣмъ, что въ романахъ называется героемъ. Ну, какой онъ герой? Куда ему? Вся жизнь его, хоть и не по его винѣ, такая пустая и ничтожная, что и жизнью-то ее нельзя назвать, а развѣ прозябаніемъ. Въ этомъ, положимъ, трагедія, но трагедія человѣческой жизни вообще; трагедія въ томъ, что масса человѣчества поставлена въ такія условія, что даже и страданія людей и самая смерть ихъ кажутся жалкими и ничтожными.

Не то у Достоевскаго: у него маленькій, забитый „чиновникъ для переписки“, изъ имени котораго въ министерствѣ сдѣлали бранное слово, оказывается не только равнымъ намъ, но лучше всѣхъ насъ; какое дѣвственно-чистое, любящее сердце бьется подъ его заштопаннымъ вицмундиромъ и сколько пониманія и тонкой изобрѣтательности выказываетъ онъ въ услажденіи жизни несчастной, совсѣмъ для него

чуждой дѣвушки! А между тѣмъ, при этой сильной идеализаціи самой сущности его натуры, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Макаръ Алексѣевичъ остается живымъ, выхваченнымъ изъ сѣренькой дѣйствительности типомъ: онъ и пьянъ напивается до безобразія, и зароки даетъ и не исполняетъ ихъ; передъ близкимъ человѣкомъ онъ не прочь и похвастаться своимъ почеркомъ и своими успѣхами по службѣ; у него и языкъ рабій, и мнительность рабья, и рабья наклонность соглашаться съ сильнѣйшимъ во всемъ, кромѣ того, что для него святыня; здѣсь онъ умретъ, а не уступитъ; какъ насѣдка, распуститъ онъ свои мокрыя перья и кинется въ бой съ цѣлымъ стадомъ враговъ.

Кирпичниковъ.

Подмѣтить особенность взгляда Достоевскаго на слабыхъ и беззащитныхъ всего удобнѣе на первой его повѣсти, несмотря на то, что „Бѣдные люди", быть можетъ, наименѣе самостоятельное изъ его произведеній, что и по формѣ и по содержанію оно, очевидно, навѣяно Гоголемъ. Макаръ Дѣвушкинъ — родной братъ Акакія Акакіевича, но это сходство какъ разъ помогаетъ разглядѣть неодинаковость отношенія обоихъ писателей къ своимъ героямъ. Черты, какими обрисованъ Акакій Акакіевичъ, исключительно внѣшнія, а благодаря этому его фигура, даже вызывая жалость, никогда не перестанетъ быть комичной. Одни внѣшнія проявленія нищеты и забитости, какъ бы грустны они ни были, могутъ вызвать лишь нѣсколько насмѣшливое состраданіе, именно потому что мы не видимъ, не чувствуемъ воздѣйствія жизненнаго гнета на душу забитаго человѣка, что душа эта относится къ нему совершенно пассивно. Не то съ Макаромъ Дѣвушкинымъ; онъ тоже смиряется передъ своей жалкой долей, не предъявляетъ къ жизни никакихъ требованій; протеста у него тоже нѣтъ и слѣда, а между тѣмъ Макару Дѣвушкину мы сочувствуемъ, мы глубоко взволнованы его судьбой. И происходитъ это отъ того, что, несмотря на всю его безотвѣтность, мы видимъ, что онъ страдаетъ, страдаетъ глубоко и безропотно; и кротость эта не только не смѣшна: она высока, геройски высока въ своемъ смиренномъ терпѣніи. Мы сознаемъ, что передъ нами не комическая фигура, служащая мишенью для всѣхъ насмѣшекъ безпощадной жизни

и не чувствующая много, а такой же человѣкъ, какъ мы, отзывчивый на оскорбленія, но только не отвѣчающій на нихъ взрывомъ негодованія. Дѣвушкину не много нужно — его идеалы самые крохотные: но изъ-за этого онъ презрѣнія не заслуживаетъ, потому что источникъ его притязательности — не въ умственной ограниченности, не въ грубости вкусовъ, а въ скромномъ представленіи о своихъ правахъ на счастье. И если жизнь не даетъ ему этого крохотнаго благополучія, отъ этого трагичность судьбы только усиливается. Дѣло въ томъ, что фигуру, созданную художникомъ, мы всегда видимъ сквозь призму его собственнаго представленія о ней и сочувствовать ей мы можемъ тогда только, когда онъ самъ ей сочувствуетъ. *Головинъ.*

Гуманизирующее значеніе повѣсти Гоголя „Шинель".

Гоголь не разъ называетъ свое время переходнымъ, смущенно смотритъ на современную растерянность и колебаніе умовъ и призываетъ людей дарованія встать на стражѣ общественныхъ интересовъ и громкимъ кличемъ будить тѣхъ, въ комъ еще не погасло живое чувство любви къ русскому народу и его будущему. Самъ онъ старался достигнуть этой цѣли изображеніемъ общественной пошлости и угрожающихъ ея размѣровъ. Нѣкоторыя картины достигаютъ у Гоголя глубокаго трагизма и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнены теплой любви къ забитымъ людямъ. Какъ въ подтвержденіе нашей мысли и для характеристики Гоголевскаго творчества этой поры, мы остановимся на небольшой повѣсти Гоголя „Шинель". Тургеневъ, ученикъ и поклонникъ Пушкина, выразился объ этой повѣсти: „Мѣднымъ всадникомъ" нельзя было любоваться въ одно время съ „Шинелью". Безъ преувеличенія можно сказать, что направленіе творчества Достоевскаго опредѣлилось прежде всего „Шинелью" Гоголя. Новое въ повѣсти — герой ея, маленькій, даже невзрачный чиновникъ одного изъ петербургскихъ департаментовъ, вѣчный титулярный совѣтникъ Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ. Наша литература догоголевскаго періода не любила вѣдаться съ такими маленькими людьми. Гоголь замѣтилъ ихъ и освѣтилъ

съ такою любовью, съ такою силою гуманности, глубокаго проникновенія во внутреннюю жизнь маленькаго человѣка, до которыхъ до-гоголевская литература не поднималась; не поднимался раньше „Шинели“ и самъ Гоголь.

Башмачкинъ — бѣдное, забитое существо, до того придавленное канцелярской дисциплиной добраго стараго времени, до того смирившееся, что даже департаментскій сторожъ не вставалъ, когда проходилъ мимо Акакій Акакіевичъ, и не снималъ съ него капота, въ который превратилась его развалившаяся шинель. Товарищи обращались съ нимъ грубо-добродушно, сыпали ему на голову бумажки, толкали подъ руку и мѣшали работать. Все безропотно сносилъ Башмачкинъ, никого не обидѣвшій въ своей жизни не только дѣломъ, но и словомъ, и только иногда, когда шутки становились невыносимо грубы, скажетъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ Это былъ вопль безсилія и беззащитности противъ жестокости собратьевъ. А жизнь дома? Получая ничтожное жалованье, онъ еле-еле сводилъ концы съ концами, ѣлъ впроголодь и съ такой приправой, которую не принято называть. Нужда, отсутствіе общества и умственнаго интереса сдѣлали то, что Акакій Акакіевичъ какъ будто утратилъ чувство жизни, ни на улицѣ ни въ департаментѣ никого не замѣчалъ, занятый исключительно своимъ дѣломъ. Къ довершенію бѣдствій его шинель отказывалась служить. Самая скромная стоимость новой — 80 рублей, разумѣется, ассигнаціями, или около 20 рублей сер. на наши деньги. Лакей богатаго дома дороже платитъ за свое пальто, а бѣднаго Башмачкина эта цѣна окончательно обезоружила. Гдѣ онъ достанетъ денегъ? Часть ихъ онъ надѣялся получить къ празднику въ видѣ обычной награды: но гдѣ достать остальныя? И вотъ бѣдный труженикъ отказывается отъ ужина, вечерняго чая, занятія по вечерамъ, чтобы сдѣлать экономію на свѣчахъ, ходитъ по улицѣ чуть не на цыпочкахъ, чтобы не износить лишней пары сапоговъ и подметокъ. По замѣчанію автора, даже испытанному въ лишеніяхъ Башмачкину трудновато было привыкать къ такой дисциплинѣ жизни. И пусть не подумаетъ кто-нибудь, что Башмачкинъ утратилъ различіе между красивымъ и некрасивымъ, что у него нѣтъ вкусовыхъ ощущеній. Онъ хорошо знаетъ разницу между куньимъ и кошачьимъ воротникомъ, но осужденъ

довольствоваться кошачьимъ; хорошо знаетъ преимущества шелка предъ коленкоромъ, но долженъ ограничиться послѣднимъ.

Но вы взгляните на него въ новой шинели. Какъ дитя, радовался онъ своей обновкѣ, снималъ съ нея каждую пушинку, въ праздничномъ настроеніи, давно ему незнакомомъ, шелъ онъ въ новой шинели къ своему сослуживцу и вотъ въ одномъ большомъ и освѣщенномъ магазинѣ увидѣлъ картину, изображавшую привлекательную женщину. Акакій Акакіевичъ усмѣхнулся. „Почему онъ усмѣхнулся?“ спрашиваетъ авторъ. „Потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой однакоже все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье?“ Да, не суждено было Башмачкину счастье семьи. Бездомнымъ бобылемъ, безъ участія, среди тяжелаго покровительства и насмѣшекъ короталъ онъ свой вѣкъ. На бѣду уличные грабители стащили съ него шинель. Не нужно красокъ, чтобы изобразить отчаяніе Башмачкина. Попытка найти покровительство у значительнаго лица и некстати выраженное подозрѣніе на счетъ господъ секретарей повели къ тому, что онъ заподозрѣнъ былъ въ вольнодумствѣ (Башмачкинъ и вольнодумство!) и разнесенъ такъ, какъ еще никто не разносилъ его, чуть не упалъ въ обморокъ, съ трудомъ по морозу добрался домой въ одномъ вицмундирѣ, схватилъ горловую жабу, слегъ въ постель и скоро угасъ. Справедливость требуетъ прибавить, что значительное лицо, непредвидѣнно ускорившее смерть Акакія Акакіевича, было въ душѣ человѣкомъ добрымъ, и вся сцена распеканія, къ тому же неподвѣдомственнаго чиновника, произошла только потому, что хотѣлось пустить пыль въ глаза товарищу своей молодости.—Такъ, по словамъ автора, „исчезло и скрылось существо, никѣмъ незащищенное, никому недорогое, ни для кого неинтересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествоиспытателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ... существо... для котораго все-таки, хотя предъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь“. Ужаснѣе всего то, что ищешь и не находишь виноватыхъ и въ тяжелой судьбѣ бѣднаго Акакія Акакіевича, и въ грустной его смерти.

По нашему мнѣнію Гоголь ни раньше ни позже не создавалъ такого гуманнаго произведенія, какъ его „Шинель“ Изъ-подъ пера его вышли творенія болѣе широкаго замысла и цѣли, болѣе совершенныя по художественному исполненію, но по силѣ сердечнаго отношенія къ судьбѣ маленькаго человѣка произведеніе это осталось непревзойденнымъ.

Малининъ.

Основная идея и характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Ревизорѣ“.

Въ основаніи „Ревизора“ лежитъ идея отрицанія жизни, идея призрачности, получившая, подъ его художественнымъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Въ „Ревизорѣ“ мы видимъ пустоту, наполненную дѣятельностію мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведеніе его было художественно, т.-е. представляло собою особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ: это ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этому ожиданію и пріему ревизора не могло войти въ комедію. На что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т.-е. въ искусствѣ нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ — взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностью и богатствомъ, ломанье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣтьте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ,

слѣдовательно обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ: но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: „не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ". Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило нравственности: онъ почелъ бы себя выскочкою, самолюбивымъ гордецомъ, если бы, хотя позабывшись, повелъ себя честно въ продолженіе недѣли. Да оно и страшно быть „выскочкою": всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники-Дмухановскіе увлекаются могучимъ водоворотомъ этой магической фразой „всѣ такъ дѣлаютъ" и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому „всѣ такъ дѣлаютъ" было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: „жена, дѣти, казеннаго жалованья не станетъ на чай и сахаръ". Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онѣ всѣ тѣ же, какъ и во время комедіи. Такъ же не трудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что если онъ данъ вамъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы уже сами можете разсказать всю его жизнь и до и послѣ этого момента. Конецъ „Ревизора" сдѣланъ поэтомъ опять не произвольно, но вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности пьесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи

случайностей и призраковъ, и только черезъ это получать свою необходимость: почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстный подъ именемъ уголовнаго суда, то и должно было выйти комическое столкновеніе, какъ сшибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ со страхомъ наказанія за воровство и плутни, — страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ, трактирный денди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти, должны были наказать человѣка призраковъ. Городничій Гоголя не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но, по-своему, очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло — своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его подступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ, — образецъ подьяческой дипломатіи. Итакъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаетъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новые хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое лицо въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своею особою жизнію.

Многіе находятъ страшною натяжкою и фарсомъ ошибку городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій — человѣкъ, по-своему, очень умный, т.-е.

плутъ перваго разряда. Странное мнѣніе или, лучше сказать, странная слѣпота, не допускающая видѣть очевидность! Причина этого заключается въ томъ, что у каждаго человѣка есть два зрѣнія — физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человѣка есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется натяжкою и фарсомъ. Представьте себѣ воришку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ какія-то необыкновенныя крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ — черныя, неестественной величины — пришли, понюхали, и пошли прочь. Важность этого сна для послѣдующихъ событій была уже кѣмъ-то очень вѣрно замѣчена. Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣпь призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны — мистическая сторона жизни, и чѣмъ они несвязнѣе и безсмысленнѣе, тѣмъ для него имѣютъ большое и таинственнѣйшее значеніе. Если бы, послѣ этого сна, ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но, какъ нарочно, на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что „отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія". Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть: совѣсть усиливаетъ суевѣріе Обратите особое вниманіе на слова „инкогнито" и „съ секретнымъ предписаніемъ". Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридической сферѣ, грозящія уголовнымъ судомъ и ссылкою за взяточничество и казнокрадство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какія пули будетъ онъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками,

и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумен, находитъ причину присылки ревизора, достойную своего глубокомыслія и начитанности, говоря, что „Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны“. Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: „Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Если бъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь“. За симъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т.-е. взяткахъ, говоря, что „нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собою какихъ-нибудь грѣховъ“, что „это уже такъ самимъ Богомъ устроено“ и что „волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ“; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьею о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго инкогнито. „Вдругъ заглянетъ; а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинъ-Ляпкинъ. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. — А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!“... Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найти въ нихъ разные этакіе пассажи... назидательные даже... лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты „немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать — не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или просто переписки“. Какая глубина въ изображеніи! Вы думаете, что фраза „или просто переписки“ безсмыслица, или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. „Я радъ, что вы это дѣлаете“, отвѣчаетъ плутъ-городничій простаку-почтмейстеру: „это въ жизни хорошо“, и видя, что съ нимъ обиняками немного возьмешь, напрямки проситъ его — всякое извѣстіе доста-

влять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собаченкою, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: „У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое: такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери, и войдетъ...“

И въ самомъ дѣлѣ двери отворяются съ шумомъ, и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и, чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ — выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираніи новостей и сплетней. Обогатясь подобною находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаніемъ своей важности, и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема.

„Чрезвычайное происшествіе!“ кричитъ Бобчинскій. „Неожиданное извѣстіе!“ восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особенно самъ городничій весь сосредоточенъ на idée fixe. „Что такое?“ — Приходимъ въ гостиницу... восклицаетъ Добчинскій. Приходимъ въ гостиницу... перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается разсказъ самый обстоятельный, самый подробный, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, словомъ, по всѣмъ правиламъ топиковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ риторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ друга; каждому хочется насладиться своею важностію, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжать свое торжество и разсказать все сначала и подробнѣе Бобчинскій овладѣваетъ разсказомъ, говоря, что у Добчинскаго „и зубъ со свистомъ и слога такого нѣту“, и Добчинскому осталось только помогать жестами разсказу счастливаго Бобчинскаго, изрѣдка обѣгать его нѣ-

которыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ, дошли до „молодого человѣка недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ“. Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ „молодой человѣкъ недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ“ на воображеніе городничаго, уже безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго „инкогнито“! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: „Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга — Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копейку заплатилъ“. Слѣдуетъ остроумная смѣтка проницательнаго Бобчинскаго: „Съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда — въ Саратовскую губернію? Это, вѣрно, не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ“. Не естественъ ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что вы говорите? не можетъ быть! Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ и не ѣдетъ — кому же быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Понимаете ли вы, хотя въ возможности, эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? на какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ — вотъ источникъ комическаго и смѣшного! Видите ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, проистекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ? Городничій уже вѣритъ страшному извѣстію, и, какъ утопающій, хватается за соломинку; такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ бы отдалить на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бобчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ придало ему такую важность. Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреложной необходимости котораго нельзя бъ

было доказать изъ самой сущности идеи и действительности характеровъ. Но вотъ Бобчинскій, по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такою же основательностію и очевидностію, подаетъ голосъ о несомнѣнности факта:

Онъ, онъ!... ей Богу онъ!... Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани...

Послѣ такого довода нѣтъ больше сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядывалъ! Боже мой, да если бы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго, въ его испуганномъ воображеніи, непремѣнно должна быть наблюдательность...

Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какою поразительною очевидностью умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите — перечтите комедію, или, что еще лучше, посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите — такъ это уже вина вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпого безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще доказательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонерскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобные случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточьтесь на идеѣ, отъ которой зависитъ ваша участь: — вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, принявъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. По крайней мѣрѣ, это очень возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта — отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно высѣченной имъ унтеръ-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ — молодой человѣкъ; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собою, или хоть позволить „бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ", чтобы только

посмотрѣть въ щелочку, „такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего"; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ „не по чину беретъ": сцену съ частнымъ приставомъ, донесшимъ о квартальномъ Держиморде, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка, и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животные переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на купцовъ, не догадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу „на каждаго бестію-купца наложить по три пуда воска", когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, разспрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своею кокетливостью при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой поблеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящую въ молодой дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ ни чертою; что все это больше, нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походитъ на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походитъ сама на себя, ибо все это—художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности...

Передъ нами Осипъ — герой лакейской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ, между прочимъ, читаетъ онъ правоученіе самому себѣ для своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и, наконецъ, самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который пожилъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и галантерейнаго обращенія, но, по пословицѣ „сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ", предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь треволненіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произ-

веденіи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый ихъ характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ — грубіянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по-своему. Этотъ баринъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Онъ франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель: глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ до новой присылки денегъ. „Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія: не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно". Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературою, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названія журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, „Библіотека для Чтенія" и „Сумбека", „Юрій Милославскій" и „Фенелла". Онъ денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цырюленъ и прочихъ. Въ Пензѣ его обыгралъ на-чистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастіе, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ дилетантъ къ художнику, потому что, „что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣть, и все обобралъ — славно играетъ!" Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его нравоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ передъ трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьѣ и о числѣ пріѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести ему обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ! Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ такъ подсмотрѣлъ и такъ подслушалъ? Можетъ-быть потому, что онъ подсматривалъ и под-

слушивалъ, какъ и всѣ, т.-е. не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи-то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти всѣ — тоже поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водевили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что „тамъ чего-то пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ“; новое комическое столкновеніе! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобахъ трактирщика, о тюрьмѣ.. Онъ испугался тюрьмы, но утѣшился мыслью, что если поведутъ его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой настроенности его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!... Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену — она говоритъ сама за себя, а для кого она нѣма, тѣмъ не много помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о „проклятомъ инкогнито“, онъ всѣ глупости Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки, а съ другой — преловко и прехитро выкидываетъ свои тонкія штуки и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своею дочерью — въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ — мать сердится: „Гдѣ идетъ? у тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; ну да, идетъ“. Потомъ вопросъ: кто идетъ? дочь говоритъ, что это Добчинскій — мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: „Какой Добчинскій? тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!“ Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ: „А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій!“ Мать отвѣчаетъ: „Ну да, Добчинскій, теперь я вижу — изъ чего же ты споришь?“ Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правою передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою предъ собою? Какая сложность элементовъ выражена въ этой

сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что значитъ проникать въ таинственную глубину организаціи предмета, и во внѣшность выводить то, что кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тканяхъ и нервахъ внутренней организаціи! Поэтъ заставляетъ насквозь видѣть эти характеры и внутри находить причины всего внѣшняго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой являются тутъ во всей своей призрачности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа? — „Настоящій; я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ“. Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже „перетрухнулъ немножко“. „Да вамъ-то чего бояться— вѣдь вы не служите?“ спрашиваетъ она его. „Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ“, отвѣчаетъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: „Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говоритъ совершенно какъ старикъ. Извольте, говоритъ, я поѣду: и туда, и туда... (размахиваетъ руками) такъ это все славно“. Видите ли въ этихъ безсмысленныхъ словахъ немножко идіотское неумѣнье отдать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить его словомъ? Далѣе: „Я, говоритъ, и написать и почитать люблю, не мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говоритъ, немножко темно“. Видите ли изъ этого, что чѣмъ Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, трактирнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ большее придавалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго. Есть люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ: приведите къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки, чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книгой, потому уже только, что онъ ревизоръ— съ этой точки зрѣнія его трудно было сдвинуть, и потому все, что Хлестаковъ не вралъ послѣ къ явной своей невы-

годѣ, только еще болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь „столичная штучка", и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у нея самые темные глаза, потому что „она и гадаетъ всегда на трефовую даму", и возраженіе дочери, „что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она больше червонная дама" — эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываютъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма четырехъ, вышедшая изъ умноженія двухъ на два. Вотъ въ этомъ-то состоитъ типизмъ изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ имъ лицъ, выпуская всѣ случайныя, которыя не способствуютъ къ оттѣненію ихъ индивидуальности. Но онъ выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе годныхъ съ менѣе годными, онъ даже и не думаетъ, не заботится объ этомъ, но все это выходитъ у него само собою, потому что изображаемыя имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазіи и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу — для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ бы слегка и небрежно наброшенной, сценѣ вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между тѣмъ она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся какъ бы мимоходомъ и нечаянно вырвалась изъ-подъ пера поэта!

Сцена явленія Хлестакова въ домѣ городничаго, въ сопровожденіи свиты изъ городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго; представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны: любезничанье и вранье Хлестакова — каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого—торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда нежданное, никѣмъ не подо-

зрѣвавшееся, изображеніе всѣми видѣннаго, всѣмъ знакомаго и, несмотря на то, всѣхъ удивившаго и поразившаго своею новостью и небывалостью!... Здѣсь характеръ Хлестакова — этого второго лица комедіи — развертывается вполнѣ, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ сожалѣнію, это лицо понято меньше прочихъ лицъ и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, утрированъ, если можно такъ выразиться, его болтовня, напоминающая „не любо, не слушай—врать не мѣшай", изысканно неправдоподобною. Но это потому, что всякій хочетъ видѣть и, слѣдовательно, видитъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной перемѣны его судьбы: не забудьте, что онъ готовился итти въ тюрьму, а между тѣмъ нашелъ деньги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, наѣлся досыта, отчего и безъ вина можно прійти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и подпилъ. Какъ и отчего произошла эта внезапная перемѣна въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоятъ всѣ навытяжку—ему до этого нѣтъ дѣла; чтобы понять это, надо подумать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все перелвоилось, все перемѣсилось— и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека" съ „Сумбекою", и Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками,—онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катиться уже не посредствомъ силы, а собственною тяжестью. „Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ бишь я говорилъ"? Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль, и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что „при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возьмешь".

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? страхъ городничаго,— слѣдовательно, онъ созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ,— и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, и комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ. Герой комедіи — городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ „Ревизорѣ“ нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формой, и потому представляющее собою особенный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта, и остановимся только на оцѣпенѣніи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: „такъ совсѣмъ ошеломило! страхъ такой напалъ, еще такого важнаго человѣка никогда не видалъ: съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить“... Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по-старинному, что называлось „тянуть лямку“, а вотъ голосъ чиновницы новаго времени, которая всегда образованнѣе своего мужа: „А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ“. Безподобна и эта выходка философствующаго городничаго: „Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа“. Это голосъ стараго чиновника, врасплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостовѣрился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собою и является все тѣмъ же, все самимъ же собою, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простого понятія и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: „Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что-то такое внушающее...“ и не докончилъ, сколько потому, что эта фраза слышанная, а не своя, столько и потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... „Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ“. Видите ли: его приняли за важную особу—оттого, что „у него въ физіономіи есть что-то внушающее“; это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чиновниковъ причина: что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполнѣ убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ, и ласково, тоже какъ будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: „Погуляли здѣсь два денька, ну—и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! неровенъ часъ, какой-нибудь другой наѣдетъ“, и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, равно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что „батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались“, и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите, какъ на ладони, это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы отъ его бородки не пахло капустою; которое плохо знаетъ грамоту и живетъ на „авось“, т.-е. гдѣ выторговалъ, а гдѣ надулъ, и съ которымъ, по всему этому, городничій обходился безъ чиновъ: „схватитъ за бороду, говоритъ, ахъ ты, татаринъ“;

которое, наконецъ, любитъ коли давать, такъ давать — возьми и подносикъ, и головку сахара, и кулечикъ съ винами, и не триста, — что триста! — пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ — беретъ взаймы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьку... Ея приходъ *толкаетъ* Хлестакова, т.-е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она „барышня“: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ — такая мысль не можетъ прійти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. „Барышня“ глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у нея есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь этакіе новенькіе „стишки“. О, ему это ничего не стоитъ — онъ много знаетъ наизусть стиховъ: напр. „О ты, что въ горести напрасно“, и проч. И вотъ, онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она — онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой: но входитъ мать и *толкаетъ* его „просить руки“ Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что все сдѣлалось, какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ залился — и Хлестаковъ готовъ спросить себя: „На чемъ, бишь, я остановился?“

Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые не доступные тайники ея и выводитъ наружу все крывшееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апоѳеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившеюся возможностью: все темное, грязное, низкое, и грубое, что крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ должны были ужасаться. „Что, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не

видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ, фу ты, канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнилась!" — „Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери!" Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди; страхъ Сибири прошелъ — онъ уже не обѣщаетъ Богу пудовой свѣчи, и грозится еще жить и обирать купцовъ: велитъ кричать о своемъ счастіи всему городу, „валять въ колокола: коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!" его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ". Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... „Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!"

Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры. Это страсть — и страсть бѣшеная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнести всѣхъ не генераловъ своимъ чванствомъ и надменностью; отнять лошадей у человѣка нечиновнаго или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное право на нихъ; говорить „братецъ" и „ты" тому, кто говоритъ ему „ваше превосходительство" и „вы", и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ — и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе маленькому человѣку, если онъ, считая себя „не имѣющимъ чести быть знакомымъ съ генераломъ", не поклонится ему, или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ маленькій человѣкъ готовился быть великимъ человѣкомъ!..

Тогда изъ комедіи могла бы выйти трагедія для „маленькаго человѣка“...

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго: изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенною яростью и злобною ироніей; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ бо́льшую и бо́льшую ярость и разражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т.-е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы „засусленныя бороды, аршинники, самоварники, протобестіи и архибестіи“ не думали „отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахара“, ибо-де „онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина“...

Начинаютъ сбираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатною особой; поздравляютъ вслухъ съ необыкновеннымъ благополучіемъ“ и ругаются вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая, однако, нисколько не удивлена своимъ счастіемъ, какъ по праву принадлежащимъ ея достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатною дамой: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и пренаивно открываетъ всѣмъ глаза насчетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ „и не уполномоченный и не особа“. Сцена чтенія письма Хлестакова — въ высшей степени комическая. Но что́ же нашъ городничій? — Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственною ошибкой, такъ тяжко наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной необходи-

мости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ", котораго „ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!" — Вы думаете: ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимою знатностью? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: „Какъ же?... вѣдь это не можетъ быть... онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашею Машенькой?" — онъ не только не старается замять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: „А развѣ ты не видишь, что у него все это фу-фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что̀ въ немъ было такого, чтобы можно было принять за важнаго человѣка, или вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что̀: дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!" За симъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствами на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у ихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

Все, сказанное нами о „Ревизорѣ", отнюдь не есть разборъ этого превосходного произведенія искусства. Подробный разборъ хода всей пьесы, характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ взаимодѣйствія другъ на друга, завели бы насъ далеко. Скрѣпя сердце и обуздывая руку, мы не показали подробно развитія дѣйствія, а наскоро пробѣжали его, не останавливались на отдѣльныхъ лицахъ, но, такъ сказать, зацѣплялись за нихъ. Наша цѣль была —

намекнуть на то, чѣмъ должна быть комедія художественно-созданная. Для этого мы старались намекнуть на идею „Ревизора“, а вслѣдствіе ея, не только не естественность, но и на необходимость ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, — ошибки, составляющей завязку, интригу и развязку комедіи, а чрезъ все это, указать, по возможности, на цѣлость (Totalität) пьесы, какъ особаго, въ самомъ себѣ замкнутаго міра.

Не намъ судить, до какой степени выполнили мы все это; по крайней мѣрѣ, теперь читатели могутъ ясно видѣть наши требованія отъ искусства и нашъ критеріумъ для сужденія о комедіи.

Бѣлинскій.

Самобытность комедіи Гоголя „Ревизоръ“.

Своеобразна и самобытна была комедія Гоголя. Мы напрасно искали бы антецедента, къ которому примыкала бы эта комедія, какъ непосредственное продолженіе и развитіе. Русская комедія была вообще не богата произведеніями, которыя серіозно затрогивали бы вопросы общественной жизни. Комедіи Фонвизина были событіемъ для своего времени, когда сама литература находилась въ зачаточномъ состояніи: но тема состояла въ элементарномъ поученіи о вредѣ невѣжества или слѣпого подражанія иноземнымъ обычаямъ, — поученіи, которое и тогда въ „сатирической“ литературѣ было общимъ мѣстомъ и, въ концѣ-концовъ, не имѣло никакого особеннаго вліянія (еще многіе десятки лѣтъ повторялись потомъ тѣ же обличенія подражанія иноземцамъ и рекомендація просвѣщенія), между прочимъ, потому, что не было поддержано широкимъ общественнымъ идеаломъ, какъ будто внѣ этихъ частныхъ недостатковъ все остальное обстояло совершенно благополучно. Послѣ Фонвизина только „Ябеда“ Капниста была серіознымъ опытомъ коснуться настоящаго общественнаго вопроса, а затѣмъ опять идетъ рядъ безразличныхъ твореній съ поверхностными темами, и они, остановивъ на минуту вниманіе общества или, точнѣе, немногихъ любителей литературы, тонули всегда въ рѣкѣ забвенія... Причина по-

пятна. Серіозная комедія требовала, во-первыхъ, глубокой идеи самого писателя, во-вторыхъ, гораздо болѣе широкаго простора для общественной мысли, чѣмъ какой могъ найтись въ условіяхъ литературы, — и безъ этого комедія становилась только театральнымъ развлеченіемъ, весьма недолговѣчнымъ, потому что въ сущности очень мало затрогивала господствующіе нравы и мало отвѣчала на дѣйствительные интересы. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ первой русской комедіей было только „Горе отъ ума", и внѣшняя судьба пьесы, которая могла быть напечатана только черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти автора, а въ полномъ текстѣ могла явиться лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, даетъ наглядно указаніе о томъ, насколько комедія общественнаго характера могла получить право гражданства. Другими словами, комедія получала это право только тогда, когда ея непосредственный смыслъ терялся и старѣлъ: „Горе отъ ума" сохранило донынѣ свое значеніе благодаря только тому, что въ ея теперь уже архаическихъ подробностяхъ сберегало свою цѣну ея нравственно-идеалистическое настроеніе. Комедія Грибоѣдова была неожиданностью. Бывали отчасти неожиданностью произведенія Жуковскаго, Батюшкова, самого Пушкина, когда новый притокъ европейскихъ вліяній расширялъ горизонтъ самой русской поэзіи въ рукахъ первостепенныхъ дарованій; но Грибоѣдовъ былъ въ нѣсколько другихъ условіяхъ: его настроеніе не было дано какимъ-либо „властителемъ думъ" изъ чужой литературы, но являлось отраженіемъ того либерально-патріотическаго движенія, какое овладѣло молодыми поколѣніями около двадцатыхъ годовъ... Великая заслуга и основной интересъ произведенія Грибоѣдова заключался въ изображеніи этой борьбы свѣжаго просвѣтительнаго идеализма противъ отжившаго по существу, но еще властвующаго въ обществѣ застоя и обскурантизма, въ изображеніи одушевленныхъ порывовъ просвѣщенныхъ людей къ лучшему будущему, — что такъ вѣрно и краснорѣчиво объяснилъ Гончаровъ въ „Милліонѣ терзаній".

Комедія Гоголя, очевидно, не имѣетъ съ Грибоѣдовымъ ничего общаго. Тому настроенію либерализма двадцатыхъ годовъ, среди котораго возникло „Горе отъ ума", Гоголь и раньше и позже былъ совершенно чуждъ. Его комедіи выростали на той же почвѣ, изъ которой произошли его петер-

бургскія повѣсти: это было въ области художества наблюденія бытовой мелочности и пошлости, которая была, въ концѣ концовъ, невѣжествомъ и несправедливостью: комедія была только другою формою для того же самаго содержанія. Что касается до мысли объ этой формѣ, и здѣсь мы напрасно искали бы образца, который могъ бы служить для Гоголя завлекающимъ примѣромъ: вся прежняя русская комедія, кромѣ „Горе отъ ума", была слишкомъ незначительна, а комедія Грибоѣдова, — немного по-старинному въ стихахъ, — принадлежала къ совершенно иному стилю и по литературному характеру и по содержанію. Форма дана была Гоголю его собственнымъ прошедшимъ: онъ былъ замѣчательный комикъ еще на сценѣ Нѣжинскаго лицея, и тогда уже развилась въ немъ любовь къ театру; по пріѣздѣ въ Петербургъ въ числѣ его плановъ было намѣреніе поступить на сцену; въ то же первое время, когда онъ писалъ къ матери о присылкѣ ему описаній народныхъ обычаевъ, пѣсенъ и т. п., онъ просилъ прислать малорусскія комедіи его отца. До какой степени занимала его мысль о комедіи еще въ первое время жизни въ Петербургѣ, можно видѣть изъ словъ Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому отъ декабря 1832 г.: „у Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ сю нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства". Рѣчь шла, вѣроятно, о комедіи „Владимиръ 3-й степени", которая не была Гоголемъ закончена. Въ разсказахъ о Гоголѣ С. Т. Аксакова находимъ чрезвычайно любопытную замѣтку объ этомъ самомъ времени. Аксаковъ познакомился съ Гоголемъ въ упомянутый пріѣздъ Гоголя въ Москву. Однажды у нихъ зашелъ разговоръ о Загоскинѣ; Гоголь хвалилъ его за веселость но замѣтилъ, что онъ пишетъ не то, что нужно для театра.

„Я (С. Т. Аксаковъ) легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что —

...даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что — „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что,

живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собою будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его". Можетъ-быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее". Гоголю было тогда только двадцать три года, и этотъ молодой писатель, едва начинавшій свое поприще, удивлялъ уже опытнаго литератора старыхъ временъ и особенно любителя театра никогда неслыханными взглядами. Слова Гоголя, очевидно, передаютъ мысль, уже твердо установившуюся, и если свести мнѣнія обѣихъ сторонъ къ ихъ основному смыслу, то, съ одной стороны, окажется еще старая риторическая искусственность и ходули, съ другой — глубокій реализмъ и простота. Анненковъ именно отмѣчаетъ у Гоголя эту исконную черту — антипатію ко всему дѣланному и напыщенному, вслѣдствіе чего, напримѣръ, онъ съ юныхъ лѣтъ не терпѣлъ Кукольника. Если потомъ у него самого мы находимъ наклонность къ преувеличеннымъ картинамъ и высокопарности, она, во всякомъ случаѣ, имѣла другой источникъ, именно въ его искреннемъ лирическомъ возбужденіи, — и только подъ конецъ въ піэтистическомъ самообманѣ.

Мысль, высказанная Гоголемъ Аксакову, примѣнялась, очевидно, къ комедіи точно такъ же, какъ примѣнялась къ повѣсти. Его малорусскія повѣсти въ „Миргородѣ", его петербургскія повѣсти точно такъ же въ будничныхъ мелочахъ жизни находятъ предметъ художественнаго изображенія, способный служить и цѣлямъ эстетическимъ и человѣческому пониманію жизни. Таковы были и его комедіи. Кромѣ драматической формы, комедія имѣетъ свои спеціальныя задачи, должна искать комическаго, но тамъ и здѣсь можетъ сохраняться, и дѣйствительно сохранялось, одно міросозерцаніе, одно стремленіе искать за мелочными или комическими чертами жизни или глубокой внутренней драмы, или отраженій цѣлаго характера общества. Комическая струя сказалась уже въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Гоголя; она изобильно присутствуетъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки",

и все усиливается потомъ, переходя, наконецъ, въ многозначительную общественную сатиру. Съ такимъ широкимъ значеніемъ она должна была, повидимому, явиться въ первой недоконченной комедіи Гоголя „Владимиръ 3-й степени“; ея высшимъ пунктомъ былъ „Ревизоръ“. Всѣ безъ исключенія комедіи и комическія сцены Гоголя поражали необыкновенной жизненностью и простотой. Еще въ концѣ 1832 года, когда у Гоголя еще ни одной пьесы не было написано, Плетневъ ждалъ отъ него необыкновеннаго: Плетневъ могъ судить пока только по его повѣстямъ и по примѣрамъ его обычной тонкой наблюдательности и умѣнья подмѣтить и удивительно передать комическія черты. Эти черты оказались въ комедіяхъ Гоголя въ чрезвычайномъ изобиліи; оправдались и слова, брошенныя Гоголемъ Аксакову о томъ, сколько комическаго живетъ среди насъ, котораго мы не видимъ и которое поразитъ насъ, когда будетъ перенесено въ искусство.

Пыпинъ.

Художественная сторона комедіи „Ревизоръ“.

„Ревизоръ“ Гоголя есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ—пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе; до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безызвѣстна; городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ самоварниковъ и архибестій; Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды на счетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь его кокетничали съ уѣздными франтами съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ на счетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣли-

лась на двѣ половины: въ одной предъ ними явилось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился наконецъ въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились и въ головѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ. Но они лица второстепенныя, дополняющія только тѣ ужасы и бѣдствія, которые могутъ постигнуть преступнаго городничаго; они увеличивали его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. Итакъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Бобчинскій и Добчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ... Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену, потому — что на улицахъ грязь, потому—что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались подарить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится, потому—что квартальный не по чину беретъ, потому — что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется разсказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія, онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелочку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: „такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ, онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего“. Въ это же время, устарѣлая уѣздная кокетка торопится разспросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами: ей это очень интересно: она думала еще кокетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ: она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ „ревизоръ“, и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по-своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно выра-

ботанное лицо, но вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету: онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается: въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека“ съ „Сумбекою“; онъ несетъ дичь и даже самъ не можетъ понять, что говоритъ... Между тѣмъ, каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго городка: личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ, Хлестакова задобриваютъ: онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ“. Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастьи всему городу: „валять въ колокола, коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми“. Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами: онѣ были подавлены скромною жизнью уѣзднаго городка; но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? „Потому что случится поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе: а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой городничій. Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!“

Городничій въ паѳосѣ. Все, что роилось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастья. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть души его и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости, посмотрите на него еще

разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это пустяки. Посмотрите въ третій разъ эту натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ — городничій, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ, котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ!“ Во время этого бѣснованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена — кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ. Послѣ этой комедіи вы ихъ знаете. *Дудышкинъ.*

Галлерея портретовъ въ „Мертвыхъ душахъ“.

Раскроемъ и прослѣдимъ поглубже тѣ пружины, которыя поэма приводитъ въ движеніе. Кто герой ея? Плутоватый человѣкъ, какъ выразился самъ авторъ. Въ первомъ порывѣ негодованія противъ поступковъ Чичикова, можно бы прямѣе назвать его мошенникомъ. Но авторъ раскрываетъ намъ глубоко всю тайную психологическую біографію Чичикова: беретъ его отъ самыхъ пеленокъ, проводитъ черезъ семью, школу и всевозможные закоулки жизни, и намъ открывается ясно все его развитіе, и мы увлечены необыкновеннымъ даромъ постиженія, какой раскрытъ авторомъ при чудной анатоміи этого характера. Внутренняя наклонность, уроки отца и обстоятельства воспитали въ Чичиковѣ страсть къ пріобрѣтенію. Прослѣдивъ героя вмѣстѣ съ авторомъ, мы смягчаемъ имя мошенника и согласны его даже переименовать въ *пріобрѣтателя*. Что же? герой, видно, пришелся по вѣку. Кто жъ не знаетъ, что страсть къ пріобрѣтенію есть господствующая страсть нашего времени, и кто не пріобрѣтаетъ? Конечно, средства къ пріобрѣтенію различны, но когда всѣ пріобрѣтаютъ, нельзя же не испортиться средствамъ — а въ со-

временномъ мірѣ должно же быть болѣе дурныхъ средствъ къ пріобрѣтенію, чѣмъ хорошихъ. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на Чичикова, то мы не только поддадимся на приглашеніе автора назвать его пріобрѣтателемъ, но даже принуждены будемъ воскликнуть вслѣдъ за авторомъ: да ужъ полно, нѣтъ ли въ каждомъ изъ насъ какой-нибудь части Чичикова? Страсть къ пріобрѣтенію ужасно какъ заразительна на всѣхъ ступеняхъ многосложной лѣстницы состояній человѣка въ современномъ обществѣ, едва ли не найдется по нѣскольку Чичиковыхъ. Словомъ, всматриваясь все глубже и пристальнѣе, мы, наконецъ, заключимъ, что Чичиковъ въ воздухѣ, что онъ разлитъ по всему современному человѣчеству, что на Чичиковыхъ урожай, что они какъ грибы невидимо рождаются — что Чичиковъ есть настоящій *герой нашего времени*, и слѣдовательно по всѣмъ правамъ можетъ быть героемъ современной поэмы. Но изъ всѣхъ пріобрѣтателей Чичиковъ отличился необыкновеннымъ поэтическимъ даромъ въ вымыслѣ средства къ пріобрѣтенію. Какая чудная, подлинно *вдохновенная*, какъ называетъ ее авторъ, мысль осѣнила его голову! Разъ поговоривши съ какимъ-то секретаремъ и услыхавъ отъ него, что мертвыя души по ревизской сказкѣ числятся и годятся въ дѣло, Чичиковъ замыслилъ скупить ихъ тысячу, переселить въ Херсонскую землю, объявить себя помѣщикомъ этого фантастическаго селенія и потомъ обратить его въ наличный капиталъ посредствомъ залога. Не правда ли, что въ этомъ замыслѣ есть какая-то геніальная бойкость, какая-то удаль плутовства, *фантазія* и *иронія*, соединенныя вмѣстѣ? Чичиковъ въ самомъ дѣлѣ герой между мошенниками, поэтъ своего дѣла: посмотрите, затѣвая свой подвигъ, какою мыслью онъ увлекается: „А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ".

Для того, чтобы привести въ исполненіе свой поэтическій замыселъ, Чичиковъ долженъ былъ найти особенный городъ N. и людей къ тому способныхъ. Герой и его предпріятіе привели за собою достойное ихъ окруженіе. Нѣкоторые читатели порицаютъ автора за выводимыя имъ лица; но это напрасно: авторъ весьма благоразумно предупредилъ подобные упреки, сказавъ, что „если лица, донынѣ являвшіяся, не пришлись по вкусу читателя, то вина не его, а Чичикова, который

здѣсь вполнѣ хозяинъ". Въ самомъ дѣлѣ, если герой пришелся по вѣку, если его замыселъ отличается какою-то поэзіею изобрѣтенія, то, конечно, онъ не могъ его исполнить въ иномъ городѣ и съ другими лицами, кромѣ тѣхъ, какія изображены чудною мастерскою кистью создателя поэмы. Пройдемъ же внимательно галлерею этихъ странныхъ лицъ, которыя живутъ своею особенною, полною жизнью въ томъ мірѣ, гдѣ совершаетъ подвиги Чичиковъ. Мы не нарушимъ порядка, въ которомъ они изображены. Начнемъ съ Манилова, предполагая, что самъ авторъ не даромъ начинаетъ съ него. Едва ли не тысячи лицъ сведены въ этомъ одномъ лицѣ. Маниловъ представляетъ многое множество людей, живущихъ внутри Россіи, о которыхъ можно сказать вмѣстѣ съ авторомъ: люди такъ себѣ, ни то ни сё, ни въ городѣ Богданъ ни въ селѣ Селифанъ. Коль хотите, они вообще добрые люди, но пустые, все и всѣхъ они хвалятъ, но и въ ихъ похвалахъ нѣтъ никакого толку. Живутъ въ деревнѣ, хозяйствомъ не занимаются, а такъ глядятъ на все спокойнымъ и добрымъ взглядомъ и курятъ трубку (трубка ихъ атрибутъ неизбѣжный), предаются празднымъ мечтаніямъ въ родѣ того, какъ бы черезъ прудъ выстроить каменный мостъ и на немъ завести лавки. Доброта души ихъ отражается въ семейной ихъ нѣжности: они любятъ цѣловаться, но и только. Пустота ихъ сладкой и приторной жизни отзывается баловствомъ въ дѣтяхъ и дурнымъ воспитаніемъ. Мечтательное ихъ бездѣйствіе отразилось на всемъ ихъ хозяйствѣ: взгляните на ихъ деревни — всѣ онѣ будутъ походить на Маниловку, какъ она сама походитъ на Манилова. Сѣренькія, бревенчатыя избы; нигдѣ никакой зелени; вездѣ только одно бревно; прудъ по серединѣ; двѣ бабы съ бреднемъ, въ которомъ запутались два рака и плотва, да общипанный пѣтухъ съ продолбленной до мозгу головою — вотъ необходимые внѣшніе признаки ихъ сельскаго быта, къ которому очень пришелся даже и день свѣтло-сѣраго цвѣта, потому что при солнечномъ освѣщеніи такая картина была бы не столько занимательна. Въ домѣ ихъ всегда какой-нибудь недостатокъ, и при мебели, обитой щегольскою матеріею, непремѣнно найдутся два кресла, обтянутыя парусиною. При всякомъ дѣловомъ вопросѣ они всегда обращаются къ своему приказчику, даже если бы случалось имъ продавать что-нибудь изъ сель-

скихъ продуктовъ. А предложите имъ какую-нибудь сдѣлку позамысловатѣе: они не поймутъ васъ, какъ Маниловъ не понялъ Чичикова, потому что никакая дѣловая мысль и не можетъ свариться въ ихъ головѣ; по добротѣ же и мягкости характера, скоро съ вами согласятся. Поѣзжайте къ нимъ въ деревню, — они примутъ васъ какъ нельзя лучше; но берегитесь за людей вашихъ. Гостепріимство и мягкость господъ отражается и въ образѣ жизни ихъ дворовыхъ людей, которые ужъ непремѣнно напоятъ вашего кучера, какъ это и случилось съ Селифаномъ, кучеромъ Чичикова.

Коробочка — вотъ это совсѣмъ другое дѣло! Это типъ дѣятельной помѣщицы-хозяйки; она вся живетъ въ своемъ хозяйствѣ; она ничего и не знаетъ другого. Съ виду вы назовете ее крохоборкой, смотря на то, какъ она собираетъ полтинники и четвертачки по разнымъ мѣшечкамъ; но, вглядѣвшись въ нее пристальнѣе, вы отдадите справедливость ея дѣятельности и невольно скажете, что она въ своемъ дѣлѣ министръ хоть куда. Посмотрите, какой вездѣ у нея порядокъ! на крестьянскихъ избахъ видно довольство обитателей: ворота нигдѣ не покосились; старый тесъ на крышахъ замѣненъ вездѣ новымъ. Взгляните на ея богатый курятникъ! Пѣтухъ у нея не такъ какъ на деревнѣ у Манилова — пѣтухъ щеголь. Домашнее хозяйство ея все идетъ полной рукою: кажется, одна только Ѳетинья въ домѣ, а посмотрите, что за печенья, и какой огромный пуховикъ принялъ въ свои нѣдра усталаго Чичикова! А что за чудесная память у Настасьи Петровны! Какъ она, безъ всякой записи, наизусть пересказала Чичикову имена всѣхъ вымершихъ мужиковъ своихъ. Вы замѣтили, что мужики Коробочки отличаются отъ другихъ помѣщичьихъ мужиковъ все какими-то необыкновенными прозвищами: знаете ли почему это? Коробочка себѣ на умѣ: ужъ у ней что ея, то крѣпко ея; и мужики тоже помѣчены особыми именами, какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжала. Вотъ почему такъ трудно было Чичикову уладить съ нею дѣло: она хоть и любитъ продать, и продаетъ всякій продуктъ хозяйственный, но зато и на мертвыя души смотритъ такъ же, какъ на свиное сало, на пеньку или на медъ, полагая, что и онѣ въ хозяйствѣ могутъ понадобиться. До поту лица умучила она Чичикова своими затрудненіями, ссылаясь все на то, что товаръ

это новый, странный, небывалый. Ее можно было только напугать чортомъ, потому что Коробочка должна быть суевѣрна. Но бѣда, если случится ей продешевить какой-нибудь товаръ свой: у нея какъ будто совѣсть не спокойна — и потому немудрено, что она, продавъ мертвыя души и потомъ раздумавшись о нихъ, прискакала въ городъ въ своемъ дорожномъ арбузѣ, напичканномъ ситцевыми подушками, хлѣбами, калачами, кокурками, кренделями и прочимъ, прискакала за тѣмъ, чтобы узнать навѣрно, по чемъ ходятъ мертвыя души! и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ-быть, втридешева.

На большой дорогѣ, въ какомъ-то деревянномъ потемнѣвшемъ трактирѣ встрѣтилъ Чичиковъ Ноздрева, съ которымъ познакомился еще въ городѣ: гдѣ же и встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, если не въ такомъ трактирѣ? Ноздревыхъ встрѣчается не мало, замѣчаетъ авторъ: правда, на всякой русской ярмаркѣ, самой ничтожной, вы уже непремѣнно встрѣтите хотя по одному Ноздреву, а на другой поважнѣе — конечно по нѣскольку такихъ Ноздревыхъ. Авторъ говоритъ, что этотъ типъ людей у насъ на Руси извѣстенъ подъ именемъ *разбитного малаго*, къ нему идутъ также эпитеты безалаберный, взбалмошный, ералашный, хвастунъ, забіяка, задирала, враль, человѣкъ-дрянь, ракалія и проч... Съ третьяго раза они говорятъ знакомому *ты*, на ярмаркахъ покупаютъ все, что въ голову ни взбредетъ, какъ напримѣръ: хомуты, курительныя свѣчи, платья для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолеты, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, словомъ — въ ихъ покупкахъ такой же ералашъ, какъ и въ ихъ головѣ...

Въ деревнѣ у себя они любятъ хвастать и лгать безъ милосердія и называть своимъ все, что имъ и не принадлежитъ. Не довѣряйте словамъ ихъ, скажите имъ въ глаза, что они вздоръ говорятъ: они не обижаются. Страсть большая у нихъ все у себя въ деревнѣ показывать, хотя и глядѣть не на что, и всѣмъ хвалиться. Ноздревы большіе охотники мѣняться. У нихъ ничто не посидитъ на мѣстѣ, и все должно также вертѣться вокругъ нихъ, какъ у нихъ въ головѣ. Дружескія нѣжности и ругательства въ одно и то же время льются съ ихъ языка, мѣшаясь въ потокѣ

словъ непристойныхъ. Избави Боже отъ ихъ обѣда и отъ всякой короткости съ ними. Въ игрѣ они нагло плутуютъ и готовы драться, если имъ это замѣтишь. Особенная страсть у нихъ къ собакамъ, и псарный дворъ въ большомъ порядкѣ. Дѣла съ нимъ никакого сладить нельзя: вотъ почему сначала кажется даже и страннымъ, какъ Чичиковъ, такой умный и дѣловой малый, узнавшіи съ перваго разу человѣка, кто онъ и какъ съ нимъ надо говорить, рѣшился войти въ сношенія съ Ноздревымъ. Такой промахъ, въ которомъ Чичиковъ послѣ и самъ раскаялся, можетъ, впрочемъ, объясниться изъ двухъ русскихъ пословицъ, что на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты и что русскій человѣкъ крѣпокъ заднимъ умомъ. Зато Чичиковъ и поплатился послѣ: безъ Ноздрева кто бы такъ всполошилъ городъ и произвелъ всю суматоху на балѣ, которая причинила такой важный переворотъ въ дѣлахъ Чичикова.

Но Ноздревъ долженъ уступить мѣсто огромному типу Собакевича. Здѣсь не можемъ не привести словъ самого автора, которыя лучше всякой кисти живописуютъ намъ это лицо, если такъ можно назвать чудовищно-животную натуру Собакевича. „Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза, и не оскобливши пустила на свѣтъ, сказавъ: живетъ! Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе, и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали „Михайломъ Семеновичемъ“. Случается иногда въ природѣ, что наружность человѣка обманываетъ, и подъ страннымъ чудовищнымъ образомъ вы встрѣчаете добрую душу и мягкое сердце. Но въ Собакевичѣ внѣшнее совершенно точь въ точь отвѣчаетъ внутреннему. Наружная образина его отпечаталась на всѣхъ

его словахъ, дѣйствіяхъ и на всемъ, что его окружаетъ. Несуразный домъ его: полновѣсныя и толстыя бревна, употребленныя на конюшню, сарай и кухню, плотныя избы мужиковъ, срубленныя на диво; колодецъ, обдѣланный въ крѣпкій дубъ, годный на корабельное строеніе; въ комнатахъ портреты съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами: героиня греческая Бобелина съ ногою въ туловище; пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ; дроздъ темнаго цвѣта; словомъ, все окружающее Собакевича похоже на него и можетъ, вмѣстѣ со столомъ, кресломъ, стульями, запѣть хоромъ: и мы всѣ Собакевичи! Взгляните на обѣдъ: всякое блюдо повторитъ вамъ то же самое. Эта колоссальная няня, состоящая изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгами и ножками; ватрушки больше тарелки; индюкъ ростомъ съ теленка, набитый ни вѣсть чѣмъ — какъ всѣ эти кушанья похожи на самого хозяина! А рѣдька вареная въ меду — не знаемъ, существуетъ ли гдѣ такое варенье, но оно могло быть выдумано только Собакевичемъ. Вслушайтесь въ слова его за обѣдомъ: „У меня когда свинина, всю свинью давай на столъ; баранина, всего барана тащи, гусь — всего гуся! лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ *душа* требуетъ". — Не правда ли что выразительно здѣсь слово: душа? Собакевичъ едва ли можетъ имѣть о душѣ иное понятіе. Взгляните на него, какъ онъ опрокидываетъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣдаетъ, обгрызываетъ, обсасываетъ все до послѣдней косточки... Или какъ послѣ своего сытнаго обѣда издаетъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою! Здѣсь медвѣжья съ виду натура Собакевича переходитъ въ свиную: это — какой-то русскій калибанъ, прогонявшій весь свининой; это вся жрущая Русь, соединившаяся въ одномъ звѣрѣ-человѣкѣ. Поговорите съ Собакевичемъ: всѣ высчитанныя кушанья отрыгнутся въ каждомъ словѣ, которое выходитъ изъ его устъ. Во всѣхъ его рѣчахъ отзывается вся мерзость его физической и нравственной природы. Онъ рубитъ все и всѣхъ, такъ же какъ его самого обрубила немилосердная природа: весь городъ у него дураки, разбойники, мошенники, и даже самые порядочные люди въ его словарѣ значатъ одно и то же съ свиньями. Вы, конечно, не забыли Фонвизинскаго Скотинина: онъ если не

родной, то, по крайней мѣрѣ, крестный отецъ Собакевичу: но нельзя не прибавить, что крестникъ перещеголялъ своего батюшку.

„Душа у Собакевича, казалось, закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности", говоритъ авторъ. Такъ тѣло осилило въ немъ все, заволокло всего человѣка и ужъ стало неспособно къ выраженію душевныхъ движеній.

Обжорливая его натура обозначилась также и въ жадности къ деньгамъ. Умъ дѣйствуетъ въ немъ, но настолько, насколько нужно сплутовать и зашибить деньгу. Собакевичъ точь въ точь калибанъ, въ которомъ отъ ума осталась одна злая хитрость. Но въ изобрѣтательности своей онъ смѣшнѣе калибана. Какъ мастерски ввернулъ онъ Елизавету Воробья въ списокъ мужского пола! какъ прежде съѣлъ цѣлаго осетра и разыгралъ голодную невинность! Съ Собакевичемъ трудно было сладить дѣло, потому что онъ человѣкъ-кулакъ; его тугая натура любитъ торговаться, но ужъ зато, сладивъ дѣло, можно было оставаться спокойнымъ, ибо Собакевичъ человѣкъ солидный и твердый и за себя постоитъ.

Галлерея лицъ, съ которыми Чичиковъ обдѣлываетъ дѣло, заключается скупцомъ Плюшкинымъ. Авторъ замѣчаетъ, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться.

Здѣсь такъ же, какъ и у другихъ помѣщиковъ, деревня Плюшкина и домъ его рисуютъ намъ внѣшнимъ образомъ характеръ и душу самого хозяина. Бревно на избахъ темно и старо; крыши сквозятъ какъ рѣшето; окна въ избенкахъ безъ стеколъ, заткнуты тряпкой или зипуномъ; церковь съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Дряхлымъ инвалидомъ глядитъ домъ; окна въ немъ заставлены ставнями или забиты досками; на одномъ изъ нихъ темнѣетъ треугольникъ изъ синей сахарной бумаги. Бегающія кругомъ строенія, мертвая беззаботная тишина, ворота, всегда запертыя наглухо, и замокъ-исполинъ, висящій на желѣзной петлѣ, — все это готовитъ насъ къ встрѣчѣ съ самимъ хозяиномъ и служитъ печальнымъ, живымъ атрибутомъ затворившейся души его. Вы отдыхаете отъ этихъ грустныхъ, тяжкихъ впечатлѣній на богатой картинѣ сада, хотя зарос-

шаго и заглохшаго, но живописнаго въ своемъ запустѣніи: здѣсь угощаетъ васъ на минуту чудная симпатія поэта къ природѣ, которая вся живетъ подъ его теплымъ на нее взглядомъ, а между тѣмъ въ глубинѣ этой дикой и жаркой картины вы какъ будто всматриваетесь въ повѣсть жизни самого хозяина, въ которомъ такъ же заглохла душа, какъ природа въ глуши этого сада. Взойдите въ домъ Плюшкина, все здѣсь разскажетъ вамъ объ немъ прежде, нежели вы его увидите. Нагроможденная мебель, сломанный стулъ, на столѣ часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ приладилъ свою паутину; бюро, выложенное перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ; на бюро куча исписанныхъ мелко бумажекъ, лимонъ весь высохшій, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ... Далѣе картины на стѣнахъ, почернѣвшія отъ времени, люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ, куча разнаго сора въ углу, откуда высовывался отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога, и одна только примѣта живого существа во всемъ домѣ — поношенный колпакъ, лежащій на столѣ... Какъ здѣсь во всякомъ предметѣ видится Плюшкинъ, и какъ чудно по этой нескладной кучѣ вы уже узнали человѣка! Но вотъ и онъ самъ, похожій издали на свою старую ключницу, съ небритымъ подбородкомъ, который выступаетъ очень далеко впередъ и походитъ на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей, — съ сѣренькими глазками, которые какъ мыши бѣгаютъ изъ-подъ высоко выросшихъ бровей... Изобразивъ лицо, поэтъ входитъ внутрь его, обнажаетъ передъ вами всѣ темныя складки этой очерствѣлой души, разсказываетъ психологическую метаморфозу этого человѣка: какъ скупость свивши однажды гнѣздо въ душѣ его, мало-по-малу простирала въ ней свои владѣнія и, покоривъ себѣ все, опустошивъ всѣ его чувства, превратила человѣка въ животное,

которое по какому-то инстинкту тащитъ въ свою нору все, что бы ему ни попалось на дорогѣ, — старую подошву, бабью тряпку, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, офицерскую шпору, ведро, оставленное бабою.

Всякое чувство почти непримѣтно скользитъ по этому черствому, окаменѣлому лицу. Все умираетъ, гніетъ и рушится около Плюшкина... Не мудрено, что Чичиковъ могъ найти у него такое большое количество мертвыхъ и бѣглыхъ душъ, которыя вдругъ такъ значительно умножили его фантастическое населеніе.

Вотъ тѣ лица, съ которыми Чичиковъ приводитъ въ дѣйствіе свой замыселъ. Всѣ они, кромѣ особыхъ свойствъ каждому собственно принадлежащихъ, имѣютъ еще одну черту общую всѣмъ: гостепріимство, это русское радушіе къ гостю, которое живетъ въ нихъ и держится какъ будто инстинктъ народный. Замѣчательно, что даже въ Плюшкинѣ сохранилось это природное чувство, несмотря на то, что оно совершенно противно его скупости: и онъ счелъ за нужное попотчевать Чичикова чайкомъ, и велѣлъ было поставить самоваръ, да, къ счастью его, самъ гость, смекнувшій дѣло, отказался отъ угощенія.

При Чичиковѣ находятся еще два лица, два вѣрные спутника: засаленный лакей Петрушка въ сюртукѣ, котораго никогда не скидаетъ онъ, и кучеръ Селифанъ. Замѣчательно, что первый, находясь всегда около своего барина, подражая ему въ костюмѣ и умѣя даже читать, провонялъ, а Селифанъ, будучи всегда съ лошадьми и въ конюшнѣ, сохранилъ свѣжую, непочатую русскую природу. Выходитъ на повѣрку, что у Чичиковыхъ всегда такъ бываетъ: Петрушка лакей совершенно по герою: это его живой, ходячій атрибутъ; глубоко замѣчаніе автора о томъ, какъ онъ читаетъ все, что бы ему ни попалось, и какъ въ чтеніи нравится ему болѣе процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово. Кучеръ Селифанъ совсѣмъ другое дѣло: это новое, полное типическое созданіе, вынутое изъ простой русской жизни. Мы не знали о немъ до тѣхъ поръ, пока дворовые Манилова не напоили его пьянымъ, и пока вино не открыло намъ всю его славную и добрую натуру. Напивается онъ пьянъ болѣе для того, чтобы поговорить съ хорошимъ человѣкомъ. Вино расшевелило Селифана: онъ пу-

стился въ разговоры съ лошадьми, которыхъ въ своемъ простодушіи считаетъ почти своими ближними. Его доброе расположеніе къ Гнѣдому и къ Засѣдателю и особенная ненависть къ подлецу Чубарому, о которомъ онъ надоѣдаетъ даже и барину своему, чтобы его продалъ, взято изъ натуры всякаго кучера, имѣющаго къ своему дѣлу особое призваніе. Похвалился нашъ пьяный Селифанъ, что не перекинетъ, а когда случилась съ нимъ бѣда, какъ наивно вскричалъ онъ: вишь ты и перекинулась! — Зато ужъ съ какимъ радушіемъ и покорностью отвѣчалъ онъ барину, на его угрозы: „почему жъ не посѣчь, коли за дѣло, на то воля господская... почему жъ не посѣчь?...“

Изъ всѣхъ лицъ, какія до сихъ поръ являются въ поэмѣ, самое большое участіе наше возбуждено къ неоцѣненному кучеру Селифану. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ предыдущихъ лицахъ мы живо и глубоко видимъ, какъ пустая и праздная жизнь можетъ низвести человѣческую натуру до скотской. Одинъ лишь кучеръ Селифанъ вѣкъ свой прожилъ съ лошадьми и сохранилъ всѣхъ вѣрнѣе добрую человѣческую натуру.

Но есть еще лицо, живущее въ поэмѣ своею полною, цѣльною жизнью и созданное комическою фантазіею поэта, которая въ этомъ созданіи разыгралась вволю и почти отрѣшилась отъ существенной жизни: это лицо есть городъ N. Въ немъ вы не найдете ни одного изъ нашихъ губернскихъ городовъ, но онъ сложенъ изъ многихъ данныхъ, которыя, будучи подмѣчены наблюдательностью автора въ разныхъ концахъ Россіи и прошедъ черезъ его комическій юморъ, слились въ одно новое, странное цѣлое. Постараемся изобразить этотъ городъ, какъ одно лицо, соединивъ вмѣстѣ всѣ черты его, крупно разсѣянныя авторомъ. Офиціальная часть города N составлена изъ губернатора, препѣжнаго человѣка, вышивающаго по тюлю, прокурора — человѣка серіознаго и молчаливаго, почтмейстера — остряка и философа, председателя палаты — разсудительнаго, любезнаго и добродушнаго человѣка, полицеймейстера — отца и благодѣтеля, и другихъ чиновниковъ, которые всѣ раздѣляются на толстыхъ и тоненькихъ. Неофиціальная его часть состоитъ, во-первыхъ, изъ просвѣщенныхъ людей, читающихъ „Московскія Вѣдомости“, Карамзина и проч., далѣе тюрюковъ, байбаковъ и

дамъ, которыя своихъ мужьевъ называютъ ласковыми именами кубышки, толстунчика, пузанчика, черпушки, кики и жужу. Изъ сихъ послѣднихъ особенно отличились двѣ: дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. У города этого есть и садъ, гдѣ деревья не выше тростника, но въ газетахъ однако объ немъ сказано было по случаю иллюминаціи, что онъ состоитъ изъ тѣнистыхъ, широковѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день... Городъ разъѣзжаетъ въ своихъ особенныхъ экипажахъ, изъ которыхъ замѣчательны дребезжалки и колесосвистки. Нравомъ онъ предобрый, гостепріимный и самый простодушный: бесѣды у него носятъ печать какой-то особенной короткости: все семейственно, все за-панибрата и такъ, между собою. Въ карты ли городъ играетъ, у него на всякую масть и на всякую карту есть свои особенныя поговорки и выраженія. Между собою ли разговариваетъ, у него ко всякому имени свое присловьице, которымъ никто и не обижается. Если хотите имѣть понятіе объ особенномъ языкѣ этого города, прислушайтесь къ знаменитому разсказу почтмейстера, перваго оратора городского, о капитанѣ Копейкинѣ. Всѣ офиціальныя дѣла происходятъ также въ быту семейномъ: взятки, какой-то домашній изстари принятый обычай, которому никто и не изумляется. Иные обвиняли автора въ невѣрности за то, что Коробочка изъ деревни послала довѣренность на имя отца-протопопа; что Плюшкинъ далъ такую же довѣренность изъ деревни же на имя того самаго предсѣдателя палаты, который и совершаетъ купчую; что купчія крѣпости на всѣ мертвыя души окончены чудеснымъ образомъ въ одинъ и тотъ же день. Говорятъ обвинители, что это неестественно, потому что противозаконно. Мы совершенно согласны въ томъ съ обвинителями автора, что оно противозаконно, но какъ же не видятъ они, что все это въ нравахъ того фантастическаго города, который созданъ авторомъ, гдѣ все на домашнюю, особенную ногу, и семейный бытъ совершенно осилитъ бытъ офиціальный? При всемъ этомъ, городъ такъ живъ и естественъ, что мы понимаемъ, какъ только въ немъ, а не въ какомъ иномъ городѣ, Чичиковъ могъ привести въ исполненіе часть своего необыкновеннаго отважнаго замысла. Вотъ матеріалы, которые поэтъ взялъ въ жизни и перенесъ въ свою поэму! *Шевыревъ.*

Національное и художественное значеніе „Мертвыхъ душъ".

„Мертвые души" — твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстной, нервистой, кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта, — и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое... Въ „Мертвыхъ душахъ" авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все доселѣ имъ написанное кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ „Мертвыхъ душахъ" вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ, но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичной душой и духовно-личной самостью, — ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить чрезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собой всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, „который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія: который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы"; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вы-

звать наружу все, что̀ ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкой силой неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи"; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившей его блондинкой, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленіе, не похожее на все то, что̀ случалась ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги, — и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ"... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много — всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ; онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобнымъ слѣдующему: „Эхъ, русскій народецъ не любитъ умирать своею смертью!..."

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ „Мертвыхъ душахъ" онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы читатель можетъ говорить:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ паѳосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и „подлеца Чубараго" включительно, — въ Петрушкѣ, носившемъ съ собой свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, впросонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Какъ всякое глубокое созданіе, „Мертвыя души" не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. „Мертвыя души" требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубоко и сильно развитому духу.

„Мертвыя души" прочтутся всѣми, но понравятся, разумѣется, не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что „Мертвыя души" не соотвѣтствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могутъ насладиться только тѣ, кому доступна мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, а не „сюжетъ": для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста и частности. Сверхъ того, какъ всякое глубокое созданіе, „Мертвыя души" не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда не виданное произведеніе. „Мертвыя души" требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому и сильно развитому духу. Толпа не понимаетъ и не любитъ его. У насъ всякій писака такъ и таращится рисовать бѣшеныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и съ своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для себя униженіемъ снизойти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышь кошку. Комическое и юморъ большинство у насъ понимаетъ какъ шутовское, какъ карикатуру, а мы увѣрены, что многіе не шутя, съ лукавою и довольною улыбкою отъ своей проницательности, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ шутку назвалъ свой романъ поэмою... Именно такъ: вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человѣкъ, Боже мой! Самъ

безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!... Именно такъ, вы угадали, умные люди.

Что касается до насъ, то, не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живого писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку Гоголь назвалъ свой романъ „поэмою", и что не комическую поэму разумѣлъ онъ подъ ней. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ немъ ничего шуточнаго и смѣшного, ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серіозно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны. *Бѣлинскій.*

Общественное значеніе „Мертвыхъ душъ".

„Шинель" окончена въ 1840 г.; въ декабрѣ 1841 г. представленъ въ цензуру первый томъ „Мертвыхъ душъ", начатый, какъ нужно думать, еще въ 1834—1835 г. Это была горячая пора литературной дѣятельности автора. Онъ чувствовалъ, что его творческое дарованіе созрѣло. „Львиную силу чувствую въ своей душѣ", пишетъ онъ въ іюнѣ 1836 г. Жуковскому, „и замѣтно слышу переходъ изъ дѣтства... въ юношескій возрастъ". По замыслу автора, въ „Мертвыхъ душахъ" должна явиться вся Русь. Это будетъ первая порядочная вещь, которая вынесетъ его имя. Это — „святой его трудъ", „подвигъ цѣлой жизни, посильный даръ родинѣ", купленный цѣною великихъ лишеній. Углубленіе въ предметъ, расширенія наблюденія на новыя лица и явленія жизни вызывали у Гоголя увѣренность, что въ своемъ окончательномъ видѣ это будетъ произведеніе колоссальное.

Общая задача произведенія — вызвать благодѣтельный нравственный переворотъ въ русскомъ обществѣ. Какъ нѣкоторымъ изъ романтиковъ, Гоголю казалось, что уврачеваніе общественныхъ недуговъ заключается въ возвращеніи общества къ идеаламъ христіанства, въ личномъ самоусовершенствованіи. Нужно было только какою-нибудь силою создать

въ обществѣ живое сознаніе этого идеала, подвигнуть его на дѣятельное стремленіе къ осуществленію этого идеала въ жизни. Такую силу онъ видѣлъ въ словесномъ художествѣ. Онъ думалъ, что „заговори только съ обществомъ, на мѣсто жаркихъ разсужденій, живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей, — и двери сердецъ растворятся сами навстрѣчу къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, „что они (образы) взяты изъ нашей природы, изъ нашего тѣла".

На основаніи собственныхъ указаній Гоголя необходимо думать, что „Мертвыя души" должны были явиться въ 3 томахъ. Первый томъ имѣлъ цѣлію вызвать въ русскомъ обществѣ сознаніе его пошлости и нравственной ничтожности; во второмъ должны были выступить типы, стремящіеся къ нравственному возрожденію, къ правдѣ и добру и призванные служить указателями „путей и дорогъ къ высокому и прекрасному": томъ этотъ долженъ быть свѣтлѣе по впечатлѣнію, чѣмъ первый; въ послѣднемъ, третьемъ, томѣ предполагалось въ рядѣ живыхъ типовъ представить съ одной стороны нравственное просвѣтленіе, воскресеніе порочныхъ типовъ, въ родѣ Чичикова и Плюшкина, съ другой стороны — людей добродѣтельныхъ, какъ вѣрилъ Гоголь, несомнѣнно существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества и на разныхъ поприщахъ русской государственной и общественной дѣятельности. Жизнь этихъ людей, какъ живыхъ носителей высокаго христіанскаго идеала, должна была одновременно и уяснять этотъ идеалъ и поощрять къ осуществленію его въ личной жизни. Этотъ томъ долженъ былъ служить какъ бы апоѳеозомъ Руси, быть гимномъ небесной красотѣ. Замыслъ автора „Мертвыхъ душъ", какъ видимъ, былъ дѣйствительно грандіозенъ. Послѣ этого можно понять, почему Гоголь въ минуты созерцанія этого величественнаго цѣлаго приходилъ въ священный трепетъ и умиленіе отъ раскрывавшейся впереди картины. Планъ этотъ наводитъ на сближеніе схемы цѣлаго творенія Гоголя со схемою знаменитой Божественной комедіи Данте, съ дѣленіемъ ея на адъ, чистилище и рай. Знакомство Гоголя съ этимъ твореніемъ великаго Флорентинца сомнѣнію не подлежитъ.

Въ этомъ планѣ „Мертвыхъ душъ" мы видимъ также ясный переходъ къ отраженію не только *прежняго*, но и

настоящаго Гоголя. — Гоголя періода самоуглубленія и самовоспитанія. Уже извѣстное лирическое отступленіе въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“ неясно указывало на предстоящую перемѣну въ предметѣ и характерѣ творчества Гоголя, предрекало въ продолженіи труда откровеніе „несмѣтнаго богатства русскаго духа“, обѣщало воплощеніе въ художественномъ образѣ „мужа, одареннаго божескими доблестями“, и „чудной русской дѣвицы, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ“. Эти строки писались уже тогда, когда общее содержаніе, по крайней мѣрѣ, второго тома опредѣлилось болѣе или менѣе окончательно. Перемѣна настроенія сопровождалась и подкрѣплялась измѣненіемъ взгляда на задачи и средства современнаго поэта, направленіе и задачи поэзіи. Гоголю стало казаться, что по состоянію русскаго общества настала пора дѣятельности лирическихъ поэтовъ, что средства сатиры исчерпаны, что только „лирическій поэтъ имѣетъ теперь законное право какъ попрекнуть человѣка, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ воздвигнуть духъ человѣка“. Цѣлями „упрека и ободренія“ и опредѣлился подборъ дѣйствующихъ лицъ второго и третьяго томовъ, а „лирическая сила, которой у Гоголя былъ запасъ“, казалось, вполнѣ обезпечивала ему такое изображеніе достоинствъ человѣческой личности, что русскій человѣкъ возгорится любовію къ воплощенію ихъ въ своей жизни.

Намѣренію автора однако не суждено было осуществиться. При его жизни вышелъ одинъ первый томъ, составляющій „только крыльцо къ тому дворцу“, который предполагалось возвести; второй томъ, какъ нужно думать, также былъ готовъ. По сообщенію С. Т. Аксакова Гоголь читалъ ему четыре первыхъ главы II тома, при чемъ привелъ въ полный восторгъ и изумленіе силою и широтою творчества. По свидѣтельству Арнольди, Гоголь читалъ А. О. Смирновой, какъ ему припоминалось, девять главъ II тома. Имѣются свѣдѣнія, что послѣднія двѣ главы того же тома были читаны С. П. Шевыреву. Въ октябрѣ 1851 г. Гоголь, прощаясь съ женою С. Т. Аксакова, сказалъ, что онъ не будетъ печатать II тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать. Это замѣчаніе не предвѣщало ничего добраго: предъ смертію взыскательный авторъ, не хотѣвшій оставить послѣ себя незрѣлаго труда, сжегъ его. Это было

уже второе сожженіе: первое произошло въ 1845 г. Такъ погибъ трудъ, надъ которымъ авторъ работалъ 11 лѣтъ. Тотъ второй томъ, который обыкновенно печатается въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя, представляетъ одинъ изъ черновыхъ и первоначальныхъ набросковъ (какъ полагаютъ, 1841—1842 гг.), неполныхъ и неоконченныхъ, и потому не даетъ твердыхъ оснований для сужденія ни о типахъ, тамъ выведенныхъ, ни о художественности выполненія работы. Остается, слѣдовательно, одинъ первый томъ, какъ основа сужденія о высотѣ творчества Гоголя и силѣ его дарованія. Это, конечно, одно изъ великихъ произведеній не только Гоголя, но и всей русской литературы. Какъ живые, возникаютъ предъ нами типы Чичикова, Коробочки, Ноздрева, Манилова, Собакевича, Плюшкина, дамъ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной, высшихъ и низшихъ чиновниковъ губернскаго города. Трудно сказать, насколько эти типы дореформенной Руси окончательно отошли въ исторію, и не найдутся ли гдѣ-либо по захолустьямъ Коробочки, Собакевичи, Плюшкины, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ.

Для насъ, впрочемъ, гораздо важнѣе уяснить, достигъ ли великій поэтъ хотя части той великой задачи, которую онъ поставилъ себѣ при созданіи „Мертвыхъ душъ". Произвелъ ли онъ то благотворное воздѣйствіе на русское общество, о которомъ мечталъ? Несомнѣнно. Лучшій судъ въ этомъ отношеніи — судъ современниковъ. Гоголь самъ сообщаетъ намъ о впечатлѣніи, какое произвело на Пушкина чтеніе первыхъ набросковъ перваго тома: „Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи, началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" Это впечатлѣніе изумило самого Гоголя, особенно потому, что Пушкинъ самъ хорошо зналъ Русь и ея недостатки, а потому, казалось, изумить его было мудрено. С. Т. Аксаковъ, въ свою очередь, сообщаетъ, что по выходѣ I тома „Мертвыхъ душъ" наиболѣе образованное общество и лучшіе цѣнители литературы были въ восторгѣ. Такихъ было однако меньшинство, большая же часть читателей, не исключая и людей интеллигентныхъ, „обозлилась на Гоголя: она узнала себя въ разныхъ лицахъ поэмы и съ ожесточеніемъ вступилась за оскорбленіе цѣлой Россіи".

Не говоримъ уже о бранчивой, безсильной и придирательной критикѣ Греча, Булгарина, Сенковскаго и отчасти Полевого: здѣсь въ значительной степени сказалась литературная отсталость. Изъ этого возбужденія, произведеннаго въ русскомъ обществѣ „Мертвыми душами“, ясно слѣдуетъ, что онѣ имѣли далеко не одно литературное, но и глубокое общественное значеніе. Гоголь и самъ понималъ причину этого. „Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов“, говорилъ онъ. Эти изверги, которыхъ такъ усердно рисовала догоголевская и современная ему литература, давали русскому обществу пріятное сознаніе, что оно на нихъ не похоже. Иное представляла картина русскихъ нравовъ у Гоголя. Зеркало было такъ совершенно, что не узнать себя было невозможно. „Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки“. Не остался безъ вліянія и самый способъ Гоголя рисовать картины общественныхъ нравовъ. Ничтожные люди, выведенные въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“, по собственнымъ словамъ Гоголя, „ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ“. Дѣйствительно, мы напрасно искали бы у Гоголя того, что принято называть подонками общества. Маниловы, Собакевичи, Ноздревы, Иваны Григорьевичи, дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятныя принадлежатъ къ лучшему губернскому обществу. Здѣсь же находитъ себѣ пріемъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, какъ человѣкъ умный, воспитанный и пріятный. Его принимаютъ повсюду съ распростертыми объятіями, не знаютъ, какими услугами выразить ему свое вниманіе, считаютъ его человѣкомъ благонамѣреннымъ. Нужна была геніальная кисть Гоголя, чтобы, не нарушая внѣшняго благоприличія губернскаго общества, показать ему воочію, сколько фальшиваго, непривлекательнаго, лицемѣрнаго и эгоистическаго кроется въ немъ, какія темныя личности, въ родѣ Чичикова, принимаются въ немъ за людей порядочныхъ и благонамѣренныхъ. А картина развѣнчиванія недавняго идола? Трудно сказать, когда роль общества была болѣе сомнительна, въ пору ли незаслуженнаго вниманія къ Чичикову, или въ пору ожесточеннаго его преслѣдованія? Къ сказанному прибавимъ, что въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“, какъ и въ „Ре-

визорѣ", тяжелое впечатлѣніе усугублялось полнымъ отсутствіемъ привлекательныхъ типовъ, на которыхъ могъ бы отдохнуть читатель. Гоголь и самъ хорошо понималъ это. „Пошлость всего вмѣстѣ", говоритъ онъ, „испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ". *Малининъ.*

Значеніе „Мертвыхъ душъ", какъ реальнаго романа.

При оцѣнкѣ художественнаго произведенія можно принять за исходную точку умѣнье писателя улавливать господствующее настроеніе окружающей дѣйствительности, ея внутренній смыслъ, основныя черты характера своей національности, внутренній строй общественной жизни, ея темпераментъ, ея главнѣйшія отрицательныя или положительныя стороны. Если требовать отъ художника, чтобы онъ на нашихъ глазахъ заставилъ биться пульсъ жизни не единичнаго какого-нибудь лица, а цѣлаго разношерстнаго общества — то тогда, конечно, сочиненіямъ Гоголя и въ частности „Мертвымъ Душамъ" придется отвести первое мѣсто въ ряду всѣхъ предшествующихъ и современныхъ имъ повѣстей, и признать именно ихъ за первый по времени „реальный" романъ, который помогъ читателю уловить смыслъ переживаемаго имъ историческаго момента. Въ самомъ дѣлѣ, старые наши „нравоописательные" романы гнались въ большинствѣ случаевъ лишь за описаніемъ внѣшнихъ сторонъ нашей жизни, мало вникая въ ея смыслъ; а такія художественныя произведенія, какъ „Евгеній Онѣгинъ" и „Герой нашего времени" ставили себѣ цѣлью разъясненіе и описаніе психическаго міра лишь нѣкоторыхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ единицъ, людей съ особеннымъ, даже мало распространеннымъ, образомъ мысли, съ исключительнымъ настроеніемъ и характеромъ. На обрисовкѣ господствующихъ рычаговъ и

мотивовъ общей жизни эти повѣсти почти не останавливались.

Комедіи Гоголя и „Мертвыя души" заполняли въ данномъ случаѣ одинъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ литературѣ. Городничіе и ихъ сослуживцы, Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, Маниловы, Собакевичи, даже Плюшкины и Коробочки — если умолчать о цѣлой массѣ другихъ второстепенныхъ лицъ — были не единичными явленіями, а самою Русью, съ ея повсемѣстно распространенными не личными только, а общественными привычками, стремленіями, мыслями и программами жизни — хотя эта Русь и была изображена лишь съ одного бока. Авторъ имѣлъ право на названіе художника-реалиста не потому только, что реально изобразилъ этихъ русскихъ людей, а потому, что уловилъ реальную сущность русской жизни, потому что сумѣлъ въ одномъ типѣ воплотить массу душевныхъ состояній и многія жизни. Понятно, что на такой „реальный" романъ могли опереться всѣ недовольные тѣмъ строемъ жизни, который дѣлалъ такіе типы возможными или вполнѣ правдоподобными, и авторъ противъ своей воли долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что поклонники его таланта въ осужденіи русской дѣйствительности пошли гораздо дальше, чѣмъ онъ, и для излеченія ея предлагали иныя средства, чѣмъ тѣ, въ которыя вѣрилъ авторъ.

Если среди современниковъ Гоголя многіе обладали столь же зоркимъ взглядомъ, проникающимъ въ самую сущность нашей жизни, если, быть-можетъ, нѣкоторые были вооружены даже болѣе острымъ зрѣніемъ, то никто не сумѣлъ такъ ясно обнаружить эту зоркость въ художественномъ произведеніи, какъ Гоголь. *Котляревскій.*

Характеръ повѣствованія въ „Мертвыхъ душахъ".

Повидимому, ничего реальнѣе Гоголя быть не можетъ, положимъ хоть въ „Мертвыхъ душахъ". Онъ описываетъ величайшія мелочи съ полнѣйшею вѣрностью и точностью. Но, если бъ эти описанія были простыми фотографическими снимками, они не имѣли бы никакой важности, никакого

смысла. Смыслъ, художественное значеніе они получаютъ не вслѣдствіе своей вѣрности, а потому, что *возведены въ перлъ созданія*, подвергаются какому-то художественному процессу, отъ котораго и получаютъ необыкновенную значительность.

Въ чемъ же дѣло? Первое, что должно намъ броситься въ глаза, если мы отвлечемъ свое вниманіе отъ *предмета*, который описывается, и устремимъ его на *процессъ* художественный, есть *тонъ* разсказа. Это тонъ не простой, не сливающійся съ содержаніемъ рѣчи, не стремящійся скрыться, уйти отъ вниманія, какъ форма, которая не должна отдѣляться отъ того, что въ ней заключено: нѣтъ, это тонъ рѣзко звучащій, усиленно выдающійся и обособляющійся. Это тонъ въ высшей степени *иронической*. Иронія, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что мы важно, торжественно разсказываемъ о томъ, что заслуживаетъ презрѣнія и насмѣшки. Сила ироніи состоитъ въ этой противоположности между предметомъ и способомъ его изображенія; мы усиливаемъ нашу рѣчь контрастомъ словъ и содержанія.

Вотъ тотъ пріемъ, который господствуетъ въ „Мертвыхъ душахъ". Самый ходъ разсказа, подробнаго, плавнаго, обстоятельнаго, медленно и тяжело движущагося, составляетъ иронію надъ пошлостью того, что разсказывается. Пустѣйшіе разговоры передаются какъ важныя событія; ничтожныя подробности являются въ ужасномъ безобразіи, какъ будто мы вдругъ навели на нихъ увеличительное стекло. И чѣмъ тоньше черта, отдѣляющая иронію отъ дѣйствительности, чѣмъ явственнѣе для насъ, что это *почти* дѣйствительность, что жизнь города N почти такъ представляется самимъ жителямъ этого города, какъ ее описалъ Гоголь, тѣмъ ужаснѣе впечатлѣніе пошлости, тѣмъ сильнѣе торжество ироніи.

Но не нужно упускать изъ виду, что иронія есть однакоже языкъ переносный, не собственный. Она связана съ неуловимымъ оттѣнкомъ синонимическихъ словъ, употребляемыхъ одно вмѣсто другого, съ неуловимымъ поворотомъ фразы, дающимъ ей то или другое теченіе. Вотъ отчего, вѣроятно, переводы „Мертвыхъ душъ" на иностранные языки не имѣютъ, какъ говорятъ, успѣха у иностранныхъ читателей. Чрезвычайно трудно удержать въ переводѣ ироническій тонъ всей поэмы, принимающій тысячи оттѣнковъ: а безъ этого тона содержаніе разсказа само по себѣ не имѣетъ цѣны.

Иронія есть во всякомъ случаѣ не прямое отношеніе къ дѣлу. Когда вы слышите ироническую рѣчь, вы чувствуете, что говорящій порицаетъ то, о чемъ говоритъ, но во имя чего совершается порицаніе и каково должно быть прямое отношеніе къ дѣлу, — это еще вопросъ, вопросъ не только для васъ, но, можетъ-быть, и даже весьма часто, и для того, кто говоритъ. Явленія, описываемыя иронически, суть, по этому самому, *несеріозныя* явленія, но при этомъ намъ еще не ясно, гдѣ и въ чемъ намъ искать серіозныхъ явленій, и въ какомъ отношеніи къ этому серіозному стоитъ описываемое несеріозное.

Между тѣмъ искусство требуетъ прямого отношенія къ дѣлу; оно можетъ употреблять иронію, можетъ достигнуть въ этомъ пріемѣ величайшей художественности, какъ это и было у Гоголя, но остановиться на ироніи онъ не можетъ. Гоголь, задумавъ въ „Мертвыхъ душахъ" изобразить полную картину русской жизни, конечно, не имѣлъ никогда и въ мысли ограничиться одною ироніей: его намѣреніе всегда было (какъ это видно изъ многихъ мѣстъ первой части „Мертвыхъ душъ") постепенно смягчить свой тонъ, перейти въ юморъ и кончить серіознымъ разсказомъ. Гоголь былъ человѣкъ восторженный, пламенно, кровно любившій свою родину, и его художественная иронія порождена этою восторженностью, а не холоднымъ анализомъ недостатковъ русской жизни.

Гоголь, какъ извѣстно, не справился съ задачею, за которую взялся съ такимъ одушевленіемъ и увѣренностью. Онъ погибъ, мучительно усиливаясь взять другой тонъ и создать иныя лица.

Исторія нашей литературы послѣ Гоголя какъ нельзя лучше показываетъ, что изъ его тона требовался выходъ, что естественное стремленіе искусства должно было перейти отъ иронической рѣчи въ прямую. Возбужденіе, произведенное Гоголемъ, было необычайное, и послѣдствія его продолжаются до сихъ поръ; но почти всѣ замѣчательныя явленія въ послѣгоголевской литературѣ можно разсматривать какъ *поправки* Гоголя, какъ попытки подойти къ предмету съ другой стороны, уменьшить разстояніе, на которое насъ отдѣляетъ отъ предмета иронія. И такъ какъ это была задача не легкая, то рядомъ съ этими попытками были дѣлаемы ошибочные, неправильные выходы изъ Гоголевскаго тона.

Самая простая ошибка состояла въ томъ, что тонъ былъ вовсе упускаемъ изъ виду, какъ дѣло не существенное, и что Гоголю стали подражать въ выборѣ предметовъ. Отсюда вышла *натуральная* школа, выродившаяся потомъ въ *обличительную*. Натуральная школа пустилась въ описаніе пошлыхъ и мелкихъ людей и предметовъ, какъ будто вся сила Гоголя заключалась въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на мелочи. Появилось очень много скучныхъ произведеній, весь интересъ которыхъ состоялъ въ стремленіи къ фотографической вѣрности и въ смутномъ чувствѣ пустоты и тоски. Конечно, въ этихъ произведеніяхъ находило себѣ удовлетвореніе то недовольство дѣйствительностью, которое у насъ такъ обыкновенно и въ первые годы послѣ Гоголя было особенно сильно. Но все же ясно, что пріемы этихъ писаній глубоко неправильны. Для читателя неприготовленнаго, не питающаго извѣстныхъ предрасположеній, не зараженнаго привычкою къ многочтенію, не испорченнаго господствующею литературой, эти книги должны представляться очень дикимъ и скуднымъ явленіемъ. Для такого читателя повѣствовательная книга должна быть столько же серіозна, какъ и всякая другая, слѣдовательно, или должна быть настоящею поэмою съ настоящими героями, или же ироническою поэмою съ ироническими героями.

Между тѣмъ, наши повѣствователи, очень часто прежде, а нерѣдко и теперь ведутъ свои разсказы такъ, что приводятъ читателей въ совершенное недоумѣніе, зачѣмъ и о чемъ разсказывается. Иногда мелкія и ничтожныя явленія изображаются такимъ тономъ, съ такимъ основательнымъ реализмомъ, какъ будто они имѣютъ полнѣйшее право на существованіе, все же другое есть вздоръ, пустыя мечтанія. Получается не иронія надъ дѣйствительностью, а ея оправданіе: излагается серіозно и потому какъ бы сочувственно то, что въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего серіознаго.

Но явились, какъ мы замѣтили, и правильныя попытки наши рѣшенія задачи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность Островскаго. Онъ пишетъ серіозныя драмы и комедіи изъ такой сферы, на которую читатели обыкновенно смотрятъ свысока. Онъ успѣлъ создать изъ этой сферы совершенно живыя лица и положенія и заставилъ насъ смотрѣть на нихъ не смѣясь, не иронизируя, а съ дѣйствительнымъ сочувствіемъ или негодованіемъ, слѣдовательно

такъ, что мы ставимъ себя на одинъ уровень съ ними, признаемъ интересъ и важность ихъ духовной жизни.

Но наибольшую прямоту, чистоту и вѣрность отношенія къ предмету мы, конечно, должны признать за гр. Л. Н. Толстымъ. Опять, мы не хотимъ здѣсь опредѣлять полное значеніе произведеній этого писателя, мы только, какъ на примѣръ и подтвержденіе, указываемъ на то, что у него уже господствуетъ тотъ прямой пріемъ искусства, который какъ будто бы былъ потерянъ послѣ Пушкина.

Въ свою очередь, то непрямое отношеніе къ предметамъ, которое началось съ ироніи Гоголя, не только однакоже не исчезло въ нашей литературѣ, а, напротивъ, продолжается у многихъ писателей и развилось даже до своихъ крайнихъ формъ. Иронія, которая у Гоголя имѣла такую строгую художественную мѣру, понемногу вовсе удалилась отъ предмета; все больше и больше усиливая свое выраженіе, писатели стали безпрерывно употреблять *иронію гиперболическую*, въ которой уже нѣтъ заботы о реальномъ изображеніи, а, напротивъ, вся потѣха заключается въ *искаженіи* реальныхъ чертъ. Эта гиперболическая иронія иногда разыгрывается, наконецъ, до того, что переходитъ часто въ *глумленіе*, т.-е. въ рѣчи совершенно безсмысленныя и самою своею безсмысленностью выражающія презрѣніе къ тому, о чемъ говорится. Вмѣсто ироніи явилось, такъ сказать, нахальное, наглое обращеніе съ предметами, какъ всего сильнѣе выражающее пренебреженіе къ нимъ того, кто о нихъ говоритъ.

Такой характеръ представляютъ произведенія Щедрина и отчасти Некрасова. Ихъ пріемы пришлись очень по душѣ многимъ русскимъ людямъ, которые вообще не любятъ прямой рѣчи, для которыхъ почти нѣтъ средины между восторженностью и озлобленіемъ, между сентиментальностью и цинизмомъ. Спокойная рѣчь, раскрывающая съ художественной мѣрой свойства предмета, имъ кажется скучною и даже противною, какъ нѣчто прѣсное; имъ нужна сильная приправа, густая присыпка перца, что-нибудь или язвительное или надрывающее. Поэтому они и сами ни о чемъ говорить просто не могутъ, вѣчно иронизируютъ и сыплютъ циническими выраженіями безъ малѣйшаго повода.

Понятно, что при такихъ условіяхъ нельзя ожидать въ литературѣ никакой близости къ *дѣйствительности*. Если бъ

иностранецъ вздумалъ, напр., изучать Россію по Щедрину и Некрасову, то онъ едва ли бы много узналъ. Онъ узналъ бы развѣ только то, какъ иные русскіе люди впадаютъ въ гиперболы и въ глумленіе по поводу самыхъ простыхъ предметовъ, но этихъ предметовъ онъ узнать бы не могъ. Названные два писателя дѣйствительно замѣчательны тѣмъ, что, при всемъ ихъ талантѣ, они ни создали ни единаго лица, ни единой картины, ни единаго положенія или чувства, на которое можно было бы указать какъ на нѣчто законченное, дѣйствительно созданное, дѣйствительно „возведенное въ перлъ созданія“. Ихъ иронія и гипербола безплодны, расплываются, никогда не достигаютъ точнаго опредѣленнаго смысла. Образы, зачатки которыхъ иногда являются съ большою свѣжестью и силой, непремѣнно бываютъ испорчены, искажены въ развитіи. Такимъ образомъ, чтобы оцѣнить достоинства этихъ писателей (иногда весьма блестящія), приходится прибѣгать къ отрывкамъ, почти къ отдѣльнымъ стихамъ, къ отдѣльнымъ выраженіямъ. Ничего цѣлаго указать у нихъ невозможно, такъ какъ цѣлое требуетъ дѣйствительнаго реализма, пониманія внутренней жизни предмета.

Страховъ.

Гоголевскій стиль.

Творческій геній Гоголя въ созданіи своеобразнаго языка обнаруживается не такъ скоро: первоначально характеръ его языка далеко не имѣлъ той оригинальной красоты, которая отличаетъ его отъ языка многихъ другихъ поэтовъ. Одно время Гоголь, какъ многіе, какъ большинство, не былъ свободенъ отъ вліянія слова, дѣйствующаго на мысль вредно, сковывая ее, какъ лозунгъ, не заключающій въ себѣ никакого опредѣленнаго содержанія. Онъ слѣдовалъ слову слѣпо, безсознательно, хотя и предполагалъ или былъ увѣренъ, что вполнѣ сознательно имъ пользуется. Въ своихъ разсужденіяхъ и лирическихъ мѣстахъ онъ прибѣгаетъ къ такимъ словамъ, которыя, собственно, ничего не выражаютъ, но которыми онъ пользуется какъ опредѣленными величинами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для него мысль не опредѣлилась настолько, чтобы сдѣлаться его духовнымъ достояніемъ, Гоголь и выраженія употреблялъ самыя неопредѣленныя, такія, напр.,

какія употребляются людьми мало развитыми или лѣниво мыслящими. Ничего нѣтъ скучнѣе этого безжизненнаго языка, этого стиля, въ которомъ слышатся одни только ничего не значущія, или все значущія отвлеченныя выраженія. И это не былъ тотъ родъ отвлеченныхъ выраженій, которыми пользуется писатель для обобщеній: они являются у Гоголя единственно вслѣдствіе его безсилія уловить въ данный моментъ наиболѣе существенные частные признаки. Нерѣдко мы видимъ также нелогичность и неграмматичность въ употребленіи словъ и предложеній, изысканныя, но все-таки неудачныя сравненія, отсутствіе соотвѣтствія между характеромъ лица и его рѣчью, вставки ни къ чему не идущихъ, лишнихъ словъ и частицъ, необыкновенную длинноту періодовъ, особенно въ описаніяхъ, и пр., и пр.

Такимъ образомъ, въ первомъ періодѣ творчества Гоголя его языкъ далеко не отличался точностью, ясностью, силою и выразительностью, какими характеризуется его стиль позднѣйшей поры, періода созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Писателю предстояла въ этомъ отношеніи долгая и упорная работа, и именно въ пору наибольшей своей зрѣлости онъ работалъ наиболѣе медленно. Произведенія, повидимому, уже совсѣмъ готовыя къ печати, „вылеживались“ подолгу, время отъ времени просматривались, снова отправлялись въ ящикъ, преднамѣренно забывались и опять подвергались усердному исправленію. Въ эту пору полной зрѣлости своего таланта Гоголь относился къ стилю крайне заботливо и считалъ необходимою медленную работу, которая только и можетъ дать въ результатѣ вполнѣ художественное произведеніе. Художественный трудъ въ глазахъ Гоголя все больше получалъ характеръ священнодѣйствія. Искусство должно быть высшей цѣлью художника, и для достиженія этой цѣли онъ долженъ отвергнуть всѣ соблазны, повиноваться одному вдохновенію и прилагать усиленный трудъ къ выработкѣ формы.

Въ этой усиленной работѣ Гоголя надъ своимъ языкомъ и слогомъ можно отмѣтить нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ.

Прежде всего замѣчательно, что Гоголь не терпитъ иностранныхъ словъ: онъ вполнѣ сознательно старается сдѣлать свою рѣчь чисто русскою, а иностранныя слова употребляетъ только съ цѣлью вызвать въ читателѣ извѣстное комо-

ристическое настроеніе или пренебреженіе къ французоманіи и ея вліянію, портящему чистоту русской рѣчи. Злая иронія звучитъ въ его словахъ по этому поводу:

„Какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи; какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы то ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму.

Гоголь не доходилъ до крайностей иныхъ гонителей иностранныхъ словъ: но онъ всегда выбиралъ слова русскія въ тѣхъ случаяхъ, когда понятіе поддавалось выраженію на русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершенно исключилъ изъ своего словаря и всѣ миѳологическія названія и сравненія, бывшія, какъ извѣстно, въ большомъ ходу у нашихъ писателей даже 30-хъ годовъ.

Внесеніе русскихъ словъ въ литературную рѣчь обусловливалось у Гоголя не только инстинктивною потребностью творческаго духа, но и сознательнымъ отношеніемъ къ языку. Гоголь понималъ, какъ немногіе понимаютъ и до сихъ поръ, что писатель не только можетъ, но и долженъ пользоваться не одними лишь словами и выраженіями, имѣющими право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, но также и мѣстными, народными словами, употребляемыми въ разговорной рѣчи. Онъ не только не старался оградить литературный языкъ отъ вліянія народныхъ элементовъ, чего въ то время желали многіе, но, напротивъ, отводилъ народному языку широкое мѣсто, — какъ едва ли кто изъ другихъ писателей, даже позднѣйшихъ, какъ Толстой и Достоевскій. Гоголь хорошо понималъ, что литературный языкъ долженъ быть языкомъ народа, а потому необходимо умышленно къ нему приблизиться. Невозможно безъ вреда для развитія языка уклоняться отъ разговорной рѣчи образованныхъ классовъ общества, тѣмъ болѣе — отъ рѣчи народной, отъ которой литературный языкъ получаетъ живительные соки и обновленіе.

Записныя тетради Гоголя указываютъ на внимательную его работу по собиранію и изученію отдѣльныхъ словъ и

цѣлыхъ оборотовъ народной рѣчи, которыми онъ весьма часто пользовался въ своихъ произведеніяхъ. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни, тѣмъ болѣе, другіе наши поэты не допускали народныхъ выраженій въ такой широкой мѣрѣ, какъ Гоголь: у него, можно сказать, рѣчь не обходится безъ простонародныхъ выраженій или, вѣрнѣе, словъ, созданныхъ подъ вліяніемъ народной рѣчи. Но, помимо этого труда собиранія запаса словъ, Гоголю предстояла еще работа исправленія слога, который мѣнялся по мѣрѣ развитія въ писателѣ чутья къ русскому языку. Сравнивая нѣсколько редакцій одного и того же произведенія, мы видимъ, какое множество передѣлокъ, исправленій, замѣнъ, вставокъ и т. п. дѣлается Гоголемъ, чтобы довести произведеніе до желаемой формы. Преднамѣренность и сознательность составляютъ при этомъ существенные факторы. Изучая характеръ измѣненій, дѣлаемыхъ Гоголемъ, можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать превосходный матеріалъ для характеристики творчества поэта. Рядъ созданныхъ имъ картинъ принимаетъ совершенно иное освѣщеніе въ редакціяхъ окончательныхъ, благодаря часто ничтожнымъ сокращеніямъ, едва замѣтнымъ опущеніямъ одного слова, частички, фразы.

Помимо постояннаго совершенствованія, неустанной работы надъ исправленіемъ стиля, мы часто встрѣчаемся у Гоголя съ однѣми и тѣми же формами, которыя постоянно повторяются въ неизмѣняемомъ видѣ. У писателя есть любимые образы, любимые стилистическіе пріемы, къ которымъ онъ возвращается какъ будто съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ, напр., въ самыхъ различныхъ періодахъ творчества Гоголя мы встрѣчаемъ у него одинъ и тотъ же образъ, — „превращенія“ человѣка въ то чувство или состояніе, какое въ данную минуту должно быть преобладающимъ въ его личности. Такія выраженія, какъ „весь превратился въ слухъ“, въ зрѣніе, во вниманіе и т. п., принадлежатъ у нашего писателя къ числу самыхъ обычныхъ и наиболѣе часто повторяемыхъ. Далѣе, къ любимымъ образамъ Гоголя, съ которыми онъ не разстается, относится тотъ, съ помощью котораго художникъ выражаетъ совмѣстное пребываніе, сцѣпленіе отдѣльныхъ предметовъ: „Ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа“, „ни одна звѣзда не убѣжитъ изъ темнаго лона Днѣпра“ и т. п. Сюда же относится из-

вѣстная манера выраженія радости, удивленія, негодованія, хотя бы и притворныхъ, ироническихъ, съ помощью восклицаній, относящихся или къ предмету („Что за пироги!" „Фу ты, пропасть, какія смушки!" „Господи, Боже мой! какой у него домъ!"), или къ признаку („Безсильныя! „безпечныя!" „зеленокудрыя!" „пышный!" и пр.).

Одна изъ особенностей гоголевскаго стиля заключается въ необыкновенно частомъ употребленіи рядомъ двухъ синонимическихъ выраженій, напр.: „не торопитесь, не спѣшите", „сжатыя и краткія", „туманно и неясно", „орудія средства" и т. д. Въ особенности эта манера усиливается въ ту пору дѣятельности Гоголя, когда онъ отъ творчества переходитъ къ поученію,—въ пору „Переписки съ друзьями": чѣмъ дальше, тѣмъ меньше видно въ этомъ отношеніи чувства мѣры; Гоголь какъ будто старается съ помощью этого пріема пополнить пустоту содержанія своихъ рѣчей...

Къ числу любимыхъ стилистическихъ пріемовъ Гоголя относятся также: повтореніе частицы *не* при изображеніи отрицательныхъ сторонъ или свойствъ, повтореніе союза *и* передъ рядомъ сказуемыхъ и постановка сказуемаго передъ подлежащимъ, дополняемаго передъ дополняющимъ, опредѣляемаго передъ опредѣленіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обычная рѣчь ставитъ ихъ въ иномъ порядкѣ.

Пріемы творчества Гоголя, дѣлающіе его стиль отличнымъ отъ стиля другихъ великихъ русскихъ писателей, вообще довольно разнообразны. Какъ писатель эпическій, онъ вноситъ въ свои описанія такой элементъ, который въ значительной степени приближаетъ его къ народному эпосу: онъ обладаетъ способностью переноситься въ народно-поэтическое міросозерцаніе, отъ котораго навсегда удалилась поэзія другихъ творцовъ русскаго слова. Достаточно указать на „Тараса Бульбу", произведеніе, представляющее своего рода эпизоды изъ „Иліады".

Очень оригинальны также средства, какими пользовался Гоголь для воспроизведенія характеровъ тѣхъ или иныхъ дѣйствующихъ лицъ. Рисуя людей съ весьма ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, онъ любилъ выставлять особенно такихъ, у которыхъ мысль, и безъ того бѣдная, никакъ не можетъ быть облечена въ сколько-нибудь опредѣленную форму: имъ недостаетъ самыхъ необходимыхъ словъ, вслѣдствіе не-

ясности представленій, — и въ результатѣ получается или недоконченная фраза, или отдѣльныя слова безъ связи между собою, напр.: „А, однако же, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже.. Ну, да и гдѣ же не бываетъ несообразностей, — а все, однако-жъ, есть что-то..."

Эта манера изображенія не покидаетъ Гоголя отъ начала его писательской дѣятельности до послѣдняго времени, поры созданія „Мертвыхъ душъ".

Гоголь рисовалъ различныя фигуры людей грубыхъ изъ всякихъ слоевъ общества; но одну преобладающую черту грубости — потребность ругани — онъ выдвигаетъ постоянно: безъ нея не обходится ни одно лицо этой категоріи, хотя брань разнообразится въ зависимости отъ господствующей черты характера. Въ этомъ отношеніи можно установить извѣстныя группы: Кочкаревъ ругается, какъ Ноздревъ, Ноздревъ — какъ Подколесинъ, а послѣдній — какъ Кочкаревъ, и всѣ трое въ этомъ отношеніи совершенно похожи другъ на друга. Бранится и баба Черевика въ „Сорочинской ярмаркѣ", и слесарша въ „Ревизорѣ", и брань ихъ, очень типичная для женщины изъ простонародья, почти вовсе не отличается, напр., отъ ругани свахи въ „Женитьбѣ". Бранятся городничій, Собакевичъ, Иванъ Никифоровичъ и т. д., каждый на свой ладъ. Словомъ, эта черта персонажей составляетъ у Гоголя пріемъ, безъ котораго онъ не обходится: а въ изобрѣтеніи словъ и выраженій онъ положительно неисчерпаемъ.

Къ обычнымъ пріемамъ Гоголя относится способъ характеристики при помощи повторенія собственнаго имени или званія даннаго лица каждый разъ, при перечисленіи его свойствъ. Такъ, напр., при характеристикѣ Ноздрева цѣлый рядъ предложеній, на протяженіи трехъ страницъ, начинается именемъ: „Ноздревъ... Ноздревъ..." (то-то и то-то).

Эпитеты у Гоголя очень оригинальны, и значительное большинство ихъ принадлежитъ ему самому, не составляя обычной ходячей монеты. Гоголевскіе эпитеты имѣютъ характеръ, по-преимуществу, субъективный: дѣйствіе, настроеніе, состояніе, вызываемое въ немъ самомъ тѣмъ или инымъ предметомъ, писатель приписываетъ самому этому предмету, что вполнѣ соотвѣтствуетъ вообще преобладающему въ его

творчествѣ субъективному тону. Такимъ же субъективнымъ характеромъ отличаются у него и сравненія, и гиперболы, при чемъ послѣднія нерѣдко бываютъ слишкомъ громоздки, неестественны и мало характерны для изображаемаго предмета.

Совершенно своеобразный характеръ придаетъ всему стилю Гоголя элементъ, какого мы почти вовсе не встрѣчаемъ у другихъ русскихъ писателей, — элементъ малорусскій.

Какъ извѣстно, южныя и западно-русскія силы еще съ половины XVII столѣтія дѣятельно вмѣшивались въ образованіе новой русской литературы; такова была роль Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и другихъ ученыхъ кіевлянъ; но это вмѣшательство ограничено было церковно-схоластическою областью, и въ немъ не было тѣни, или одна только тѣнь, южно-русскихъ народныхъ элементовъ. Малороссы являлись въ рядахъ русскихъ писателей и позже, въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка; но Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ и др. шли общимъ для современной имъ литературы классическимъ путемъ и рѣшительно ничѣмъ не заявляли въ писательствѣ племенныхъ своихъ особенностей. Проф. Мандельштамъ указываетъ, что въ XVIII вѣкѣ малороссійскіе мотивы вошли у насъ въ моду: въ первыхъ нашихъ пѣсенникахъ, которые явились въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, цѣлый особый отдѣлъ отводился пѣснямъ малороссійскимъ, потому что и на самомъ дѣлѣ среди тогдашней публики онѣ были распространены наряду съ русскими; но собственно малороссійская литература существовала пока еще только въ рукописяхъ и была мало извѣстна, такъ что въ русскую литератру малороссійскій элементъ не входилъ или входилъ едва замѣтными чертами.

А. Н. Пыпинъ полагаетъ, что Гоголь въ своихъ первыхъ повѣстяхъ обратился къ изображенію малорусской жизни и преданій именно потому, что, по собственнымъ словамъ писателя, въ Петербургѣ тогда „было въ ходу“ все малороссійское. Съ этимъ, однако, не вполнѣ можно согласиться: въ то время Гоголь совсѣмъ не могъ писать иначе, даже если бы условія его дѣятельности были и другія. Все его существо проникнуто было малороссійскимъ элементомъ; малороссійскій языкъ былъ для него „языкомъ души“, а потому

понятно, что онъ прежде всего обратился къ народной словесности своей южной родины. Да и много лѣтъ спустя, въ 1844 г., онъ писалъ о себѣ: „Я соединилъ въ себѣ двѣ природы: хохлика и русскаго; я самъ не знаю, какая у меня душа, — хохлацкая или русская...“ Гоголь, можетъ-быть, самъ не всегда ясно сознавалъ, что возбужденіе его мысли шло именно по колеѣ родного, малорусскаго языка. Присматриваясь къ его слогу, мы видимъ, что оба языка, — малорусскій и великорусскій, — связаны были въ немъ съ различными областями и пріемами мысли: пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ его мысли то или иное направленіе, и наоборотъ, въ предчувствіи извѣстнаго направленія своей мысли онъ берется за тотъ или другой языкъ, смотря по тому, въ какой изъ нихъ мысль укладывается поэтичнѣе, легче, ярче. Правда, малороссійскій языкъ и переплетается у него съ русскимъ, но все же сохраняетъ свою отдѣльность, и чѣмъ больше выступаетъ на первый планъ основная стихія гоголевскаго міросозерцанія, — его юморъ, его чувство, тѣмъ ближе онъ къ малороссійскому языку. Сравнивая текстъ многихъ его произведеній съ обычной русской рѣчью, мы замѣчаемъ, что Гоголь часто *думалъ* по-малорусски и мысленно переводилъ слова и обороты малорусской рѣчи на русскій; постояннымъ и вѣрнымъ выразителемъ направленія мысли нашего писателя служилъ именно малорусскій языкъ, обороты котораго неизмѣнно появлялись въ его рѣчи всякій разъ, когда онъ, увлекшись творчествомъ, переставалъ слѣдить за формой. Обобщая свои наблюденія надъ этою особенностью гоголевскаго стиля, проф. Мандельштамъ совершенно вѣрно заключаетъ, что малорусскій языкъ преобладаетъ у Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль требуетъ выраженія *настроенія*. Въ подобныхъ случаяхъ онъ нерѣдко не только думалъ по-малорусски, но по-малорусски и писалъ, оставляя выраженія своего родного языка почти въ нетронутомъ видѣ.

Но были въ его творчествѣ и такіе моменты, которые повелительно заставляли его обращаться къ языку общерусскому. Такихъ моментовъ проф. Мандельштамъ отмѣчаетъ три:

Во-первыхъ, Гоголь пользовался исключительно русскимъ языкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало изображеніе природы: малорусскій языкъ, не достигшій художе-

ственнаго развитія, не могъ дать ему въ этомъ отношеніи достаточнаго матеріала. Вотъ отчего всѣ картины природы у Гоголя, даже въ самыхъ малороссійскихъ повѣстяхъ,— въ „Тарасѣ Бульбѣ", въ „Сорочинской ярмаркѣ", — нарисованы чистымъ русскимъ языкомъ.

Во-вторыхъ, творческая мысль писателя искала выхода въ языкѣ русскомъ, когда онъ захватывалъ вопросы, выходящіе за предѣлы узкой жизни Малороссіи, касался интересовъ общественныхъ и общенародныхъ. Этимъ объясняется, почему въ двухъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ,— „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ душахъ", рѣчь ведется и дѣйствующими лицами, и самимъ авторомъ почти исключительно русская.

Въ-третьихъ, Гоголь обращался къ русскому языку всякій разъ, когда его мысль работала надъ разрѣшеніемъ вопросовъ философскаго характера. Здѣсь малорусскій языкъ былъ безсиленъ; облекать свои философскія мысли въ соотвѣтствующія формы Гоголь и не могъ иначе, какъ по-русски. Насколько несомнѣнно то, что въ большей части поэтическихъ его произведеній сказывается племенная стихія, выражаясь языкомъ его родины, способнымъ передавать только образы, рисунки, а не отвлеченныя обобщенія, — настолько же несомнѣнно и то, что русскій языкъ долженъ былъ замѣнить родной въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ разсужденіе. Но въ этихъ произведеніяхъ Гоголь *не творитъ*, а потому онъ въ языкѣ прозы совсѣмъ не тотъ, что въ языкѣ поэтическомъ. Его разсужденія не идутъ далѣе общихъ мѣстъ, и стиль его, когда онъ начинаетъ проповѣдовать, оказывается очень плохимъ.

Такимъ образомъ, по стилю Гоголя можно съ извѣстною степенью вѣрности опредѣлить переживаемыя имъ настроенія и чувства и, съ другой стороны, прослѣдить, какъ извѣстно настроеніе вызываетъ у него соотвѣтственные пріемы стиля, болѣе или менѣе постоянные. Въ жизни Гоголя есть періоды, оставшіеся до сихъ поръ психологически недостаточно разъясненными: его произведенія могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для разъясненіи, если удастся установить нѣкоторую закономѣрность въ отношеніи между его языкомъ и настроеніями.

Въ ряду этихъ настроеніи господствующее мѣсто занимаетъ *юморъ*, — и изслѣдователь гоголевскаго стиля не можетъ не отнестись къ этому основному свойству нашего писателя съ

особеннымъ вниманіемъ. Значеніе гоголевскаго юмора заключается не только въ томъ, что ему опредѣлено было „чудной властью итти объ руку съ странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“: значеніе его заключается также и въ формѣ. Она помогала и самому писателю „угонять прочь набѣгавшую на чело морщину и строгій сумракъ лица“, — и такимъ же образомъ вліяетъ на читателей.

Гоголь говоритъ, о себѣ, что онъ возбуждалъ „не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку“. Однако, это не всегда было такъ: юморъ его языка имѣетъ довольно длинную исторію, и, въ зависимости отъ душевной жизни писателя, обнаруживаются тѣ или иные моменты этой исторіи.

Причина той *веселости*, какую замѣтили въ первыхъ его сочиненіяхъ, появившихся въ печати, заключалась, по его собственному признанію, „въ нѣкоторой душевной потребности“: на него находили припадки тоски, ему самому необъяснимой, — можетъ быть, происходившей, какъ онъ думалъ, и отъ болѣзненнаго состоянія; и вотъ, „чтобы развлекать себя самого“, онъ „придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать, выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала...“ „Вотъ, — продолжаетъ онъ, — происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости. Можетъ быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя веселость эта исчезла бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно“.

Этимъ вмѣшательствомъ Пушкина въ творчество Гоголя начинается второй періодъ въ исторіи гоголевскаго смѣха.

Разсматривая стиль перваго періода его творчества, мы, дѣйствительно, замѣчаемъ, что въ эту пору въ немъ менѣе всего обнаруживается тотъ идеализмъ, который такъ ярко сказался впослѣдствіи. Языкъ раннихъ произведеній Гоголя

возбуждаетъ смѣхъ только ради смѣха; смѣхъ у него составляетъ самъ себѣ цѣль, какъ удовольствіе, и при томъ — удовольствіе довольно грубое, отзывающееся преувеличеніемъ, шаржемъ; въ дальнѣйшихъ передѣлкахъ этихъ первоначальныхъ редакцій своихъ произведеній писатель значительно смягчалъ прежнія грубыя краски и придавалъ своему смѣху уже гораздо болѣе тонкій оттѣнокъ. Стоитъ сравнить между собою, напримѣръ, любое дѣйствіе „Ревизора", любую главу „Мертвыхъ душъ" въ разновременныхъ редакціяхъ, чтобы увидѣть, какъ много труда самаго внимательнаго, самаго кропотливаго положено было авторомъ на очистку своихъ произведеній отъ остатковъ той поры, когда онъ смѣялся только для того, чтобы самого себя потѣшить.

Къ первому періоду развитія гоголевскаго юмора относятся нѣкоторыензлюблепные имъ пріемы, разсчитанные на смѣхотворное дѣйствіе. Таково, прежде всего, придумываніе смѣшныхъ именъ и прозвищъ, и притомъ — способныхъ смѣшить скорѣе малоросса, чѣмъ русскаго, такъ какъ съ ними связывается нѣкоторое содержаніе, вполнѣ доступное только малороссу (Пупопузъ, Голопузъ, Довгочхунъ, Свербыгузъ и т. п.). Къ этой же категоріи смѣшныхъ выраженій относится и брань, — какъ уже сказано выше, весьма разнообразная и характерная у Гоголя, и различныя выраженія, служащія синонимами глагола „ругаться" (ввернуть, закрѣпить, отпустить, загвоздить и пр. — словцо), и разныя простонародныя словечки, служащія, большею частью, для изображенія грубыхъ дѣйствій. Характеризуя своихъ героевъ прямо отъ себя, Гоголь нерѣдко говоритъ языкомъ, очень близкимъ къ способу выраженія самихъ этихъ лицъ, т.-е. языкомъ обиходнымъ и — когда нужно — простонароднымъ. Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ у Гоголя словесныя новообразованія, — слова и выраженія, необычныя или по своимъ звуковымъ сочетаніямъ, или по способу ихъ измѣненія, съ помощью, напримѣръ, особыхъ суффиксовъ, или, наконецъ, просто заново сочиненныя писателемъ. Въ способности своей создавать такія слова и выраженія Гоголь положительно неисчерпаемъ, и можно смѣло сказать, что его словарь, и вообще чрезвычайно богатый, въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою тѣ словесные запасы, какими пользуются всѣ прочіе наши писатели, не только ему современные, но и позднѣйшіе.

Второй періодъ гоголевскаго юмористическаго стиля характеризуется серіозной, вдумчивой работой надъ исправленіемъ и усовершенствованіемъ языка. Въ этихъ безчисленныхъ поправкахъ, вставкахъ и измѣненіяхъ, полную исторію которыхъ дали Тихонравовъ и Шенрокъ въ своемъ монументальномъ изданіи Гоголя, важнѣйшая забота писателя заключалась въ томъ, чтобы произвести на читателя, по возможности, то же самое впечатлѣніе, какое испытывалъ онъ самъ, — подойти къ изображаемому явленію какъ можно ближе и показать его читателю, держа передъ нимъ такъ же какъ можно ближе. Оттого всякая фраза, произнесенная у Гоголя художественно созданнымъ лицомъ, кромѣ заключающейся въ ней мысли, содержитъ сумму свойствъ, весь характеръ, темпераментъ, позу, жестъ, взглядъ, — и все это получается соединеннымъ въ одномъ образѣ. Гоголь обладаетъ способностью, такъ сказать, въ одно мгновеніе воспроизводить цѣлую фигуру; его юморъ обладаетъ силой давать мыслямъ читателя самое разнообразное содержаніе.

Формы и пріемы гоголевскаго юмористическаго стиля отличаются чрезвычайною разносторонностью.

Прежде всего, источникомъ юмористическаго впечатлѣнія является у Гоголя — и очень часто, самое слово, повидимому, совершенно случайно подвернувшееся во время работы и немедленно вызвавшее извѣстный ходъ мыслей, появленіе тѣхъ или другихъ связанныхъ съ этимъ словомъ образовъ. Такъ, напримѣръ, давая своему герою фамилію Башмачкина, Гоголь указываетъ на ея и на его происхожденіе отъ башмака, и тутъ же замѣчаетъ, что, впрочемъ, и отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, всѣ совершенно Башмачкины, ходили въ сапогахъ. Такимъ образомъ, писатель неожиданно для самого себя оказался подъ властью созданнаго имъ слова. Подобныхъ примѣровъ можно набрать немало.

Затѣмъ, юмористическое впечатлѣніе получается отъ различнаго пониманія разными людьми одного и того же слова, дающаго, такимъ образомъ, каламбуръ; отъ сочетанія словъ съ кажущимся содержаніемъ, вродѣ разныхъ присловій — „оно конечно“, „тово-воно какъ оно“, „въ нѣкоторомъ родѣ долженъ умереть“ и т. п.; отъ вызыванія быстрой смѣны самыхъ различныхъ впечатлѣній (Поздревъ купилъ „жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, крупичатой муки, писто-

летовъ, селедокъ, картинъ, сапоговъ...“); отъ сопоставленія сужденій, не имѣющихъ между собой никакой логической связи (Иванъ Ивановичъ боязливаго характера; у Ивана Никифоровича, *напротивъ того*, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ...“); отъ вплетенія не идущихъ къ дѣлу обстоятельствъ, отъ изображенія такихъ свойствъ даннаго лица, которыя противорѣчать всему его характеру, или отъ сопоставленія качествъ совершенно различныхъ категорій („пусть ваше ружье околѣетъ“); отъ примѣненія высокаго стиля и серіознаго тона къ безсмыслицѣ или отъ неожиданнаго перерыва высокаго стиля вульгарнымъ выраженіемъ. Любопытно также, что у Гоголя нерѣдко источникомъ юмористическаго впечатлѣнія является просто грамматическая форма, напримѣръ, сочетаніе предложеній при помощи одного и того же союза „и“, „но“, „а“, нѣсколько разъ повторяемаго, или повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ (въ разсказѣ о томъ, какъ судья угощалъ Ивана Ивановича чаемъ, пять разъ повторено сказанное первымъ слово „чашечку“ и столько же разъ сказано, что Ив. Ив. „поклонился и сѣлъ“), или, наконецъ, необычное и потому комическое словообразованіе („молокососно“, „непросвѣтительность“, „портное народонаселеніе“ и т. п.).

Благодаря этому неистощимому богатству языка и удивительному умѣнью имъ пользоваться, въ рѣчи Гоголя съ поразительною рельефностью выступаетъ цѣлый міръ живыхъ фигуръ, освѣщенныхъ яркимъ свѣтомъ. Мы какъ будто слышимъ ихъ голосъ, видимъ всѣ ихъ движенія, по нѣсколькимъ словамъ угадываемъ всего человѣка: изъ-за каждаго слова видна картина душевнаго настроенія, видны жестъ и поза. И такой поразительный результатъ достигается средствами, въ сущности очень простыми и безыскусственными. Главное дѣло въ томъ, что Гоголь умѣетъ переселяться въ душу своихъ дѣйствующихъ лицъ, до послѣдней тонкой черточки усваивать ихъ міросозерцаніе; это и даетъ ему возможность единственно при помощи воспроизведенія языка каждаго лица, возсоздавать характеры, причемъ обычный способъ ихъ изображенія, — описаніе ихъ дѣйствій, намѣреній, мыслей, — оказывается какъ будто совершенно излишнимъ.

Морозовъ.

Языкъ Гоголя (эпитеты, сравненія и гиперболы).

Эпитеты у Гоголя весьма оригинальны, и подавляющее большинство ихъ принадлежатъ лично ему. Такіе эпитеты, которые передаются по преданію изъ рода въ родъ, какъ постоянные, встрѣчаются у него сравнительно мало: „бѣлыя груди", „сахарные зубы", „могучія плечи", „сабля острая", „ночь темная", „вольный свѣтъ", „синее небо" попадаются, хотя, въ отличіе отъ народныхъ пѣвцовъ, Гоголь понималъ эти и подобные эпитеты какъ нѣчто такое, что всякій разъ освѣщаетъ изображаемый предметъ, и повторяетъ его не только потому, что такія украшенія соединялись съ поконъ вѣка съ извѣстными именно словами, хотя бы и не соотвѣтствовали содержанію изображаемаго (срав. въ народной поэзіи: „свѣча сальная воску яраго").

Есть и такіе, въ которыхъ сохранилось, напр., бытовое этнографическое преданіе: дамасская сабля[1]), дамасская кисея[2]); но въ неизмѣримо большей мѣрѣ другіе, которые въ отличіе отъ приведенныхъ, традиціонныхъ, дѣйствительно характеризуютъ предметъ, по крайней мѣрѣ, въ моментъ его изображенія (представленія поэтическаго).

Эпитеты Гоголя не теряютъ своей цѣнности, конкретности и не становятся банальными, вывѣтрившимися въ своемъ значеніи.

Разсматривая Гоголевскія эпитеты въ ихъ совокупности, можно, кажется, установить двѣ категоріи. Одну, обнимающую меньше количество случаевъ, составляютъ *объективные* эпитеты: т.-е. изображающіе признаки такіе, которые не только *кажутся* присущими предмету, но дѣйствительно присущи имъ, или могутъ *всѣмъ одинаково* казаться присущими въ данный хотя моментъ: „*Усталые* языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались".

Другую категорію составляетъ большинство — это *субъективные* эпитеты, т.-е. такіе, которые создаются подъ вліяніемъ даннаго настроенія, душевнаго склада поэта, и пред-

---

[1]) II, 183. „Какъ птица, мелькаетъ онъ тамъ и сямъ (панъ Данило); покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча".

[2]) II, 159 „Будто дамасскою дорогою и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею, покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра..."

ставляютъ метафору, аллегорію и т. п. „*Усталое* солнце уходило отъ міра...“ (рядомъ съ выраженіемъ: „солнце убралось на покой.

Поэтическій образъ составляютъ собственно эпитеты второй категоріи.

„Сильно и звучно перекликались *блистательныя* пѣсни соловьевъ...“

„Одинъ только мѣсяцъ также *блистательно* и чудно плылъ...“

Оба образа содержатъ эпитетъ „блистательный“, по примѣненіе различно: къ *мѣсяцу* оно примѣняется какъ признакъ дѣйствительный: къ пѣснѣ — какъ образъ.

„Верхнія листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу *лепечущая струя* спустилась по нимъ до самаго низу...“ содержитъ эпитетъ „лепечущая“, не свойственный струѣ, а приписываемый Гоголемъ подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, передающимся и читателю.

Въ большинствѣ случаевъ созиданіе эпитетовъ Гоголемъ и заключается въ томъ, что онъ дѣйствіе, настроеніе, состояніе, вызываемое въ немъ тѣмъ или другимъ предметомъ, приписываетъ самому предмету; иначе говоря, онъ свое настроеніе переноситъ на предметъ, имъ изображаемый: „Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить *весело смѣющаяся ночь*“.

„*Задумчивый потокъ* бѣжалъ у ногъ твоихъ струей...“

„*Задумавшійся вечеръ мечтательно обнимаетъ* синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль...“

„...Отбросила далеко назадъ *досадные волосы*...“

„...Нога, сбросивъ *ревнивую обувь*, выступила впередъ...“

„Потупивши очи *въ сонную воду*...“

Подобные эпитеты не чужды ни Пушкину, ни Лермонтову, ни Тургеневу; но этихъ поэтовъ свойства (признаки), выражаемыя эпитетами, совпадаютъ со свойствами (признаками) болѣе-менѣе присущими предметамъ. Не такъ у Гоголя. Если у Пушкина и есть образы, свиду равные Гоголевскимъ; если, напр. въ стихѣ:

„И нѣжны пѣсни ей поетъ,
Во мракѣ ночи сладострастной,

и *сладострастная ночь* напоминаетъ *сладострастный куполъ*[1]) Гоголя, то смѣшивать ихъ нельзя, какъ нельзя смѣшивать категорію образца: „*весело сміющаяся* ночь“ съ образцомъ *сладострастная ночь* Пушкина.

Вслѣдствіе общаго умонастроенія, всего душевнаго строя, вслѣдствіе характера неуравновѣшеннаго, какимъ Гоголь отличался, у него весьма часто объективный тонъ повѣствованія переходилъ въ субъективный именно вслѣдствіе преобладанія эпитетовъ, которые я отнесъ къ категоріи субъективныхъ. У большихъ поэтовъ нашихъ это встрѣчается очень рѣдко. Такіе образцы, какой представляетъ, напр. „Анчаръ“ у Пушкина указать нелегко:

> Принесъ онъ смертную смолу...
> Принесъ и ослабѣлъ, и легъ
> Подъ сводомъ шалаша на лыки,
> И умеръ бѣдный рабъ, у ногъ
> Непобѣдимаго владыки...“

гдѣ слово „*бѣдный* рабъ“ переводитъ объективный тонъ замѣчательно выдержанный отъ перваго слова до послѣдняго. въ субъективный.

Такой складъ натуры, какъ у Гоголя, допускавшій всевозможные переходы настроеній, особенно отражается на эпитетахъ, самихъ по себѣ уже являющихся продуктомъ поэтической прихоти. Вслѣдствіе исключительности міровоззрѣнія Гоголя — юмористическаго, и эпитеты являются болѣе индивидуальными въ произведеніяхъ характера юмористическаго. Менѣе индивидуальны они въ другихъ произведеніяхъ, гдѣ юмористъ уступаетъ мѣсто живописцу. Такіе эпитеты, какъ „*яркій* крикъ“[2]), *благовонное море неизъяснимой музыки*[3]),

---

[1]) II, 11. Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею...“

[2]) II, 310. „Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ... говоръ и яркій крикъ и понуканье“.

[3]) I, 71. „Казалось, тонкій свѣтлый эфиръ, въ которой купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя развиваясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъяснимой музыки — казалось и т. д.“ Срав. у Гейне. ein Meer von blauen Gedanken.

„*густое* слово“[1]); „*красный* звонъ“[2]), „а небо такъ необъятно и *звучно* раскинувшееся“ и т. д. встрѣчаются и у другихъ поэтовъ:

У Золя мы читаемъ о „musique bondissante de cristal“, о „fontaines ruisselants de muettes clartés“ (Le Rêve). У Эйхендорфа упоминается о „пурпурной прохладѣ вечера“ (rothe Kühle). Гейне говоритъ о способности воспринимать музыкальныя впечатлѣнія образно, такъ сказать, глазомъ: играетъ Паганини, и каждый ударъ его смычка вызываетъ въ воображеніи рядъ осязательныхъ, фантастическихъ картинъ и положеній: „То были звуки, которые то сливались въ поцалуѣ то, капризно повздоривъ, разбѣгались, то снова обнимались смѣясь, и опять слившись, умирали въ опьяненіи союза“.

У гр. А. Толстого: „Въ нихъ (т.-е. звукахъ) разсказъ *обманчиво-лживый* развивалъ невозможную повѣсть, и *змѣинаго цвѣта отливы* соблазняли и мучили совѣсть...“[3]) и т. д.

Индивидуальность творчества Гоголя обнаруживается преимущественно въ дарѣ воспроизведенія въ словѣ впечатлѣнія, непосредственно на него произведеннаго предметомъ, вѣрнѣе, свойствомъ предмета. Въ юмористическихъ произведеніяхъ — постоянно, — и въ этомъ его сила; въ другихъ произведеніяхъ рѣже: *Свѣжія, быстрыя ноги*[4]); *трепетно горѣвшій свѣтъ*[5]); *глухо-отзывная земля*[6]) *брилліантовыя слезы*[7]), *дряхлыя стѣны*[8]), *нищедушный домъ*[9]), *трескъ словъ*[10]), *ожерелье тарелокъ*[11]). Рядомъ съ этими встрѣчаются довольно часто,

[1]) II, 260. „Будетъ, будетъ бандуристъ... выйдетъ духомъ и скажетъ про нихъ свое густое, могучее слово.

[2]) II, 260. „...далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди... чтобы далече по городамъ, лачугамъ... разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву...“

[3]) „Жур. Мин. Нар. Просв. 1895, CCCII, 196, статья А. Н. Веселовскаго.

[4]) Соч. Гог. II, 281.

[5]) Соч. Гог. II, 32.

[6]) Соч. Гог. II, 364.

[7]) Соч. Гог. I, 321.

[8]) Соч. Гог. I, 342. Срав.: „Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ...“ IV, 123.

[9]) Соч. Г. I, 341.

[10]) Соч. Гог. I, 14, Отношу подобныя выраженія къ эпитетамъ: „Красные лики ея превратились въ огненные и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ“.

[11]) Соч. Г. IV, 71, „Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обставилось ожерелье тарелокъ — икра, сыры...“

въ произведеніяхъ не юмористическаго характера, эпитеты традиціоннаго свойства, метафоры напр.: „усталое солнце", „крадется дремота" и т. п. Но такихъ меньшинство, какъ сравнительно не особенно много и отвлеченныхъ эпитетовъ, въ родѣ: „необъятныя пустыни неба", „неугасимая горесть", „дерзкое употребленіе тѣней", „смѣлыя краски"; и нельзя не замѣтить, что при каждомъ удобномъ случаѣ Гоголь любитъ такія общія выраженія замѣнять болѣе частными, наглядными. Вмѣсто „сѣрые люди" онъ говоритъ „пепельный разрядъ людей"[1]). Въ его работѣ надъ стилемъ это обнаруживается достаточно.

На эпитетахъ мы видимъ, какъ слово облекаетъ чувство, воззрѣніе, возникающія непосредственно отъ созерцанія. „Ворчавшее масло"[2]) создается по такому же процессу непосредственности воспріятія, какъ выраженія: „гуляютъ мечи"[3]), „очи выманиваютъ душу"[4]), или „слѣзай, (пистолетъ), старый товарищъ со стѣны"[5]).

На высшей ступени развитія своего эпитетъ представляетъ оттѣнки понятій посредствомъ сложныхъ словъ, когда простыхъ словъ языкъ не находитъ. Не всегда русскій языкъ допускаетъ такое сложеніе, возможное напр., въ нѣмецкомъ языкѣ и замѣняетъ его сравненіемъ; мѣста, гдѣ мы находимъ kreideweiss, blutroth, grasgrün, silberhell и др., русскій языкъ принужденъ передавать при помощи слова *какъ, словно:* „красная какъ кровь", „бѣлый какъ мѣлъ", „словно серебро" и т. д.

И однако у Гоголя сложенія весьма счастливыя; онѣ очень поэтичны, и рѣдко находятъ соотвѣтствіе у другихъ современныхъ Гоголю поэтовъ. Только Тургеневъ, гр. Толстой

---

[1]) Соч. Гог. I, 195. „...Сюда переѣзжаютъ отставные чиновники... вдовы... кухарки... наконецъ весь тотъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами имѣютъ какую-то тусклую, пепельную наружность".

[2]) Соч. Гог. IV, 371, „Принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которые слышно было ворчавшее масло".

[3]) Соч. Гог. II, 183. „И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули...". Срав. стязи глаголятъ.

[4]) Соч. Гог. II, 192, „Уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви".

[5]) Соч. Гог. II, 165, „Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнилъ онъ мнѣ. Слѣзай со стѣны, старый товарищъ, покажи другу услугу! Данило протянулъ руку".

позже создаютъ такіе эпитеты: „золотисто-прозрачная зелень орѣшниковъ“; „рябины... осыпанныя ярко-пунцовыми гроздями...“. „золотисто-желтый лучъ“, „въ нѣжно-сіяющей вышинѣ“, „спокойно задумчивое выраженіе“, „избура-красное лицо“ и др., а вслѣдъ за ними въ послѣднее время подобное сложеніе вошло въ обычное употребленіе.

Сложные эпитеты Гоголя отличаются тою же непосредственностью, какою отличаются и простые его эпитеты, при чемъ онъ внесъ много оригинальнаго, особенно въ группѣ словъ, нужныхъ для выраженія внутреннихъ ощущеній, чувствъ. Требуется большая сила чуткости, чтобы подыскать слова изъ другой сферы для выраженія даннаго настроенія; а о живописующихъ сложеніяхъ нечего говорить.

„...Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то *кисло-непріятно*, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко...“.

„Вездѣ, гдѣ-бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, *шероховато-бѣдныхъ* и *неопрятно-плеснеющихъ*, низменныхъ рядовъ ея, или среди *однообразно-хладныхъ* и *скучно-опрятныхъ* сословій высшихъ, вездѣ встрѣтится... явленіе... которое пробудитъ“ и пр.

„Но Герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и *осмотрительно-охлажденнаго* характера“.

„Но не много гордыхъ своими душевными движеніями рѣшатся опуститься въ глубину характеровъ, которыми кишитъ наша *презрительно-горько-обыкновенная жизнь...*“

„Или мерещится въ головѣ его дѣва за чайнымъ столикомъ съ *невинно-простодушными* рѣчами“.

„И все стоитъ онъ неподвижно... весь исполненный полузабывшагося размышленія, весь преданный *бестолково-заботному* ожиданію...“

„Лучи солнца были *осязательно-живительны*“.

„Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились... съ какимъ-то *глупо-вопросительнымъ* выраженіемъ лица“.

„Легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное *умно-худощавое* слово нѣмецъ...“

„Все было хорошо... какъ бываетъ... когда... природа... уничтожитъ... *грубоощутительную* правильность...“

„Какъ грянула она (пушка)... четырекратно, потрясши *глухо-отвѣтную* землю...“

„На возу сидѣла хорошенькая дочка... съ *безпечно убывавшимися* розовыми губками...“

„Но глаза ее, глаза чудесныя, *пронзительно-ясныя*, бросали взглядъ долгій...“

„А я въ порывѣ *минутно-горделиваго* расположенія думалъ, что...“

„Зелеными облаками и неправильными *трепетолистными* куполами лежали на небесномъ горизонтѣ...“

Сюда же относятся сложные эпитеты, обозначающіе цвѣта: *лилово-огненный*[1]), *скучно-синеватый*[2]), *голубовато-красный*, *зелено-облачный* и т. п.

Замѣчательно, что образованіе сложныхъ словъ въ большинствѣ случаевъ стоитъ въ ближайшей связи съ настроеніемъ художника, и чѣмъ возвышеннѣе оно, чѣмъ торжественнѣе настроеніе, тѣмъ чаще онъ говоритъ словами сложными, будь это при описаніи даже внѣшняго явленія. „Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ онъ видѣлъ что-то *страшно-пронзительное*...“[3]); „какъ ученикъ сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ *безпощадно-неблагодарно* было все то, что выходило изъ подъ его кисти...“; „онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ *неподвижно-вперившимися* на него глазами“, „...стѣнныя часы съ *печально-подстукивающимъ* маятникомъ“, „высокій... ростъ... смуглое лицо и какой-то *непостижимо-страшный* цвѣтъ его... отличали его...“ „словомъ... произнесшая эти слова была *божественно-прекрасна*“; „дикое безобразіе швейцарскихъ горъ... ужаснуло его взоръ, пріученный къ *высоко-спокойной*... красотѣ“ „аллея липъ превратилась въ ворота, сквозь которыя глядѣлъ *кудряво-великолѣпный* фронтонъ дома“, „за все, что ни встрѣчается въ нихъ (сочиненіяхъ) *умышленно-оскорбляющаго* прошу простить меня...“; „вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много *непріятно-отталкивающаго*...“ „...тотъ можетъ разбить листы своей скрижали, проклявши *вѣтренно-кружащееся племя*“

---

[1]) Соч. Г. II, 437, „...Вишни были издали сливы получившіе фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ“.

[2]) Соч. Г. IV, 21, „Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ“.

[3]) Соч. Г. II, 504.

„онъ объявилъ торжественно, что въ одахъ и гимнахъ нашихъ поэтовъ... что-то *свободно-величественное*" „отдѣлие только собственно называемый высшій театръ отъ тѣхъ... *мишурно-великолѣпныхъ* зрѣлищъ".

Приведенные примѣры далеко не стоять одиноко, а они, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, даютъ право на сдѣланный выводъ. Отмѣчу еще одно мѣсто, послѣднее. Одно за другимъ сыпятся сложныя слова на разстояніи двухъ страницъ: „Въ ночной свѣжести было что-то *влажно-теплое*..." „и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ... просвѣчивали... по краямъ *элистически-нѣжной* окружности..." „онъ чувствовалъ *бѣсовски-сладкое* чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то *томительно-страшное* наслажденіе..." „онъ глядѣлъ на приходившихъ *хладнокровно-довольными* глазами" [1]). Происходитъ какъ будто нервное движеніе, какъ будто языкъ движется по инерціи.

Рядомъ съ эпитетами, характеризующими преобладающее у Гоголя свойство — рѣдкое умѣнье изображенія въ словѣ непосредственнаго восиріятія, должны быть поставлены прототипы, такъ сказать, эпитетовъ, т.-е. изображеніе какого-либо свойства предмета въ видѣ сужденія — предложенія. На нихъ еще нагляднѣе обнаружится ходъ поэтическаго мышленія Гоголя.

„Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались кажется, *скучая своимъ заключеніемъ и темнотою*"; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра *хвастливо выказывалась*... и привлекала взоры..."

„Передъ домомъ *огораживалось* крылечко съ навѣсомъ..."

„Солнце... *обливаетъ* пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ".

„Возлѣ лѣса, на горѣ, *дремалъ* съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ".

„Надъ нимъ *печально* стоялъ ветхій домъ..."

„Онъ глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно *показывала и закрывала* свою внутренность".

„...Изъ оконъ только два были открыты... Эти два съ своей стороны были *подслѣповаты*..."

Всѣ выраженія, имѣющія видъ метафоръ, до такой сте-

---

[1]) Ib. 493.

ніи, однако, вѣрно характеризуютъ моменты, свойство, проявленіе, что только отсутствіемъ какого-либо посредствующаго звена между воспріятіемъ и выраженіемъ его въ словѣ можно объяснить подобные образы. Они ничѣмъ не отличаются напр. отъ такого, какъ: „Вставай, вставай *дребезжала* ему на ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку". гдѣ „дребезжала" передаетъ впечатлѣніе, чуть не звукоподражательнымъ способомъ, до такой степени оно непосредственно облекаетъ впечатлѣніе.

Гораздо рельефнѣе выступаетъ эта особенность въ случаяхъ, въ большинствѣ случаевъ, когда возникновеніе поэтическаго образа слѣдуетъ за извѣстнымъ волненіемъ, за извѣстнымъ напряженіемъ чувства (или мысли). При этомъ нельзя упускать изъ виду, что образы во многихъ случаяхъ стоятъ въ связи съ воззрѣніями, вѣрованіями, идеальными представленіями о жизни и составляютъ результатъ весьма сложныхъ сплетеній мыслей, пробужденныхъ чувствами, настроеніями, симпатіями, антипатіями.

Гоголь, возсоздавая предметъ, явленіе въ своемъ воображеніи, уничтожаетъ всякую черту, основанную на случайности и каждую дѣлаетъ зависимою (какъ необходимую) отъ другой. У него выходятъ одни характеристическія формы, образы, неискаженныя измѣнчивыми обстоятельствами. Эта особенность заключена только въ формѣ, воспринимается однимъ разомъ, заразъ, непосредственно, наглядно, и понятіемъ невыразима. Интересъ изслѣдованія, поэтому, заключается въ выясненіи того, насколько у Гоголя образы проникнуты чувствами, обусловленными его темпераментомъ, его характеромъ.

Факты приводятъ къ выводу, что Гоголь какъ будто лишаетъ предметъ его естественнаго вида и придаетъ ему то содержаніе, какое болѣе всего соотвѣтствуетъ его настроенію — и этимъ болѣе всего дѣйствуетъ на читателя. Онъ при этомъ проникается насквозь этимъ настроеніемъ: онъ находитъ въ этомъ наслажденіе; вся душа живетъ при этомъ полною жизнью, и глубочайшіе тайники ея являются участниками.

„...Рѣка красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная. какъ она, въ тѣ упоительные часы.

когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею...“ и т. д. Вся картина показываетъ, что возбужденное чувство требуетъ выхода въ словѣ, и тѣмъ изліяніе легче, чѣмъ чувство искреннѣе, естественнѣе. Этотъ примѣръ имѣлъ цѣлью пояснить мою мысль. Гоголь имѣетъ въ виду не только наглядность, но онъ обращаетъ вниманіе и на силу производимой возбуждаемости. То что замѣчается на цѣлой картинѣ, то замѣчается и на отдѣльныхъ выраженіяхъ, тѣмъ рѣзче, притомъ, чѣмъ ближе сфера, въ которой поэтъ вращается. И это доходитъ до мелочей. Но вотъ другой еще пріемъ:

„Ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ“.

„Глаза перешагнули черезъ заборъ“.

„Ударилъ въ слушателя огненными глазами“.

„Часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманѣ звучала возможность купить (деньги)“.

„Только Парижъ могъ вывѣтрить весь этотъ грузъ“.

И здѣсь видно, какъ слово облекло воззрѣніе, возникшее непосредственно отъ созерцанія предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, какое дѣйствіе произвело на Гоголя то или другое явленіе. Чувство не принимало участія въ изображеніи; рѣчь спокойна, признаки объективны.

Въ такъ называемыхъ уподобленіяхъ поэтическихъ это выступаетъ еще ярче; т.-е. если приведенные образы встрѣчаются у другихъ поэтовъ, то сравненія специфически Гоголевскіе; здѣсь мимоходомъ только отмѣчу, что эти сравненія стоятъ въ ближайшей связи съ міромъ, окружавшимъ Гоголя; самыя сравненія дѣлаются съ предметами, находящимися подъ руками, передъ глазами.

Другіе поэты творятъ не всегда такимъ путемъ. У Пушкина есть стихотвореніе:

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она, для глазъ,
И, какъ она, премѣнчивы душею.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весною:

Вы такъ же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой,
И также колетесь — Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключомъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ
И также холодны, конечно.

Нигдѣ, или почти нигдѣ (имѣю въ виду не заимствованія или вліянія) мы не встрѣтимъ у Гоголя сравненій, даже подобныхъ приведеннымъ. Никогда предметъ, съ которымъ сравнивается изображаемый, не находится у него слишкомъ далеко отъ сферы самой ближайшей; Пушкинскія сравненія, напр. совѣсти съ заимодавцемъ грубымъ, „съ вѣдьмой, отъ коей меркнетъ свѣтъ и могилы возмущаются", почти Гоголю чужды; а сравненія въ родѣ Шекспировскихъ, гигантскихъ, изумительныхъ, или Гейневскихъ, и другихъ большихъ поэтовъ — и помину нѣтъ. Я уже сказалъ выше, что Гоголь спеціализировался въ сравненіяхъ, хотя въ этой спеціализаціи онъ представилъ намъ цѣлый міръ.

Всѣ попытки опредѣлить поэзію со стороны языка тщетны въ виду того, между прочимъ, что нѣтъ возможности установить границы между поэзіею и прозою, какъ нѣтъ возможности по имѣющимся пока признакамъ разграничить растеніе отъ животнаго. Во всякомъ случаѣ опредѣленія неудачны. Если мы говоримъ: „область человѣческаго сознанія очень узка", мы прибѣгаемъ вѣдь къ поэтической формѣ мышленія и довольствуемся ею по недостатку другого выраженія для рѣшенія вопроса о сознаніи. А съ другой стороны, если сваха Ѳекла („въ Женитьбѣ"), выражая недовольство на медлительность Подколесина, получаетъ въ отвѣтъ отъ послѣдняго:

„А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: „Эй, Степанъ, подай сапоги" натянулъ на ноги, да и пошелъ..." то мы затрудняемся сказать категорически, поэзія ли это, или проза? Скорѣе поэзія, такъ какъ предложеніе *все равно, что и Степанъ, подай сапоги* замѣнилось бы въ прозѣ всего вѣрнѣе выраженіемъ „пустяки", „бездѣлица", „легко" и т. п.; а между тѣмъ и прозаическая рѣчь не чужда подобныхъ оборотовъ.

Въ большинствѣ случаевъ сравненія Гоголя именно та-

ковы: онѣ стоятъ между тѣми, которые мы называемъ поэтическими, и другими — прозаическими, какъ видно будетъ изъ слѣдующаго, хотя все же чаще въ связи съ его настроеніями, пережитыми имъ въ продолженіе творчества.

Въ юную пору, при настроеніи романическомъ, сравненія даются отвлеченныя, какъ отвлеченно, такъ сказать, душевное состояніе творца ихъ. Чѣмъ отвлеченнѣе представленіе о дѣйствительности, чѣмъ дальше она отъ всего существа Гоголя, тѣмъ слабѣе и чувство, сопровождающее эти сравненія:

„Красавица была вѣтряна, какъ полячка; но глаза ея, глаза ея чудесные, пронзительно-ясные бросали взглядъ долгій *какъ постоянство*". „Однако жъ онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это ему доставляло наслажденіе, неизъяснимое его кроткой душѣ. Единодушный взмахъ... блестящихъ косъ, ...изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, *какъ встрѣча гостей*, то заунывныя *какъ разлука*..." Такія и подобныя сравненія могутъ, при извѣстной бѣдности образовъ и живости воображенія, быть отнесены къ менѣе отвлеченнымъ; но чаще являются въ означенный періодъ времени иныя: „Угрюмъ колдунъ; дума, *черная какъ ночь*, у него въ головѣ"; „День былъ ясный, *какъ душа младенца*"; „И одному только человѣку и созданной имъ религіи — роскошной, *какъ ночи и вечера востока*, пламенная *какъ природа, близкая къ Индійскому морю*, обязаны они".

Когда поэтъ сталъ на реальную почву, сравненія, создаваемыя имъ, принимаютъ иное направленіе: они уничтожаютъ всякую черту, основанную на случайности: сравненіе выражаетъ признакъ необходимый, а потому оно всегда мѣтко. Особенность эта заключается въ томъ, что воспринимается характеръ предмета однимъ, разомъ, заразъ, наглядно и непосредственно. Это обстоятельство имѣетъ значеніе для пониманія связи, въ которой стоятъ образы сравненія съ возникновеніемъ ихъ за извѣстными волненіями, за извѣстнымъ напряженіемъ чувства, мысли. Въ этомъ отношеніи замѣчается даже нѣкоторое постоянство, правильность.

Конечно, характеръ образовъ объясняется съ одной стороны степенью прочности результатовъ предшествующихъ моментовъ воспитанія; они стоятъ также въ связи съ ясностью, точностью и опредѣленностью идей, на которыхъ основываются убѣжденія, какъ на твердой почвѣ: но не достаточно

обращается вниманія на то, что образы зависятъ отъ сложныхъ сплетеній мыслей, пробуждаемыхъ чувствами, настроеніями, симпатіями и антипатіями, личными вкусами, часто мѣняющимися. У Гоголя мы имѣемъ образы сравненія именно проникнутые такими чувствами, въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда моменты общественности отходятъ у него на задній планъ. Этимъ, понятно, опредѣляется и та область, изъ которой поэтъ будетъ брать предметы для сравненія. Искать не приходится ихъ, они должны являться сами собой, если поэтъ не хочетъ быть безжизненнымъ. Разумѣется область будетъ та, въ которой поэтъ вращается свободно, въ которой онъ какъ у себя; въ ней онъ и страдалъ и мучился, и радовался,— и здѣсь онъ замѣчательно индивидуаленъ и очень субъективенъ.

„На другомъ берегу горитъ огонь, и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, *какъ польскій шляхтичъ въ казачьихъ лапахъ...*"

„Земля сдѣлалась крѣпче... уже и снѣгъ началъ сѣяться съ неба... вотъ уже въ ясный морозный день краснogрудый снѣгирь, словно *щеголеватый польскій шляхтичъ,* прогуливался по снѣговымъ кучамъ".

„Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся всего-на-все была одна сѣрая свитка, въ которой было *больше дыръ, чѣмъ у иного жида въ карманѣ золотыхъ*".

„Надъ головою холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, а деревья, *что охмелѣвшія казацкія головы* разгульно покачивая, шопоча листьями пьяную молвь".

Привлекаются предметы для сравненія, такіе все, что сроднѣе ему по происхожденію, по складу мысли, какъ вообще что сильнѣе всего живетъ въ немъ самомъ. Это обнаруживается на каждомъ шагу. Есть образы и объективные; но въ какой мѣрѣ объективность смѣшивается съ субъективнымъ отношеніемъ къ явленіямъ со стороны писателя, растворяясь въ послѣднемъ почти всецѣло, это весьма ясно видно изъ всякаго образа сравненія.

„Вся любовь, всѣ чувства... все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, *какъ степная чайка,* вилась надъ дѣтьми своими — ея милыхъ сыновей берутъ у нея..."

„Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись *какъ птицы.*

„*Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крылами, вдругъ останавливается распластанный на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца перепела*, такъ Тарасовъ сынъ налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку“.

Нельзя не видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, что поэтъ принимаетъ живое участіе въ изображаемомъ явленіи. Лирика иногда говоритъ въ самыхъ образахъ сравненія. Стоитъ открыть любую страницу его повѣстей, чтобы убѣдиться въ этомъ. По нимъ можно легко судить о томъ, что Гоголю собственно было близко, ближе всего: сравненія вращаются въ области мыслей о прелестяхъ казацкой жизни, о малороссійской природѣ; въ области чувствъ, враждебно настроенныхъ противъ всего чуждаго малороссійскимъ началамъ.

По слѣдующимъ примѣрамъ можно судить еще о другомъ способѣ сравненія, весьма обычномъ и частомъ у Гоголя.

Извѣстно, какъ трудно поддается изображенію въ словѣ душевное настроеніе въ данный моментъ. Если справедливо, что бѣдность языка тому причина, то не менѣе справедливо, мнѣ кажется, признать другую причину и въ томъ, что не поддается оно изображенію по самой природѣ своей: душевная жизнь не есть нѣчто устойчивое; она черезъ мгновеніе уже не та, что была за мгновеніе, и восполняется новымъ притокомъ другихъ, небывшихъ до того элементовъ, въ зависимости отъ все вновь прибывающихъ впечатлѣній. За этимъ вѣчнымъ движеніемъ не угнаться слову.

Но Гоголь умѣетъ изображать душевныя настроенія, при помощи сравненія. Поэтъ соперничаетъ съ живописцемъ и не въ силахъ достигнуть того, чего достигаетъ послѣдній, когда предметомъ изображенія является нѣчто тѣлесное; но далеко опережаетъ его, когда изображаетъ внутреннее, душевное состояніе. Хотя типовъ такихъ сравненій довольно много, и они не поддаются обобщенію, но характеръ ихъ опредѣляется точно: одинаковымъ желаніемъ переселить читателя въ состояніе, привлекаемое для поясненія даннаго.

„...Невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ; тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую нибудь глупость...“

„А онъ (Черевикъ), какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ... бросился къ дверямъ“.

„Да мнѣ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою жену москали увезли...“

„Куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь вечера (свиданія)“.

„Дѣду болѣе всего любо было, что чумаковъ каждый день возовъ 50 проѣдетъ. Народъ бывалый; пойдетъ разсказывать — только уши развѣшивай: а дѣду это все равно, что голодному галушки...“

„...Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнью, тѣми грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ... или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками...“

„Я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ супругою...“ „Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ“.

Эта манера до такой степени излюблена Гоголемъ и обычна у него, что олицетворяя предметы неодушевленные, при изображеніи ихъ состоянія, онъ употребляетъ тотъ же пріемъ:

„Лѣниво и бездумно, будто гулящіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы“. „Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ“.

Тотъ же пріемъ и относительно животныхъ (хотя въ общемъ о животныхъ рѣчи очень мало), причемъ сравненіе должно скорѣе быть отнесеннымъ къ юмористическимъ:

„Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкой, и, наконецъ, подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку“.

Выдѣляя категоріи сравненія, обозначенныхъ выше, и указалъ на тѣ стороны, какія дѣлаютъ образы Гоголя отличными отъ образовъ сравненій другихъ поэтовъ и обусловливаются его природою: мысль какъ будто хочетъ перескочить къ пред-

метамъ, съ которыми сравнивается предметъ изображаемый, и оставаться съ нимъ: оставаясь слишкомъ долго, образъ становится нѣсколько скучнымъ, образуя балластъ и отвлекая мысль отъ самаго предмета (объ этомъ говорилось выше); пребывая тамъ мимоходомъ, онъ оживляетъ предметъ.

Оживленіе имѣетъ мѣсто особенно, когда онъ выбираетъ предметомъ для сравненія нѣчто болѣе ему близкое.

Наши чувственныя представленія весьма блѣдны и темны, и если художнику удается силою своего слова возбудить дѣятельность воображенія хотя въ нѣкоторой степени, то это признакъ высшаго искусства слова, а тѣмъ болѣе еще, если онъ силою изображенія заставляетъ проникаться предметомъ. Однимъ изъ болѣе обычныхъ средствъ возбужденія воображенія у Гоголя — также сравненіе. Съ ясностью и опредѣленностью языка оно ничего общаго не имѣетъ, а между тѣмъ оно замѣняетъ ихъ, и при всей простотѣ производитъ вліяніе на мысль.

Слѣдя за сравненіями, видишь, что въ мгновеніе творчества всѣ познанія физическаго міра какъ будто подавляются всплывающею силою непосредственнаго воспріятія, и это сообщается читателю: предметъ какъ будто лишается своего собственнаго образа и подобія, и этимъ преобразованіемъ достигнута цѣль: предметъ, явленіе стали близки.

„Солнце убралось на отдыхъ: — гдѣ горѣли вмѣсто него красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что *праздничныя плахты чернобровыхъ молодицъ*".

„Въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, *какъ убранный ландышами лугъ*, рубашкахъ..."

„Подъѣхалъ къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, *подобно стаду утокъ*, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, *какъ цапли*.

„Его подирало по кожѣ, когда онъ вступилъ въ лѣсъ... темно и глухо какъ въ *винномъ подвалѣ*..."

„Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, *словно чернымъ рядномъ*, и въ полѣ не стало также темно, какъ *подъ овчиннымъ тулупомъ*".

Иногда естественнаго вида предметъ лишается такимъ образомъ, что ему придается содержаніе, болѣе всего соотвѣт-

ствующее настроенію поэта, и болѣе всего дѣйствующее на читателя. Гоголь въ такихъ случаяхъ проникается этимъ настроеніемъ насквозь; онъ находитъ въ этомъ наслажденіе, и душа его живетъ полною жизнью. Вспомнимъ лишь образъ сравненія рѣки съ кокетливою красавицею, франтовъ съ мухами. Возбужденное чувство требуетъ выхода въ словѣ, и въ такихъ случаяхъ Гоголь не такъ обращаетъ вниманіе на наглядность изображенія отъ сравненія, какъ на силу производимой возбуждаемости.

Есть образы, ихъ немного, которые сближаютъ Гоголя со всѣми другими писателями и не представляютъ, поэтому, особеннаго интереса, какъ слишкомъ шаблонныя.

„...Пошли, пошли и зашумѣли, *какъ море, въ непогоду*, толки и рѣчи между народомъ."

„И татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, *какъ змѣи*, перелетѣли черезъ пропасть..."

„На самой же горѣ подымались по обѣимъ сторонамъ высокіе, *какъ стрѣла*, осокори" и т. д.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о Гоголевскихъ гиппербола хъ.

Гипперболы въ сравненіяхъ производятъ впечатлѣніе поэтическое, если образы включаются въ размѣры, какіе умъ способенъ обнять. У Гоголя они бываютъ по мѣстамъ слишкомъ громоздки, неестественны, или менѣе всего способны дать представленіе о преобладающей чертѣ изображаемаго предмета, явленія; во всякомъ случаѣ мало характеризуютъ ихъ.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскроивши черныя, какъ уголь тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска: таковы очи у альбанки..."

„Половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу..."

„Сабли страшно звякнули: желѣзо рубило желѣзо, и искрами будто пылью, обсыпали себя козаки" и т. п.

Не слѣдуетъ, мнѣ кажется, относить сюда тѣ гипперболы, которые, возбуждая воображеніе, настраиваютъ его къ чему-то необыкновенно-большому, грандіозному, съ цѣлью вызвать

состояніе удивленія, съ цѣлью поразить: „чудится будто зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру". Или „рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра..." такіе образы поэтичны.

„Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ, встрѣтивъ что-то горючее и вдругъ, вырвавшись вихремъ, оно свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами..." „Заготовленіе (къ обѣду) было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы." „Что? удачно? спросилъ онъ съ *нетерпѣніемъ дикаго коня*" (при изображеніи мучительнаго дня, проведеннаго Тарасомъ Бульбой. Они такъ же понятны, какъ обыкновенная фигура гиперболическая, въ родѣ: „Изъ самой средины морского дна возноситъ она (скала) къ небесамъ непреломныя свои стѣны". Въ главѣ о юморѣ мы къ этому вопросу возвратимся, такъ какъ гиперболы Гоголя главнымъ образомъ и рѣзко выступаютъ въ его юмористическихъ сопоставленіяхъ

Мандельштамъ.

Отличительныя свойства таланта Гоголя

Мы бы стали тщетно искать въ нашей литературѣ на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ повторенія того перелома, который въ это время совершился въ литературѣ Запада. Несмотря на то, что новое реалистическое направленіе нигдѣ не выступало съ такою рѣзкостью, какъ именно у насъ, оно увлекло за собой лишь очень небольшую часть литературы, а въ остальной ея части не вызвало почти никакого отголоска. Случилось это, главнымъ образомъ, потому, что нашъ романтизмъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ двухъ своихъ геніальныхъ представителей — Пушкина и Лермонтова — былъ съ самаго начала проникнутъ здоровымъ реалистическимъ духомъ, и что, несмотря на существованіе у насъ крѣпостного права, высшіе общественные классы, а съ ними вмѣстѣ и литература, стояли гораздо ближе къ народному быту, чѣмъ на Западѣ. Но была тутъ и другая причина. Сороколѣтній періодъ отъ начала двадцатыхъ годовъ

до конца пятидесятыхъ былъ сплошнымъ дворянскимъ періодомъ въ нашей литературѣ. Не только почти всѣ выдающіеся писатели этой эпохи, но и всѣ выведенные ими типы принадлежали къ дворянской средѣ. За всю эту эпоху общественный строй оставался неизмѣннымъ: одинъ и тотъ же классъ составлялъ подавляющую массу читающей публики и, вслѣдствіе этого, естественно хотѣлъ видѣть и въ литературѣ свое отраженіе. Въ Россіи не произошло ничего подобнаго тому соціальному перевороту, который съ большею или меньшею рѣзкостью совершился въ прочихъ европейскихъ странахъ. Вотъ почему и въ русской литературѣ не совершилось за все это время никакого замѣтнаго перелома, и даже огромный талантъ Гоголя не оказалъ на его современниковъ особеннаго воздѣйствія.

Говоря это, я вовсе не намѣренъ умалять значеніе Гоголя. Что Гоголь первый у насъ ввелъ въ область художественнаго творчества изображеніе жизни мелкихъ людей и, притомъ, безъ всякихъ условныхъ прикрасъ, что онъ, такимъ образомъ, расширилъ эту область и количественно и качественно, это, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, какъ не подлежитъ сомнѣнію то, что впослѣдствіи цѣлая школа писателей признавала въ немъ своего родоначальника. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Гоголь въ самомъ дѣлѣ былъ у насъ основателемъ совершенно новаго литературнаго толка. Реализмъ существовалъ и до Гоголя, если только подъ этимъ словомъ мы будемъ понимать не внѣшнюю форму искусства, а его содержаніе, не изображеніе жизненной пошлости, не тривіальные обороты рѣчи, а правдивое воспроизведеніе человѣческаго сердца и условій быта. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ и въ особенности Грибоѣдовъ опередили Гоголя. Большей правды, чѣмъ та, какую мы видимъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и въ „Горѣ отъ ума“, отъ искусства требовать нельзя. И если у Гоголя такое видное мѣсто занимаютъ не только отрицательные, но и уродливые, пошлые типы, если сообразно этому самый языкъ у него сталъ въ уровень съ изображаемой имъ средою, то это объясняется лишь тѣмъ, что главнымъ его предметомъ творчества была сатира. И даже въ этомъ смыслѣ у Гоголя былъ предшественникъ, притомъ очень давнишній, современникъ Екатерининской эпохи. Языкъ „Недоросля“ и „Бригадира“ щепетильностью

не отличается и по своей рѣзкости мало въ чемъ уступаетъ языку Гоголя. Скажу болѣе: если однимъ изъ отличительныхъ свойствъ реализма мы признаемъ простоту рѣчи, то въ этомъ послѣднемъ отношеніи Пушкину едва ли не принадлежитъ значительное преимущество передъ Гоголемъ. Какъ скоро въ самомъ дѣлѣ у Гоголя проявляется лиризмъ, напр., въ концѣ первой части „Мертвыхъ душъ" — языкъ Гоголя становится, не скажу вычурнымъ, но, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе цвѣтистымъ и реторичнымъ, чѣмъ проза Пушкина. Сравнимъ „Капитанскую дочку" съ нѣкоторыми мѣстами „Мертвыхъ душъ", не говоря уже о „Тарасѣ Бульбѣ", и увидимъ, на чьей сторонѣ бо́льшая простота. Не въ этомъ, стало-быть, главная заслуга Гоголя, отличительная черта его таланта.

Нельзя также сказать, чтобы примѣръ Гоголя тотчасъ нашелъ себѣ многочисленныхъ подражателей. Первыя вполнѣ реалистическія его произведенія, „Старосвѣтскіе помѣщики" и повѣсть „Объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ", появились въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, а первыя два крупныхъ литературныхъ явленія, носящія на себѣ явный отпечатокъ подражанія Гоголю, — „Бѣдные люди" Достоевскаго и „Обыкновенная исторія" Гончарова — относятся къ концу 40-хъ. За весь этотъ промежутокъ времени литературная сцена была занята писателями Пушкинской, а не Гоголевской школы, — Тургеневымъ, княземъ Вяземскимъ, графомъ Соллогубомъ, нѣсколько позже — Авдѣевымъ, Майковымъ и Полонскимъ. И всѣ эти писатели, за исключеніемъ Вяземскаго и Соллогуба, начали свою дѣятельность въ сороковыхъ годахъ, когда появились уже главныя произведенія Гоголя — „Мертвыя души" и „Ревизоръ". Наконецъ, какъ бы страннымъ это ни показалось, во многихъ чертахъ Гоголевскаго творчества я не могу не видѣть явныхъ слѣдовъ романтизма. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ и романтизмъ — это поистинѣ странное сочетаніе. И тѣмъ не менѣе оно такъ. Я не стану даже ссылаться на „Вечера на хуторѣ", проникнутые романтизмомъ съ начала и до конца, хоть и своеобразнымъ, народнымъ романтизмомъ. Не сошлюсь я и на „Тараса Бульбу", геройская фигура котораго, хотя и вполнѣ національно-бытовая, несомнѣнно перерастаетъ рамки дѣйствительности, чтобы подняться до высоты эпоса.

Моя задача была бы тогда слишкомъ легка. Но и въ своей безсмертной сатирѣ, „Мертвыхъ душахъ“, которую самъ Гоголь не даромъ называлъ поэмой, при всей мелочности изображенныхъ въ ней отдѣльныхъ явленій, при всей пошлости главнаго героя, Гоголь далеко возвышается надъ простой фотографіей жизни, надъ кропотливымъ анализомъ ея буднячнаго теченія. Изъ-подъ его пера вырастаетъ грандіозная картина цѣлой Россіи, пошлость его героевъ — трагическая пошлость, если можно такъ выразиться, и сама ихъ уродливость — плодъ идеализаціи дѣйствительности, представленной въ увеличенныхъ размѣрахъ. Да, уродливость тоже способна на идеализацію; припомнимъ хотя бы „Ричарда III“. Гоголь не хотѣлъ, впрочемъ, остановиться на одной отрицательной сторонѣ русской жизни. Въ слѣдущей части „Мертвыхъ душъ“ онъ собирается перейти къ созданію положительныхъ типовъ, и когда онъ говоритъ о дальнѣйшемъ развитіи своей поэмы, въ словахъ его звучитъ настоящій лиризмъ романтика. Вторая часть „Мертвыхъ душъ“ осталась, къ сожалѣнію, неоконченною, и мы не въ состояніи теперь судить, какъ бы выполнилъ Гоголь свою задачу. Русскимъ художникамъ вообще положительные типы удаются мало. Но по одному задуманному имъ плану мы уже знаемъ, что творчество Гоголя не удовлетворялось одною идеализаціею уродливости. Наклонность къ обобщенію, къ символическому изображенію обширныхъ философскихъ задачъ была несомнѣнно свойственна творчеству Гоголя. Припомнимъ его „Портретъ“ и объясненіе „Ревизора“, какое онъ далъ въ своемъ „Разъѣздѣ“. Итакъ, оригинальность Гоголя и то недосягаемое высокое мѣсто, какое онъ занимаетъ въ русской литературѣ, зависитъ не оттого, что онъ былъ художникомъ-реалистомъ. Его отличительное свойство, — та черта его таланта, съ которой ни одинъ изъ нашихъ писателей, кромѣ развѣ Л. Толстого, состязаться не можетъ, это — необыкновенная чуткость въ пониманіи свойствъ человѣческой натуры, поразительное умѣнье схватывать эти свойства и выливать ихъ въ живой, цѣлостный образъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ его сравнить съ другими очень крупными художниками послѣдующей эпохи, съ Гончаровымъ и Щедринымъ. Оба они несомнѣнно обладаютъ и наблюдательностью, и яркостью кисти. А между тѣмъ Гончарову понадобился цѣлый обшир-

ный романъ, чтобы въ „Обломовѣ“ воспроизвести типъ, который у Гоголя вылился въ нѣсколькихъ страницахъ. И едва ли я ошибусь, сказавъ, что Гоголевскій Тентетниковъ обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ болѣе тонкое пониманіе свойствъ типа, чѣмъ Гончаровскій Обломовъ. Юморъ Щедрина былъ поистинѣ неистощимъ, и послѣ Гоголя онъ нашъ величайшій сатирикъ; а между тѣмъ изъ всѣхъ его многочисленныхъ типовъ уцѣлѣлъ, какъ нарицательное имя, одинъ только образъ его кулака Разуваева; и типъ этотъ къ тому же, по своей распространенности и своему однообразію, не представляетъ большихъ трудностей для воспроизведенія. Прочія многочисленныя фигуры Щедрина, его графы Твердо-Онто, князья Самнатре, его Помпадуры, безшабашные совѣтники Удавъ и Дыба, генералъ Редедя и т. д. останутся забавными карикатурами, и не болѣе. Потомство врядъ ли ихъ запомнитъ. А у Гоголя даже второстепенныя лица, его Маниловы, Собакевичи, Ноздревы, Коробочки, долго будутъ жить, какъ нарицательныя имена, одинаково понятныя всѣмъ классамъ читающей публики. *Головинъ.*

Юморъ Гоголя.

Въ настоящее время Гоголя принято называть представителемъ юмористическаго направленія въ нашей литературѣ. Между тѣмъ если всмотрѣться внимательно въ ходъ развитія творческой способности Гоголя, то окажется, что въ наиболѣе совершенныхъ, наиболѣе зрѣлыхъ и законченныхъ его произведеніяхъ юморъ присутствуетъ, можно сказать, въ минимальной степени. Юморъ, если отличать его отъ комизма и сатиры, представляетъ такое изображеніе отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности, при которомъ нѣтъ мѣста сарказму, негодованію, презрѣнію, отчаянію, однимъ словомъ, тѣмъ чувствамъ, которыя, всѣ, въ совокупности или отдѣльно, сопровождаютъ смѣхъ сатирическій и комическій; юмористическое изображеніе вызываетъ иныя чувства, юмористическій смѣхъ также скрываетъ за собой грусть и слезы, но не слезы безнадежнаго отчаянія о полномъ паденіи человѣка и невозможности его возрожденія: въ здоровомъ, нормальномъ юмористическомъ смѣхѣ слышится нота добродушія, вѣра

въ человѣческое достоинство и въ присутствіе въ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни палъ, искры божественнаго огня. Таковъ юморъ у Сервантеса, гдѣ читатель, насмѣявшись до боли надъ невѣроятными приключеніями злополучнаго ламанчскаго рыцаря, въ концѣ концовъ разстается съ нимъ съ чувствомъ состраданія и даже уваженія къ нему, какъ типу въ сущности своей высоко-трагическому, типу несчастнаго борца за идею, идущую въ разрѣзъ съ обществомъ вслѣдствіе ли ея анахронизма, или вслѣдствіе преждевременности. Таковъ юморъ у Диккенса, гдѣ среди мастерски начертанной картины людской пошлости, пустоты, глупости и гадости разсыпаны свѣтлыя точки, дающія отдыхъ глазу наблюдателя и не допускающія человѣка до отчаянія: нравственное чувство читателя получаетъ извѣстное удовлетвореніе, видя, что въ душѣ людей, повидимому, съ головой погрузившихся въ пошлость и порокъ, сохраняется все-таки мѣстечко для человѣческихъ чувствъ и мыслей; что люди эти не становятся „безобразной прорѣхой на человѣчествѣ".

Съ такимъ характеромъ является и юморъ Гоголя въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ, въ пору юношеской еще свѣжести писателя, не успѣвшаго узнать до дна всю глубину пошлости и неприглядности русской жизни. Впрочемъ, такими произведеніями являются не „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", а другая серія повѣстей, носящая общее заглавіе: „Миргородъ". Что касается до „Вечеровъ", то въ нихъ такъ и блещетъ юношеская веселость отъ души, характеризующая того Гоголя въ молодыхъ лѣтахъ, какимъ знали его товарищи по гимназіи высшихъ наукъ съ его мѣткими выраженіями, способностью подмѣчать комичныя стороны и мастерски ихъ передавать. Но смѣхъ и веселость здѣсь еще беззаботные, дѣйствительно оттого, что человѣку весело и смѣшно; той глубины, какая является въ слѣдующихъ произведеніяхъ Гоголя, здѣсь еще мало замѣтно. Съ другой стороны, въ „Вечерахъ" и другихъ произведеніяхъ Гоголя, сюжеты которыхъ взяты изъ жизни его родины, Малороссіи (за исключеніемъ, конечно, „Тараса Бульбы"), изобиліе сатирическаго и комическаго элемента, кромѣ врожденнаго таланта автора, можно объяснить еще другимъ обстоятельствомъ. Съ легкой руки извѣстнаго малороссійскаго писателя Котляревскаго и его

послѣдователей, малороссійскій элементъ въ русской литературѣ получилъ значеніе исключительно комическаго элемента. Петербуржцы, для которыхъ, главнымъ образомъ, и писалъ свои повѣсти Гоголь, смотрѣли на Малороссію, какъ на какой-то складъ комизма въ предѣлахъ Россійской имперіи; въ драматическихъ, напр., произведеніяхъ одно появленіе на сцену малоросса уже вызывало хохотъ публики. Вліяніе такого направленія литературы относительно малороссійскаго элемента, какъ смѣхотворнаго, замѣтно и на диканьскихъ разсказахъ Гоголя, хотя художественное чутье его и удерживало его отъ всякаго шаржа и утрировки.

Спокойный, юношескій, такъ сказать, юморъ Гоголя особенно полно выразился въ идиллической картинѣ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ". Поэтъ, изображая здѣсь жизнь людей полную пошлости и поражающую отсутствіемъ высшихъ, интеллектуальныхъ интересовъ, отыскиваетъ тѣмъ не менѣе и въ этой жизни симпатичныя стороны, въ видѣ напр. добродушія, безпредѣльнаго гостепріимства и горячей супружеской любви. Авторъ самъ добродушно смѣется надъ безсодержательностью чисто растительной жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ, но смѣется добрымъ смѣхомъ, не „горькимъ словомъ", а словомъ прощенія и состраданія. Въ воображеніи поэта дѣйствительно возставали его юношескіе годы и мирный пріютъ безобидныхъ старичковъ, встрѣчавшихъ, быть можетъ, его самого съ родственной лаской, за которую можно бы извинить и кое-какія пошловатыя стороны ихъ прозябательнаго существованія.

По чѣмъ ближе знакомился Гоголь съ русской дѣйствительностью, чѣмъ глубже ее изучалъ, тѣмъ болѣе показывала она ему своихъ отрицательныхъ сторонъ. И настроеніе поэта мѣняется. Взамѣнъ непосредственнаго отношенія молодости, взамѣнъ искренняго веселаго смѣха надъ тѣмъ, что смѣшно, является обдуманно критическое отношеніе къ дѣйствительности и грусть въ виду массы самыхъ неутѣшительныхъ сторонъ послѣдней. Для посторонняго человѣка кажется, что поэтъ продолжаетъ смѣяться такъ же весело и отъ чистаго сердца, какъ и прежде, но это уже видимый только смѣхъ, за которымъ скрываются слезы, и поэтъ, вызвавши въ читателѣ неудержимый смѣхъ изображеніемъ людской пошлости, сразу обрываетъ восклицаніемъ, обнаружи-

вающимъ его собственное душевное настроеніе: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

Затѣмъ слѣдуютъ капитальнѣйшія творенія Гоголя: „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“. Пора беззаботнаго смѣха прошла для поэта. Онъ увидѣлъ, что однимъ веселымъ смѣхомъ, такъ сказать, не отдѣлаешься. „Я увидѣлъ,—говоритъ онъ,—что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго. Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучку все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами“. Дѣйствительно, картина человѣческой развращенности, пошлости и непроходимаго умственнаго мрака, царившаго на Руси, начертанная Гоголемъ въ „Ревизорѣ“, была страшна и поразила самого поэта. Онъ ужаснулся этого отрицательнаго воображенія русской жизни и задался цѣлью представить художественные образы положительныхъ идеаловъ. Къ этому, кромѣ внутренней художественной потребности, побуждала его и та горячая любовь къ своему отечеству, которую онъ поэтически выражаетъ во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній. По взглядамъ своимъ на Россію и русскій народъ, на ихъ характеръ и ихъ всемірное значеніе Гоголь подходитъ къ славянофиламъ, и съ большею частью главныхъ корифеевъ этой партіи онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ связяхъ. Отъ этого въ его взглядахъ на Россію и русскій народъ замѣчается извѣстная идеализація. Вспомнимъ напр. его страстныя лирическія отступленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Мертвыхъ душъ“ и его патетическія воззванія къ Руси. Та же горячая любовь къ родинѣ выражается чуть не на каждой страницѣ „Переписки съ друзьями“ и „Авторской исповѣди“. *Скребницкій.*

Гоголь, какъ эпическій писатель.

Гоголь былъ истинный поэтъ. Художественное творчество составляло весь смыслъ, все значеніе его жизни, поглощало всѣ его чувства; все остальное, какъ стороннее, отступало на задній планъ. Онъ всю жизнь свою провелъ бездомнымъ холостякомъ, всецѣло отданный созданію своихъ высокихъ произведеній. Онъ отказался отъ работъ въ журналахъ, порои чуть не умиралъ съ голоду, но своему высокому призванію измѣнить не хотѣлъ и не могъ. Онъ считалъ преступленіемъ отнять отъ своихъ творческихъ трудовъ даже нѣсколько дней, видѣлъ въ призваніи художника служеніе самому государству, самому народу. Въ пору высшаго развитія его дарованія и творчества ему казалось, что кратковременная служба его въ качествѣ чиновника, учителя и профессора была только сонъ, только подготовительный шагъ къ его жизненному призванію — писательству. Въ послѣдніе годы жизни, когда тѣлесные недуги стали его одолѣвать, когда минуты художественнаго вдохновенія и производительнаго творчества стали посѣщать его все рѣже и рѣже, — онъ страдалъ безконечно; ему казалось, что смыслъ жизни его исчерпанъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ художникъ-мученикъ, привѣтствовавшій благодарными слезами каждую минуту творчества, какъ приближавшую его къ исполненію задачи его жизни — окончанію „Мертвыхъ Душъ". Отсюда ясно, почему такъ величественны и художественны его высокія созданія и такъ слабы его произведенія прозаическія, почему наброски его по исторіи Малороссіи отличались огненнымъ языкомъ, почему въ очень немногихъ удачныхъ профессорскихъ чтеніяхъ виденъ больше поэтъ, чѣмъ ученый.

Гоголь — художникъ пластикъ. Онъ созерцаетъ типъ или явленіе въ совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ особенностей, какъ живописецъ или ваятель, у которыхъ духовная жизнь человѣка въ самый моментъ созерцанія ея нераздѣльно сливается съ внѣшностью человѣка, его лицомъ, мимикой, выраженіемъ глазъ, складкой одежды, положеніемъ тѣла, походкой и т. п. Для живописи и ваянія, такъ сказать, нѣтъ прошедшаго и будущаго, а только настоящее; потому что, по свойству самого матеріала, эти искусства могутъ изображать только одинъ моментъ. Гоголь обыкно-

венно беретъ свой типъ уже сложившимся, въ опредѣленное время, но зато рисуетъ его предъ нами съ исчерпывающею полнотою душевныхъ и тѣлесныхъ состояній, движеній и положенія. Такъ онъ беретъ Плюшкина въ тотъ моментъ, когда пагубная страсть скупости сдѣлала свое разрушительное дѣло, когда онъ утратилъ чувство отца, чувство чести своего положенія, обратился въ „заплатаннаго", въ „рыболова", по выраженію крестьянъ, готовъ былъ стащить ведро зазѣвавшейся бабы, когда онъ утратилъ свой обычный видъ и былъ принятъ Чичиковымъ за ключницу. При этомъ Гоголь знакомитъ насъ со всѣми мелочами обыденности, опредѣлившимися подъ вліяніемъ господствующей страсти. Словомъ, бери полотно и рисуй: художникъ далъ все необходимое для картины. Эта пластичность не оставляетъ Гоголя и тогда, когда онъ беретъ своего героя въ разныхъ моментахъ его жизни, какъ Чичикова. Вспомнимъ, напр., Чичикова во фракѣ изъ сукна Наваринскаго пламени съ искрой, когда онъ впервые примѣряетъ костюмъ. Описаніе своего героя самъ Гоголь заканчиваетъ восклицаніемъ: „Художникъ, бери кисть и пиши!" Послѣ этого легко понять, почему еще на школьной скамейкѣ Гоголю не трудно давалась живопись, почему произведенія архитектуры и пластики были любимымъ предметомъ его наблюденій дома и за границею.

Въ связи съ пластикой творчества Гоголя находится объективность его творчества. Она являлась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тщательнаго наблюденія человѣка и жизненныхъ явленій „до воспріятія всего прозаическаго существеннаго дрязга жизни", „всего трапья до малѣйшей булавки, что кружится ежедневно вокругъ человѣка". Благодаря этому человѣкъ и явленія природы возникали въ сознаніи поэта въ такой полнотѣ сущности и внѣшнихъ проявленій, что исключался личный произволъ автора въ ихъ освѣщеніи. Съ цѣлію обезпечить себѣ возможность спокойнаго созерцанія предмета, Гоголь иногда старался отдалиться отъ него, чтобы охранить себя отъ волненій и увлеченій, неизбѣжныхъ при созерцаніи предметовъ, близкихъ не по одной пространственности. „Настоящее слишкомъ живо", говоритъ Гоголь, „слишкомъ шевелитъ, слишкомъ раздражаетъ, перо писателя нечувствительно переходитъ въ сатиру". Въ этомъ обстоятельствѣ Гоголь ищетъ оправданія, между прочимъ, и для

своей поѣздки за границу. Онъ находитъ, что въ близкомъ соприкосновеніи съ изображаемой средой „видишь передъ собою только тѣхъ людей, которые стоятъ близко отъ тебя: всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь". Поэтому Гоголь хочетъ стать на такое мѣсто, откуда онъ могъ бы увидать всю массу..., какъ бы отдалившись отъ настоящаго, обратить его нѣкоторымъ образомъ для себя въ прошедшее. Здѣсь, повидимому, находитъ себѣ объясненіе самый процессъ писанія Гоголя. Какъ извѣстно, онъ не любилъ спѣшить изданіемъ сочиненій, любилъ, чтобы они „отлежались", медленно переходилъ отъ набросковъ и передѣлокъ къ окончательной редакціи. Такой процессъ продолжительнаго созерцанія предмета давалъ ему возможность „сообразить все отъ мала до велика, ничего не пропустивши изъ того, что касается не только крупныхъ чертъ характера, но и мельчайшихъ подробностей его проявленія. Такъ получалось „полное воплощенье въ плоть", „полное округленіе характера" и съ тѣмъ вмѣстѣ сглаживалось отраженіе личности самого автора въ воспроизведеніи лицъ и явленій: предъ читателемъ выступалъ типъ или предметъ, какъ одинъ и другой существуютъ внѣ насъ.

Съ пластикою и объективностью творчества Гоголя находится въ органической связи его реализмъ. Какъ живописецъ или ваятель нуждаются въ такъ называемыхъ натурщикахъ, чтобы идеи и образы, созданные фантазіею, нашли болѣе жизненное и правдивое воплощеніе, такъ и поэтъ-пластикъ только черезъ внимательное наблюденіе жизни и ея явленій можетъ достигать истинной художественности или жизненной правдивости своихъ созданій. Эта черта, наблюдаемая у каждаго поэта-художника, выступаетъ у Гоголя съ особенною отчетливостью. Гоголь замѣчаетъ о себѣ: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности". Это, конечно, не значитъ, что Гоголь давалъ лишь голую копію дѣйствительности; нѣтъ, онъ творчески преобразовывалъ ее, одухотворялъ и обобщалъ разрозненное общею идеею, какъ онъ самъ говоритъ: „Я никогда *не писалъ портретовъ*, въ смыслѣ

простой копіи. *Я создавалъ портретъ*, но создавалъ его вслѣдствіе соображенья, а не воображенья. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображенье, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ; потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображенье, — и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого". Эта личная исповѣдь Гоголя объясняетъ намъ существеннымъ образомъ то, почему въ своемъ творчествѣ онъ останавливался преимущественно на явленіяхъ современной жизни. „У меня не было влеченія къ прошедшему", говоритъ Гоголь. „Мой предметъ была современность, жизнь въ ея нынѣшнемъ быту". Даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Тарасъ Бульба", „Вій", „Страшная месть", Гоголь затрогиваетъ такую старину, которая еще была жива въ современномъ преданіи, была доступна постиженію съ живой ея стороны, поддавалась уразумѣнію, „угадыванію" въ живыхъ типахъ, во внутреннемъ значеніи явленій. Въ этомъ смыслѣ Гоголь водворялъ въ русской литературѣ пріемъ творчества, который далеко не можетъ быть понимаемъ, какъ обычный, исторически установившійся и строго выработанный. Его предшественникомъ, учителемъ, но и современникомъ можетъ быть названъ лишь Пушкинъ.

Малининъ.

Національный элементъ въ сочиненіяхъ Гоголя.

Въ повѣстяхъ Гоголя, начиная съ его „Вечеровъ", выпукло и отчетливо выступаютъ бытовыя особенности народнаго міровоззрѣнія и не только традиціоннаго, унаслѣдованнаго отъ старины, какъ преданія о Купальской ночи, утопленницахъ, колдунахъ и т. п., но понятія новыя, сложившіяся не безъ вліянія западно-европейской образованности. Въ этомъ отношеніи Гоголь можетъ и долженъ быть названъ національнымъ поэтомъ въ томъ же значеніи, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Гончаровъ и др., какъ писатели, связанные съ своимъ народомъ всѣми особенностями своей личности, своего творчества, и какъ выразители отличительныхъ чертъ русскаго народнаго быта

въ своихъ твореніяхъ, какъ воплотителя русскаго народнаго генія, его языка, доведеннаго имъ до высокаго совершенства.

Но въ изображеніи русской жизни у Гоголя есть своя особенность, которая рѣшительнымъ образомъ выдѣляетъ его въ ряду великихъ русскихъ писателей. Особенность эта — юморъ. Смѣхъ Гоголя не сатира Некрасова или Щедрина, ни даже Островскаго, еще менѣе Тургенева и Достоевскаго. Сатира названныхъ писателей обозначаетъ каждую вещь собственнымъ именемъ, безъ прикрасъ и смягченія рисуетъ предъ нами рядъ неприглядныхъ явленій русской дѣйствительности, такъ что читателю становится иной разъ тяжело до нестерпимой боли, напр. при чтеніи нѣкоторыхъ сценъ у Достоевскаго. Не то у Гоголя. Смѣхъ, по вѣрному пониманію Гоголя, имѣетъ примиряющее значеніе. Поэтому даже тогда, когда изображаемая сцена тяжела, невольный смѣхъ, являющійся у читателя, какъ слѣдствіе принятаго авторомъ освѣщенія, умѣряетъ горечь впечатлѣнія и ставитъ читателя выше раздраженія противъ людей. Возьмемъ хотя бы сцену, когда Чичиковъ въ роскошномъ фракѣ изъ сукна Наваринскаго пламени съ искрой валяется въ ногахъ генералъ-губернатора или въ ногахъ Муразова при посѣщеніи послѣднимъ тюрьмы. Постоянное напоминаніе объ этомъ фракѣ вызываетъ у васъ невольную улыбку, хотя самая сцена тяжела: на вашихъ глазахъ человѣкъ, подавленный грозою грядущаго правосудія и безпомощный, и умоляетъ о пощадѣ и не находитъ ея. Юморъ Гоголя дѣлаетъ и то, что предъ читателемъ какъ бы невольно исчезаетъ привлекательная сторона жизненныхъ явленіи и выступаетъ лишь ихъ пошлость. Предъ вами дамы пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятная. Это лестное названіе ими было, конечно, заслужено, но Гоголь оставляетъ въ тѣни то, что было въ нихъ привлекательнаго, и выставляетъ лишь пошлое и притомъ съ такою силою и осязательностію, что читатель не можетъ удержаться отъ смѣха.

Но въ юморѣ Гоголя есть и другая сторона: нравственное страданіе отъ сознанія несовершенствъ отдѣльныхъ представителей общества. И страдаетъ прежде всего самъ авторъ, которому суждено было „итти рука объ руку съ своими героями". Его страданія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ любитъ своего ближняго, чѣмъ сильнѣе желаетъ содѣйство-

вать нравственному совершенствованию своей родины. Прекрасно выразилъ это душевное состояніе Гоголя Пушкинъ, назвавши его „великимъ меланхоликомъ“. Это сочетаніе меланхоліи и смѣха составляетъ отличительную черту личности и творчества Гоголя и проходитъ красною нитью чрезъ всю его жизнь. Помимо сознанія и воли Гоголя оно проявляется у него довольно рано. Вотъ, напр., что онъ говоритъ о происхожденіи смѣха въ своихъ первыхъ повѣстяхъ: „На меня находили *припадки тоски*, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самаго, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала“. Отсюда происходитъ то, что уже въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя встрѣчаются лирическія отступленія, исполненныя глубокой грусти.

Вполнѣ естественно и то, что юморъ Гоголя углубляется съ лѣтами. Опытъ жизни, знакомство съ печальными общественными явленіями, ускользавшими отъ наблюденія юноши, созрѣваніе ума и творчества, сближеніе съ людьми болѣе развитыми и лучшей школы неизбѣжно вели къ тому, что сатира Гоголя шире и глубже захватывала комическую сторону русской общественности. Въ первомъ его литературномъ опытѣ, „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“, нѣтъ ни русской дѣйствительности ни основъ творческаго дарованія геніальнаго юноши. Иначе пошло дѣло, когда Гоголь коснулся родной почвы любимой имъ Малороссіи. По собственному признанію Гоголя, онъ остановился на явленіяхъ быта Малороссіи потому, что замѣтилъ большой интересъ къ нему въ образованныхъ кружкахъ Петербурга, но это не мѣшало ему разомъ произвести своего рода переворотъ въ исторіи русской литературы. Бытовыя явленія народной жизни уже раньше Гоголя съ разнымъ успѣхомъ затрогивались нашими писателями, особенно романтической школы. Изъ людей, близко стоявшихъ къ Гоголю, слѣдуетъ при этомъ назвать Жуковскаго и Пушкина. Но ни у кого изъ предшественниковъ народный быть не былъ предметомъ столь полнаго и

нарочитаго воспроизведенія, какъ у юнаго Гоголя. Это его рѣшительная заслуга. Его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" и отчасти „Миргородъ" существенно расширяли содержаніе тогдашней русской литературы и закрѣпляли существованіе повѣсти, какъ формы эпоса. Самый пріемъ освѣщенія предмета особенный, для поры Гоголя исключительный.

Про эти разсказы изъ быта Малороссіи мало сказать, что въ нихъ видна его горячая любовь къ своей ближайшей родинѣ: Гоголь влюбленъ въ нее и невольно заражаетъ читателя своимъ чувствомъ. Нужно быть сѣверяниномъ, чтобы судить, насколько очаровательна Малороссія, нынѣшняя и эпическая, въ очеркахъ Гоголя; сколько искренняго и неотразимаго восторга возбуждаетъ Гоголь въ читателѣ предметомъ своихъ разсказовъ. Повѣсти изъ Малорусскаго быта— это романтическій періодъ творчества Гоголя и не потому только, что онъ затрогиваетъ въ нихъ народныя преданія и козацкую старину, но еще болѣе потому, что въ нихъ сказывается столько молодого увлеченія прошлымъ и настоящимъ родины. Изъ далекаго и холоднаго Петербурга созерцаетъ онъ влюбленными очами чудное небо Малороссіи, упоительную украинскую ночь, сады вишенъ и черешенъ, красоту дѣвицъ и удаль паробковъ, онъ погруженъ въ преданія родной старины и за этими прелестями былого и настоящаго какъ бы не хочетъ видѣть того тяжелаго и скорбнаго, которымъ преисполнена человѣческая жизнь. Вспомнимъ только Петруся и Пидорку, жизненное счастіе которыхъ разбито деспотизмомъ разбогатѣвшаго и зазнавшагося мужика; вспомнимъ самодурство головы, соперничающаго съ сыномъ въ ухаживаніи за любимой и любящей дѣвушкой. А несчастная судьба падчерицы, доведенной до самоубійства истязаніями мачихи и безхарактерностію отца? А одичалая любовь колдуна-отца къ своей дочери Катеринѣ? Но очарованный авторъ проходитъ мимо печальныхъ явленій, какъ будто не хочетъ разрушить очарованія картины. И достигаетъ своей цѣли. Онъ владѣетъ секретомъ парализовать тяжелое впечатлѣніе отъ обычныхъ и непривлекательныхъ проявленій малорусскаго общежитія. Вспомнимъ хотя бы фигуру пьянаго Каленика, какъ онъ въ своемъ винномъ упоеніи никакъ не можетъ протанцовать гопака, ни распо-

знать своей хаты и отважно водворяется въ хатѣ головы къ полному смущенію послѣдняго. Нѣтъ, въ русской литературѣ нѣтъ рѣшительно никого, кто могъ бы соперничать съ Гоголемъ въ заразительномъ и искреннемъ смѣхѣ. Пушкинъ, конечно, былъ правъ, когда сказалъ, что Гоголь выучилъ насъ искренно смѣяться. По сообщенію современниковъ, смѣяться начинали раньше, чѣмъ принимались за чтеніе новой повѣсти Гоголя, какъ будто были увѣрены заранѣе, что она должна быть непремѣнно смѣшна.

Въ „Миргородѣ" смѣхъ глубже. Въ сочиненіяхъ, вошедшихъ въ сборникъ этого имени, вниманіе поэта поглощено не событіемъ, а личностью. „Старосвѣтскіе помѣщики", „Тарасъ Бульба", „Вій", „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ": таково заглавіе повѣстей этого сборника. Это былъ большой шагъ впередъ въ исторіи творчества Гоголя. Событіе давалось преданіемъ, наблюденіемъ, но личность приходилось создавать, „угадывать" и изъ отрывочныхъ наблюденій возсоздавать живыя черты ея. Чтобы охарактеризовать юморъ Гоголя этого періода, мы остановимъ вниманіе читателей не на похожденіяхъ Хомы Брута и не на личности живописнаго Ивана Никифоровича Довгочхуна; нѣтъ, мы попросимъ вспомнить личность Ивана Ивановича съ его прелестной бекешей, этого Миргородскаго краснобая, человѣка учтивѣйшаго, какъ сама учтивость. Былъ жаркій іюльскій день. Иванъ Ивановичъ отдыхаетъ подъ навѣсомъ, осматриваетъ свои владѣнія и думаетъ: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строенія, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего жъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?" Въ этомъ размышленіи Иванъ Ивановичъ весь налицо; здѣсь исчерпанъ весь міръ его помысловъ и желаній. Итакъ, дальше сливъ, грушъ, перегонной и капусты не простираются его порывы. Когда перечитываешь это мѣсто повѣсти, то невольно спрашиваешь себя, да гдѣ же тутъ человѣкъ съ его стремленіями, порывами, возвышающими его надъ матеріальнымъ міромъ? Этого человѣка нѣтъ здѣсь, и напрасно вы будете искать его на страницахъ повѣсти: онъ весь подавленъ, но и чувствуетъ себя прекрасно, считаетъ себя сча-

стливымъ и вполнѣ удовлетвореннымъ. Жизнь Ивана Ивановича — это сонъ, — сонъ безъ пробужденія, безъ прозрѣнія, сонъ съ открытыми глазами, которымъ однако не суждено усмотрѣть смысла и назначенія жизни человѣка.

Перевернемъ лучше нѣсколько страницъ „Миргорода" и раскроемъ чудную эпопею Гоголя „Тарасъ Бульба". Тарасъ только что въѣхалъ въ Сѣчь. По самой срединѣ дороги спитъ запорожецъ. — „Эхъ, какъ важно, развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! вырвалось замѣчаніе Тараса". Если бы мы наткнулись на такую картину на одной изъ Кіевскихъ улицъ, то, конечно, не пришли бы отъ нея въ восторгъ. Все это такъ: но посмотримъ этого запорожца въ другой моментъ, когда онъ выступаетъ въ походъ за праотеческую вѣру и за свою родину. Въ эту минуту онъ весь проникнутъ чувствомъ долга и всего менѣе думаетъ о себѣ, объ удобствахъ, о самой жизни своей. Онъ даже не понимаетъ, какъ можно въ такую пору думать о себѣ, когда родина съ надеждой смотритъ на него. — Ивана Ивановича мы, конечно, никогда не увидимъ растянувшимся среди дороги и улицы: онъ для этого слишкомъ благовоспитанъ; но мы не увидимъ его и въ ряду защитниковъ отечества. Иванъ Никифоровичъ купилъ ружье, когда *собирался* въ милицію; Иванъ Ивановичъ даже и не собирался въ милицію и ружье покупаетъ исключительно для охоты.

Да, поразительна сила дарованія Гоголя — прозрѣвать высокое въ средѣ, поражающей насъ наружною неприглядностью, и безконечно пошлое въ людяхъ, по внѣшнему виду благоприличныхъ.

Но эта сила дарованія Гоголя съ особенною очевидностію проявилась въ повѣстяхъ изъ Петербургскаго быта и въ поэмѣ „Мертвыя души". На произведеніяхъ этой поры, главнымъ образомъ, покоится слава Гоголя, какъ эпическаго писателя; съ ними же въ органической связи стоитъ цѣлый рядъ явленій послѣдующей русской литературы. Въ свою очередь, вліяніе Гоголя на общество и его самосознаніе опять-таки опредѣлилось прежде и болѣе всего повѣстями того же періода его литературной дѣятельности. Съ глубиною, неизвѣстною раньше, воспроизведены здѣсь общественная пошлость и разныя общественныя нестроенія. Пора юношескихъ иллюзій, очевидно, миновала для Гоголя без-

возвратно. Для созрѣвающаго автора открылись такія стороны русской дѣйствительности, которыя прежде ускользали отъ вниманія. Нельзя отрицать и того, что Гоголь на сѣверѣ былъ сторонній наблюдатель. Между нимъ и бытовыми явленіями не стояло дѣтскихъ привязанностей, всегда скрашивающихъ окружающую обыденность. Поэтому изощренный наблюденіемъ глазъ Гоголя видѣлъ вещи въ ихъ подлинномъ видѣ, безъ прикрасъ. Картины просились на бумагу и находили на ней выразительное воспроизведеніе. Сила красокъ здѣсь такъ велика, юморъ такъ безпощаденъ, смыслъ затронутыхъ общественныхъ явленій такъ очевиденъ, что обществу невозможно было оглянуться на себя. Дѣйствіе картинъ общественной жизни тѣмъ сильнѣе, что авторъ видимо не употребляетъ нарочитаго усилія сгущать краски или навязывать свои личныя воззрѣнія. Этого мало. Еще при жизни Гоголя общество далеко не всегда и раздѣляло теоретическія его воззрѣнія, но это нисколько не ослабляло впечатлѣнія великихъ его твореній. Бывало время, когда Гоголь, смущенный дѣйствіемъ своей сатиры, неожиданнымъ для него самого, готовъ былъ отречься отъ лучшихъ своихъ произведеній, составляющихъ гордость русской литературы; но и это нисколько не поколебало высокаго общественнаго значенія литературной дѣятельности Гоголя, ни вѣры въ его творчество.

Съ историко-литературной точки зрѣнія наиболѣе важно уяснить, что̀ въ повѣстяхъ этого періода привнесено Гоголемъ новаго въ русскую литературу въ значеніи литературнаго матеріала и способа его обработки. Гоголь отвоевалъ здѣсь себѣ особый уголокъ, мало затронутый его предшественниками. То была традиціонная чиновничья и помѣщичья Русь, въ которую довольно слабо проникалъ свѣтъ истиннаго образованія, куда не проникали высокіе идеалы жизни, выработанные совокупными усиліями культурныхъ народовъ, куда даже слабо проникало пониманіе истиннаго христіанства, — міръ людской пошлости, ничтожности, мелкихъ стремленій, опутывающихъ жизнь человѣка. По замѣчанію Пушкина, высказанному имъ самому Гоголю, „еще ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ

отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ". Гоголь и самъ признавалъ, что это его „главное свойство, одному ему принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей". Значеніе затронутыхъ Гоголемъ общественныхъ явленій заключалось въ томъ, что они господствовали въ русской жизни, давали тонъ времени, производили столь сильное давленіе на жизнь меньшинства, что порой требовалось не мало силы воли и выработанности воззрѣній, чтобы не уступить общему теченію. *Мамнинъ.*

„Русь изъ прекраснаго далека" у Гоголя.

Въ настоящей главѣ мы хотѣли бы раскрыть *психологію отношеній Гоголя къ Руси, какъ цѣлому*. Насъ интересуютъ здѣсь внутренняя, интимная сторона національно-русскаго призванія Гоголя и отраженіе различныхъ душевныхъ процессовъ, сюда относящихся, въ его мысли, въ его самосознаніи.

Этотъ вопросъ неразрывно связанъ съ исторіей главнаго труда Гоголя, — труда, которымъ онъ такъ блистательно оправдалъ свое призваніе великаго національнаго поэта Руси. Вотъ и посмотримъ, какими настроеніями, чувствами и мыслями сопровождалась работа надъ „Мертвыми Душами", заполнившая собою всю жизнь поэта съ половины 30-хъ годовъ и до самой смерти.

„Поэма" была начата въ 1835 году, задуманная на сюжетъ, данный Пушкинымъ, въ видѣ большого сатирическаго произведенія, въ которомъ должна была отразиться, „хоть съ одного боку", *вся Россія*.

По мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ, и планъ „Одиссеи" Чичикова выяснялся и развертывался въ головѣ великаго „хохла", — этотъ „хохолъ" все живѣе чувствовалъ и яснѣе сознавалъ, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, которое будетъ имѣть огромное всероссійское національное значеніе. Въ этой мысли онъ укрѣплялся съ каждымъ шагомъ впередъ и не стѣснялся выражать ее въ письмахъ. Такъ, уже въ іюнѣ 1836 года, когда работа была только въ началѣ, онъ писалъ Жуковскому: „... Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! *Какихъ высокихъ, какихъ торже-*

ственныхъ ощущеній, невидныхъ, незамѣтныхъ для свѣта. Исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ..." Далѣе говорится, что все, написанное имъ доселѣ, это только — ученическая проба пера, незрѣлые опыты, и что настоящее, великое дѣло — впереди. Для совершенія этого дѣла *ему необходимо быть, какъ можно дольше, внѣ отечества*, на чужбинѣ, гдѣ онъ отдохнетъ душой отъ тѣхъ непріятностей и огорченій, которыя онъ испыталъ на родинѣ и которыя въ концѣ-концовъ послужатъ ему на пользу, въ интересахъ его внутренняго воспитанія. „Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни (читаемъ здѣсь), и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое..." (Письмо изъ Гамбурга отъ 28/16 іюня 1836 г.).

Какъ бы мы ни относились къ вопросу объ „искренности" Гоголя, но мѣста въ письмахъ, въ родѣ приведеннаго, гдѣ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи для великаго подвига, объ участіи Промысла, о необходимости для него далекихъ путешествій и жизни за границею и т. д., дышатъ несомнѣнною правдою: въ нихъ своеобразно выразилось то, что въ самомъ дѣлѣ происходило въ его душѣ, когда совершался ростъ его духа и генія, и перековывались въ поэтическія созерцанія и художественные образы различныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи. Удалиться отъ непосредственнаго общенія съ объектами этихъ впечатлѣній, избавиться такимъ путемъ отъ чувствъ личнаго раздраженія и горечи было для Гоголя въ данное время насущною потребностью художника-мыслителя. Въ письмѣ къ Погодину (отъ 22/10 сент. того же 1836 г.) онъ говоритъ между прочимъ: „...на Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что невтерпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ, даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина..." Онъ живо чувствовалъ и сознавалъ, что для самаго успѣха его дѣла ему необходима „чужбина", какъ среда, гдѣ тягостныя и безотрадныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи, волшебною силою вдохновенія превращались въ художественные

образы, а горечь, раздраженіе и весь порядокъ скорбныхъ чувствъ смѣнялись тѣми „высокими, торжественными ощущеніями“, о которыхъ говоритъ онъ въ вышеприведенной выдержкѣ изъ письма къ Жуковскому. Въ этомъ же письмѣ говорится: „Долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея“.

Работу надъ „Мертвыми Душами“, начатую въ Россіи, Гоголь возобновилъ въ Швейцаріи, въ Веве, о чемъ узнаемъ изъ письма къ Данилевскому (изъ Лозанны, отъ 23 октября 1836 г.)[1]) и изъ письма къ Жуковскому отъ 12 ноября того же года изъ Парижа: „Осень въ Веве, наконецъ, настала прекрасная, почти лѣто. У меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за „Мертвыхъ Душъ“, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись... *Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ...*“[2]).

Работа продолжалась въ Парижѣ. „Мертвыя“ текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве (читаемъ въ томъ же письмѣ), и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу „Мертвыхъ Душъ“ въ Парижѣ... *Огромно велико мое твореніе*[3]), и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!*[3]) *Кто-то незримый пишетъ передо мной могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, мо-*

[1]) „Я сдѣлался болѣе русскихъ, чѣмъ французомъ, въ Веве, и это все произошло отъ того, что началъ здѣсь писать и продолжать моихъ „Мервыхъ Душъ“, которыхъ было оставилъ...“.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Курсивъ Гоголя.

жетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни"[1]).

Этотъ мотивъ — „вражда" съ „земляками", тягота и горечь русскихъ впечатлѣній и отношеній, откуда — живая потребность быть дальше отъ нихъ и жить „на чужбинѣ", гдѣ эти впечатлѣнія претворяются въ художенныя созерцанія Руси и гдѣ такимъ образомъ должно осуществиться великое національное призваніе поэта, — этотъ мотивъ повторяется и на разные лады звучитъ въ послѣдующихъ письмахъ. Въ отвѣтъ на письмо Погодина, гдѣ послѣдній, сообщая о смерти Пушкина, звалъ Гоголя въ Россію, Гоголь пишетъ между прочимъ: „Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?... Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ?... О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильны, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться...". Все живѣе чувствовалъ онъ и яснѣе сознавалъ невозможность для него ужиться среди непосредственныхъ впечатлѣній тогдашней русской дѣйствительности и, оставаясь въ Россіи, любить ее любовью художника-мыслителя и художника-гражданина. Только „на чужбинѣ", созерцая Русь „изъ прекраснаго далека", онъ ощущалъ живое дѣйствіе этой любви, этого стихійнаго тяготѣнія къ своему національному цѣлому. И вотъ онъ пишетъ (въ томъ же письмѣ къ Погодину — изъ Рима отъ 30 марта 1837 г.): „Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ я посвятить чуждому. *Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядящимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны?*"[2]).

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Курсивъ мой.

Поселившись въ Римѣ, Гоголь весьма скоро приспособился къ условіямъ тамошней жизни и чувствовалъ себя въ вѣчномъ городѣ такъ хорошо, какъ нигдѣ. Климатъ, природа, памятники искусства, вся обстановка жизни, національный складъ итальянцевъ, пришедшійся ему такъ по душѣ, — все это располагало его къ созерцательной жизни и творческой работѣ художника, и здѣсь онъ и написалъ (въ разное время) большую часть „Мертвыхъ Душъ“. Если бы возможно было, онъ остался бы здѣсь навсегда. И съ этихъ поръ въ его письмахъ то и дѣло встрѣчаются восторженные гимны Италіи и въ особенности Риму, и почти всегда эти гимны сопровождаются выраженіемъ рѣзкаго, порою очень странно звучащаго отвращенія къ жизни въ Россіи. Вотъ одно изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ этого рода: „Она (Италія)— моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня. Я родился здѣсь. *Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ* (письмо къ Жуковскому, отъ 30 октября 1837 г., изъ Рима). „О Римъ, Римъ! О Италія! Чья рука вырветъ меня отсюда!“ восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Данилевскому (2 февраля 1838 г.). Въ письмахъ этого времени встрѣчаются иногда довольно пространныя описанія Рима, его памятникомъ, храмовъ, часовенъ, процессій, карнавала и т. д., и по всему видно, что совокупность условій жизни и впечатлѣній Рима дѣйствовала самымъ благотворнымъ образомъ на творчество Гоголя, — здѣсь посѣщали его лучшія его вдохновенія, здѣсь, вмѣстѣ съ чувствомъ отвращенія къ жизни въ Россіи, особливо ярко вспыхивала у него та любовь къ Россіи или то стихійное тяготѣніе къ ней, въ силу котораго почти всѣ его художническіе помыслы устремлялись къ ней одной. Изъ этого-то „прекраснаго далёка“ и созерцалъ онъ Русь, которой и былъ посвященъ грандіозный замыселъ великой поэмы. Вспомнимъ: „...Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далёка тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и неуютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ... Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря,

пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами?...“ („Мертвыя Души“, ч. I, гл. XI).

Это была прежде всего связь тяготѣнія великаго художника къ тому національному цѣлому, къ которому онъ принадлежалъ. Живѣе всего чувствовалъ онъ всю силу этого тяготѣнія въ минуты вдохновеній, въ часы творчества. А вдохновеніе напчаще приходило къ нему въ Римѣ, и тамъ дольше, чѣмъ гдѣ-либо, онъ могъ предаваться творческой работѣ, — неудивительно поэтому, что именно въ Римѣ онъ и любилъ Русь, предметъ его художническихъ замысловъ, его вдохновеній.

И онъ все болѣе и болѣе привязывался къ Италіи, къ Риму, — ему казалось, что это и есть его настоящая его поэтическая родина, „родина души его“, и будто только здѣсь онъ можетъ жить и творить... Такъ, въ письмѣ къ Балабиной (изъ Рима, 1838 г.) онъ между прочимъ говоритъ: „И когда я увидѣлъ, наконецъ, во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ“.

И тѣмъ невозможнѣе представлялась ему жизнь въ другихъ мѣстахъ, въ особенности же въ Россіи. На пути въ отечество, въ сентябрѣ 1839 г., онъ писалъ Жуковскому: „Если бы вы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это не больше, какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, если бы мнѣ предлагали милліоны, и эти милліоны помножили еще на милліоны, и потомъ удесятерили эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, если бы это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода...“. Гоголь въ этотъ пріѣздъ возвращался въ Россію впервые послѣ смерти Пушкина, и тѣмъ безотраднѣе казалась ему жизнь въ отечествѣ. Прибывъ въ Москву и собираясь въ Петербургъ, онъ писалъ Плетневу: „Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я пріѣду въ Петербургъ — и Пушкина нѣтъ! Зачѣмъ вамъ

теперь Петербургъ?... Бросьте все, и ѣдемъ въ Римъ! О, если бы вы знали, какой тамъ пріютъ для того, чье сердце испытало утраты. Какъ наполняются тамъ незамѣстимыя пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу! Боже, Боже, Боже! О мой Римъ! Прекрасный мой, чудесный Римъ!..“.

Наступилъ 1840 годъ, а Гоголь все еще сидѣлъ въ Москвѣ. Какъ тяжело ему было въ Россіи, какъ болѣзненно-страстно рвался онъ въ Италію, въ „свой“ Римъ, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его писемъ.

„Боже! Какъ я глупъ, какъ я ничтожно, несчастно-глупъ! И какое странное мое существованіе въ Россіи! (пишетъ онъ Жуковскому изъ Москвы въ началѣ 1840 года). Какой тяжелый сонъ! О, когда бъ скорѣе проснуться! Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ состояніи возбудить меня. Нѣсколько разъ брался я за перо писать вамъ и какъ деревянный стоялъ предъ столомъ: казалось, будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла“. Въ другомъ письмѣ къ Жуковскому (того же года) онъ опять восклицаетъ: „О Римъ мой, о мой Римъ! Ничего я не въ силахъ сказать... Но если бы меня туда перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣжилась душа моя!“ Около того же времени (25 января 1840 г.) въ письмѣ къ Погодину онъ говоритъ: „О, выгони меня, ради Бога и всего святого, вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе! Я погибну...“.

Наконецъ, ему удалось уѣхать. Въ декабрѣ того же 1840 года онъ уже былъ въ Римѣ и опять принялся за работу надъ „Мертвыми Душами“, а вмѣстѣ съ тѣмъ вновь явилось у него и чувство любви къ Россіи. 28 декабря (1840 г.) онъ писалъ С. Т. Аксакову изъ Рима: „Я теперь приготовляю къ современной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе... Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы...“ Ниже, въ этомъ же письмѣ, характерно слѣдующее: „*Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно*[1]). Многое, что казалось мнѣ прежде

[1]) Курсивъ мой.

непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровным и спокойным, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать такъ близко къ сердцу".

Въ концѣ 1841 года Гоголь опять пріѣхалъ въ Россію для печатанія первой части „Мертвыхъ Душъ". Много непріятностей и хлопотъ (главнымъ образомъ въ отношеніи къ цензурѣ) ожидало его здѣсь, и уже 10 января 1842 г. онъ писалъ (изъ Москвы) Максимовичу: „Если бы ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь..." Въ письмѣ къ Балабиной (того же года) читаемъ: „Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ"... Въ письмѣ къ Плетневу (6 февраля 1842 г.) онъ восклицаетъ: „О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь мой тихій уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненія!"

Печатаніе „Мертвыхъ Душъ" приближалось къ концу, и въ маѣ 1842 г., собираясь опять за границу, въ „свой" Римъ, Гоголь писалъ Данилевскому: „Черезъ недѣлю послѣ сего письма ты получишь отпечатанныя „Мертвыя Души", преддверіе немного блѣдное той великой поэмы, которая строится во мнѣ и разрѣшитъ, наконецъ, загадку моего существованія". А по пути въ Римъ онъ писалъ Жуковскому изъ Берлина (26 іюня 1842 года): „Скажу только, что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитаніе души моей... что чаще и торжественнѣй льются душевныя мои слезы и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на нижайшихъ и первыхъ ступеняхъ ея. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги

и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія!"

Этотъ рядъ выдержекъ рисуетъ намъ тотъ сложный процессъ, который совершался въ душѣ Гоголя въ періодъ между 1836 и 1842 годами, когда онъ работалъ надъ первою частью „Мертвыхъ Душъ". Теперь постараемся дать этому душевному процессу посильное истолкованіе.

Въ его составъ входитъ рядъ моментовъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свое объясненіе, являющее ложный видъ „достаточнаго основанія".

Первый моментъ — „бѣгство" Гоголя изъ Россіи въ 1836 году и горечь, съ которою онъ отзывается объ отечествѣ въ это время — легко объясняется тѣми непріятностями, какія выпали на долю автора „Ревизора" послѣ постановки знаменитой комедіи. Это была первая и, кажется, самая бурная „ссора" Гоголя съ соотечественниками. Ему пришлось испытать то, что весьма часто приходится испытывать писателямъ-сатирикамъ. Болѣзненно-чуткая и неуравновѣшенная натура Гоголя была глубоко потрясена всѣми кривыми толками, всей массой тупого непониманія, осужденіями и своего рода „гоненіями" со стороны подавляющей массы общества, представителями которой были въ литературѣ Сенковскій, Булгаринъ и др. Послѣдовавшая вскорѣ смерть Пушкина явилась новымъ ударомъ, который, можно сказать, ошеломилъ Гоголя, выбилъ его изъ колеи. Потухъ свѣтъ, озарявшій его темный путь, и отнынѣ великое дѣло Гоголя должно было совершаться во тьмѣ: разсѣять эту тьму не могли, — для него — тѣ лучи, которые исходили отъ немногихъ просвѣщенныхъ умовъ, понимавшихъ, что такое Гоголь и въ чемъ его призваніе. Россія безъ Пушкина казалась ему еще непригляднѣе, еще безотраднѣе... И всѣ его — *личныя*, *интимныя* — связи съ отечествомъ ограничивались теперь семьею и дружескими отношеніями съ нѣсколькими лицами, которые его понимали и цѣнили, которыхъ онъ любилъ, — съ Данилевскимъ, Прокоповичемъ, Жуковскимъ, Погодинымъ, Аксаковымъ и нѣкоторыми другими.

Второй моментъ — очарованіе Италіей вообще и Римомъ въ частности — нетрудно истолковать тѣмъ, что, при общемъ благотворномъ дѣйствіи на Гоголя климата, природы Италіи, культурной обстановки и художественныхъ впечатлѣній,

какія доставлялъ вѣчный городъ, здѣсь впервые, какъ говорится, окончательно „наладилась“ завѣтная работа Гоголя надъ „Мертвыми душами“ и установился извѣстными навыкъ, всегда необходимый для творчества. Уже въ силу одного этого навыка, т.-е. усвоенной умомъ привычки работать среди опредѣленной обстановки, Гоголь долженъ былъ привязаться къ Италіи, и эта привязанность къ мѣсту по необходимости становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше подвигалась работа. А эта работа была „вдохновенная“, она доставляла поэту высокія умственныя наслажденія, и „восторги творчества“ ассоціировались съ впечатлѣніями мѣста. Выражая свою восторженную любовь къ Риму, Гоголь, повидимому, не подозрѣвалъ, что для него величіе Колизея, красота храма св. Петра, таинственная прелесть старинныхъ часовенъ и т. д. усугублялись тѣмъ, что здѣсь, среди этой чарующей обстановки, созидались и разрабатывались фигуры героевъ „Мертвыхъ душъ“. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Чичиковъ съ Коробочкой, Селифанъ съ Петрушкой и т. п. не мало украсили — для Гоголя — Римъ, и что Колизей и храмъ св. Петра безъ Собакевича, Манилова и Ноздрева утратили бы для поэта Руси добрую долю своего обаянія...

Третій моментъ — любовь къ Россіи изъ прекраснаго далека — психологически связанъ съ только что разсмотрѣннымъ вторымъ: „восторги творчества“, усугубляя очарованіе Римомъ, въ то же время примиряли поэта съ его отечествомъ, которое и было объектомъ этого творчества. Горечь личныхъ обидъ, острыя впечатлѣнія недавней „ссоры“ съ соотечественниками исчезали въ радостяхъ вдохновеннаго труда. Среди созерцаній Руси изъ прекраснаго далека не было мѣста другимъ чувствамъ къ ней, кромѣ чувства той любви, подъ которою скрывалось тяготѣніе великаго поэта къ своему національному цѣлому.

Четвертый моментъ — тоска по Риму и отвращеніе къ жизни въ Россіи, которыя Гоголь испытывалъ и такъ откровенно рѣзко выражалъ въ своихъ письмахъ во время пріѣздовъ въ отечество, — получаетъ свое освѣщеніе изъ предыдущаго. Отъ поэзіи творчества Гоголь переходилъ тогда къ тягостной для него прозѣ существованія, осложненной къ тому же денежными затрудненіями, долгами, недоразумѣніями съ друзьями московскими и петербургскими, хлопотами и великимъ

нимъ, какъ онъ выражался, „дрязгомъ жизни“ [1]). Гоголь примирялся съ отечествомъ и любилъ его, когда, живя въ Италіи, онъ создавалъ свои великолѣпные національные типы (ихъ отрицательный характеръ нисколько не мѣшалъ этой „любви“); но когда онъ, живя въ Россіи, вступалъ въ непосредственное дѣловое, житейское общеніе съ дѣйствительностью, воплощенною въ этихъ типахъ, тогда онъ чувствовалъ себя отвратительно.

Итакъ, всѣ эти моменты находятъ себѣ объясненіе, и притомъ такъ, что раскрывается внутренняя связь между ними.

Овсянико-Куликовскій.

Творчество Гоголя.

Творчество Гоголя, какъ высокаго оригинальнаго таланта, истекало прежде всего изъ природныхъ дарованій, изъ его глубокой поэтической натуры. Обыкновенно этимъ природнымъ дарованіямъ Гоголя его біографы и критики отдаютъ преимущество передъ посторонними вліяніями въ его творчествѣ, объясняютъ это послѣднее болѣе инстинктивными, безсознательными стремленіями геніальнаго поэта. Поэтому мы и остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ основныхъ свойствахъ въ творчествѣ Гоголя, насколько они проявляются въ его произведеніяхъ и насколько ихъ можно замѣтить въ началѣ его развитія.

Прежде всего необходимо отмѣтить необыкновенный даръ наблюдательности — наблюдательности художественной, поэтической, — проявившійся въ Гоголѣ съ раннихъ лѣтъ, какъ онъ самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ началѣ VI главы первой части „Мертвыхъ душъ“: „Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ

[1]) Эти отношенія къ друзьямъ и „недоразумѣнія“ прослѣжены шагъ за шагомъ и внимательно изслѣдованы въ капитальномъ трудѣ *В. И. Шенрока* („Матеріалы для біографіи Гоголя“, именно въ томахъ III и IV). Въ высокой степени цѣнны [illegible] изслѣдованія покойнаго *Н. С. Тихонравова* (въ примѣчаніяхъ къ изданію сочиненій Гоголя) и проф. *А. И. Кирпичникова* („Гоголь и Погодинъ“ въ „Русск. Стар.“).

къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли это деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало... ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ-подъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный доселѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ"... и Гоголь обращался къ своей художественной памяти, вызывая различные образы въ жизни чиновника, какъ далѣе, „подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика" — по его дому, по саду, по всему окружающему „старался угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ". Такъ этотъ даръ поэтической наблюдательности соединялся у Гоголя съ необыкновенной воспріимчивостью, художественной памятью и живымъ воображеніемъ. Къ этому надо еще прибавить, какъ задатки также геніальной натуры, смутное сознаніе возвышенныхъ стремленій, творческихъ силъ и врожденную неспособность мириться съ окружающей низменной, обыденной жизнью. Объ этихъ природныхъ дарованіяхъ Гоголя, когда они были еще въ зародышѣ, свидѣтельствуютъ школьные товарищи его, разсказывая въ своихъ воспоминаніяхъ о неподражаемомъ талантѣ Гоголя подмѣчать и передавать характерныя черты людей, ихъ привычки, способъ выраженія со всѣми оттѣнками и вмѣстѣ съ тѣмъ о житейской опытности, о знаніи человѣческаго сердца, которыя проявлялъ Гоголь въ затруднительныхъ случаяхъ. То же самое передаетъ и самъ поэтъ изъ своихъ школьныхъ и юношескихъ воспоминаній: „Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, — говоритъ напримѣръ Гоголь въ одномъ изъ писемъ 1838 года, — я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ

казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моими товарищами, и тѣ, натурально въ сердцахъ высказывали мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно: я уже былъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ". Этотъ пріемъ узнаванія правды основанъ былъ уже на раннихъ наблюденіяхъ Гоголя, что „только разсердившись говорится правда". Такъ, много позже, въ началѣ 40-хъ годовъ, Гоголь признавался А. О. Смирновой, съ которой онъ познакомился еще въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ: „если сказать вамъ сущую правду, то узналъ я душу вашу не тогда, когда вы мнѣ ее открывали, а тогда, когда рѣчь шла часто о постороннихъ предметахъ, когда вы невольно и не думая проговаривались". Съ такими-то пріемами Гоголь развилъ въ себѣ способность „угадывать человѣка" и изображать его въ самыхъ характерныхъ чертахъ. И громадный запасъ живыхъ поэтическихъ наблюденій, сохранившихся въ художественной памяти Гоголя, дополнявшихся еще способностью угадыванія, подъ вліяніемъ живого воображенія и творческой фантазіи претворялся въ поэтическіе образы, которые постоянно развивались и достигали поразительной яркости и жизненной правды подъ вліяніемъ новыхъ наблюденій, новыхъ размышленій о людяхъ. Наблюдательность, воспріимчивость и особенная чуткость ко всему окружающему помогли Гоголю въ петербургскій періодъ его жизни выйти на настоящую дорогу, угадать характеристическія черты современнаго ему русскаго общества, расширить взгляды, пріемы и замыслы и какъ вознаградить недостатки своего образованія, такъ и уравновѣсить вѣчно увлекавшіе его порывы къ фантастическимъ планамъ и поэтическимъ призракамъ. Эти же свойства способствовали развитію въ Гоголѣ реальнаго, или, какъ выражались въ 40-хъ годахъ, „натуральнаго" направленія. Уже одна сила наблюдательности поддерживала въ его поэтическихъ созданіяхъ вѣрность дѣйствительности.

Но самыми характеристическими особенностями творчества Гоголя, придающими особенную окраску его сочиненіямъ, являются лиризмъ и юморъ — двѣ творческія силы, на которыя и самъ Гоголь указываетъ въ „Авторской исповѣди", называя ихъ лирической силой и силой смѣха.

Исключительнымъ лирическимъ воодушевленіемъ характеризуются преимущественно раннія произведенія Гоголя; позже лиризмъ заслоняется развитіемъ комизма, юмора, хотя и остается область явленій, въ которыхъ, какъ въ представленіяхъ прошлаго, природы и молодости, молодой, красивой женщины, а позже въ представленіяхъ возвышенныхъ свойствъ русскаго народа находитъ себѣ мѣсто лирическое воодушевленіе. Этотъ лиризмъ Гоголя не былъ только литературнымъ подражаніемъ, — но коренился въ самой природѣ его, будучи воспитанъ окружавшей его съ дѣтства жизнью, природой и особенно страстно-любимыми имъ народными пѣснями. Точно такъ же и комизмъ, юморъ самъ Гоголь объяснялъ „рѣзкой чертой южнаго россіянина", разсказы котораго дышатъ „такимъ глубокимъ юморомъ", „такою силою живого разсказа" и смѣха при хладнокровной, флегматической наружности. О замѣчательномъ развитіи этой способности у самого Гоголя уже въ обыденныхъ разсказахъ, не говоря уже о мастерскомъ чтеніи имъ своихъ произведеній, свидѣтельствуютъ С. Т. Аксаковъ, Тургеневъ и друг.

Владиміровъ.

Общественное значеніе Гоголя.

Въ періодъ времени, почти совпадающій съ періодомъ посмертнаго юбилея Гоголя, дѣйствіе русской литературы вышло за предѣлы русской территоріи и русскаго языка... Если у насъ, въ нашемъ собственномъ кругу, еще не очень давно слышалось недовольство недостаточной самостоятельностью нашей литературы относительно вліянія европейскихъ, то современный успѣхъ ея въ Европѣ указываетъ достаточно, что въ этомъ недовольствѣ былъ извѣстный обманъ зрѣнія. Наша литература долго не знала критики международной, и понятно, что на свѣжій, притомъ чужой глазъ, можетъ открываться и то, что нами самими не замѣчается. Иностранная критика, болѣе или менѣе компетентная, видѣла иногда связь русскихъ литературныхъ явленій съ западными, и даже нѣкоторую зависимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ находила въ нихъ необычайную и неизвѣстную въ Европѣ оригинальность и силу.

Если мы спросимъ себя, гдѣ источникъ, первое начало этой самостоятельности, отвѣтъ представляется прежде всего недавнимъ историческимъ признаніемъ великой національной заслуги Пушкина. Онъ дѣйствительно привилъ нашей литературѣ самобытное художественное творчество, но онъ еще не исчерпалъ задачи; вторую долю ея исполнилъ Гоголь. Не разъ поднимался вопросъ о томъ, кто изъ двухъ великихъ писателей былъ ближайшимъ вдохновителемъ того движенія, какое совершалось во второй половинѣ столѣтія; кому принадлежало здѣсь основное вліяніе — Пушкину или Гоголю. Предпочесть рѣшительно того или другого было бы дѣломъ произвольнымъ и празднымъ. Литературныя явленія всегда бываютъ столь сложны, что чѣмъ болѣе мы находимъ дѣйствующихъ факторовъ, тѣмъ ближе бываемъ къ истинѣ. Тѣ, кто хотѣлъ сдѣлать Пушкина единственнымъ основателемъ новѣйшей русской литературы, между прочимъ приводили восторженныя слова самого Гоголя, который признавалъ Пушкина своимъ учителемъ; приводили слова Тургенева, который, въ другомъ поколѣніи, считалъ себя ученикомъ Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ былъ могущественнымъ дѣятелемъ новой русской литературы: онъ завершилъ старый, подготовительный періодъ ея развитія и впервые открылъ путь ея самостоятельнаго, національнаго творчества. Но затѣмъ Гоголь, въ свою очередь, былъ не менѣе знаменательнымъ дѣятелемъ. Сколько бы самъ онъ ни считалъ Пушкина своимъ учителемъ, ученикъ и учитель были такъ различны, что поставить ихъ въ непосредственную преемственность нѣтъ возможности. Самъ Гоголь указывалъ, что сюжетъ „Мертвыхъ душъ“ былъ данъ ему Пушкинымъ, но тотъ же Гоголь разсказываетъ, что когда онъ прочелъ Пушкину первый очеркъ изъ этихъ „Мертвыхъ душъ“, Пушкинъ былъ пораженъ картиной, для него, очевидно, совершенно неожиданной. По собственнымъ словамъ Гоголя, при этомъ чтеніи „Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: Боже, какъ грустна наша Россія“... Въ этомъ впечатлѣніи сказалась вся разница двухъ писателей и разница ихъ литературнаго вліянія. Въ геніальномъ

дарованія Гоголя были черты, какихъ у Пушкина не было. Кромѣ необычайной наблюдательности, съ которой онъ умѣлъ схватывать и изображать характеры и которая сдѣлала его родоначальникомъ русскаго литературнаго реализма, его взглядъ на дѣйствительность отличался тѣмъ особеннымъ (по „расѣ" — малорусскимъ, по литературно-исторической манерѣ отчасти романтическимъ) юморомъ, который дѣлалъ его способнымъ „сквозь видимый міру смѣхъ" указать „незримыя, невѣдомыя ему слезы"; другими словами, подъ внѣшней формой шутливаго разсказа снять завѣсу съ тяжелой, мрачной картины дѣйствительной жизни и глубоко затронуть личное нравственное чувство и чувство общественное. Таковы были уже тѣ петербургскія повѣсти, которыя были одними изъ первыхъ произведеніи Гоголя и побудили Бѣлинскаго тогда же признать въ немъ великаго русскаго писателя; таковъ былъ дальше „Ревизоръ" и, наконецъ, самое великое изъ его произведеній, „Мертвыя души"... Впослѣдствіи Гоголь въ періодъ его мрачнаго настроенія (съ половины сороковыхъ годовъ) упорно отрицался отъ этой общественной стороны своихъ произведеній, будто бы вносившей въ высокое искусство легкомысліе насмѣшки и карикатуры, но общество ни тогда ни послѣ не убѣдилось его отрицаніями и донынѣ продолжаетъ считать именно эти его произведенія вѣнцомъ его творчества и однимъ изъ лучшихъ созданій всей русской литературы... Чтобы отвергать эти творенія, Гоголю надо было отказываться отъ себя самого. Дѣйствительно, съ самыхъ юныхъ лѣтъ имъ владѣло очень туманное, но упорно въ немъ жившее сознаніе, что онъ призванъ и долженъ совершить нѣчто великое для своего отечества. Сознаніе не было ясно, но уже въ ту пору онъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на тѣхъ товарищей, которые не тревожили себя никакими вопросами о жизни; онъ называлъ ихъ презрительнымъ именемъ „существователей", какъ потомъ съ пренебрежительной иронией говорилъ о людяхъ общества, „нѣсколько беззаботныхъ насчетъ литературы", и т. п.

Въ первые годы своей петербургской и московской жизни, когда только что написаны были „Вечера", Гоголь, въ сущности, еще юноша, двадцати двухъ-трехъ лѣтъ, поражалъ своихъ знакомыхъ, опытныхъ литераторовъ старшаго поко-

лѣнія, какъ Плетневъ и С. Т. Аксаковъ, своимъ глубокимъ взглядомъ на великое значеніе искусства; и что они понимали въ немъ необычайную творческую силу, объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы изъ того времени и Плетнева и Аксакова, и самое то обстоятельство, что онъ, только что начинавшій писатель, былъ уже принятъ какъ равный въ кругу Пушкина и Жуковскаго. На что же направлена была эта творческая сила? Именно на то примѣненіе искусства, когда оно стремится, не довольствуясь спокойнымъ изображеніемъ жизни или же лирикой личнаго чувства, ставить нравственный вопросъ общественной жизни, проникнуть сквозь внѣшнюю оболочку общественныхъ нравовъ въ ихъ подлинную подкладку, указать нравственную извращенность и рядомъ съ ней причиняемое этимъ страданіе. Результатомъ было впечатлѣніе не только художественное, но и общественное. Впослѣдствіи, въ своемъ консервативномъ піэтизмѣ, Гоголь укорялъ себя за слишкомъ большое обиліе въ его произведеніяхъ характеровъ пошлыхъ и отсутствіе лицъ идеальныхъ, возвышающихъ душу и примиряющихъ съ жизнью; утверждалъ, что его сатирическія изображенія были карикатурами (хотя и позже онъ сознавалъ, что примиренія не выдумаешь, хотя его нѣтъ въ дѣйствительности),— но эти позднѣйшія самообвиненія были совершенно несправедливы. Что его картины русской жизни не были ложны и не были карикатурой, это очень хорошо видѣло само русское общество и во главѣ его императоръ Николай I, потребовавшій исполненія на сценѣ „Ревизора“; масса общества создала Гоголю литературный успѣхъ, съ которымъ могъ равняться только успѣхъ одного Пушкина. Литературная критика (за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые изъ извѣстнаго рода услужливости старались умалить общественное значеніе писателя, или искренно не понимали реализма Гоголя по привычкѣ къ романтической напыщенности), литературная критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, встрѣтила Гоголя съ настоящимъ энтузіазмомъ, восхищалась въ немъ не только удивительнымъ художественнымъ мастерствомъ, но высоко оцѣнила въ немъ это общественное значеніе, въ которомъ видѣло залогъ общественнаго сознанія, никогда раньше не сказавшагося въ нашей литературѣ съ такою убѣждающею силой. Критика вовсе не думала упрекать Гоголя за недостатокъ

„идеальныхъ лицъ" — потому что возвышенный идеалъ нравственный и общественный самъ собою возникалъ передъ читателемъ, какъ требуемыя писателемъ чувства въ противоположность картинамъ отрицательной дѣйствительности. И самъ писатель не однажды указывалъ читателю путь къ этому идеалу. Не разъ онъ прерывалъ теченіе сатиры или изображенія гнетущихъ явленій жизни и, какъ бы самъ утомленный тяжелой картиной, оставляя роль повѣствователя, высказывалъ свое личное чувство въ лирическихъ отступленіяхъ или моральныхъ истолкованіяхъ. У писателя оказывался такой запасъ теплаго чувства, такая глубина человѣчности, что, повидимому, мелкая шуточная исторія переходила въ драму, или въ трогательное повѣствованіе, въ которомъ читатель не могъ оставаться равнодушнымъ... Въ первыхъ петербургскихъ повѣстяхъ мы находимъ уже яркія проявленія этой стороны его таланта.

Какою задушевностью проникнутъ разсказъ о тихомъ, незамѣтномъ, какъ будто ничтожномъ существованіи „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ; какое сильное впечатлѣніе производила исторія „Шинели", отнятой грабителями у бѣднаго стараго чиновника. Напомнимъ эпизодъ. „Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете"? И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ онѣ были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее въ жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ, съ лысинкою на лбу, со своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой". И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя какъ много

въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной образованной свѣтскости и, Боже, даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ"... Шутовская исторія ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ заканчивается печальной нотой, которой не ожидаетъ читатель и которая бросаетъ тѣнь на весь разсказъ. Въ удивительныхъ „Запискахъ сумасшедшаго", въ смѣшной и страшной картинѣ безумія опять проходитъ въ концѣ воспоминаніе несчастнаго безумца о матери — у ней одной онъ надѣется найти защиту. Финалъ „Записокъ" есть цѣлая трагедія, одинъ изъ самыхъ поразительныхъ эпизодовъ всей русской литературы. Въ „Театральномъ разъѣздѣ", въ послѣднихъ заключительныхъ словахъ автора, Гоголь высказалъ свои собственныя думы о значеніи литературы. Авторъ говоритъ, что „не могла выносить равнодушно его душа, когда совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ": „Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово „побасенки"! Побасенки!... А вонъ протекли вѣки, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и, полный благороднаго стремленія юноша"... И въ концѣ защита его собственнаго дѣла.

Въ „Театральномъ разъѣздѣ" Гоголь, въ рядѣ тонко написанныхъ сценъ собралъ разнообразныя впечатлѣнія читателей и зрителей его пьесы и особенно остановился на тѣхъ обвиненіяхъ, какія посыпались на него со стороны приверженцевъ литературной рутины, а также и отъ представителей рутины чиновнической, привыкшей утверждать, что все обстоитъ благополучно, и привыкшей къ тому, чтобы всякое злоупотребленіе было шито и крыто. Пьеса, гдѣ въ первый разъ въ русской литературѣ сказана была объ этомъ жестокая правда, возбудила въ затронутомъ лагерѣ страшное

негодованіе: писателя обвиняли въ опасномъ колебаніи авторитета власти; враждебные критики упрекали его въ грубой карикатурѣ, въ пустомъ глумленіи и т. д... Съ твердымъ сознаніемъ правоты своего дѣла онъ говорилъ: „Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій... не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ — какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки; но все перемалываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины... И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!...“

Еще раньше, какъ мы упомянули, подъ впечатлѣніемъ первыхъ повѣстей Гоголя Бѣлинскій уже увидѣлъ въ немъ великаго писателя русской литературы (Гоголю было тогда около двадцати пяти лѣтъ; критикъ былъ годомъ моложе): „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ подтвердили его восторженное предсказаніе. Самъ Гоголь въ „Мертвыхъ Душахъ“, въ извѣстныхъ лирическихъ мѣстахъ, говорилъ уже съ увѣренностью о томъ, чего ждетъ отъ него Россія, и передъ нимъ рисовалась картина будущаго предстоящаго величія русскаго народа... Въ ту минуту казались преувеличенной самонадѣянностью слова писателя о самомъ себѣ; но, когда писатель и его дѣло стали достояніемъ исторіи, эти, какъ будто фантастическія слова становятся драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ беззавѣтной, самоотверженной преданности писателя своей высокой задачѣ, свидѣтельствомъ его пламенныхъ ожиданій величія русскаго народа и государства... Финалъ первой части „Мертвыхъ Душъ“ есть извѣстная фантастическая картина Руси, которая несется впередъ какъ „бойкая необгонимая тройка“, „вся вдохновенная Богомъ“. „Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта... и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

Мы были свидѣтелями, это дѣйствительно другіе народы, „косясь“, даютъ дорогу, между прочимъ, и русской литературѣ.

Таковъ былъ писатель. Великое значеніе Гоголя заключается въ томъ, что онъ впервые направилъ геніальное художественное творчество не на отвлеченныя темы искусства, не на одинъ спокойный, часто какъ бы безстрастный эпосъ, но именно на прямую, житейскую, обыденную дѣйствительность и вложилъ въ свой трудъ всю страсть исканія правды, любви къ простому человѣчеству, защиты его права и достоинства, обличенія всякаго нравственнаго зла, окружающаго нашу жизнь. Онъ сталъ поэтомъ дѣйствительности, и его великій успѣхъ былъ уже не только однимъ дѣломъ эстетическаго вкуса, но и дѣломъ чрезвычайно сильнаго общественнаго впечатлѣнія... Если взглянуть на дальнѣйшій ходъ русской литературы, для насъ представляется несомнѣннымъ, что интересъ этой литературы къ изображенію внутреннихъ движеній личной жизни и къ изображенію явленій общественныхъ, осужденіе общественныхъ неправдъ и исканіе нравственнаго идеала, все это жизненное стремленіе общества — въ чисто художественной области всего больше восходитъ именно къ Гоголю. Такъ, очевидно, что первое произведеніе Достоевскаго: „Бѣдные люди“ было прямо варіантомъ „Шинели“ Гоголя; какъ его изображенія людей, потерявшихъ внутреннее равновѣсіе („Двойникъ“ и пр.), близки къ „Запискамъ Сумасшедшаго“; такъ-называемая „натуральная“ школа сороковыхъ годовъ уже въ то время приписывалась внушеніямъ Гоголя. Цѣлый тонъ послѣдующей литературы, направленной на изученіе общественныхъ явленій, свидѣтельствуетъ о нравственномъ вліяніи Гоголя.

Извѣстна тяжкая внутренняя борьба, какую переживалъ Гоголь въ свои послѣдніе годы въ поискахъ истиннаго смысла искусства. Онъ былъ не въ силахъ разрѣшить поставленной имъ себѣ задачи; неудовлетворенный тѣмъ, что было имъ создано раньше, онъ приходилъ къ отрицанію своихъ прежнихъ великихъ произведеній, своего „смѣха“, которому онъ прежде давалъ такую красноречивую защиту; онъ впадалъ въ роковое противорѣчіе съ самимъ собой, впадалъ въ явныя и печальныя заблужденія, которыя (по выходѣ въ свѣтъ „Выбранныхъ Мѣстъ“) вызвали страстное негодованіе восторженныхъ поклонниковъ его прежнихъ произведеній. — но и среди этихъ глубоко печальныхъ ошибокъ, получившихъ

для него истинно трагическое значеніе, оставалась одна черта, которая обезоруживала и примиряла: это — возвеличеніе искусства, которое становилось для него дѣломъ прямо религіознаго служенія.

Въ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ какія становилась русская литература въ силу своей исторической судьбы, она, въ высшихъ моментахъ ея развитія дѣйствительно совершала высокое нравственное служеніе. Въ періодъ, слѣдовавшій за Гоголемъ, русская литература представила рѣдкое богатство высокихъ талантовъ, которые явились какъ будто за тѣмъ, чтобы выполнить драгоцѣнные завѣты Пушкина и Гоголя; явились дѣятели, когда поставлена была ясная задача. Это были дарованія сильныя, оригинальныя; каждый писатель шелъ своимъ путемъ, внося свои особенныя художественныя свойства, но ихъ всѣхъ одушевляютъ тѣ же общія идеалистическія стремленія, которыя теперь внушаютъ удивленіе и симпатіи въ литературахъ западной Европы. Западнымъ критикамъ видится здѣсь „славянская душа", мерещатся „скиѳы": это, проще, — результатъ внутренней душевной работы лучшихъ силъ русскаго общества, нашедшей свое выраженіе въ литературѣ, гдѣ сошлись давнія исканія нравственнаго чувства и художественнаго творчества, общечеловѣческіе просвѣтительные идеалы, частію поддержанные ученіями той же Европы, но въ цѣломъ развитые собственной работой, и съ этимъ вмѣстѣ простая, человѣчная близость къ своему народу. Трудъ литературы былъ тяжелъ; онъ требовалъ нерѣдко истиннаго самоотверженія, но въ концѣ концовъ отсюда и могли произойти тѣ возвышенныя созданія, проникнутыя теплымъ идеализмомъ, исканіемъ правды и поразительною простотою художественнаго творчества; одно достигалось давней нравственной работой общества, другое — давнимъ любящимъ отношеніемъ къ народу. Однимъ изъ великихъ внушителей этого знаменательнаго движенія былъ многострадальный Гоголь. *Пыпинъ.*

Значеніе Гоголя для его преемниковъ.

Прошло болѣе полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ имя Гоголя впервые раздалось за русской границей. Еще при его жизни

вышелъ въ свѣтъ французскій переводъ его повѣстей, сдѣланный Віардо; вскорѣ послѣ его смерти Мериме напечаталъ переводъ „Ревизора"; рано появились и нѣмецкіе переводы. Европейская извѣстность Гоголя все еще, однако, не велика, значительно уступая извѣстности Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого. Только теперь становятся извѣстны признаки, указывающіе на возможность перемѣны. Молодая болгарка Раина Тырнева слушающая лекціи въ ліонскомъ университетѣ, написа недавно диссертацію о Гоголѣ, обратившую на себя вниманіе французской критики. Гоголь въ ея глазахъ — учитель, позднѣйшіе русскіе беллетристы — его ученики. Она видитъ величайшую несправедливость въ томъ, что послѣдніе пользуются громкой славой во Франціи, во всей Европѣ, тогда какъ первый незаслуженно остается полузабытымъ. Съ нею вполнѣ согласенъ Вогюэ, этотъ тонкій цѣнитель и безспорный знатокъ русской литературы. Въ статьѣ объ одномъ изъ нашихъ молодыхъ писателей, помѣщенной въ „Revue des deux mondes", онъ называетъ Гоголя „общимъ отцомъ, иниціаторомъ, который первый научилъ русскихъ искусству наблюдать и изображать реальную жизнь". „Чѣмъ больше, — восклицаетъ онъ, — чѣмъ больше увеличивается число русскихъ повѣствователей, тѣмъ сильнѣе удивляешься геніальному откровенію, отъ котораго они всѣ произошли. Только врожденнымъ стаднымъ преклоненіемъ передъ новизною можно объяснить усердіе, съ которымъ мои соотечественники читаютъ бѣдныхъ подражателей Гоголя, отказываясь отъ знакомства съ геніальнымъ изобразителемъ Россіи. Ничего не подѣлаешь съ этою рѣшимостью оставаться въ невѣдѣніи. И тѣмъ не менѣе я сойду со сцены съ твердой вѣрой въ наступленіе дня, когда *Мертвыя души* можно будетъ найти, рядомъ съ „*Донъ-Кихотомъ*, въ библіотекѣ каждаго просвѣщеннаго человѣка". Оправдается ли надежда Вогюэ — покажетъ будущее. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: по отношенію къ своимъ преемникамъ Гоголь дѣйствительно является иниціаторомъ — въ другихъ формахъ, но едва ли въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Пушкинъ.

Нѣтъ, быть можетъ, другой литературы, гдѣ бы такъ высоко, какъ въ русской, стояли описанія природы, правдивыя и вмѣстѣ съ тѣмъ художественныя, то неразрывно связанныя съ ходомъ разсказа, то самостоятельныя въ своей

законченности. Въ нашей поэзіи они достигли совершенства подъ перомъ Пушкина: въ нашей прозѣ имъ далъ широкое мѣсто Гоголь. Начиная съ первыхъ словъ перваго „вечера на хуторѣ близъ Диканьки" („Сорочинская ярмарка"): „какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи", пейзажъ, сначала южный — разноцвѣтный, блестящій и яркій, потомъ сѣверный — болѣе блѣдный и однотонный, но полный своеобразной прелести, — составляетъ фонъ бытовыхъ картинъ, сливающійся съ ними въ одно гармоническое цѣлое. И чѣмъ дальше, тѣмъ выше мастерство пейзажиста. Если въ удивительномъ описаніи степи („Тарасъ Бульба"), то залитой солнцемъ, то темнѣющей и затихающей, то окованной ночной дремотою, есть еще, мѣстами, что-то черезчуръ приподнятое или слегка искусственное, то „заросшій и заглохшій" садъ Плюшкина можетъ быть названъ торжествомъ описательнаго искусства. „Зелеными облаками и неправильными, трепетнолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ". Если сдѣлать надъ собою усиліе и, отрѣшась непосредственнаго впечатлѣнія, производимаго чудной картиной, присмотрѣться поближе къ средствамъ, съ помощію которыхъ оно достигнуто, то въ глаза бросается, прежде всего, детальность изображенія, дающая ему необыкновенную жизненность и конкретность. Общая характеристика сада оставалась бы блѣдной и тусклой, если бы не отдѣльные штрихи, вызывающіе иллюзію дѣйствительности. Эту надломленную березу, этотъ бѣгущій, вьющійся, цѣпляющійся хмель мы точно видимъ передъ собою — и отъ

нихъ падаетъ отраженный свѣтъ на все остальное. Слово играетъ роль кисти, рисуя то эпитетами (*трепетнолистные* купола древесныхъ вершинъ, *тонкіе, цѣпкіе* крючья хмеля), то сравненіями (березы — съ мраморной колонной, ея излома — съ шапкой или черной птицей). И вотъ, тѣже основныя черты встрѣчаются и въ описаніяхъ позднѣйшихъ писателей, особенно Тургенева, дальше котораго въ этой области не пошелъ никто. Возьмемъ, для примѣра, небольшой отрывокъ изъ его „Свиданья" (въ „Запискахъ охотника"): „По одному шуму листьевъ можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ невеселый, смѣющійся трепетъ весны, не долгій говоръ лѣта, неробкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная дремотная болтовня... Внутренность рощи то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось; то вдругъ опять все кругомъ синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца — и украдкой, лукаво начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь". Къ эпитетамъ и сравненіямъ здѣсь присоединяется новый пріемъ, еще раньше усвоенный нашей поэзіей: олицетвореніе или очеловѣченіе природы, перенесеніе въ нее нашихъ душевныхъ движеній, съ ихъ внѣшней оболочкой (*смѣющійся* трепетъ весны, *лепетанье* поздней осени, *лукавый топотъ* дождя). Отъ подражанія Гоголю Тургеневъ такъ же далекъ, какъ и другіе мастера нашей описательной прозы; но это не мѣшаетъ признать, что Гоголь первый вступилъ на путь, по которому, затѣмъ, самостоятельно шли его преемники. Первый онъ занесъ на страницы романа и наименѣе красивыя, но все же близкія намъ черты великорусской природы. „Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать чушь и дичь: кочки, ельникъ, низенькіе рѣдкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и тому подобный вздоръ". Не видимъ ли мы здѣсь, въ слегка юмористической формѣ, ту же „невеселую", но „родную" картину, которую рисовалъ Некрасовъ? Родною она была и для Гоголя. „Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ, — говоритъ онъ, обращаясь къ Руси изъ своего „прекраснаго далека": „ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ"?...

Не въ однихъ только описаніяхъ природы чувствуется широкій размахъ гоголевской кисти. Гоголь постигъ, какъ никто до него у насъ и немногіе на Западѣ, интимную связь между человѣкомъ и обстановкой, которую онъ создаетъ для себя или въ которую его ставятъ обстоятельства. Можно ли, напримѣръ, отдѣлить „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ отъ ихъ дома, съ маленькими, низенькими и ужасно теплыми комнатами, съ поющими каждая на свой ладъ дверьми? Не во много ли разъ понятнѣе становятся для насъ Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, когда мы знакомимся съ „прекрасной единственной“ лужей ихъ родного города и съ присутствіемъ его повѣтоваго суда? А сходство между Собакевичемъ и его постройками, „упористыми и безъ пошатки“, его кабинетомъ, въ которомъ „все было прочно и неуклюже въ высочайшей степени“? А комната Плюшкина заставляющая предчувствовать ея обитателя? И эта сторона творчества Гоголя не прошла безслѣдно. Всего больше она отразилась на Гончаровѣ: припомнимъ кабинетъ Обломова, птичій дворъ Марѳеньки, губернскій городъ, какимъ его видитъ Райскій въ знойный лѣтній день, когда въ немъ господствуетъ тишина кладбища. У Тургенева и Достоевскаго такихъ картинъ сравнительно меньше, но и у нихъ можно отмѣтить, напримѣръ, описаніе старинныхъ деревенскихъ домовъ въ „Фаустѣ“ и „Дворянскомъ гнѣздѣ“, комнаты старца Зосимы въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Съ необыкновенною рельефностью выступаетъ у Гоголя и наружность дѣйствующихъ лицъ. Пріемы изображенія ея во многомъ сходны съ тѣми, которыми онъ пользуется въ описаніяхъ природы. Большую роль играютъ и здѣсь сравненія, оригинальныя и полныя жизни. „Маленкіе глазки Плюшкина бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, настороженныя уши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, настороживъ уши, и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли котъ или шалунъ-мальчишка и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ“. Собакевичъ показался Чичикову „весьма похожимъ на средней величины медвѣдя... Есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкой которыхъ натура недолго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ

разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: живетъ! Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича". Здѣсь, какъ и въ описаніяхъ природы, слово приближается къ живописи: „Мертвыя души", съ этой точки зрѣнія — настоящая галлерея портретовъ. Такіе же портреты мы встрѣчаемъ у Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого. Каждый изъ нихъ рисуетъ ихъ по своему: Тургеневъ — немногими тонкими штрихами и, если можно такъ выразиться, акварельными красками (Рудинъ, Ася, Лаврецкій); Достоевскій — рѣшительными, широкими мазками (Ѳедоръ Павловичъ и Дмитрій Ѳедорычъ Карамазовы); Толстой — останавливаясь, главнымъ образомъ, на какой-нибудь одной выдающейся чертѣ оригинала. Своего рода коллективными портретами являются у Гоголя картины среды — напр. губернскаго общества въ „Мертвыхъ Душахъ", уѣзднаго въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". И съ этой стороны къ нему прямо примыкаютъ Герценъ („Кто виноватъ"), Салтыковъ („Губернскіе очерки"), Тургеневъ („Гамлетъ Щигровскаго уѣзда"), Крестовскій-псевдонимъ („Послѣднее дѣйствіе комедіи").

Уступая наглядностью живописи, литературные портреты имѣютъ одно огромное преимущество: они могутъ захватить не только данную минуту жизни человѣка, но и все его прошедшее, показать, вмѣстѣ съ результатомъ, всѣ элементы, изъ которыхъ онъ сложился. Не превзойденной и до сихъ поръ высоты это искусство достигло въ изображеніи Плюшкина и Чичикова. За ними слѣдуетъ, часто имъ не уступая, длинный рядъ образовъ, оставленныхъ намъ преемниками Гоголя. Бельтовъ, Обломовъ, Рудинъ, Лаврецкій, Карамазовы, Іудушка Головлевъ, Андрей Болконскій, Иванъ Ильичъ возвышаются до степени типовъ именно потому, что передъ нами проносится, какъ составная часть дѣйствія или въ ретроспективномъ обзорѣ, значительная часть ихъ жизни. Чѣмъ сложнѣе характеръ, тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтаетъ тотъ методъ, который можно назвать генетическимъ и который пріобрѣлъ право гражданства въ нашей литературѣ больше всего благодаря Гоголю. Глубина проникновенія въ тайники личной жизни позволяетъ ему создать, рядомъ съ романомъ

нравовъ, романъ характеровъ, романъ психологическій. Психологическій элементъ, господствующій въ „Портретѣ“, въ „Запискахъ сумасшедшаго“, въ „Шинели“, идетъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ рука объ руку съ соціальнымъ. Съ особенною силой умѣнье уловить мимолетныя движенія души, извлечь едва теплящееся чувство изъ-подъ груды подавляющихъ его житейскихъ наслоеній, сказалось въ сценѣ Чичикова съ Плюшкинымъ. Пораженный великодушнымъ, повидимому, предложеніемъ Чичикова, Плюшкинъ отъ радости сначала и говорить не могъ. „Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе“. Радость проистекала изъ преобладающихъ свойствъ Плюшкина — скупости и жадности; но вотъ другое впечатлѣніе, точно воскрешающее въ немъ прежняго человѣка. Вопросъ Чичикова, нѣтъ ли у него въ городѣ знакомыхъ, внезапно пробуждаетъ въ Плюшкинѣ память о другѣ давно минувшихъ дней, о золотомъ времени дѣтства. „И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное нежданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя борьбою руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе“. И вотъ что замѣчательно: тонко подмѣченная личная черта бросаетъ иногда неожиданный свѣтъ на цѣлую полосу общественной жизни. „Вѣдь у меня, — говоритъ Плюшкинъ, — что годъ, то бѣгаютъ (крестьяне). Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего“. Конечно, нужно быть Плюшкинымъ, чтобы объяснить праздностью желанье ѣсть; но не слышится ли въ этомъ объясненіи отголосокъ крѣпостническихъ воззрѣній? Не является ли самъ Плюшкинъ — все равно, желалъ ли или не желалъ этого авторъ — живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права?

И не унаслѣдовали ли этотъ даръ сливать личное съ общимъ всѣ великіе преемники Гоголя?

Интересно было бы прослѣдить, какъ и въ чемъ вліяніе Гоголя отразилось на отдѣльныхъ произведеніяхъ его преемниковъ. У всѣхъ крупныхъ беллетристовъ послѣ-гоголевскаго періода — за исключеніемъ, быть можетъ, одного Льва Толстого,— не трудно было бы найти кой-что навѣянное Гоголемъ. На точки соприкосновенія между „Шинелью" и Бѣдными Людьми" было указываемо много разъ, и онѣ безспорно существуютъ. У Тургенева есть небольшой разсказъ: „Пѣтушковъ", герой котораго близко подходитъ къ гоголевскимъ маленькимъ людямъ, словно пришибленнымъ жизнью, а слуга Онисимъ очень похожъ на Осипа въ „Ревизорѣ". Въ романѣ Герцена: „Кто виноватъ" бесѣда между предсѣдателемъ и совѣтникомъ напоминаетъ разговоръ дамы просто пріятной съ дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Въ раннихъ произведеніяхъ Салтыкова (напр. въ „Невинныхъ разсказахъ") есть страницы, которыя легко было бы приписать Гоголю. Подьячіе въ первыхъ комедіяхъ Островскаго кажутся иногда вышедшими изъ присутственныхъ мѣстъ, описанныхъ Гоголемъ. Чѣмъ больше, однако, растетъ въ ширь и глубь дарованіе писателя, тѣмъ меньше встрѣчается основаній для такихъ параллелей, тѣмъ ярче обрисовываются индивидуальныя черты таланта. Иначе и быть не можетъ, разъ что мы имѣемъ дѣло не съ подражаніемъ, а съ самостоятельнымъ творчествомъ. Только для одного Обломова можно найти первообразъ въ Гоголевскомъ Тентетниковѣ — но обработка этихъ родственныхъ фигуръ такъ различна, степень законченности Обломова, сравнительно съ Тентетниковымъ, такъ велика, что о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи. И все-таки всѣ выдающіеся беллетристы послѣ-гоголевскаго періода — отпрыски двухъ корней: Пушкина и Гоголя. Гоголь открылъ имъ доступъ ко всѣмъ сторонамъ русской жизни, ко всѣмъ слоямъ русскаго общества, ко всѣмъ задачамъ современной дѣйствительности, ко всѣмъ перспективамъ будущаго. Лирическіе порывы и эпическое спокойствіе, фантазію и наблюденіе, пессимизмъ и оптимизмъ, стремленіе къ личному совершенствованію и заботу объ исправленіи общественнаго зла — все это соединялъ въ себѣ великій „иниціаторъ". Онъ понялъ, что для литературы нѣтъ ни слишкомъ низкаго ни

слишкомъ высокаго, что ея сфера не знаетъ и не должна знать границъ. Онъ какъ будто хотѣлъ подтвердить слова, вложенныя Шиллеромъ въ уста поэзіи: „mich hält kein Band, mich fesselt keine Schranke... denn nichts beschränkt die freie Dichterkraft". Онъ далъ безсмертные образцы такъ называемаго чистаго искусства — и онъ же показалъ, что искусство можетъ оставаться искусствомъ, затрогивая самыя жгучія темы и даже прямо касаясь злобы дня. Онъ закрѣпилъ за литературой, говоря словами Салтыкова, „привилегію гласить во всѣ концы" — этотъ залогъ ея вліянія и силы.

Арсеньевъ.

Духовная организація Гоголя.

Основаніемъ духовнаго склада Гоголя, цементомъ, крѣпко связывавшимъ и проникавшимъ все его содержаніе, былъ религіозно-нравственный элементъ, вынесенный имъ изъ родительскаго дома. Онъ хранилъ, какъ святыню, это наслѣдіе, перенесъ его невредимо чрезъ всѣ стадіи своей жизни, а подъ конецъ ея развилъ его до тѣхъ размѣровъ, которые подавляющимъ образомъ дѣйствовали на его слабый организмъ. Отецъ и мать были искренно и просто вѣрующими. Самое соединеніе ихъ представлялось имъ подъ покровомъ чудеснаго. „Выдали меня 14 лѣтъ за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей, — писала Марья Ивановна Гоголь автору Записокъ о жизни и сочиненіяхъ Гоголя.—Ему указала меня Царица небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, не имѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства". Это краткое и простодушное показаніе—самое краснорѣчивое свидѣтельство религіознаго настроенія среды, въ которой прошло дѣтство нашего поэта. Она же дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, назвать его Николаемъ въ честь чудотворнаго образа святителя Николая, называемаго Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ его отслужить благодарствен-

ный молебенъ. Съ первыхъ проявленій сознанія сына мать старалась утверждать въ его душѣ религіозное чувство. Въ одномъ письмѣ къ ней, въ 1833 г., говоря о воспитаніи своей младшей сестры, Гоголь такъ вспоминаетъ о своемъ собственномъ воспитаніи: „Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Я помню, я ничего сильно не чувствовалъ. Я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами. Я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали или носили меня. Я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и дьячковъ. Я крестился, потому что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ — я живо, какъ теперь, помню этотъ случай — я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли". Въ бесѣдахъ съ матерью, еще задолго до переѣзда въ Петербургъ, онъ объявилъ ей однажды, что не будетъ жить для себя, а для страждущихъ ближнихъ, и если удостоитъ его Богъ быть полезнымъ своему отечеству, то почтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ; но если вообразитъ, что, можетъ-быть, не допустятъ его къ тому обстоятельства, то чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу. Замѣчательно, что въ одной изъ повѣстей, написанной еще въ 1833 году, онъ упоминаетъ о путешествіи Коробейникова ко святымъ мѣстамъ. Видно, что мысль о путешествіи ко св. мѣстамъ не впервые возникла у Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни, что, въ свою очередь, доказываетъ весьма раннее развитіе въ немъ того душевнаго настроенія, которое овладѣло имъ къ концу жизни. А вотъ его поэтическое обращеніе къ Палестинѣ, относящееся еще къ 1831 г., когда ему было всего 21 годъ: „Каменистая земля, презрѣненъ народъ: немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно отѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ ле-

житъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда, и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ. Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула древняя Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья, приникла ухомъ великая Азія съ народами — пастырями; нагнулся Араратъ — праіцуръ земли". Припомнимъ также прекрасное изображеніе инока Григорія въ повѣсти „Портретъ", относящейся почти къ тому же времени, изображеніе, которое, кажется, съ небольшими измѣненіями можетъ-быть примѣнено къ позднѣйшему душевному настроенію Гоголя: „онъ находился въ томъ состояніи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души, и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію, и чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы... Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но, напротивъ, стремится и вырывается съ большею силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видитъ на каждомъ шагу видѣнія и слышитъ откровенія; мысли его раскалены; глазъ его уже не видитъ ничего, принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма". Такихъ проявленій глубоко-религіознаго настроенія души Гоголя задолго до сороковыхъ годовъ, чуть не съ самаго дѣтства, можно привести много, и они неопровержимо свидѣтельствуютъ, что это настроеніе съ каждымъ годомъ возрастало и усиливалось, пока не стало господствующимъ и не овладѣло всѣмъ его существомъ. Намъ кажется, нѣтъ никакой надобности отыскивать какія-либо чрезвычайныя, особенныя, внезапныя причины для его объясненія. Это настроеніе было слѣдствіемъ совершенно развившагося психическаго процесса. Собственно никакого внезапнаго переворота въ его духовномъ состояніи не произошло. Его болѣзнь осенью 1840 г. могла только содѣйствовать ускоренію давно начавшагося процесса. Не забудемъ также непрерывнаго и упорнаго стремленія Гоголя къ нравственному самосовершенствованію, его стремленія „сдѣлаться лучшимъ на благо

ближнимъ", какъ онъ выражался въ своихъ письмахъ къ матери еще въ самомъ началѣ своей учебной нѣжинской жизни, не забудемъ тѣсной внутренней связи этого стремленія съ стремленіемъ къ совершенствованію въ религіозномъ смыслѣ — и мы поймемъ ту страшную внутреннюю работу, которая совершалась въ немъ непрерывно и которая постоянно требовала отъ него величайшаго нравственнаго напряженія. И эта работа оказалась ему не подъ силу: его слабый, хилый организмъ не выдержалъ этого напряженія, а начавшійся въ послѣднее десятилѣтіе и почти не прерывавшійся длинный рядъ болѣзненныхъ состояній дѣйствовалъ на него разрушительно, усиливая въ то же время развитіе религіознаго настроенія. Немудрено, что имъ не замедлилъ овладѣть страхъ смерти; имъ овладѣло убѣжденіе, что его будущее недолговѣчно, что его дни сосчитаны. Замѣчательно, что отъ той же болѣзни, страха смерти, умеръ и его отецъ. И вотъ онъ напрягаетъ всѣ свои слабыя силы къ одной цѣли — спасенію души; все его душевное настроеніе становится мистическимъ, строго-аскетическимъ; онъ отворачивается и открещивается отъ всего пройденнаго имъ литературнаго поприща, отъ всѣхъ своихъ великихъ произведеній, представлявшихся ему великимъ соблазномъ для человѣчества. Мысль о близкой кончинѣ овладѣла имъ очень рано. Еще въ 1835 году, въ письмѣ къ своему товарищу и другу А. С. Данилевскому, онъ пишетъ, что „можетъ-быть, не увидится съ нимъ болѣе" и заклинаетъ его итти рѣшительною и твердою походкою по дорогѣ жизни, и затѣмъ эта мысль повторяется все чаще и чаще и все съ большею опредѣлительностью и рѣзкостью. Онъ проситъ всѣхъ молиться о немъ, молиться сильно и слезно, умоляетъ силою чужихъ моленій помочь безсилію собственныхъ.

Какъ всегда бываетъ, легко отыскиваются и лица, соотвѣтствующія нашему настроенію. У Гоголя ихъ нашлось довольно, нашлись такія, которыхъ порывъ долженъ былъ умѣрять самъ Гоголь. Всѣ они съ величайшимъ усердіемъ старались развивать и направлять его религіозное настроеніе и тѣмъ ускорять и безъ того быстрое развитіе совершавшагося въ немъ психическаго процесса. Замѣчательно его сближеніе, по крайней мѣрѣ по письмамъ, съ извѣстнымъ въ то время ржевскимъ протоіереемъ, Матвѣемъ Александровичемъ,

пользовавшимся въ предѣлахъ Тверской губерніи и даже смежнымъ съ ней репутаціей глубоко-религіознаго, высоконравственнаго и благотворительнаго человѣка. Въ своемъ дѣтствѣ я слышалъ множество разсказовъ, характеризующихъ его именно съ этихъ сторонъ. Въ такомъ настроеніи Гоголь, съ тою же цѣлью - содѣйствовать и своему и общему душевному спасенію, издаетъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", которыя произвели такое потрясающее впечатлѣніе на тогдашнее общество, вызвали горькіе упреки со стороны его друзей и почитателей и извѣстное письмо къ нему Бѣлинскаго. Настроеніе все росло, подавляя и разрушая организмъ — и вотъ онъ, за недѣлю до смерти, совершаетъ страшное литературное ауто-да-фе, сожигаетъ свои рукописи. *Лавровскій.*

Личность Гоголя по воспоминаніямъ Анненкова.

Записки о жизни Гоголя, изданныя г. Кулишемъ, оцѣнены публикой по достоинству. Это одна изъ немногихъ драгоцѣнныхъ книгъ послѣдняго времени, которая исполнена содержанія и способна къ обильнымъ выводамъ. Вообще только тѣ книги и важны въ литературѣ, которыя заключаютъ гораздо болѣе того, что̀ въ нихъ сказано. Вмѣстѣ съ превосходными воспоминаніями гг. Кульжинскаго, Иваницкаго, Лонгинова, Чижова, г-жи Смирновой и С. Т. Аксакова, передающими намъ физіономію Гоголя въ урывкахъ, но удивительно живо и вѣрно; вмѣстѣ съ замѣчательнѣйшими подробностями о жизни Гоголя и обстановкѣ его жизни въ разныя эпохи, наконецъ съ богатой коллекціей писемъ самого Гоголя, стоившей издателю, вѣроятно, не малыхъ усилій,— книга представляетъ запасъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, какого врядъ ли кто и могъ ожидать. Имя издателя ея упрочено въ нашей литературѣ этимъ добросовѣстнымъ и благороднымъ трудомъ. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ съ замѣчательнымъ пониманіемъ своей задачи отказывается отъ роли біографа. Дѣйствительно, біографія Гоголя еще впереди. Вотъ почему замѣтки, которыя слѣдуютъ, теперь относятся совсѣмъ не къ г. Кулишу, исполнившему

все свое дѣло, а имѣютъ въ виду тѣхъ будущихъ составителей біографіи Гоголя, которыя неизбѣжно воспитываются по „Запискамъ“ г. Кулиша, и съ помощью ихъ должны будутъ построить картину жизни и развитія этого, во всѣхъ отношеніяхъ, необыкновеннаго человѣка.

Прежде всего хотѣлось бы намъ, чтобъ навсегда отвергнута была система отдѣльнаго изъясненія и отдѣльнаго оправданія всѣхъ частностей въ жизни человѣка, а также и система гореванія и покаянія, приносимаго авторомъ за своего героя, когда, несмотря на всѣ усилія, не находитъ болѣе словъ къ изъясненію и оправданію нѣкоторыхъ явленій. Направленіе это безплодно. Тамъ, гдѣ требуется изобразить характеръ, и характеръ весьма многосложный, — оно замѣщаетъ стараніе понять и представить живое лицо легкой работой вычисленія — насколько лицо подошло къ извѣстнымъ, общепринятымъ понятіямъ о приличіи и благовидности и насколько выступило изъ нихъ. При этой работѣ случается, что авторъ видитъ прорѣху между условнымъ правиломъ и героемъ своимъ тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ, а иногда принимается подводить героя подъ правило безъ всякой нужды, только изъ ложнаго соображенія, что герою лучше стоять на почетномъ, чѣмъ на свободномъ и просторномъ мѣстѣ. Можно весьма легко избѣгнуть всѣхъ этихъ рѣзкихъ недоразумѣній, изобразивъ характеръ во всей его истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ той цѣлости, какъ онъ намъ представляется послѣ долгаго обсужденія. Живой характеръ, глубоко обдуманный и искренно переданный, носитъ уже въ самомъ себѣ поясненіе и оправданіе всѣхъ жизненныхъ подробностей, какъ бы разнообразны, противорѣчивы или двусмысленны ни казались онѣ, взятыя врозь и отдѣльно другъ отъ друга. Онъ освобождаетъ біографа отъ необходимости стоять въ недоумѣніи передъ каждымъ пятнышкомъ, придумывая средства, какъ бы вывести его поскорѣе, и отстраняетъ другую, еще важнѣйшую бѣду: видѣть пятно тамъ, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ, и гдѣ только существуетъ игра свѣта и тѣни, порождаемая естественнымъ отраженіемъ характера на другихъ предметахъ и лицахъ. Въ виду цѣльно изображеннаго характера умолкаетъ также и всякая литературная полемика, которая безъ того приведена въ необходимость повѣрять одни свидѣтельства другими,

опровергать одну частность другой частностью, сомнительный приговоръ — другимъ, что подъ конецъ представляетъ какую-то длинную цѣпь фактовъ, не приводящихъ ни къ какому результату, и гдѣ истина кажется на всѣхъ точкахъ, потому что ни на одной не остановилась окончательно. Глубоко продуманный, поэтически угаданный и смѣло изложенный характеръ, имѣетъ еще и ту выгоду, что онъ точно такъ же и принимается, какъ составился въ умѣ жизнеописателя, т.-е. цѣликомъ. Цѣльно изображенный характеръ можетъ быть только цѣликомъ отвергнутъ или, наоборотъ, цѣликомъ принятъ, на основаніи строгихъ нравственныхъ соображеній. Безъ соблюденія этихъ коренныхъ условій хорошаго біографа, авторъ будетъ походить всегда на человѣка, который стоитъ у вѣсовъ день и ночь и безпрестанно обвѣшиваетъ приходящихъ, задерживая одну чашку съ событіями и обвиненіями слишкомъ тяжелыми, или подталкивая другую съ явленіями, въ моральномъ смыслѣ, нѣсколько легковѣсными. Стрѣлка не придетъ никогда въ свое правильное положеніе и центральной точки никогда не укажетъ.

Если съ самаго дѣтства, съ школьнической жизни въ Нѣжинѣ, мы видимъ, что достиженіе разъ задуманной цѣли или предпріятія приводило въ необычайное напряженіе всѣ способности Гоголя и вызывало наружу всѣ качества, составившія впослѣдствіи его характеръ, то будемъ ли мы удивляться, что вмѣстѣ съ ними появилась врожденная скрытность, ловко расчитанная хитрость и замѣчательное по его возрасту употребленіе чужой воли въ свою пользу. Станемъ ли мы скрывать, или, еще хуже, искать у читателя *отпущенія* этимъ жизненнымъ чертамъ, которыя болѣе всего предвѣщаютъ не совсѣмъ обыкновеннаго человѣка. Въ школьнической перепискѣ Гоголя съ матерью мы видимъ, по риторическому тону нѣкоторыхъ писемъ, что въ нихъ скрывается какое-то другое дѣло, чѣмъ то, которое излагается на бумагѣ, и имѣемъ историческія, несомнѣнныя свидѣтельства въ подтвержденіе невольныхъ догадокъ, возбуждаемыхъ ими. Многія мѣста ихъ, наиболѣе пышныя, держатся за фактическія основанія совсѣмъ не того рода, какія молодой ученикъ старается выставить передъ семействомъ. Посредствомъ этихъ пышныхъ фразъ, онъ растетъ въ глазахъ своихъ родныхъ съ одной стороны и исполняетъ свои собственныя

намѣренія съ другой. Это раннее проявленіе неколебимой воли, идущей упорно къ своимъ тайнымъ цѣлямъ, по нашему, заключаетъ болѣе поученія и выводовъ, чѣмъ самое прилежное исполненіе задачи, спасать ежеминутно его репутацію, которую ни одинъ человѣкъ, имѣющій смыслъ въ головѣ, никогда не заподозритъ. Приведемъ одинъ примѣръ изъ домашней его переписки, подтверждающей слова наши. Вотъ какимъ способомъ изъясняетъ онъ причину скораго своего возвращенія изъ внезапной поѣздки за границу въ 1829 г.: „Не смотря на ваше желаніе, я не долженъ пробыть долѣе въ Любекѣ: я не могу, я не въ силахъ пріучить себя къ мысли, что вы безпрестанно печалитесь, полагая меня въ такомъ далекомъ разстояніи“ (Письмо къ матери. Записки о жизни Гоголя, т. I, стран. 80). Г. Кулишъ принимаетъ это объясненіе, какъ единственно достовѣрное изъ всѣхъ другихъ предположеній о быстромъ возвращеніи его въ отечество. Конечно, никто не станетъ опровергать, что Гоголь могъ испытывать тоску по роднымъ и знакомымъ, какъ и всякій другой человѣкъ; но кто вникъ въ сущность его характера, тотъ никогда не согласится думать, что романтическое, сантиментальное чувство могло измѣнить одно всѣ его намѣренія. Не лучше ли для самой славы Гоголя предполагать, какъ мы искренно убѣждены, что безполезность поѣздки и отсутствіе при этомъ всякой цѣли погнали его назадъ. Менѣе твердый и самостоятельный человѣкъ, сдѣлавъ ложный шагъ, продолжалъ бы слѣдовать далѣе по одному направленію, ожидая помощи, по обыкновенію, отъ судьбы, случая, людей и проч. Гоголь, почувствовавъ, что онъ стоитъ на скользкой тропѣ, тотчасъ же возвращается назадъ и снова принимается отыскивать въ отечествѣ своемъ настоящую почву дѣятельности, которая никакъ не давалась ему. Онъ удвоиваетъ силы и находитъ ее. Такъ всегда поступаютъ необыкновенные люди, предназначенные къ какому-либо роду общественнаго служенія.

Могутъ ли бросить всѣ эти пріемы своеобычнаго молодого человѣка, отводящаго глаза самыхъ близкихъ людей отъ истинныхъ своихъ чувствъ, отъ истинныхъ своихъ намѣреній, могутъ ли они, говоримъ мы, бросить какую-либо тѣнь на извѣстную, страстную привязанность его къ матери, на безграничную любовь къ семейству, котораго онъ былъ всю

жизнь нравственнымъ и матеріальнымъ благодѣяніемъ, продолжая ту же самую роль покровителя и послѣ смерти? Они открываютъ только особенности его характера, форму, какую принимали всѣ его поступки и даже душевныя его побужденія, и ими Гоголь гораздо лучше обрисовываются, чѣмъ посредствомъ приложенія къ нему общихъ, отвлеченныхъ понятій о нѣжности, чувствительности, добротѣ, годныхъ для всѣхъ натуръ, какъ платье, сшитое не по одной извѣстной мѣркѣ, пожалуй, можетъ прійти на всякій ростъ.

Съ 1830 по 1836 г., т.-е. вплоть до отъѣзда за границу, Гоголь былъ занятъ исключительно одной мыслью — открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности, онъ всегда и вездѣ тѣсенъ для начинающаго. Гоголь перепробывалъ множество родовъ дѣятельности — служебную, актерскую, художническую, писательскую. Съ появленія „Вечеровъ на хуторѣ", имѣвшихъ огромный успѣхъ, дорога, наконецъ, была найдена, но дѣятельность его еще удвоивается послѣ успѣха. Тутъ я съ нимъ и познакомился. Онъ былъ весь обращенъ лицомъ къ будущему, къ расчищенію себѣ путей во всѣ направленія, движимый потребностью развить всѣ силы свои, богатство которыхъ невольно сознавалъ въ себѣ. Необычайная житейская опытность, пріобрѣтенная размышленіями о людяхъ, высказывалась на каждомъ шагу. Онъ исчерпывалъ людей такъ свободно и легко, какъ другіе живутъ съ ними. Не довольствуясь ограниченнымъ кругомъ ближайшихъ знакомыхъ, онъ смѣло вступалъ во всѣ круга, и цѣли его умножились и росли по мѣрѣ того, какъ преодолѣвалъ онъ первыя препятствія на пути. Онъ сводилъ до себя лица, стоявшія, казалось, внѣ обычной сферы его дѣятельности, и зорко открывалъ въ нихъ тѣ нити, которыми могъ привязатъ къ себѣ. Искусство подчинять себѣ чужія воли изощрялось вмѣстѣ съ навыкомъ въ дѣлѣ, и мало-по-малу пріобрѣталось не менѣе важное искусство направлять обстоятельства такъ, что они переставали быть препонами и помѣхами, а обращались въ покровителей и поборниковъ человѣка. Никто тогда не походилъ болѣе его на итальянскихъ художниковъ XVI вѣка, которые были въ одно время геніальными людьми, благородными любящими натурами — и глубоко практическими умами. Въ

виду этого напряженнаго развитія всѣхъ силъ, направленныхъ къ одной цѣли, будемъ ли мы сомнительно качать головой, когда увидимъ Гоголя, самонадѣянно вступающаго на профессорскую каѳедру безъ нужнаго приготовленія къ ней, безъ качествъ, составляющихъ истиннаго ученаго? Станемъ ли томиться надъ изысканіемъ *облегчающихъ обстоятельствъ*, когда встрѣтимъ въ письмахъ Гоголя къ гг. Максимовичу, Погодину, напримѣръ, увѣреніе, что онъ трудится надъ исторіей Малороссіи въ шести томахъ, надъ всеобщей исторіей и географіей, подъ заглавіемъ: „Земля и Люди“, въ трехъ или двухъ томахъ, надъ исторіей Среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ (всего семнадцать или шестнадцать томовъ), между тѣмъ, какъ онъ трудился надъ „Тарасомъ Бульбою“, надъ статьями и повѣстями Арабесокъ и Миргорода. Намъ все равно — вѣрилъ ли онъ въ эти и подобныя имъ обѣщанія, или нѣтъ: — они составляютъ для насъ только проблески, указывающіе смыслъ тогдашняго его развитія, черты характера, способныя изъяснить его физіономію. Что они не лишены своего рода достоинства и поэзіи — согласится всякій. Въ самомъ дѣлѣ: картина, представляющая намъ геніальнаго человѣка, занятаго устройствомъ своего положенія въ свѣтѣ и литературѣ, изысканіемъ средствъ для труда на обширномъ поприщѣ, куда призываетъ его сознаніе своей силы, не заключаетъ ли въ себѣ гораздо болѣе нравственной красоты, поэзіи и поученія, чѣмъ самое кропотливое разбирательство того, что было сказано имъ хорошаго и что не такъ-то хорошо сказалось. Какую услугу оказываетъ біографъ, своему герою, когда, вмѣсто того, чтобъ пояснить сущность его стремленій и благородство его цѣлей, принимается разрѣшать противорѣчія, неизбѣжныя въ той жаркой, лихорадочной жизни, и старается связать ихъ скудной ниткой произвольныхъ толкованій, которая еще и рвется ежеминутно въ рукахъ изслѣдователя? Какъ ни рѣдко встрѣчается эта безплодная работа въ превосходной книгѣ г. Кулиша, но онъ не совсѣмъ свободенъ отъ нея. Всякій разъ, какъ покидаетъ онъ роль добросовѣстнаго собирателя матеріаловъ и приступаетъ къ истолкованіямъ — самыя странныя недоразумѣнія, самыя далекія соображенія, совершенно чуждыя дѣлу, накопляются подъ перомъ его, нисколько не поражая его умъ своимъ неправдоподобіемъ. Таковы, между прочимъ,

вопросы, задаваемые г. Кулишемъ самому себѣ по поводу одного письма Гоголя въ 1829 г., гдѣ послѣдній рисуетъ собственный портретъ въ такихъ чертахъ: „Часто я думаю о себѣ, зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ — чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую странную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія“. Слова эти строги, но изображеніе истиннаго характера Гоголя должно значительно ослабить краски самой исповѣди. Были *законныя* причины для его противорѣчій и переходовъ. Г. Кулишъ прибавляетъ свои поясненія къ портрету, въ которыхъ, между прочимъ, находится слѣдующая мысль: „Большую часть жизни употребилъ Гоголь на анализъ самаго себя, какъ нравственнаго, предстоящаго предъ лицомъ Бога существа, *и какъ бы только случайно вдавался иногда въ дѣятельность другого рода, которая составила его земную славу* — зачѣмъ, для чего это?...“ (Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 78). Вторая половина этого періода не совсѣмъ вѣрна въ отношеніи всей вообще жизни Гоголя, но встрѣченная при описаніи первой эпохи его развитія и приложенная къ молодому Гоголю, искавшему земной славы всѣми силами своей души — она, съ мыслію, въ ней заключающеюся, отходитъ къ тому роду толкованій, о которыхъ мы говорили сейчасъ и которыя зиждутся на соображеніяхъ, взятыхъ внѣ сущности своего предмета.

Вообще, для біографа чрезвычайно важно смотрѣть прямо въ лицо герою своему и имѣть довѣренность къ его благодатной природѣ. Позволено трепетать за каждый шагъ младенца, но шаги общественнаго дѣятеля, отыскивающаго простора и достойной сцены своимъ способностямъ, какъ это было съ Гоголемъ между 1830 и 1836 г., не могутъ быть измѣряемы соображеніями педагогическаго рода. Прежде всего надо знать тутъ, куда человѣкъ идетъ, что́ лежитъ въ основаніи его характера, каковъ его способъ пониманія предметовъ и въ чемъ заключается сущность его *созерцанія* вообще. Здѣсь только и отгадка его физіономіи, и одна неопровержимая истина. Съ другой стороны, охотникамъ до отрицательныхъ данныхъ, до прозаическихъ фактовъ, низ-

водящихъ человѣка къ иолнѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ дѣлѣ пониманія характера эта система столь же мало приведетъ къ цѣли, какъ и противоположная ей, система ненужной поддержки и оправданія всѣхъ его поступковъ. Можно употребить, напримѣръ, много времени и много бумаги на перечисленіе всѣхъ доказательствъ его осторожности въ обращеніи съ людьми и снисхожденія къ любимымъ ихъ представленіямъ, посредствомъ котораго Гоголь приковывалъ къ себѣ сердца знакомыхъ въ эту эпоху; можно также исписать порядочный листъ, подбирая черты, въ которыхъ проявляется его врожденная скрытность, наклонность выставлять призраки и за ними скрывать свою мысль, и проч. Но чѣмъ болѣе и чѣмъ остроумнѣе станемъ отыскивать и исторически подтверждать всѣ наши, въ сущности, весьма бѣдныя находки, тѣмъ сильнѣе будетъ затемняться физіономія Гоголя и отходить отъ насъ вдаль и въ туманъ. Оно и понятно. Физіономія его, какъ и физіономія всякаго необыкновеннаго человѣка, должна освѣщаться сама собой, своимъ внутреннимъ огнемъ. Она тотчасъ искажается, какъ подносятъ къ ней со стороны грубый свѣточъ, будь онъ самаго розоваго, или наоборотъ мрачнаго, гробового цвѣта. Примѣръ правильной оцѣнки Гоголя далъ Пушкинъ. Извѣстно, что Гоголь взялъ у Пушкина мысль „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ", но менѣе извѣстно, что Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ ему свое достояніе. Однакожъ въ кругу своихъ домашнихъ Пушкинъ говорилъ смѣясь: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя". Глубокое слово! Пушкинъ понималъ неписанныя права общественнаго дѣятеля. Притомъ же Гоголь обращался къ людямъ съ такимъ жаромъ искренней любви и расположенія, несмотря на свои хитрости, что люди не жаловались, а напротивъ, спѣшили навстрѣчу къ нему. Никогда, можетъ-быть, не употребилъ онъ въ дѣло такого количества житейской опытности, сердцевѣдѣнія, заискивающей ласки и притворнаго гнѣва, какъ въ 1842 г., когда приступилъ къ печатанію „Мертвыхъ душъ". Плодомъ его неутомимаго возбужденія и стремленій къ одной цѣли при помощи всякихъ мѣръ, которыя, конечно, далеко отстоятъ отъ идеала патріархальной простоты сношеній, было скоро появленіе „Мертвыхъ Душъ" въ печати. Тотъ, кто не имѣетъ права „Мертвыхъ Душъ"

для напечатанія, можетъ, разумѣется, вести себя непогрѣшительнѣе Гоголя и быть гораздо проще въ своихъ поступкахъ и выраженіи своихъ чувствъ.

Поэтому не удивительно будетъ, если скажемъ, что именно въ эту страстную, необычайно дѣятельную эпоху своей жизни, Гоголь постоянно оставался существомъ высокаго нравственнаго характера, не переставалъ быть ни на минуту по мысли, образу жизни и направленію благороднѣйшимъ человѣкомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Помирить образъ подобнаго человѣка съ тѣми частностями, которыя приводятъ втупикъ поверхностнаго наблюдателя, не искажая и не перетолковывая ихъ, значитъ — именно понять и настоящую задачу біографа.

Мы сказали, что Гоголь часто сходилъ съ шумнаго, трудового своего жизненнаго поприща въ уединенный кругъ своихъ пріятелей — потолковать преимущественно о явленіяхъ искусства, которыя въ сущности одни только и наполняли его душу. Онъ никогда не говорилъ съ пріятелями объ ученыхъ своихъ предпріятіяхъ и другихъ замыслахъ, потому что хотѣлъ оставаться съ ними искреннимъ и такимъ, какимъ его знали сначала. Гоголь жилъ на Малой Морской, въ домѣ Лепена, на дворѣ, въ двухъ небольшихъ комнатахъ, и я живо помню темную лѣстницу квартиры, маленькую переднюю съ перегородкой, небольшую спальню, гдѣ онъ разливалъ чай своимъ гостямъ, и другую комнату, просторнѣе, съ простымъ диваномъ у стѣны, большимъ столомъ у окна, заваленнымъ книгами, и письменнымъ бюро возлѣ него. Въ первый разъ, какъ я попалъ на одинъ изъ чайныхъ вечеровъ его, онъ стоялъ у самовара и только сказалъ мнѣ: „Вотъ, вы какъ разъ поспѣли". Въ числѣ гостей былъ у него пожилой человѣкъ, разсказывавшій о привычкахъ сумасшедшихъ, строгой, почти логической послѣдовательности, замѣчаемой въ развитіи нелѣпыхъ ихъ идей. Гоголь подсѣлъ къ нему, внимательно слушалъ его повѣствованіе и, когда одинъ изъ пріятелей сталъ звать всѣхъ по домамъ, Гоголь возразилъ, намекая на своего посѣтителя: „Ты ступай... Они уже знаютъ свой часъ, и когда надобно, уйдутъ". Большая часть матеріаловъ, собранныхъ изъ разсказовъ пожилого человѣка, употреблены были Гоголемъ потомъ въ „Запискахъ сумасшедшаго". Часто потомъ случалось мнѣ сидѣть и въ этой

скромной чайной и въ залѣ. Гоголь собиралъ тогда англійскіе кипсеки съ видами Греціи, Индіи, Персіи и проч., той извѣстной тонкой работы на стали, гдѣ главный эффектъ составляютъ необычайная обдѣлка гравюры и рѣзкія противоположности свѣта съ тѣнью. Онъ любилъ показывать дорогіе альманахи, изъ которыхъ, между прочимъ, почерпалъ свои поэтическія воззрѣнія на архитектуру различныхъ нравовъ и на ихъ художественныя требованія. Степенный, всегда серіозный Якимъ состоялъ тогда въ должности его камердинера. Гоголь обращался съ нимъ совершенно патріархально, говоря ему иногда: „Я тебѣ рожу побью“, что не мѣшало Якиму постоянно грубить хозяину, а хозяину заботиться о существенныхъ его пользахъ и, наконецъ, устроить ему покойную будущность. Сохраняя практическій оттѣнокъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, Гоголь простеръ свою предусмотрительность до того, что разъ, отъѣзжая по дѣламъ въ Москву, самъ расчертилъ полъ своей квартиры на клѣтки, купилъ красокъ и, спасая Якима отъ вредной праздности, заставилъ его изобразить довольно затѣйливый паркетъ на полу, во время своего отсутствія. Пріятели сходились также другъ у друга, на чайные вечера, гдѣ всякій очередной хозяинъ старался превзойти другого разнообразіемъ, выборомъ и изяществомъ крендслей, прибавляя всегда, что они куплены *на вѣсъ золота*. Гоголь былъ въ этихъ случаяхъ строгій, нелицепріятный судья и оцѣнщикъ. На этихъ сходкахъ царствовала веселость, бойкая насмѣшка надъ низостію и лицемѣріемъ, которой журнальные, литературные и всякіе другіе анекдоты служили пищей, но особенно любилъ Гоголь составлять куплеты и пѣсни на общихъ знакомыхъ. Съ помощью Я. М. Прокоповича и А. С. Данилевскаго, товарища Гоголя по лицею, человѣка веселыхъ нравовъ, нѣкоторые изъ нихъ выходили дѣйствительно карикатурно мѣтки и уморительны. Много тогда было сочинено подобныхъ пѣсенъ. Помню, что нѣсколько вечеровъ Гоголь безпрестанно тянулъ (мотивы для куплетовъ выбирались изъ новѣйшихъ оперъ — изъ Фенеллы, Роберта, Цампы) кантату, созданную для прославленія будущаго предполагаемаго его путешествія въ Крымъ, гдѣ находился стихъ:

И съ Матреной нашъ Якимъ
Потянулся прямо въ Крымъ.

Въ памяти у меня остается также довольно нелѣпый куплетъ, долженствовавшій увѣковѣчить подвиги молодыхъ учителей изъ его знакомыхъ, отправлявшихся каждый день на свои лекціи, на Васильевскій островъ. Куплетъ, кажется, принадлежалъ Гоголю безраздѣльно:

Всѣ *бобрами* завелись,
У Фаге всѣ завились —
И пошли черезъ Неву,
Какъ чрезъ мягку мураву, и т. д.

Точно то же происходило и на обѣдахъ въ складчину, гдѣ Гоголь самъ приготовлялъ вареники, галушки и другія малороссійскія блюда. Важнѣе другихъ бывалъ складчинный обѣдъ въ день его именинъ, 9-го мая, къ которому онъ обыкновенно уже одѣвался полѣтнему, самъ изобрѣтая какой-то фантастическій нарядъ. Онъ надѣвалъ обыкновенно яркопестрый галстучекъ, взбивалъ высоко свой завитой *кокъ*, облекался въ какой-то бѣлый, чрезвычайно коротвій и распашной сюртучокъ, съ высокой таліей и буфами на плечахъ, что дѣлалъ его дѣйствительно похожимъ на *пѣтушка*, по замѣчанію одного изъ его знакомыхъ (Бѣлоусова). Какъ далекъ еще тогда онъ былъ отъ позднѣйшей самоувѣренности, въ оцѣнкѣ собственныхъ произведеній, можетъ служить то, что, на одномъ изъ складчинныхъ обѣдовъ 1832 г., онъ сомнительно и даже отчасти грустно покачалъ головой при похвалахъ, расточаемыхъ новой повѣсти его „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“. — Это вы говорите, сказалъ онъ, — а другіе считаютъ ее фарсомъ. Вообще сужденіями, такъ-называемыхъ, избранныхъ людей, Гоголь, по благородно высокой практической натурѣ своей, никогда не довольствовался. Ему всегда нужна была публика. Случалось также, что въ этихъ сходкахъ на Гоголя нападала безпокойная, судорожная, горячечная веселость — явное произведеніе матеріальныхъ силъ, чѣмъ-либо возбужденныхъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что природа его имѣла многія изъ свойствъ южныхъ народовъ, которыхъ онъ такъ цѣнилъ вообще. Онъ необычайно дорожилъ внѣшнимъ блескомъ, обиліемъ и разнообразіемъ красокъ въ предметахъ, пышными, роскошными очертаніями, эффектомъ въ картинахъ и природѣ. „Послѣдній день Помпеи“ — Брюллова, привелъ его, какъ и слѣдо-

было ожидать, въ восторгъ. Полный звукъ, ослѣпительный поэтическій образъ, мощное, громкое слово, все, исполненное силы и блеска, потрясало его до глубины сердца. О метафизическомъ способѣ пониманія явленій природы и искусства тогда и въ поминѣ не было. Онъ просто благоговѣлъ передъ созданіями Пушкина за изящество, глубину и тонкость ихъ поэтическаго анализа, но такъ же точно съ выраженіемъ страсти въ глазахъ и въ голосѣ, сильно ударяя на нѣкоторыя слова, читалъ и стихи Языкова. Въ жизни онъ былъ очень цѣломудренъ и трезвъ, если можно такъ выразиться, но въ представленіяхъ онъ совершенно сходился со страстными, внѣшне-великолѣпными представленіями южныхъ племенъ. Вотъ почему такъ же онъ заставлялъ другихъ читать и самъ зачитывался въ то время Державинымъ. Чтеніе его, если уже разъ ухо ваше попривыкло къ малороссійскому напѣву, было чрезвычайно обаятельно: такую поразительную выпуклость умѣлъ онъ сообщать наиболѣе эффектнымъ частямъ произведенія и такой яркій колоритъ получали они въ устахъ его! Можно сказать, что онъ проявлялъ натуру южнаго человѣка даже и свѣтлымъ, практическимъ умомъ своимъ, не лишеннымъ примѣси суевѣрія... Если присоединить къ этому замѣчательно тонкій эстетическій вкусъ, открывавшій ему тотчасъ поддѣлку подъ чувство и ложныя, неестественныя краски, какъ бы густо или хитро ни положены онѣ были, то уже легко будетъ понять тотъ родъ очарованія, которое имѣла его бесѣда. Онъ не любилъ уже и въ то время французской литературы, да не имѣлъ большой симпатіи и къ самому народу за „моду, которую они ввели по Европѣ", какъ онъ говорилъ: „быстро создавать и тотчасъ-же, по-дѣтски, разрушать авторитеты". Впрочемъ, онъ рѣшительно ничего не читалъ изъ французской изящной литературы и принялся за Мольера только послѣ строгаго выговора, даннаго Пушкинымъ за небреженіе къ этому писателю. Также мало зналъ онъ и Шекспира (Гете и вообще нѣмецкая литература почти не существовали для него), и изъ всѣхъ именъ иностранныхъ поэтовъ и романистовъ было знакомо ему не по догадкѣ и не по слухамъ одно имя — Вальтеръ-Скотта. Зато и окружилъ онъ его необычайнымъ уваженіемъ, глубокой попечительной любовью. Вальтеръ-Скоттъ не былъ для него представителемъ охранительныхъ началъ, нѣжной привязанности

къ прошедшему, какимъ сдѣлался въ глазахъ европейской критики; всѣ эти понятія не ходили тогда въ Гоголѣ ни малѣйшаго отголоска и потому не могли задобривать его въ пользу автора. Гоголь любилъ Вальтеръ-Скотта просто съ художнической точки зрѣнія, за удивительное его распредѣленіе матеріи разсказа, подробное обслѣдованіе характеровъ и твердость, съ которой онъ велъ многосложное событіе ко всѣмъ его результатамъ. Въ эту эпоху Гоголь былъ наклоненъ скорѣе къ оправданію разрыва съ прошлымъ и къ нововводительству, признаки котораго очень ясно видны и въ его ученыхъ статьяхъ о разныхъ предметахъ, чѣмъ къ поясненію стараго или къ искусственному оживленію его... Въ тогдашнихъ бесѣдахъ его постоянно выражалось одно стремленіе къ оригинальности, къ смѣлымъ построеніямъ науки и искусства на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, какія существуютъ, къ идеаламъ жизни, созданнымъ съ помощью отвлеченной, логической мысли — словомъ, ко всѣмъ тѣмъ болѣе или менѣе поэтическимъ призракамъ, которые мучатъ всякую дѣятельную благородную молодость. При этомъ направленіи два предмета служили какъ-бы ограниченіемъ его мысли и предѣломъ для нея, именно: страстная любовь къ пѣснямъ, думамъ, умершему прошлому Малороссіи, что̀ составляло, въ немъ истинное, охранительное начало и художественный смыслъ, ненавидѣвшій все рѣзкое, произвольное, необузданно-дикое. Они были, такъ сказать, умѣрителями его порывовъ. Въ этомъ соединеніи страсти, бодрости, независимости всѣхъ представленій, со скромностію, отличающей практическій взглядъ, и благородствомъ художественныхъ требованій, заключался и весь характеръ перваго періода его развитія, того, о которомъ мы теперь говоримъ.

Никогда, однакожъ, даже въ средѣ одушевленныхъ и жаркихъ преній, происходившихъ въ кружкѣ, по поводу современныхъ литературныхъ и жизненныхъ явленій, не покидала его лица постоянная, какъ-бы приросшая къ нему, наблюдательность. Онъ, можно сказать, не раздѣвался никогда, и застать его обезоруженнымъ не было возможности. Зоркій глазъ его постоянно слѣдилъ за душевными и характеристическими явленіями въ другихъ: онъ хотѣлъ видѣть даже и то, что̀ легко могъ предугадать. Сколько было тогда подмѣчено въ нѣкоторыхъ общихъ пріятеляхъ мимолетныхъ чертъ

лукавства, мелкаго искательства, которыми трудолюбивая бездарность старается обыкновенно вознаградить отсутствіе производительныхъ способовъ; сколько разоблачено реторической пышности, за которой любитъ скрываться бѣдность взгляда и понимапія; сколько открыто скуднаго житейскаго расчета подъ маской приличія и благонамѣренности! Все это составляло потѣху кружка, которому не малое удовольствіе доставлялъ и тогдашній союзъ денежныхъ интересовъ въ литературѣ со всѣми его изворотами, войнами, тріумфами и побѣдными маршами! Для Гоголя какъ здѣсь, такъ и въ другихъ сферахъ жизни ничего не пропадало даромъ. Онъ прислушивался къ замѣчаніямъ, описаніямъ, анекдотамъ, наблюденіямъ своего круга и, случалось, пользовался ими. Въ этомъ, да и въ свободномъ изложеніи своихъ мыслей и мнѣній, кругъ работалъ на него. Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья рублей въ 200 (асс.). Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу — за добычей положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ-то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ-то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспоминать безъ смертельной блѣдности на лицѣ... Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первой мыслію чудной повѣсти его: „Шинель", и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ. Поэтическій взглядъ на предметы былъ такъ свойственъ его природѣ и казался ему такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что самая теорія творчества, которую онъ излагалъ

тогда, отличалась поэтому необыкновенной простотой. Онъ говорилъ, что для успѣха повѣсти и вообще разсказа достаточно, если авторъ опишетъ знакомую ему комнату и знакомую улицу. „У кого есть способность передать живописно свою квартиру — тотъ можетъ быть и весьма замѣчательнымъ авторомъ впослѣдствіи“, говорилъ онъ. На этомъ основаніи онъ побуждалъ даже многихъ изъ своихъ друзей приняться за писательство. Но если теорія была слишкомъ проста и умалчивала о многихъ качествахъ, необходимыхъ писателю, то критика Гоголя, наоборотъ, отличалась разнообразіемъ, глубиной и замѣчательной многосложностію требованій. Не говоря уже о томъ, что онъ угадывалъ по инстинкту всякое не живое, а придуманное лицо, сознаваясь, что оно возбуждаетъ въ немъ почти такое же отвращеніе, какъ трупъ или скелетъ, но Гоголь ненавидѣлъ *идеальничанье* въ искусствѣ прежде критиковъ, возбудившихъ гоненіе на него. Онъ никакъ не могъ пріучить себя ни къ трескучимъ драмамъ Кукольника, которыя тогда хвалились въ Петербургѣ, ни къ сентиментальнымъ романамъ Полевого, которые тогда хвалились въ Москвѣ. Поэзія, которая почерпается въ созерцаніи живыхъ, существующихъ, дѣйствительныхъ предметовъ, такъ глубоко понималась и чувствовалась имъ, что онъ, постоянно и упорно удалялся отъ умниковъ, имѣющихъ готовыя опредѣленія на всякій предметъ, постоянно и упорно смѣялся надъ ними и, наоборотъ, могъ проводить цѣлые часы съ любымъ коннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости *игры въ бабки*, со всякимъ спеціальнымъ человѣкомъ, который далѣе своей спеціальности и ничего не знаетъ. Онъ собиралъ свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ людей, въ свои записочки, которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько ихъ видѣлъ г. Кулишъ — и они дожидались тамъ случая превратиться въ части чудныхъ поэтическихъ картинъ. Для него даже мѣра уваженія къ людямъ опредѣлялась мѣрой ихъ познанія и опытности въ какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ. При выборѣ собесѣдника, онъ не запинался между остроумцемъ, празднымъ, даже, пожалуй, дѣльнымъ литературнымъ судьею и первымъ попавшимся знатокомъ какого-либо производства. Онъ тотчасъ становился лицомъ къ послѣднему. Но, по нашему мнѣнію, важнѣе всего этого была въ Гоголѣ та мысль, которую

онъ приносилъ съ собой въ это время повсюду. Мы говоримъ объ энергическомъ пониманіи вреда, производимаго пошлостію, лѣнью, потворствомъ злу съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостію и ничтожествомъ моральныхъ основаній съ другой. Онъ относился ко всѣмъ этимъ явленіямъ совсѣмъ не равнодушно, какъ можно заключить даже изъ напечатанныхъ его писемъ о московской журналистикѣ и объ условіяхъ хорошей комедіи. Въ его преслѣдованіи темныхъ сторонъ человѣческаго существованія была страсть, которая и составляла истинное нравственное выраженіе его физіономіи. Онъ и не думалъ еще тогда представлять свою дѣятельность, какъ подвигъ личнаго совершенствованія, да и никто изъ знавшихъ его не согласится видѣть въ ней намеки на какое-либо страданіе, томленіе, жажду примиренія и проч. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно, и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственной цѣлью: потрясти ее, если можно, въ основаніи. Этотъ родъ осуществленія сказывался тогда во всей его особѣ, составляя и существенную часть нравственной красоты ея. Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи, даже и противъ него самого, если бы нужно было. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства тутъ важнѣе признаній автора, подсказанныхъ другого рода соображеніями и сильнымъ подавляющимъ вліяніемъ новыхъ идей, позже возникшихъ въ его сердцѣ. Мы съ своей стороны убѣждены, что Гоголь имѣлъ, между прочимъ, въ виду и этого рода дѣятельности, когда, наканунѣ 1834 г., обращался къ своему генію съ удивительнымъ поэтическимъ диѳирамбомъ, вопрошая будущее и требуя у него труда, вдохновенія и подвига. Опубликованіемъ этого документа, какъ и многихъ другихъ, г. Кулишъ получилъ право на долгую признательность исторіи литературы нашей. Чудно и многознаменательно звучатъ послѣднія слова этого воззванія къ генію: „О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мной хотя два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! я совершу, я совершу! *Жизнь кипитъ во мнѣ.* Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество. Я совершу! о, поцѣлуй и благослови меня!“ Но кромѣ вдохно-

венныхъ часовъ, какихъ Гоголь просилъ у своего генія, и кромѣ положительной дѣятельности, къ какой приводило чувство *кипящей жизни и силы*, онъ еще, по характеру своему, старался дѣйствовать на толпу и внѣшнимъ своимъ существованіемъ; онъ любилъ показать себя въ нѣкоторой таинственной перспективѣ и скрыть отъ нея нѣкоторыя мелочи, которыя особенно на нее дѣйствуютъ. Такъ послѣ изданія „Вечеровъ", проѣзжая черезъ Москву, гдѣ, между прочимъ, онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ тамошними литераторами, онъ на заставѣ устроилъ дѣло такъ, чтобъ прописаться и попасть въ „Московскія Вѣдомости" не „коллежскимъ регистраторомъ", каковымъ былъ, а „коллежскимъ асессоромъ". — Это надо... — говорилъ онъ пріятелю, его сопровождавшему.

Такимъ былъ или, по-крайней мѣрѣ, такимъ представлялся намъ молодой Гоголь. Великую ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто смѣшаетъ Гоголя послѣдняго періода съ тѣмъ, который начиналъ тогда жизнь въ Петербургѣ, и вздумаетъ прилагать къ молодому Гоголю нравственныя черты, выработанныя гораздо позже, уже тогда, какъ свершился важный переворотъ въ его существованіи. Не скроемъ, что такого рода смѣшенія попадаются въ книгѣ г. Кулиша довольно часто. Можно даже сказать, что онъ вообще смотритъ на Гоголя съ конца поприща, — недостатокъ, который смягчается отчасти содержаніемъ представляемыхъ документовъ и догадливостію, возбуждаемою ими неминуемо въ самомъ читателѣ.

Между тѣмъ, трудясь за устройствомъ своей жизни и особенно за наполненіемъ ея обильнѣйшимъ содержаніемъ, какое возможно было добыть, Гоголь встрѣтилъ три обстоятельства, подсѣкшія, такъ сказать, всю эту дѣятельность въ самой срединѣ ея развитія и устремившія его за границу. Мы не намѣрены искать причинъ его отъѣзда за границу въ психическомъ настроеніи его, потому что, благодаря скрытности Гоголя, это осталось навсегда тайной, и всякое заключеніе тутъ поражено заранѣе несостоятельностію. Мы также вполнѣ согласны, что собственныя его объясненія, какъ по этому поводу, такъ и по всѣмъ другимъ, заключающіяся въ безымянной запискѣ (Авторская Исповѣдь) и въ другихъ автобіографическихъ документахъ, *буквально вѣрны и истинны*. Это наше убѣжденіе, почерпнутое изъ внимательнаго изученія ихъ; но мы должны сказать, что объясненія Гоголя опи-

раются преимущественно на одну какую-либо поэтическую или моральную черту событія, безъ сомнѣнія, ему присущую, но открытую уже гораздо позже, послѣ долгаго размышленія о событіи. Фактическая, матеріальная основа происшествія, живое впечатлѣніе, произведенное имъ съ перваго раза, цѣпь разнородныхъ ощущеній, имъ вызванныхъ, пропускаются безъ вниманія, какъ и слѣдуетъ быть въ автобіографіи, ищущей показать одинъ только нравственный смыслъ событія. Возстановить пропущенныя подробности, доискаться первыхъ причинъ явленія, дополнить замѣтки автобіографіи вводомъ всѣхъ красокъ дѣйствительности, сообщивъ такимъ образомъ плоть и кровь ея общимъ указаніямъ, — есть уже дѣло жизнеописателя. Одна изъ первыхъ причинъ, оторвавшихъ Гоголя отъ Петербурга, былъ неуспѣхъ его университетскаго преподаванія. Гоголь понадѣялся на силу поэтическаго возсозданія исторіи, на способъ толкованія событій a priori, на догадку и прозрѣніе живой мысли, но всѣ эти качества, не питаемыя постоянно фактами и изслѣдованіями, достали ему на нѣсколько блестящихъ статей, на нѣсколько блестящихъ лекцій, а потомъ истощились сами собою, какъ лампа, лишенная огнепитательнаго вещества. Паденіе было горько для человѣка, возбудившаго столько надеждъ и ожиданій, а вслѣдъ за нимъ послѣдовало то ожесточенное преслѣдованіе новыхъ его книгъ: „Миргородъ и Арабески", тогдашней критикой, которое возбудило симпатическій отголосокъ въ публикѣ, почти безусловно покорявшейся „Телескопу", выражавшему ее. Голосъ Москвы былъ сначала заглушаемъ шумомъ петербургской журналистики, и потребно было мощное, энергическое слово Бѣлинскаго въ „Телескопѣ", чтобъ поддержать автора и ослабить вліяніе, произведенное многочисленными противниками: но это не могло сдѣлаться скоро. Какъ ни странно покажется, что къ числу причинъ, ускорившихъ отъѣздъ Гоголя, мы относимъ и журнальные толки, но это было такъ. Мы намекнули прежде о томъ, что мнѣніемъ публики Гоголь озабочивался гораздо болѣе, чѣмъ мнѣніями знатоковъ, друзей и присяжныхъ судей литературы — черта общая всѣмъ дѣятелямъ, имѣющимъ общественное значеніе, а петербургская публика относилась къ Гоголю, если не вполнѣ враждебно, то, по крайней мѣрѣ, подозрительно и недовѣрчиво. Послѣдній ударъ нанесенъ былъ представленіемъ „Ревизора". Читатель

долженъ хорошо помнить превосходное описаніе этого театральнаго вечера, данное самимъ Гоголемъ. Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей изъ всѣхъ обыкновеній и даже, какъ говорили, изъ всѣхъ приличій, горестно оправдалась водевильнымъ характеромъ, сообщеннымъ главному лицу комедіи и пошло-карикатурнымъ, отразившимся въ другихъ. Гоголь прострадалъ весь этотъ вечеръ. Мнѣ, свидѣтелю этого перваго представленія, позволено будетъ сказать — что̀ изображала сама зала театра въ продолженіи 4-хъ часовъ замѣчательнѣйшаго спектакля, когда-либо имъ видѣннаго. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только-что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ-будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, — большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однако же въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ зато, что написалъ комедію, другіе зато, что видѣнъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика зато, что смѣялась, но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: „это — невозможность, клевета и фарсъ". По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднесть ему экземпляръ „Ревизора", только-что

вышедшій изъ печати, со словами: „Полюбуйтесь на сынку“. Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“...

Въ началѣ лѣта 1836 года Гоголь уѣхалъ за границу на пароходѣ. Онъ, дѣйствительно, „усталъ душою и тѣломъ“, какъ самъ говоритъ. Шесть лѣтъ безпрерывнаго труда, разнообразныхъ предпріятій и волненій, даже не принимая въ соображеніе послѣднихъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ всѣмъ его ожиданіямъ — требовали сами собой отдыха. По первымъ письмамъ, полученнымъ отъ него изъ-за границы, видно, что Гоголь скоро отыскалъ покой и ровное настроеніе духа. Это подтверждается и письмами, напечатанными Кулишемъ. Извѣстіе о смерти Пушкина въ 1837 г. потрясло Гоголя до глубины души, оставило навсегда незамѣстимую пустоту въ его жизни, но нравственныхъ основаній его нисколько не измѣнило, по крайней мѣрѣ — письма его, послѣ жаркихъ выраженій тоски и боли по невозвратимой, общественной и еще болѣе личной для Гоголя утратѣ — принимаютъ снова характеръ тихаго, спокойнаго созерцанія людей, говорятъ о заботахъ, вызываемыхъ плохимъ состояніемъ его здоровья, ясно даютъ подразумѣвать ровный, размѣренный и спокойный трудъ — и во многихъ мѣстахъ носятъ свидѣтельство, что Гоголь еще наслаждался природой и искусствомъ просто, непосредственно, какъ человѣкъ, продолжающій свободно воспитывать мысль. Пелена извѣстнаго однообразнаго цвѣта еще не простиралась передъ глазами его. Онъ только вошелъ въ себя, но еще не обратился къ самому себѣ съ безпощадно кропотливымъ анализомъ: ограничилъ свою дѣятельность и установился въ ней, но еще не давалъ ей значенія аскетическаго подвига; сличалъ жизнь, обычаи, мнѣнія народовъ и вникалъ въ нихъ, но еще не дѣлался судьей странъ и убѣжденій... Цѣли чисто человѣческія и земныя еще мелькали передъ нимъ со всѣми очарованіями, какія заключаютъ въ себѣ, и это можетъ показать слѣдующій отрывокъ изъ общаго посланія его къ пріятелямъ. Оно принадлежитъ къ 1837 г. и писано изъ Парижа, 25 января.

Да скажи пожалуйста — съ какой стати пишете вы всѣ про „Ревизора“: въ твоемъ письмѣ и въ письмѣ Пащенка,

которое вчера получилъ Данилевскій, говорится что „Ревизора“ играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и пр... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на „Ревизора“ — плевать, а во-вторыхъ... къ чему это? Еслибы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дня русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка. И ты! Стыдно тебѣ, ты предполагалъ во мнѣ столько мелочного самолюбія! Если и было во мнѣ что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславіемъ, то его уже нѣтъ.

Здѣсь, конечно, видѣнъ шагъ впередъ, но по одному и тому же направленію. Онъ только перенесъ жажду славы съ современниковъ на потомство. Если письмо это удивило пріятелей, знавшихъ, какъ всегда дорожилъ онъ современнымъ успѣхомъ и вліяніемъ на публику, то это была ихъ вина: они не поняли обыкновеннаго явленія, замѣчаемаго у всѣхъ геніальныхъ писателей — при началѣ новаго труда смотрѣть съ отвращеніемъ на путь, уже пройденный. Гоголь еще мало измѣнился. Только въ 1839 г. появляются у него фразы въ родѣ слѣдующей: „Германія есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива“. Тутъ уже сказалось вліяніе Италіи и особенно Рима, въ которомъ онъ провелъ весну 1837 г. и потомъ почти безпрерывно два года (съ осени 1838 г. по осень 1839 г.). Вліяніе начинаетъ все болѣе усиливаться и проявляется отвращеніемъ къ европейской цивилизаціи, наклонностію къ художническому уединенію, сосредоточенностію мысли, поискомъ за крѣпкимъ основаніемъ, которое могло бы держать духъ въ напряженномъ довольствѣ однимъ самимъ собою. Со всѣмъ тѣмъ особенности эти, возникающія мало-по-малу въ характерѣ Гоголя, до такой степени еще слиты съ прежнимъ свободнымъ и многостороннимъ направленіемъ, что указать начало ихъ, первый, такъ-сказать, толчокъ, подвигнувшій умъ въ эту сторону — нѣтъ никакой возможности. Это все равно, что желать подсмотрѣть минуту, когда зарождается болѣзнь въ человѣкѣ или уловить мгновеніе, когда начинается развитіе какой-либо части въ организмѣ его. Мало-по-малу также Гоголь погружается весь

въ новый свой трудъ: „Мертвыя Души“. Если эта поэма, по справедливости, можетъ назваться памятникомъ его, какъ писателя, то съ неменьшей основательностію позволено сказать, что въ ней готовилъ онъ себѣ и гробницу, какъ человѣку. „Мертвыя Души“ была та подвижническая келья, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ-поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея. Я постараюсь далѣе указать связь „Мертвыхъ Душъ“ со всею послѣдующей судьбой ихъ автора, а теперь повторю прежде сказанное, что лѣтомъ 1841 г., когда я встрѣтилъ Гоголя, онъ стоялъ на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли, онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художнической независимости — къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и — ея славы!

На третій день моего пріѣзда, Римъ, по случаю наступленія праздниковъ Святой недѣли, отдался весь ликованію. Какъ въ эти дни, такъ и въ предшествовавшіе имъ, я почти совсѣмъ не видалъ Гоголя, будучи занятъ глазѣньемъ на всѣ духовныя процессіи, которыми наполнился городъ. Много времени, бѣготни, стоическаго равнодушія къ своей особѣ потребно было, чтобъ не пропустить какой-либо стороны католицизма, показываемой разъ въ годъ. Могу сказать только, что ни одинъ англичанинъ не опередилъ меня ни въ чемъ. Я присутствовалъ при „Омовеніи ногъ“, которое производилъ папа въ придѣлѣ Петра, при угощеніи имъ бѣдныхъ священниковъ въ одной изъ сакристій того же храма, при исполненіи Stabat Mater въ сикстинской часовнѣ, при крещеніи евреевъ въ Латеранѣ однимъ изъ кардиналовъ св. коллегіи, при общемъ покаяніи въ іезуитской церкви и пр. Гоголь посвящалъ меня въ церемоніи и направлялъ поиски, но самъ не выходилъ изъ дома и не перемѣнялъ образа жизни. Великолѣпна была физіономія города съ наступленіемъ праздниковъ. Ковры и ткани покрыли стѣны домовъ, петарды трещали съ оконъ, съ балконовъ, изъ-подъ ногъ пѣшеходовъ, улицы запестрѣли окрестнымъ народонаселеніемъ, прибывшимъ къ торжеству, въ яркихъ, живопис-

ныхъ костюмахъ и съ не менѣе живописными лицами. Въ день самаго праздника я, какъ и слѣдовало ожидать, присутствовалъ при папской литургіи и видѣлъ, какъ съ высоты балкона св. Петра, окруженный кардиналами, папа далъ благословеніе народу и отпустилъ ему грѣхи. Вечеромъ того же дня. мы ходили съ Гоголемъ и двумя русскими художниками по площади собора, любуясь на чудное освѣщенье его купола и перемѣну огней, внезапно производимую въ извѣстный часъ. Куполъ горѣлъ тихо, ровно въ мрачной синевѣ неба, посреди чудной, теплой весенней ночи, подъ шопотъ водопадовъ соборной площади, подъ говоръ народа, двигавшагося во всѣхъ направленіяхъ. Тутъ положено было, между прочимъ, что я перейду въ комнату Панаева тотчасъ, какъ онъ уѣдетъ въ Берлинъ, и сдѣлавшись близкимъ сосѣдомъ Гоголя, посвящу одинъ часъ каждаго дня на переписку, подъ его диктовку, уже совсѣмъ изготовленной первой части „Мертвыхъ Душъ“.

Поселившись рядомъ съ Гоголемъ. въ комнатѣ, двери которой почти всегда были отворены, я связанъ былъ съ Николаемъ Васильевичемъ только однимъ часомъ дня, когда занимался перепиской „Мертвыхъ Душъ“. Остальное время мы жили розно, и каждый по-своему. Правда, въ теченіе дня сталкивались мы другъ у друга довольно часто, а вечера обыкновенно проводили вмѣстѣ, но важно было то, что между нами существовало молчаливое условіе не давать чувствовать себя товарищу ни подъ какимъ видомъ. Гоголь вообще любилъ тѣ отношенія между людьми, гдѣ нѣтъ никакихъ связующихъ правъ и обязательствъ, гдѣ отъ него ничего не требовали. Онъ тогда только и давалъ что-либо отъ себя. Въ Римѣ система эта, предоставивъ каждому полную свободу дѣйствій, поставила каждаго въ нравственную независимость, которою онъ всего болѣе дорожилъ.

Гоголь вставалъ обыкновенно очень рано и тотчасъ принимался за работу. На письменномъ его бюро стоялъ уже графинъ съ холодной водой изъ каскада Терни, и въ промежуткахъ работы онъ опорожнялъ его дочиста, а иногда и удвоивалъ порцію. Это была одна изъ подробностей того длиннаго процесса самолѣченія, которому онъ слѣдовалъ всю свою жизнь. Онъ имѣлъ даже особенный взглядъ на свой организмъ и весьма серіозно говорилъ, что устроенъ совсѣмъ

иначе, чѣмъ другіе люди и, если не обманываетъ меня память, съ какимъ-то извращеннымъ желудкомъ. Я относился тогда нѣсколько скептически къ его жалобамъ на свои немощи, и помню, что Гоголь возражалъ мнѣ съ досадой и настойчиво: „Вы этого не можете понять", говорилъ онъ, „это такъ: я себя знаю". При наступившемъ вскорѣ римскомъ знoѣ, Гоголь довольно часто жаловался на особенное свойство болѣзненной своей природы — никогда не подвергаться испаринѣ. „Я горю, но не потѣю", говорилъ онъ. Все это не мѣшало ему слѣдовать вполнѣ своимъ обыкновеннымъ привычкамъ. Почти каждое утро заставалъ я его въ кофейной del buon gusto, отдыхающимъ на диванѣ послѣ завтрака, состоявшаго изъ доброй чашки крѣпкаго кофе и жирныхъ сливокъ, за которыя почасту происходили у него ссоры съ прислужниками кофейни: яркій румянецъ пылалъ на его щекахъ, и глаза свѣтились необыкновенно. Затѣмъ отправлялись мы въ разныя стороны до условнаго часа, когда положено было сходиться домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крѣпче притворялъ внутреннія ставни оконъ, отъ неотразимаго южнаго солнца, я садился за круглый столъ, а Николай Васильевичъ, разложивъ передъ собой тетрадку на томъ же столѣ подалѣе, весь уходилъ въ нее и начиналъ диктовать мѣрно, торжественно, съ такимъ чувствомъ и полнотой выраженія, что главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ" пріобрѣли въ моей памяти особенный колоритъ. Это было похоже на спокойное, правильно-разлитое вдохновеніе, какое порождается обыкновенно глубокимъ созерцаніемъ предмета. Николай Васильевичъ ждалъ терпѣливо моего послѣдняго слова и продолжалъ новый періодъ тѣмъ же голосомъ, проникнутымъ сосредоточеннымъ чувствомъ и мыслію. Превосходный тонъ этой поэтической диктовки былъ такъ истиненъ въ самомъ себѣ, что не могъ быть ничѣмъ ослабленъ или измѣненъ. Часто ревъ италіанскаго осла пронзительно раздавался въ комнатѣ, затѣмъ слышался ударъ палки по бокамъ его и сердитый вскрикъ женщины: Ecco, ladrone, (вотъ тебѣ, разбойникъ!) — Гоголь останавливался, проговаривалъ улыбаясь: „какъ разнѣжился, негодяй!" — и снова начиналъ вторую половину фразы съ той же силой и крѣпостью, съ какой вылилась у него ея первая половина. Случалось также, что онъ прекращалъ диктовку на моихъ оро-

графическихъ замѣткахъ, обсуждалъ дѣло и, какъ будто не было ни малѣйшаго перерыва въ теченіи его мыслей, возвращался свободно къ своему тону, къ своей поэтической нотѣ. Помню, напримѣръ, что, передавая ему написанную фразу, я вмѣсто продиктованнаго имъ слова „штекатурка"— употребилъ штукатурка. Гоголь остановился и спросилъ: „отчего такъ?" — „Да правильнѣе, кажется". Гоголь побѣжалъ къ книжнымъ шкапамъ своимъ, вынулъ оттуда какой-то лексиконъ, пріискалъ нѣмецкій корень слова, русскую его передачу и, тщательно обслѣдовавъ всѣ доводы, закрылъ книгу и поставилъ опять на мѣсто, сказавъ: „А за науку спасибо". Затѣмъ онъ сѣлъ попрежнему въ кресло, помолчалъ немного, и снова полилась та же звучная, повидимому, простая, но возвышенная и волнующая рѣчь. Случалось также, что, прежде исполненія моей обязанности переписчика, я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опрокидывался назадъ и разражался хохотомъ. Гоголь глядѣлъ на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривалъ: „Старайтесь не смѣяться, Жюль". Дѣйствительно, я зналъ, что переписка замедляется подобнымъ выраженіемъ личныхъ моихъ ощущеній, и дѣлалъ усилія надъ самимъ собой, но въ тѣ годы усилія эти рѣдко сопровождались успѣхомъ. Впрочемъ, самъ Гоголь иногда слѣдовалъ моему примѣру и вторилъ мнѣ при случаѣ какимъ-то сдержаннымъ полусмѣхомъ, если могу такъ выразиться. Это случилось, напримѣръ, послѣ окончанія „Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ", первая редакція которой, далеко превосходящая въ силѣ и развитіи напечатанную, только недавно сдѣлалась извѣстна публикѣ. Когда, по окончаніи повѣсти, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смѣялся вмѣстѣ со мною и нѣсколько разъ спрашивалъ: „Какова повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ?"

„Но увидитъ ли она печать когда-нибудь?" замѣтилъ я. „Печать — пустяки", отвѣчалъ Гоголь съ самоувѣренностью: „все будетъ въ печати". Еще гораздо сильнѣе выразилось чувство авторскаго самодовольствія въ главѣ, гдѣ описывается садъ Плюшкина. Никогда еще паѳосъ диктовки, помню, не достигалъ такой высоты въ Гоголѣ, сохраняя всю художническую естественность, какъ въ этомъ мѣстѣ Гоголь даже всталъ съ креселъ (видно было, что природа, имъ описываемая, носится въ эту минуту передъ глазами его)

и сопровождалъ диктовку гордымъ, какимъ-то повелительнымъ жестомъ. По окончаніи всей этой изумительной VI главы, я былъ въ волненіи и, положивъ перо на столъ, сказалъ откровенно: „я считаю эту главу, Николай Васильевичъ, геніальной вещью“. Гоголь крѣпко сжалъ маленькую тетрадку, по которой диктовалъ, въ кольцо и произнесъ тонкимъ, едва слышнымъ голосомъ: „Повѣрьте, что и другія не хуже ея“. Въ ту же минуту однакожъ, возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ: „Знаете ли что, намъ до *cenare* (ужина) осталось еще много: пойдемте смотрѣть сады Саллюстія, которыхъ вы еще не видали, да и въ виллу Людовизи постучимся[1])“. По свѣтлому выраженію его лица, да и по самому предложенію видно было, что впечатлѣнія диктовки привели его въ веселое состояніе духа. Это оказалось еще болѣе на дорогѣ. Гоголь взялъ съ собой зонтикъ на всякій случай, и какъ только повернули мы налѣво отъ дворца Барберини въ глухой переулокъ, онъ принялся пѣть разгульную малороссійскую пѣсню, наконецъ пустился просто въ плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ на воздухѣ такія штуки, что не далѣе двухъ минутъ, ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону. Онъ быстро поднялъ отломленную часть и продолжалъ пѣсню. Такъ отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновалъ миръ съ самимъ собою, и въ значеніи этого бурнаго порыва веселости, который вполнѣ напомнилъ мнѣ стараго Гоголя, я не ошибся и тогда. Въ виллу Людовизи насъ однакожъ не пустили, какъ Гоголь ни стучалъ въ безотвѣтныя двери ея воротъ; рѣшетчатыя ворота садовъ Саллюстія были тоже крѣпко замкнуты, такъ какъ время сіесты и всеобщаго без-

[1]) Римляне зовутъ ужиномъ обѣдъ въ 7 часовъ вечера, около вечеренъ, когда становится прохладнѣе, а обѣдаютъ ровно въ полдень, послѣ чего или спятъ, или запираются въ домахъ своихъ на время палящаго зноя. Тому же порядку слѣдовалъ и я, когда онъ не нарушался обязанностями туриста. Сады Саллюстія — нынѣ живописный огородъ, въ которомъ разбросаны руины бывшихъ построекъ, а великолѣпная вилла Людовизи замѣчательна тѣмъ, что отворяется для немногихъ посѣтителей, надѣленныхъ особенной рекомендаціей посланниковъ или значительныхъ лицъ города. Въ ней, какъ извѣстно, сохраняются колоссальный бюстъ Юноны и знаменитая статуя „Арія и Петусъ“. Причину ея недоступности объясняютъ покражей или порчей, произведенной въ ней какими-то англійскими туристами.

дѣйствія въ городѣ еще не миновалось. Мы прошли далѣе за городъ, остановились у первой локанды, выпили по стакану мѣстнаго слабаго вина и возвратились въ городъ къ вечернему обѣду въ знаменитой тогда австеріи Фалконе (Соколъ).

Важное значеніе города Рима въ жизни Гоголя еще не вполнѣ изслѣдовано. Памятникомъ и свидѣтельствомъ его воззрѣнія на папскую столицу временъ Григорія XVI можетъ служить превосходная его статья „Римъ", въ которой должно удивляться не завязкѣ или характерамъ (ихъ почти и нѣтъ), а чудному противопоставленію двухъ народностей, французской и италіанской, гдѣ Гоголь явился столь же глубокимъ этнографомъ, сколько и великимъ живописцемъ-поэтомъ. Сущность его воззрѣнія на Римъ излагать нѣтъ надобности, такъ какъ статья Гоголя хорошо извѣстна всѣмъ русскимъ читателямъ; но слѣдуетъ сказать, что подъ воззрѣніе свое на Римъ Гоголь начиналъ подводить въ эту эпоху и свои сужденія вообще о предметахъ нравственнаго свойства, свой образъ мыслей и, наконецъ, жизнь свою. Такъ, взлелѣянный уединеніемъ Рима, онъ весь предался творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что дѣлается въ остальной Европѣ. Онъ самъ говорилъ, что, въ извѣстныя эпохи, одна хорошая книга достаточна для наполненія всей жизни человѣка. Въ Римѣ онъ только перечитывалъ любимыя мѣста изъ Данте, „Иліады" Гнѣдича и стихотвореній Пушкина. Это было совершенно въ ровень, такъ сказать, съ городомъ, который, подъ управленіемъ папы Григорія XVI, обращенъ былъ официіально и формально только къ прошлому. Добродушный пастырь этотъ, такъ ласково улыбавшійся народу при церемоніальныхъ поѣздахъ и съ такою любовью благословлявшій его, умѣлъ остановить всѣ новыя почки европейской образованности и европейскихъ стремленій, завязавшіяся въ его паствѣ, и когда умеръ, они еще поражены были онѣмѣніемъ. О томъ, какими средствами достигъ онъ своей цѣли, никто изъ иностранцевъ не спрашивалъ: это составляло домашнюю тайну римлянъ, до которой никому особеннаго дѣла не было. Гоголь, вѣроятно, зналъ ее: это видно даже по намекамъ въ его статьѣ, гдѣ мнѣніе народа о господствующемъ клерикальномъ сословіи нисколько не скрыто; но она не тревожила его, потому что если не оправдывалась, то,

по крайней мѣрѣ, объяснялась воззрѣніемъ на Римъ. Вотъ собственныя его слова изъ статьи: „Самое духовное правительство, этотъ странный, уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія... чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность“. Послѣдующія событія доказали, что народъ не былъ сохраненъ отъ посторонняго вліянія, и подтвердили убѣдительнымъ образомъ старую истину, что государство, находящееся въ Европѣ, не можетъ убѣжать отъ Европы. Оказалось, и оказывается съ каждымъ днемъ болѣе, что Римъ никогда не находился въ такомъ уединеніи и въ такомъ сиротствѣ, какія признаны были за нимъ наблюдателями. Необычайными мѣрами, еще въ нѣкоторой степени продолжающимися и теперь, съ него была снята только работа, требуемая временемъ и его необходимостями; и благодаря этому обстоятельству, народъ предался однѣмъ природнымъ своимъ наклонностямъ, артистическому веселью, остроумной безпечности и, столь свойственному ему, художническому творчеству. Сильное развитіе этой стороны его характера заставило предполагать, что въ ней и вся жизнь Рима, но колесо европейской исторіи не можетъ миновать ни одного уголка нашей части свѣта и неизбѣжно захватываетъ людей, какъ бы ни сторонились они. Стремленіе римскаго населенія сдѣлаться причастникомъ общихъ благъ просвѣщенія и развитія признается теперь законнымъ почти всѣми; но оно жило во многихъ сердцахъ и тогда. Гоголь зналъ это, но встрѣчалъ явленіе съ нѣкоторою грустью. Помню, разъ на мое замѣчаніе, „что, вѣроятно, въ самомъ Римѣ есть люди, которые иначе смотрятъ на него, чѣмъ мы съ вами“, — Гоголь отвѣтилъ почти со вздохомъ: „Ахъ, да, батюшка, есть, есть такіе“. Далѣе онъ не продолжалъ. Видно было, что утрата нѣкоторыхъ старыхъ обычаевъ, прозрѣваемая имъ въ будущемъ и почти неизбѣжная при новыхъ стремленіяхъ, поражала его непріятнымъ образомъ. Онъ былъ влюбленъ, смѣю сказать, въ свое воззрѣніе на Римъ, да тутъ же дѣйствовалъ отчасти и малороссійскій элементъ, всегда охотно обращенный къ тому, что носитъ печать стародавняго или его напоминаетъ. Зато ужъ и Францію, которую считалъ родоначальницей легкомысленнаго презрѣнія къ поэзіи прошлаго, начиналъ онъ ненавидѣть отъ всей души.

о французскомъ владычествѣ въ Римѣ, въ эпоху первой имперіи, когда дѣйствительно сподвижники Наполеона I, вмѣстѣ съ истребленіемъ суевѣрія, принялись истреблять и коренныя начала народнаго характера, Николай Васильевичъ отзывался послѣ съ негодованіемъ. Онъ много говорилъ дѣльнаго и умнаго о всесвѣтныхъ преобразователяхъ, не умѣющихъ отличать жизненныхъ особенностей, никогда не уступаемыхъ народомъ, отъ тѣхъ, съ которыми онъ можетъ разстаться, не уничтожая себя, какъ народъ, но упускалъ изъ вида заслуги всей исторіи Франціи передъ общимъ европейскимъ образованіемъ. Впрочемъ, твердаго, невозвратнаго приговора, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, еще не было у Гоголя: онъ пришелъ къ нему позже. Онъ тогда еще составлялъ его и потому довольно часто оглядывался на свои мысли и провѣрялъ ихъ на противоположныхъ взглядахъ и на противорѣчіи, онъ шелъ только къ тому рѣшительному приговору, который съ такой силой раздался пять лѣтъ спустя въ литературѣ нашей. Для подтвержденія нашихъ словъ, приведемъ одинъ маловажный случай: кромѣ маловажныхъ случаевъ, никакихъ другихъ между нами и быть не могло, но именно потому, можетъ-быть, всѣ случаи, касающіеся Гоголя, имѣли почти всегда значительную физіономію и сохраняли въ памяти моей точное выраженіе. Однажды за обѣдомъ, въ присутствіи А. А. Иванова, разговоръ нашъ нечаянно попалъ на предметъ, всегда вызывавшій споры: рѣчь зашла именно о пустотѣ всѣхъ задачъ, поставляемыхъ французами въ жизни, искусствѣ и философіи. Гоголь говорилъ рѣзко, деспотически, отрывисто. Ради честности, необходимой даже въ застольной бесѣдѣ, я принужденъ былъ невольно указать на нѣсколько фактовъ, значеніе и важность которыхъ для цивилизаціи вообще признаваемы всѣми. Гоголь отвѣчалъ горячо и тѣмъ, вѣроятно, поднялъ тонъ моего возраженія; однакожъ споръ тотчасъ же упалъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ, какъ только сдѣлалась ощутительна въ немъ нѣкоторая степень напряженія. Молча вышли мы изъ австеріи, но послѣ немногихъ задумчивыхъ шаговъ, Гоголь подбѣжалъ къ первой лавочкѣ лимонадчика, раскинутой на улицѣ, какихъ много бываетъ въ Римѣ, выбралъ два апельсина и, возвратясь къ намъ, подалъ съ серіозной миной одинъ изъ нихъ мнѣ. Апельсинъ этотъ меня тронулъ: онъ

дѣлался, такъ сказать, формулой, посредствомъ которой Гоголь выразилъ внутреннюю потребность нѣкотораго рода уступки и примиренія.

Вообще слѣдуетъ помнить, что въ эту эпоху онъ былъ занятъ внутренней работой, которая началась для него со второго тома „Мертвыхъ Душъ", тогда же имъ предпринятаго, какъ я могу утверждать положительно. Значеніе этой работы никѣмъ еще не понималось вокругъ него, и только впослѣдствіи можно было разобрать, что для второго тома „Мертвыхъ Душъ" начиналъ онъ сводить къ одному общему выраженію какъ свою жизнь, образъ мыслей, нравственное направленіе, такъ и самый взглядъ на духъ и свойство русскаго общества. Результаты этихъ изысканій и трудовъ надъ самимъ собой, и надъ духовнымъ бытомъ нашего общества публикѣ извѣстны, и мы покамѣсть ихъ не судимъ: мы только повторяемъ, что съ подобными эпохами поворотовъ мысли направленія неизбѣжно связано колебанія воли и осужденія, какъ это и было здѣсь. Онъ осматривалъ и взвѣшивалъ явленія, готовясь оторваться отъ однихъ и пристроится къ другимъ. Такъ, напримѣръ, долго, съ великимъ вниманіемъ и съ великимъ участіемъ слушалъ онъ горячія повѣствованія о Россіи, заносимыя въ Римъ пріѣзжими, но ничего не говорилъ въ отвѣтъ, оставляя послѣднее слово и рѣшеніе для самого себя. Отсюда также и тѣ длинные часы нѣмого созерцанія, какому предавался онъ въ Римѣ. На дачѣ княгини З. Волконской, упиравшейся въ самый римскій водопроводъ, который служилъ ей террассой, онъ ложился спиной на аркаду богатыхъ, какъ называлъ древнихъ римлянъ, и по полу-суткамъ смотрѣлъ въ голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью. Такъ точно было и Тиволи, въ густой растительности, окружающей его *каскателли;* онъ садился гдѣ-нибудь въ чащѣ, упиралъ зоркіе, недвижные глаза въ темную зелень, купами сбѣгавшую по скаламъ, и оставался недвижимъ цѣлые часы, съ воспаленными щеками. Разъ послѣ вечера, проведеннаго съ однимъ знакомымъ живописца Овербека, разсказывавшимъ о попыткахъ этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцаніе живописцевъ до-Рафаэлевой эпохи, мы возвращались домой, и я былъ удивленъ, когда Гоголь, внимательно и напряженно слушавшій разсказъ, замѣтилъ

въ раздумьи: „Подобная мысль могла только явиться въ головѣ нѣмецкаго педанта". Такъ еще никому собственно не принадлежалъ онъ, и выходъ изъ этого душевнаго состоянія явился уже послѣ отъѣзда моего изъ Рима. Я засталъ предуготовительный процессъ: борьбу, нерѣшительность, томительную муку соображеній. Письма отъ этой эпохи, собранныя г. Кулишемъ, уже вполнѣ показываютъ, куда стремилась его мысль, но письма эти, какъ магнитная стрѣлка, обращены къ одной неизмѣнной точкѣ, а самъ корабль прибѣгалъ ко многимъ уклоненіямъ и обходамъ, прежде чѣмъ вышелъ на твердый и опредѣленный путь.

Одна только сторона въ Гоголѣ не потерпѣла ничего и оставалась во всей своей цѣлости — именно художническое его чувство. Гоголь не только безъ устали любовался тогдашнимъ Римомъ, но и увлекалъ неудержимо всѣхъ къ тому же поклоненію къ чудесамъ его. Оффиціальные католическіе праздники Пасхи, на которыхъ, по стеченію иностранцевъ, присутствуетъ чуть ли не болѣе насмѣшливыхъ, чѣмъ вѣрующихъ глазъ, уже давно миновались. Значительная часть туристовъ разъѣхалась, и настоящій туземный Римъ выступилъ одинъ для новыхъ духовныхъ праздниковъ, совпадающихъ съ лѣтними мѣсяцами. Здѣсь, въ виду италіанскаго народа, Гоголь не чуждался толпы. Онъ предупреждалъ меня о днѣ Вознесенія, когда папа даетъ благословленіе полямъ Рима съ высоты балкона Іоанна Латеранскаго — и зрѣлище, на которомъ мы присутствовали въ тотъ день, было не ниже нашихъ ожиданій. Лѣтнее солнце Италіи освѣтило старыя стѣны Рима, задернувъ голубой, прозрачной пеленой далекія албанскія горы. Ближе къ намъ и въ самую минуту благословенія, оно ударило нестерпимо ярко на бѣлые головные платки колѣнопреклоненныхъ женщинъ, на широкія соломенныя шляпы мужчинъ, на разноцвѣтныя перья войска, тоже приклонившаго колѣно, на красныя мантіи кардиналовъ—и произвело картину ослѣпительнаго блеска и вмѣстѣ превосходной перспективы. Затѣмъ наступили торжества *Corpus-Domini*. Въ семь часовъ вечера, передъ *Ave-Maria*, при самомъ началѣ вечернихъ прогулокъ нашихъ, мы непремѣнно встрѣчали духовную процессію, импровизированный алтарь на углу улицы, аббата подъ балдахиномъ съ дарохранильницей, которую, послѣ краткой молитвы, онъ бла-

гословлялъ падающій ницъ народъ. Вечернее солнце играло опять главную роль въ картинѣ, обливая пурпуромъ знамена, огромныя полотна съ фигурами святыхъ, кресты разныхъ величинъ, фонари, рясы нищенствующихъ монаховъ и загорѣлыя лица итальянцевъ, пылавшія нѣсколько мгновеній неизобразимо яркимъ и теплымъ свѣтомъ. О цвѣточныхъ коврахъ Джензано, раскладываемыхъ по пути такихъ же процессій и составляющихъ подвижной рисунокъ съ изображеніями кардинальскихъ гербовъ, арабесокъ, узоровъ изъ листьевъ и лепестковъ растеній, Гоголь упоминаетъ самъ въ статьѣ о Римѣ. Николай Васильевичъ былъ неутомимъ въ подмѣткѣ различныхъ особенной этого народнаго творчества, которое окружило тогда духовныя торжества, но могло существовать и помимо нихъ. Такъ, очевидцы происшествій 1848—49 годовъ, разсказываютъ объ удивительныхъ тріумфальныхъ аркахъ, строимыхъ въ одну ночь неизвѣстными архитекторами, да и въ мое время, какъ справедливо замѣтилъ Гоголь, любая лавочка лимонадчика на площади заслуживала изученія по рисунку украшеній изъ зелени, винограда и лавра. Какъ велико было уваженія Гоголя ко всякому проявленію самородной фантазіи или даже сноровки, покажетъ слѣдующій примѣръ. Въ одной изъ кофейныхъ онъ замѣтилъ, что стѣны и потолокъ ея покрыты сѣткой изъ полосокъ бумаги, перегнутыхъ на-двое и приставленныхъ къ штукатуркѣ. Узнавъ, что этимъ способомъ придумано сохранять заведенія отъ порчи мухъ, гуляющихъ преимущественно по внѣшней сторонѣ клѣтокъ, Гоголь долго разсматривалъ это хозяйственное изобрѣтеніе и, наконецъ, воскликнулъ съ чувствомъ: „И этихъ-то людей называютъ маленькимъ народомъ"! Смѣтливость и остроуміе въ народѣ были для него признаками, свидѣтельствующими даже объ историческомъ его призваніи. Нѣсколько разъ повторялъ онъ мнѣ, что нынѣшніе римляне, безъ сомнѣнія, гораздо выше суровыхъ праотцевъ своихъ и что послѣдніе никогда не знали того неистощимаго веселія, той добродушной любезности, какія отличаютъ современныхъ обитателей города. Онъ приводилъ въ примѣръ случай, имъ самимъ предусмотрѣнный. Два молодыхъ водоноса, поставивъ ушатъ на землю, принялись съ глазу на глазъ смѣшить другъ друга уморительными анекдотами и остротами. „Я цѣлый часъ подсматривалъ за ними изъ окна,—

говорилъ Гоголь, — и конца не дождался. Смѣхъ не умолкалъ, прозвища, насмѣшки и разсказы такъ и летѣли, и ничего водевильнаго тутъ не было; только сердечное веселіе да потребность подѣлиться другъ съ другомъ обиліемъ жизни". Гоголь былъ не прочь и отъ сильныхъ, необузданныхъ страстей, которыя затемняютъ иногда сердце и умъ этихъ любезныхъ людей. Все естественное, самородное, уже по одному этому имѣло право на его уваженіе. Вотъ какой анекдотъ разсказывалъ онъ юмористически, но не безъ удовольствія. Въ его глазахъ одинъ мальчишка пустилъ чѣмъ-то въ другого, проходившаго мимо, и чувствуя, вѣроятно, важность отвѣтственности за поступокъ, тотчасъ же шмыгнулъ въ двери близъ-лежащаго дома, которыя и приперъ за собою. Обиженный ребенокъ кинулся къ дверямъ, старался выломать ихъ и, видя невозможность одолѣть преграду, сталъ вызывать оскорбителя на личную расправу. Отвѣта никакого, разумѣется, не послѣдовало: ребенокъ истощался въ бранныхъ эпитетахъ, въ самыхъ ядовитыхъ прозвищахъ и въ ругательствахъ, и не слыхалъ ни малѣйшаго отзыва. Тогда онъ легъ у порога двери и зарыдалъ отъ ярости, но и слезы не истощили жажду мщенія, которая кипѣла въ этой дѣтской груди. Онъ всталъ опять на ноги и принялся умолять своего врага хоть подойти къ окну, чтобъ дать посмотрѣть на себя, обѣщая ему за одно это прощеніе и дружбу... Но, оставляя въ сторонѣ анекдоты, скажемъ, что уваженіе Гоголя къ проблескамъ цѣльной и свѣжей натуры не ограничивалось одними людскими характерами: онъ и созданія искусства цѣнилъ еще тогда по признакамъ силы, обнимающей сразу предметъ, и чѣмъ менѣе замѣтно было въ произведеніи исканія, пробованья и щупанья, тѣмъ болѣе оно ему нравилось, но онъ простиралъ иногда опредѣленія свои до парадокса. Такъ, къ великому соблазну А. А. Иванова, онъ объявилъ однажды, что извѣстная пушкинская сцена изъ Фауста, выше всего Фауста Гете, вмѣстѣ взятаго. Не должно думать, однакожъ, чтобъ наслажденіе Римомъ и людьми его сдѣлало самого Гоголя слабымъ и мягкосердечнымъ: напротивъ, онъ обращался весьма строго съ послѣдними — и это по *принципу*. Притворная суровость его была тутъ противодѣйствіемъ римской смѣтливости, народнаго расположенія къ сарказму и природной безпечности италіанца. Онъ былъ взыскателенъ,

и надо было видѣть, какъ важно примѣривалъ онъ новые башмаки, сшитые ему молодымъ парнемъ съ блестящими черными глазами и лукавой улыбкой. Онъ его почти измучилъ осмотромъ и потомъ говорилъ мнѣ смѣясь: „иначе и нельзя съ этимъ народомъ; чуть оплошай — заговоритъ тебя. Подсунетъ мерзость, поставитъ передъ собой башмакъ, отступитъ шагъ назадъ и начнетъ: „о, что за чудная *cosa!* о, какая дивная вещица! Никакой племянникъ папы не носилъ такого башмака. Посмотрите, синьоръ, какая форма каблука! Можно влюбиться до безумія въ такую вещь, и т. д.“. Придирчивость Гоголя была лицемѣрна уже и потому, что онъ никогда не сердился на тѣ обыкновенныя италіанскія надувательства, которымъ, несмотря на всю свою строгость и сноровку, подвергался не разъ. Такъ, вздумавъ сдѣлать прогулку въ обыкновенномъ нашемъ обществѣ, мы подрядили веттурина, дали ему задатокъ и назначили часъ отъѣзда. Но часъ прошелъ, а веттуринъ не являлся, употребивъ, вѣроятно, задатокъ на неотлагательныя свои нужды и забывъ о порученіи. Всѣ присутствующіе оказывали ясные знаки нетерпѣнія и выражали негодованіе свое, исключая Гоголя, который оставался совершенно равнодушенъ, а когда одинъ изъ общества замѣтилъ, что подобной штуки никогда бы не могло случиться въ Германіи: тамъ де никто своего не дастъ и чужого не возьметъ, — то Гоголь отвѣчалъ съ досадой и презрѣніемъ: „Да, но это только на картахъ хорошо“!

Еще одна черта. Мы, разумѣется, весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинныя галереи, гдѣ Гоголь почти всегда погружался въ нѣмое созерцаніе, рѣдко прерываемое отрывистымъ замѣчаніемъ. Только уже по прошествіи нѣкотораго времени развязывался у него языкъ и можно было услыхать его сужденіе о видѣнныхъ предметахъ. Всего замѣчательнѣе, что скульптурныя произведенія древнихъ тогда еще производили на него сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ про нихъ: „то была религія, иначе нельзя бы и проникнуться такимъ чувствомъ красоты“.

Можетъ статься, всего тяжелѣе было для позднѣйшаго Гоголя побѣдить врожденное благоговѣніе къ высокой непогрѣшительной, идеальной, пластической формѣ, какое высказывалось у него въ мое время поминутно. Онъ часто забѣ-

галъ въ мастерскую извѣстнаго Тенерани любоваться его „Флорой“, приводимой тогда къ окончанію, и съ восторгомъ говорилъ о чудныхъ линіяхъ, которыя представляетъ она со всѣхъ сторонъ и особенно сзади: „тайна красоты линій, — прибавлялъ онъ, — потеряна теперь во Франціи, Англіи, Германіи, и сохраняется только въ Италіи“. Такъ точно и знаменитый римскій живописецъ, воспитанный на классическихъ преданіяхъ, находилъ въ немъ усерднаго почитателя своего за чистоту своего вкуса, грацію и теплоту, разлитыя въ его картинахъ, похожихъ на оживленные барельефы. Никогда не забывалъ Гоголь, при разговорѣ о римскихъ женщинахъ или даже при встрѣчѣ съ замѣчательной женской фигурой, какихъ много въ этой странѣ, сказать: „а если бы посмотрѣть на нее въ одномъ только одѣяніи цѣломудрія, такъ скажешь: женщина эта съ неба сошла“. Не нужно, полагаю, толковать, что поводомъ ко всѣмъ словамъ такого рода было одно артистическое чувство его: жизнь велъ онъ всегда цѣломудренную, близкую даже къ суровости и, если исключить маленькія гастрономическія прихоти, болѣе исполненную лишеній, чѣмъ довольства. Такъ еще полно и невредимо сохранялъ онъ въ себѣ художническій элементъ, который особенно разыгрывался, когда духота, потребность воздуха и гулянья заставляли прекращать переписку „Мертвыхъ душъ“ и выгоняли насъ за городъ, въ окрестности Рима.

Анненковъ.

Гоголь и Пушкинъ.

Какъ много помогъ Пушкинъ Гоголю понять себя самого, свое настоящее призваніе, какъ онъ будилъ его мысль и возбуждалъ ея творческую работу, — все это достаточно извѣстно. Передача сюжетовъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ — только эпизодъ изъ кратковременной, къ сожалѣнію, исторіи общенія этихъ двухъ умовъ, суть котораго — въ благотворномъ, просвѣтительномъ вліяніи ума свѣтлаго на умъ темный. Гоголь отлично сознавалъ, чѣмъ онъ обязанъ Пушкину, и это сознаніе выразилось въ письмахъ, на-

писанныхъ Гоголемъ по полученіи извѣстія о смерти великаго поэта. 16 марта 1837 г. онъ писалъ Плетневу (изъ Рима). „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималось безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. *Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу...*[1]). Боже! нынѣшній трудъ мой[2]), внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его...“

Погодину онъ писалъ (отъ 30 марта 1837 г.): „Я получилъ твое письмо въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я. . я и сотой доли не могу выразить моей скорби. *Моя жизнь. мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ*[3]). Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. *Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина*[3]). Ничто мнѣ были всѣ толки... мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. *Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта*[3]). Все, что есть во мнѣ хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой[4]) есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его[5]) не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?...“

Нѣкоторыя преувеличенія въ этихъ письмахъ (напр., „*ни одна* строка. .“, „ничего не писалъ безъ его совѣта...“ и пр.) принадлежатъ къ числу тѣхъ оборотовъ рѣчи, какіе

[1]) Курсивъ мой.
[2]) „Мертв. Души“.
[3]) Курсивъ мой.
[4]) „Мертв. Души“.
[5]) Т.-е. — труда („Мертв. Д.“).

вообще были свойственны стилю Гоголя (гипербола), и отнюдь не должны быть поставляемы въ данномъ случаѣ въ упрекъ Гоголю. Онѣ, не заключая въ себѣ полной фактической правды, отлично и вѣрно выражаютъ общую душевную правду того, что почувствовалъ Гоголь, когда узналъ о смерти Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ, эта, по выраженію Тютчева, „Россіи первая любовь“, былъ и для Гоголя въ своемъ родѣ „первою и единственною любовью“. Если Гоголь кого-либо любилъ глубокой радостной, трогательной любовью, если онъ кого-либо „обожалъ“, то это только Пушкина, и слова: „моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ“ — вылились прямо изъ сердца и говорятъ несомнѣнную правду. Нетрудно представить себѣ, какую пустоту ощутилъ Гоголь, вмѣстѣ со всей образованной Россіей, когда вдругъ не стало Пушкина. И спустя два года съ лишнимъ, въ сентябрѣ 1839 г., находясь уже въ Москвѣ, Гоголь восклицалъ (въ письмѣ къ Плетневу, отъ 27 сентября 1839 г.): „Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я пріѣду въ Петербургъ — и Пушкина нѣтъ!...“ — Эта роковая, эта незамѣнимая утрата была для Гоголя несомнѣнно чувствительнѣе, чѣмъ для другихъ: онъ духовно осиротѣлъ, онъ потерялъ единственнаго человѣка, авторитету котораго онъ добровольно и радостно подчинялся. Это *подчиненіе* составляло насущную потребность душевной жизни и самаго творчества Гоголя. Едва ли ошибемся мы, если скажемъ, что къ числу большихъ несчастій Гоголя принадлежало и то, что онъ слишкомъ живо почувствовалъ въ себѣ необыкновеннаго человѣка, что онъ безповоротно убѣдился въ превосходствѣ своего ума, въ своей несомнѣнной геніальности. На этомъ главнымъ образомъ и основывался непріятный, самонадѣянный наставническій тонъ Гоголя и его претензіи поучать ближнихъ, управлять ихъ умами и сердцами, навязывать имъ свой духовный авторитетъ. Для такой натуры, для такого характера, какъ Гоголь, въ высокой степени было важно сознаніе, что есть другой великій человѣкъ, другой геній, у котораго можно многому поучиться, котораго вліяніе благотворно. И Пушкинъ дѣйствительно былъ для Гоголя такою ограничивающею, сдерживающею силой, своего рода школой.

Сохранившіяся письма Гоголя къ Пушкину и нѣсколько записокъ послѣдняго даютъ наглядное представленіе объ уча-

стіи Пушкина къ работѣ Гоголя, а равно и о томъ, какъ послѣдній дорожилъ этимъ участіемъ. Нѣкоторыя выдержки будутъ здѣсь не лишними.

Вотъ письмо Гоголя отъ 7 октября 1835 г: „Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну, но до сихъ поръ не получилъ извѣстія. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собою, мою комедію[1]), которой въ вашемъ кабинетѣ не находится и которую я принесъ вамъ для замѣчаній... Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть сколько-нибудь главныхъ замѣчаній.—Началъ писать „Мертвыхъ Душъ". Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю Русь.—Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ хоть какой-нибудь, смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами... Сдѣлайте (же) милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь — куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите „Женитьбу". Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично".

Въ другомъ письмѣ (декабря 1834 г.) онъ жалуется Пушкину на придирки цензуры къ нѣкоторымъ мѣстамъ „Записокъ сумасшедшаго", а потомъ говоритъ: „Жаль однако, что мнѣ не удалось видѣться съ вами. Я посылаю вамъ предисловіе[2]); сдѣлайте милость, просмотрите, и если что, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами..." Посылая Пушкину вышедшія изъ печати „Арабески", Гоголь пишетъ, что нарочно посылаетъ два экземпляра: „одинъ экземпляръ для васъ, а другой разрѣзанный для меня. Вы читайте мой и сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотъ же часъ ихъ всѣхъ налицо. Мнѣ это очень нужно".

---

[1]) „Женитьба".

[2]) Къ „Арабескамъ", гдѣ были помѣщены „Записки сумасш.".

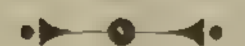
Записки Пушкина къ Гоголю прибавляютъ нѣсколько чертъ, рисующихъ живое, сердечное отношеніе великаго поэта къ начинающему писателю. Въ одной (25 августа 1831 г.) онъ заранѣе поздравляетъ автора „Вечеровъ на хуторѣ“ съ будущимъ успѣхомъ этой книги („поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора...[1]). Въ другой запискѣ дѣло идетъ о „Невскомъ проспектѣ“: „Прочелъ съ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Секуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ! Съ Богомъ!“ Въ дневникѣ Пушкина находимъ (7 апрѣля 1833 г.): „Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Очень оригинально и очень смѣшно. — Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“. Въ октябрѣ 1835 года Пушкинъ пишетъ (изъ Михайловскаго) Плетневу по поводу изданія альманаха, для котораго Гоголь далъ „Коляску“: „Спасибо, великое спасибо Гоголю за его „Коляску“, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе даромъ „Коляски“ не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги“. Въ письмѣ къ женѣ (изъ Москвы, 6 мая 1836 г.) Пушкинъ между прочимъ даетъ ей слѣдующее порученіе: „Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я тоже ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ“.

Если бы Пушкинъ не умеръ такъ рано, и если бы дружескія связи между двумя нашими величайшими поэтами продлились на болѣе продолжительное время, то, безъ сомнѣнія, разсѣялась бы добрая доля той темноты, которою былъ объятъ великій умъ Гоголя.

[1]) Отвѣтъ на письмо Гоголя отъ 21-го августа, гдѣ Гоголь между прочимъ говоритъ: „любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіею: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворачиваясь къ стѣнкѣ...“

Прежде всего Гоголь вынесъ бы изъ „школы“ Пушкина уваженіе къ великимъ и невеликимъ дѣятелямъ европейской мысли и сочувствіе прогрессу общечеловѣческаго просвѣщенія. Онъ научился бы у Пушкина понимать и цѣнить великія культурныя и интеллектуальныя блага, пріобрѣтенныя передовыми народами Европы цѣною многовѣкового труда и борьбы. И, быть можетъ, онъ сдѣлался бы, если и не отличнымъ, то хоть хорошимъ „ученикомъ“ цивилизаціи...

Овсянико-Куликовскій.



Дѣтство и первая юность Лермонтова.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней тѣсно связана съ именемъ поэта. Она лелѣяла его съ колыбели, выходила больнымъ ребенкомъ, позаботилась дать ему блестящее и серіозное для того времени образованіе, сосредоточила на немъ всю свою любовь и заботы. Въ преклонныхъ лѣтахъ, частью именно изъ-за этой беззавѣтной преданности къ внуку, пользовалась она всеобщимъ уваженіемъ и не разъ успѣвала отвращать своимъ заступничествомъ серіозную опасность, грозившую поэту.

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь богатаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, давшаго многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляли собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ.

Она сочеталась бракомъ съ гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда.

Отъ брака съ Арсеньевымъ у Елизаветы Алексѣевны была всего одна дочь, Марья Михайловна. Во время смерти отца ей было лѣтъ 15. Какъ при мужѣ, Елизавета Алексѣевна каждый годъ проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, куда ѣзжали изъ пензенскаго имѣнія на долгихъ, посѣщая и останавливаясь на пути у родныхъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское, къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ

Кроптовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1811 г. съ чиномъ капитана.

Красивый молодой человѣкъ, съ блестящими столичными пріемами, произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣніе. Женское населеніе Кроптовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло и, къ радости или къ неудовольствію Елизаветы Алексѣевны, молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы объявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, не принадлежавшаго къ родовитому ихъ кругу. Вѣнчаніе происходило въ Тарханахъ, съ обычною торжественностью, при большомъ съѣздѣ гостей. Вся дворня была одѣта въ новыя платья. Среди гостей находилась сестра Юрія Петровича и мать его, Анна Васильевна.

Хотя Юрій Петровичъ и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли, и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную.

Выйдя замужъ, Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго и за ней считалось всего 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцомъ изъ тульской его деревни. Зато мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распоряжался этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ, — „вошелъ въ домъ", по выраженію старожиловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и груднымъ ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда по хозяйственнымъ дѣламъ то въ Москву, то въ тульское имѣніе.

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкимъ, нервнымъ созданіемъ. Передряги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно дѣйствовать на ея организмъ. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помощью, — помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая насторожѣ, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Миши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть — къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать, и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ рокового дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа.

Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кропотовку.

Убитая горемъ Елизавета Алексѣевна приказала снести большой барскій домъ въ Тарханахъ, свидѣтеля смерти ея мужа и любимой дочери, и воздвигнула на мѣстѣ его церковь во имя Маріи Египетской. Рядомъ съ церковью она построила небольшое деревянное зданіе съ мезаниномъ, гдѣ и поселилась съ внукомъ своимъ. Этотъ домъ въ Тарханахъ уцѣлѣлъ и по сіе время.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и пріязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судь-

бой въ лицѣ ея мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда; умирающая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ „дѣловой" дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодого барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна-нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ, или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка, заставляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благодѣтельно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, несмотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходило кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что гораздъ. При каждомъ появленіи новаго лица Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: „Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ!" — и ребенокъ дѣлалъ ему посильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михаила Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашеныя яица въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ напол-

нялся дѣвушками, приходившими катать яица. Михаилъ Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ: „Бабушка, я выигралъ!“ А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней, и Михаилъ Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть, — на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было.

Бабушка въ это время сидѣла у окна гостиной комнаты и глядѣла на дорогу въ лѣсъ и длинную просѣку, по которой шелъ ея баловень, окруженный дѣвушками. Уста ея шептали молитву. Съ нѣжнѣйшаго возраста бабушка слѣдила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его къ созвучіямъ рѣчи.

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ, грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все-таки помнилъ ее.

Альбомъ матери онъ всегда возилъ съ собою, и еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ на Кавказѣ вносилъ въ него свои рисунки. Неразлученъ съ нимъ былъ и дневникъ матери.

Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента. Фантазія его рано была возбуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ сожалѣлъ позже, находя что „въ нихъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“, то все же голова ребенка полна была образовъ романтическаго міра.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и немудрено, что его „мамушка“, какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему разсказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже любилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разновидными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему волшебницей, плавно идущей въ свой чудесный замокъ, сопровождаемой дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ враговъ — великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудищъ.

Когда Михаилъ Юрьевичъ подросъ и вступилъ въ отроче-

скій возрастъ, — разсказываютъ старожилы села Тарханы, — были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, обмундированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михаилъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну, въ разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами.

Желая создать для Мишеля вполнѣ подходящую обстановку, было рѣшено обучать его вмѣстѣ съ сверстниками, съ коими онъ дѣлилъ бы тоже и часы досуга.

Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ, Мишеля и сверстниковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому. Послѣднему обучалъ грекъ изъ Кефалоніи, бѣжавшій въ Россію во время смутъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіе Греціи. Но успѣхи Мишеля у этого ученаго политическаго выходца были не особенно блестящи, и импровизованный менторъ скоро перешелъ на чисто практическую дѣятельность. Онъ занялся выдѣлкою шкуръ собакъ, и этому искусству научилъ окрестныхъ крестьянъ, до сей поры имъ занимающихся.

Своихъ сверстниковъ Мишель любилъ дѣлить на два лагеря. Происходили военныя игры, и особенно зимою воздвигались и брались крѣпости, совершались переходы.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды. У Столыпиныхъ было имѣніе „Столыпиновка“ недалеко отъ Пятигорска

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа:

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ...“

Едва ли къ чему-либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятія, величественныя какъ душа поэта, и объятія эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, а позже — любовь родной души, дружбу близкихъ и далекую родину. Въ 1830 г. въ упомянутыхъ черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько стра-

ницъ послѣ воззванія къ Кавказу, онъ посвящаетъ ему же еще стихотвореніе:

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ.
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселилась въ Тарханахъ. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпицъ сельской колокольни. Это — Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный, съ мезаниномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сторону господскаго дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полугорѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въ глубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору, къ пруду. Съ полугорья открывался видъ на село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ. *Висковатовъ.*

Воспитаніе и образованіе Лермонтова въ Москвѣ и его наставники.

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ „Благородномъ университетскомъ пансіонѣ". Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и наняла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: шумная разсѣянная жизнь замѣнила

прежнюю. Въ Тарханахъ и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его, эльзасецъ Капэ, былъ офицеръ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попалъ онъ въ плѣнъ къ русскимъ. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее, какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Капэ, о коемъ сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ другихъ своихъ воспитателей. И если бывшій офицеръ наполеоновской гвардіи не успѣлъ вселить въ питомцѣ своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лермонтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ-быть также, что военные разсказы Капэ не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ бранымъ похожденіямъ вязалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ разсказами о немъ родни его.

То было на Руси время удивительное — эти годы послѣ Отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказалась она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 г. Стихійныя чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привилегіи классовъ, отступились чувства собственности, и каждый, въ коемъ не изсохла душа, — а такихъ людей, слава Богу, было много, каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ, принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попалось въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство, а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, передъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатіи и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое было среди лжи и поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнія. Еще Петръ, побѣдителемъ подъ Полтавой, въ шатрѣ своемъ

За учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пожегшій добро свое русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро погибнувшихъ русскихъ.

О разныхъ славныхъ битвахъ восторженно разсказывалъ своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали разсказы о Бородинскомъ сраженіи, и въ этомъ случаѣ мальчикъ-поэтъ не внималъ своему наставнику, а всецѣло склонялся на сторону русскихъ разсказчиковъ, коихъ было не мало.

Разсказывали и старъ и младъ, — и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками, — всѣ эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!...

восклицаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-лѣтній Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотво-

ренія, изъ котораго позже выработалось знаменитое „Бородино“.

Интересъ къ Франціи и Наполеону поэтъ сохранилъ на всю жизнь. Съ 1830 года до 1841 онъ неоднократно занимается французами и ихъ императоромъ. Сужденіе относительно ихъ измѣняется, но любовь къ могучему вождю остается все та же. Съ годами она даже увеличивается и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ:

Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты — жалкій и пустой народъ, —

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалѣетъ

О дальнемъ островѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ.

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ разсказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20-хъ годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Капэ и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ „молодой баринъ“ любилъ учителя-француза и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Капэ однако не долго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля, — онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился. Теперь былъ взятъ въ домъ весьма рекомендованный, давно проживавшій въ Россіи, еще со времени великой французской революціи эмигрантъ Жандро. Жандро сумѣлъ понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушкѣ и московскимъ родственницамъ, коихъ онъ плѣнялъ безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія, отзывавшихся старой школой галантнаго французскаго двора. Этотъ изящный, въ свое время избалованный русскими дамами французъ пробылъ, кажется, около двухъ лѣтъ и, желая овладѣть Мишей, сталъ

мало-по-малу открывать ему „науку жизни“. Это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а въ домъ былъ принятъ семейный гувернеръ, англичанинъ Виндсонъ.

Имъ очень дорожили, платили большое для того времени жалованье — 3000 руб. — и помѣстили съ семьею (жена его была русская) въ особомъ флигелѣ. Однакоже и къ нему Мишель не привязался, хотя отъ него пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Между тѣмъ шло приготовленіе къ экзамену для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ. Занятіями Мишеля руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ, занимавшій въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Онъ пользовался репутаціей отличнаго педагога, и родители особенно охотно довѣряли дѣтей своихъ его руководству. Въ благородномъ пансіонѣ считалось полезнымъ, чтобы каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставлялся самимъ родителямъ. Родственники пріѣхавшей въ Москву Арсеньевой, Мещериновы, рекомендовали Зиновьева, и такимъ образомъ Лермонтовъ сталъ, по принятому выраженію, „кліентомъ“ г. Зиновьева и оставался имъ во всю бытность свою въ пансіонѣ.

Пансіонъ помѣщался тогда на Тверской; онъ состоялъ изъ шести классовъ, въ коихъ обучалось до 300 воспитанниковъ. Лермонтовъ поступилъ въ него въ 1828 году, но разстаться со своимъ любимцемъ бабушка не захотѣла, и потому рѣшили, чтобы Мишель былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался бы домой.

Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей и пріобрѣвшими право на вниманіе потомства. Такъ, тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Дашковъ, Ал. Ив. Тургеневъ, князь Одоевскій, Грибоѣдовъ, Инзовъ (кишиневскій покровитель Пушкина), братья Николай и Дмитрій Алексѣевичи Милютины и многіе другіе. Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона. Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старыя его традиціи еще не совершенно исчезли. Между учащимися и учащими отно-

шенія были добрыя. Холодный формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе, и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, имѣлось въ виду изученіе славныхъ писателей древнихъ и новыхъ народовъ.

Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ сотрудника школьнаго живописнаго журнала „Утренняя Заря". Здѣсь помѣстилъ Лермонтовъ поэму свою „Индіанка", которая была имъ сожжена. Имъ тамъ же помѣщались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Лермонтовъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера.

Подавали свои стихотворные опыты учителямъ и другіе воспитанники. Такъ, учителю Раичу другъ и товарищъ Лермонтова Дурново подалъ пьесу: „Русская мелодія",— подалъ ее за свою, хотя она и была написана Лермонтовымъ, вѣроятно, шутки ради, потому что Лермонтовъ, говоря объ этомъ, отзывается о товарищѣ задушевно. Инспекторъ пансіона Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ физики при Московскомъ университетѣ, отличавшійся живостью преподаванія и вносившій въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи и задумалъ даже собрать лучшіе изъ опытовъ ихъ въ особое изданіе. Этотъ проектъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ, съ истинно дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ. Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачные рисунки его. Относительно воспитанія поэта можно сказать: любовь ко всѣмъ искусствамъ развивалась въ немъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано. А. З. Зиновьевъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламаціи, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимаго имъ ученика. „Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,— разсказываетъ этотъ наставникъ,— отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго и заслужилъ громкія рукоплесканія". Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ

обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ.

Лермонтовъ учился хорошо. Изъ упомянутаго письма къ теткѣ мы видимъ, что онъ считался вторымъ ученикомъ. Поступилъ Лермонтовъ, кажется, въ IV или V классъ. Всѣхъ классовъ было шесть, и высшій подраздѣлялся на младшее и старшее отдѣленія. Директоромъ былъ Петръ Александровичъ Курбатовъ, а кромѣ названныхъ учителей въ пансіонѣ преподавалъ еще Д. И. Дубенскій (извѣстный своими примѣчаніями на „Слово о полку Игоревѣ"), латинскому языку адъюнктъ университета Кубаровъ и математикѣ Кацауровъ. Въ старшемъ же классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета Алексѣй Θедоровичъ Мерзляковъ и Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на слушателей. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и недурно, съ увлеченіемъ, читалъ стихи и прозу. Приземистый, широкоплечій, съ свѣжимъ, открытымъ лицомъ, съ доброй улыбкой, съ приглаженными въ кружокъ волосами, съ проборомъ вдоль головы, горячій душой и кроткій сердцемъ, Алексѣй Θедоровичъ возбуждалъ любовь учениковъ своихъ. Его любили послушать въ классѣ, съ университетской каѳедры, въ литературномъ собраніи пансіона. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить его краснорѣчіе и добродушіе, простоту обращенія и братскую любовь къ ближнему, надо было встрѣчаться съ нимъ въ дружескихъ бесѣдахъ, за круговою чашей, или въ небольшомъ обществѣ коротко знакомыхъ людей; тогда разговоръ его былъ живъ и свободенъ. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позже надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: „И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его".

Висковатовъ.

Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ.

Лермонтову было тринадцать лѣтъ, когда его привезли въ Москву; здѣсь онъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, а оттуда въ университетъ, который онъ покинулъ въ 1832 году восемнадцатилѣтнимъ юношей. Въ столицѣ поэтъ сразу попалъ въ совершенно новую для него обстановку. Вокругъ него не было ни прежней свободы, позволявшей его уму и фантазіи жить совершенно независимо, ни природы, утѣшавшей его въ одиночествѣ. Къ тому же онъ пріѣхалъ въ Москву съ несвободнымъ сердцемъ, насколько можетъ быть несвободно сердце тринадцатилѣтняго мальчика. Два года тому назадъ, а именно во время своего пребыванія на Кавказѣ, въ 1825 году, Лермонтовъ испыталъ чувство первой дѣтской привязанности, которое такъ поразило его своей новизной, что онъ долго не могъ отдѣлаться отъ воспоминаній, и еще въ 1830 году, живя въ Москвѣ, среди многочисленнаго женскаго общества, онъ очень тепло говоритъ объ этомъ чувствѣ въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ. Перемѣна обстановки и связанный съ нею наплывъ воспоминаній, всегда грустныхъ, за отсутствіемъ предметовъ, которые ихъ вызывали, томное любовное настроеніе, съ которымъ поэтъ относился почти ко всѣмъ женщинамъ, семейныя дрязги, повидимому, принявшія въ Москвѣ особенно острый характеръ, — все поддерживало въ мальчикѣ развивавшуюся болѣзнь ранняго пессимизма. Тѣмъ не менѣе, прежній образъ жизни, какой велъ поэтъ въ деревнѣ, теперь долженъ измѣниться. Приходилось сталкиваться съ товарищами, съ ихъ интересами, умственными и нравственными и, наконецъ, съ вопросами политическими, которые въ тридцатыхъ годахъ до извѣстной степени взволновали русское общество. Со всѣми этими новыми для него сторонами жизни Лермонтовъ мирился туго. Изъ разсказовъ его товарищей мы знаемъ, что въ университетѣ онъ занималъ въ ихъ кругу совершенно обособленное мѣсто, друзей не имѣлъ и даже рѣдко съ кѣмъ заговаривалъ. Точны ли эти разсказы объ его угрюмомъ видѣ, объ его дерзкихъ отвѣтахъ, о постоянномъ чтеніи какой-то англійской книги, утверждать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ держался въ сторонѣ отъ другихъ,

хотя, конечно, не изъ гордости или презрѣнія. Была, несомнѣнно, причина, не позволявшая ему броситься опрометью въ круговоротъ новой жизни, какъ онъ сдѣлалъ это впослѣдствіи въ Петербургѣ, когда поступилъ въ юнкерское училище. Это объясняется отчасти тѣмъ, что во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ былъ почти мальчикъ, на рукахъ у гувернера и подъ строгимъ контролемъ бабушки; но есть и другая причина: онъ переживалъ тяжелый нравственный кризисъ, — онъ сталкивался впервые съ жизнью и трудился надъ рѣшеніемъ вопросовъ, которые были ему не подъ силу. Только утомясь въ безсильной борьбѣ съ ними, бросился онъ въ Петербургѣ въ другую крайность, стремился забыть ихъ подъ шумъ сабель и стакановъ.

Что собственно далъ ему Московскій университетъ въ чисто умственномъ отношеніи, сказать съ точностью очень трудно. Насколько живы были интересы молодежи ко всевозможнымъ вопросамъ, настолько мертва была въ то время рѣчь преподавателей. Лермонтовъ, чуждаясь веселой жизни товарищей, тѣмъ самымъ ставилъ себя и внѣ ихъ умственныхъ интересовъ; но это отчужденіе уравновѣшивалось въ немъ домашнимъ чтеніемъ и совершенно самостоятельной умственной работой. Эта работа станетъ намъ ясна, когда мы ближе познакомимся съ его юношескими стихотвореніями. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ данныхъ, чтобы приписать Московскому университету особенное вліяніе на Лермонтова. Теплыя строки, посвященныя самимъ авторомъ Московскому университету, стоятъ въ противорѣчіи съ жизнію, какую онъ велъ въ стѣнахъ этого учрежденія: въ товарищескихъ кружкахъ и въ спорахъ „о Богѣ и вселенной" онъ не участвовалъ. Напротивъ того, товарищамъ бросалась въ глаза его свѣтская жизнь, тотъ кругъ блестящихъ барышенъ, въ обществѣ которыхъ онъ являлся въ театрѣ и на балахъ. При этомъ условіи, внѣшній блескъ и лоскъ молодого студента, сопоставленный съ его нелюдимымъ отчужденіемъ среди товарищей, конечно, подавалъ имъ поводъ къ тѣмъ обвиненіямъ въ высокомѣріи и презрѣніи, съ которыми мы встрѣчаемся въ ихъ воспоминаніяхъ. Страннымъ кажется, что, несмотря на это видимое одиночество и отчужденіе отъ общей товарищеской жизни, Лермонтовъ принималъ участіе въ скандалѣ, устроенномъ студентами одному изъ профессоровъ. Впрочемъ,

вся эта студенческая исторія — дѣло очень темное. Какое участіе принималъ въ ней Лермонтовъ, также не извѣстно съ точностью; во всякомъ случаѣ, если бы его роль была изъ видныхъ, то о ней вспомнили бы впослѣдствіи его товарищи, но ихъ записки о Лермонтовѣ умалчиваютъ. Съ другой стороны, имѣются свѣдѣнія, что Лермонтовъ ссорился съ профессорами на экзаменахъ, а при тогдашнихъ патріархальныхъ взглядахъ на субординацію, можно предположить, что на замѣчаніе поэтъ попалъ именно вслѣдствіе этихъ стычекъ съ начальствомъ. Отразилось ли это невыгодное мнѣніе начальства на положеніи Лермонтова въ университетѣ, неизвѣстно, но только въ 1832 году мы застаемъ поэта въ Петербургѣ съ свидѣтельствомъ отъ Московскаго университета, что онъ прослушалъ двухлѣтній курсъ лекцій и выбылъ изъ числа слушателей.

Московскій періодъ въ жизни Лермонтова окончился, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Чѣмъ могъ онъ помянуть этотъ прожитый періодъ? Жизнь текла однообразно, раздѣленная между семейными и свѣтскими интересами, хожденіемъ въ университетъ и домашними занятіями.

Семья и свѣтъ не могли наполнить его жизни. Для свѣта онъ былъ слишкомъ молодъ, а въ семьѣ, несмотря на окружавшую его всеобщую любовь, положеніе его было не совсѣмъ нормально.

Университетъ давалъ мало пищи для ума; шумная жизнь товарищей пока еще не находила отклика въ Лермонтовѣ.

Домашнія занятія шли зато правильно и усиленно; юноша развивался, сталъ приглядываться къ событіямъ общественной жизни и, конечно, не безъ вліянія своего гувернера-француза, обратилъ вниманіе на событія Франціи того времени. Этимъ событіямъ Лермонтовъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній, очень слабыхъ, но любопытныхъ, какъ прелюдія къ позднѣйшимъ темамъ. Онъ такъ же сталъ впервые усиленно вчитываться въ Байрона; быть можетъ, къ этому же времени относится и его знакомство съ Барбье.

Вообще періодъ московской жизни поэта былъ бѣденъ впечатлѣніями. Но недостатокъ ихъ и умышленное устраненіе отъ нихъ поэта вознаграждалось той усиленной внутренней жизнью, тѣмъ анализомъ собственнаго сердца, которому отдался въ то время Лермонтовъ. Въ этотъ именно короткій

промежутокъ времени, отъ 1828 до 1832 года, Лермонтовымъ написаны всѣ его юношескія стихотворенія, Демонъ, Измаилъ-Бей, историческая повѣсть и драмы. *Котляревскій.*

Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

По мысли великаго князя Николая Павловича, въ царствованіе императора Александра I, Высочайшимъ приказомъ отъ 9 мая 1823 года была учреждена *Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ* съ цѣлью давать надлежащее военное образованіе молодымъ людямъ, желавшимъ достигнуть офицерскаго званія въ гвардейской пѣхотѣ.

Такъ какъ число офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, было недостаточно для нашей арміи, то по необходимости принимались на службу молодые люди вольноопредѣляющимися, подвергаясь при этомъ испытанію лишь по общеобразовательнымъ предметамъ. Для производства въ офицеры отъ нихъ требовалось знаніе строевыхъ уставовъ гарнизонной службы и общихъ обязанностей военнослужащихъ; по остальнымъ военнымъ предметамъ свѣдѣнія ихъ ограничивались только тѣмъ, что̀ они пріобрѣтали служебною практикою. Слабая научная и особенно военная подготовка этихъ лицъ заставила изыскивать средства для ихъ образованія. Съ этою цѣлью стали учреждать при штабахъ корпусовъ школы для обученія юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Но эти школы не имѣли прочнаго устройства и закрывались каждый разъ, какъ войска выступали въ походъ. Существенное усовершенствованіе способа пополненія офицерами гвардейской пѣхоты было достигнуто стараніями великаго князя Николая Павловича.

Весьма неудовлетворительная военная подготовка гвардейскихъ подпрапорщиковъ обратила на себя вниманіе Его Императорскаго Высочества, бывшаго въ то время командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1821 году, когда гвардейскій корпусъ перешелъ изъ Петербурга въ литовскія губерніи и послѣ большихъ маневровъ былъ оставленъ тамъ на зимнихъ квартирахъ, великій князь Николай Павловичъ, ревностно занимаясь обученіемъ ввѣренныхъ ему полковъ, замѣтилъ, что молодые люди, поступившіе въ гвардію

подпрапорщиками, при хорошемъ домашнемъ воспитанiи и общемъ образованiи, были мало свѣдущи въ военныхъ наукахъ, плохо усвоивали воинскую дисциплину и медленно успѣвали въ строевомъ образованiи. Съ цѣлью устранить эти недостатки великiй князь собралъ подпрапорщиковъ лейбъ-гвардiи измайловскаго и егерскаго полковъ въ бригадную квартиру, гдѣ ихъ военное образованiе велось подъ личнымъ руководствомъ и наблюденiемъ Его Высочества. Этотъ опытъ далъ хорошiе результаты, вслѣдствiе чего по возвращенiи гвардiи въ Петербургъ, великiй князь представилъ проектъ учрежденiя постоянной *школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ*. Согласно этому проекту, Высочайше утвержденному 9 мая 1823 года, цѣлью школы было поставлено: „1) докончить военное воспитанiе тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, поступая на службу изъ университетовъ или университетскихъ пансiоновъ, не могли получать въ оныхъ достаточныхъ въ военныхъ наукахъ познанiй; 2) предоставить возможность прiобрѣсти таковыя же познанiя тѣмъ, которые не могли получить ихъ ранѣе по бѣдности или по другимъ причинамъ; 3) уравнять правила обученiя по фронтовой части, и 4) дать молодымъ людямъ твердыя понятiя о строгой подчиненности, дисциплинѣ и прочихъ обязанностяхъ, присущихъ военному званiю, а тѣмъ болѣе гвардейскому офицеру“.

Высочайше повелѣно было школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ состоять подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича. Хотя школа, какъ учрежденная при гвардейскомъ корпусѣ, была подчинена непосредственно его командиру, но все касавшееся этого заведенiя докладывалось великому князю, который отечески заботился о немъ, входя во всѣ подробности обученiя и внутренняго порядка.

На основанiи руководящихъ указанiй, изложенныхъ въ проектѣ великаго князя, были разработаны подробности учрежденiя школы и ея штаты. Инструкцiя для управленiя школою и внутренняго порядка въ ней была составлена лично великимъ княземъ и утверждена командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Уваровымъ.

Для общаго надзора за успѣхами въ наукахъ и развитiемъ воспитанниковъ въ нравственномъ отношенiи былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнiю состоявшiй при особѣ Его Величества генералъ-инженеръ Опперманъ. Но въ дѣйствитель-

ности отношенія его къ школѣ имѣли почти исключительно формальный характеръ и ограничивались тѣмъ, что ему представлялись рапорты и свѣдѣнія о личномъ составѣ школы; все же существенно важное докладывалось непосредственно великому князю.

Во главѣ школы стоялъ ея командиръ, отвѣтственный за военный и внутренній порядокъ, содержаніе и обмундированіе дворянъ и нравственное ихъ образованіе. Ему подчинялся весь личный составъ, какъ по строевой, такъ и по учебной части. Онъ выбирался изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ гвардіи командиромъ корпуса, который представлялъ свой выборъ на Высочайшее усмотрѣніе. Тотъ же порядокъ былъ установленъ для назначенія въ школу оберъ-офицеровъ, которыхъ полагалось по штату 8, не ниже чина поручика. Старшій изъ нихъ назначался ротнымъ командиромъ, который былъ ближайшимъ помощникомъ командира школы и, „имѣя въ нравственномъ вѣдѣніи своемъ всѣхъ дворянъ, отвѣчалъ за весь внутренній и внѣшній порядокъ, за поведеніе, опрятность одежды, выправку, исправное содержаніе оружія и аммуниціи, чистоту обуви, бѣлья и комнатъ, занимаемыхъ дворянами, а въ особенности за нравственное поведеніе дворянъ". Исполненіе перечисленныхъ обязанностей ротному командиру облегчали шесть офицеровъ. Седьмой назначался адъютантомъ и казначеемъ.

Во главѣ учебной части школы стоялъ инспекторъ классовъ, которому подчинялись преподаватели, назначаемые командиромъ гвардейскаго корпуса преимущественно изъ офицеровъ гвардейскаго штаба, артиллеріи и инженернаго корпуса. Инвалидный офицеръ на правахъ командировъ инвалидныхъ полуротъ гвардейскихъ полковъ завѣдывалъ служителями и прислужниками и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ должность эконома школы, т.-е. имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи помѣщеніе школы и продовольствіе воспитанниковъ.

Подпрапорщики, собранные изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, составляли роту, продолжая числиться въ своихъ полкахъ и носить полковую форму. Число ихъ и было опредѣлено штатомъ и зависѣло отъ числа молодыхъ дворянъ, служившихъ въ гвардіи вольноопредѣляющимися, которыхъ полагалось не свыше 24 на каждый гвардейскій пѣхотный полкъ.

Съ учрежденіемъ заведенія, долженствовавшаго поставить подготовку будущихъ гвардейскихъ офицеровъ на новое, болѣе прочное основаніе, не могли остаться безъ существеннаго измѣненія правила для пріема молодыхъ людей въ гвардейскіе полки. Въ отзывѣ Его Императорскаго Высочества, приложенномъ къ проекту учрежденія школы, сказано, что дворяне, желающіе опредѣлиться въ гвардію юнкерами, должны поступать непосредственно въ *„учебное заведеніе, исключительно для ихъ военнаго образованія предназначенное“*, а экзаменъ, установленный для пріема ихъ въ полки и до тѣхъ поръ производимый въ штабѣ гвардейскаго корпуса, долженъ впредь производиться при школѣ. Никакіе аттестаты и свидѣтельства объ окончаніи курса учебныхъ заведеній и даже университетскіе дипломы не освобождали молодыхъ дворянъ отъ предварительнаго испытанія въ наукахъ, требуемыхъ для поступленія въ школу. Выдержавшіе экзаменъ и имѣвшіе не менѣе 17 лѣтъ подавали прошеніе о зачисленіи ихъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимались въ школу. Подпрапорщикамъ, уже служившимъ въ полкахъ во время учрежденія школы, было предоставлено поступать въ нее или не поступать, по ихъ желанію; но непоступившіе теряли старшинство и могли быть производимы въ офицеры только при условіи, *если послѣ выпуска изъ школы оставались свободныя вакансіи*. Это было весьма важное преимущество, вытекавшее изъ идеи, положенной въ основаніе школы и состоявшей въ томъ, что только подготовка въ спеціально учрежденномъ съ этою цѣлью заведеніи признавалась достаточною для производства въ офицеры.

Курсъ въ школѣ былъ двухлѣтній. Съ цѣлью придать ему надлежащее значеніе для достиженія офицерскаго званія были установлены весьма справедливыя правила относительно предоставленія подпрапорщикамъ правъ по выпуску. Въ проектѣ учрежденія школы, представленномъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, находимъ слѣдующія знаменательныя слова: *„другого старшинства между ними не будетъ, какъ только пріобрѣтаемое успѣхами въ преподаваемыхъ наукахъ, исправностью по фронту и благонадежнымъ поведеніемъ“*. Весьма характеренъ самый способъ выраженія этой мысли, совершенно исключавшей возможность допустить какое-либо иное старшинство.

Для внутренняго служебнаго порядка и для обученія строю подпрапорщики составляли строевую часть — роту, раздѣленную на 4 капральства. Изъ ихъ среды, изъ числа лучшихъ портупей-подпрапорщиковъ, выбирались фельдфебель и отдѣльные унтеръ-офицеры, которые, какъ ближайшіе помощники офицеровъ, должны были наблюдать за всѣмъ, касавшимся внутренняго порядка и нравственности воспитанниковъ. Какое значеніе придавалъ великій князь Николай Павловичъ организаціи школы, какъ строевой части, видно изъ того, что при торжественномъ открытіи школы Его Высочество самъ раздѣлилъ подпрапорщиковъ на отдѣленія или капральства и назначилъ фельдфебеля и отдѣльныхъ унтеръ-офицеровъ.

Такъ какъ подпрапорщики считались состоящими на службѣ, то они при поступленіи въ школу приносили присягу на вѣрность службы въ портретной галлереѣ Зимняго дворца подъ знаменами гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ они числились.

Управленіе хозяйственною частью школы было распредѣлено между командиромъ роты, казначеемъ и экономомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира школы, которому было предоставлено право разрѣшенія расходовъ изъ отпускаемыхъ въ его вѣдѣніе суммъ. Онъ же требовалъ отъ полковъ жалованье и срочныя мундирныя и аммуничныя вещи для подпрапорщиковъ и инвалидовъ, а изъ провіантскаго департамента полагавшійся имъ провіантъ. По истеченіи каждаго года командиръ школы представлялъ командиру гвардейскаго корпуса два отчета: о суммахъ и о состояніи школы.

Ротный командиръ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи все обмундированіе и вооруженіе, а также распоряжался выдачею вещей, жалованья и провіанта.

Учрежденная на вышеизложенныхъ основаніяхъ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ была открыта 18 августа 1823 г., въ отведенной для нея казармѣ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка.

Командиромъ полка былъ назначенъ полковникъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Годеинъ. Въ инспекторы классовъ великій князь Николай Павловичъ избралъ своего адъютанта, генеральнаго штаба полковника, барона Дилленсгаузена. Ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Мердеръ. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія было принято на первый разъ въ школу всего лишь 44 подпрапорщика.

Учебныя занятія въ школѣ начались 27 августа 1823 г. Число подпрапорщиковъ, поступившихъ въ школу, было значительно меньше положеннаго по штату числа вольноопредѣляющихся въ гвардейскихъ полкахъ, т.-е. 192 (по 24 на каждый полкъ). Къ 1 января 1824 г. въ школѣ состояло 60 человѣкъ, въ теченіе 1824 г. поступило вновь лишь 9, а въ 1825 году — 29, и къ 1 января 1826 г. всѣхъ подпрапорщиковъ въ школѣ было 64.

Причинами этого явленія были отчасти недостатокъ въ молодыхъ дворянахъ, желавшихъ получить военное образованіе, отчасти же крайняя неудовлетворительность помѣщенія школы, не позволявшаго принять болѣе значительнаго числа воспитанниковъ. Вслѣдствіе тѣсноты оно имѣло много существенныхъ недостатковъ: въ немъ не было ни церкви, ни лазарета, ни квартиръ для офицеровъ, помѣщеніе которыхъ въ зданіи заведенія признается весьма важнымъ въ воспитательномъ отношеніи. Вообще эта казарма была совершенно несоотвѣтственна для учебнаго заведенія, требующаго для выполненія своихъ основныхъ задачъ достаточнаго простора и большихъ удобствъ. Поэтому черезъ два года, по ходатайству великаго князя, принимавшаго самое живое участіе въ устройствѣ заведенія, возникшаго по его почину и его трудами, былъ купленъ для помѣщенія школы домъ графа Чернышева у Синего моста, гдѣ нынѣ находится Государственный Совѣтъ. Въ этотъ домъ подпрапорщики были переведены 10 августа 1825 года.

Въ заключеніе вышеизложенной части очерка мы должны обратить вниманіе на слѣдующія главныя черты, характеризующія учрежденіе и первоначальное устройство школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Необходимость созданія школы обусловливалась тѣмъ соображеніемъ, что молодые люди съ образованіемъ общимъ, даже университетскимъ, поступая въ полки, не могли тамъ получать того военнаго воспитанія и военнаго образованія, которыя пріобрѣтаются только въ соотвѣтственно устроенной школѣ. Въ полкахъ, гдѣ преслѣдовались свои прямыя служебныя цѣли, некогда и некому было заниматься столь сложнымъ и труднымъ дѣломъ, какъ подготовка молодыхъ людей къ офицерскому званію. Вся полковая обстановка совершенно не соотвѣтствовала этой задачѣ. Кромѣ того, неизбѣжное разнообразіе взглядовъ на дѣло въ разныхъ полкахъ отра-

жалось весьма невыгодно на воспитаніи и обученіи будущихъ офицеровъ. Понимая, какое громадное значеніе имѣетъ въ войскахъ соотвѣтственный корпусъ офицеровъ, и придя на основаніи опыта къ заключенію, что подготовка такихъ офицеровъ достижима лишь въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, великій князь Николай Павловичъ для болѣе надежнаго пополненія гвардіи офицерами создалъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, при чемъ окончаніе въ ней курса было сдѣлано обязательнымъ для удостоенія производства въ офицеры.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ школѣ дѣло сразу было поставлено серіозно. Великій князь желалъ, чтобы на подпрапорщиковъ смотрѣли, не какъ на мальчиковъ, а какъ на юношей, обязанныхъ сознательно подготовиться къ высокому званію офицера. Съ этою цѣлью они считались на дѣйствительной службѣ, составляли строевую часть, были обязаны подчиняться требованіямъ воинской дисциплины и при поступленіи въ школу присягали на вѣрность службѣ подъ знаменами своихъ полковъ.

Наконецъ, краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе школы, было постановленіе, въ силу котораго при выпускѣ въ офицеры старшинство должно было обусловливаться исключительно достоинствомъ подпрапорщика. Безъ этого главная цѣль учрежденія школы была бы въ корнѣ подорвана. Если бы права по выпуску зависѣли отъ другихъ соображеній, то, помимо крайней несправедливости по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, страдала бы польза службы. Но великій князь Николай Павловичъ ставилъ *эту пользу* на первый планъ и желалъ, чтобы подпрапорщики выпускались офицерами въ гвардію по *качественному* ранжиру.

Для поступленія въ школу требовалось выдержать испытаніе, къ которому въ первое время допускались желавшіе въ продолженіе цѣлаго года по субботамъ. Но неудобство, сопряженное съ разновременностью поступленія молодыхъ людей въ школу и состоявшее въ нарушеніи однообразія прохожденія учебнаго курса, заставило въ 1825 году ограничить время пріема въ школу; съ этою цѣлью было опредѣлено производить пріемныя испытанія ежегодно лишь въ теченіе октября.

При пріемѣ въ школу молодые люди экзаменовались изъ предметовъ: русскаго языка, одного изъ употребительнѣй-

нихъ иностранныхъ языковъ, ариѳметики, геометріи, алгебры до уравненій 2-й степени, тригонометріи, россійской и всеобщей исторія. Объемъ познаній изъ этихъ предметовъ въ проектѣ учрежденія школы былъ очерченъ такимъ образомъ: „Въ языкахъ требуется знаніе правилъ грамматики и употребленіе оныхъ. При испытаніи дворянъ Эстляндской, Курляндской и бѣлорусскихъ губерній въ русскомъ языкѣ экзаминаторы не будутъ излишне строги. Въ математикѣ требуется не только рѣшеніе предложеній, но и основательное доказательство оныхъ. Въ исторіи требуется общее познаніе чиселъ и именъ, историческихъ періодовъ, изложеніе главныхъ происшествій. Въ географіи опрашиваются общія свѣдѣнія о раздѣленіи частей свѣта, о положеніи земель, главныхъ городовъ, рѣкъ, горъ и пр. Вообще въ географіи и исторіи требуются только общія понятія, ибо сіи предметы будутъ преподаваться въ подробности въ учебномъ заведеніи юнкеровъ“.

Степень познаній опредѣлялась баллами, при чемъ полнымъ числомъ считалось 85, а наименьшимъ, необходимымъ для пріема, — 50. По предметамъ, смотря по ихъ важности, эти баллы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Наибольшее число балловъ.	Наименьшее число балловъ.
Русскій языкъ	20	15
Одинъ изъ иностранныхъ языковъ	10	5
Ариѳметика	15	10
Геометрія и тригонометрія	10	5
Алгебра	10	5
Исторія	10	5
Географія	10	5
Всего	85	50

Большее число балловъ въ одномъ предметѣ замѣняло ихъ въ другомъ, но совершенное незнаніе одного изъ предметовъ считалось препятствіемъ къ поступленію въ школу.

Университетскіе и другіе результаты не освобождали отъ пріемнаго экзамена и не должны были имѣть на него никакого вліянія.

Хотя было постановлено, что молодые люди, получившіе на пріемномъ экзаменѣ въ суммѣ менѣе 50 балловъ, не имѣли права на поступленіе въ школу, но на первое время было разрѣшено принимать и неудовлетворявшихъ этому условію, съ тѣмъ однако, чтобы они считались прикомандированными къ школѣ и были обязаны выдержать испытаніе въ возможно ближайшій срокъ. Это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано недостаткомъ молодыхъ людей, которые по своей подготовкѣ въ наукахъ могли удовлетворить тогдашнимъ, довольно скромнымъ требованіямъ для поступленія въ школу.

Относительно постановки учебнаго курса въ школѣ было дано въ инструкціи такое указаніе: „Необходимо, чтобы выборъ обучающихся, а равно и образъ преподаванія, производимы были со всевозможнымъ тщаніемъ и осторожностью, и все, не касающееся до онаго именно, не только не должно быть дозволяемо, но и вовсе не терпимо“.

„Тактика простая, начиная съ военнаго устава въ самой подробности до соображенія малыхъ маневровъ, правила форпостной службы и малой войны, начиная съ устава разсыпного строя и стрѣлковаго ученья, полевая фортификація и артиллерія, рисованіе ситуаціи наскоро и глазомѣрная съемка, составленіе рапортовъ по всѣмъ предметамъ, случающимся въ службѣ, какъ въ мирное, такъ и военное время, и, наконецъ, познаніе воинскихъ и гражданскихъ законовъ и порядка военнаго судопроизводства, географія и исторія въ военномъ смыслѣ — суть предметы, кои на первый случай преподаваться будутъ въ классахъ“.

„Каждый обучающій чиновникъ представляетъ по своему предмету программу съ объясненіемъ, какія именно статьи въ курсъ входятъ, и какую при ихъ изложеніи соблюдать постепенность. По разсмотрѣніи и утвержденіи сихъ программъ инспекторомъ классовъ поставляется въ обязанность обучающаго не отступать отъ нихъ при преподаваніи и притомъ всячески стараться, дабы изученіе по онымъ было совершенно ясно, основательно, и чтобы каждый изъ обучающихся со вниманіемъ и прилежаніемъ занимался“.

Инспектору классовъ вмѣнялось въ обязанность „наблюдать, чтобы ученіе преподаваемо было по принятымъ правиламъ и постепенному, въ программахъ изложенному порядку, чтобы каждый приходилъ въ классъ въ свое время.

чтобы обучающіеся обращали должное вниманіе на преподаваніе и чтобы во всей точности наблюдали установленный порядокъ". Инспектору классовъ въ случаѣ необходимости измѣнить или дополнить порядокъ преподаванія дано было право дѣлать объ этомъ письменныя представленія черезъ командира школы на усмотрѣніе и рѣшеніе корпуснаго командира.

Въ вѣдѣніи инспектора классовъ находились шестидневные, недѣльные, мѣсячные и третные отчеты, которые въ опредѣленные сроки представлялись командиру школы, доводившему ихъ до свѣдѣнія командира корпуса.

Для отдѣльныхъ отчетовъ списки подпрапорщиковъ вручались дежурнымъ офицерамъ, которые дѣлали въ нихъ отмѣтки о всѣхъ опоздавшихъ или вовсе не явившихся на лекціи.

Списки для шестидневныхъ и мѣсячныхъ отчетовъ выдавались каждому преподавателю. Въ первыхъ дѣлались отмѣтки о неисправности воспитанниковъ, а вторые служили для обозначенія пройденной части курса, прилежанія и способностей подпрапорщиковъ, а также балловъ, опредѣлявшихъ успѣхи въ наукахъ. Эти списки представлялись инспектору классовъ не позже 1-го числа каждаго мѣсяца.

Третные отчеты представлялъ самъ инспекторъ классовъ, по окончаніи частныхъ письменныхъ или устныхъ экзаменовъ, производившихся по прошествіи каждой трети учебнаго года въ присутствіи командира школы, инспектора и старшаго преподавателя по заблаговременно приготовленнымъ билетамъ, которые собственноручно давалъ подпрапорщикамъ инспекторъ классовъ. Полученные на этихъ экзаменахъ баллы вносились въ третные списки, въ которыхъ опредѣлялось старшинство по успѣхамъ воспитанниковъ въ наукахъ.

По окончаніи учебнаго года производился публичный экзаменъ въ присутствіи корпуснаго командира, всѣхъ приглашаемыхъ имъ лицъ, всѣхъ обучающихся и даже служащихъ при школѣ чиновниковъ.

Не довольствуясь свѣдѣніями, получаемыми отъ преподавателей и дежурныхъ офицеровъ, инспекторъ обязанъ былъ присутствовать ежедневно въ классахъ и такимъ образомъ непосредственно слѣдилъ за веденіемъ занятій.

Полковникъ Дилленсгаузенъ, высоко образованный офицеръ, оправдалъ возложенныя на него ожиданія, успѣвъ прекрасно постановить учебную часть въ школѣ. Отличаясь благоразумною строгостью и полною справедливостью, онъ былъ требователенъ, какъ по отношенію къ ученикамъ, такъ и по отношенію къ преподавателямъ. Слѣдя лично за преподаваніемъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы учителя, не полагаясь на свои познанія и память, серіозно готовились къ каждой лекціи.

По выбору полковника Дилленсгаузена первыми преподавателями въ школѣ были люди, извѣстные своею преподавательскою дѣятельностью, а именно: по исторіи и географіи профессоръ Арсеньевъ, по русскому языку Толмачовъ, по тактикѣ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона штабъ-капитанъ Шарнгорстъ, по фортификаціи гвардіи инженеръ-поручикъ Шмидтъ, по топографіи гвардіи инженеръ-поручикъ Вильманъ, по математикѣ гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Павроцкій, по артиллеріи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады поручикъ Сиверсъ и подпоручикъ Бакунинъ, по законовѣдѣнію коллежскій совѣтникъ Корсунскій.

На покупку учебниковъ и учебныхъ пособій расходовалось 3200 руб.

Учебниковъ въ то время было очень мало, и они стоили очень дорого. Напримѣръ руководство по русскому языку Толмачова подъ заглавіемъ: „Правила словесности" стоило 20 рублей. Кромѣ этой книги, имѣлись учебники исторіи и географіи Арсеньева съ атласомъ Лапи, исправленнымъ Максимовичемъ, и всеобщей исторіей Милота, а также курсъ фортификаціи барона Эльснера. При такой бѣдности въ учебникахъ подпрапорщикамъ приходилось составлять записки почти по всѣмъ предметамъ, при чемъ на обязанности преподавателей лежало наблюденіе за правильностью и опрятностью веденія этихъ записокъ.

Классныя занятія производились утромъ и послѣ обѣда и состояли изъ трехъ лекцій, каждая продолжительностью въ 2 часа. 2 утреннія лекціи назначались съ 8 до 12 часовъ съ перерывомъ между ними по 10 минутъ. Послѣобѣденная лекція читалась отъ 3 до 5 часовъ пополудни.

Шкотъ.

Благопріятные результаты, достигнутые школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ первые годы ея существованія, подали великому князю Николаю Павловичу мысль поднять подобнымъ же образомъ уровень образованія также офицеровъ гвардейской кавалеріи. Съ 1811 года для подготовки кавалерійскихъ офицеровъ при дворянскомъ полку состоялъ кавалерійскій эскадронъ, въ который до 1818 г. поступали юнкера изъ всѣхъ армейскихъ полковъ. Но затѣмъ число желавшихъ поступить въ него постепенно уменьшилось и къ концу 1824 г. не превышало 40 чел. Такая малочисленность состава дворянскаго эскадрона не оправдывала большихъ затратъ на его содержаніе. Поэтому великій князь Николай Павловичъ предложилъ упразднить его и на освободившіяся вслѣдствіе этого матеріальныя средства учредить при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ гвардейскій эскадронъ для распространенія военнаго образованія среди юнкеровъ гвардейской кавалеріи. Это предположеніе было осуществлено Высочайшимъ повелѣніемъ 9 апрѣля 1826 г., на основаніи котораго дворяне, поступившіе на службу въ гвардейскую кавалерію, должны были испытываться въ наукахъ при школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Тогда же была составлена коммиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, выработавшая для новаго эскадрона положеніе и штаты, которые удостоились Высочайшаго утвержденія 12 іюля 1826 г. Школа была переименована въ *Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.* Расширеніе школы не ограничилось учрежденіемъ кавалерійскаго отдѣленія. Въ томъ же 1826 году былъ открытъ такъ называемый *кандидатскій* классъ для пажей, воспитывавшихся дома и не имѣвшихъ познаній, требуемыхъ для поступленія въ школу. Это было собственно подготовительное отдѣленіе, въ курсъ котораго вошли только общеобразовательные предметы: законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ, исторія, географія и математика.

Особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Оппермана, собранная для обсужденія возникшей мысли объ учрежденіи при школѣ еще артиллерійскаго отдѣленія, хотя и пришла къ отрицательному рѣшенію по этому вопросу, но принесла школѣ большую пользу, занявшись, по

приказанію великаго князя, подробнымъ пересмотромъ программъ преподаванія. Выработанные ею курсы, въ число которыхъ былъ включенъ одинъ, прежде не существовавшій, по закону Божію, были утверждены великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ 8 ноября 1827 года. Съ тѣхъ поръ по новымъ программамъ преподаваніе велось слѣдующимъ образомъ:

По *закону Божію* — чтеніе книгъ священнаго писанія: въ 1-й годъ ветхаго завѣта и во 2-й годъ — новаго завѣта.

По *русскому языку:* въ 1-й годъ правила русскаго языка (словесность, риторика и логика), а во 2-й годъ правила военнаго слога, составленіе бумагъ военнаго содержанія и описательныя сочиненія вообще.

По *математикѣ:* въ младшемъ классѣ геометрія (планиметрія и начало стереометріи) и алгебра до уравненій 2-й степени включительно, въ старшемъ классѣ — изъ алгебры прогрессіи, числа фигурныя и пирамидальныя, логариѳмы и биномъ Ньютона; изъ геометріи стереометрія, плоская тригонометрія и приложеніе алгебры къ геометріи.

По *исторіи* коммиссія признала необходимымъ преподавать ее преимущественно въ военномъ отношеніи; но за неимѣніемъ соотвѣтственнаго руководства рѣшено было читать всеобщую исторію сокращенно, а исторію россійскаго государства въ подробности.

По *географіи* — подробно, притомъ въ военномъ отношеніи, государства, прилежащія Россіи, а россійское государство во всей полнотѣ.

По *тактикѣ:* въ младшемъ классѣ приготовленіе войскъ (обученіе, гарнизонная служба и лагерная служба), употребленіе войскъ или полевая служба, а для кавалерійскихъ юнкеровъ, сверхъ того, признаки лѣтъ и качествъ лошадей и краткое знакомство съ важнѣйшими основами ветеринарнаго искусства; въ старшемъ классѣ — соединеніе трехъ родовъ войскъ, линейное ученье, форпостная служба и малая война, боевые порядки, различныя передвиженія войскъ, занятіе и атака различныхъ мѣстныхъ предметовъ, употребленіе резервовъ, объ отступленіи, о преслѣдованіи непріятеля.

По *фортификаціи:* въ младшемъ классѣ полевая *фортификація:* въ старшемъ классѣ — примѣненіе укрѣпленій къ мѣстности, укрѣпленіе позицій, укрѣпленные лагери, атака и

оборона полевыхъ укрѣпленій, порча и исправленіе дорогъ и мостовъ, а также часть долговременной фортификаціи.

По *артиллеріи:* въ младшемъ классѣ техническая часть, въ старшемъ — употребленіе артиллеріи.

По *топографіи:* въ младшемъ классѣ понятіе о планахъ и картахъ и черченіе плановъ, а въ старшемъ — съемка мѣстности и черченіе съемки (инструментальная и глазомѣрная съемка во время лагеря производилась лишь въ томъ случаѣ, если позволяло время).

По *законовѣдѣнію:* въ младшемъ классѣ общія понятія о государствѣ, верховной власти и законахъ, въ старшемъ военное судоустройство и военное судопроизводство.

По *французскому языку:* переводы и краткій очеркъ исторіи и литературы.

Кромѣ этой программы, оставшейся безъ измѣненія до 1832 г., были сдѣланы еще нѣкоторыя перемѣны по учебной части школы, вызванныя существовавшими въ тогдашнихъ порядкахъ неудобствами. Во-первыхъ, переходъ воспитанниковъ кандидатскаго класса въ низшій классъ производился въ теченіе всего учебнаго года, что неблагопріятно отражалось на успѣхѣ въ занятіяхъ переводимыхъ, принужденныхъ затрачивать значительный трудъ съ цѣлью догнать далеко ушедшихъ уже въ курсѣ товарищей. Во-вторыхъ, лагерное время прерывало систематическое веденіе занятій. Въ-третьихъ, преподаватели, имѣвшіе занятія на сторонѣ, часто пропускали свои уроки.

Классныя занятія ежедневно продолжались отъ 7 до 11 ч. утра (два 2-часовыхъ урока съ перемѣною въ 10 минутъ) и отъ 3 до 6 ч. пополудни (два полуторачасовыхъ урока), кромѣ среды и субботы, въ которыя послѣобѣденное время посвящалось строевымъ занятіямъ. Это распредѣленіе времени сохранялось лишь до экзаменовъ, во время которыхъ утренніе часы до полудня назначались для подготовки къ экзамену, а съ 3 до 6 ч. пополудни производились испытанія.

Въ 1832 г. въ учебной части были произведены значительныя измѣненія, предложенныя новымъ инспекторомъ классовъ, полковникомъ Павловскимъ. Они коснулись какъ правилъ пріема въ школу, такъ и прохожденія въ ней курса.

Съ 1832 года на пріемномъ экзаменѣ требовались слѣдующіе предметы:

I. *Математика:* ариѳметика, вся алгебра, до уравненій 2-й степени, пропорцій и прогрессій включительно и изъ геометріи лонгиметрія, планиметрія и стереометрія.

II. *Исторія:* изъ священной исторіи ветхій завѣтъ, всеобщая исторія до французской революціи 1789 года, россійская исторія отъ временъ Рюрика до нашихъ во всей подробности.

III. *Географія:* древняя и современная, россійская во всей подробности.

IV. *Русскій языкъ:* полное и твердое познаніе грамматики, правила грамматическаго разбора, сочиненія, переводъ съ какого-нибудь иностраннаго языка и описаніе какого-нибудь заданнаго предмета.

V. *Французскій или нѣмецкій языкъ:* познаніе грамматики, правильный переводъ съ русскаго языка и грамматическій разборъ.

Пріемъ въ школу производился съ 1 августа по 1 ноября. Выдержавшіе пріемный экзаменъ зачислялись кандидатами и по открытіи вакансій принимались въ школу по старшинству полученныхъ на испытаніи балловъ, общее полное число которыхъ опредѣлялось цифрою 80, а необходимое для пріема — 70. Для частной оцѣнки по отдѣльнымъ предметамъ была принята 10-балльная система.

Кандидатскій классъ былъ закрытъ, при чемъ было постановлено всѣхъ кандидатовъ Пажескаго корпуса, которые по достиженіи 15-лѣтняго возраста изъявятъ желаніе поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, зачислить кандидатами школы и въ случаѣ желанія ихъ родителей до достиженія ими 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ прикомандировать къ дворянскому полку для обученія порядку службы, по достиженіи же этого возраста опредѣлить въ школу, если выдержатъ пріемный экзаменъ.

Курсъ въ школѣ попрежнему продолжался 2 года. Юнкерамъ и подпрапорщикамъ разрѣшалось оставаться лишній годъ въ одномъ изъ классовъ; но послѣ 3-лѣтняго пребыванія въ школѣ въ случаѣ недостаточныхъ успѣховъ въ занятіяхъ они переводились въ армію.

Въ продолженіе 2-лѣтняго курса преподавались учебные предметы по слѣдующимъ программамъ:

Законъ Божій и нравственность: полное понятіе о хри-

стіанской вѣрѣ, основанное на изученіи новаго завѣта; обязанности въ отношеніи къ государю, начальству и ближнему.

Математика: изъ алгебры теорія логариѳмовъ и фигурныхъ чиселъ, тригонометрія съ показаніемъ приложенія оной къ съемкѣ мѣстоположенія, приложеніе алгебры къ геометріи съ показаніемъ примѣненія алгебры къ артиллеріи и фортификаціи.

Географія: изложеніе ея въ статистическомъ видѣ и въ военномъ смыслѣ.

Исторія: подробнѣйшее изложеніе новѣйшей исторіи и въ особенности послѣдняго столѣтія, связь ея съ военными происшествіями, подробное описаніе всѣхъ главныхъ походовъ съ древнихъ временъ до нашихъ.

Россійская словесность: примѣненіе ея къ сочиненію всякихъ бумагъ, до военнаго письмоводства и военнаго краснорѣчія относящихся.

Военное судопроизводство: познаніе воинскихъ и гражданскихъ законовъ съ примѣненіемъ ихъ къ военному судопроизводству.

Топографія: употребленіе всѣхъ для съемки необходимыхъ инструментовъ и черченіе плановъ, а также практическая съемка и инструментальная и въ особенности глазомѣрная.

Фортификація: полевая и долговременная, въ особенности же употребленіе полевой.

Артиллерія: техническое познаніе ея и употребленіе всѣхъ родовъ орудій.

Воинскіе уставы и все, что касается полнаго знанія того рода службы, къ которому каждый молодой дворянинъ предназначается.

Правила тактики: употребленіе разныхъ родовъ войскъ и связь между ними, общія понятія о стратегіи или о воинскихъ дѣйствіяхъ съ объясненіемъ знаменитыхъ походовъ послѣднихъ временъ.

Кромѣ этихъ предметовъ, преподавался французскій языкъ.

Былъ измѣненъ также способъ оцѣнки успѣховъ: 100 считалось полнымъ числомъ балловъ; для производства въ старую гвардію необходимо было имѣть не менѣе 90, а для производства въ молодую гвардію — не менѣе 80 балловъ. Имена получившихъ на выпускномъ экзаменѣ полное число балловъ вырѣзывались золотыми буквами на мраморной доскѣ

По окончаніи полнаго курса школы къ 1 іюня, послѣ лагернаго сбора, подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры съ соблюденіемъ старшинства, пріобрѣтеннаго успѣхами въ наукахъ.

Въ общемъ преобразованія 1832 года имѣли цѣлью усилить требованія отъ поступавшихъ въ школу и поднять уровень преподаванія ея 2-годичнаго курса, получившаго болѣе спеціальное военное направленіе.

Такъ какъ надлежащее осуществленіе предначертаній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ исполнителей, то было обращено серіозное вниманіе на выборъ соотвѣтственныхъ преподавателей, и школа постоянно пользовалась трудами лучшихъ представителей педагогической среды. *Шкотъ.*

Пребываніе Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Лермонтовъ опредѣлился въ школу 10 ноября 1832 года; до тѣхъ поръ онъ слушалъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и вышелъ оттуда вслѣдствіе какой то незначительной исторіи съ однимъ изъ профессоровъ. Бабушка его Елизавета Алексѣевна Арсеньева, служившая добрымъ геніемъ всей его жизни, рѣшительно возставала противъ опредѣленія его въ военную службу; но, несмотря на это, онъ, по выдержаніи пріемнаго экзамена, поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Такой переходъ изъ студентовъ въ юнкера, какъ видно, поразилъ самого Лермонтова. Въ первомъ письмѣ своемъ изъ школы онъ говорилъ: „Итакъ, я сдѣлался воиномъ! Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія. Быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли жить для поприща литературнаго, то, можетъ-быть, дойду по немъ до послѣдней цѣли своего существованія. Вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго изнеможенія“...

Къ сожалѣнію, слова эти оказались пророческими.

Первые дни пребыванія Лермонтова въ школѣ сопровождалось случаемъ, имѣвшимъ для него весьма непріятныя послѣдствія. Разъ, послѣ ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый

старыми товарищами, Лермонтовъ, чтобы показать свое безстрашие и удаль, сѣлъ на молодую, невыѣзжанную лошадь, которая стала его сбивать, перепутала другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ, и одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу такъ сильно, что его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Спустя два мѣсяца онъ выздоровѣлъ; но на всю жизнь остался немного кривоногимъ, что вызвало дружескія шутки товарищей, окрестившихъ его въ своемъ кружкѣ названіемъ „Mayeux“, или уменьшительнымъ „Майошкой“*). Лермонтовъ не только не сердился на шутку, но самъ увѣковѣчилъ за собой это имя, воспѣвъ его въ извѣстномъ шуточномъ своемъ стихотвореніи „Монго“. Послѣ такого случая бабушка Лермонтова, Арсеньева, пламенно любившая своего Мишеля, не хотѣла съ нимъ разставаться и сама поселилась близъ школы. Это была добрая, всѣми любимая, уважаемая и весьма вліятельная старушка. Во всѣхъ товарищахъ своего внука она принимала живѣйшее участіе, „и многіе изъ насъ“, говоритъ Меринскій, школьный другъ Лермонтова, „часто бывали обязаны ея ловкому ходатайству передъ строгимъ начальствомъ“.

Въ школѣ Лермонтовъ обращалъ на себя вниманіе товарищей болѣе всего нескромными стихотвореніями. Эти стихотворенія, разумѣется, тайкомъ отъ начальства, помѣщались въ рукописномъ журналѣ, который началъ издаваться въ школѣ зимой, въ началѣ 1834 года, самими юнкерами. Журналъ, по заведенному порядку, выходилъ аккуратно одинъ разъ въ недѣлю по средамъ и обыкновенно прочитывался громко при неумолкаемыхъ шуткахъ и смѣхѣ молодежи. Вышло его, кажется, семь нумеровъ, и, сколько извѣстно, нѣкоторые цѣлы и сохраняются до сихъ поръ у нѣкоторыхъ изъ старыхъ товарищей Лермонтова по школѣ.

Но не одними подобными шаловливыми стихотвореніями занимался въ это время Лермонтовъ. Онъ работалъ много, работалъ усердно, но только никогда и никому не показывалъ того, что писалъ. Поэтому никто изъ школьныхъ това-

*) „Mayeux“ герой одного только что вышедшаго передъ тѣмъ французскаго романа, отличавшійся наружнымъ безобразіемъ. Французы называютъ также mayeux всѣхъ горбуновъ. А такъ какъ Лермонтовъ былъ нѣсколько сутуловатъ, а вслѣдствіе удара лошади и кривоногъ, то школьные товарищи находили, что это названіе „весьма ему приличествуетъ“.

рицей не имѣлъ возможности видѣть и потому предугадать въ немъ проявленій великаго таланта: а между тѣмъ окончательная отдѣлка, напр., такого произведенія, какъ „Демонъ“ — этой высокой и чудной поэмы, относится именно ко времени пребыванія его въ школѣ. Въ школѣ же, подъ впечатлѣніемъ живыхъ воспоминаній о Кавказѣ, куда онъ ѣздилъ съ бабушкою еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ написалъ небольшую, прекрасную поэму изъ черкесскаго быта и назвалъ ее „Хаджи-Абрекомъ“. Эту поэму тихонько отъ Лермонтова взялъ двоюродный братъ его, Юрьевъ, тоже воспитанникъ школы, отвезъ ее къ Сенковскому и прочиталъ ему съ тѣмъ мастерствомъ, какимъ онъ отличался въ чтеніи. Сенковскій поспѣшилъ напечатать ее въ ближайшемъ нумерѣ „Библіотеки для чтенія“, и такимъ образомъ „Хаджи-Абрекъ“ сдѣлался первымъ литературнымъ произведеніемъ, обратившимъ на Лермонтова вниманіе образованнаго общества.

Въ школѣ Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, но особенно велъ дружбу со Столыпинымъ и Вонлярлярскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ нашимъ беллетристомъ, славившимся въ кругу юнкеровъ своими забавными и неистощимыми разсказами. *Потто.*

Вліяніе школы на Лермонтова.

Пребыванію въ юнкерской школѣ надо особенно приписать новыя черты его въ характерѣ — какое-то фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость. Повидимому, на него именно подѣйствовалъ духъ школы, вліяніе товарищества. Въ то время въ военномъ, особенно начинающемъ, и особенно аристократическомъ кругу (какимъ болѣе или менѣе былъ кругъ школьныхъ товарищей Лермонтова) былъ чрезвычайно развитъ духъ касты, чувство мнимаго превосходства, нелѣпая исключительность: отсюда его манера, производившая и потомъ такое непріятное впечатлѣніе на людей, которымъ хотѣлось бы видѣть въ великомъ талантѣ болѣе серіознаго достоинства. Эта манера слишкомъ отзывалась свойствами особеннаго слоя общества, въ средѣ котораго тяжело было видѣть высокій талантъ, готовившійся стать въ первыхъ рядахъ литературы. То, что отражалось теперь на Лермонтовѣ, была прямая противоположность тому,

въ чемъ были лучшіе идеальные интересы общественнаго развитія, — какое-то напоминаніе о грубой силѣ, малообразованной и нахальной... Люди, близко, съ дѣтства знавшіе Лермонтова, очень къ нему привязанные, полагали, что съ поступленіемъ въ юнкерскую школу начался для него „періодъ броженія", переходное настроеніе, которое, быть можетъ, поддерживалось „укоренившимися обычаями", и они не оправдывали этого настроенія.

Но внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему вполнѣ подчиниться этимъ вліяніямъ, которыя способны были бы совершенно загубить его талантъ. Лермонтовъ, съ дѣтства „мало сообщительный", не былъ сообщителенъ и теперь. Онъ предоставлялъ товарищамъ своимъ „шуточныя" стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что̀ высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серіозныя работы. У него было два рода интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую, — и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли сказать кромѣ того, что̀ мы сейчасъ упоминали — ни у кого не было въ мысли затронуть эту, болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями, — объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы. „Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, — говоритъ онъ въ письмѣ 19 іюня 1834 г., — со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ — путемъ ли порока, или пошлости. Конечно, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщавать, постараетесь утѣшать меня — это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: *скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ*". Онъ съ нетерпѣньемъ ждетъ конца своего

ученья: „Если бъ вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести, — пишетъ онъ мѣсяца черезъ два послѣ приведеннаго письма,— это будетъ прелестно! Во-первыхъ, развлеченья, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала, нѣтъ больше *вѣры*: мнѣ нужны наслажденія матеріальныя; счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку; которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и въ бездѣйствіи". Онъ говоритъ, что въ эти годы много перемѣнился: замѣтивъ, что его мечты разлетаются, онъ сказалъ себѣ, что хлопотать о новыхъ не стоитъ и гораздо лучше выучиться обходиться безъ нихъ. „Я началъ пробовать и похожъ былъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ приключеній... Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колен; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ"...

Съ выходомъ изъ юнкерской школы окончилось воспитаніе Лермонтова. Начинается военная служба и свѣтская жизнь.

Что же дало ему воспитаніе? Если исключить короткій промежутокъ университетской жизни, — именно въ то время (въ началѣ тридцатыхъ годовъ) чрезвычайно одушевленной и, быть можетъ, успѣвшей подѣйствовать на умъ Лермонтова, — условія этого воспитанія едва ли были благопріятны для правильнаго, гуманнаго развитія. Одинъ изъ біографовъ Лермонтова, чтобы рѣзче очертить свойства его перваго воспитанія, назвалъ его французско-татарскимъ, и въ этомъ не было конечно недостатка въ правахъ помѣщичьей аристократіи, которые издавна мирились у насъ съ французской утонченностью, нисколько не теряя отъ нея татарской дикости. Даже при мягкихъ формахъ крѣпостного права, воспитаніе барича рѣдко могло освободиться отъ извращающихъ вліяній, которыя

вносило это пренебреженіе къ человѣческому достоинству, возведенное въ принципъ и каждодневно выполняемое. Воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ, въ родѣ юнкерской школы, соединявшихъ извѣстный классъ дворянскаго юнаго поколѣнія, имѣло свою атмосферу, столько же, если еще не болѣе, неблагопріятную для здороваго нравственнаго развитія. Здѣсь не было мѣста для идеальныхъ стремленій. Военная программа тѣхъ временъ очень мало объ нихъ заботилась, скорѣе истребляла ихъ; напротивъ, строго слѣдила за усвоеніемъ военной рутины, и снисходительно, сквозь пальцы, смотрѣла на тѣ нѣсколько буйныя развлеченія, въ какія вдавалась болѣе или менѣе богатая молодежь, и которыя умѣрялись только фронтовой дисциплиной. Молодежь послушно усвоивала духъ касты, грубо льстившей неразвитому пониманію собственнаго достоинства и впередъ отдалявшій ее отъ болѣе мирныхъ и возвышенныхъ интересовъ общества.

Жизнь въ этой средѣ, повидимому, не много прибавила къ образованію Лермонтова, но привила ему недостатки ея нравовъ и обычаевъ. Эта жизнь удовлетворяла юношеской жаждѣ шумливой дѣятельности и удовольствій, — немудрено, что Лермонтовъ увлекся господствовавшими здѣсь нравами, извѣстнаго рода заносчивымъ удальствомъ, которое считалось достоинствомъ касты, и, наконецъ, пріобрѣлъ ту манеру держать себя, которая непріятно поражала людей обыкновеннаго общества, даже вполнѣ расположенныхъ относиться къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ. Люди, близко его знавшіе, утверждаютъ, что эта манера была наружная, напускная оболочка; что на самомъ дѣлѣ душа его была добрая, что когда онъ былъ самъ собою, его личность была высоко интересна и увлекательна, и т. д. Въ этомъ послѣднемъ можно не сомнѣваться уже потому, что Лермонтовъ былъ авторомъ многихъ стихотвореній этого мягкаго, возвышеннаго и привлекательнаго характера; но тѣмъ не менѣе извѣстно и то, что упомянутая манера слишкомъ часто имъ выказывалась, стала его всегдашней манерой въ обыкновенныхъ отношеніяхъ и, быть можетъ, имѣла какое-нибудь основаніе въ самой природѣ Лермонтова.

Если въ этой природѣ были элементы эгоистическаго свойства, то въ подобныхъ условіяхъ они легко могли развиться въ самыя непривлекательныя формы въ ущербъ другимъ, бо-

лѣе мягкимъ сердечнымъ инстинктамъ. Элементы этого рода несомнѣнно были въ Лермонтовѣ, но они опирались въ немъ на дѣйствительныя силы, на предчувствіе собственнаго превосходства, и если они принимали превратное направленіе, то Лермонтову нужно было перерабатывать себя въ болѣе зрѣломъ періодѣ, чтобы найти потерянную дорогу, чтобы личность его могла явиться въ своемъ лучшемъ характерѣ, въ полнотѣ своего нравственнаго достоинства. Ему предстояла борьба съ „пошлостью жизни“ — въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. *Пыпинъ.*

Ссылка Лермонтова на Кавказъ.

Въ 1834 году Лермонтовъ вышелъ изъ юнкерской школы и поступилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ корнетомъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ вести свѣтскую разсѣянную жизнь; зимой проводилъ время въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ среди товарищей-гусаровъ, а лѣтомъ — на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ.

До самой смерти Пушкина (1837 г.) литературная дѣятельность Лермонтова ограничивалась тѣснымъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ. Онъ кое-что изъ своихъ стихотвореній помѣщалъ въ журналахъ, но вообще Лермонтовъ былъ мало извѣстенъ. Его извѣстность начинается съ стихотворенія „На смерть Пушкина“. Стихотвореніе ходило по рукамъ и надѣлало много шуму. Многіе въ Петербургѣ винили Пушкина и оправдывали его противника, Дантеса. Лермонтовъ былъ сильно возмущенъ этими толками и прибавилъ шестнадцать заключительныхъ строкъ: „А вы, надменные потомки“ и проч. Лермонтовъ за это былъ арестованъ, его бумаги задержаны, а въ заключеніе былъ переведенъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ. „Ссылка Лермонтова на Кавказъ надѣлала много шума; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ источникомъ вдохновенія“. Однако не всѣ произведенія могли безпрепятственно попадать въ печать: „Пѣсня о Калашниковѣ“, напримѣръ, была напечатана только вслѣдствіе заступничества Жуковскаго, который далъ письмо Краевскому къ министру народнаго просвѣщенія, Уварову.

Тѣмъ не менѣе, фамилія Лермонтова была замѣнена начальными буквами.

Ссылка, однако, продолжалась не долго. Хлопоты и просьбы его бабушки, Е. А. Арсеньевой, положили конецъ къ изгнанію въ томъ же 1837 году, а на слѣдующій годъ онъ снова былъ переведенъ въ гвардію. „О литературныхъ отношеніяхъ его за это время неизвѣстно ничего опредѣленнаго; близкихъ отношеній этого рода у него было, вѣроятно, очень мало, потому ли, что онъ, какъ и Пушкинъ, желалъ слыть за свѣтскаго человѣка и не любилъ, когда на него смотрѣли какъ на литератора, или потому что предпочиталъ свою офицерскую компанію съ ея препровожденіемъ времени, или, наконецъ, потому, что и въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ не измѣнялъ своей необыкновенной манерѣ, т.-е. не сближался съ литературнымъ кругомъ, отчасти изъ нѣсколько высокомѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказаться, отчасти увлекаясь тономъ своего товарищества, довольно беззаботнаго на счетъ литературы“. *Чуйко.*

Возвращеніе въ столицу и новая ссылка.

Ссылка Лермонтова продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ. По ходатайству его бабушки, Е. А. Арсеньевой, приказомъ отъ 11 октября 1837 года, онъ былъ снова переведенъ въ гвардію, въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ началѣ слѣдующаго года обратно въ лейбъ-гусары. Имя Лермонтова тогда уже разнеслось по всей Россіи; его „исторія“, его талантъ воздвигли ему пьедесталъ, и большой свѣтъ столицы, гдѣ онъ являлся интересной новостью, принялъ поэта съ распростертыми объятіями. „Въ теченіе мѣсяца на меня была мода,— пишетъ онъ М. А. Лопухиной, — меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорбилъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются... Было время, когда я, какъ новичокъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, взявшимъ съ боя свои права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы,

съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что я вѣдь тоже левъ... Согласитесь, что все это можетъ опьянить..."

И „опьяненный" Лермонтовъ, самолюбію котораго успѣхъ въ свѣтѣ льстилъ, повелъ настоящую свѣтскую, разсѣянную жизнь. Тѣмъ не менѣе онъ скучалъ. „Мало-по-малу,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,— я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна; она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, которое непремѣнно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами, тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ, конечно, не встрѣчается столько низостей и столько смѣшного, какъ тутъ". Здѣсь нельзя не отмѣтить довольно ощутительнаго раздвоенія въ характерѣ поэта. Лермонтовъ презиралъ свѣтъ и — искалъ развлеченій свѣта. Бывая въ обществѣ, на балѣ и будучи „пестрою толпою окруженъ", онъ видѣлъ только, какъ „при дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей мелькаютъ образы бездушные людей—приличьемъ стянутыя маски"; ему сильно хотѣлось „смутить веселость ихъ и дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью"... И тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи былъ разорвать со свѣтомъ, отрѣшиться отъ его предразсудковъ: онъ добровольно носилъ свѣтскія цѣпи. Онъ даже не любилъ, когда на него смотрѣли, какъ на писателя. „Лермонтовъ, — говоритъ Панаевъ, — хотѣлъ слыть во что бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно такъ же, какъ и Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его, какъ литератора... Высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно, несмотря на его глубокій умъ и огромный поэтическій талантъ... Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежащими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и знаменитостями". Съ литературнымъ кругомъ онъ, бывая лишь у избранныхъ, не сближался, часто по причинѣ своей несообщительности, замкнутости натуры, частію потому, что глядѣлъ на литераторовъ глазами своихъ великосвѣтскихъ пріятелей, „довольно беззаботныхъ на счетъ литературы", а часто „изъ нѣсколько высокомѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказываться", какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ.

Разсѣянная жизнь свѣта нимало, однако, не мѣшала Лермонтову создать прекрасныя поэтическія вещи, краснорѣчиво говорившія, какъ крѣпло и росло его дарованіе. Имя поэта уже облетѣло всю Россію; во всѣхъ уголкахъ ея распространялась въ безчисленныхъ спискахъ его поэма „Демонъ"; на музыку клались его лучшія пьесы, и въ журналахъ стали печататься, несмотря на разныя препятствія, многія его стихотворенія. Въ „Современникѣ" были помѣщены „Бородино", „Казначейша", въ „Отечественныхъ Запискахъ" появился цѣлый рядъ стихотвореній, которыя представляютъ собою жемчужины лермонтовской поэзіи: „Дума", „Поэтъ", „Русалка", „Вѣтка Палестины", „Душа моя мрачна", „Три пальмы", „Въ минуту жизни трудную", „Дары Терека", „Памяти Одоевскаго", „Воздушный корабль", „Казачья колыбельная пѣсня", „Первое января" и другія. Въ этомъ же журналѣ въ 1839 и началѣ 1840 года были напечатаны прозаическіе отрывки „Бэла" и „Тамань", вошедшіе въ составъ романа „Герой нашего времени", который тогда же вышелъ отдѣльно около марта мѣсяца. Въ томъ же 1840 году началось печатаніемъ и первое собраніе стихотвореній Лермонтова, вышедшее въ концѣ года.

Въ самый разгаръ этихъ успѣховъ поэта новый несчастный случай выбилъ его изъ колеи, произвелъ смятенье въ его жизни. Лермонтовъ былъ весьма неравнодушенъ къ тогдашней извѣстной въ свѣтѣ красавицѣ, которая „промѣняла цвѣтущія степи Украйны на свѣтскія цѣпи, на блескъ упоительный бала". Это была княгиня Марія Алексѣевна Щербатова, и нравившаяся также и барону Эрнесту де-Баранту, сыну историка и тогдашняго французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, что баронъ искалъ столкновенія и ссоры со своимъ соперникомъ, и случай не замедлилъ представиться. На балѣ у графини Лаваль, 16 февраля 1840 года, когда княгиня Щербатова оказала слишкомъ явное предпочтеніе поэту передъ французомъ, послѣдній потребовалъ у Лермонтова объясненія насчетъ сказаннаго будто бы о немъ. Лермонтовъ отвѣтилъ, что переданное Баранту — есть сплетня, не имѣющая никакого основанія. Барантъ, желавшій ссоры, не удовлетворился; произошелъ обмѣнъ колкостей, кончившійся вызовомъ Баранта. Дуэль происходила черезъ два дня, 18-го числа, въ 12 ч., за Черною рѣчкою,

близъ Парголова. По странному капризу Баранта, имѣвшаго право выбирать оружіе, поединокъ начался на шпагахъ и окончился на пистолетахъ. Конецъ шпаги Лермонтова обломился, и Барантъ слегка ранилъ поэта въ руку. Затѣмъ, когда взялись за пистолеты, Барантъ далъ промахъ, и Лермонтовъ, по свойственному ему великодушію, выстрѣлилъ на воздухъ. Послѣ дуэли Лермонтовъ пріѣхалъ прямо къ Краевскому и показалъ ему и бывшему здѣсь Панаеву царапину на рукѣ. Онъ въ это утро былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ. „Кажется, ему дѣйствительно доставляли удовольствіе сильныя ощущенія или чувство побѣжденной опасности". Разумѣется, началось разслѣдованіе дѣла о дуэли. Такъ какъ то обстоятельство, что Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ, могло служить смягчающимъ вину, то поэтъ и упомянулъ объ этомъ на слѣдствіи. Баранту объясненіе это не понравилось; онъ сталъ утверждать, что факты извращены Лермонтовымъ. Тогда между дуэлистами произошло объясненіе на гауптвахтѣ, гдѣ содержался поэтъ, который и предложилъ Баранту драться вторично. Назойливый свѣтскій шалопай, однако, удовлетворился объясненіемъ, а Лермонтовъ поплатился за него, такъ какъ это объясненіе увеличивало его вину. Когда поэтъ содержался на гауптвахтѣ во время слѣдствія, его посѣтилъ Бѣлинскій. Бывшій дотолѣ не совсѣмъ выгоднаго мнѣнія о Лермонтовѣ, онъ остался въ восхищеніи отъ него послѣ свиданія. „Бѣлинскій, по словамъ Панаева, пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серіозный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе. „Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, говорилъ Бѣлинскій, было бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою". Свидѣвшись съ Лермонтовымъ, знаменитый критикъ пришелъ подѣлиться своей радостью съ Панаевымъ. „Ну, батюшка,— говорилъ онъ,— въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ! Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый

разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть... Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ! Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ. Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,— я увѣренъ въ этомъ". Этотъ разсказъ Панаева вполнѣ справедливъ. Въ письмѣ Бѣлинскаго о Лермонтовѣ много тождественнаго съ тѣмъ, что передаетъ Панаевъ. Вотъ что писалъ нашъ критикъ: „Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ разговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій умъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше Вальтеръ-Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ, и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго такъ же. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ „Онѣгина". Женщинъ ругаетъ, однѣхъ за то, другихъ за это. Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ видитъ. Взглядъ чисто онѣгинскій. Печоринъ— это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры и достоинство того и другого... Каждое слово его — онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ, — меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества".

Послѣ того, когда „дѣло Лермонтова" прошло не мало инстанцій, 13 апрѣля 1840 года послѣдовала Высочайшая конфирмація, по которой Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Иначе говоря, помимо перевода въ полкъ армейскій, онъ ссылался на Кавказъ, гдѣ этотъ полкъ стоялъ. Тяготила ли эта ссылка поэта? Покидалъ ли онъ съ сожалѣніемъ Петербургъ, свѣтскую жизнь, женщинъ, его интересовавшихъ, или былъ равнодушенъ совершенно и мирился съ своимъ изгнаніемъ? Сколько-нибудь

подробныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Но судя по тому, что еще въ 1839 году онъ, — какъ самъ говорилъ въ письмѣ,— просился на Кавказъ, и ему отказали, „не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили“, — можно предположить, что поэтъ былъ не слишкомъ огорченъ разлукою со столицей. „Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои прикованы судьбою неизбѣжной; на сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой, я сердцемъ твой, всегда и всюду твой“, говоритъ Лермонтовъ о Кавказѣ, посвящая ему „снова стихъ небрежный“, свою поэму „Демонъ“. Значитъ, поэтъ, такъ любившій эту страну съ дѣтства, ѣхалъ сюда не безъ радости. „Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ, — говоритъ Лермонтовъ въ томъ же „Посвященіи къ поэмѣ Демонъ“ — и вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ, какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ“. Кромѣ того, Лермонтова давила эта сфера, въ которой онъ вращался, гдѣ, внутренно скучая, додумывался онъ до такой безотрадной мысли, что „жизнь, какъ посмотришь, съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, — такая пустая и глупая шутка...“ И судьба устроила ему разлуку съ той обстановкой, которая только удвоивала тоску, столь прочно свившую гнѣздо въ душѣ поэта. По прибытіи на мѣсто своего назначенія, Лермонтовъ почти тотчасъ отправился въ экспедицію противъ чеченцевъ. Надо сказать, и въ первую ссылку свою въ 1837 году онъ уже бывалъ за Кубанью и участвовалъ въ дѣлѣ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. На этотъ разъ онъ состоялъ при генералѣ Галафѣевѣ, очень любившемъ поэта, и какъ получившій начальство надъ „отборною командою охотниковъ“ — нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, — храбро бился подъ Валерикомъ, презирая опасности. Въ этомъ походѣ поэтъ зачастую ѣлъ одну пищу съ „охотниками“ и спалъ, какъ они, на голой землѣ, прикрытый буркою. Отъ снѣдавшей его тоски, отъ припадковъ черной меланхоліи, несчастный поэтъ бросался въ водоворотъ сильныхъ ощущеній; онъ какъ будто искалъ смерти, по крайней мѣрѣ, рисковалъ жизнью постоянно. „Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, — говоритъ въ донесеніи своемъ Галафѣевъ, — во время штурмовъ непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ что,

было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывшагося въ лѣсу, за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы". Ближайшее начальство представило храбраго офицера къ высшей наградѣ — къ ордену Владимира 4-й ст. съ бантомъ, но высшая власть соглашалась на представленіе его лишь къ ордену Станислава 4-й ст. Въ концѣ концовъ Лермонтовъ не получилъ никакой награды. Это жаркое, кровавое дѣло поэтъ обезсмертилъ въ стихотворномъ посланіи своемъ къ В. А. Бахметевой, урожденной Лопухиной, которую онъ любилъ почти всю жизнь. Дивные стихи эти печатаются въ собраніяхъ сочиненій поэта подъ заглавіемъ „Валерикъ". Замѣчательно, что въ этой пьесѣ нѣтъ и тѣни намека на подвиги храбрости самого Лермонтова, выказавшаго въ „Валерикѣ" всю мощь своего таланта. Е. А. Арсеньевой, несмотря на всѣ старанія, не удалось выхлопотать прощеніе внуку, но зато ему все-таки разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ, гдѣ онъ и пробылъ съ января по апрѣль 1841 года. Весною, передъ послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ, Лермонтовъ пробылъ короткое время въ Москвѣ, и здѣсь, какъ предполагаютъ, произошла его встрѣча и близкое знакомство съ извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ Фридрихомъ Боденштедтомъ, который потомъ познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ лучшими произведеніями Лермонтова, издавъ переводы его стихотвореній въ 1852 году съ прекрасной характеристикой знаменитаго поэта и личными воспоминаніями о немъ. Въ первый разъ Боденштедтъ увидѣлъ Лермонтова во французскомъ ресторанѣ и, любя его поэзію, разочаровался въ самомъ поэтѣ; но зато встрѣтивъ его на слѣдующій же вечеръ въ салонѣ Мятлевой, вполнѣ остался доволенъ свиданіемъ съ поэтомъ и вынесъ отрадное впечатлѣніе. Лермонтовъ, по его словамъ, умѣлъ вполнѣ быть милымъ. Отдаваясь кому нибудь, онъ отдавался всей душою, но это было рѣдкостью, и лишь лица, коротко знавшія поэта, могутъ дать настоящее понятіе о его обаятельныхъ качествахъ. Людей же, видѣвшихъ въ немъ одни недостатки, онъ скорѣй отвращалъ отъ себя, нежели привлекалъ. Выдавались, однако, минуты, когда онъ являлся

нѣжнымъ, кроткимъ ребенкомъ. Вообще же въ его характерѣ преобладало задумчивое, совершенно скорбное настроеніе, а серіозная мысль прежде всего читалась на его благородномъ лицѣ. Самую наружность Лермонтова Боденштедтъ описываетъ такъ. „открытый, высокій лобъ, слегка вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы, умные большіе глаза, а на красиво очерченныхъ губахъ играетъ насмѣшливая улыбка. Лермонтовъ держалъ себя гордо и непринужденно, былъ средняго роста, но широкъ въ плечахъ и отличался замѣчательною гибкостью движеній". Здѣсь кстати будетъ привести изображенія внѣшности Лермонтова, сдѣланныя Тургеневымъ, видѣвшимъ его два раза въ жизни, и Панаева, встрѣчавшагося съ нимъ у Краевскаго. По словамъ Панаева, Лермонтовъ былъ небольшого роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. „Въ наружности Лермонтова, — говоритъ Тургеневъ, — было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ глазъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій". Уѣзжая на Кавказъ, Лермонтовъ былъ настроенъ особенно грустно; его грызла ужасная тоска, думы самыя безотрадныя не давали ему покоя, и мрачныя предчувствія закрадывались въ душу этого Прометея нашего вѣка. При всей его любви къ Кавказу, ему какъ-то не хотѣлось уѣзжать туда. „Мы собрались, — разсказываетъ гр. Растопчина, — на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку. Мы ужинали втроемъ, за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, который тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставила его молчать и стала смѣяться надъ его мнимыми пустыми предчувствіями, но они поневолѣ на меня вліяли и сжимали сердце". Надо сказать, что Лермонтовъ былъ

въ сильной степени фаталистъ и суевѣренъ и предчувствіямъ придавалъ особенное значеніе. И предчувствія не обманули его. Пріѣхавъ на Кавказъ, Лермонтовъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ. Около него составился кружокъ весьма близкихъ пріятелей, членами котораго, кромѣ Столыпина, были: М. П. Глѣбовъ, С. В. Трубецкой, князь А. И. Васильчиковъ. Лѣчебный сезонъ 1841 года въ Пятигорскѣ былъ оживленнѣе чѣмъ когда-либо, и кружокъ этотъ, къ которому примыкала изрѣдка вся молодежь, гостившая въ пятигорскомъ краѣ, т.-е. что нынѣ составляетъ самый Пятигорскъ и смежные съ нимъ Желѣзноводскъ, Эссентуки, Кисловодскъ, — проводилъ время очень весело. „Мы жили дружно, весело, нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ,—говоритъ кн. Васильчиковъ. — Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать, наша дружба, были искренни, чистосердечны. Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ, какъ о частномъ лицѣ) было два человѣка: одинъ — добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой — заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Кромѣ того, въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно согласуется съ понятіемъ о гигантѣ поэзіи, какъ его называютъ восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и геніальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился... Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины: между серіозными занятіями и чтеніемъ, и такими шалостями, какія могутъ прійти въ голову развѣ только 15-лѣтнему школьному мальчику“. Объ этихъ шалостяхъ и продѣлкахъ и о томъ, какъ Лермонтовъ вдохновлялъ на это всю молодежь минеральныхъ водъ, повѣствуетъ и майоръ Карповъ, современникъ поэта, передававшій нѣкоему Филиппову нѣсколько интересныхъ подробностей о времени пребыванія Лермонтова на кавказскихъ водахъ. Филипповъ, съ его словъ, подробно разсказываетъ объ этомъ времени изъ жизни поэта, окончившемся катастрофой. Михаилъ Юрьевичъ прибѣгалъ къ шалостямъ, чтобы сколько-нибудь оживить монотонное теченіе жизни. Онъ давалъ смѣшныя прозвища многимъ, и особенно доставалось отъ него жи-

тельницамъ пятигорскихъ слободокъ: Кабардинской и Горячеводской. Самое лучшее прозвище у него было „груздокъ“, и этимъ груздкомъ онъ окрестилъ хорошенькую Надю, младшую изъ дочерей генеральши Верзилиной, гостепріимный домъ которой всегда былъ полонъ золотой молодежи. Надежда Петровна Верзилина, подростокъ, не достигшій и шестнадцатилѣтняго возраста, была весела, наивна, остра, и ею восхищались всѣ, кто бывалъ у нихъ въ домѣ. Больше всѣхъ ухаживалъ за ней красавецъ Мартыновъ, майоръ, товарищъ Лермонтова по юнкерской школѣ, тоже пріѣхавшій на воды, которому Надежда Петровна, повидимому, оказывала особое предпочтеніе. Лермонтову, въ свою очередь, плѣнившемуся Верзилиной, эта внимательность ея къ Мартынову не нравилась, и онъ донималъ всевозможными остротами товарища, стараясь, чтобъ ихъ слышали всѣ и преимущественно Надя. Мартыновъ отворачивалъ рукава и носилъ длинный кинжалъ, и это давало поводъ злому на языкъ Лермонтову называть его „montagnard au grand poignard“, или „le farouche montagnard“ (горецъ съ огромнымъ кинжаломъ, свирѣпый горецъ); а однажды онъ нарисовалъ карикатурное изображеніе Мартынова съ засученными рукавами и злополучнымъ длиннымъ кинжаломъ. Это было 14 іюля на вечерѣ у генеральши Верзилиной. Лермонтовъ нарисовалъ карикатуру на ломберномъ столикѣ и показалъ ее Надеждѣ Петровнѣ, а когда зорко слѣдившій за ними Мартыновъ подходилъ къ нимъ, онъ поспѣшно стеръ рисунокъ. Однако, Мартыновъ догадался, что это была какая-то злая острота на его счетъ и по окончаніи вечера подошелъ къ Лермонтову и сказалъ, что онъ уже просилъ его прекратить несносныя шутки и что если онъ еще разъ выберетъ его предметомъ своихъ остротъ, то Мартыновъ заставитъ его перестать. Лермонтовъ въ отвѣтъ объявилъ, что тонъ этой проповѣди ему не нравится и что вмѣсто пустыхъ словъ Мартыновъ гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. „Ты знаешь, — сказалъ онъ, — что отъ дуэли я не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь“. Такъ показывалъ Мартыновъ на судѣ. По словамъ же князя Васильчикова, Мартыновъ, когда всѣ стали расходиться, подошелъ къ Лермонтову и тихимъ, ровнымъ голосомъ сказалъ ему по-французски: „Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю,

чтобы ихъ повторяли при дамахъ". — „А, такъ вы серіозно обижаетесь и вызываете меня на дуэль?" — возразилъ Лермонтовъ. „Да, я вызываю васъ, — отвѣтилъ такъ же спокойно Мартыновъ" и тутъ же разстался съ нимъ. Есть еще разсказъ о томъ же майора Карпова. По выходѣ отъ Верзилиныхъ Мартынова и Лермонтова на улицу, первый, подойдя къ Лермонтову, сказалъ: „За сегодняшнія остроты я тебя, Миша, не желаю прощать". Тогда Лермонтовъ, захохотавъ, отозвался: „Пожалуйста, придумай возмездіе посеріознѣе". Мартыновъ вспыхнулъ на эту выходку и произнесъ: „Серіознѣе? Дуэль!... Прошу назначить часъ и мѣсто, если желаешь кончить серіозно".

Кончина Лермонтова.

„Страшно подумать, что поводомъ къ дуэли, а слѣдовательно, и причиною смерти незабвеннаго поэта было одно пустое, мимоходомъ сказанное имъ слово сослуживцу своему. Изъ-за этого слова завязался крупный разговоръ, кончившійся вызовомъ со стороны Лермонтова. Оружіемъ были избраны пистолеты, а секундантами: Васильчиковъ (Лермонтова) и Глѣбовъ (его противника). Друзья Лермонтова надѣялись, однако, какъ-нибудь уладить дѣло, и потому упросили поэта отправиться на нѣсколько дней въ Желѣзноводскъ (въ 17 верстахъ отъ Пятигорска); но противникъ не соглашался на мировую, и Лермонтовъ возвратился въ Пятигорскъ. Въ самый день дуэли поэтъ танцовалъ еще на пикникѣ въ колоніи Шотландка, находящейся между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ. Около 5 часовъ вечера, между горами Машукомъ и Бештау разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Пятигорска сошлись противники у подошвы Машука. Лермонтовъ былъ раненъ подъ самое сердце, упалъ и, вздохнувъ два раза, скончался. Секунданты, не предвидя такого конца, насилу нашли экипажъ. Нельзя было хладнокровно смотрѣть на покойнаго; его канаусовая рубашка вся была смочена кровью. На другой день смерти Лермонтова художникъ Р. А. Шведе снялъ съ него портретъ. Спустя полгода, именно въ мартѣ 1842 г., тѣло Лермонтова было перевезено въ деревню, въ село Тарханы, Пензенской губерніи".

Лермонтовъ умеръ въ то время, когда совершился въ душевномъ его настроеніи замѣчательный переворотъ. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій: „Лермонтовъ не много написалъ, безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устраиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ отъ этой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогію, три романа изъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣкъ Екатерины II, Александра I и Николая I), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовой тетралогіи, начинающейся „Послѣднимъ изъ Могиканов", продолжающейся „Путеводителемъ въ пустынѣ" и „Піонеромъ", оканчивающейся „Степями", какъ вдругъ онъ умеръ"...

Не знаемъ почему, но, написавъ эти строки, мы невольно обратились къ одному очень раннему стихотворенію Лермонтова (1829 г.), еще пятнадцатилѣтняго мальчика:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ не долго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Однообразное ея теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ,
Не зная ни любви ни дружбы сладкой.
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ...

Дудышкинъ.

Стихотворенія Лермонтова.

Свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звуч-

ность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя и характеристическія примѣты Лермонтова и залогъ ея будущаго, великаго развитія...

Тѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще „Русланомъ и Людмилою“ — содержаніемъ, котораго идея отзывается слишкомъ раннею молодостью, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, сознаніемъ неистощимо веселымъ, игривымъ... Это была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пиру жизни... Лермонтовъ началъ историческою поэмой, мрачною по содержанію, суровою и важною по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Пушкинъ явился провозвѣстникомъ человѣчности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избытка чувства... Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія — совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества.

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ „Современникѣ“ 1837 г., уже послѣ смерти Пушкина. Она называется „Бородино“. Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тридцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль — жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта „тоска по жизни“ внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до „Бородина“, — это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо-простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаетъ осязаемо-ощутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не можетъ еще показать, чего отъ автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 году была напечатана его поэма „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ ли онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра не удовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, про-

стоящщую суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкія размеръ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не зналъ о другихъ, — и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошедшее — и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобы оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ „мужъ кровей“, какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?... Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи: замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига: но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность, — то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ-быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во-время, слишкомъ рано явившійся Россіи, — пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ-быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости. . Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства

онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія, вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его — молнія, звукъ рѣчей его — громъ небесный, порывъ гнѣва его — смерть и пытка, но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиною царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками.

И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ — „И всѣ пили, царя славили". Лишь только одинъ изъ опричниковъ „Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ", и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго, — „Да не поднялъ глазъ молодой боецъ".

Царь стукнулъ объ полъ своею палкой, съ желѣзнымъ наконечникомъ — палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнулъ добрый молодецъ:

Вотъ промолвилъ царь слово грозное,
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...,
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..."

Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя извиненія, говоря:

„Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную — не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится“.

Царь разспрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы — перлы народной нашей поэзіи, полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Кирибѣевича дышитъ такою полнотой чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечесть его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалого бойца — молодушка, которая закрывается фатою, когда на него любуются красныя дѣвушки:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебёдушка,
Смотритъ ласково — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостылы мнѣ кони легкіе,
Опостылы наряды парчёвые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...

Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть — лава, ея горесть — тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника; какая глубокая грусть дышитъ въ нихъ, — это грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, это грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велитъ сперва поклониться „смышлёной" свахѣ, а потомъ послать своей Аленѣ Дмитріевнѣ дары драгоцѣнные:

Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся".
„Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому..."

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ къ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника, — и тщетно испуганный слухъ его ждетъ, что̀ скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту такъ трагически недоконченную картину, такъ страшно прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это не наяву, что все это — только разсказъ пѣсельниковъ.

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!

Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ; сердце ваше сжимается болѣзненною тоскою: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ трагическою катастрофою, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирибѣевича — не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не пріобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны. И при всемъ этомъ онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднятъ — и передъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкомъ.

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени: на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему-то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце — чуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что „молодому купцу, статному молодцу“ задался недобрый день:

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;

За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо —
Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью „да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною“, привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался? — или душа человѣка чуетъ шелестъ шаговъ незримо-слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?...

Пришедъ въ свой „высокій домъ“, Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчають ни молодая жена ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью, и свѣчка передъ образомъ еле теплится. Кличетъ онъ старуху Еремѣевну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ „дѣвалась, затаилась“ Алёна Дмитріевна, и не заигрались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

...Къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А дѣтки твои милыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ, семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣпкою думою.

А онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
И на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ, дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!

Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ее такъ растрепаны и одежда изорвана.

„Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...“

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ, чтобъ она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ, затряслася Алена Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она „не боится смерти лютыя, а боится его немилости“: въ двѣнадцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена разсказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, „оглянулася — человѣкъ бѣжитъ“; этотъ человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣевичемъ, а изъ славныя семьи изъ Малютиной...

Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А цѣлуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе! —
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платокъ, — подарочекъ мужа. Заключеніе ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужу — не дать ее, свою вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и разсказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ;

А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому;

говоритъ о своемъ намѣреніи — биться насмерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и проситъ ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, нашъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя родного не выдадимъ!“

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этою сценой семейнаго совѣщанія оканчивается вторая часть драматической поэмы; дѣйствующія лица и завязка дѣйствій уже рѣзко обозначились, — и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,

Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужь зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася!
На какой ты радости разыгралася!

На Москву-рѣку сходилися удалые молодцы, „разгуляться для праздника, потѣшиться“. Самъ царь пріѣхалъ съ дружиною, боярами и опричниками, и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 сажень „для охотницкаго бою, одиночнаго“. Потомъ царь велѣлъ вызывать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супротивниковъ, обѣщаясь „лишь потѣшить царя-батюшку, но для праздника отпустить живого“. Вдругъ раздалась толпа — и выходитъ Степанъ Парамоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, „чтобъ знать, по комъ панихиду служить, чтобъ было, чѣмъ похвастаться“.

Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честного отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,

Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно — ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ порокѣ!... Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому что она сама — свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!...

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила,

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя и преступнаго бойца? Съ невыразимою тоской повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которою выразилъ онъ его паденіе?... А между тѣмъ, вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?... Таково обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу: мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ поцѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста запечатлѣваемъ торжество возстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили было они своею виной...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ и спрашиваетъ Калашникова, волей или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца. Вѣроятно, Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ

страшно потрясенной — и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавою местью врагу, не возвратившею его прежняго блаженства, — для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимою для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ.. Есть души, которыя довольствуются кое-тѣмъ — даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ — все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ, однако, причину своего мщенія:

А за что, про что — не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая, трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь, и лишь проситъ царя „не оставить своей милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его“. Въ отвѣтѣ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величіи, высказывается колоссальный образъ Грознаго:

„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...“

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробѣ! А между тѣмъ, въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и

величія царственной натуры, и какъ бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!... Какая страшная трагедія! сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!... И едва ли во всей исторіи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ большимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!...

На площади собирается народъ; гудитъ-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается.

Онъ велѣлъ имъ поклониться отъ него Аленѣ Дмитревнѣ да *заказать* ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Въ крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.

И вотъ, занавѣсъ опустился, трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее опять стало прошедшимъ —

И что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Что? — могила, жилище тлѣнія и смерти; но надъ этою могилою вѣетъ жизнь, царитъ воспоминаніе, нѣмою рѣчью говоритъ преданіе:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,

Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатыя жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она стóитъ ихъ, ибо не живые въ ней, мертвой, — но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ: заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни!.. Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ, — понятное человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы и этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ и повторимъ за поэтомъ музыкальный финалъ, которымъ по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляетъ онъ гусляровъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте.
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубокость идеи, которыми она запечатлѣна; что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силѣ выраженія, трепетнаго, полнаго страсти одушевленія, — эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы — пусть читаютъ и судятъ сами: кто не увидитъ въ этихъ стихахъ

того, что мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ...

Содержаніе поэмы въ смыслѣ разсказа происшествія само по себѣ полно поэзіи; если бъ оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіею, а поэзія — жизнію. Но тѣмъ не менѣе, онъ не существовалъ бы для насъ, нашли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелемъ — оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное, и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко, вмѣсто ея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Поэма Лермонтова — созданіе мужественное, зрѣлое, и столько же художественное, сколько и народное. Но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ ней, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присущно его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, истиннымъ художникомъ, — и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она — художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней

Руси. Въ этомъ отношеніи, послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

По внутреннему плану нашей статьи, мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взглядъ на чисто художественныя стихотворенія его заключитъ нашу статью. И если мы остановились на „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова", которую сами признаемъ художественною, то потому что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой „Пѣснѣ" онъ поддѣлывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гусляровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта „Пѣсня" представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ, и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностію и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобъ тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошедшее не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ него! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтлѣнія, уврачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ только можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, другой властитель нашихъ думъ! Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія — сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти просто-

душныя слова изъ „Гимна Музамъ“ древняго старца Гезіода: „Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ съ своею горькою думою, а пѣвецъ, служитель музъ, запоетъ о славѣ первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ, — въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его“. Но это сила поэзіи вообще, сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственныя страданія, еще чуднѣе оказывается на нашихъ же собственныхъ страданіяхъ: увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтлѣнными общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ — вѣкъ по преимуществу историческій. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность выростаетъ изъ исторической почвы и на исторической почвѣ. Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ-быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленія, „рефлексіи“. *Вопросъ* — вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ, — вмѣсто того, чтобъ роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, — и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...

Ужасно! Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое, въ своей молодости, такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнію. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе, лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть впослѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами — вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни; общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни — благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!...

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты

нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ „Манфредѣ“, „Каинѣ“ и другихъ произведеніяхъ; Гете особенно въ „Фаустѣ“; вся поэзія Шиллера по преимуществу *рефлектирующая*, размышляющая. Въ наше время едва ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, созерцающая явленіе жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная), и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи таланта не лежитъ созерцательность древнихъ и способность воспроизводить явленіе жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэмѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ.

Въ самомъ Гете не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностью, какъ она есть. Это и было причиною, почему менѣе Гётевской художественная, но болѣе человѣчественная, туманная поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ человѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть призракъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
  На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
  Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
  Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
  Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
  Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
  Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачь и твой укоръ,
  Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
  Махающій мечомъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ, избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ *я*, говоритъ объ общемъ — о человѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по человѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя стихотворенія Лермонтова, и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто художественныхъ. По этому признаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, — поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная человѣчественная личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, Лермонтовъ вышелъ снова на арену литературы, съ стихотвореніемъ „Дума“, изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостью стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими, безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее „иль пусто, иль темно“, что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанія* и сомнѣнія; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною* наукою. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: сомнѣнье такъ; но излишества познанія и науки, хотя бы и „безплодной“, мы не видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, если бъ, взамѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь вы-

вгрызъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія, безъ труда и ученія — и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ, выступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи — безъ вины виноваты!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ, для насъ — поздній умъ: великая истина!

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!... И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?... Если подъ „сатирою“ должно разумѣть не невинное зубоскальство ве-

селенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества, — то „Дума“ Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурею чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!...

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи „Поэтъ“. Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?... Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ.
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножёнъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гоголь называетъ въ Шиллерѣ паѳосомъ!... Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?... Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта, — и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли

это характеристика поэта — характеристика благороднаго Шиллера?...

„Не вѣрь себѣ“ есть стихотвореніе, составляющее тріумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко; но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!...

Со времени появленія Пушкина, въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово „разочарованіе“, которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина — „Демонъ“. Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе — врагъ жизни! „Демонъ“ Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго, высказавшагося въ стихотвореніи Лермонтова:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія нездѣшней муки, этотъ потрясающій душу реквіемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это похоронная пѣсня всей жизни! Кому незнакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ, — тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слушалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ему ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните „Героя нашего времени", вспомните Печорина — этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее и самого себя, не вѣритъ ни въ нее ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ неутолимыхъ, а съ другой — гонится за жизнью, жадно ловитъ

ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери и потомъ поймите эти стихи:

„Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.„

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?... Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казалась бы даже безсмысленною, а теперь для многихъ слишкомъ многознаменательна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: мнѣ суждено судьбою
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя: больной моей душою
Я никогда не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда въ волшебный мигъ
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя;
И, какъ безумный, я и плачу и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя!...

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ-быть, прежде этому не придавали большой важности: пока любилось — любили; разлюбилось — не тужили; даже соединясь какъ бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того чтобы приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, свыкались и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства, переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?... Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ?... Можетъ-быть, люди нашего времени слишкомъ многаго требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ что, послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній, дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтною, блѣдною, холодною и пустою?... Можетъ-быть,

люди нашего времени слишкомъ серіозно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?... Можетъ-быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить, какъ живется?... Можетъ-быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами, и ни другихъ ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?... Можетъ-быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непремѣнно должны дать ему то и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и унынію?... Или, можетъ-быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?... Можетъ-быть — чего не можетъ быть!...

„И скучно и грустно“ изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особую непріязнь стараго поколѣнія. Странные люди! Имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не греметь правдою! Имъ все кажется, что люди — дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшить сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто кое-что знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чудакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышло и стихотвореніе „Въ минуту жизни трудную“ — эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнью.

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе „Памяти А. И. О—го“: это сладостная

мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно-успокоивающее душу... И какою граціозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго картиной заключается это стихотвореніе: вотъ истинно безконечное и въ мысли и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной „Молитвы" (стран. 43), въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, „теплой заступницѣ холоднаго міра", невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва — возлюбленная ли сердца, или милая сестра — не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной — все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ пьеса, означенная рубрикою „1-е января": читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ ней все ту же думу, то же сердце, словомъ ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ — „стянутыхъ приличьемъ масокъ", когда холодныхъ рукъ его съ небрежною смѣлостью касаются „давно безтрепетныя" руки модныхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ онъ, шумъ людской толпы „спугнетъ мою мечту",

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково *лучшія*, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

„Журналистъ, читатель и писатель“ напоминаетъ и идеею, и формою, и художественнымъ достоинствомъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы — верхъ совершенства: рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній — изумительны. Исповѣдь поэта, которою оканчивается пьеса, блеститъ слезами, горитъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородною.

„Ребенку“ — это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!... Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровью сердца, жестокія проклятья, а потомъ, можетъ-быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

...А ты, любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки;
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.

Но если, какъ-нибудь, когда-нибудь случайно
Узнаешь ты его — ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія? — спросятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя — не учила ли *она* его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?... Онъ проситъ ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: „было ли это?“; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: „возможно ли это, можетъ ли это быть въ дѣйствительности?“ Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ, какъ будто коротко знакомое намъ по опыту, — и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтите „Сосѣда“ Лермонтова — и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вамъ покажется, что вы когда-то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ стѣною, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣсни его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю — и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю: но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ — и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой, эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезою; эти слезы, льющіяся одна за другой, какъ звукъ за звукомъ, — сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкою: здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на нихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эѳиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшійся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Расстались мы, но твой портретъ“, и „Отчего“, — и грустно, болѣзненно въ пьесѣ „Благодарность“. Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому, лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждая изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслію!

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурею судьбы сердца!... И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполнѣ высказалось бы и прозою...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной „благодарности“, въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что проситъ душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей какъ масло для лампады!... Это утомленное чувствомъ сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ идти новое стихотвореніе Лермонтова, „Завѣщаніе“: это похоронная пѣснь жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно-спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее — все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія, и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться, — все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка — она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца — пусть поплачетъ: вѣдь это ей нипочемъ! Страшно!... Но поэзія сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія усиливается диссонансомъ, въ духѣ — блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства сухостью чувства, любовь ненавистью, сильная жизненность отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ заживо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ

ваши собственныя раны; но не отчаивайтесь ни за поэта ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ ведро, безотрадность — надежда...

Два перевода изъ Байрона — „Еврейская мелодія" и „Въ альбомъ" — тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

„Вѣтка Палестины" и „Тучи" составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто художественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время видимъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе „полнаго славы творенья". Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о вѣткѣ Палестины:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Вторая пьеса „Тучи" полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды, и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

„Русалкою" начнемъ мы рядъ чисто художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ, и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ русской поэзіи. „Три пальмы" дышатъ знойною природой востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается, — и онъ поступилъ съ нею какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственною сентенціей. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ „Восточное сказаніе"; иначе она была бы

дѣтскою мыслью. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формы и яркій блескъ восточныхъ красокъ — сливаютъ въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее.

„Дары Терека“ есть поэтическая апоѳеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности и выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сибаритъ-море, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалого кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ — безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной, и когда

... Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что такія стихотворенія, какъ „Русалка“, „Три пальмы“ и „Дары Терека“ можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна „Казачья колыбельная пѣсня“. Ея идея — мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать — казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апоѳеоза матери: все, что̀ есть святого, беззавѣтнаго въ любви

матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышитъ любовь матери, — все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умилительную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ, — и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи, и ничего, что̀ могло бы дать ему понятіе объ этой странѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ, прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описаніе: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

„Воздушный корабль“ не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней. — Какое тихое, успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ стихотвореніи „Горныя вершины“, въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова „Мцыри“. Плѣнный мальчикъ-черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться, или его хотятъ сдѣлать, монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой черкесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, близъ обители, слабый, больной, и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что̀ было съ нимъ въ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины, темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ — и ушелъ.

„Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!

Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурныхъ сердцемъ и грозой?..:“

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣетъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственною мощью. Это произведеніе субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношескою незрѣлостью, и если она дала возможность поэту разсыпать передъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи, — то, не сама собою, а точно какъ странное содержаніе иного посредственнаго либретто даетъ геніальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно кто-то резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ произведеніемъ дѣтскимъ, а „Мцыри“ — произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ „Мцыри“, и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo — „Мцыри“ зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или соображаться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи „Мцыри“, — подробности изложенія этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у грома, гулъ у вѣтровъ, — что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того отягощенъ обременительною полнотой внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою мелькнувшею мыслью, чтобы только освобо-

диться отъ нихъ, — и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышащей горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями, какъ въ „Шильонскомъ узникѣ“, звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли, и отчаяніе, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!... Многія положенія изумляютъ своею вѣрностью: таково мѣсто, гдѣ Мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головой уже вѣяли успокоительные сны смерти и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтическою ихъ родиной! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ — „Кавказскаго плѣнника“, и одна изъ послѣднихъ его поэмъ — „Галубъ“ тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое „Горе отъ ума“; дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновила его оскорбленное человѣческое чувство на изображенія апатическаго ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ — этихъ карикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ — и Кавказъ дѣлается его поэтическою родиной, пламеннолюбимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣн-

чанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнассъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ, находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается также на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило „Горе отъ ума": мы говоримъ о „Демонѣ". Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль „Мцыри", и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостью, но роскошь картинъ, богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставитъ ее несравненно выше „Мцыри" и превосходитъ все, что̀ можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность о́бразовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напримѣръ, въ „Дарахъ Терека", гдѣ „сердитый потокъ" описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого,
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти; или что онъ еще не знаетъ о погибели своей возлюбленной, и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говоритъ о́бразами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполнѣ выражающими заключенную въ

нихъ мысль. Можно найти въ книгѣ Лермонтова пять-шесть неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса „Поэтъ“:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

„Ржавчина презрѣнья“ — выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслью цѣлаго произведенія, чтобы видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силою и тонкостью художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно Пушкинскою точностью выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ — въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіяся въ полнотѣ умирѣннаго бурею жизни сердца, упоеніе любви, трепетъ разлуки, радость свиданья, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ

жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силой рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва — все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?... Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него со временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ: ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ — Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а потому, что̀ о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что̀ говорятъ о нихъ всѣ. Даже, восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуетъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму — и хорошо дѣлаетъ... Чтобы преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразёра, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатыхъ* римъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ они отъ тѣхъ производствъ въ „лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи", такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ, какъ должно, и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его — за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (нешуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова, – и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ... *Бѣлинскій.*

Разочарованіе — преобладающій мотивъ поэзіи Лермонтова.

Обращаясь къ содержанію поэзіи Лермонтова, мы замѣчаемъ въ ней преобладаніе мотивовъ разочарованія, разлада съ обществомъ. Охактеризовавъ отрицательныя стороны общества въ стихотвореніяхъ „Дума", „На смерть Пушкина" и другихъ своихъ произведеніяхъ, поэтъ стремится порвать съ этимъ обществомъ всякую связь. Онъ чувствуетъ себя въ свѣтѣ, какъ въ душной темницѣ, и онъ проситъ „воли",

„воли", „воли", а за эту волю готовъ даже пожертвовать счастьемъ. Стремленіе на волю, разочарованіе въ цивилизованномъ обществѣ заставляютъ поэта искать другой настоящей жизни, онъ надѣется найти ее среди непосредственныхъ натуръ, нетронутыхъ фальшивой цивилизаціей. Фантазія переноситъ поэта на Кавказъ, а здѣсь онъ издаетъ цѣлый рядъ замѣчательно сильныхъ демоническихъ типовъ.

Апоѳеозомъ воли является поэма „Мцыри". Въ своей исповѣди старику Мцыри говоритъ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть;
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы".

„Давнымъ давно", разсказываетъ Мцыри,

. . . . задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля.
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

На вопросъ старика, что онъ дѣлалъ на волѣ, Мцыри отвѣчаетъ:

. . . . . Жилъ. И жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.

Съ восторгомъ онъ описываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ монастыря на волю во время страшной грозы, когда вся братія въ ужасѣ собралась для молитвы.

. . . . . . О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ.
Глазами тучи я слѣдилъ,
Руками молніи ловилъ.

И очень естественнымъ послѣ этого является его вопросъ

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ

Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Много пришлось испытать, перестрадать Мцыри во время его скитаній; порою онъ изнемогалъ, но не могъ смириться, не могъ вернуться къ людямъ.

. . . . . Помощи людской
Я не искалъ. Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ!

Вся эта исповѣдь принадлежитъ юношѣ больному, измученному, изстрадавшемуся, но въ ней слышится такая неукротимая энергія, такая непреодолимая сила души, которой мы не найдемъ и въ тысячахъ здоровыхъ людей, видна натура непреклонная, демоническая, нисколько не подходящая къ типу того поколѣнія, холодно-разсудительнаго, бездѣйственнаго, которое изображено въ „Думѣ“ и отъ котораго поэтъ отворачивается съ такою горечью и презрѣніемъ. Этотъ типъ символически изображенъ въ стихотвореніи „Парусъ“, какъ такой человѣкъ, который „ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой“. Этотъ же типъ мятежнаго скитальца, искателя бурь такъ художественно представленъ въ „Демонѣ“, „Измаилъ Беѣ“, и „Героѣ нашего времени“. Таковъ былъ отчасти и самъ поэтъ, душа котораго „томилась, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“.

„Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“, демоническій типъ долго привлекалъ къ себѣ сочувствіе Лермонтова, однако, съ годами мы видимъ признаки поворота въ отношеніяхъ поэта къ этому типу. Въ „Сказкѣ для дѣтей“ Лермонтовъ такъ говоритъ объ этомъ поворотѣ:

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотой,
Что было страшно... И душа тоской
Сжималася, и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами.

Какъ, однако, ни ясно въ этихъ словахъ прописчесьое отношеніе къ прежнему любимому образу титанической силы, отдѣлаться отъ него одними стихами еще мало, и нужно этому образу противопоставить другой, который бы обнаружилъ его слабыя стороны. Подобное критическое противопоставленіе мы находимъ у Лермонтова въ его романѣ „Герой нашего времени". — И этотъ романъ, какъ и многія другія произведенія Лермонтова, имѣетъ связь съ произведеніями Пушкина. Какъ указалъ одинъ изъ критиковъ, сходство есть въ фамиліяхъ героевъ Пушкина и Лермонтова (Онѣгинъ — Онега, Печоринъ — Печора) и во многихъ подробностяхъ обоихъ романовъ, напр., отношенія Печорина и Грушницкаго напоминаютъ отношенія Ленскаго и Онѣгина, и даже ссора, ведущая къ дуэли, въ обоихъ романахъ происходитъ на балу. Важнѣе всего, однако, сходство въ отношеніяхъ поэтовъ къ своимъ главнымъ героямъ: какъ Пушкинъ, задумавъ написать сатирическій романъ, развѣнчалъ Евгенія Онѣгина, такъ и Лермонтовъ осудилъ въ лицѣ Печорина типъ скитальца, разочарованнаго во всемъ и вслѣдствіе этого разочарованія доходящаго до крайняго эгоизма.

Хотя Печорину Лермонтовъ придалъ много чертъ своего собственнаго характера, — тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что онъ осудилъ этотъ типъ. Присутствіе этихъ автобіографическихъ чертъ въ характерѣ Печорина нисколько не противорѣчитъ такому утвержденію: Лермонтовъ далеко не былъ такимъ человѣкомъ, который очарованъ самъ собою, — недовольство собою было въ немъ очень сильно. Развѣнчивается Печоринъ чуть ли не съ самаго начала романа; уже въ предисловіи Лермонтовъ говоритъ, что Печоринъ есть „портретъ, составленный изъ всѣхъ пороковъ нашего времени въ полномъ ихъ развитіи". Затѣмъ въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ о разочарованныхъ людяхъ, Лермонтовъ замѣчаетъ, что разочарованіе есть „мода, которая донашивается въ низшихъ классахъ"; о героѣ нельзя говорить такимъ образомъ, если его признавать дѣйствительно героемъ. Наконецъ, самое существенное, что заставляетъ насъ настаивать на развѣнчаніи Лермонтовымъ Печоринскаго типа это противопоставленіе Печорину Максима Максимыча. Максимъ Максимычъ не отличается особенно высокимъ обра-

зованiемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ, въ его различныхъ сужденiяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски-незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланiемъ Бѣлинскаго: „Дай Богъ поболѣ встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимовичей“.

Не образованiе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимычу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Рассказывая объ объясненiи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимычъ говоритъ: „Повѣрите ли, я, стоя за дверью, тоже заплакалъ, то-есть знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость“... Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ. — „Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы: — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила“. Конечно, мы поймемъ, что „глупость“ случилась съ Максимомъ Максимычемъ не отъ того, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная. А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимычъ Печорина, и какое глубокое сочувствiе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданiя съ Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды, какъ онъ намъ симпатиченъ и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, человѣка, заѣденнаго рефлексiей! Въ этомъ противопоставленiи Печорина Максиму Максимычу заключается задатокъ той идеи, на которой построены многiе романы Достоевскаго, идеи противопоставленiя людямъ рефлексiи, часто очень умнымъ, людей „простыхъ“, но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскiй въ романѣ „Идiотъ“ называетъ „главнымъ умомъ“, людей отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлектирующихъ, точно такъ же, какъ Максимъ Максимычъ выше Печорина.

Обращаясь отъ образовъ къ непосредственному выраженiю чувствъ поэта въ его лирическихъ произведенiяхъ, мы тоже замѣтимъ преобладанiе мрачнаго мотива разочарованiя, неудовлетворенности жизнью вслѣдствiе высокихъ требованiй, предъявляемыхъ къ ней поэтомъ. Лучше всего идеаль-

ныя стремленія представлены Лермонтовымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи „Ангелъ", изъ котораго мы видимъ, что поэтъ томится той дѣйствительностью, которая его окружаетъ, онъ какъ бы вспоминаетъ лучшій небесный міръ, котораго ему никакъ не можетъ замѣнить земное существованіе.

Среди людей, въ свѣтѣ поэтъ чувствуетъ себя всегда почти одинокимъ, и это не можетъ не вызывать въ немъ грустнаго настроенія, которое изливается уже въ юношескомъ стихотвореніи „Одиночество". Поэтъ говоритъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный.
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны.
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный —
Онъ ждетъ; что жъ медлить надъ землей!
Никто о томъ не сокрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Тѣ же безотрадныя мысли видимъ мы и въ стихотвореніи „Смерть".

Закатъ горитъ огнистой полосой:
Любуясь имъ безмолвно подъ окномъ,
Быть-можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мной.
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ:
То мысль о ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...

Къ тому же 1830 году относятся два стихотворенія съ одинаковымъ заглавіемъ „Смерть", выражающія такія же

тягостныя мысли поэта. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ желаніи быть „дальше, дальше отъ людей“, а въ другомъ рѣшительно заявляетъ:

Довольно въ мірѣ пожилъ я, —
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя и любя.

Если жизнь обманула поэта, то онъ отказывается вѣрить въ возможность счастья. Въ одномъ изъ стихотвореній 1831 г. онъ говоритъ:

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно, —
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ-быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Отсюда является какая-то постоянная тревога, такъ хорошо изображенная въ „Парусѣ“: поэтъ „счастья не ищетъ“, потому что въ него не вѣритъ, ему нуженъ только покой, и въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу“ онъ говоритъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ желалъ забыться и заснуть и т. д.

Кромѣ покоя поэтъ ищетъ свободы, и это стремленіе къ свободѣ особенно сильно высказывается въ стихотвореніи „Отворите мнѣ темницу“. Разочарованіе доходитъ у Лермонтова до крайняго предѣла въ стихотвореніи „И скучно и грустно“. Здѣсь поэтъ, отказавшись отъ любви, отъ всякихъ желаній, восклицаетъ въ отчаяніи:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Дальше этого разочарованіе, отрицаніе жизни идти не можетъ.

Бороздинъ.

Условія жизни, способствовавшія преобладанію протестующаго характера поэзіи Лермонтова противъ несовершенствъ жизни.

Преобладающей чертой творчества М. Ю. Лермонтова, этого геніальнаго преемника Пушкина, признается обыкновенно разочарованіе въ существующемъ складѣ жизни, энергичный протестъ противъ несовершенствъ этой жизни. Причины этого разочарованія и протеста указываются частью въ обстоятельствахъ біографіи поэта, частью въ литературныхъ вліяніяхъ, частью въ разладѣ между возвышенными идеалами поэта и жизнью окружавшаго его общества. Конечно, всѣ эти причины имѣютъ далеко не одинаковое значеніе, а поэтому мы считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Уже съ самаго дѣтства въ жизни поэта замѣчаются такіе факты, которые далеко не могли содѣйствовать выработкѣ въ немъ, бодраго, жизнерадостнаго настроенія. Ранняя смерть матери была для Лермонтова первымъ тяжелымъ ударомъ: онъ почти не зналъ ласкъ матери, хотя неясный образъ этой нѣжной женщины навсегда сохранился въ его памяти. Впечатлѣніе глубоко таилось въ его душѣ, какъ видно изъ замѣтки, относящейся къ 1830 г.: „когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ея я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать“.

Лишившись матери, Лермонтовъ становится свидѣтелемъ раздора между своей бабушкой и отцомъ, и, конечно, это обстоятельство не можетъ пройти для него безъ слѣда: оставалось горькое воспоминаніе объ этомъ раздорѣ. Но и кромѣ этого обстановка дѣтства была далеко не соотвѣтствующею нормальнымъ воспитательнымъ требованіямъ, какъ это легко можно видѣть изъ слѣдующаго „отрывка изъ неоконченной повѣсти“, въ которой подъ видомъ Саши Арбенина, Лермонтовъ рисуетъ самого себя: „Сашѣ было съ ними (дворовыми дѣвушками) очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали на-перерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами храб-

рости и картинами мрачными и противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ, онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ уже умѣлъ прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ наклонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бы не пришла на помощь корь — болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными дѣтскими забавами дѣтей, онъ началъ ихъ искать въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури".

Ненормальность обстановки дѣтскихъ лѣтъ поэта выражается и въ его раннемъ любовномъ увлеченіи: уже 10 лѣтъ онъ полюбилъ какую-то дѣвочку, и характеръ этого увлеченія былъ сильно отличенъ отъ подобныхъ проявленій чувства у другихъ дѣтей. Если нельзя назвать нормальнымъ

воспитаніе Лермонтова въ раннемъ дѣтствѣ, то въ одинаковой степени не было нормальнымъ его развитіе въ отрочествѣ и юности. Чтеніе вызываетъ въ немъ рядъ мыслей, не соотвѣтствующихъ возрасту и той обстановкѣ, въ которой приходится ему вращаться. Отсюда является какая-то сосредоточенность, какое-то стремленіе удалиться отъ сверстниковъ, скрыть отъ нихъ свою глубокую душевную работу. Уже въ юности Лермонтовъ начинаетъ носить маску: онъ старается казаться удальцомъ, при чемъ въ этой удали есть не мало пошлости, составляющей общую черту того круга, въ которомъ онъ жилъ; но черновыя его тетради показываютъ, что онъ думаетъ совсѣмъ не объ этихъ удалыхъ похожденіяхъ, что его духъ возносится къ высшимъ идеальнымъ запросамъ. Эта же двойственность въ поведеніи остается у Лермонтова почти до самой его смерти.

Что касается литературныхъ вліяній, то, какъ извѣстно, они были многочисленны, и самымъ сильнымъ изъ нихъ признается вліяніе Байрона. Однако, если вдуматься въ поэзію Лермонтова, то и это сильное вліяніе значительно придется ограничить, такъ какъ Байронъ увлекаетъ нашего поэта по родственности настроенія. Разочарованіе могло возникнуть у Лермонтова и самостоятельно, а Байронъ своей мрачной поэзіей даетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже раньше назрѣли въ душѣ нашего писателя. Можно много говорить о вліяніи Пушкина, Барбье, Шиллера и др., но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти вліянія были скорѣе формальны, что Лермонтовъ всегда стремился быть самимъ собою.

Наконецъ, касаясь третьяго изъ указанныхъ выше мотивовъ, несоотвѣтствія идеаловъ поэта съ окружающею дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе С. А. Андреевскаго. „Неизбѣжность высшаго міра,— говоритъ нашъ критикъ-поэтъ,— проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь — ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти — громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ; онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію

всѣхъ его издателей, всегда начинается „Ангеломъ“, составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно, его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для „печали и слезъ“, всегда здѣсь „томилась“ и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

Конечно, возвышенный идеализмъ, прекрасно охарактеризованный въ приведенныхъ словахъ г. Андреевскаго не могъ мириться, какъ полагаетъ критикъ, ни съ какою дѣйствительностью, и было бы узко, если бы мы стали объяснять протестъ Лермонтова исключительно его недовольствомъ современной ему русской жизнью. Мы согласны съ г. Андреевскимъ, что многіе упреки Лермонтова людямъ могутъ быть повторены въ какую угодно эпоху; не можемъ отвергнуть и того мнѣнія критика, что среди современниковъ Лермонтова были свѣтлые люди, что „его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ, — поколѣніе сороковыхъ годовъ“; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать, чтобы обличенія этого поколѣнія дѣлались Лермонтовымъ исключительно „съ космической точки зрѣнія“. Во-первыхъ, уже чисто-формально „Дума“, написанная въ 1883 г., не могла относиться къ людямъ сороковыхъ годовъ; а во-вторыхъ, даже устраняя это формальное возраженіе, такъ какъ подъ именемъ „людей сороковыхъ годовъ“ мы часто подразумѣваемъ и идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, мы все-таки не понимаемъ, какъ можно съ этими идеалистами, работавшими въ тиши кружковъ, отождествлять все тогдашнее общество: вѣдь въ этомъ обществѣ идеалисты были свѣтлыми и рѣдкими исключеніями, огромное же большинство состояло изъ крѣпостниковъ, фрунтовиковъ, людей индифферентныхъ къ высшимъ духовнымъ запросамъ: среди этой массы идеалисты если не бывали въ такомъ же полукомическомъ положеніи, какъ Рудины, то во всякомъ случаѣ оказывались „героями безвременья“.

Это-то самое современное ему поколѣніе вызывало въ Лермонтовѣ грустныя чувства, такъ ярко выразившіяся въ его „Думѣ“. Эти люди старятся въ бездѣйствіи, „къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнные рабы“.

Мечты поэзіи, созданія искусства (говоритъ Л.)
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Понятно, что будущее такого поколѣнія должно быть „иль пусто, иль темно". Печально заключаетъ поэтъ свою думу:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда,
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькой обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ".

Поколѣніе, къ которому обращается поэтъ, заражено безвѣріемъ, оно со скептицизмомъ, вполнѣ равнодушно относится ко всѣмъ нравственнымъ требованіямъ; оно холодно къ высшимъ жизненнымъ задачамъ и потому остается въ полномъ бездѣйствіи. Эту черту нравственнаго индиферентизма, бездушія, холоднаго бездѣйствія поэтъ отмѣчаетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и глубоко ею возмущается. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ о ней отзывается въ стихотвореніи „Волны и люди".

Волны катятся одна за другой
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпой
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей,
Люди хотятъ имѣть души... И что же?
Души ихъ волнъ холоднѣй.

Иногда эти холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ хуже, чѣмъ бездѣйствіе: оно влечетъ за собою горе для всѣхъ окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы, напримѣръ, Печоринъ и Арбенинъ.

Если „Дума" и стихотвореніе „Волны и люди" такъ же, какъ и юношеское произведеніе „Два Сокола" могутъ раз-

смативаться, какъ выраженіе разочарованія въ людяхъ вообще, безъ всякаго отношенія къ поколѣнію, которое было современно поэту, то намъ извѣстна жестокая характеристика несомнѣнно уже этого общества въ знаменитомъ стихотвореніи „На смерть Пушкина". Съ чисто ювеналовскимъ паѳосомъ обличаетъ здѣсь молодой поэтъ „безчувственныхъ невѣждъ", „клеветниковъ безбожныхъ", „свободы генія и славы палачей". Мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченнымъ мотивомъ міровой скорби, а съ вполнѣ опредѣленнымъ протестомъ противъ общества, равнодушнаго къ высшимъ нравственнымъ запросамъ, и не только равнодушнаго, но даже враждебнаго къ тѣмъ, что ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе этихъ запросовъ.

Въ противоположность этому общественному индеферентизму, въ самомъ поэтѣ жила неукротимая жажда дѣятельности. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы на служеніе людямъ. „Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ, говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „11 іюня 1831 года".

Въ минувшее проникнувъ, различитъ
Въ немъ мало дѣлъ мы можемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не можетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать,
Когда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь, *Бороздинъ.*

Мотивы поэзіи Лермонтова, вносившіе успокоеніе въ его разочарованную душу.

Для Лермонтова дѣйствительно открывалась возможность исхода изъ его разочарованія въ другихъ мотивахъ, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе выражались въ его поэзіи. Прежде всего изъ этихъ мотивовъ надо выдвинуть религіозное настроеніе, такъ ярко рисующееся намъ въ стихотвореніяхъ: „Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою", „Когда волнуется желтѣющая нива", „Въ минуту жизни трудную". Изъ этихъ стихотвореній мы видимъ, что сомнѣнія покидали

поэта, что онъ проникался вѣрой, видѣлъ въ небесахъ Бога и признавалъ возможность постигнуть счастье на землѣ. За религіозными слѣдуютъ мотивы любви и дружбы; припомнимъ, напр., такія стихотворенія, какъ „памяти князя А. И. Одоевскаго“, „Разстались мы, но твой портретъ храню я на груди своей“. Далѣе идетъ рядъ произведеній, показывающихъ, что Лермонтовъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать и цѣнить простую русскую жизнь. Таково, напр., его стихотвореніе „Родина“, выражающее то же настроеніе, что мы находимъ у Пушкина въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Таково же и слѣдующее замѣчательное стихотвореніе „Изъ альбома С. Н. Карамзиной“.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Рядомъ съ этой любовью къ простотѣ русской жизни является у Лермонтова, подъ вліяніемъ, можетъ-быть, славянофиловъ, критическій взглядъ на западно-европейскую жизнь и сознаніе великихъ задачъ, предстоящихъ Россіи. Критическое отношеніе къ Западу выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ строкахъ изъ стихотворенія „Умирающій гладіаторъ“:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей —
Осмѣянный ликующей толпой.
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно, для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;

Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья —
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Сознаніе силы Россіи и великихъ задачъ, которыя ей предстоитъ разрѣшить, ясно высказано Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ „Бородино" и „Споръ".

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайно важнымъ средствомъ, которое могло спасти поэта отъ разочарованія, была проявлявшаяся у него объективность творчества. Въ этомъ отношеніи недосягаемымъ образцомъ можетъ служить его знаменитая „Пѣсня про купца Калашникова", о которой уже сказано выше.

Все это позволяетъ примѣнить къ Лермонтову тѣ же слова, которыя онъ сказалъ о кн. А. И. Одоевскомъ:

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Бороздинъ.

Герой нашего времени.

Романъ „Герой нашего времени" начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Койшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное — они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время какъ его телѣжку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкою двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ, куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?
Онъ молча опять поклонился.
— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?
— Такъ-съ точно...: съ казенными вещами.
— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку че-

тыре быка тащатъ шутя, а мою пустую шесть быковъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

Да такъ-съ! ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа — съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудовой службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ „чортъ возьми“, и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ „тысяча бомбъ“, безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака, а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и

привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него „жить“ значитъ „служить“, и служить на Кавказѣ; „азіаты“ — его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ, — нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты „азіаты“ обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія, — и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ громко прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. „Вѣдь этакой народъ, — сказалъ онъ, — и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: офицеръ, дай на водку! Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...“

Вотъ, наконецъ, путешественники наши добрались до станціи и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое — людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно втаскиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолкѣ. Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

— Жалкіе люди! сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. — Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ, по крайней мѣрѣ, наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно осетины!*

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго брода, — знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче, слава Богу, смирнѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валы, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. *А молодцы!..*

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался.

И вотъ, Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ-три черты — и передъ вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете. „Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался“: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!.. Принявъ поданный ему стаканъ чаю, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: „да, бываетъ!“ Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

— Не хотите ли подбавить рома? сказалъ я своему собесѣднику. — У меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, а

ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичь узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропащій человѣкъ!

Услыхавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ, — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

Вотъ начало поэтической исторіи „Бэлы". Максимъ Максимычъ разсказывалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться, — тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ...

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

•

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ; славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣху. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть, богатый человѣкъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго ли онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, такіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя! воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ, я вамъ разскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ подпималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья, и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. „Эй, Азаматъ, — говорилъ ему Максимъ Максимычъ, — не сносить тебѣ головы: яманъ будетъ твоя башка!“ Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. „Погодите, сказалъ я усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ“.

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

— Какъ бы сказать?... въ родѣ комплимента.

— А что такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескать*, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ по-ихнему. „Какова?“ шепнулъ онъ Печорину. — „Прелесть! А какъ ее зовутъ? — „Бэлою“.

„И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу“. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ черкесъ Казбичъ. Онъ

былъ и мирнымъ и немирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хотя онъ не былъ замѣченъ ни въ какой шалости. Но мы почитаемъ необходимымъ вполнѣ обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. „Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на лошадь: вороная, какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы, а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это недаромъ. Такъ какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться и вздумалъ кстати провѣдать лошадеи. Тутъ, за заборомъ, онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадь Казбича, на которую давно зарился, а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, разсказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполнѣ знакомитъ читателя съ черкесами, какъ племенемъ, и въ немъ могучею художническою кистью обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. „Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего карагёза“, сказалъ Азаматъ. — *Іокъ*, не хочу, — равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама вливается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышитъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе — медленная пытка на маломъ огнѣ,

а для удовлетворенія, жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ увидѣлъ Карагёза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, — что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать, что онъ разсказываетъ о любви или ревности, — чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. „На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой, съ своею стройною поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь!“ Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. „Послушай! сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ, — видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! Не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?...“

Казбичъ долго молчалъ и, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія черкеса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ — завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, льстилъ ему. „Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на

моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!“ — „Меня!“ крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. „Будетъ потѣха!“ подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздалъ коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы и ускользнулъ.

— Никогда не прощу себѣ одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать, началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; Максимъ Максимычъ заговоритъ о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азаматъ, видимо, блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (названіе, которымъ всѣ дѣти очень оскорбляются!), а Карагёзъ такая чудная лошадь!... И вотъ — однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меду; Максимъ Максимычъ велѣлъ привести на другой день. „Азаматъ, — сказалъ Печоринъ, — завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня“. Хорошо! сказалъ Азаматъ, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой) лежала женщина, съ связанными ногами и руками, съ головой, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпость съ своимъ товаромъ: Максимъ Максимычъ попотчевалъ его чаемъ, и потому что (говорилъ онъ) хотя разбойникъ онъ, „а все-

таки былъ моимъ кунакомъ". Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: „моя лошадь! лошадь!" выбѣжалъ вонъ, перескочилъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азаматъ; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промаха, завизжалъ, вдребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азаматъ, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бэлы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте, что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки! пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ:

— Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся, — сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?...

Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ втупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что, если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.

— Вовсе не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь?

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ втупикъ.

— Послушайте, Максимъ Максимычъ, — сказалъ Печоринъ, приподнявшись, — вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадите дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее, — сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть; сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ, пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу

лужанщину, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня, — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непремѣнно должно согласиться.

Нѣтъ ничего тяжелѣе и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью — прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? Цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ разсказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу, и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь разсказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубоко-знаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнью, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать по-своему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бэла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивала ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски.

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что̀ имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмо-

трѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состоянiи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, т.-е., знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ, глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы, — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ перваго взгляда. Да, эта была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не скоро. Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря много, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастiе въ этой жизни?... Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бэла!...

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участiи въ похищенiи Карагёза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенiю; когда же ей сказали, она два дня поплакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что забывалъ для нея охоту, и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять и все чаще и чаще. „Нехорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ), вѣрно между ними пробѣжала черная кошка!“ Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ, и увидѣлъ Бэлу такою блѣдненькою, такою печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенiя, она сказала ему:

— А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!...

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

Правда, правда,— отвѣчала она,— я буду весела! — и съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали. . Пренепріятное положеніе-съ!

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣсу и, саженяхъ во ста отъ нихъ, началъ, какъ бѣшеный, кружиться. Бэла узнала въ немъ Казбича...

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра часовъ до десяти напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. „Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что̀ задумаетъ, подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ“. Однакожъ, послѣ полудня, они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бэлу, которая вышла за

крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бэлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся — на землѣ лежала раненая лошадь, и возлѣ нея Бэла — она была ранена, и кровь лилась изъ ранъ ручьями...

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя: мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. „Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка“ (то-есть, по-нашему душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.— „Я умру!“ сказала она. — Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно; она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

„Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

„Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю: что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ“.

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: „воды! воды!“

Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только все это не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертію ни разу не вспомнила обо мнѣ; а кажется, я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И въ правду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?...

„Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!... Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки за спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно. Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ, онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

„На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка..."

Просимъ извиненія за множество выписокъ и у автора и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ „Бэлы". Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается; напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь перечувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ большею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія, или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ черкесъ увезъ было ее, но, видя себя почти пойманнымъ, бросилъ, нанесши ей рану, отъ которой она умерла: вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтическаго, ни особеннаго, ни занимательнаго, а все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтическаго, напримѣръ, и въ содержаніи Шекспирова „Отелло"? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ то же. Но изъ всей этой тысячи только одного „Отелло" знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ сцѣпленіи случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо, словомъ — въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть готово въ душѣ художника прежде, нежели

онъ возьмется за перо: написать — для него уже второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не расчисляетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т.-е. какую нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлію роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя „Бэла": вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листахъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: „Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, что бы съ ней сталось, если бы Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!..."

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и

дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозрѣваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любуется Бэлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь — и за что? — спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: „не то, чтобы любилъ, а такъ — глупость!“ Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бэла — Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертью, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ справедливое требованіе... Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностію? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобъ тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуры во весь ростъ, съ національною физіономіею и въ національномъ костюмѣ!...

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одинокость дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ — тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дымной и гладкой саклѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли: товарищъ этотъ — пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговорился объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: „А что, много съ вами бывало приключеній?“ такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилого: „Какъ не бывать! бывало...“ Но это не приступъ

къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: „почему?“ молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его зачечься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи — тревоги нѣтъ, „да какъ тутъ еще водка — пропащій человѣкъ“, отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ онъ обращается къ черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ бы не хочетъ навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: „Какъ же это случилось?“ — „Вотъ изволите видѣть“ — и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея — страстное желаніе мальчика-черкеса имѣть лихого коня, и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. Итакъ, все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: „Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ сидя за заборомъ; онъ посмѣялся, — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что“. Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ расчета и соображенія: онѣ плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бэлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Во Владикавказѣ авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, „балованнаго слуги лѣниваго барина“, Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. „Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой! да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?“ Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. — „Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно“, отвѣчалъ слуга. — „Ну такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы, съ твоимъ бариномъ были пріятели“, прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться... — „Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете“, сказалъ тотъ нахмурившись. — „Экой ты, братецъ!... Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?“ Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. „Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?“ сказалъ Максимъ Максимычъ: „или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку“... Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. „Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!...“ сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: „пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н***!“

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чаю и, наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ

ходить, ковырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. „Мнѣ надо сходить къ коменданту", сказалъ онъ: „такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мною". Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, а результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: „Если вы захотите еще немного подождать,— сказалъ я, — то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ"...

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: — мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— А ты?... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: — сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...

— Ѣду въ Персію и дальше...

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Столько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?.. что подѣлывали?...

— Скучалъ!... отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охотниковъ!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла...

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся.

— Да, помню!... сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. „Мы славно пообѣдаемъ“, говорилъ онъ: „у меня два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?...“

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... — прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть!“ проворчалъ онъ: „я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами!... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...“

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: — неужели не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже начиналъ подбирать вожжи.

— Постой! постой! закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски: — совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?...

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ. — Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко. Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который проговорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ уже весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не узнали его лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній.

— Максимъ Максимычъ, — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— Богъ его знаетъ! какія-то записки.
— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?
— Что? я велю надѣлать патроновъ.
— Отдайте ихъ лучше мнѣ.
Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.
— Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ: — поздравляю васъ съ находкою...
— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу.
— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу; онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля ваша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то-есть, не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово. Что дѣлать?.. есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?
— Нѣтъ-съ.
— А что такъ?
— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кое-какія казенныя вещи.
— Да вѣдь вы же были у него?
— Былъ, конечно, — сказалъ онъ, запинаясь, — да его дома не было... а я не дождался...
Я понялъ его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отъ роду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ!
— Очень жаль, — сказалъ я ему, — очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.
— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.
— Я не заслужилъ этихъ упрековъ Максимъ Максимычъ.
— Да я, знаете, такъ, къ слову говоря; а впрочемъ желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ мла-

денцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь не опытнымъ во всемъ, что̀ выходило за тѣсныя кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, а если встрѣтите подъ грубою наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью — теплоту души, то, вѣрно, скажете: „это Максимъ Максимычъ"?.. И дай Богъ вамъ побольше встрѣтить на пути вашей жизни Максимовъ Максимычей!..

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа — „Бэлу" и „Максима Максимыча": каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая — повѣсть; вторая — эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести вовнѣ все внутреннее, крывшееся въ ней, какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ, и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Иванами Никифоровичами, Аѳанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ „Бэлѣ" и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ однакожъ незнакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти — только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: всѣ они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ, и не черезъ поэта, который хоть и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки, а чрезъ него же самого: мы готовимся читать

его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ „запискамъ".

Первое отдѣленіе ихъ называется „Тамань", и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попрежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпого мальчика лѣтъ 14 и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди — контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку — онъ было поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хвать за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ, мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла, онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени, она удалилась съ Янко, какъ видно, однимъ изъ главныхъ дѣйствователей контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ: это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не

рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписывать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица — какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа — онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностію безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и „Княжна Мери“. Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея — или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ — портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснитъ нашу мысль.

Начинаемъ съ 7-й страницы. Печоринъ въ Пятигорскѣ, у Елизаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ — юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполненію это лицо стоитъ Максима Максимыча: подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій — идеальный молодой человѣкъ, кото-

рый щеголяетъ своею идеальностью, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а „львы" — ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгіевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще, „производить эффектъ" — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ и романтическихъ провинціальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, „не трогаетъ просто-прекрасное и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія". Въ ихъ душѣ, — прибавляетъ онъ, — часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи". Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: „подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами, — иногда тѣмъ и другимъ". Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько-нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполнѣ знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень не долюбливаетъ Печорина за то, что тотъ его понялъ. Печоринъ тоже не любитъ Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не сдобровать.

Они встрѣтились, какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій напалъ на общество, съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. „Нынѣшній годъ, — говорилъ онъ, — изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель, какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, — тяжело, какъ милостыня". Въ это время прошли мимо нихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью, Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что „этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованною фуражкой и сердце подъ толстою шинелью!" Звонкою фразою, громко сказанною по-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: „Эта княжна Мери пре-

хорошенькая. У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ, — нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу!“ — „Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади“ — сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ — Печоринъ надъ ними тѣшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіаста обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя въ ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы не похожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лицо—медикъ Вернеръ.

Въ беллетристическомъ смыслѣ, это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели, что́ онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ: это образецъ граціозной шутливости и, вмѣстѣ, полнаго мысли остроумія (стр. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное — о Лиговскихъ. „Что́ вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?“ спросилъ Печоринъ. — „Вы очень увѣрены, что это княгиня, а не княжна?“ — „Совершенно убѣжденъ“. — „Почему?“ — „Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ“. — „У васъ большой даръ соображенія“, отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. „Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?“ — „Разумѣется“. — „Завязка есть!“ закричалъ Печоринъ въ восторгѣ: „объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно“. Далѣе, Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая — этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ приплетала свои, а дочка слушала со вниманіемъ, — въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину — блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти видимо взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ, онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ — отнестись о немъ дурно. „Пожалуй!“ отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая безпокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и иронія—больше свѣтская привычка, нежели черта характера. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю — ничего!“

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ разсказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захожденія солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо него съ матерью, — и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и заглаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе бѣсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгинею и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любитъ: Грушницкій конфузится, говоритъ: „какой вздоръ!“ и самодовольно улыбается. „Другъ мой, Печоринъ“, говорилъ онъ: „я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!...“ — „Да, она недурна!“ сказалъ съ важностью Печоринъ: „только берегитесь, Грушницкій!“ Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ ей будетъ скучно двѣ минуты сряду — онъ погибъ; что, пакокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь урода, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ и станетъ увѣрять

себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, т.-е. Грушницкаго, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстою сѣрою шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. „Я внутренно хохоталъ (слова Печорина) и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные, — и тутъ-то я буду наслаждаться!“

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкою, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самой. Но здѣсь мы должны выпиской дать понятіе объ ихъ отношеніяхъ.

— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла. — „Я знала, что вы здѣсь“, — сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами, — въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались, — сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

— Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?...

— Я замужемъ!... сказала она.

— Опять? Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что же? онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, — наконецъ, прошептала она, — тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ,

какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не дала, кромѣ страданія[1]... Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

„Можетъ-быть“, подумалъ я, „ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!...“

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской и какъ потому Вѣра часто бываетъ у нея, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгинею.

Такъ какъ „Записки“ Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши большей части повѣсти. Посему, мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ, и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ — приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападенію черкесовъ.

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? говорила княжна.

— Что для меня Россія? отвѣчалъ ея кавалеръ: — страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ.

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu, un Circassien!... вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

„Откуда?", — Они любили Лиговскихъ, — сказалъ онъ очень важно. — Какъ Мери поетъ!" — „Знаешь ли что? — сказалъ я ему: я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный".

— Быть-можетъ! Какое мнѣ дѣло!... сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣреніе ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

„Ого"! думалъ я: — „у него видно есть уже надежда..."

— Впрочемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій, — теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбался. „Самый пріятный домъ для меня теперь мой", сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы идти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?...

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ.

— Даже, чтобы тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной.

На балѣ, въ ресторацiи. Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъявила желаніе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскій капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что „за этимъ дѣло не станетъ". Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ, — и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервали этотъ разговоръ. Печоринъ обернулся; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ, и среди нихъ драгунскій капитанъ потиралъ отъ удовольствія руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усами и красною рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ и, заложивъ руки на спину, уставивъ на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: „Пермете... ну, да что тутъ!... просто ангажирую васъ на мазурку..." Матери княжны не было вблизи; положеніе княжны было ужасно; она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ

къ пьяному господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцовать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствіемъ этой исторіи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Въ продолженіе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжною и нашелъ, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программою той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій попрежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намекѣ должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тиранически употреблялъ надъ нею. Но что́ же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну? — Нѣтъ. Стало-быть, онъ хочетъ обольстить ее? — Нѣтъ. Можетъ-быть, жениться? Нѣтъ. Вотъ что̀ онъ самъ говоритъ объ этомъ: „Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимою красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпріятія... Изъ чего же я такъ хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: „Мой другъ, со мною было то же самое! и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!“

Потомъ онъ продолжаетъ, — и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

„А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодою, едва распустившеюся душой! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать

въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданія органическія, — сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара".

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!... Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! „Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!..." хоромъ закричатъ, можетъ-быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что̀ сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе, — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете

человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И зато ваше инквизиторское аутодафе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ расчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ, и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью, — пусть!... Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!... Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницею всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ

врожденна его разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушаите, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

„Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ:* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своею собственною жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе*".

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія — если ему назначено дойти до него, — онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія: чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный обходъ, ворочаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того — благородный металлъ; кто сгорѣлъ или очистился, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно лишь одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли, — а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо ка-

кова бы она ни была эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но, — скажутъ, можетъ-быть, резонёры, — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце, и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такая же старая, какъ и „Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быструю"!... Литература восемнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques: однакожъ эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что̀ есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка, — искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели

мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій — земля; а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица — люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти цари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? Говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?... Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости: онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филлидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мушкахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляя мирную жизнь подъ соломенную кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овечекъ и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости. Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина — въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства - не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою

улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что суть человѣка въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія, — через то ли, что развучная струна снова настраивается, или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а слѣдовательно, и искусства. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей, — оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства, — и, какъ крайности сходятся, то оно вмѣстѣ съ моральными произведеніями составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самого разбираемого нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ и въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея о его производствѣ.

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?...

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?...

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? Какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и, вѣроятно, по твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...

— Эхъ, братецъ! На все есть манера: многое не говорится, а отгадывается.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она...— отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: — мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась — и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасть подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычокъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ, — другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, — не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкою; одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными; но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся — трудно рѣшить опредѣлительно; кажется, что тутъ было и то и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самими собою, всегда недовольны

всегда огорчены и желчны. Огорчение есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попалось имъ на глаза, все служитъ имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія, — они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать — они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ — они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ — вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго, — будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе, — и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокій и сильный, — не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазеечка изъ этой западни: „я дурень, но вѣдь и всѣ таковы". А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна, — и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурны, но, если и лучшій изъ людей не лучше васъ, — ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ, — имъ все равно, и желчная горесть ихъ равно искренна и непритворна. Мало того, начиная лгать съ сознаніемъ или начиная шутить — они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ — вопль души или когда они — фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнью души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе. Отъ чего родилось у него отчаяніе? — Видите ли, онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! воскликнете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ кле-

вещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *other* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого было не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ и за княжною, и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы: рука ея, опираясь на мою, трожала, щеки пылали: ей было жаль меня! — Сострадапіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустила свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала, а это великій признакъ!...

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою разсчитанною точностью ведетъ ее злой духъ по пути погибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ее; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣяна, грустна. „Любили ли вы? спросилъ ее Печоринъ. Она пристально на него посмотрѣла, покачала головою и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала съ чего начать; грудь ея волновалась. — „Не правда ли, я была сегодня очень любезна?“ сказала она при разставаньи съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто нея, отвѣтилъ самому себѣ: „Она недовольна собою, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно!“ — Бѣдная Мери!...

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью и мучила ею Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ — княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. „Я, — говоритъ онъ, — такъ живо изобразилъ мою

нѣжность, мои безпокойства, восторги, я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною".

На другой день балъ въ рестораціи. За полчаса до бала къ Печорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира. „Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжною?" сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. — „Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!" отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій попросилъ у него духовъ; несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадою, налилъ полсклянки за галстукъ, въ носовой платокъ и на рукава и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: „А ты звалъ ее на мазурку?" онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ее у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣянно его слушала, и отвѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки. „Нѣтъ, — говорилъ онъ, — лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ..." — „Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу", отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. „Я съ вами не согласенъ", отвѣчалъ Печоринъ: „въ мундирѣ онъ еще моложавѣе". Этотъ злой намекъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцовалъ или съ нею или vis-à-vis, вздыхалъ и надоѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она ужъ его ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Зачѣмъ ты съ нею танцуешь мазурку? спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Она мнѣ призналась...

— Ну такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?...
— Зачѣмъ же подавать надежды?
— Зачѣмъ же ты надѣялся?

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за радость бѣсить добраго малаго и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

„Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, — думалъ я, — мое единственное назначеніе — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія"?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствія перваго и разсуждаетъ о нихъ или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостью натуры и жалкостью дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто

не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху семейной жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни — результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляяся зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ итти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя, то съ радостною, то съ грустною улыбкою: „и все то благо, все добро!“ Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!... Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ.

Позабавившись съ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ тотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою.

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходить въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ — теперь настаетъ время пожинать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должно заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій, наконецъ, понялъ, что онъ одураченъ; но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего

позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина, и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности. „Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда настражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ — вотъ что̀ я называю жизнью!“ Ошибочное названіе! восклицаете вы, — и мы согласны съ вами: но сила всегда останется силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечомъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винитъ ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. „Авось, — говоритъ онъ, — ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы“. Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны — она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ. „Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!“ — Видите ли, какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекая другихъ, увлечься и самому!... Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, но отъ нечего дѣлать, однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но вѣдь трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ... На другой день онъ засталъ ее одну. Она была блѣдна и задумчива. „Вы на меня сердитесь?“ Она заплакала и закрыла лицо руками. „Что̀ съ вами?“ — „Вы меня не уважаете!...“ — отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тщеславной загадки насчетъ своего характера — и вышелъ; но, уходя, слышалъ, какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея

сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо!.. Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ.

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть Кольцо — скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду. — „Мнѣ дурно!“ — проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... „Что вы со мною дѣлаете! Боже мой!...“ говорила она: но онъ не обращалъ вниманія на ея слова — и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она, наконецъ, сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

— Или вы меня презираете, или очень любите! Можетъ-быть вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли, — прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: — не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся: къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите? продолжала она: — вы, можетъ-быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого? продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ. Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное.

— Зачѣмъ? отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажде-*

[illegible] добрымъ малымъ [illegible].

Что̀ такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою; словомъ, намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшного.. И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно. состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ бо̀льшую или мѐньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ услышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо проучить, что эти петербургскіе слётки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусъ. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушницкаго — имя княжны упоминается Впрочемъ, драгунскій капитанъ хочетъ только позабавиться надъ Печоринымъ, заставивъ его обнаружить свою трусость. Онъ предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ и въ пистолеты не положить пуль.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „хорошо, я согласенъ“.

Поутру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было странною развязкою пустой и ничтожной драмы,

которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе страшною развязкою.

— Вы больны? сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... я васъ обвиняла... можетъ-быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнають... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе, сжальтесь: вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжнѣ: — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: *я васъ не люблю.*

Ея губы слегка поблѣднѣли. — „Оставьте меня", сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ: онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатаническое величіе, и очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться, — прости любовь!... Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы, онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери и предрекла ему смерть отъ злой жены... Нѣтъ, это все не то!... Печоринъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвалъ любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ, бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочай-

мую награду и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужавшаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ тому только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ „несчастныхъ браковъ по любви“... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки; только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокій и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ, и удивиться, что ея намекъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?... Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно ея шипящей пѣны... Повторяемъ, онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя, то еще менѣе должно ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя или приписываетъ себѣ разные нечеловѣческіе свойства и пороки. Но винить ли его за это? — Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ

тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится, и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ, когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его,— ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности, но они правы передъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы передъ дѣйствительностью. Можно ли винить ихъ за несчастье. Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностью бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго — гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія,— и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ. Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначала ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ какъ своимъ, такъ и Лиговскимъ она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе.

На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности, онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова услышалъ за собою шаги, и человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо него. Печоринъ бросился на темную лѣстницу — дверь отворилась, и маленькая ручка схватила его за руку...

Около двухъ часовъ по полуночи Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь, и что-то толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что увидѣлъ онъ: „Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые во-

лосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была раскрытая книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко..."

Какъ много говорятъ эти немногія и простыя строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоинства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія разсказываютъ онѣ!... Бѣдная Мери!...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ; Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. „А-га!" сказалъ грубый голосъ: „попался!.. Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!..." — „Держи его крѣпче!" закричалъ другой голосъ, — и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Сильнымъ ударомъ по головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. „Воры! караулъ!" кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ, и дымящійся пыжъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже у себя дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва его человѣкъ успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: „Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?" — „Сплю", отвѣчалъ онъ имъ сердито. „Вставайте! — воры. . Черкесы..." — „У меня насморкъ, боюсь простудиться".

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи черкесовъ. На другой день утромъ Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ разсказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. „Надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи!" говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба

снова доставила Печорину случаи подслушать Грушницкаго. Этотъ послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. „Какова княжна?“ заключилъ онъ: „а? Ну ужъ, признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить; только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ“. Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости разсказаннаго имъ и, наконецъ, даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

— Скажи, скажи, кто же онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ, — отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза — я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ рестораціи мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называя его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъявлялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!...

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, разсказалъ ему все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. „Противъ васъ точно есть заговоръ“, сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на

томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго — насчетъ черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолеть Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастья, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. „Что жъ, — думалъ онъ, — умереть такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!...“ Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни!...“

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовится быть или убитымъ, или убійцею!... Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умышленныхъ софизмовъ блеститъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безправственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ правоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ со-

вѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что жъ тутъ дѣлать? разумѣется, итти впередъ, а чтобы вникаліе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна... Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ передъ собою или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтеръ-Скотта „Шотландскіе пуритане“, но еще и увлечься волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. „Я, говорилъ онъ, остался доволенъ собою“. Купанье въ Нарзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе? вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прости?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?...

— Хотите ли, докторъ, — отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ, Богъ знаетъ, какія небылицы; женщины, которыя,

обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей, и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его: первый, можетъ-быть, чрезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?...

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романическаго взгляда на жизнь; онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщая другу локонъ волосъ: не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ, и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни, и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ не и обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою“, и „ипохондріею“, и „мнительностію“, и „сомнѣніемъ“, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ фило-

софскомъ называется *рефлексiею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго ни философскаго значенiя этого слова, а скажемъ коротко, что въ состоянiи рефлексiи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствiи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣренiе, дѣйствiе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализуя его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣренiе и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ. — и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствiя, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ, и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творитъ насъ совѣсть;
Такъ яркiй въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнiю тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣянiй не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтическiй апоѳеозъ рефлексiи. Ужасное состоянiе!

Но это состоянiе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиться. При одномъ чувствѣ, человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущенiй, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣднiй. высшiй актъ разумности есть мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущенiй. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего, онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убiйства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознанiе необходимо совершается черезъ рефлексiю, бо-

лѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи Исключенія остаются только или за натурами чисто практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа и которыхъ жизнь — апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть, по премуществу, вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостію соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный, или философскій вопросъ. „Фаустъ" Гёте есть поэтическій апоѳеозъ рефлексіи нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, через великую реформу Петра. Дивно-художественная „Сцена Фауста" Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ — апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа, въ его чудно-поэтической „Думѣ", исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного „господина-сочинителя".

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!...

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, саженъ въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. „Каждый изъ насъ (говорилъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ, даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги: пулю докторъ выпетъ. И тогда можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться“... Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе — лицо его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику, или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: „пожалуй!“ и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако, онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись отъ него съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: „ты дуракъ! ничего не понимаешь!“

Взошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій — Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человѣка безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтовать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было хотѣлъ это сдѣлать. „Ни за что на свѣтѣ, докторъ!...“ отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку: „вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитымъ...“ — „О! это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...“ отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнувъ ему что-то, а другой Печорину. Печоринъ выдался впередъ, оперпись рукою о колѣно, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнями, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, не способнаго ни къ положительному добру ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и, блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: „не могу!“ — „Трусъ!“ отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался, пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлиться отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!...

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостью смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его, какъ собаку... Какъ бы для очистки

совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: „Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова и хорошенько!“ Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. „Дуракъ же ты, братецъ“, сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою: „пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ, какъ муха!..“ Печоринъ снова предложилъ Грушницкому — признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему объ ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художническій инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя сокровенныя таинства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ, сцену, которая поражаетъ своею ужасною, безпощадною истинностью и своею потрясающею эффектностью, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. „Стрѣляйте!“ отвѣчалъ онъ: „я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...“

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти! Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ; онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру ни къ дѣйствительному злу; но торжественное, трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы наперекоръ... необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ, и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего сопер-

ника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію через признаніе. Этотъ человѣкъ — апоѳеозъ мелочного самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки, — и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе — великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно родитъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, и которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный, на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки — одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ, — и это такъ поразило и взволновало ее, что она не помнила, что̀ отвѣчала ему, и только догадывалась, что то̀ было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину, — и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

„Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей при-

родѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ".

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. „Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ..."

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный, помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру, она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что̀ вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ безпрестанно змѣй зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышитъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Ессентуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ итти пѣшкомъ, но изнуренный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи — все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій — передъ вами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется: вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ, душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ; и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся“.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй не много бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле,— и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами и, наконецъ, заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

Прошло пять минутъ; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея,— а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большія глаза, наполненные неизъяснимою грустью, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна, — сказалъ я, — вы знаете, что я надъ вами смѣялся!... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: „Слѣдственно, вы меня любить не можете".

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкою, — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашею матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали. — „Я васъ ненавижу..." — сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ бѣдная Мери является въ такомъ безконечно-поэтическомъ апоѳеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истиною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?... Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто него, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долей! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ

себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуномъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

Такою лирической выходкой, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, замыкается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани, — теперь оно все передъ нами, во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя „Княжну Мери“, мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разсказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороху, приставилъ пистолетъ ко лбу, спустилъ курокъ — осѣчка!... Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку, — и когда дымъ разсѣялся, в ѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!... Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлек тельный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя — такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли

еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица. — Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть — фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпого случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ — явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ? — Здѣсь мы должны обратиться къ „Предисловію“, написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобы разразиться надъ его головою громомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки, — самая ея желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣткомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой и силится пересоздать ее по-своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ объ друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ недостаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть раз-

ражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности или какой-нибудь внѣшней связи, — истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы — и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ, видимо, находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи — удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ „Предисловія“ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. — „Да это злая иронія!...“ скажутъ они. — Не знаю.

Итакъ, „Герой нашего времени“ вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почесться злою ироніею, потому что большая часть читателей навѣрное воскликнетъ: „Хорошъ же герой!“ — А чѣмъ же онъ дуренъ? — смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не страшна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за

то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?... Вы говорите, что онъ эгоистъ? — Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля; пусть взрыхлитъ ее страданіе и оросить благодатный дождь, — и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его всѣ не любятъ, — и кто же эти „всѣ"? — пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи у тѣла издохшаго коня? — нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его — скажете вы — холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность? — Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее — обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое

торжество духа надъ природою? — и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результакъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: „Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый — оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ казаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно спокоенъ“. Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимомъ Максимычемъ, показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобы такъ жестоко быть наказану за зло?... Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

> Въ которыхъ отразился вѣкъ,
> И современный человѣкъ
> Изображенъ довольно вѣрно —

Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

„Хорошъ же современный человѣкъ!“ — воскликнулъ одинъ нравоописательный „сочинитель“, разбирая, или, лучше сказать, ругая седьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ —
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ не подражаніе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ геніальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ у насъ уже прошедшее и прошедшее невозвратное.

Если бы онъ явился въ наше время, мы имѣли бы право спросить, вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? — Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,

Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это — Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою. Иногда, въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ-быть, и невидимая самимъ поэтомъ...

Со стороны художественнаго выполненія нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онѣгинъ? — Лучшею характеристикою и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: „Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire“. Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ „въ чужѣ чувства уважалъ“, и что въ „его сердцѣ была и гордость и прямая честь“. Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось и котораго вся жизнь состояла въ томъ,

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько онъ обвиняетъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ не-

достаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія.

„Герой нашего времени" — это грустная дума о нашемъ времени.

Но со стороны формы изображеніе Печорина несовсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія: Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Моорѣ и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Варнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ-быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертерѣ" Гёте, и потому есть что-то

тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданія...

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ „Онѣгинѣ" всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить ни замѣнить. „Герой нашего времени" представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо, вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою или въ Тамани, могли бы быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе, основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что „Бэла", „Максимъ Максимычъ" и „Тамань", отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица — Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но „Княжна Мери", и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ художественна. Изъ лицъ, одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею заинтересовываться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ геройскому самоотвер-

женію; то видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззавѣтно, но которыя едва ли когда допустятъ истинно-глубокую женщину сносить тиранство любви. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого, она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія, — и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ „Предисловіи“ къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобы онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гете, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ „Вертера“, бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодатная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ-быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшенье, а въ пущее огорченіе моралистовъ; можетъ-быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того, чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ-быть, и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы

дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни, и въ достоинство женщины...

Бѣлинскій.

Однородность характеровъ Арбенина, Измаила. Печорина... и родственное ихъ отношеніе къ поэту.

Я желаю, по возможности, опредѣлить, въ чемъ заключается направленіе поэзіи Лермонтова, какъ оно выразилось и откуда оно взялось.

Поэтическая дѣятельность объясняется тѣми же самыми предметами, которые входятъ въ сферу всякой другой дѣятельности, какъ ея основные элементы. Такихъ элементовъ три. На первомъ планѣ стоитъ личность дѣятеля, со всею ея обстановкой, внутреннею и внѣшнею, отъ наклонностей природы до положенія въ свѣтѣ. Второе мѣсто занимаетъ современное поэту состояніе того общества, котораго онъ необходимый членъ, отъ котораго получаетъ непосредственное вліяніе и на которое самъ болѣе или менѣе дѣйствуетъ. Наконецъ третьимъ условіемъ развитія поэта служитъ умственное и нравственное настроеніе всей европейской жизни, задающее тонъ каждому отдѣльному народу, особенно такому, для котораго, по многимъ историческимъ причинамъ, періодъ заимствованій, подражательности сохраняетъ еще несомнѣнную значительность и силу. Указанные элементы можно уподобить концентрическимъ кругамъ, у которыхъ сосредоточіе одно — поэтическая дѣятельность, но которыхъ окружности не одинаковы по величинѣ своей. Откуда бы ни начали мы осматривать предметъ нашего наблюденія, изъ ближайшаго ли къ нему, или изъ отдаленнѣйшаго отъ него круга, результатъ выйдетъ одинъ и тотъ же: освѣщенная, опредѣленная дѣятельность поэта. Изслѣдованіе, правильно произведенное, покажетъ, какимъ образомъ развитіе общеевропейской и народной жизни, вмѣстѣ съ развитіемъ личности поэта, обусловило характеръ его дѣятельности; и, наоборотъ, разумное знакомство съ характеромъ поэтической дѣятельности опредѣлитъ, какъ именно отразились на ней всѣ три дѣйствующіе элемента: личный, національный и общеевропейскій. Отраженіе бываетъ иногда такъ ярко, что исторія сочиненій раскрываетъ вмѣстѣ исторію того времени, въ которое они

явились. Ломени, біографъ и критикъ Бомарше, имѣлъ право назвать свою книгу „Beaumarchais et *son temps*“.

Прежде сужденія о фактѣ, намъ нужно ясное представленіе факта: необходимо, по самымъ сочиненіямъ Лермонтова, познакомиться съ его идеаломъ. При этомъ непосредственномъ, личномъ, такъ сказать, знакомствѣ мы соберемъ воедино разсѣянныя въ повѣстяхъ и драмахъ типическія черты героя, какъ представителя направленія, отличающаго поэзію Лермонтова. Для достиженія нашей цѣли нѣтъ надобности держаться хронологическаго порядка пьесъ. Это и невозможно, потому что неизвѣстна въ точности послѣдовательность ихъ появленія; и неинтересно, потому что въ нашемъ намѣреніи интересъ сосредоточивается на представленіи идеала, котораго бо́льшая или ме́ньшая сила не всегда находится въ прямомъ отношеніи къ позднѣйшему или начальному періоду поэтической дѣятельности. Необходимая въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о постоянномъ развитіи авторскаго таланта, хронологія теряетъ свою особенную важность, когда критика полагаетъ своею задачею — опредѣлить направленіе поэта. Направленіе можетъ сказаться при первомъ дебютѣ такъ же ясно и сильно, какъ и въ послѣднемъ словѣ, иногда даже сильнѣе и опредѣлительнѣе. Часто мѣняется оно съ возрастающими успѣхами автора: въ дальнѣйшемъ пути своемъ онъ оставляетъ тѣ идеи, за которыя такъ усердно подвизался при началѣ поприща. Наконецъ, въ направленіи совершаются нерѣдко счастливые или несчастные возвраты къ прежнему: царство ума, на ряду съ ренегатами, имѣетъ и блудныхъ сыновей, съ покаяніемъ возвращающихся въ отеческій домъ: мысль, послѣ долгаго и извилистаго теченія, приближается снова къ мѣстамъ родного истока, какъ бы жалѣя, что разставалась съ ними такъ надолго и такъ напрасно.

Если же ясность и живость направленія не зависитъ отъ времени, когда появились поэтическія произведенія, то полнота и точность библіографическихъ данныхъ стоитъ въ сторонѣ, какъ предметы побочные, нужные для комментарія и справокъ, а не для основаній изслѣдованію. Въ поэтической дѣятельности Лермонтова, которую мы именно и разсмотримъ относительно ея содержанія, можно отправиться изъ какого угодно пункта, но придешь непремѣнно къ одному и тому же выводу.

Направленіе мыслей Лермонтова, его взглядъ на людей и природу, его міросозерцаніе выразилось прежде всего и преимущественно въ объективной поэзіи — въ характерѣ созданныхъ имъ лицъ, или вѣрнѣе, одного лица, постояннаго героя его поэмъ, повѣстей и драмъ. Къ нимъ и должны мы обратиться.

Во второмъ отрывкѣ изъ неоконченныхъ повѣстей является на сцену Александръ Сергѣевичъ Арбенинъ, десятилѣтній мальчикъ. Описаніе его душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ показываетъ, какой человѣкъ долженствовалъ выйти изъ такого дитяти. Характеръ Саши чрезвычайно замѣчателенъ: природа, вмѣстѣ съ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, дала ему наклонность къ разрушенію, страстные порывы къ безпокойству и тревогѣ. Разсказы раболѣпной дворни о разбойникахъ наполнили его воображеніе картинами мрачными, понятіями противообщественными. Шести лѣтъ онъ уже мечталъ, заглядываясь на красоты природы: онъ любилъ смотрѣть на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно въ его дѣтскую кроватку. Герой поэмы „Измаилъ Бей" раздѣлялъ съ Арбенинымъ ту же наклонность:

Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя вершины,
Разливъ зари и льдистыя картины,
Блестящія на небѣ голубомъ.

Глубокое сочувствіе къ міру физическому, составляя неотъемлемую принадлежность подобныхъ людей, какъ бы вознаграждаетъ ихъ за то, что они немногому сочувствуютъ въ мірѣ человѣческомъ. Семи лѣтъ Саша выказывалъ повелительность, гордость и презрѣніе. Долговременный и опасный недугъ развилъ въ немъ душевную крѣпость: онъ привыкъ побѣждать страданія тѣла грезами и мыслями. То же самое мы видимъ въ шестилѣтнемъ Мцыри: мучительная болѣзнь „развила въ немъ могучій духъ его отцовъ". Если бъ, говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ Чернецу,

. . . Хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ, —

слова, повторенныя Арсеніемъ игумену (въ поэмѣ „Бояринъ Орша"):

> И если хоть минутный крикъ
> Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
> Я вырву слабый мой языкъ.

Такимъ образомъ подъ разными именами — Арбенина, Измаилъ-Бея, Мцыри, выступаютъ передъ нами черты одного и того же лица, еще въ первомъ дѣтскомъ періодѣ его жизни. Дальнѣйшій анализъ покажетъ, что черты эти нисколько не измѣнились и въ другихъ возрастахъ, при увеличившемся числѣ типовъ, созданныхъ Лермонтовымъ. Отрывокъ, о которомъ говоримъ мы, знакомитъ читателя съ дѣтскими годами Арбенина. Что̀ именно вышло бы изъ него дальше — неизвѣстно: повѣсть только что начата. Авторъ называетъ его „чудакомъ", по рѣдкости страстныхъ людей, какимъ былъ Арбенинъ, въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ. И дѣйствительно, онъ оказался такимъ въ двухъ драмахъ: „Странный человѣкъ" и „Маскарадъ". Обѣ онѣ имѣютъ главнымъ лицомъ Арбенина, хотя и съ перемѣною его имени; обѣ характеромъ этого лица убѣждаютъ, что въ нихъ идетъ дѣло о томъ самомъ человѣкѣ, который въ отрывкѣ названъ Сашей. Первая пьеса изображаетъ юношу Арбенина, вторая — Арбенина-мужа. Самое заглавіе драмы „Странный человѣкъ" даетъ уразумѣть тождество главнаго дѣйствующаго лица ея, Виктора Павловича, съ *чудакомъ* Александромъ Сергѣевичемъ. Къ этой же мысли склоняютъ и заключительныя слова пьесы, произнесенныя однимъ изъ гостей въ домѣ графа N.: „вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ: онъ былъ *странный человѣкъ*, вотъ и все". Можно предположить съ достовѣрностью, что Лермонтовъ долго вынашивалъ въ умѣ своемъ любимый образъ, пытаясь нарисовать его въ разныхъ поэтическихъ формахъ — и эпической и драматической. Сходство между романтическою драмой „Странный человѣкъ" и отрывкомъ изъ повѣсти заключается какъ въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ одномъ внѣшнемъ обстоятельствѣ — въ разрывѣ между родителями этихъ лицъ: тамъ и здѣсь Арбенинъ, рано лишенный ласкъ матери, остался на рукахъ отца, суроваго и холоднаго, не занимавшагося его воспитаніемъ. Признавая всю силу впечатлѣнія, какое способно произвести подобное событіе въ семейной жизни, мы

не можемъ однакожъ объяснить имъ однимъ ни всѣхъ дѣйствій молодого Арбенина ни всѣхъ сторонъ его характера. Попытки оправдать раціонально тѣ явленія, которыми онъ такъ странно и большею частію такъ непріятно сталкивается съ окружающими его людьми, будутъ необходимо искусственны. Можетъ-быть, разборъ другихъ позднѣйшихъ сочиненій Лермонтова разъяснитъ дѣло, но драма „Странный человѣкъ“ не допускаетъ опредѣлительнаго разъясненія. Нельзя основаться на одномъ данномъ, особенно если оно юношеское произведеніе; нельзя тѣмъ болѣе, что изъ драмы видимъ, и то смутно, что́ такое Арбенинъ, но нисколько не видимъ, почему онъ именно таковъ и почему долженствовалъ быть такимъ. И отъ кого же, въ самомъ дѣлѣ, могли бы мы узнать объ этомъ? Отъ второстепенныхъ лицъ? Но ихъ отзывы такъ неопредѣленны! Они говорятъ о фактахъ, а не о причинахъ: „умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, не знающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей“; „переходы отъ веселья къ грусти и отъ грусти къ веселью — вещь обыкновенная въ Арбенинѣ“; „онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ“. Отъ самого героя? Но онъ также неоткровененъ. Его исповѣдь прорывается краткими и общими выходками; прямого, рѣзко отличительнаго въ ней нѣтъ. Въ одномъ изъ лирическихъ стихотвореній своихъ (которыя Заруцкій читалъ Рябикову), Арбенинъ говоритъ, что „онъ *проклятъ* строгою *судьбой*“; помогая бѣдному мужику, онъ замѣчаетъ, въ разговорѣ съ Бѣлинскимъ, что „несчастіе мужиковъ ничего не значитъ въ сравненіи съ несчастіемъ многихъ другихъ людей, которыхъ *преслѣдуетъ судьба*“. Вездѣ судьба, какъ невѣдомая, враждебная какая-то сила, или природа, которая, надѣливъ человѣка извѣстными, неизмѣнными наклонностями, играетъ роль судьбы. Конечно, къ этимъ двумъ предметамъ можно отнести все: они такъ сильны, что выдержатъ какія угодно тяжести, и такъ верховны, что приговоръ ихъ не допускаетъ апелляціи. Ими, какъ подставными силами, замѣняется любое объясненіе, котораго не находимъ въ жизненной самодѣятельности разумнаго существа, въ его семейномъ и общественномъ положеніи, во всемъ, отчего познается человѣкъ, и чѣмъ онъ оправдывается или осуждается.

Немного больше объяснительныхъ данныхъ и въ драмѣ

„Маскарадъ“, которая принадлежитъ тоже къ числу начальныхъ произведеній Лермонтова. Большею частію дѣло держится на анатоміи характера и не вступаетъ въ анализъ отправленій, которыми обнаруживается жизненная дѣятельность. А между тѣмъ физіологія была бы здѣсь нужна особенно: герой драмы ведетъ процессъ между собою и свѣтомъ; зрителю или читателю необходимо выслушать истца въ подробности, чтобы произнести свое рѣшеніе, или пусть онъ самъ, этотъ истецъ, приметъ на себя обязанность адвоката, отъ которой требуется не только изложеніе фактовъ, но и сужденіе о фактахъ. Арбенинъ въ третій разъ является здѣсь главнымъ лицомъ, подъ именемъ Евгенія Александровича. Можно допустить, пожалуй, что это сынъ Александра Сергѣевича, котораго дѣтство описано въ отрывкѣ — и тогда онъ наслѣдовалъ всѣ существенныя качества отца. Но вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что это тотъ же Саша, изъ ребенка ставшій мужемъ. Какъ въ повѣсти Лермонтовъ задумывалъ разсказать исторію Александра Сергѣевича Арбенина, „котораго *судьба* (опять судьба!), какъ нарочно, поставила предъ непонятною женщиной“; какъ въ драмѣ „Странный человѣкъ“ Владимиръ Павловичъ Арбенинъ сведенъ съ дѣвушкой, которая не была бы съ нимъ счастлива и ему не доставила бы счастія: такъ въ новой драмѣ „Маскарадъ“ изображена трагическая судьба Евгенія Александровича Арбенина и жены его Нины. Кромѣ фамиліи главнаго лица, есть и другое внѣшнее соприкосновеніе между обѣими драмами „Странный человѣкъ“ и „Маскарадъ“: обѣ онѣ раздѣлены на сцены и выходы, вмѣсто обычнаго дѣленія на явленія. Но существенное дѣло не въ наружномъ, а внутреннемъ сходствѣ, не въ одноименности лицъ, а въ однородности ихъ характеровъ, на что мы и обратимъ вниманіе, какъ на главный предметъ нашей статьи.

Характеры же дѣйствительно однородны, съ тѣмъ однако различіемъ, что не однѣ уже наклонности природы властвуютъ надъ Арбенинымъ, но и тяжкій, долгій опытъ жизни, о которомъ узнаемъ изъ разговора его съ женой.

. . . Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...

Страданія, которымъ подвергалась грудь Арбенина, были такъ многочисленны и велики, что онъ самъ удивляется, какъ могъ онъ послѣ того оставаться въ живыхъ. Если онъ вынесъ ихъ, то этимъ обязанъ единственно могучимъ силамъ своего духа и тѣла. Юность его прошла въ безумныхъ и напрасныхъ волненіяхъ: странствіяхъ, азартной игрѣ, вѣтрености и трудахъ; коварство любви и дружбы, измѣна всѣхъ обольщеній свѣта были постигнуты имъ вполнѣ. Онъ сдѣлался молчаливъ, суровъ и угрюмъ. Сердце его погрузилось въ спокойствіе, изъ котораго онъ желалъ бы выйти хотя искусственнымъ волненіемъ крови: его радуютъ случаи, наполняющіе умъ и кровь неожиданною тревогою. Душа его, мрачная и глубокая, подобна могилѣ: принятое ею однажды остается въ ней навсегда. Наконецъ, душа эта исполнена неимовѣрной гордости: ни передъ кѣмъ ни передъ чѣмъ не преклонялась она, никому не завидовала, ни въ комъ не принимала участія: всѣ ей чужды, и она всѣмъ чужая. Сила разочарованія, апатіи, равняется въ ней только силѣ эгоизма. Холодно закрывъ свои объятія для чувствъ и блаженства, Арбенинъ не хочетъ даже благодарности. Бурная природа его безжалостно сокрушаетъ все попадающееся ей на пути, и съ гордымъ презрѣніемъ смотритъ на развалины.

Однакожъ въ этомъ человѣкѣ, все испытавшемъ и презирающемъ, отъ всего скучающемъ, смотрящемъ на жизнь какъ на бремя, таится еще огонь жизни. Черствая кора можетъ спадать съ его сердца, и тогда снова открывается глазамъ его прекрасный міръ. „Душа моя, говоритъ Арбенинъ, подобна застывшей лавѣ, тверда, какъ камень, пока не растопится вновь; горе тому, кто встрѣтится съ ея потокомъ!“ Ту же мысль, только облеченную въ другія два сравненія, высказываетъ Измаилъ-Бей: „чувства, страсти — темная поверхность моря, которую преждевременный холодъ покрываетъ ледяною корою до первой бури; онѣ таятся глубоко въ сердцѣ, какъ левъ въ пещерѣ, но сердце не избѣжитъ ихъ власти“, потому,

прибавимъ мы, что эта власть роковая. И взглядъ на жизнь, которая довела обоихъ героевъ до безотраднаго состоянія, одинаковъ у того и другого. Жизнь, по мнѣнію Арбенина, извѣстная шарада, годная для дѣтскаго упражненія, гдѣ первое — рожденье, второе — рядъ заботъ и тайныхъ мученій, послѣднее — смерть, а цѣлое — обманъ. Жизнь, повторяетъ за нимъ Измаилъ-Бей, есть рядъ взаимныхъ измѣнъ; и радость и печаль ея — ложный призракъ; память о добрѣ и злѣ равно ядовиты: зло льститъ человѣку, но болѣе тревожитъ, а добро не въ силахъ принести сердечную отраду; сердце, покорствуя страстямъ, оставляетъ намъ одно только раскаяніе

Но это временное пробужденіе для жизни пугаетъ Арбенина. Онъ съ ужасомъ отступаетъ, почувствовавъ, что въ мертвой душѣ его, когда онъ женился на Нинѣ, опять возникла любовь, что онъ снова, какъ изломанный челнокъ, брошенъ въ море. Неожиданное оживленіе, онъ это предвидитъ, не на радость ни ему ни другимъ: пристань будетъ бурная въ темныхъ силахъ его духа. Новыхъ и, можетъ-быть, многихъ жертвъ потребуетъ лукавое обольщеніе сердца, которое идетъ наперекоръ неизбѣжной судьбѣ героя.

Такъ гибельны слѣдствія жизни Арбенина, такъ горекъ плодъ испытанныхъ имъ страданій, и не одинъ, а многіе плоды!

Но въ чемъ же заключались эти страданія, и какова именно была эта жизнь?

Къ сожалѣнію, и здѣсь вопросъ не допускаетъ положительнаго отвѣта. Мы попрежнему остаемся въ сомнѣніи и темнотѣ, которой не освѣщаютъ ни самъ Арбенинъ ни дѣйствующія съ нимъ лица. Несомнѣнно лишь одно присутствіе роковой силы, которая, подобно древней судьбѣ грековъ, покорныхъ ведетъ за собой, непокорныхъ влечетъ. Послѣдніе подчиняются ей невольно, при всемъ могуществѣ гордаго сопротивленія. Они не склоняются передъ ней духомъ; но торжество ея надъ новыми Прометеями очевидно изъ того, что она приковываетъ ихъ къ скалѣ страданій. Арбенинъ чувствуетъ и сознаетъ господство фатализма надъ своею жизнію. Онъ говоритъ:

На жизни я своей узналъ *печать проклятья.*

Что значатъ слова эти, какъ не признаніе могущества, или внутри насъ преобладающаго, или внѣ насъ лежащаго,

но въ обоихъ случаяхъ независимаго? Существеннымъ отличіемъ Эврипидовыхъ трагедій полагають то, что онѣ низвели судьбу съ неба въ сердце человѣка, котораго страсти есть тоже своего рода fatum. Не играютъ ли и здѣсь, въ сердцѣ героевъ Лермонтова, такой же фаталистической роли обуревающія ихъ страсти? Судьба виновата, соединивъ, въ лицѣ Нины, неопытность, невинность и непосредственное чувство съ такимъ лицомъ, какъ Арбенинъ, мужъ разочарованія, апатіи и горькаго знанія. „Оковы одной *судьбы* связали насъ навсегда", говоритъ онъ Нинѣ, и, конечно, эти слова не могли утѣшить ни жену его ни его самого. Другія слова Арбенина:

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ,

не болѣе, какъ перефразъ отзыва княжны Софьи о молодомъ Арбенинѣ (въ драмѣ „Странный человѣкъ"): „онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ".

Мы уже замѣтили, и теперь повторимъ то же самое, что въ роковой силѣ, наложившей свою желѣзную руку на такого желѣзнаго человѣка, каковъ Арбенинъ, природнымъ его склонностямъ дано широкое мѣсто и великое значеніе. Послушайте, какъ описываетъ его Казаринъ:

Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный,
Глядитъ ягненочкомъ, а право тотъ же звѣрь.
Мнѣ скажутъ, можно отучиться
Природу побѣдить? Дуракъ, кто говоритъ:
Пусть ангеломъ и притворится,
А чортъ-то все въ душѣ сидитъ.

Когда въ послѣднемъ актѣ драмы выходитъ на сцену Неизвѣстный, эта какъ бы олицетворенная совѣсть Арбенина, напоминающая ему прошлыя, за семь лѣтъ до того случившіяся событія, или, по выраженію самого Арбенина, „грѣхи минувшихъ дней", что̀ слышимъ мы отъ него? Мы слышимъ упреки въ мрачныхъ, роковыхъ свойствахъ души его:

... Въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ.
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, *приписать его къ уму,*
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души, — *ее пойметъ лишь Богъ.*

Эти два элемента, управляющіе теченіемъ жизни Арбенина, внѣшняя судьба и личная природа, весьма значительны. Та и другая имѣютъ значеніе роковой силы, и въ своемъ вліяніи на жизненную обстановку героя до того сливаются, что трудно положить между ними какія-либо границы: судьба служитъ какъ бы второю природой, которой избѣжать невозможно, и природа восходитъ на высоту судьбы, отъ которой также нѣтъ спасенія. Присущія ему естественныя силы и господствующая надъ нимъ сила сверхъестественная образуютъ ту сферу фатализма, въ которой вращаются герои Лермонтова и въ которую вѣровалъ самъ Лермонтовъ. Нельзя, безъ пособія этихъ элементовъ, объяснить такой характеръ, каковъ Арбенинъ; еще менѣе можно оправдать его, если нравственнымъ судомъ потребуется онъ къ допросу и отвѣту. Страданіями очищается человѣкъ, что бы ни было ихъ причиною, самъ ли онъ, или другіе люди и обстоятельства; но затрудненіе въ томъ, что читатель видитъ только указаніе голаго факта, то-есть страданій, и притомъ отвлеченное, выраженное общими признаками, но не видитъ причинъ и побужденій, объясняющихъ фактъ. Главными побужденіями пребываютъ, какъ и прежде, природа и судьба, не подлежащія людской расправѣ.

Какъ лицо, на жизни котораго тяготѣетъ таинственная сила рока, Арбенинъ можетъ быть уподобленъ героямъ тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ завязкой и развязкой событія управляетъ судьба. Это уподобленіе находимъ въ статьѣ Грановскаго „Пѣсни Эдды о нифлунгахъ“: „Въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, давно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новѣйшихъ литературъ“. Присоединимъ сюда небольшую оговорку, какъ защиту героевъ Лермонтова: конечно, въ сравненіи съ великими мужами Эдды, Арбенинъ не отличается значительною величиною; гордый умъ его подъ конецъ изнемогъ, и въ сумасшествіи находитъ онъ спасеніе отъ сознательныхъ несчастій; но все же нельзя назвать его страдальцемъ слабодушнымъ, особенно когда поставишь его рядомъ съ хилыми, болѣзненными натурами, выведенными на сцену во многихъ

произведеніяхъ европейскихъ литературъ, въ томъ числѣ и нашей, подъ именами человѣка *лишняго*, *больного* и тому подобныхъ.

Мы сказали, что горьки были послѣдствія изломанной жизни Арбенина. Одно изъ нихъ особенно, своимъ печальнымъ интересомъ, возбуждаетъ сочувствіе мыслящихъ людей. Зловѣщіе признаки его показались еще въ десятилѣтнемъ мальчикѣ Сашѣ, привыкшемъ „побѣждать страданія тѣла грезами души". Тамъ оно было произведеніемъ болѣзни, укрѣпившей мощь духа. Умственный ростъ дитяти быстрыми и сильными побѣгами обогналъ ростъ физическій. Такая несоразмѣрность въ развитіи составныхъ элементовъ человѣка крайне опасна: въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ приводитъ она къ совершенной апатіи, постепенно ослабляя напряженность и свѣжесть естественныхъ ощущеній, омрачая бытіе вѣчнымъ надзоромъ мысли, безотвязнымъ анализомъ, преждевременнымъ знаніемъ дѣла, забѣгающимъ впередъ самаго дѣла. Въ подобномъ состояніи жить тяжело: жизнь и скука знаменуютъ одно и то же. Герой „Маскарада" страдаетъ этой болѣзнью, корень которой въ спѣшномъ развитіи души. На помощь его опыту пришла и мысль, какъ анализъ опыта: онъ все видѣлъ, все перечувствовалъ, все узналъ.

Романа не начавъ, онъ зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.

Потому именно несчастна связь его съ Ниной. Его ужасаетъ противоположность между нимъ и женой его: она взглянула только на заглавный листъ въ огромной книгѣ жизни, а онъ прочелъ ее съ начала до конца, прочелъ не только строки, но и между строками. Ничего больше не узнаетъ онъ; смыслъ ея разоблаченъ вполнѣ. Закрывъ ее, онъ восклицаетъ: какая старая и пустая книга! Многіе писатели поставляли на видъ ненормальный перевѣсъ духа надъ тѣломъ, искренно жалѣя о томъ, кому досталось извѣдать это злое несчастіе. Баратынскій усмотрѣлъ подобныя явленія въ искусствѣ, вредящія искусству. Поэтовъ, постоянно заботящихся о мысли, называетъ онъ бѣдными художниками.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! Тебѣ забвенья нѣтъ!
Все тутъ да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.

„Стремитесь къ чувственному, — совѣтуетъ онъ, — не переступая за грань его. Передъ обнаженнымъ мечомъ мысли блѣднѣетъ земная жизнь".

Перевѣсъ духовнаго развитія надъ чувственнымъ,—развитія, при которомъ незрѣлость одного сталкивается съ старостью другого, при которомъ жизнь, неисчерпанная годами, исчерпывается мыслью, при которомъ душа какъ бы „совершаетъ свой подвигъ прежде тѣла", есть нравственная болѣзнь новыхъ людей, бывшая неизвѣстною древнимъ. Болѣзнь эта растетъ съ годами: къ ней можно отнести то самое, что сказалъ Пушкинъ о печали минувшихъ дней: „чѣмъ старѣе она, тѣмъ сильнѣе". Не годы жизнь, а наслажденье, говоритъ полный очарованія юноша; не годы жизнь, а мысль о жизни, говорятъ люди, дошедшіе до состоянія Арбенина. Мы увидимъ, какіе широкіе размѣры приняла новая нравственная болѣзнь въ дальнѣйшихъ созданіяхъ Лермонтова.

Съ большею подробностью описанъ характеръ Измаилъ-Бея въ восточной повѣсти того же имени. Лицо это взято не изъ европейскаго міра: Измаилъ — горецъ, равно какъ горцы же дѣйствуютъ и въ „Мцыри" и въ „Хаджи-Абрекѣ". Несмотря однакожъ на различныя условія національной жизни, характеръ остался рѣшительно тотъ же. Изъ-подъ одежды боевого черкеса выглядываетъ знакомый намъ Арбенинъ. Самое разительное между ними сходство — власть судьбы, которую они испытываютъ. Да и въ самомъ героѣ восточной повѣсти есть тоже роковое: отношеніе его къ другимъ, вліяніе, производимое на все, что ему соприкосновенно, чисто фаталистическія. То и другое сознаетъ онъ самъ. По поводу сближенія своего съ людьми, которое не обходится имъ даромъ, онъ горестно говоритъ, что „все любящее его увлечено за нимъ вслѣдъ, что его дыханье губитъ радость, что онъ *не властенъ щадить*". Но, принося невольныя жертвы себѣ, какъ судьбѣ, онъ въ то же время и самъ жертва судьбы:

Бываютъ люди: чувства — имъ страданья;
Причуда злой судьбы — ихъ бытіе.
Чтобъ самовластье показать свое,
Она, порой, кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ сей урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами!

И *дѣтямъ рока* мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ, и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но часто обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри, ихъ не носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

Отъ фатализма рождается въ душѣ Измаила холодное спокойствіе: онъ знаетъ, что положеннаго предѣла переступить нельзя, что людская вражда не постигаетъ главы, постигнутой уже рокомъ, который не уступаетъ своихъ жертвъ земнымъ судьямъ. Но этому мужу судьбы природа дала непобѣдимый умъ, окрѣпшій въ борьбѣ; при немъ всегда настражѣ гордая мысль и холодъ сомнѣнія; онъ не желаетъ ни усладить ни позабыть страданія: онъ мечтаетъ только побѣдить, хотя побѣдить не можетъ.

Но здѣсь снова возникаетъ вопросъ, который уже предлагали: отчего эти страданія? какая причина грусти, этого жестокаго властелина людей, въ такомъ человѣкѣ, каковъ Измаилъ? Правда, онъ созданъ для великихъ страстей; но все имъ испытанное — враги, друзья, изгнанье не могли осудить его на тѣ страданія, которыя являются только на вершинѣ утонченной европейской цивилизаціи, не могли привести его ни къ анализу ни къ сомнѣнію, этому лютому врагу новыхъ людей. Вопросъ, нами предложенный, снова остается безъ отвѣта. Для рѣшенія его не имѣется надлежащихъ объясненій, а есть только фактъ, который разсказать не трудно: юный лѣтами, Измаилъ старъ опытомъ;

Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ;

сердце его сдѣлалось мертвымъ; на душѣ лежитъ бремя тяжелыхъ думъ; уста привыкли къ проклятью; онъ лишній между людьми. Часто обманутый, онъ боялся,

...вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему, —

причина, одинаковая у него съ бояриномъ Оршей, который также не удивлялся злу и не вѣрилъ добру,

Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему.

Страданія Измаила еще сильнѣе страданій Арбенина и выражены превосходными стихами. Выдающійся пунктъ мученія — извѣстные моменты, которые однакожъ не сокрушаютъ могучихъ мучениковъ.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь, и сломится лилея:
Таковъ, съ душой кто слабою рожденъ;
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ.
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея!
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ;
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ!

Самозабвеніе, покой, нужные въ такомъ безотрадномъ положеніи, не даются великимъ страдальцамъ. Герои невыразимой печали, они въ то же время герои неотразимой мысли: вотъ второе капитальное сходство между Измаиломъ и Арбенинымъ. А гдѣ мысль, тамъ не стихаетъ живая боль человѣка. „Я глупо созданъ, — восклицаетъ Печоринъ: — ничего не забываю, ничего“. Съ другой стороны герои такъ горды, что хотятъ прямо смотрѣть въ ужасное лицо страданія и принимать его удары, презирая ихъ. Судьба, — говоритъ Демонъ (въ поэмѣ того же имени), — не дала мнѣ забвенія, да я и не взялъ бы его“.

Изъ толпы мыслей, преслѣдующихъ Измаила, замѣчательна также мысль о скоротечности жизни, о ничтожествѣ ея. Два раза встрѣчаемъ мы ее: однажды при взглядѣ Измаила на родныя горы, въ другой разъ — при смертельной ранѣ, имъ полученной:

Забылъ онъ *жизни скоротечность;*
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
. . . .
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, *чье сердце столько лѣтъ*
Мысль о ничтожествѣ томила.

Но странно слышать эту мысль отъ человѣка, пораженнаго самомнѣніемъ, которое сдѣлалось обиходною монетой въ переходныя времена цивилизаціи; но какъ понять ее въ устахъ черкеса? Впрочемъ, мы обратимся къ ней впослѣдствіи и постараемся объяснить ея значеніе.

Разсказъ „Мцыри“ энергически выражаетъ стремленіе къ простору и свободѣ того гордаго и могучаго горца, котораго хотѣли запереть въ монастырѣ, какъ орла въ клѣткѣ. Шести лѣтъ привезенный русскимъ генераломъ изъ горъ въ Тифлисъ и сильно заболѣвшій, Мцыри томился безъ жалобъ, не обнаруживалъ мукъ даже слабымъ стономъ, отвергалъ пищу и съ гордымъ безмолвіемъ дожидался смерти. Какъ видите, онъ не уступалъ ни Измаилу ни Арбенину въ могучихъ силахъ духа, укрѣпленныхъ, а не ослабленныхъ болѣзнью, что мы уже замѣтили. Попеченія монаха спасли его отъ смерти. Впослѣдствіи окрестили его; онъ выросъ, сдѣлался послушникомъ и уже готовился изречь обѣтъ монашества, какъ вдругъ одною осеннею ночью, при смутномъ воспоминаніи о родныхъ горахъ и волѣ, убѣжалъ изъ монастыря. Черезъ нѣсколько дней нашли его безъ чувствъ въ степи. Принесенный въ обитель, онъ передъ смертью разсказываетъ чернецу повѣсть своего бѣгства и своихъ ощущеній внѣ монастырскихъ стѣнъ.

Черта наиболѣе замѣчательная въ разсказѣ — инстинктивное стремленіе къ бурной жизни, пламенная жажда волненій. Двѣ жизни, подобныя той, которая проведена въ монастырѣ, Мцыри готовъ отдать за одну, полную тревогъ.

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный *міръ тревогъ и битвъ,*

Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Это бурное сердце, не знающее и не желающее покоя, бьется такъ же неровно и порывисто, какъ у Арбенина и Измаила. Описывая грозу въ дремучемъ лѣсу, Мцыри съ восторгомъ восклицаетъ:

...О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой.

Къ Измаилу и Арбенину Мцыри относится такъ же, какъ одинъ моментъ жизни относится къ цѣлой жизни. Мцыри умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, не искушенный опытомъ, подобно двумъ первымъ. Разсказъ его передаетъ намъ одинъ фактъ, въ которомъ обнаружились свойства могучаго духа; но тѣ же самыя свойства обнаружились бы при подобномъ событіи и у Арбенина и Измаила. Форма проявленія характера могла быть различна: самый характеръ сохранился бы неизмѣннымъ.

Неизмѣнность характера, дѣйствительно, и сохранилась, какъ мы видимъ въ поэмѣ „Бояринъ Орша“. Удивительное пристрастіе къ одному и тому же типу! Ни время ни пространство не дѣйствуютъ на него. Какъ въ горцѣ, несмотря на все племенное отличіе его отъ европейцевъ, явился европеецъ Арбенинъ, такъ въ Арбенинѣ, жителѣ нашего вѣка, современникѣ Лермонтова, явились бояринъ Орша и Арсеній, жившій *во время оно* (такъ начинается поэма), въ царствованіе Іоанна Грознаго. Разумѣется, при такой выдержанной любви къ одному образу, преслѣдовавшему воображеніе и мысль поэта, нельзя и требовать вѣрно-поэтическаго, согласнаго со всѣми временными и мѣстными условіями дѣйствительности, воспроизведенія лицъ и событій, которыя берутся изъ разныхъ эпохъ и разныхъ странъ. Каковъ бы ни былъ родовой характеръ, онъ не лишенъ способности измѣняться. Явленія этого рода, какъ ступени послѣдовательнаго

его осуществленія, не похожи другъ на друга, какъ похожи двѣ капли воды: и движеніе времени и цвѣтъ мѣстности кладутъ на нихъ особенныя отличія, такъ что каждое явленіе, по своимъ характеристическимъ принадлежностямъ, есть нѣчто индивидуальное, статья особая. Что же сказать, напр., о такихъ характерахъ, которые возможны только въ извѣстную эпоху, при извѣстной степени человѣческаго развитія, и которыхъ сформированіе произошло какъ бы на нашихъ глазахъ или, по крайней мѣрѣ, на памяти ближайшихъ нашихъ предшественниковъ? Откуда зашли они въ вѣкъ Іоанна Грознаго или въ предѣлы Кавказа? Выговариваемъ это замѣчаніе не съ тѣмъ, чтобы поставить въ вину Лермонтову его уклоненія отъ исторіи въ частности или отъ дѣйствительности вообще. Напротивъ, такой недостатокъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ еще свою цѣну. При разсужденіи о поэтѣ намъ нуженъ идеалъ, въ которомъ выразилось духовное настроеніе извѣстнаго общества, въ извѣстную эпоху. Чѣмъ сходственнѣе разныя личности, какъ единичныя явленія одного и того же рода, тѣмъ легче осматривается и удобнѣе опредѣляется самый родъ.

Такихъ личностей въ поэмѣ „Орша" двѣ: самъ Орша и Арсеній. По положенію своему, они враги; по своимъ характерамъ — натуры родственныя. Неравенство лѣтъ, конечно, не значитъ здѣсь ничего. У Орши угрюмый, крутой нравъ, никогда не слабѣвшій передъ бѣдами. Сходство его съ Арбенинымъ, выраженное почти тождественными стихами, мы указали выше. Другое сходство — страшная мстительность. Поступокъ его съ дочерью еще ужаснѣе, чѣмъ поступокъ Арбенина съ женой. Нина, отравленная, мучится не долго, но дочь Орши умираетъ медленною голодною смертью, запертая въ башнѣ, гдѣ видѣлась съ Арсеніемъ. Въ битвѣ съ врагами Орша падаетъ героемъ, не измѣняя ни силѣ непреклоннаго права, ни чувству непреклоннаго мщенья.

Арсеній — второй экземпляръ Мцыри, съ прибавкою житейской опытности. Разсказъ его о себѣ не только изложеніемъ, но цѣлыми тирадами повторяетъ по мѣстамъ Мцыри. Справедливо будетъ предположить, что послѣдній, какъ болѣе обработанный, передаетъ тотъ образъ, который въ первомъ, еще неясно обозначившемся очеркѣ, зачался въ фантазіи поэта. Это двѣ концепціи одного и того же характера: одна —

набросанная безъ отдѣлки, другая болѣе отдѣланная. Изъ монастыря Арсеній убѣжалъ къ шайкѣ разбойниковъ,

Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ;
Людской законъ для нихъ не святъ;
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.

Кто въ этихъ чертахъ не распознаетъ героевъ Лермонтова, непреклонныхъ и тревожныхъ, которыхъ воображеніе, какъ у Саши Арбенина, еще съ дѣтства наполнялось „понятіями противообщественными“? Гордый видъ и гордый духъ, не смиряющійся передъ судьбой, и эта самая судьба, какъ грозная тѣнь Банко — все это есть въ Арсеніи, и все это не новость для того, кому знакомы Измаилъ и Арбенинъ. Подобно Измаилу, Арсеній молодъ; но эта молодость у нихъ обоихъ отягощена безсмѣнной думой, силою которой жизнь изживается въ немногіе годы, и грядущее сулитъ только повтореніе прошлыхъ страданій:

...Разсмотрѣвъ его черты
Не чуждыя той красоты,
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Мысль послѣдняго стиха намъ уже извѣстна изъ словъ Арбенина (въ „Маскарадѣ“). Къ довершенію сходства, укажемъ на безцѣльную жизнь Арсенія; увидавъ остовъ своей возлюбленной, пожелтѣвшій и покрытый прахомъ, онъ заключаетъ поэму такими словами:

Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли, безъ труда,
Одинъ съ тоской.

Если Мцыри изображаетъ одинъ фактъ изъ жизни могучаго духа, то Хаджи-Абрекъ изображаетъ одну страсть такого же духа. Страсть эта — мщеніе. Абрекъ мститъ убійцѣ своего брата, Бей-Булату, убивая его любовницу Леилу. Но эта обязанность кровавой отплаты, обычная варварскимъ

племенамъ, не даетъ однакожъ права видѣть въ Абрекѣ человѣка дикаго: онъ думаетъ и чувствуетъ, какъ разочарованный европеецъ новаго времени. Похоронивъ все, чему онъ вѣрилъ и что любилъ, Абрекъ находитъ блаженство въ сладострастіи преступленій. На мщеніе смотритъ онъ единственно, какъ на утѣшеніе въ несчастіи, какъ на замѣну счастья. Съ другой стороны, Арбенинъ, при всемъ своемъ европеизмѣ, по чувству мщенія нисходитъ на степень дикаря: подозрѣнія равны для него доказательствамъ; онъ не знаетъ тогда ни жалости ни помилованія:

Когда обиженъ — мщенье, мщенье!
Вотъ цѣль его тогда, и вотъ его законъ!

Средства мщенія у Арбенина и Хаджи-Абрека различны, но сила мщенія одинакова: въ этомъ они сходятся, какъ нельзя больше.

На всѣхъ этихъ фигурахъ мрачныхъ и вмѣстѣ обольстительныхъ невыразимою красотой, которой „неизмѣнная мысль дала печальный блескъ свой", лежитъ печать не только фатализма, но и демонической силы. Поэтому одна изъ поэмъ Лермонтова носитъ названіе „Демонъ". Герой ея принадлежитъ къ сферѣ безплотныхъ, но это различіе не существенное: въ образѣ его соединяются черты, которыми надѣлены человѣческія лица, выведенныя въ другихъ поэмахъ и повѣстяхъ Лермонтова. Демону придается эпитетъ „печальный". Его печаль безсмѣнна и безконечна; она

Мечтаній прежнихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

Подобно Арсенію, блуждаетъ онъ „безъ цѣли и пріюта", пустыня души его одно и то же съ грудью Измаила, „опустошенною тоской". Онъ не чуждъ воспоминаній лучшихъ дней, когда онъ вѣрилъ и любилъ, не зная ни страха ни сомнѣнья, когда душѣ его не грозилъ „унылый рядъ вѣковъ". Что для падшаго духа — вѣка, то для человѣка — годы; пространство времени обширнѣе, но свойство жизни, въ большемъ или меньшемъ времени совершающейся, одинаково: это свойство — уныніе. Сѣя зло изъ наслажденія, Демонъ наскучилъ зломъ. Скука — болѣзнь его, наравнѣ съ душевными болѣзнями такой человѣческой природы, какою ода-

рены Арбенинъ, Измаилъ и Печоринъ. Съ гордостью смотрѣлъ злой духъ на творенiе, и при этомъ взглядѣ на челѣ его не отражалось ничего, кромѣ холодной ненависти:

Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ ни новыхъ силъ,
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

Въ безплодной груди Измаила не зарождается также ничего, кромѣ ненависти и презрѣнiя. Къ тому же онъ и „изгнанникъ", только изъ родины, а не съ неба; но для падшаго ангела небо было родиной. Оба они, и Демонъ и Измаилъ, страдаютъ сомнѣнiемъ, горькiй плодъ котораго — безсмертная мысль, неизбѣжная дума. Имъ желалось бы „забыть незабвенное", но гдѣ взять для этого силъ? Что Арбенинъ говорилъ о себѣ Нинѣ, то самое, почти тѣми же словами, говоритъ Тамарѣ Демонъ:

Какое горькое томленье
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой,
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и, не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!

Минуты страданiй Измаила, стоящiя вѣковъ печали, испытываются и Демономъ въ большей еще силѣ, невыносимой для человѣковъ:

Что повѣсть тягостныхъ лишенiй,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣнiй,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученiй!

Наравнѣ съ Печоринымъ, Измаиломъ и Арбенинымъ, Демонъ Лермонтова способенъ пробуждаться для чувствъ: при видѣ княжны Тамары онъ ощутилъ въ себѣ „неизъяснимое волненье". Образъ его отмѣченъ тою красотою, которой неизмѣнная мысль даетъ особенный блескъ:

Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной...
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ...

Портретъ дорисовывается самимъ дѣйствующимъ лицомъ. На вопросъ Тамары: кто онъ? Демонъ отвѣчаетъ:

Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы.

Наконецъ, сходство между Демономъ и тѣми лицами, о которыхъ мы уже говорили, заключается въ отношеніи ихъ къ женщинамъ. Сближеніе падшаго ангела съ Тамарой причинило ей гибель; ту же участь раздѣляютъ съ ней Нина, Мери и Вѣра, возбуждавшія любовь въ Арбенинѣ и Печоринѣ.

„Могучій образъ врага святыхъ и чистыхъ побужденій" является и въ „Сказкѣ для дѣтей" совершенно такимъ же. Онъ несетъ на себѣ двойное наказаніе — вѣчности и знанія. Какъ царь нѣмой и гордый, сіяетъ онъ волшебно-сладкою красотою, при созерцаніи которой смертному становится страшно. „Сказка" изображаетъ притомъ характеръ Нины, нисколько не похожій на Нину въ „Маскарадѣ": послѣдняя кроткое и нѣжное существо, тогда какъ первая въ кругу женщинъ то же, что Арбенинъ и ему подобные между мужчинами:

...Душа ея была,
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

Замѣтьте слово „случайность“: оно имѣетъ здѣсь значеніе „судьбы“, и такимъ образомъ отводитъ Нинѣ мѣсто въ ряду фаталистическихъ существъ. На жизни ея, если бъ авторъ кончилъ свой разсказъ, непремѣнно легло бы вліяніе рока.

Теперь намъ слѣдуетъ познакомиться съ характеромъ Печорина, героя нашего времени; но можно сказать, что мы уже съ нимъ знакомы черезъ посредство тѣхъ лицъ, о которыхъ говорено выше. Если и есть какое-нибудь здѣсь различіе, то оно кроется не въ сущности характера, а въ болѣе отчетливой его постановкѣ. У Печорина ближайшее сходство съ Александромъ Радинымъ (въ драмѣ „Два брата“), которое обнаруживается и внутренними и внѣшними свойствами обѣихъ личностей: даже слова одного повторяются иногда въ точности другимъ. Только кругъ дѣйствій Печорина обширнѣе. Радинъ выказываетъ себя въ трагическомъ столкновеніи съ братомъ и княжной Вѣрой, а Печоринъ является героемъ нѣсколькихъ повѣстей, образующихъ одно цѣлое: сводя его со многими и разнохарактерными людьми, авторъ имѣлъ возможность разсмотрѣть его всесторонним образомъ и каждую сторону обрисовать полнѣе. Нерѣдко самъ Печоринъ описываетъ или анализируетъ себя; нерѣдко и другіе принимаютъ на себя эту обязанность. Конечно, самыя вѣрныя извѣстія должны принадлежать самому герою. Многое мы узнаемъ отъ него, но это многое недостаточно, однакожъ, ни для того, чтобы вполнѣ разумно объяснить характеръ, какъ естественное произведеніе, ни для того, чтобъ оправдать его дѣйствія, какъ существа нравственнаго. И натуралистъ и правовѣдъ, послѣдній еще болѣе, чѣмъ первый, встрѣтятъ большія препятствія своему дѣлу, за недостаткомъ данныхъ. Что передаетъ имъ романъ? Романъ описываетъ героя такимъ образомъ: у него крѣпкое сложеніе, не побѣжденное ни развратомъ столичной жизни ни душевными бурями; онъ бѣшено наслаждался удовольствіями, и удовольствія наскучили ему; кружился въ большомъ свѣтѣ, и общество ему надоѣло; влюблялся и былъ любимъ, но любовь его только раздражила воображеніе, а сердце оставалось пусто; въ наукахъ не нашелъ онъ также ни вкуса ни пользы, ибо видѣлъ, что слава и счастье не зависятъ отъ нихъ нисколько. Ему стало скучно. Этой злой скуки не разогнали ни чеченскія пули ни любовь дикарки Бэлы. Сви-

дѣвшись съ Максимомъ Максимычемъ послѣ долгой разлуки, на вопросъ его: „что подѣлывали?“ онъ отвѣчаетъ: *скучалъ*. Скука — ходячая монета всѣхъ героевъ Лермонтова: они расплачиваются ею не только за цѣлую жизнь, но и за каждый періодъ ея, долгій или короткій, все равно.

Какія же причины скуки?... Вопросъ почти лишній, потому что отвѣтъ на него данъ уже прежними лицами: главная причина — преждевременное знаніе всего, — знаніе, пріобрѣтенное и раннимъ опытомъ жизни (Печорину только двадцать-пять лѣтъ) и еще болѣе анализомъ недолговременной еще жизни. Арбенинъ (въ „Маскарадѣ“) видѣлъ развязку романа, прежде чѣмъ начиналась его завязка; то же самое Печоринъ говоритъ доктору Вернеру: „мы знаемъ почти сокровенныя мысли другъ друга; одно слово для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку“. Такъ какъ подобные знатоки по зародышу предмета угадываютъ и дальнѣйшее его развитіе и послѣдніе плоды развитія, то нисколько не удивительно, что печальное для другихъ на ихъ глаза смѣшно, и наоборотъ — смѣшное печально. Умъ становится для нихъ тягостенъ: онъ ведетъ къ скукѣ; дураки имъ сноснѣе и выгоднѣе, потому что при глупости веселѣе въ свѣтѣ. Печоринъ, на ряду съ Измаиломъ и Арбенинымъ, мученикъ безсмѣнной жизни. Постоянный анализъ каждаго душевнаго движенія, каждаго жизненнаго факта раскололъ его существованіе на двѣ половины. Въ немъ совершилось раздвоеніе. „Во мнѣ два человѣка, — говоритъ онъ: — одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова; другой мыслитъ и судитъ его“. Но слово *живетъ* надобно понимать здѣсь только какъ простую противоположность слова *не живетъ*, а не какъ выраженіе полноты и свѣжести жизни. При анализѣ этого быть не можетъ. Вторая половина человѣка, мыслящая и судящая, губитъ первую половину, живущую. Человѣкъ становится нравственнымъ калѣкою, какъ и сталъ Печоринъ: онъ живетъ не сердцемъ, а головою; у него остались одни только обломки идей, и не спасено ни одного чувства. Поэтому мысль не согрѣта никакимъ чувствомъ: анатомированіе и взвѣшиваніе самого себя производится имъ безъ участія, единственно изъ любопытства.

Замѣчательно, что Печоринъ самъ почти ничего о себѣ не знаетъ. Поэтому онъ рѣдко даетъ категорическую форму

сужденіямъ, которыя могли бы опредѣлить образованіе его характера и настоящее его положеніе. Характеръ свой называетъ онъ „несчастнымъ“, — названіе, не дающее опредѣленнаго понятія о предметѣ. Мы видѣли, какъ въ драмѣ „Маскарадъ“ Неизвѣстный остается въ нерѣшимости, чему приписать душевный холодъ Арбенина, „обстоятельствамъ или уму“; такую же нерѣшимость выражаютъ слова Печорина Максиму Максимычу: „Воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, не знаю, — но знаю только, что если я причиною несчастья другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ“. Что жъ онъ такое? На этотъ вопросъ опять нѣтъ отвѣта: „Глупецъ я или злодѣй, не знаю; но то вѣрно, что я очень достоинъ сожалѣнія“. Впрочемъ, Печоринъ иногда сваливаетъ вину на другихъ. „Душа моя,— говоритъ онъ,—испорчена свѣтомъ“. О ней можно сказать то самое, что авторъ, въ предисловіи къ „Герою нашего времени“, сказалъ о русской публикѣ: она дурно воспитана. Худыя качества родились въ ней оттого, что другіе начали предполагать ихъ, когда ихъ не было. Трудно повѣрить этому; однакожъ, употребимъ выраженіе самого Печорина — „это такъ“. Когда Мери сравнила его съ убійцею, онъ отвѣчаетъ ей тою же самою тирадою, какою, по поводу такого же сравненія, Александръ Радинъ отвѣчалъ княжнѣ Вѣрѣ (въ драмѣ „Два брата“).

Какъ сильный организмъ, Печоринъ производитъ на окружающихъ его магическое вліяніе, которое всегда разрѣшается бѣдою. Но, подобно неразумной силѣ рока, онъ не дорожитъ своими жертвами, даже не жалѣетъ ихъ. Эгоизмъ его переступаетъ всѣ предѣлы. Самое счастье, по его мнѣнію, не иное что, какъ удовлетворенный эгоизмъ, насыщенная гордость. Въ исповѣди его по этому поводу, разоблачающей внутреннее настроеніе, есть какое-то величіе дерзости, цинизмъ откровенности:

„Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ: ибо честолюбіе есть не иное что,

какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви".

„Есть минуты, — восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Печоринъ, — когда я понимаю вампира".

Такимъ образомъ снова передъ нами неизбѣжная судьба, и Печоринъ, наравнѣ съ другими извѣстными уже намъ лицами, становится роковымъ человѣкомъ. Онъ подчиненъ высшей власти и самъ для другихъ такая же власть. Равнымъ, въ упомянутомъ отвѣтѣ княжнѣ Вѣрѣ, говоритъ: „моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ между *собой* и свѣтомъ". Но эта замѣна слова *судьбою* словомъ *собой* сохраняетъ неприкосновенною сущность признанія и мысли. Печоринъ, какъ мужъ судьбы, и самъ былъ судьбою не только для другихъ, но и для себя. Борьба съ собою есть вмѣстѣ борьба съ судьбою; и какъ отъ судьбы нельзя требовать отвѣтовъ и объясненій, такъ и Печоринъ, несмотря на нѣкоторыя свои признанія, мало себя объясняетъ, оставаясь безотвѣтнымъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, слѣдовательно съ самаго начала жизни, если понимать подъ этими словами обыкновенное теченіе лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, съ эпохи юношества, если понимать подъ ними сознательность бытія, открывшуюся для Печорина слишкомъ рано, — съ тѣхъ самыхъ поръ судьба приводила его къ развязкѣ чужихъ драмъ. Онъ справедливо называетъ себя необходимымъ лицомъ пятаго акта: безъ него не могла завершиться пьеса. Но эта пьеса была постоянно трагическимъ крушеніемъ надеждъ и счастья. Необходимое лицо, словно таинственная роковая сила или deus ex machina, разыгрывало роль палача или предателя. Судьба подвинула Печорина на разрывъ Мери съ Грушницкимъ; судьба бросила его въ мирный кругъ контрабандистовъ. Зачѣмъ это такъ было?

Зачѣмъ этому слѣдовало быть такъ? спрашиваетъ онъ самъ себя. Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, говоритъ онъ, я тревожилъ его спокойствіе, и какъ камень едва самъ не потонулъ! „Сколько разъ игралъ я роль топора въ рукахъ *судьбы*! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія“.

Наконецъ, Печоринъ, какъ и всѣ его предшественники, бурной породы. У него врожденная наклонность къ тревогамъ; тихія радости, душевное спокойствіе ему не по сердцу и не къ лицу: „Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль, не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристройкѣ“.

Разсмотрѣвъ произведенія объективной поэзіи Лермонтова, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Главныя лица, выведенныя поэтомъ, представляютъ поразительное между собою сходство, доходящее почти до тождества. Можно сказать, что это одинъ и тотъ же образъ, являющійся въ разныхъ возрастахъ и полахъ, въ разныя времена и у разныхъ народовъ, подъ разными именами, а иногда и подъ однимъ именемъ. Поэтъ изображаетъ его съ одной стороны или со многихъ; разсматриваетъ многія дѣйствія изъ его жизни или одинъ только фактъ; беретъ одну способность его духа или многія способности.

Все различное въ идеалѣ несущественно; все сходственное или тождественное — существенно. Поэтому какое-нибудь представленіе идеала, въ повѣсти или драмѣ, дозволяетъ угадывать безошибочно другія его представленія, во всѣхъ остальныхъ повѣстяхъ и драмахъ. Саша Арбенинъ оказался бы въ зрѣломъ возрастѣ точно таковымъ, каковыми оказались двое другихъ Арбениныхъ, Радинъ, Печоринъ; и наоборотъ,

эти послѣдніе въ возрастѣ дѣтскомъ походили бы какъ нельзя больше на Сашу Арбенина. Равнымъ образомъ всѣ эти лица, Арбенины, Радинъ, Печоринъ, будучи европейцами, служатъ подлинниками азіатцевъ — Измаила, Хаджи-Абрека, Мцыри, которые, въ свою очередь, могли бы сдѣлаться образцами для своихъ подлинниковъ. Бояринъ Орша и Арсеній, люди XVI вѣка, ярко отражаются въ своихъ потомкахъ — Печоринѣ и Арбенинѣ, жителяхъ XIX вѣка, современникахъ Лермонтова. Семнадцатилѣтняя Нина, въ „Сказкѣ для дѣтей", имѣетъ такое же значеніе между женщинами. Фактъ, разсказанный въ жизни любого лица (напр. Мцыри), относится къ одной категоріи съ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ жизни другого (напр. Печорина): по первому можно опредѣлить второе, и наоборотъ. Страсть или наклонность, взятая изъ цѣлаго характера (напр. Абрека), даетъ возможность представить себѣ цѣлый характеръ (напр. Арбенина), и наоборотъ. Одна частность указываетъ цѣлое, одинъ моментъ — все теченіе жизни, одна стихія — весь составъ духа, указываетъ не только въ сферѣ одного и того же характера, но и въ сферѣ всѣхъ прочихъ: ибо эти прочіе равны ему.

Что же слѣдуетъ заключить изъ такой неизмѣнной наклонности поэта къ представленію одного и того же образа? Заключеніе останавливается на слѣдующихъ положеніяхъ:

Или въ герояхъ своихъ Лермонтовъ выводилъ современнаго ему человѣка, взятаго живьемъ изъ дѣйствительности, по особеннымъ общественнымъ условіямъ ставшаго героемъ эпохи.

Или, подъ образомъ созданныхъ лицъ, изображалъ онъ себя самого: свой собственный характеръ — въ ихъ характерахъ, свою жизнь — въ ихъ жизни. Поэма, драма, повѣсть были только формы объективной поэзіи, нужные для раскрытія личности поэта, которая вовсе не была выраженіемъ современнаго человѣка, героя Лермонтовской эпохи.

Или, наконецъ, оба эти предположенія совмѣстимы, т.-е. творя идеалъ, воплощающій въ себѣ понятіе о современномъ человѣкѣ, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ рисовалъ и себя самого, подходящаго подъ это понятіе. Примѣры подобныхъ явленій не рѣдки въ исторіи поэтическаго творчества.

Чтобъ узнать, которое изъ трехъ предположеній ближе къ истинѣ, необходимо обратиться къ лирическимъ произ-

веденіямъ Лермонтова. Лирическая поэзія, имѣя предметомъ не внѣшній, а внутренній міръ, — міръ души поэта, изображаетъ его личныя чувства и мысли.

Но прежде этого остановимъ вниманіе читателя на одномъ замѣчаніи, важномъ для нашей цѣли. Уже въ повѣстяхъ и поэмахъ Лермонтова проявляются его личныя ощущенія. Вольное или невольное отношеніе собственной жизни къ жизни созданныхъ лицъ достаточно показываетъ, что поэтъ сочувствовалъ имъ, что они ему не чужіе, не только какъ автору, съ любовію творящему образы, но и какъ человѣку, видящему въ нихъ себя самого. Такъ, въ „посвященіи" „Демона" прямо говорится, что эта поэма, хотя сюжетъ ея заимствованъ изъ грузинскаго преданія, есть „простое выраженіе тоски, много лѣтъ тяготившей умъ поэта". Разсказъ написанъ, слѣдовательно, съ извѣстною цѣлью въ положеніи дѣйствующаго лица изобразить положеніе разсказчика. Главное дѣло здѣсь не Демонъ, а судьба человѣка, одареннаго демоническими силами. Эпиграфъ къ „Измаилу-Бею" даетъ также знать о внутреннемъ настроеніи поэта, родственномъ или даже тождественномъ такому же настроенію вымышленнаго героя: въ немъ Лермонтовъ называетъ свою душу „безжизненною": вдохновеніе, снова на него нисшедшее, воспѣваетъ „тоску, развалину страстей". Послѣднія слова какъ бы повторяются въ самой повѣсти, при описаніи потока, шумящаго на днѣ пропасти. „Слыхалъ я этотъ шумъ, — прибавляетъ отъ себя Лермонтовъ, — и много будилъ онъ мыслей въ груди, *опустошенной тоскою*". Самый разсказъ чеченца объ Измаилѣ характеризуется эпитетами: „буйный и печальный". Лермонтовъ, перенося его съ юга на дальній сѣверъ не боится невниманія публики, да и не требуетъ вниманія

Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца.

Такимъ образомъ, „тоска, тяготѣющая надъ умомъ", „грудь, опустошенная тоскою", этою развалиной страстей, „душа безжизненная и вмѣстѣ гордая" — вотъ признаки, общіе героямъ и пѣвцу ихъ. Еще важнѣе то указаніе, которымъ Лермонтовъ положительно обнаруживаетъ свою родственную связь съ любимымъ идеаломъ. Обрисовавъ въ „Сказкѣ для

дѣлен" характеръ Нины, этой какъ бы родной сестры Арбениныхъ, Печориныхъ и Радиныхъ, онъ замѣчаетъ:

Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ.

Мы увидимъ, что слова „былъ" и „немножко" употреблены здѣсь не въ строго-точномъ своемъ значеніи. Вмѣсто прошедшаго времени поэтъ могъ бы поставить настоящее и отъ нарѣчія „немного" откинуть отрицаніе.

Указанія эти достаточно свидѣтельствуютъ о сочувствіи Лермонтова къ его героямъ; а такъ какъ сочувствіе основывается на родственномъ сходствѣ характеровъ, на ихъ принадлежности къ одной и той же породѣ, то.. Но мы не хотимъ заблаговременно высказывать выводы, для полной ясности которыхъ необходимы многія другія свидѣтельства и, между прочимъ, искреннее свидѣтельство лирическихъ пьесъ.

Самая характеристическая изъ нихъ, по моему мнѣнію, „Парусъ". Это эмблема добровольнаго изгнанника изъ родины:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Чѣмъ инымъ объяснить душевное настроеніе, выраженное въ стихотвореніи, какъ не врожденною наклонностью къ тревогѣ, подобною такой же наклонности семилѣтняго Арбенина къ разрушенію? Обстоятельства жизни совершенно благопріятныя: и золотые лучи солнца и свѣтло-лазурныя струи. Обвинять ихъ, ссылаться на нихъ нѣтъ никакого права. Можетъ-быть, по естественному недовольству нашего сердца, поэтъ стремится къ лучшему? Нѣтъ: „онъ счастія не ищетъ". Но отсюда не слѣдуетъ, однакожъ, что счастіе найдено, и

нечего искать его: нѣтъ, „онъ бѣжитъ *не отъ счастія*“. Онъ самъ не даетъ себѣ отчета, зачѣмъ бросилъ родину и направился въ далекій край. И мы напрасно стали бы вмѣстѣ съ нимъ искать положительныхъ тому причинъ. Причина одна — природа. Мятежно-рожденный проситъ бури, потому что въ него вложенъ инстинктъ мятежа, и ему такъ же необходима бурная погода жизни, какъ хищной птицѣ — хищничество. Такъ, Печоринъ не уживается съ мирною долею: его душа сроднилась съ битвами и бурями; онъ томится и вздыхаетъ на гостепріимномъ берегу, не прельщаясь ни тѣнистыми рощами ни свѣтомъ солнца. Онъ сравниваетъ себя съ челнокомъ, брошеннымъ въ море; поэтъ беретъ другое сравненіе для выраженія такого же состоянія — парусъ, бѣлѣющій въ голубомъ туманѣ моря. Такъ и Мцыри готовъ отдать двѣ спокойныя жизни за одну, полную тревогъ и битвъ; ничего не возьметъ онъ взамѣнъ живой дружбы межъ грозой и бурнымъ сердцемъ; онъ былъ бы радъ обняться съ бурей. Что въ пьесѣ „Парусъ“ представлено эмблематически, то въ другихъ стихотвореніяхъ выражается непосредственно. Романсъ „Къ***“ говоритъ, что авторъ уноситъ на чужую сторону, подъ южное небо свою *мятежную* кручину, элегія „Когда волнуется желтѣющая нива“ указываетъ, какъ, при видѣ спокойной природы, смиряется *тревога* его души.

Другой предметъ, взятый изъ міра физическаго для уподобленія ему предмета нравственнаго, есть гранитный утесъ (въ пьесѣ „Я не хочу“). Это символъ гордости, источникъ которой и право на которую — высокая душа. Угрюмый жилецъ двухъ стихій, воды и воздуха, вѣряетъ свои думы только громамъ и бурямъ: такъ и душа поэта равнодушна къ одобренію и укору людскому. Поэтъ не склоняется передъ кумирами свѣта; для него нѣтъ предметовъ ни сильной любви ни сильной злобы; онъ гордъ не меньше Измаила, Арбенина, Печорина.

Наравнѣ съ этими лицами, поэтъ пораженъ преждевременнымъ опытомъ жизни, приведшимъ его къ анализу и сомнѣнію. Въ пьесѣ „Гляжу на будущность съ боязнью“, душа его уподобляется „раннему плоду, лишенному сока“: она увяла въ роковыхъ буряхъ подъ знойнымъ солнцемъ бытія. Какъ дубовый листокъ, она выросла въ суровой отчизнѣ и „созрѣла до срока“ (пьеса „Дубовый листокъ оторвался“). Можно замѣтить, что бездушные предметы: парусъ, дубовый листокъ, гранитный утесъ,

облака и другие, взятые для символическаго представленія предметовъ душевныхъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ такъ же относятся къ поэту, какъ относятся къ нему лица повѣстей и драмъ, это образы его самого.

Что же вынесъ поэтъ изъ ранняго опыта жизни и ея анализа? Пустую душу, сомнѣніе, скуку, отсутствіе всякой цѣли. Припомнимъ изъ эпиграфа къ „Измаилу" „грудь, опустошенную тоской", которая сверхъ того называется „развалиною страстей", и намъ понятно будетъ, почему въ „Молитвѣ" (одной изъ двухъ пьесъ того же названія) поэтъ называетъ свою душу „пустынною", а себя „безроднымъ странникомъ въ свѣтѣ" (какимъ и былъ Измаилъ), и почему въ другой пьесѣ „Благодарность" онъ благодаритъ „за жаръ души, растраченный въ пустынѣ". Припомнимъ также Арсенія, который отправляется въ чужую сторону „*одинъ*, безъ думъ, *цѣли* и труда": такъ и дубовый листокъ, образъ поэта, носится по свѣту *одинъ* и *безъ цѣли*. Въ настоящемъ поэтъ живетъ подъ „бурей тягостныхъ *сомнѣній* и страстей" („Первое января"); онъ радъ, когда святыя слова молитвы далеко отгоняютъ отъ него *сомнѣнье* („Въ минуту жизни трудную").

Несмотря, однакожъ, на всю тягость бремени, душа поэта не подчиняется скорби, но презрительно смотритъ ей въ очи. При немъ всегда неумирающая память боли и томленья. Онъ не забудетъ ихъ даже въ могильной странѣ покоя, онъ не хочетъ забвенья:

Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ. („Любовь мертвеца".)

Невольно представляется при этихъ стихахъ и Печоринъ, который называлъ себя глупымъ созданьемъ, ничего не забывающимъ; и Измаилъ, который восклицалъ тоскливо, что въ мірѣ все есть, кромѣ забвенья; и еще болѣе Демонъ, которому не дано забвенья, и который его бы не взялъ. Не ясное ли здѣсь сходство, даже тождество!

Что же осталось поэту, которому такъ больно и такъ трудно? ждетъ ли онъ чего-нибудь? жалѣетъ ли о чемъ?... Вотъ собственный отвѣтъ его въ элегіи „Выхожу одинъ я на дорогу":

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.

Совершенно такое же состояніе жизни изображено подъ видомъ облаковъ, въ поэмѣ „Демонъ". Волшебный голосъ, утѣшая Тамару, говоритъ объ облакахъ, не оставляющихъ по себѣ слѣдовъ на небѣ:

Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Другіе два стиха въ томъ же описаніи облаковъ:

Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль,

какъ бы повторены въ пьесѣ „Договоръ", при представленіи неразгаданнаго союза двухъ сердецъ, въ которомъ:

Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Такимъ образомъ мысли, чувства и даже выраженія, приписанныя героямъ поэмъ и драмъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ относятся къ самому поэту и составляютъ его неотъемлемую собственность.

Укажемъ еще одинъ примѣръ. Отрывокъ изъ повѣсти, въ которой идетъ рѣчь о Сашѣ Арбенинѣ, описываетъ господскій садъ, домъ и ихъ окрестности: „отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ; съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы". Пьеса „Первое января" воспоминаетъ родныя мѣста, которыми поэтъ восхищался въ дѣтствѣ:

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Измаилъ также обращается мечтою къ картинамъ природы, которыя онъ любилъ, будучи еще ребенкомъ. У подобныхъ людей, воспоминаніе о дѣтствѣ и первыхъ впечатлѣніяхъ есть своего рода мысленный рай, куда они любятъ временно уходить отъ жестокихъ треволненій сердца, отъ безсмѣннаго присутствія одолѣвающихъ мыслей, отъ себя самихъ.

Понятіе поэта о жизни одинаково съ понятіемъ Измаила и Арбенина. Жизнь, по его мнѣнію, „пустая и глупая шутка"

(въ пьесѣ „И скучно и грустно"). Не то же ли говорили и Арбенинъ, назвавшій жизнь дѣтскою шарадой, и Измаилъ, опредѣлившій ее рядомъ измѣнъ?

Временное преображеніе поэта, закаленнаго въ роковыхъ буряхъ, совершается при помощи тѣхъ предметовъ, которые по своей сущности противоположны душевному его состоянію. Прелести природы, подчиненной положительнымъ законамъ, тихая пѣсня незнакомаго сосѣда, слова молитвы, дарующей благодатную силу разбитому сердцу, видъ прекраснаго ребенка, живущаго непосредственно жизнью, или память о другѣ, сохранившемъ и въ недѣтскомъ возрастѣ —

И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную...

вотъ что усмиряетъ тревогу души его, наполняетъ грудь покоемъ и заставляетъ иногда проливать тихія слезы. Тогда онъ можетъ постигать земное счастье и способенъ видѣть въ небесахъ Бога. При такомъ внутреннемъ настроеніи самая рѣчь становится нѣжнѣе и спокойнѣе, какъ бы въ противоположность энергическому, сжатому и мятежному стиху. Доказательствами служатъ пьесы: „Двѣ молитвы", „Ребенку", „Памяти А. И. Одоевскаго", „Къ сосѣду", „Ангелъ", „Ребенка милаго рожденье", „Выхожу одинъ я на дорогу", „Когда волнуется желтѣющая нива" и пр.

Временные переходы отъ тревоги къ спокойствію принадлежатъ и каждому изъ лицъ, созданныхъ поэтомъ, особенно Печорину. Отрадное чувство разливалось въ его жилахъ при яркомъ солнцѣ, при синемъ небѣ, при воздухѣ, чистомъ и свѣжемъ, какъ поцѣлуй ребенка. Умственное волненіе затихало въ немъ, когда передъ нимъ открывались высокія горы и широкія степи. „Я люблю, — говорилъ онъ, — скакать на горячей лошади, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль, все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума".

Такимъ образомъ сличеніе лирическихъ произведеній Лермонтова съ его повѣствовательными и драматическими пьесами

убѣдительно показывать, что онъ самъ является въ созданныхъ имъ лицахъ, или, что внутреннее состояніе этихъ лицъ выражается его собственнымъ душевнымъ состояніемъ. Родственное отношеніе, существующее между образами Арбенина, Печорина, Измаила и другихъ, существуетъ также между ними и творцомъ ихъ. Они зеркало его самого, и онъ самъ вѣрное ихъ отраженіе и воспроизведеніе.

Галаховъ.

Мужскіе типы въ произведеніяхъ Лермонтова.

Въ средѣ духовной атмосферы, которая отличается напряженіемъ мысли и ослабленіемъ воли, пытливостью ума и недостаткомъ энергіи, нужной для дѣятельности, являются иногда люди исключительные, не въ примѣръ большинству. Ихъ также коснулась зараза времени; въ натурѣ ихъ также совершилось раздвоеніе, по которому одна ея половина живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а другая мыслитъ и судитъ; ихъ также разумѣла „Дума", оплакивая пустоту и мракъ современнаго поколѣнія: однакожъ, по особеннымъ дарамъ природы, они возвышаются надъ общимъ уровнемъ и не могутъ примириться съ окружающимъ ихъ міромъ. Къ числу такихъ людей относятся герои Лермонтова, преимущественно Печоринъ. Печоринъ сознаетъ въ себѣ эту врожденную мощь. Вопросы о самомъ себѣ, о цѣли своей жизни нерѣдко выступаютъ передъ нимъ, особенно въ тѣ минуты, когда онъ видитъ чудное фаталистическое сплетеніе своей судьбы съ судьбой другихъ: „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ, для какой цѣли я родился?... А вѣрно она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я *чувствую въ душѣ моей силы необъятныя*. Ужъ не назначенъ ли я судьбой въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія?..." Почему знать? *Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками!* Геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ

человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара".

Вотъ какъ смотрѣлъ на себя Печоринъ! Онъ различалъ въ себѣ человѣка съ могучей организаціей, существо геніальное, изъ ряда Байроновъ или Александровъ Великихъ, съ высокимъ назначеніемъ на землѣ. Отчего же цѣль не достигнута, потокъ жизни проложилъ себѣ дорогу не соотвѣтственно назначенію? Могутъ быть тому разныя причины. Въ одномъ мѣстѣ Печоринъ беретъ всю отвѣтственность на себя: „Я не угадалъ назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагородныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни". Но въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ отклоняетъ отъ себя вину и такимъ образомъ ставитъ въ затрудненіе читателя, который желалъ бы объяснить себѣ настоящій источникъ его дѣйствій.

Человѣкъ, одаренный мужественными способностями, одаренъ съ тѣмъ вмѣстѣ и могущественною жаждой дѣятельности Дѣятельность должна служить необходимымъ выраженіемъ его силы, которая находитъ въ себѣ двоякое побужденіе: и природный инстинктъ, вызывающій ее наружу, и образованное понятіе объ ея употребленіи, запрещающее ей сидѣть сложа руки. Что жъ, если по какимъ-либо условіямъ время не благопріятствуетъ развитію всего сильнаго и геніальнаго? если оно осуждаетъ или на бездѣйствіе, или на пустоту дѣятельности? Нѣтъ поприща, гдѣ бы оказалась возможность развернуться и прилично и широко; но есть много преградъ къ развитію. Душа, оскорбленная такимъ порядкомъ дѣлъ, испытываетъ тягостное противорѣчіе не только между идеаломъ и дѣйствительностью вообще, но между идеаломъ и ближайшею средою. Сила, не находя исхода, пробиваетъ себѣ другой путь. Желая заявить себя, она истощается на что-нибудь, часто на пустое и недоброе. Печоринъ похищаетъ и бросаетъ Бэлу, оскорбляетъ Мери, терзаетъ Вѣру, убиваетъ Грушницкаго. Опыты его дѣятельности — рядъ самыхъ непріятныхъ столкновеній съ ближними: она истощается въ волокитствѣ, въ преслѣдованіи такихъ ничтожныхъ личностей, какъ Грушницкій или князь Звѣздичъ, въ обидномъ обращеніи съ такими добрыми личностями, какъ Максимъ Максимычъ. Вся его забота проходитъ въ томъ,

чтобы выказать свое превосходство. Затѣмъ онъ уединяется въ высокомѣрный эгоизмъ, это единственное пристанище сердца, презирающаго свѣтъ, подобно тому, какъ хищное животное, утоливъ стремленіе къ хищничеству, скрывается въ своей берлогѣ.

Вооружась противъ „гнета просвѣщенія“, которое будто бы сдѣлало насъ ничтожными, слабовольными лицемѣрами, сами герои Лермонтова страдають полуобразованіемъ. Въ нихъ легко разсмотрѣть цивилизованное варварство. Не по одной антипатіи къ поверхностному европеизму, Лермонтовъ обращается къ горцамъ и Россіи XVI вѣка. Здѣсь дѣйствовало извѣстное внутреннее сочувствіе: est son faible можно сказать о немъ. Идеалы, имъ выведенные, даже изъ среды европейской, дики, неистовы; деспотичныя Арбенинъ, Печоринъ, Радинъ, поставленные рядомъ съ героями Байрона, должны завидовать ихъ гуманности и разумности дѣйствій. Арбенинъ любитъ Нину, но какъ онъ мститъ ей? хуже Отелло. Вѣра не столько предметъ истинной страстности Печорина, сколько игрушка его тираніи и чувственности. Когда онъ, уморивъ коня въ поѣздкѣ къ Вѣрѣ, заплакалъ, какъ ребенокъ, то были не слезы сердечной привязанности, а скорѣе слезы досады, бѣсную щейся на неудачу прихоти. Тираническія роковыя наклонности нисколько не возвышаютъ его ни надъ жителемъ нашей страны, бояриномъ Оршеи, ни надъ жителемъ Кавказскихъ горъ, Хаджи-Абрекомъ. Неужели думалъ Лермонтовъ реставрировать хилыхъ своихъ современниковъ, освободить ихъ изъ-подъ гнета мирной цивилизаціи посредствомъ подобныхъ идеаловъ? Шиллеръ, въ разсужденіи о наивной и сентиментальной поэзіи, запрещаетъ идиллику обращаться назадъ, къ дѣтству, чтобы не покупать себѣ желаннаго покоя цѣною драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній ума; человѣка, не могущаго воротиться болѣе въ Аркадію, предписываетъ онъ вести въ элизіумъ. Неужели этотъ элизіумъ въ эпохѣ Іоанна IV или на вершинахъ Кавказа? Такова ли profession de foi нашего поэта? и въ этомъ ли смыслѣ надобно понимать его стихотвореніе: „Нѣтъ, я не Байронъ, *я другой*“. Было бы странно и жалко убѣдиться въ такомъ взглядѣ на общество, хотя лица, съ которыми мы познакомились, своимъ образомъ мыслей и дѣйствій заставляютъ видѣть въ себѣ адептовъ этой, а не иной „общественной философіи“

Отсюда прямой переходъ къ нравственному значенію героевъ Лермонтова. Объяснить возможность того или другого образа дѣйствій не значитъ еще вполнѣ съ нимъ расквитаться слѣдуетъ опредѣлить его законность или противозаконность. Различныя вліянія раскрываютъ передъ нами причины, почему такой-то человѣкъ вышелъ тѣмъ, а не инымъ лицомъ; онѣ могутъ даже въ извѣстной мѣрѣ оправдывать его, если онъ выказалъ себя дурною личностью; но это только обстоятельства, облегчающія виновность, а не оправдывающія ее, circonstances atténuantes, какъ говорятъ французы, не болѣе. Преступный характеръ, уклонившійся при такихъ обстоятельствахъ отъ нравственнаго начала, заставляетъ смотрѣть на себя снисходительнѣе: самое же начало остается непреклоннымъ.

Если нельзя было герою извѣстнаго времени дѣйствовать такъ, какъ бы ему хотѣлось даже (допустимъ и это) какъ бы слѣдовало по его понятіямъ; то все-таки совѣсти каждаго неизбѣжно представляется вопросъ: должно ли было дѣйствовать ему такъ, какъ онъ дѣйствовалъ? Кто имѣетъ право,— и себѣ допустить и другимъ позволить, — посвятить жизнь мщенію за безсиліе, на которое онъ обрекается современной остановкой жизни? Кто имѣетъ право, удовлетворивъ чувству мщенія, утѣшаться тѣмъ, какъ будто въ этомъ удовлетвореніи единственный долгъ человѣка и гражданина, а въ этомъ горькомъ утѣшении — единственная награда за подвигъ мстителя? И кому же мстить? тѣмъ, которые нисколько не участвовали въ печальной жизненной обстановкѣ? Въ жизни много путей, въ обществѣ много обитателей, гдѣ можно найти честный пріютъ и серіозную цѣль: ибо честь и серіозность измѣряются не обширнымъ кругомъ служенія, не внѣшнимъ его блескомъ, а отношеніемъ ихъ къ долгу. Кто, помышляя о своихъ высокихъ силахъ, пренебрегаетъ или скучаетъ бременемъ невысокихъ обязанностей, въ душѣ того очень много высокомѣрія и нисколько нѣтъ истинной любви къ общему благу. Онъ — аристократическій бѣлоручка, бѣгающій черной работы и брезгающій чернорабочими. Его протестъ вытекаетъ не изъ безкорыстной преданности правдѣ: его протестъ — гнѣвный голосъ самолюбія, раздраженнаго неудачею гордыхъ покушеній, заносчивыхъ притязаній. Въ томъ случаѣ, когда архитекторъ лишенъ возможности воздвигать новое

здание по своему замыслу, пусть онъ будетъ простымъ каменщикомъ: пусть готовитъ камни для будущаго зданія или расчищаетъ мусоръ въ зданіи разрушенномъ. Поденщикъ, дѣлающій свое дѣло, почтеннѣе генія, ничего не дѣлающаго или, что еще хуже, дѣлающаго ничего. Искреннія заботы о собственномъ и общественномъ совершенствованіи неминуемо связаны съ готовностью на жертвы. Къ жертвамъ, самозабвенію, разумному примиренію неспособны герои Лермонтова. Они или пассивны и праздны, или тревожны и разрушительны. Имъ нравится возбужденіе единственно ради возбужденія. Ихъ дѣятельность безъ всякаго содержанія. Они руководствуются не идеей долга и созиданія, а инстинктомъ хищничества и нестроенія. Это — элементъ противообщественный, враждебный самому принципу общества, своего рода Аттилы, то истребляющіе, то скучающіе. Аристотелево опредѣленіе человѣка, какъ существа, назначеннаго жить въ связи, обществѣ, имъ не къ лицу; они оправдываютъ опредѣленіе Гоббеса, который въ человѣкѣ видѣлъ природнаго врага каждому человѣку.

Мы не знаемъ, какова именно нравственная точка зрѣнія самого автора на личности, имъ созданныя; однакожъ не можемъ не замѣтить, что эти личности выставляютъ себя съ красивой стороны и часто любуются собой. Повѣсть ихъ жизни — болѣе ея апологія, гораздо менѣе ея осужденіе. Не можемъ также не замѣтить, что въ отношеніи къ нимъ Лермонтова легко различить сочувствіе, и не легко отыскать антипатію. Онъ не смотритъ на нихъ иронически, говоря: „Вотъ жалкій герой нашего времени, больного слабоволіемъ и бездѣйствіемъ, самъ зараженный тѣми же болѣзнями!“ или, „Вотъ чѣмъ въ наше время сильный человѣкъ принужденъ заявлять свою силу!“ Нѣтъ, Печоринъ, Арбенинъ, Радинъ поставлены имъ на значительно высокія подмостки, окружены обаяніемъ, могущимъ привлекать къ нимъ сердца многихъ, преимущественно молодыхъ людей. Они кокетничаютъ своей силой, выставляютъ ее на показъ, дѣлаютъ изъ нея парадъ. Къ нимъ какъ нельзя лучше идутъ слова, сказанныя объ Адольфѣ Бенжаменъ-Констаномъ, который, по предположенію нѣкоторыхъ, изобразилъ въ вымышленномъ героѣ дурныя черты своего характера, тщеславіе и измѣнчивость, но который съ тѣмъ вмѣстѣ произнесъ имъ правди-

вый упрекъ. „Я ненавижу фатовство ума, который думаетъ оправдать то, что онъ объясняетъ; ненавижу тщеславіе, которое занимается само собой, разсказывая учиненное имъ зло, хочетъ возбудить въ себѣ сожалѣніе, описывая себя, и носясь невредимо надъ развалинами, анализируетъ себя вмѣсто того, чтобы каяться. Ненавижу слабость, которая всегда обвиняетъ другихъ въ своемъ безсиліи, не замѣчая, что причина зла не внѣ ея, а въ ней самой. Адольфъ за свой характеръ наказанъ своимъ же характеромъ; наказанъ потому, что не слѣдовалъ ни по одному постоянному пути, не выбралъ ни одного полезнаго поприща, истощалъ свои способности безъ всякаго направленія и силы: направленіемъ служилъ ему капризъ, силою — раздраженіе. Обстоятельства очень мало значатъ, все дѣло въ характерѣ. Напрасно разстаются съ людьми и предметомъ, нельзя разстаться съ самимъ собою. Можно измѣнить положеніе, но въ каждое новое положеніе такой человѣкъ вноситъ муку, отъ которой желалъ бы онъ освободиться; перемѣна мѣста не исправляетъ его; она прибавляетъ только къ сожалѣніямъ угрызенія совѣсти, къ ошибкамъ — страданія".

Въ тонѣ разсказа Печорина, въ способѣ веденія интриги, даже въ языкѣ и слогѣ ясно видимъ отпечатокъ блеска и тщеславія. Здѣсь Лермонтовъ подражалъ пріемамъ французскихъ романовъ, какъ въ главныхъ свойствахъ характера онъ подражалъ Байрону. По складу своему, по внѣшнему, такъ сказать, покрою „Герой нашего времени" съ своимъ докторомъ Вернеромъ напоминаетъ скорѣй „La confession d'un enfant du siècle", гдѣ также есть докторъ, чѣмъ такъ называемыя романтическія поэмы Байрона.

Не одинъ Бенжаменъ-Констанъ, но и Шатобріанъ жалѣлъ о тревогѣ своего героя (Рене), проводившаго жизнь въ безплодныхъ мечтаніяхъ, а не въ плодовитой дѣятельности. Историки литературы, напримѣръ Гервинусъ и Ю. Шмидтъ, также порицаютъ высокомѣрныя притязанія, геніальничаніе людей, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы говорили. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, при болѣе трезвомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность и при болѣе серіозномъ направленіи того и другого, ложный героизмъ не обманываетъ болѣе: чувствуется настоятельная потребность героизма истиннаго. Въ наше время, герою не нашему времени, печальнаго и потому еще,

что оно производило такихъ героевъ, мы въ правѣ сказать то же самое, что миссіонеръ и Шактасъ, слушавшіе повѣсть Рене, сказали ему въ заключеніе разсказа: „Ничто въ этой исторіи не заслуживаетъ сожалѣнія. Я вижу юношу, упрямо преданнаго химерамъ, которому ничто не нравится и который освобождается отъ бремени общественнаго служенія, чтобы предаться безполезнымъ мечтаніямъ Человѣкъ, презирающій міръ, не есть еще человѣкъ великій. Ненависть къ людямъ и жизни происходитъ отъ недостатка дальновидности, отъ узкаго кругозора. Расширьте горизонтъ вашъ, и вы убѣдитесь, что всѣ несчастія, на которыя вы сѣтуете, чистая ничтожность... Что дѣлаете вы здѣсь, въ глубинѣ лѣсовъ, влача безполезно дни и пренебрегая всякою обязанностью?... Высокомѣрный юноша, думавшій, что человѣкъ можетъ довольствоваться только самимъ собой! Уединеніе усугубляетъ душевныя силы и въ то же время отнимаетъ у нихъ предметы дѣятельности. У кого есть силы, тотъ долженъ посвятить ихъ на служеніе ближнимъ; оставляя ихъ безплодными, онъ въ то же время чувствуетъ тайную нищету, и рано или поздно небо ниспошлетъ ему страшное наказаніе. Миссисипи, еще въ началѣ своего истока, жаловалась на то, что она только прозрачный ручеекъ. Она требовала снѣговъ у горъ, водъ у потоковъ, дождей у бурь, и вотъ она выступаетъ изъ береговъ своихъ и затопляетъ прекрасные берега свои. Надменный ручеекъ восхищается своею силою: но какъ только увидѣлъ, что на пути его все исчезаетъ, что онъ одиноко течетъ въ пустынѣ, что волны его постоянно возмущены, онъ пожалѣлъ о скромномъ руслѣ, изрытомъ для него природою, о птицахъ, о цвѣтахъ, деревьяхъ и ручьяхъ, бывшихъ нѣкогда скромными спутниками его мирнаго теченія“.

Галаховъ.

Женскіе типы въ „Героѣ нашего времени“.

Въ „Героѣ нашего времени“ Лермонтовъ далъ намъ первый образчикъ русскаго психологическаго романа. Нигдѣ онъ не является такимъ знатокомъ человѣческаго сердца, такимъ тонкимъ аналитикомъ душевныхъ движеній. Что здѣсь Лермонтовъ сознательно ставитъ себѣ психологическую задачу, видно изъ того высокаго значенія, которое онъ придаетъ

изученію внутренняго человѣка. „Исторія души человѣческой,— говоритъ онъ въ предисловіи къ журналу Печорина, — хотя бы и самой мелкой, едва ли не любопытнѣе и полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собой и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе“. Внѣшняя и внутренняя наблюдательность, способность углубленія въ жизнь была соединена въ Лермонтовѣ со свойственной романисту способностью создавать живые и типическіе образы; все это предвѣщало, что въ лицѣ его готовится, — какъ выразился Гоголь, — будущій великій живописецъ русскаго быта. Оставаясь въ предѣлахъ нашей задачи, попытаемся сдѣлать характеристику женскихъ личностей романа Лермонтова, съ которыми Печоринъ сталкивается на Кавказѣ. Мы остановимся подробнѣе на Вѣрѣ, личность которой, самая интересная въ психологическомъ отношеніи, оставлена почему-то въ тѣни предшествующей критикой. Вѣра представляетъ собой оригинальный типъ женщины, которую съ полнымъ правомъ можно назвать мученицей своего чувства. Эмоціональность развита въ ней въ высокой степени, но эта эмоціональность односторонняя. Любовь охватываетъ ея сердце съ такой роковой силой, что всѣ остальныя чувства являются у ней какъ бы атрофированными. Она теряетъ нравственное равновѣсіе, теряетъ власть надъ собой, и соотвѣтственно этому надъ ней пріобрѣтаетъ почти деспотическую власть тотъ, кого она любитъ. Нельзя сказать, чтобы женщины этого типа въ своихъ любовныхъ увлеченіяхъ руководились исключительно чувственной страстью или жаждой наслажденій. Напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ, любовь даетъ имъ очень мало радостей и очень много горя и упрековъ совѣсти. Такова многострадальная героиня романа Лермонтова. Встрѣтившись съ Печоринымъ въ петербургскомъ свѣтѣ, Вѣра, бывшая уже замужемъ, не замедлила поддаться обаянію его чарующей, демонической личности. Гордымъ титаномъ предсталъ онъ передъ ней, и простодушная женщина пала въ прахъ передъ его непонятымъ людьми величіемъ. Онъ ее увлекъ, измучилъ и бросилъ. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Вѣра потеряла перваго мужа, вышла замужъ за второго, богатаго старика, и пріѣхала съ нимъ и съ малолѣтнимъ сыномъ отъ перваго брака на Кавказъ, на воды.

Тутъ-то и происходитъ ея вторая и послѣдняя встрѣча съ Печоринымъ. Съ первыхъ же минутъ встрѣчи онъ доводитъ ее до слезъ своими язвительными намеками, потомъ снова увлекаетъ ее и, увѣряя ее въ любви, въ то же время волочится за княжной Мери и заставляетъ Вѣру страшно ревновать ее къ ней. „Ты знаешь, — говоритъ она Печорину, — что я твоя раба, что я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за то наказана: ты меня разлюбишь". Самъ Печоринъ, — этотъ тонкій знатокъ женскаго сердца, умѣющій играть на немъ, какъ на послушномъ инструментѣ, не можетъ додуматься до источника этой необъяснимой привязанности. „За что она меня такъ любитъ — право, не знаю, тѣмъ болѣе, что это единственная женщина, которая поняла меня совершенно, со всѣми моими слабостями и дурными страстями? Неужели зло такъ привлекательно?" Разставаясь съ Печоринымъ навсегда, Вѣра въ своемъ послѣднемъ письмѣ сама пытается разъяснить намъ тайну своей странной привязанности къ Печорину; ея объясненія доказываютъ, что идеальный и романическій элементъ игралъ гораздо болѣе важную роль въ ея любви, чѣмъ страсть: „Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая. Никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ".

Одинъ изъ критиковъ „Героя нашего времени" назвалъ Вѣру сатирой на женщинъ. Выраженіе рѣзкое и несправедливое! Хотя Вѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, у которыхъ чувство сильнѣе долга и собственнаго достоинства, но ее нельзя назвать типомъ отрицательнымъ. У ней есть то, что составляетъ основу всякой истинной женственности, — способность любить, жертвовать собой и прощать. Поста-

вленная въ другія условія, эта женщина, при ея готовности принести въ жертву все для любимаго человѣка, могла бы составить счастье любого мужчины. Если даже отвергнуть гипотезу проф. Висковатаго, что въ личности Вѣры есть нѣсколько черть, перенесенныхъ на нее изъ характера В. А. Лопухиной, то все-таки нельзя допустить, чтобы такой поэтъ, какъ Лермонтовъ, могъ отнестись съ сатирической точки зрѣнія къ представительницѣ той роковой и таинственной силы любви, которую онъ воспѣвалъ много лѣтъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

Прощальное письмо Вѣры къ Печорину интересно еще въ другомъ отношеніи. Въ первоначальной редакціи оно заканчивалось мольбою Вѣры къ Печорину, чтобы онъ женился на княжнѣ Мери: „Мери тебя любитъ... Если что-нибудь доброе кроется въ твоей душѣ, женись на ней! О, не погуби ея! Одной довольно!" Эти великодушныя слова въ значительной степени примиряютъ насъ съ Вѣрой и прибавляютъ весьма привлекательную черту къ ея нравственному характеру, но для Лермонтова дороже всего художественная правда. Вдумавшись въ нихъ глубже, онъ, находившій неестественнымъ, чтобы мужчина могъ принести въ жертву свое чувство для счастья любимой женщины, нашелъ еще болѣе неестественнымъ, чтобы женщина, одаренная такимъ страстнымъ темпераментомъ и способная къ такой исключительной, можно сказать, фанатической привязанности, могла искренно пожелать любимому человѣку быть счастливымъ съ другой, и потому въ исправленномъ текстѣ онъ замѣнилъ великодушную просьбу Вѣры къ Печорину просьбой совершенно противоположнаго характера, которой она и заканчиваетъ свое письмо: „Неправда ли, ты не любишь Мери? Ты не женишься на ней? Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву; я для тебя потеряла все на свѣтѣ". Посредствомъ этой замѣны Вѣра, правда, проигрываетъ въ нравственномъ отношеніи, но зато сильно выигрываетъ въ смыслѣ цѣльности своего психологическаго типа. Характеристика Вѣры у Лермонтова — это блистательный психологическій этюдъ, одинаково совершенный какъ въ общемъ замыслѣ, такъ и въ отдѣлкѣ деталей. Что, напримѣръ, можетъ быть милѣе и женственнѣе слѣдующихъ словъ Вѣры, обращенныхъ къ Печорину и мгновенно озаряющихъ глубину ея деликатной, любящей и поэти-

ческой натуры: „О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣніями и притворной холодностью. Я, можетъ-быть, скоро умру; я чувствую, что я слабѣю со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденія взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его“...

Легкая и изящная Мери, съ ея стройнымъ станомъ и бархатными глазками, которые, по выраженію Печорина, такъ мягки, какъ будто они тебя гладятъ, принадлежитъ къ другому типу женщинъ. Это — натура болѣе уравновѣшенная и сдержанная и менѣе страстная, и потому по отношенію къ ней Печоринъ держится другой тактики. Тщательно изучивъ женское сердце, хорошо зная, что въ немъ самая ненависть ближе къ любви, чѣмъ равнодушіе, Печоринъ старался дѣлать мелкія непріятности княжнѣ, безцеремонно лорнируетъ ее и отвлекаетъ отъ нея кавалеровъ во время прогулки, перекупаетъ коверъ, который она хотѣла купить, и т. д. Онъ въ короткое время достигаетъ своей цѣли: княжна считаетъ его дерзкимъ и при встрѣчѣ даритъ его взглядомъ, который выражаетъ досаду, стараясь выразить равнодушіе. „Въ продолженіе двухъ дней, — пишетъ Печоринъ въ своемъ дневникѣ, — дѣла мои ужасно подвинулись: княжна меня ненавидитъ“. Молва, между тѣмъ, помогаетъ Печорину. Носятся слухи, что онъ сосланъ на Кавказъ за какую-то романическую исторію; сама княгиня разсказываетъ дочери эту исторію и сильно заинтересовываетъ ею личностью Печорина. Когда послѣдній чувствуетъ, что почва для него достаточно подготовлена, онъ знакомится съ княжной на балу. Счастливый случай помогаетъ ему оказать ей существенную услугу, защитивъ ее отъ дерзостей полупьянаго драгунскаго капитана; въ разговорѣ съ ней онъ тщательно избѣгаетъ упоминанія объ этой непріятной исторіи, но мимоходомъ даетъ княжнѣ вскользь почувствовать, что она ему давно нравится. Заронивъ такимъ образомъ искру въ ея сердце, Печоринъ искусно раздуваетъ ее то нѣжностью, то равнодушіемъ. Однажды въ припадкѣ откровенности, стараясь придать своему тону какъ можно больше искренности, онъ разсказываетъ ей печальную исторію своей жизни, говоритъ о томъ, что онъ былъ

готовъ любить весь міръ, но что люди его не поняли, что вслѣдствіе этого лучшія чувства въ немъ умерли, а въ душѣ его поселилось холодное и безсильное отчаяніе, — словомъ, повторяетъ ей все то, что онъ, по всей вѣроятности, говорилъ Вѣрѣ и другимъ женщинамъ. Печоринъ съ восторгомъ наблюдалъ, какъ при его разсказахъ въ глазахъ Мери дрожали слезы и какъ состраданіе впустило свои когти въ ея неопытное сердце; онъ по опыту знаетъ, что у женщинъ отъ состраданія одинъ шагъ до любви. Благородная по натурѣ княжна не могла допустить мысли, чтобъ Печоринъ игралъ ея чувствомъ. Видя, что онъ колеблется сдѣлать рѣшительный шагъ, и объясняя по-своему его нерѣшительность, она дѣлаетъ усиліе надъ собою, побѣждаетъ свою стыдливость, и сама первая говоритъ ему великое слово *люблю*. Когда же Печоринъ, насытивъ этимъ признаніемъ свое самолюбіе, съ свойственнымъ ему цинизмомъ откровенности объявляетъ княжнѣ, что онъ никогда не любилъ ея, она, униженная и оскорбленная, замыкается въ чувство собственнаго достоинства и, оставшись наединѣ съ собой, по ночамъ оплакиваетъ свое горе. Княжна Мери представляетъ собой въ ряду женскихъ личностей, созданныхъ Лермонтовымъ, типъ, обработанный наиболѣе тщательно и полно. Образъ ея такъ полонъ жизни и художественной правды, что, кажется, будто гдѣ-то встрѣчалъ ее или надѣешься встрѣтить. Ухаживаніе за ней Грушницкаго и Печорина — это рядъ необычайно тонкихъ психологическихъ штриховъ, которымъ нельзя вдоволь надивиться.

Мнѣ слѣдовало бы дать характеристику Бэлы, этой первобытной, непосредственной натуры, этого дикаго и благоуханнаго цвѣтка, выросшаго въ разсѣлинахъ кавказскихъ скалъ, если бы все, что можно сказать о ней, не было давно исчерпано въ превосходной статьѣ Бѣлинскаго. Замѣчу только, что за исключеніемъ шекспировской Миранды трудно найти во всемірной литературѣ болѣе очаровательное воплощеніе женственности, какою она вышла изъ рукъ природы.

Стороженко.

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ произведеніяхъ Лермонтова.

Совпаденіе лермонтовской „Пѣсни“ съ народными было помимо сборника Кирши Данилова. Несомнѣнно, что не одинъ этотъ сборникъ былъ въ распоряженіи Лермонтова; несомнѣнно, что у него могли быть подъ руками и другіе сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, онъ могъ и самъ слышать подобныя пѣсни, или могъ пользоваться чужими записями. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще слѣдующія сопоставленія лермонтовской „Пѣсни“ съ такъ называемыми разбойничьими или удалыми пѣснями и съ пѣснями народными, бытовыми. Ограничимся хотя слѣдующими выдержками изъ этихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ отвѣтъ царя Калашникову, обстановку казни послѣдняго, его могилу и его безталанную участь:

Что возговоритъ надёжа, православный царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ и отвѣть держать,
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

Ведутъ молодца казнить:

Идетъ его грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ топоръ широкій.

Молодецъ прощается съ родными:

Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, міръ и народъ Божій,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои-ль грѣхи тяжкіе.

Народное преданіе приписываетъ Стенькѣ Разину слѣдующее завѣщаніе, повторяющееся у Лермонтова о могилѣ Калашникова:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной Кіевской,
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится.

Или какъ въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни:

Буде старъ человѣкъ пойдетъ — помолится...
Буде младъ человѣкъ пойдетъ — въ гусли наиграется.

Припомнимъ заключеніе „Пѣсни“ Лермонтова:

Пойдетъ старъ человѣкъ — перекрестится...
А пойдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Къ купцу Калашникову, какъ нельзя болѣе, идетъ народная пѣсня о безчастномъ добромъ молодцѣ:

Ты безчастный добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка;
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ.

Такъ и къ другому молодцу „Пѣсни“ Лермонтова, къ опричнику, подходятъ народныя пѣсни о молодцахъ, безчастныхъ въ любви, погибающихъ въ степяхъ приволжскихъ.

Такое же соотвѣтствіе съ бытовыми народными пѣснями находимъ и въ изображеніи семейнаго быта купца у Лермонтова. Хороводныя пѣсни изображаютъ мужа, который собирается или прибить плеткой, или заперетъ за замокъ свою жену, гуляющую по вечерамъ съ молодцами:

Ужъ ты гдѣ была, жена-страдница?

Нельзя, однако, считать „Пѣсню“ Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеніемъ изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложеніемъ этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и картинъ, не говоря уже о томъ, что едва ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской „Пѣсни“ въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силой своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ народной поэзіей, но не тождественно. Его „Пѣсня“ такъ же связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся вширь и вдаль, — съ своими истоками — изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы.

Возьмемъ ли мы Лермонтовскіе припѣвы гусляровъ; или картину пира, на которомъ любимый опричникъ царя, Кирибѣевичъ, обнаруживаетъ свою могучую грусть по красавицѣ, „крѣпкая дума“ по которой становится для него ро-

ковой; или картину лихой невзгоды купца Калашникова, выбивающей его изъ устоевъ честной и строгой, въ старозавѣтномъ духѣ семейной жизни и влекущей къ отстаиванію до послѣднихъ силъ „святой правды-матушки"; или послѣднюю картину богатырскаго кулачнаго боя, переходящаго изъ веселой потѣхи въ поединокъ, въ высшій судъ, за которымъ слѣдуетъ судъ царскій и казнь Калашникова, — во всѣхъ этихъ картинахъ выдержанъ одинъ тонъ простой и художественный, придана содержанію цѣлость и законченность.

Развитіе сюжета представляетъ мрачную драму: то грозный гнѣвъ царя на заподозрѣннаго опричника, на удалого Калашникова, убившаго лучшаго бойца, Кирибѣевича; то гнѣвъ и немилостивыя рѣчи Парамона Степановича, обращенныя къ хозяюшкѣ-красавицѣ, воротившейся съ улицы въ позднюю пору опозоренной, ошеломленной, и семейное совѣщаніе купца въ темну ночь морозную съ младшими братьями, какъ отомстить за обиду; то смерть опричника; то лютая позорная казнь удалого бойца, молодого купца; то могила съ кленовымъ крестомъ! Но и среди этихъ мрачныхъ картинъ, какъ проблески солнца среди тучъ, показываются веселыя лица гусляровъ, улыбки и смѣхъ царя на пиру, образъ красавицы Алёны Дмитріевны и природа, которая, какъ улыбающаяся алая заря, разыгравшаяся надъ Москвой въ роковой день, сверкаетъ „вѣчно-гордой и спокойной красотой" надъ самыми мрачными картинами человѣческой жизни. Это сопоставленіе картинъ и развитіе всего сюжета „Пѣсни" сближаетъ ее съ общимъ направленіемъ Лермонтовской поэзіи: съ ея безотрадною грустью и съ жалобой на судьбу, съ ея ожесточеніемъ противъ попранной правды и вмѣстѣ съ примиреніемъ поэта преимущественно въ природѣ. Даже въ языкѣ, въ отдѣльныхъ образахъ можно найти соотвѣтствіе „Пѣсни" съ другими произведеніями Лермонтова. Можно замѣтить даже неточность противъ обычаевъ русской старины, сохранившихся и въ современномъ народномъ быту, въ изображеніи Лермонтова замужней женщины:

Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.

Въ день свадьбы, какъ извѣстно, косу русую расплетали у дѣвицы, и замужняя она уже не могла красоваться русой косой, — почему въ свадебныхъ пѣсняхъ и встрѣчаются мотивы оплакиванья косы — дѣвичьей красы.

Изъ этой неточности нельзя однако выводить заключенія о томъ, что Лермонтовъ создавалъ свою „Пѣсню" только на основаніи книжныхъ и устныхъ источниковъ, или на основаніи своего личнаго настроенія. Несомнѣнно, что ему была знакома и бытовая жизнь русскаго народа и его различныхъ слоевъ, кромѣ высшаго свѣтскаго общества, въ которомъ онъ, по преимуществу, вращался, какъ мы знаемъ изъ его біографіи. Такъ, напримѣръ, хотя бы въ изображеніи кулачнаго боя — этой распространенной въ прошломъ русской національной потѣхи — Лермонтовъ могъ слѣдовать и личнымъ впечатлѣніямъ, какъ въ селѣ Тарханахъ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ выходили на кулачный бой охотники изъ купцовъ и даже изъ господъ. Точно такъ же Лермонтовъ могъ знать и жизнь купечества съ ея старозавѣтными обычаями, какъ она долго сохранялась въ московскомъ Замоскворѣчьѣ.

Въ 1837 году, нѣсколько ранѣе „Пѣсни" о Калашниковѣ, появилось въ печати „Бородино" Лермонтова. Стихотвореніе написано безъ народнаго размѣра, въ томъ же стилѣ, какъ и ранній набросокъ „Поле Бородина", 1830 года. Но какая громадная разница между этимъ первоначальнымъ наброскомъ и отдѣланнымъ произведеніемъ 1837 года, которое увеличено на семь куплетовъ; какое движеніе придано всей картинѣ Бородинскаго боя; какой народный колоритъ наложенъ на все произведеніе!

Неестественный, романтическій образъ солдата-артиллериста превратился въ народнаго служиваго, въ дядю, съ рѣчью грубо-простодушной и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненной эпическаго воодушевленія. Солдатъ первоначальнаго наброска, подобно героямъ Лермонтовскихъ поэмъ, заслушивался и „пѣсней непогоды", которая напоминала ему „пѣснь свободы", и видѣлъ мотивы своего геройства въ отчаяніи, въ мщеньи и выражался такимъ языкомъ, который по мѣстамъ болѣе подходитъ къ одѣ на побѣду, чѣмъ — къ представленіямъ и рѣчи солдата:

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь...
Я спорилъ о могильной сѣни...

Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

Все это въ стихотвореніи 1837 года отброшено поэтомъ. Теперь, въ эпоху созданія „Пѣсни о Калашниковѣ", Лермонтову не нужны были и тѣ эффектныя положенія, въ которыя онъ любилъ ставить своихъ героевъ въ юношескихъ произведеніяхъ. Ночь передъ битвой на полѣ Бородина представлялась Лермонтову въ 1830 году не иначе, какъ въ шумѣ бури, съ пѣснями непогоды; герой обращался къ товарищу, поднявъ голову съ лафета; послѣ битвы онъ „склонялъ голову на трупъ застывшій, какъ на ложе". Въ „Бородино" 1837 года ночь передъ рѣшительнымъ боемъ описывается какъ будто старымъ русскимъ лѣтописцемъ: „французъ ликовалъ до разсвѣта, но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый". Солдатъ-герой не выступаетъ теперь на первый планъ: онъ сливаетъ себя съ товарищами и выступаетъ только разъ, какъ артиллеристъ съ своей пушкой:

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!

Безцвѣтность наброска — въ названіяхъ „вождя", „противника", въ отдѣльныхъ деталяхъ описанія боя — замѣнилась яркими, живыми и реальными образами. Вмѣсто „вождя" явился „полковникъ-хватъ, слуга царю, отецъ солдатамъ"; вмѣсто противника — „мусью французъ, басурманъ"; вмѣсто „отъ враговъ ударъ нежданый на батарею прилетѣлъ, громъ грянулъ, пуля смерти пронеслася изъ моего ружья" явились широкіе стремительные очерки боя:

Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй...
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала...

Прибавленъ еще и „русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой".

Одно выраженіе прежняго наброска: „на пушки конница летала", превратилось въ цѣлую военную картину, какъ будто нарисованную кистью баталиста Ораса Верне:

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Все промелькнуло передъ нами...
Неслись знамена, какъ тѣни...
Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи.

Однако изъ первоначальнаго наброска Лермонтовъ удержалъ отдѣльныя мѣста съ нѣкоторыми измѣненіями:

„Ребята, не Москва ль за нами!
Умрите жъ подъ Москвой
(измѣнено: Умремте жъ подъ Москвой),
Какъ наши братья умирали!"
И мы погибнуть обѣщали
(измѣнено: И умереть мы обѣщали)
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Боевыя сцены „Бородино", по живости изображенія военныхъ силъ и ихъ дѣйствій, не уступаютъ позднѣйшимъ военнымъ картинамъ, которыя Лермонтовъ, уже испытанный боевой офицеръ на Кавказѣ, рисуетъ въ „Валерикѣ" 1840 г. и въ „Спорѣ" 1841 г. Но въ „Валерикѣ", въ этомъ безыскусномъ разсказѣ, Лермонтовъ говоритъ о войнѣ, какъ ея участникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой въ „Севастопольскихъ очеркахъ", говоритъ съ „грустью тайной и сердечной". Въ „Бородино" и „Спорѣ" рисуются однѣ величественныя военныя картины безъ всякой рефлексіи.

„Бородино" Лермонтова, явившееся черезъ 25 лѣтъ послѣ отечественной войны, было какъ будто юбилейнымъ патріотическимъ гимномъ великой годины. Много стихотвореній было посвящено Бородинскому бою до Лермонтова и послѣ него, много народныхъ пѣсенъ, преимущественно солдатскихъ, казацкихъ и сочиненныхъ въ патріотическомъ духѣ, воспѣвало отечественную войну; но ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ встать вровень съ „Бородино" Лермонтова. Напрасно бы мы стали искать подобныхъ описаній у поэта — участника въ этой войнѣ — представителя „могучаго, лихого племени", Дениса Давыдова. Его „Бородинское поле", какъ и извѣстное произведеніе Жуковскаго — „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", не свободно отъ ложноклассическихъ прикрасъ: мечей, перунова грома и т. п. У Давыдова мы

встрѣчаемъ только отдѣльныя мѣста, какъ будто напоминающія Лермонтова. Въ „Современной пѣснѣ“ Давыдовъ говоритъ, очевидно, вспоминая отечественную войну:

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый!..
То былъ вѣкъ богатырей!

Въ стихотвореніи „Партизанъ“ онъ тоже посвящаетъ нѣсколько строкъ Бородинскому бою:

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ.

А между тѣмъ Давыдовъ и въ жизни и въ поэзіи проявилъ необыкновенную отвагу и „жаръ рѣчей“, по выраженію Пушкина. При всемъ томъ, Давыдову недоставало объективности, поэтической фантазіи, глубокой мысли и чувства, какія мы находимъ у Лермонтова. Давыдовъ самъ искренно опредѣлилъ свое отношеніе къ поэзіи:

Я не поэтъ, — я партизанъ, казакъ...
Пусть грянетъ Русь военною грозою —
Я въ этой пѣснѣ запѣвала.

Еще болѣе выигрываетъ „Бородино“ Лермонтова при сопоставленіи съ такъ наз. народными пѣснями, относящимися къ отечественной войнѣ. Послѣ 1812 года въ журналахъ появилось много такъ наз. народныхъ пѣсенъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣвцомъ-разсказчикомъ представлялся, какъ и у Лермонтова, отставной солдатъ. Но всѣ эти пѣсни, вошедшія затѣмъ въ пѣсенники, отличались ложнымъ тономъ, напыщеннымъ патріотизмомъ, побѣднымъ громомъ оружія и хвастливымъ отношеніемъ къ побѣжденному врагу; иногда къ грому оружія присоединялся и звонъ стакановъ, застольныхъ чашъ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Лермонтова. Въ отношеніи поэта къ выведенному имъ разсказчику-ветерану видна любовь къ русскому солдату съ его героическимъ и вмѣстѣ смиренно-христіанскимъ настроеніемъ; въ отношеніи къ врагу выражается сдержанность и правдивая оцѣнка его силъ; и все стихотвореніе Лермонтова проник-

нуто не узкимъ патріотизмомъ, а широкимъ общерусскимъ чувствомъ, глубокой всенародной мыслью:

> Ужъ постоимъ мы головою
> За родину свою...
> Не даромъ помнитъ вся Россія
> Про день Бородина!

Въ солдатскихъ и казацкихъ пѣсняхъ, относящихся къ отечественной войнѣ, мы встрѣчаемъ только слабыя черты, подходящія къ Лермонтовскому стихотворенію:

> Подымался съ горъ туманъ, французъ силу забиралъ...
> Не пыль во полѣ пылитъ,
> Не дубравушка шумитъ,
> Французъ съ арміей валитъ...
> Ужъ какъ сталъ французъ палить,
> Только дымъ-сажа валитъ,
> Въ томъ ли во чаду
> Красна солнца не видать...
> И мы начали палить, только дымъ столбомъ валитъ,
> Каково есть красно солнце, не видно во дыму...
> Какъ зоренька занялась,
> Вся силушка собралась:
> Стали тѣла разбирать,
> Своихъ русскихъ узнавать.
> Много силушки побили
> И конями потоптали.

При сравненіи этихъ немногихъ мотивовъ изъ военныхъ пѣсенъ съ стихотвореніемъ Лермонтова, ярче выступаетъ эпическое воодушевленіе поэта и слабость позднѣйшей народной поэзіи. Мы видѣли, какъ много дали для творчества Лермонтова историческія пѣсни и пѣсни бытовыя. За пѣснями, относящимися къ отечественной войнѣ, нельзя признать такого вліянія. Въ „Бородино" поэтъ выходитъ на дорогу самостоятельнаго творчества въ народномъ духѣ. Этотъ путь указанъ еще Пушкинымъ въ его народно-бытовыхъ сюжетахъ, напр. въ стихотвореніи „Гусаръ", тонъ котораго отчасти отразился и на „Бородино" Лермонтова.

Въ 1840 году Лермонтовъ возвратился къ колыбельной пѣснѣ, которую пробовалъ удержать въ народной формѣ въ драмѣ „Мстиславъ Черный" и передѣлать въ „Балладѣ" 1830 г. Теперь въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ", какъ и въ „Бородино", Лермонтовъ самостоятельно разрабатываетъ

тему въ народномъ стилѣ. Поэтъ не выходитъ изъ предѣловъ казачьяго быта; онъ остается въ кругу представленiи своеобразной жизни, но согрѣваетъ эту картину общечеловѣческими отношенiями. Пѣсенка казачки надъ колыбелью будущаго богатыря и казака отличается простотой и трогательною нѣжностью. Какъ въ „Бородино“ видна любовь поэта къ солдату, такъ въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ видна любовь поэта къ дѣтямъ и сочувствiе къ глубокому материнскому чувству. Художественный образъ будущаго казака выдержанъ: его не удержатъ отъ бурнаго житья ни слезы матери ни ея тоска:

Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.

Эти горькiя слезы матери невольно напоминаютъ прочувствованное стихотворенiе Некрасова:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Однѣ я слезы подсмотрѣлъ,
Святыя искреннiя слезы,—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стихотворенiе Лермонтова проникнуто и религiознымъ чувствомъ, благоговѣнiе къ которому поэтъ уважалъ и въ народѣ и въ своемъ поэтическомъ настроенiи. Въ 1840 г., рисуя образъ симпатичной женщины изъ высшаго круга общества, сближая его черты съ природой и народомъ родины, Лермонтовъ восхищается и тѣмъ, что

Слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надеждѣ на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

И „Бородино“ и „Казачья колыбельная пѣсня“ указываютъ на то, что Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическiе мотивы и глубоко сочувствовалъ „правдѣ народной“, по выраженiю Достоевскаго.

Еще последнее странное признаніе этого сочувствія поэтъ оставилъ въ стихотвореніи „Отчизна“ 1841 г. Въ этотъ последній годъ своей жизни Лермонтовъ „любовь къ отчизнѣ“ стремится прикрѣпить не къ славѣ, не къ завѣтнымъ преданьямъ темной старины, а къ роднымъ полямъ, лѣсамъ, рѣкамъ и къ деревнямъ. Благосостояніе родины, выражающееся въ желтой нивѣ, въ полномъ гумнѣ, въ народномъ праздничномъ весельѣ, возбуждаетъ въ поэтѣ отрадное мечтанье. Мечтаньямъ этимъ не суждено было развиться и выразиться въ творчествѣ Лермонтова. „Отчизна“ была последнимъ „привѣтомъ поэта странѣ родной“:

...и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній.

Владиміровъ.

Картины природы въ произведеніяхъ Лермонтова.

Нашъ поэтъ отличается отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ тѣмъ, что далъ более широкій просторъ въ поэзіи картинамъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на недосягаемой высотѣ. Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу удовлетворить въ одно и то же время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло“, въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли намъ на облака, бѣгущіе „степью лазурною, цѣпью жемчужною“, или на коня, несущагося по синей безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвы, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною

поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ, сцены битвы въ „Измаилъ-Беѣ", картины въ родѣ слѣдующей:

Шумитъ Аргуна мутною волной.
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ, и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!...

или:

Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты,
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною...

или такія мѣста, какъ то, когда Хаджи-Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленной головой Леилы:

Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла...

и безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній, — все это высочайшія красоты поэзіи.

Два замѣчательнѣйшихъ ученыхъ новѣйшаго времени — Александръ Гумбольдтъ въ своемъ „Космосѣ“ и Христіанъ Эрстедъ въ своемъ разсужденіи объ отношеніи естествознанія къ поэзіи — указываютъ, какъ на настоятельное требованіе нашего времени, на болѣе обширное приложеніе въ области изящнаго современныхъ открытій и изслѣдованій природы. Гумбольдтъ говоритъ: „Если такъ наз. „описательная“ поэзія, какъ отдѣльная и самостоятельная форма искусства, заслуживаетъ справедливаго порицанія, то это еще не значитъ, чтобы такое же порицаніе вызывали серіозныя старанія обобщать посредствомъ изобразительной силы поэтическаго слова результаты новѣйшаго, богатаго глубокимъ интересомъ изученія природы. Неужто мы пренебрежемъ средствомъ, которое можетъ намъ представить живую картину отдаленныхъ, другими изслѣдованныхъ странъ и даже доставить намъ часть того наслажденія, какое находимъ мы въ непосредственномъ созерцаніи природы? Метафора арабовъ, говорящихъ, что лучшее описаніе есть то, которое „превращаетъ слухъ нашъ въ зрѣніе“, полна смысла. Наше время страждетъ несчастною склонностью къ риторической, лишенной содержанія прозѣ, къ пустотѣ такъ называемыхъ чувствительныхъ изліяній, — склонностью, обуявшею разомъ во многихъ странахъ достойныхъ путешественниковъ и естествоописателей. Изображенія природы, повторяю, могутъ оставаться научно точными и вполнѣ опредѣленными, не теряя оживляющей ихъ силы воображенія“.

Стоитъ прочесть цѣликомъ упомянутыя сочиненія, чтобы убѣдиться, что Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ большую часть того, что эти великіе ученые признаютъ потребностью нашего времени и чего такъ живо желаютъ. Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристическою природой этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ какой-нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ. *Боденштедтъ.*

Отличительныя свойства поэзіи Лермонтова.

Несмотря на свою безспорную способность къ объективному творчеству, какую Лермонтовъ доказалъ созданіемъ такихъ типовъ, какъ Максимъ Максимычъ и купецъ Калашниковъ, нашъ поэтъ во всей своей поэзіи былъ субъективнымъ лирикомъ, любившимъ облекать преимущественно свои личныя чувства въ символы или реальные образы. Его поэмы и романы не иное что, какъ мелкія лирическія стихотворенія, вставленныя въ болѣе широкую рамку. Это легко можно провѣрить, сравнивъ по годамъ тѣ и другія. Очевидно, что внутренняя работа надъ самимъ собою была такъ сильна въ Лермонтовѣ и настолько поглощала его силы, что для объективнаго воспроизведенія жизни въ его душѣ не было мѣста, несмотря на богатство и широту его таланта. Внутренній процессъ самовоспитанія не былъ оконченъ, идеалы не установились, и потому всѣ стороны жизни, съ какими Лермонтову приходилось сталкиваться, имѣли для него цѣну только въ отношеніи къ нему самому, насколько онѣ помогали или мѣшали ему въ рѣшеніи занимавшихъ его вопросовъ. Обозрѣвая бѣгло всю литературную дѣятельность Лермонтова, мы въ правѣ сказать, что онъ всю жизнь былъ поэтомъ своихъ личныхъ чувствъ, отражалъ міръ въ самомъ себѣ и занятъ былъ анализомъ этого отраженія больше, чѣмъ предметами, которые его вызывали. Мы говоримъ это не въ упрекъ Лермонтову.

Каждый писатель всегда субъективенъ по-своему; но въ крупномъ писателѣ субъективность, даже въ узкомъ смыслѣ, не менѣе цѣнна, чѣмъ способность объективнаго воспроизведенія дѣйствительности. Крупный человѣкъ, а тѣмъ болѣе писатель, вполнѣ можетъ быть названъ фокусомъ, въ которомъ собраны лучи разрозненныхъ чувствъ и понятій, какими живетъ его эпоха. Присмотрѣться ближе къ этому фокусу и изслѣдовать его подробно такъ же интересно, какъ разсмотрѣть порознь каждый изъ лучей, въ немъ собранныхъ. Лермонтовъ облегчилъ намъ эту работу, чистосердечно раскрывъ передъ нами нѣкоторые тайные уголки своего сердца. Если онъ и не разобрался въ хитрыхъ сплетеніяхъ современной ему жизни, то онъ своей субъективной лирикой далъ

намъ понять, какъ задачи этой тревожной жизни отражались въ сильномъ и умномъ человѣкѣ того времени. Въ его стихахъ передъ нами правдивый разсказъ современника о пережитыхъ имъ волненіяхъ сердца и сомнѣніяхъ разсудка, о той болѣзни, которой страдалъ не онъ одинъ, но и многіе изъ его сверстниковъ.

Если, такимъ образомъ, стихи Лермонтова получаютъ значеніе историческаго матеріала, то такое же историческое значеніе остается я за ихъ крупнѣйшимъ недостаткомъ.

Съ этимъ недостаткомъ мы давно уже знакомы — въ стихахъ Лермонтова нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія, нѣтъ никакихъ установившихся убѣжденій; мысли и чувства набѣгаютъ на поэта, волнуютъ его до глубины души, вызываютъ въ немъ сильные художественные образы, но тотчасъ же смываются новой волной налетѣвшихъ сомнѣній. Прежніе боги падаютъ, изъ ихъ праха возстаютъ новые, которымъ также суждено стоять на пьедесталѣ недолго.

Мы желаемъ опредѣлить общественную роль писателя, его роль не какъ художника, а какъ дѣятеля, участника въ общемъ прогрессивномъ движеніи русской жизни. Для этой цѣли намъ не нужно знать, на какомъ году умеръ Лермонтовъ, какъ онъ жилъ въ тѣсномъ кругу личной и семейной жизни, какія препятствія встрѣчалъ онъ въ своемъ воспитаніи и развитіи. Для насъ важны исключительно его произведенія. Пусть недостатки ихъ обусловлены эпохой и самъ поэтъ въ нихъ не виновенъ: намъ нужно взглянуть на эти произведенія и на личность поэта, какъ на орудія и на дѣятеля, которыми эпоха, въ свою очередь, могла воспользоваться для дальнѣйшей работы надъ занимавшими ее вопросами.

Что могла дать обществу поэзія Лермонтова, иногда совсѣмъ оторванная отъ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ узко субъективная, оцѣнившая явленія жизни лишь въ ихъ отношеніи къ одной данной личности и вдобавокъ не установившаяся и противорѣчивая въ своихъ конечныхъ выводахъ?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ поэзіи Лермонтова совсѣмъ не было прогрессивнаго элемента. Въ ней не было ни постановки новыхъ важныхъ вопросовъ, ни оригинальной перестановки старыхъ, не говоря уже ни о какомъ-нибудь удовлетворительномъ рѣшеніи. Если въ нѣкоторыхъ

вопросахъ, какъ, напр., въ вопросѣ о роли поэта въ обществѣ, Лермонтовъ и пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, то онъ все-таки не пришелъ ни къ какому окончательному выводу и выразилъ въ стихахъ одну только неудовлетворенность прежними рѣшеніями.

Бѣлинскій утверждалъ, что поэзія Лермонтова была „умнѣе“ поэзіи Пушкина; но она была не „умнѣе“, а только „тревожнѣе“. Тревожное настроеніе Лермонтова было пережито Пушкинымъ значительно раньше. Это же настроеніе было перечувствовано и современниками Лермонтова и почти у всѣхъ разрѣшилось въ иныя настроенія, которыя больше, чѣмъ лермонтовское, имѣютъ право назваться прогрессивными. Въ техникѣ стиха Лермонтовъ также едва ли пошелъ дальше Пушкина.

Итакъ, въ чемъ же могла заключаться прогрессивная роль Лермонтова, если идеи, какими онъ жилъ, чувства и внѣшняя оболочка ихъ не представляли, повидимому, ничего особенно новаго?

Прогрессивная роль Лермонтова тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она была угадана Бѣлинскимъ еще при жизни автора, хотя критикъ не далъ ея подробнаго и полнаго опредѣленія; очевидно, ему самому была не вполнѣ ясна дѣятельность Лермонтова, какъ ясна была для него, напр., дѣятельность Гоголя. Бѣлинскій, въ порывѣ своихъ увлеченій нѣмецкой философіей и эстетикой, отнесся несимпатично къ тревожному настроенію поэта и такимъ образомъ чуть-чуть не просмотрѣлъ въ немъ самую прогрессивную его сторону. Бѣлинскій остановился главнымъ образомъ на художественной сторонѣ произведеній Лермонтова и разсматривалъ его настроеніе преимущественно съ этой точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій чуялъ, что въ поэзіи Лермонтова, кромѣ художественной, была еще и другая сторона, и на нее-то онъ намекалъ, когда говорилъ, что эта поэзія была „умнѣе“ поэзіи Пушкина, что Лермонтовъ „удовлетворялъ вкусамъ болѣе развитого общества“, что „онъ шелъ впередъ въ исторіи русскаго творчества“.

Съ мнѣніемъ Бѣлинскаго согласилось и потомство. Хотя Лермонтовъ прямыхъ подражаній и не вызвалъ, но писатели позднѣйшихъ поколѣній, въ большинствѣ случаевъ, отнеслись къ нему очень симпатично. Особенно симпатично относилась

къ нему молодежь, которая въ наше время стала усиленно имъ интересоваться. Все это показываетъ намъ ясно, что въ поэзіи Лермонтова было нѣчто такое, что̀ приковывало къ себѣ сердца читателей, и не только современныхъ, но и позднѣйшихъ. Въ этой поэзіи было нѣчто „общее“, всѣмъ родное, „общечеловѣческое“ и гуманное.

Въ ней прежде всего былъ юношескій пылъ, живая, впередъ стремящаяся сила, которой у стариковъ не было. Романтическое недовольство современностью, поиски идеаловъ, увѣренность въ высокомъ призваніи, жажда великаго дѣла, тяжелая внутренняя борьба въ виду массы вновь возникающихъ вопросовъ, нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ, всѣ эти тревоги и надежды молодого сердца были въ поэзіи Лермонтова живой дѣйствительностью, а въ стихахъ старшаго поколѣнія лишь воспоминаніемъ. Такимъ образомъ поэзія Лермонтова, помимо своей умственной цѣнности, была для молодежи прежде всего „живая сила“, а не „книжное наставленіе“. Что же касается ея содержанія, то общественное его значеніе для того времени опредѣляется тѣми его качествами, которыя съ другихъ точекъ зрѣнія должны быть признаны за недостатки и отъ которыхъ Лермонтовъ, останься онъ живъ, со временемъ бы, конечно, избавился. Мы говоримъ о тревожномъ неустановившемся настроеніи поэта, о поспѣшности, съ какой онъ набрасывался на всѣ вопросы жизни, о его привычкѣ рѣшать эти вопросы съ плеча и затѣмъ сердиться на себя и на міръ за свое же собственное, слишкомъ поверхностное отношеніе къ задачамъ, требовавшимъ терпѣнія и подробнаго изученія. Это нетерпѣливая, а потому противорѣчивая и тревожная разносторонность поэзіи Лермонтова служила хорошимъ противовѣсомъ поэтическому квіэтизму старой школы и носила въ себѣ зерно для будущаго развитія русской мысли. Поэзія Пушкина и его товарищей давно помирилась съ жизнью на почвѣ чистой эстетики; отъ современнаго она уходила въ прошедшее. Чтобы привести поэзію въ болѣе тѣсную связь съ новой дѣйствительностью, необходимо было нарушить ея спокойствіе, воскресить въ ней прежнюю лихорадочную нервную дѣятельность, пересадить ее изъ кабинета вновь на площадь и на время избавить ее отъ строгаго надзора слишкомъ требовательной художественности.

Когда поэзія обогащается новымъ матеріаломъ, то нельзя отъ нея требовать, чтобы она во всемъ соблюдала мѣру и нашла сразу подходящую форму этому новому содержанію. Поиски этой формы и поспѣшность, съ какою новый матеріалъ усвоялся, отразились ясно на содержаніи и на настроеніи стиховъ Лермонтова и стали залогомъ дальнѣйшаго развитія русской поэзіи. *Котляревскій.*

Задачи поэтическаго творчества по воззрѣнію Лермонтова и особенности внѣшней формы его поэзіи.

У Лермонтова сложился чрезвычайно возвышенный взглядъ на задачи поэтическаго творчества. Поэтъ не долженъ быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни олимпійцемъ, онъ долженъ служить людямъ, долженъ, какъ Пушкинскій пророкъ, глаголомъ своимъ жечь ихъ сердца, долженъ провозглашать „чистыя ученья любви и правды", хотя бы люди и гнали его за это и клеймили бы своимъ презрѣніемъ. Особенно ярко мысль объ общественномъ служеніи поэта высказывается въ стихотвореніи „Поэтъ":

Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы:
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ оиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой.
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы:
Какъ краска ветхая, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ту же мысль Лермонтовъ выражаетъ въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ". Какъ поэтъ, такъ и пророкъ приходитъ съ чистымъ ученіемъ любви и правды, но встрѣтивъ вражду, онъ удаляется отъ людей и подвергается насмѣшкамъ за

свою мнимую самонадѣянность. Здѣсь мы видимъ, что поэтъ встрѣчается съ враждою, но бываетъ и хуже, когда онъ встрѣчается съ индифферентностью. Въ стихотвореніи „Журналистъ, читатель и писатель“ намъ представляется разговоръ между журналистомъ и читателемъ, разговоръ, въ который вмѣшивается писатель, и въ его рѣчи мы видимъ Лермонтова: онъ говоритъ, что для равнодушной публики и писать не стоитъ.

„Бываетъ время“, говоритъ поэтъ,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И рифмы дружныя какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой!

Въ такіе моменты вдохновенія, является поэтическая идеализація.

Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Однако, „странныя творенья“, возникающія въ подобные моменты, поэтъ скрываетъ отъ людей, такъ какъ

„ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ“.

Бываетъ и другое настроеніе у поэта, когда онъ готовъ смѣло обличать пороки и пустоту людей, когда „диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ“, когда поэтъ смѣло предаетъ позору „приличьемъ скрашенный порокъ“. Но и этихъ своихъ произведеній онъ не рѣшается показывать „неприготовленному взору“, и у него является такое безотрадное заключеніе:

Скажите-жъ мнѣ о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Что бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный,
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?

О нѣтъ! Преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Та же мысль о равнодушіи общества къ поэзіи выражается Лермонтовымъ въ стихотвореніи „Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“. Для толпы людской смѣшонъ урокъ и плачъ поэта.

Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

Контрастъ между настроеніемъ поэта и окружающаго его общества особенно ярко обнаруживается въ стихотвореніи „Первое января“. Изъ холоднаго равнодушнаго свѣта, поэтъ переносится къ недавней старинѣ, летитъ вольной птицей къ созданіямъ своей мечты, онъ любитъ эти созданія

Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье,

и онъ „царства дивнаго всесильный господинъ“, находитъ душевный покой въ такихъ мечтахъ: но вотъ врывается въ его сознаніе окружающая дѣйствительность, и настроеніе рѣзко измѣняется.

Когда-жъ опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою, —
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Этими послѣдними словами мы привыкли вообще характеризовать и содержаніе и форму Лермонтовской поэзіи, и дѣйствительно, суровые, мрачные аккорды преобладаютъ въ ней; дикая энергичная музыка особенно поражаетъ, напр., въ поэмѣ „Мцыри“: четырехстопный ямбъ съ мужскими риомами какъ будто бьетъ васъ по нервамъ, но онъ какъ нельзя болѣе кстати и въ немъ чрезвычайно много красоты. Однако рядомъ съ этимъ желѣзнымъ стихомъ мы встрѣчаетъ у Лермонтова самую нѣжную убаюкивающую мелодію въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“, тихій и грустный мо-

тивъ въ стихотвореніи „Тучки небесныя“; такую, напр., замѣчательно граціозную пѣсенку:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Такая музыкальность стиха, какъ у Лермонтова, встрѣчается лишь у немногихъ изъ нашихъ поэтовъ, у Пушкина, у Жуковскаго (хотя относительно послѣдняго надо оговориться, что у него совсѣмъ отсутствуютъ свойственные Лермонтову, энергическіе мотивы), а изъ позднѣйшихъ поэтовъ почти ни у кого нѣтъ этой музыки въ такомъ разнообразіи: И. С. Аксаковъ и гр. А. К. Толстой богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи.

Кромѣ музыкальности, стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ у поэта описанія природы. Эти описанія можно сравнить съ живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто въ нѣсколькихъ словахъ передъ нами рисуется цѣлая яркая картина. Припомнимъ, напр., отрывокъ изъ „Спора“:

Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, нелюдима
Мертвая страна...
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Такъ и чуется въ этихъ стихахъ палящій зной аравійскихъ и сирійскихъ степей, но идемъ по нимъ дальше съ

потомъ и мы приходимъ къ „Тремъ пальмамъ", и опять передъ нами яркая картина:

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной!

А вотъ, напр., маленькое стихотвореніе, по своей пластичности представляющее перлъ поэзіи:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана,
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ, задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ".

Здѣсь и тучка золотая и старикъ-утесъ не только вполнѣ пластично изображены, но они живутъ; такое мастерство доступно лишь немногимъ художникамъ.

Особенно много у Лермонтова описаній кавказской природы. Поэтъ нѣсколько разъ побывалъ тамъ: былъ онъ на Кавказѣ 10-лѣтнимъ ребенкомъ, былъ 2 раза сюда сосланъ, здѣсь покончилъ свою жизнь. Съ дѣтства онъ полюбилъ эту роскошную страну и 16-лѣтнимъ мальчикомъ, вспоминая свое первое посѣщеніе Кавказа, поэтъ писалъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобы вѣчно васъ помнить, тамъ надо быть разъ!
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!

Такъ же сильно высказывается любовь къ Кавказу, „суровому царю земли", въ посвященіи въ поэмѣ „Демонъ". „Отъ юныхъ лѣтъ" — говоритъ Лермонтовъ, обращаясь къ Кавказу:

. . . . . Къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Зная и любя Кавказъ, Лермонтовъ живописалъ его волшебную природу, какъ никто другой.

Припомнимъ знаменитыя картины изъ „Демона“. Сперва передъ нами является суровая обстановка горныхъ громадъ дикаго Дарьяльскаго ущелья:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза.
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!

Контрастомъ къ этой грозной и дикой обстановкѣ представляется чудный видъ, разрывающійся въ мирномъ краю Грузіи:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ пестрѣющимъ легли.
Счастливый, пышный край земли.
Столпообразныя руины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ,
На сладкій голосъ ихъ любви,
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ,
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,

Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой...

„Лермонтовъ, говоритъ нѣмецкій критикъ Боденштедтъ, рѣшилъ трудную задачу — удовлетворить въ одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскіе горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, поднимаясь кверху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ, и опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, клубящійся надъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, „какъ согнутое стекло", въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями, и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ намъ на облака, бѣгущія „степью лазурною, цѣпью жемчужною", воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвъ, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до мельчайшихъ подробностей! Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ образахъ, и, въ то же время, отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ".

До такой степени точенъ Лермонтовъ въ описаніяхъ природы; но когда онъ касается людей, мы не находимъ у него той же объективной точности. Люди, которыхъ онъ выводитъ въ своихъ произведеніяхъ, большею частью не живые люди, а произведенія его фантазіи. Лермонтовъ былъ преимущественно лирикомъ, онъ не дожилъ до эпическаго спокойствія, его душѣ надо было излиться, слишкомъ много въ ней клокотало разныхъ чувствъ и стремленій, и въ своихъ герояхъ поэтъ воплощаетъ большею частью, свои личныя думы и чувства. Но есть у него нѣсколько типовъ глубоко-жизненныхъ, замѣчательно вѣрныхъ. Таковы типы горцевъ въ „Героѣ нашего времени": Казбичъ, Азаматъ, необыкновенно граціозная и поэтическая Бэла, таковъ и великолѣпно очерченный

образъ симпатичнѣйшаго стараго кавказскаго офицера Максима Максимыча. Высшей степени эпическаго изображенія людской жизни Лермонтовъ достигъ въ своей знаменитой „Пѣснѣ про купца Калашникова“. Это „Пѣсня“ явленіе, совершенно исключительное въ русской поэзіи, состоящее совершенно особнякомъ, явленіе, подобнаго которому нѣтъ. Достоевскій въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину указалъ, какъ на особенность Пушкина, на его способность „перевоплощенія въ геніи чужихъ странъ“. Въ сущности эта способность перевоплощаться въ геніи чужихъ странъ и другихъ вѣковъ обща всѣмъ великимъ поэтамъ, составляетъ общее ихъ отличительное свойство, и у Лермонтова эта способность выразилась ярко въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“. Передъ нами не поэтъ XIX вѣка, а какъ бы пѣвецъ эпохи Грозного. Тонъ народной пѣсни замѣчательно выдержанъ, въ всемъ этомъ большомъ произведеніи нельзя указать ни одного слова фальшиваго, нарушающаго общую гармонію: величавое эпическое спокойствіе пѣвца имѣетъ въ себѣ что-то гомеровское, особенно поразительное въ приступѣ къ „Пѣснѣ“ и въ припѣвѣ:

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Четыре дѣйствующихъ лица „Пѣсни“ — „удалой боецъ“ Кирибѣевичъ, „старой купецъ“ Калашниковъ, его „молодая жена“ Алена Дмитріевна, „грозный царь“ Иванъ Васильевичъ, изображены замѣчательно рельефно, стоятъ передъ нами, какъ живые. Пониманіе характера царя чисто народное и глубоко вѣрное: передъ нами дѣйствительно „грозный“ царь, какъ его понялъ народъ, а не Jean le Terrible, какимъ онъ является въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Очень характеренъ, какъ это указалъ Достоевскій, разговоръ царя съ Калашниковымъ послѣ смерти Кирибѣевича и отвѣтъ Калашникова, что онъ убилъ опричника „вольной волею“, отвѣтъ, которой дается „по правдѣ, по совѣсти“. Всѣ попытки нашихъ поэтовъ писать былиннымъ складомъ, даже прекрасныя былины гр. А. Толстого не могутъ выдержать самаго поверхностнаго сравненія съ этою

„Пѣснею“; все это поддѣлки подъ народную поэзiю а тутъ она какъ бы сама въ чистомъ своемъ видѣ.

Чтобы покончить съ анализомъ формы, такъ сказать, матерiальной стороны Лермонтовскаго творчества, скажемъ нѣсколько словъ о его прозѣ. Такъ же, какъ и стихъ его, она блещетъ богатствомъ красокъ, изяществомъ, желѣзною силою, сжатостью, простотой и образностью, она стоитъ наравнѣ съ прозою Пушкина и Гоголя. Эта „художественная простота“, приближающая стиль Лермонтова къ замѣчательной прозѣ „Капитанской дочки“, особенно рельефно выступаетъ въ описанiяхъ. Для примѣра приведемъ начало повѣсти „Княжна Мери“: „Вчера я прiѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мной пестрѣетъ чистенькiй, новенькiй городокъ, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ дальше амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльбрусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы кажется, желать больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанiя, сожалѣнiя?“ *Бородинъ.*

Лермонтовъ и Пушкинъ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ романтизмъ отразился на нашей родной литературѣ. Я намѣренно говорю здѣсь „отразился“, такъ какъ на нашей почвѣ романтизмъ,

какъ извѣстно, не былъ самородкомъ. Его привезъ изъ-за границы Жуковскій; а что на первыхъ порахъ у насъ романтизмъ былъ вполнѣ иностраннымъ продуктомъ, это видно уже изъ того, что Жуковскій либо просто переводилъ чужія пьесы, либо перекладывалъ чужіе мотивы на русскій ладъ, какъ въ своихъ балладахъ „Свѣтлана" и „Громобой". Очень скоро, однако, какъ мы тотчасъ увидимъ, романтизмъ не только привился къ дереву русской литературы, онъ далъ на немъ очень своеобразные плоды.

Давно уже, со временъ Бѣлинскаго, установилось, какъ ходячая истина, такое представленіе о русской литературѣ, что до начала 20-хъ годовъ она была совершенно тепличнымъ растеніемъ, вывезеннымъ изъ-за границы, и что національной она стала только съ Пушкина. Какимъ бы общимъ мѣстомъ ни сдѣлалось это положеніе, оно требуетъ все-таки нѣкоторой оговорки. Не только литература, — вся жизнь той части русскаго общества, которую можно было считать культурною, была, вплоть до отечественной войны, снимкомъ съ иностранныхъ образцовъ. Немудрено, что содержаніе и форма нашей поэзіи заимствовались изъ-за границы въ такое время, когда оттуда выписывалось все, отъ платья и духовъ до обычаевъ и понятій. Искусство можетъ только тогда сдѣлаться національнымъ въ строгомъ смыслѣ, когда оно находитъ въ жизни общества родной, національный матеріалъ для обработки. До царствованія Александра или, точнѣе, до 1812 года вся русская общественная жизнь сосредоточивалась вокругъ двора, въ тѣсной сферѣ вельможной знати. Не только простой народъ, но и привилегированный классъ, провинціальное дворянство, принимало участіе въ жизни страны, такъ сказать, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ минуты войнъ и бѣдствій. Все прочее время оно оставалось неподвижнымъ и незамѣченнымъ, живя взаперти въ своихъ деревняхъ, не предъявляя къ искусству никакихъ требованій и не доставляя пищи его творчеству. Но если такъ, если вся жизнь страны сосредоточивалась въ знати, то нравы и вкусы этой знати нельзя все-таки не считать русскими, національными, хотя бы они были навѣяны изъ-за границы. И въ томъ поворотѣ, какой совершился въ нашей литературѣ благодаря генію Пушкина, главнымъ факторомъ былъ все-таки не этотъ геній, а та новая, болѣе широкая

общественная среда, которая выступила на сцену съ 1812 годомъ. Но хотя среда эта и была несравненно менѣе заражена маніею подражательности, чѣмъ вельможи Екатерининскаго вѣка, ея тоже коснулись иностранныя вліянія, и чужіе отголоски продолжали слышаться въ русской литературѣ не только во времена Пушкина, но и гораздо позже, почти до нашихъ дней.

1812 годъ былъ моментъ пробужденія второго русскаго культурнаго слоя, средняго дворянства, и двухлѣтняя заграничная война тотчасъ привела этотъ слой въ непосредственное прикосновеніе съ Западомъ, но уже не съ Западомъ пудры и фижмъ, а съ обновленнымъ Западомъ романтики. Не какъ изящное произведеніе роскоши пришла къ намъ изъ Европы эта новая волна, а какъ просвѣтительное дуновеніе свободы. Не зачѣмъ объяснять, отчего наше провинціальное дворянство явилось на сцену исторіи не въ качествѣ привилегированнаго класса, защитника страны, а въ качествѣ класса оппозиціоннаго. Обстоятельство это между тѣмъ имѣло рѣшающее вліяніе на судьбы романтизма въ Россіи. Въ Россіи не было почвы для того возрожденія среднихъ вѣковъ, для той идеализаціи страны, съ которой началъ романтизмъ Запада. Мы не прошли черезъ кровавую революцію, подобно Франціи, насъ не топтали чужія войска, подобно Германіи. Сожалѣть намъ было не о чемъ, и, конечно, — ужъ не о нашихъ среднихъ вѣкахъ, блескомъ не отличавшихся. Національной независимости русскимъ не приходилось завоевывать вновь. Національное чувство могло быть вполнѣ удовлетворено: у насъ была своя родная эпопея, — эпопея пожара Москвы и взятія Парижа. Но мы вернулись домой не завоевателями, а завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость, и подражать мы стали не однѣмъ только модамъ. Немудрено, что мы привезли въ Россію не весь романтизмъ, а только одну сторону его двойственной натуры, его, такъ сказать, оппозиціонную струю, и что изо всѣхъ его представителей всего болѣе плѣнилъ наше воображеніе Байронъ.

Излюбленною темою романтизма былъ контрастъ между сильною личностью, между исключительнымъ характеромъ и заурядной толпой. Тема эта видоизмѣнялась, смотря по симпатіямъ и вѣрованіямъ каждаго изъ его представителей. Фантазія романтиковъ то рисовала передъ нами гигантскіе подвиги

средневѣкового богатыря, то свободную удаль сына восточной пустыни, то созданные ими герои уходили отъ ненавистнаго имъ общества, отыскивая убѣжище въ цыганскомъ таборѣ или разбойничьей шайкѣ, то, наконецъ, контрастъ принималъ еще болѣе грандіозные размѣры, и герои эти, въ лицѣ Каина, Манфреда или самого Духа тьмы, вызывали на бой вѣчныя небесныя силы. Все, такимъ образомъ, укладывалось въ широкія рамки этой темы, — отъ прославленія далекаго прошлаго среднихъ вѣковъ до міровой скорби озлобленныхъ отщепенцевъ современности. Всѣ эти струны прозвучали и въ нашей литературѣ, но прозвучали несравненно трезвѣе или, если такъ можно выразиться, реальнѣе, чѣмъ на Западѣ. Рыцарство и католицизмъ, вся поэтическая декорація среднихъ вѣковъ была слишкомъ чужда нашей жизни, чтобы приковать къ себѣ воображеніе нашихъ поэтовъ. Въ первые годы своего творчества Пушкинъ заигралъ было на этой струнѣ, но заигралъ неувѣренно, почти неискренно и потомъ уже не возвращался къ этой темѣ. Лермонтовъ, находившійся гораздо болѣе Пушкина подъ обаяніемъ романтизма, искалъ пищи для своего вдохновенія въ нашемъ родномъ прошломъ и нашелъ въ немъ сперва блѣдную фигуру боярина Орши, потомъ мощный и вполнѣ реальный образъ купца Калашникова. Но наше родное прошлое было слишкомъ бѣдно красками, чтобъ надолго плѣнить нашу поэзію. Гораздо сильнѣе и громче повторилось у насъ поклоненіе Востоку, благодаря тому, что у насъ имѣлся налицо свой подлинный Востокъ на Кавказѣ, богатомъ примѣрами настоящаго, а не сказочнаго только молодечества. Муза Пушкина отдала этому Востоку дань въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, а Лермонтовъ до конца жизни такъ и не вышелъ изъ-подъ обаянія кавказской природы и кавказскихъ нравовъ.

Титаническіе образы небесныхъ отступниковъ лишь слабо мерещились фантазіи Пушкина, и въ его „Каменномъ гостѣ“, да и въ „Русалкѣ“ тоже, фантастическій сюжетъ обработанъ съ несомнѣнною примѣсью скептическаго юмора. Зато Лермонтовъ посвятилъ свое лучшее произведеніе чарующему образу печальнаго изгнанника неба. Но изъ всѣхъ разнообразныхъ темъ романтической поэзіи всего больше мѣста нашла себѣ въ нашей литературѣ тема самая реальная и современная —

протестъ противъ общества, борьба, происходящая въ самомъ этомъ обществѣ, передъ нашими глазами. Такимъ образомъ, даже тамъ, гдѣ наши романтики уходили въ даль прошлаго или носились съ образами полудикихъ горцевъ, ихъ творчество было несравненно ближе къ дѣйствительности, было конкретнѣе и реальнѣе творчества романтиковъ Запада. Мистицизмъ имъ былъ не по сердцу, ихъ воображенію грезились не фантастическіе, произвольные герои, какими были восточные удальцы Байрона, разбойники Виктора Гюго и Нодье, а настоящіе, подлинные горцы или настоящіе московскіе удальцы XVI вѣка. И форма здѣсь вполнѣ отвѣчала содержанію. Нашъ романтизмъ — и въ этомъ его великое преимущество передъ западнымъ — никогда не страдалъ той бѣдностью и произвольностью красокъ въ описаніяхъ природы и быта, которую, за исключеніемъ одного лишь Байрона, мы подмѣтили у всѣхъ писателей первой эпохи западнаго романтизма. Даже такая фантастическая поэма, какъ „Демонъ", отличается поразительнымъ богатствомъ колорита, неподражаемымъ мастерствомъ въ рисовкѣ не только пейзажа вообще, но и пейзажа, такъ сказать, мѣстнаго, и вдобавокъ оживленнаго деталями обстановки. О другихъ двухъ восточныхъ поэмахъ Лермонтова, о „Мцыри" и „Измаилъ-Беѣ", и говорить нечего. Здѣсь эти детали разсыпаны повсюду, и не одна только природа, — весь бытъ Кавказа возстаетъ передъ нами съ необыкновенною рельефностью. Единственнымъ виднымъ исключеніемъ въ нашей литературѣ является одинъ писатель, замѣчательный не по силѣ таланта, а по той громадной, хоть и кратковременной популярности, которой пользовались нѣкогда его романы. Писатель этотъ былъ Марлинскій, единственный у насъ правовѣрный романтикъ, не перестававшій рисовать образы средневѣковаго рыцаря и восточнаго удальца и подъ этими условными образами выводить на сцену жалкіе списки съ Байроновскаго Корсара или съ Эрнани Викторо Гюго. Если бы весь нашъ романтизмъ послѣдовалъ примѣру Марлинскаго, онъ бы въ самомъ дѣлѣ былъ не чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ Запада, и необыкновенный успѣхъ романовъ Марлинскаго могъ бы привести насъ къ предположенію, что такая подражательная литература нашла бы себѣ читателей и поклонниковъ. Но къ счастью нашему, и еще болѣе къ нашей чести, трезвый вкусъ русской публики недолго

оставался вѣрнымъ Марлинскому. Его слава увяла быстро и не потому только, что ее сразили удары критики Бѣлинскаго, а потому въ особенности, что нашъ родной романтизмъ успѣлъ уже создать иные, вполнѣ національные образцы для поэмы и для романа, и русскій читатель сразу оцѣнилъ ихъ неизмѣримое превосходство надъ ходульнымъ романтизмомъ Марлинскаго. Какъ я уже сказалъ, наша родная романтика — и въ этомъ еще болѣе ярко выступаетъ ея реализмъ — очень скоро отбросила все далекое, все экзотическое, все сверхъестественное, чтобы заняться близкою современною жизнью и сюда перенести конфликтъ между сильною личностью и пошлостью общественной среды. Таковы, въ самомъ дѣлѣ, два крупнѣйшія произведенія нашего романтизма — „Евгеній Онѣгинъ" и „Герой нашего времени".

Байроновская міровая скорбь, переложенная Пушкинымъ на русскій ладъ, прошла въ его поэзіи через три постепенныя фазы. Строго говоря, Пушкина нельзя, по крайней мѣрѣ цѣликомъ, причислить къ романтической школѣ. Онъ переросъ ее цѣлой головой. Въ самомъ дѣлѣ, романтизмъ прежде всего субъективенъ: это его главная, господствующая черта. А Пушкинъ, подобно Гете, еще довольно молодымъ — онъ *не дожилъ, вѣдь, и до 38 лѣтъ* — возвысился до той ясной, спокойной, пластической объективности, какой достигали лишь очень немногіе художники. Правда, стремленіе перейти отъ субъективнаго ощущенія къ объективному творчеству по преимуществу — дѣло возраста, но, во-первыхъ, иные очень маститые поэты, какъ, напр., Гюго, не смогли даже на склонѣ лѣтъ отрѣшиться отъ субъективности. Во-вторыхъ, у громаднаго большинства писателей и художниковъ это стремленіе либо осталось неудачнымъ, либо привело ихъ къ холодному, безучастному воспроизведенію жизни, т.-е. въ сущности къ упадку таланта. Что съ Пушкинымъ ничего подобнаго не случилось, объ этомъ свидѣтельствуютъ произведенія его зрѣлаго періода: „Борисъ Годуновъ", „Мѣдный Всадникъ", „Скупой Рыцарь" и „Египетскія ночи", стоящія на одномъ уровнѣ съ поэзіей Шекспира и Гёте, т.-е. на той высотѣ, гдѣ уже не существуетъ литературныхъ школъ и гдѣ живетъ одна абсолютная красота, передъ которою преклоняются всѣ школы. Всѣ эти произведенія Пушкина стоятъ уже внѣ романтизма, и потому о нихъ я говорить здѣсь не стану. Воз-

вратимся къ его произведеніямъ болѣе ранняго возраста. Я уже сказалъ, что байроновскій типъ вылился у Пушкина въ трехъ послѣдовательныхъ формахъ, и ни въ одной изъ нихъ не нашли себѣ мѣста двѣ изъ наиболѣе излюбленныхъ фигуръ Байрона — дикое своеволіе, олицетворенное въ Корсарѣ, и демоническая сила, изображенная въ Манфредѣ и Каинѣ. Муза Пушкина была слишкомъ мирнаго, слишкомъ оптимистическаго свойства, чтобы плѣняться такими образами. Она, если можно такъ выразиться, была настроена на мажорный тонъ, и это, мимоходомъ сказать, — единственное исключеніе въ числѣ русскихъ крупныхъ писателей. Даже въ ранніе годы его творчества, въ эпоху его „Sturm und Drang", байроновскій общественный изгой представлялся ему въ мягкомъ образѣ Чайльдъ-Гарольда, носящаго, правда, на сердцѣ неизлѣчимую рану, но вовсе не стремящагося къ борьбѣ съ кѣмъ бы то ни было и всегда проклинающаго общество лишь устами благовоспитаннаго человѣка. И позволительно думать, что у пушкинскихъ Чайльдъ Гарольдовъ, — у Кавказскаго Плѣнника и крымскаго хана Гирея, сама эта сердечная рана была не особенно болѣзненнаго свойства. Задумчивая грусть, скорбящее чувство одиночества — вотъ единственная форма ихъ протеста, и если женская любовь не въ силахъ ихъ утѣшить, это происходитъ не оттого, что сердце ихъ ожесточено враждою и негодованіемъ, а потому лишь, что подъ ихъ изящною скорбію лежитъ столь же изящный эгоизмъ, нечуждый, впрочемъ, и самому Чайльдъ-Гарольду.

Въ слѣдующей, второй стадіи своего развитія Пушкинъ какъ будто ступилъ шагомъ дальше на пути протеста. Герой „Цыганъ" Алеко уже не ограничивается джентльменскою грустію, онъ въ самомъ дѣлѣ уходитъ изъ „душныхъ городовъ" на свободное приволье цыганскаго табора, къ свободной любви дочери южныхъ степей. У него вырываются сильныя задушевныя слова, чтобы выразить негодованіе противъ растлѣвающей пустоты общества. Но здѣсь у меня рождается невольное сомнѣніе. Бѣлинскій, какъ извѣстно, повѣрилъ на слово Пушкину и идею „Цыганъ" объяснилъ себѣ въ такомъ смыслѣ, что житель столицы, испорченный условностью городскихъ нравовъ, не можетъ понять истинной свободы вольнаго кочевника и его всепрощающей гуманности, не мстящей за обиду и уважающей свободу и въ другомъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинъ, создавая въ образѣ Алеко байроновскій типъ общественнаго изгоя, отнесся къ этому типу критически и обнаружилъ его внутреннюю несостоятельность, его неизлѣчимый эгоизмъ. Я позволю себѣ пойти нѣсколько дальше Бѣлинскаго. Мнѣ сдается, что Пушкинъ, въ силу своей натуры, долженъ былъ не только развѣнчать Алеко, казнить въ немъ эгоизмъ и самовластіе, но, вообще, онъ ему сочувствовать не могъ, не могъ сочувствовать бѣгству изъ душныхъ городовъ, гдѣ Пушкину вовсе не было душно. Говоря попросту, Пушкинъ не вѣрилъ своему Алеко, пышныя его фразы не принимались всеріозъ. Въ его глазахъ Алеко долженъ былъ казаться личностью нѣсколько комическою, и вотъ почему въ концѣ концовъ Пушкинъ заставляетъ его такъ жалко пасовать передъ старымъ цыганомъ, въ которомъ Пушкинъ не могъ же видѣть настоящій идеалъ общественности и свободы. Такимъ образомъ, въ „Цыганахъ" опять сказался здоровый реализмъ Пушкина, благодаря которому онъ въ своихъ переложеніяхъ романтическихъ темъ относился къ нимъ съ критикой трезваго русскаго ума.

Еще сильнѣе и рельефнѣе этотъ реализмъ Пушкина выразился въ третьей и послѣдней фазѣ его байронизма, къ которой я позволю себѣ отнести „Полтаву" и „Евгенія Онѣгина". Въ его исторической эпопеѣ герой оказывается побѣжденнымъ великой національной идеей, олицетвореніемъ которой является Петръ, а въ эпопеѣ бытовой герой развѣнчивается во имя еще болѣе великой идеи, — идеи нравственнаго долга. Бѣлинскій, восхищаясь прелестью стиха „Полтавы" и чарующимъ образомъ Маріи, порицалъ тѣмъ не менѣе Пушкина за недостатокъ единства въ его поэмѣ и въ особенности за то, что избранный имъ сюжетъ не соотвѣтствуетъ эпической формѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ настоящее время эпосъ сталъ чѣмъ-то вообще немыслимымъ. Я не стану входить въ споръ съ великимъ критикомъ уже въ силу того, что по моему крайнему убѣжденію, установленныя традиціей формы поэтическаго творчества вовсе не обязательны для поэта, а для поэта-романтика и подавно. Но мнѣ кажется, что въ самой двойственности избранной имъ темы, въ противопоставленіи Петра Мазепѣ, Пушкинъ вовсе не погрѣшилъ противъ художественной гармоніи, а тѣмъ менѣе погрѣшилъ безсознательно. Старикъ Мазепа, своенравный и хищный, не при-

знающій никакихъ обязанностей ни передъ царемъ ни передъ родиной, готовый „лить кровь, какъ воду“, — это послѣднее слово героя въ Байроновскомъ духѣ, — героя, съ котораго сорвана маска поэтическаго обаянія. И если настоящій національный герой, Петръ, является только въ послѣдней пѣснѣ, чтобы подавить собою образъ Мазепы, то въ этомъ и выражается основная мысль поэмы — приниженіе крамольнаго своеволія передъ идеей народнаго единства. Нельзя не видѣть новаго шага Пушкина на пути реализма, новаго доказательства его свободнаго, отрицательнаго отношенія къ Байроновскому идеалу. Еще болѣе рѣшительный шагъ на этомъ пути мы видимъ въ „Онѣгинѣ“. Здѣсь нѣтъ уже рѣчи о разрывѣ съ обществомъ, о бѣгствѣ отъ него на свободу дикихъ странъ, о возмущеніи противъ общественнаго порядка. Дѣйствіе романа вращается въ близкой намъ средѣ обыденной жизни, и контрастъ между героемъ и этой средой не вызываетъ между ними борьбы и заканчивается нравственнымъ торжествомъ дочери этой среды, простой деревенской дѣвушки надъ гордымъ и блестящимъ Онѣгинымъ. Наша критика силилась выдвинуть Онѣгина, какъ идеальнаго героя, которому принадлежало все сочувствіе Пушкина, и, очевидно, читая между строкъ, хотѣла увидѣть въ немъ родоначальника тѣхъ протестующихъ героевъ, которыми такъ богата стала наша литература впослѣдствіи. Таково было, между прочимъ, и мнѣніе Бѣлинскаго. Ради желанія окрасить Онѣгина въ либеральный цвѣтъ, онъ прощалъ ему даже великосвѣтское происхожденіе, вкусы сальнаго балагура, отсутствіе въ немъ серіознаго интереса къ какому бы то ни было дѣлу. Все это ставилось въ вину обществу, этому обычному козлу отпущенія критики. Если Онѣгинъ скучалъ въ деревнѣ, какъ въ петербургскихъ гостиныхъ, это объяснялось невозможностью отыскать какую-нибудь цѣль жизни, какой-нибудь трудъ среди тогдашнихъ общественныхъ условій. Если онъ холодно отвергъ наивную любовь Татьяны, если онъ высокомѣренъ и гордъ съ окружающими, если у него не дрогнула рука, когда онъ убивалъ Ленскаго, — все это приписывалось сильной натурѣ, возмущавшейся противъ всякой лжи и условности, справедливо негодовавшей на всякую сентиментальность. Евгеній не былъ безсердечнымъ человѣкомъ, это видно уже изъ его умѣнья симпатизировать горячимъ словамъ юнаго

Ленскаго и въ особенности изъ того, что гуманно относился къ мужику, посадивъ его на дешевый оброкъ. Насколько было снисходительнаго пренебреженія въ его бесѣдахъ съ Ленскимъ, когда онъ вышучивалъ его любовь къ Ольгѣ Лариной и зѣвая смотрѣлъ на „эту глупую луну на этомъ глупомъ небосклонѣ“, насколько было лѣни богатаго барина въ нежеланіи заниматься хозяйствомъ, — этого не считали нужнымъ замѣчать. Но какъ же не замѣтили хоть того, что Татьяна, посѣтивъ усадьбу Онѣгина послѣ его отъѣзда и прочитавъ кое-какія изъ его книгъ, была поражена иною небрежно сдѣланною отмѣткой на страницахъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ пустоты любимаго человѣка? Вѣдь не даромъ же Пушкинъ и не случайно заставилъ впослѣдствіи своего героя трепетать отъ робкой любви передъ той самой женщиной, которой онъ пренебрегъ, когда она была скромной дѣвушкой, не даромъ онъ заставилъ его выслушать мучительную для его самолюбія отповѣдь этой женщины, признававшейся ему въ то же время, что она не переставала его любить. Любить она его, положимъ, не переставала, но это было уже не прежнее восторженное поклоненіе кумиру, а скорбная любовь, къ которой присоединилось не мало разочарованія. И разочарованіе это испытывалъ самъ Пушкинъ, произнося устами Татьяны приговоръ надъ Онѣгинымъ. Онѣгинъ блестящъ и обаятеленъ, это несомнѣнно; онъ стоитъ головой выше толпы, но его превосходство надъ нею безплодно, потому что у него недостаетъ одного, главнаго, — недостаетъ любви и способности къ труду. А безплодная сила, какъ евангельская смоковница, носитъ на себѣ роковое проклятіе, и простая малообразованная дѣвушка, сохранившая и въ обстановкѣ большого свѣта сознаніе нравственнаго долга и умѣнье жертвовать собой, стоитъ неизмѣримо выше такой силы, гораздо ближе подходитъ къ настоящему идеалу жизненной правды. Вотъ что хотѣлъ сказать своимъ Онѣгинымъ Пушкинъ, вотъ какъ немилосердно развѣнчалъ онъ Байроновскій субъективный идеалъ гордаго самомнѣнія, показавъ всю его внутреннюю несостоятельность. И вотъ какъ русскій духъ, олицетворенный въ Пушкинѣ, подчинившись обаянію западнаго романтизма, все-таки сумѣлъ восторжествовать, во имя нравственной правды, надъ блестящимъ иностраннымъ кумиромъ.

Но я долженъ еще коснуться одной черты Пушкинскаго романа, — черты, оставившей послѣ себя длинный слѣдъ во всей нашей позднѣйшей литературѣ. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о контрастѣ между Онѣгинымъ и Ленскимъ. Я вовсе не охотникъ до черезчуръ широкихъ обобщеній, но здѣсь такое обобщеніе напрашивается само собою. Онѣгинъ и Ленскій — родоначальники двухъ типовъ, прошедшихъ черезъ всю нашу литературу, отъ Пушкина до нашихъ дней. Въ первомъ олицетворяется натура, гордая своимъ умственнымъ превосходствомъ и вслѣдствіе того презрительно относящаяся къ прочимъ людямъ, принимая отъ нихъ въ даръ поклоненіе и любовь, какъ законную дань. Онѣгинъ и его преемники считаютъ себя вполнѣ свободными отъ всякихъ обязанностей къ людямъ и кичатся невозмутимостью своего сердца, не знающаго обычныхъ слабостей заурядныхъ людей. Къ такимъ слабостямъ они причисляютъ между прочимъ и сочувствіе чужому горю. Больше того, — эти люди возводятъ свою холодность въ принципъ, видятъ въ ней признакъ собственной силы духа, и не разъ критика наша преклонялась передъ этимъ свойствомъ ихъ натуры, какъ передъ законнымъ превосходствомъ сильнаго человѣка надъ слабымъ. Отъ самого Пушкина до нашихъ дней русская литература находилась въ погонѣ за сильнымъ человѣкомъ, готовая любоваться его безжалостнымъ эгоизмомъ, оттого, должно-быть, что въ русскомъ обществѣ она видѣла полное отсутствіе сильной воли и крѣпости духа Качество это она возвела въ идеалъ, принося ему въ жертву все слабое и безхарактерное, какъ нѣкогда приносились человѣческія жертвы языческимъ богамъ. Давно установилось мнѣніе, будто русская литература отличается состраданіемъ къ слабымъ и забитымъ людямъ. На самомъ дѣлѣ, однако, рядомъ съ проповѣдью состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ идетъ у насъ иная проповѣдь — уваженія къ силѣ или, говоря попросту, къ эгоизму, конечно, подъ условіемъ, чтобы эта сила заявляла протестъ противъ общественной пошлости и неправды. Сознаніе непоправимой дряблости русской природы было у насъ такъ сильно, что заставило нашу критику преклоняться передъ каждымъ проявленіемъ энергіи и ради одного этого качества прощать его обладателю даже полное безсердечіе.

Въ Ленскомъ олицетворяется, наоборотъ, натура, одаренная цѣлымъ рядомъ симпатичныхъ качествъ: — воспріимчивою нѣжностью, отзывчивостью къ природѣ и людямъ, словомъ — богатствомъ сердца и воображенія, но при роковомъ отсутствіи воли. Это натура — славянская по преимуществу, хоть и окрашенная въ нѣмецкую сентиментальность. И Ленскимъ, которыхъ въ нашей литературѣ не мало, всегда суждено уступать и стушевываться передъ Онѣгиными. Такова судьба длиннаго ряда Тургеневскихъ „лишнихъ людей“ и въ томъ числѣ послѣдняго изъ нихъ — Нежданова. Такъ было вплоть до Льва Толстого, который впервые, въ лицѣ Пьера Безухаго и Константина Левина, преклонился передъ внутреннимъ превосходствомъ слабой, но мягкой натуры надъ сильной и гордой. Но чаще всего случалось, что оба эти близнеца какъ бы сливались въ одну фигуру, у которой подъ наружнымъ выраженіемъ силы таится внутренняя неизлѣчимая слабость.

Не станемъ, однако, забѣгать впередъ. Непосредственный преемникъ Пушкина — Лермонтовъ, пережившій его, впрочемъ, только пятью годами, былъ гораздо болѣе своего предшественника во власти у западнаго романтизма, что объясняется, впрочемъ, его молодостью. Находясь подъ обаяніемъ Байрона и подобно ему во всѣхъ своихъ герояхъ рисуя самого себя, Лермонтовъ, тѣмъ не менѣе, въ Печоринѣ значительно измѣнилъ своему прообразу. На самомъ дѣлѣ онъ стоитъ къ Байрону почти въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится къ нему Мюссе. Эгоистическое величіе Байроновскихъ героевъ все-таки совмѣщается у нихъ съ глубокою скорбію о нуждахъ зауряднаго человѣчества, съ тѣмъ спокойнымъ, но проникнутымъ жалостію, сочувствіемъ къ слабости, которое составляетъ признакъ истинно-мощнаго духа. У Лермонтова, какъ и у Мюссе, этого сочувствія нѣтъ и слѣда. Его Печоринъ замыкается въ поклоненіе самому себѣ, любуясь своимъ безстрашіемъ и передъ физическою опасностью и передъ нравственной виной и замѣчая съ притворнымъ равнодушіемъ, что окружающіе любуются имъ тоже. Я говорю „съ притворнымъ равнодушіемъ“, потому что Печорины живутъ и дышатъ общимъ поклоненіемъ себѣ, женскою преданною любовью и боязливою угодливостью мужчинъ. И не платятъ они за это ни любовью ни дружбой, наслаждаясь тѣмъ и другимъ лишь какъ минутной забавой.

Ихъ точитъ, быть можетъ, тайный червь недовольства собой, горькаго сознанія неудовлетворительности жизни. Но это скрытое, болѣзненное чувство, нечуждое, пожалуй, и угрызеній совѣсти, у нихъ не переходитъ въ мягкое состраданіе къ людямъ, не ищетъ себѣ въ этихъ людяхъ ни утѣшенія ни даже сочувствія. Они слишкомъ горды, чтобы ставить себя на одинъ уровень съ прочими, а безъ равноправности истинное сочувствіе немыслимо. И если ихъ не удовлетворяютъ подчасъ наслажденія самолюбія и чувственныя удовольствія, свою тайную скорбь они уносятъ съ собой въ могилу, замыкаясь отъ прочихъ въ гордую, насмѣшливую холодность. Признаюсь, я не въ силахъ понять, какимъ образомъ наша критика и въ Лермонтовскихъ герояхъ старалась отыскать протестующихъ либераловъ. Что можетъ быть общаго съ идеалами либерализма у Печорина, исполненнаго аристократическаго самомнѣнія и даже въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ всегда подчеркивающаго свою избалованную брезгливость? Протестъ въ немъ, пожалуй, и сказывается, но это протестъ аристократа, которому претитъ все мелкое и пошлое, но который и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помочь общественному злу или хотя бы утѣшить чужое горе. Самъ Лермонтовъ — и въ этомъ его рѣзкое отличіе отъ Пушкина — не перестаетъ находиться подъ обаяніемъ своего врага. Онъ все время любуется имъ, любуется какъ разъ его великосвѣтскою изысканностью, его умѣньемъ увлекать женщинъ, не любя ихъ, и съ холоднымъ равнодушіемъ глумиться надъ всей окружающей средой. Кого бы ни рисовалъ Лермонтовъ, избалованнаго ли барича Печорина, полудикаго ли горца Измаила, или самого печальнаго Демона, духа изгнанья, — ни на одну минуту онъ не перестаетъ имъ сочувствовать, не развѣнчиваетъ ихъ, какъ Пушкинъ развѣнчиваетъ своего Онѣгина. Какъ древній классическій Прометей, всѣ они остаются нераскаянными до конца и не преклоняютъ головы даже передъ приговоромъ совѣсти. Какъ блестящіе метеоры, величавые и ненужные, они проходятъ черезъ жизнь, не давая счастья никому, въ томъ числѣ и себѣ.

Головинъ.

Лермонтовъ и Пушкинъ по воззрѣнію Боденштедта.

Поэтическій геній Пушкина выразился въ его зрѣлѣйшихъ произведеніяхъ съ такою мощью и такъ самостоятельно, народно, что молодые поэты не могли не подчиниться его обаятельному вліянію, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе была натура поэта, какъ, напр., у Лермонтова. Лермонтовъ явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника: онъ сумѣлъ извлечь пользу для себя и для народа изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, „Вѣтка Палестины", невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности „Казначейша". Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства обоихъ были почти одинаковы, точно такъ же, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно. Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ и умеръ вдали отъ родины. Пушкинъ сумѣлъ впослѣдствіи примириться и сжиться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо ополчился, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ; Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ. Пушкинъ, по словамъ одного русскаго критика, былъ прежде всего художникъ и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное. У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка. Вотъ въ чемъ великая между ними разница! Лермонтова упрекали, будто онъ

въ гордомъ ослѣпленіи, чуждался своей отчизны и не любилъ ея. Онъ отвѣтилъ на это чуднымъ стихотвореніемъ, которое начинается такъ:

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Пушкинъ сумѣлъ вдохновляться этою славой, этимъ „полнымъ гордаго довѣрія покоемъ"; онъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ стихахъ. У Лермонтова также есть художественныя картины битвъ, но онъ вдохновлялся ими лишь настолько, насколько нужно художнику, чтобы что-либо воспроизвести. Его точка зрѣнія выше Пушкинской. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ неподражаемыя боевыя сцены въ „Валерикѣ":

Я думалъ: „Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?"

О томъ, какъ свято чтилъ Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣснѣ „На смерть Пушкина", по драматической сценѣ: „Поэтъ, читатель и журналистъ", по превосходнымъ стихотвореніямъ: „Пророкъ", „Поэтъ" и по множеству всюду разбросанныхъ мыслей.

О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня „Дума", начинающаяся словами:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Состарится безвременно оно.

Боденштедтъ.

Лермонтовъ и Байронъ.

Весьма возможно, что именно въ силу большого сродства поэтическихъ темпераментовъ, поэзія Байрона имѣла гораздо болѣе значительное вліяніе на другого нашего великаго поэта, на Лермонтова. Увлеченіе Байрономъ овладѣло Лермонтовымъ еще на школьной скамьѣ. Ученическія тетради Лермонтова, составляющія драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи, наполнены подражаніями и передѣлками изъ разныхъ поэтовъ, между прочимъ, изъ Пушкина, Гёте, Шиллера и Байрона. Просматривая ихъ, нельзя не замѣтить, что вліяніе Байрона мало-по-малу дѣлается преобладающимъ: седьмая тетрадь почти наполовину наполнена выписками изъ Байрона, переводами и подражаніями ему. Тутъ же мы встрѣчаемъ весьма любопытное стихотвореніе, въ которомъ 16-лѣтній Лермонтовъ, прочитавъ біографію Байрона, написанную Т. Муромъ, сопоставляетъ себя съ своимъ кумиромъ:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки,
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной.

Увлеченіе Байрономъ продолжалось и впослѣдствіи, и большинство написаннаго Лермонтовымъ носитъ на себѣ печать Байронова генія. Пушкинъ въ одномъ мѣстѣ справедливо замѣтилъ, что герои Байрона всѣ на одно лицо, потому что онъ всюду изображалъ самого себя. Изъ произведеній Байрона Лермонтовъ извлекъ этотъ титанически гордый, неукротимый и тоскующій характеръ и сдѣлалъ его подъ разными именами героемъ своихъ произведеній. Вслѣдствіе большого сродства своего поэтическаго темперамента съ тем-

пераментомъ Байрона, нѣкоторыя стороны байронизма, какъ-то: отрицаніе, гордость возмутившейся противъ общества личности и байроновская меланхолія были поняты Лермонтовымъ глубже, чѣмъ Пушкинымъ. Несмотря однакожъ на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабымъ осколкомъ Байрона, какъ назвалъ его въ одномъ мѣстѣ кн. Вяземскій. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе. Байронъ былъ для него, какъ и для Пушкина, только школой, только необходимой ступенью для достиженія самобытности. Масса лирическихъ стихотвореній свидѣтельствуетъ о необычайномъ ростѣ его могучаго таланта. Подражая складу русскихъ народныхъ былинъ, онъ создаетъ неподражаемую по своей оригинальности пѣсню про купца Калашникова; подражая Евгенію Онѣгину, онъ въ „Героѣ нашего времени“ кладетъ основы русскаго психологическаго романа. Было бы интересно прослѣдить подробнѣе отношеніе Байрона къ Лермонтову и къ послѣдующимъ поэтамъ, у которыхъ иногда мелькаютъ то тамъ, то сямъ искры байронизма; но это вопросъ спеціальный, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія. Въ IV пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“, измученный клеветой и злобными инсинуаціями критики, Байронъ взываетъ къ потомству и высказываетъ пророческую надежду, что его произведенія не будутъ забыты, что безсмертное дыханіе его таланта расплавитъ желѣзныя сердца людей и наполнитъ ихъ душу состраданьемъ къ его судьбѣ. Первая половина этого пророчества давно уже пріобрѣла всемірное значеніе, и опредѣленіе вліянія этого генія на европейскія литературы давно сдѣлалось предметомъ тщательнаго изученія. Мы глубоко увѣрены, что скоро исполнится и вторая часть его пророчества; по крайней мѣрѣ относительно Россіи она исполняется воочію. Русская публика привыкла видѣть въ Байронѣ нѣчто родное, и имя его, тѣсно связанное съ дорогими именами Пушкина и Лермонтова, вѣчно будетъ вызывать въ ней одно свѣтлое и благодарное воспоминаніе.

Стороженко.

Личность Лермонтова.

Лермонтовъ былъ прежде всего человѣкъ съ природнымъ *меланхолическимъ* темпераментомъ. Откуда взялась эта меланхолія — вопросъ едва ли разрѣшимый; для насъ важенъ фактъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ и до зрѣлаго возраста поэтъ предпочиталъ грустные мотивы веселымъ и съ любовью останавливался на чувствахъ мечтательнаго и печальнаго характера. Эта склонность была подкрѣплена въ поэтѣ чтеніемъ и условіями замкнутой юношеской жизни. Такимъ образомъ, когда поэтъ сознательно начиналъ вглядываться въ жизнь, онъ отнесся къ этой новинкѣ не съ дѣтской легкостью и довѣрчивостью, а съ извѣстнымъ недовѣріемъ и страхомъ, такъ какъ въ силу врожденной ему меланхоліи предугадывалъ и предвосхищалъ печальныя и безотрадныя стороны человѣческой жизни. Онъ именно предугадывалъ ихъ, такъ какъ въ его личной жизни было очень мало и лишеній и печали.

Второй врожденной способностью въ Лермонтовѣ была *необузданность его фантазіи*. Эта живость мечты находилась въ прямой связи съ его меланхолическимъ темпераментомъ и его замкнутой жизнью. Они парализовали въ Лермонтовѣ однѣ стороны его натуры, и энергичность этой натуры, стѣсненная въ жизни, вознаграждала себя въ мечтѣ. Съ грандіозностью и энергичностью мечты Лермонтова мы достаточно знакомы по его произведеніямъ. Жажда дѣятельности, великихъ подвиговъ, жажда свободы и славы — вотъ основные мотивы его стихотвореній и всѣ пессимистическіе его стихи не что иное, какъ иронія или плачъ надъ неосуществимостью этихъ фантастическихъ замысловъ. Живая фантазія Лермонтова, какъ мы видѣли, нашла себѣ богатую пищу въ его чтеніи. Крупнѣйшія произведенія западной литературы горячили ее, и тамъ, гдѣ настроеніе книги совпадало съ настроеніемъ нашего поэта, онъ ассимилировалъ свои чувства съ чувствами вычитанными и заимствовалъ у излюбленныхъ авторовъ внѣшнія краски. Въ такомъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, поэзія Лермонтова къ поэзіи Байрона.

Третьей характерной чертой Лермонтова третьимъ даромъ природы былъ его острый *умъ*, безпощадно критико-

вавшій и анализировавшій всѣ ощущенія и чувства поэта. Лермонтовъ, если судить по его стихамъ, въ одно и то же время и чувствовалъ и разсуждалъ; по крайней мѣрѣ въ его стихахъ рѣдко можно встрѣтить то, что мы называемъ свободнымъ порывомъ чувствъ. За чувствомъ слѣдомъ идетъ рефлексія и не даетъ поэту покоя до тѣхъ поръ, пока обаяніе чувства не уничтожено, пока поэтъ не убѣдился въ томъ, что онъ самовольно разукрасилъ воспринятое впечатлѣніе, и что на дѣлѣ не существуетъ ничего столь обманчиваго, какъ тѣ розовыя и пріятныя краски, въ какихъ человѣкъ рисуетъ себѣ и людей и свою собственную личность.

Природа какъ будто сама позаботилась создать себѣ непримиримаго врага въ лицѣ Лермонтова. Требуя отъ людей, чтобы они мирились съ жизнью, если хотятъ принять въ ней дѣятельное участіе, природа одарила Лермонтова такими способностями и склонностями, которыя, повидимому, заранѣе исключаютъ всякое примиреніе. Въ самомъ дѣлѣ, меланхолія поэта дѣлала его болѣе воспріимчивымъ къ мрачнымъ сторонамъ жизни, чѣмъ къ веселымъ, и потому заставляла его не цѣнить тѣ, хотя мелкія и скоропреходящія, удовольствія и наслажденія, какія на землѣ дано испытать человѣку. Необузданность и сила фантазіи, съ своей стороны разукрашая мечту на счетъ дѣйствительности, уносила поэта въ заоблачный міръ видѣній, которыя должны были разлетаться какъ туманы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью и потому оставляли въ душѣ поэта одинъ лишь горькій осадокъ и ненависть къ мелочной и блѣдно-прозаической жизни. Чего не успѣвала отравить меланхолія и чего не успѣвала исказить произвольная мечта, то добивалъ разсудокъ поэта своимъ безпощаднымъ анализомъ. Вся радость жизни, вся способность увлекаться безотчетно и находить въ этомъ увлеченіи силу для работы и жизни — пропадали и погибали въ душѣ поэта среди этой постоянной борьбы, какую вели его меланхолія, мечта и разсудокъ съ окружавшей его обстановкой.

Мы уже сказали, что вся дѣятельность Лермонтова есть исповѣдь энергической души, ищущей примиренія съ жизнью, борьба мечты и дѣйствительности, борьба лихорадочная, изнурительная. Казалось бы, что человѣку съ такой организаціей, какъ Лермонтовъ, и бороться было безполезно; примиреніе, повидимому, было невозможно. Всякій другой человѣкъ съ ме-

нѣе развитымъ чувствомъ общественности при такихъ природныхъ задаткахъ, дѣлающихъ всякое соглашеніе съ жизнью немыслимымъ, или совсѣмъ отвернулся бы отъ нея, или сталъ бы прямо враждовать съ нею. Лермонтовъ не сдѣлалъ ни того ни другого. Онъ не замыкался въ узкомъ кругѣ мечтаній, не улеталъ отъ земли въ область видѣній, куда безспорно могъ улетѣть въ силу своей очень живой фантазіи, онъ не навязывалъ себѣ насильно какого-нибудь успокоивающаго міросозерцанія, ни узко-національнаго, ни узко-религіознаго; онъ также не отвертывался отъ жизни со злобой, не враждовалъ съ ней какъ таковой, т.-е. не былъ мизантропомъ и пессимистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вражда Лермонтова съ жизнью была враждой не принципіальной, а только временнымъ раздраженіемъ вслѣдствіе неудачныхъ и не удовлетворявшихъ его попытокъ примиренія съ нею. Онъ всю жизнь боролся, выясняя себѣ всевозможные вопросы жизни, желая проникнуть въ ихъ глубину, связать ихъ вмѣстѣ и согласовать ихъ съ своими слишкомъ требовательными и высокими идеалами. Несмотря на то, что природныя его склонности, какъ мы уже замѣтили, постоянно ссорили его съ жизнью, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ любить людей, а за все короткое время своей жизни пытался стать къ нимъ въ нормальное и созидательное отношеніе. Ему, какъ мы знаемъ, не удалось найти ключа къ этой трудной задачѣ, и онъ умеръ, не имѣя ни на одинъ вопросъ жизни яснаго отвѣта. Одно, въ чемъ онъ былъ безспорно убѣжденъ, это — въ необходимости такого яснаго взгляда на жизнь, на достиженіе котораго онъ потратилъ столько умственнаго труда и душевныхъ силъ. *Котляревскій.*

Личность и поэзія Лермонтова.

Немногіе поэты сумѣли, подобно Лермонтову, остаться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни вѣрными искусству и самимъ себѣ. Выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ, до послѣдняго вздоха, остался чуждъ всякой лжи и притворства. Несмотря на то, что онъ много потерпѣлъ отъ ложныхъ друзей, а тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ

друзьямъ и въ счастіи и въ несчастіи; но зато былъ непримиримъ въ ненависти. А онъ имѣлъ право ненавидѣть; имѣлъ его болѣе, нежели кто-либо! Что внутренно возвышало его, было орудіемъ противъ него извнѣ. Но онъ не переставалъ чтить Бога, живущаго въ его сердцѣ... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ: въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи. Она утѣшала и вознаграждала его за житейскія разочарованія и лишенія.

Онъ былъ счастливъ только, когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва, онъ никогда не бросался въ объятія музы, такъ что всѣ его произведенія могутъ назваться написанными на случай, Gelegenheits-Gedichte въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте. Неопредѣленные, заоблачные сны фантазіи были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ глаза, къ небу ли, или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде всего твердую точку опоры на землѣ. Вотъ этимъ-то свойствомъ да, кромѣ того, тѣмъ, что Лермонтовъ въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ и былъ одаренъ тонкою наблюдательностью, объясняется необыкновенная вѣрность, точность и жизненная свѣжесть его изображеній въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Тою же самою художественною правдою проникнуты и его лирическія изліянія, всегда служащія вѣрнымъ отраженіемъ настроенія его души. Вдохновеніе врывалось внезапно, какъ солнечный лучъ, въ его мрачную жизнь, соединяло въ одномъ фокусѣ и мысль его и чувство, и вспыхивали чудные стихи. Это приближеніе вдохновенія, отраду этихъ минутъ и облегченіе, слѣдующее за ними, онъ нерѣдко выражалъ въ своихъ стихахъ; такъ, напримѣръ, въ началѣ „Измаилъ-Бея", онъ говоритъ:

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей...

Итакъ, если подводить Лермонтова подъ литературную классификацію, то, по всему сказанному, его слѣдуетъ причислять къ субъективнымъ поэтамъ, такъ какъ главнымъ содержаніемъ всѣхъ его поэтическихъ созданій — его собственныя мысли и чувства. Впрочемъ, въ отношеніи Лермонтова, слово „субъективный“ въ школьномъ значеніи, какое придаютъ ему наши эстетики, вовсе не можетъ служить окончательнымъ опредѣленіемъ. Хотя онъ и выдавалъ вполнѣ самого себя въ лирическихъ стихотвореніяхъ, со всѣми темными и свѣтлыми сторонами своего характера, хотя и изображалъ, въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ, большею частью, такихъ героевъ, которыхъ могъ надѣлить своими собственными мыслями и чувствами, какъ, напримѣръ, въ „Мцыри“, въ „Измаилъ-Беѣ“ и, частію, въ „Демонѣ“, — но довольно уже одной его „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, чтобы убѣдиться, въ какой степени Лермонтовъ могъ быть и поэтомъ объективнымъ.

Къ сожалѣнію, въ бурной и короткой жизни его было ему для этого слишкомъ мало времени и покоя.

Онъ никогда, впрочемъ, не могъ противостоять своимъ художественнымъ порывамъ и стремленіямъ, точно такъ же, какъ никогда не могъ подавлять своего справедливаго негодованія и скрывать свои воззрѣнія на жизнь и людей, развитыя въ немъ его судьбою и не находившія сочувствія. Все это естественно привело его къ тому смѣшанному роду поэзіи, гдѣ эпическое и лирическое, шутка и серіозное, дѣйствіе и рефлексія, античное чувство изящнаго и разорванность и ѣдкая иронія современнаго человѣка — идутъ рука объ руку; тотъ родъ поэзіи, первымъ верховнымъ жрецомъ котораго былъ Байронъ...

Много было говорено о вліяніи Байрона на Лермонтова. Отрицать это вліяніе невозможно: оно отразилось не только на Лермонтовѣ, но уже и на великомъ его предшественникѣ, Пушкинѣ, какъ и вообще на всей новѣйшей славянской поэзіи. Одинъ русскій критикъ очень много говоритъ по этому поводу: „Близкое знакомство съ сильною симпатическою натурою не можетъ не произвести на насъ впечатлѣнія и не сдѣлать насъ зрѣлѣе. Одно уже подтвержденіе того, что живетъ въ нашемъ сердцѣ, дорогою для

насъ личностью сообщаетъ намъ болѣе силы, болѣе увѣренности. Но отъ этого вліянія, отъ этого естественнаго воздѣйствія одного великаго поэта на другого—до подражанія цѣлая бездна. Въ Лермонтовѣ демоническій элементъ поэзіи объясняется естественнѣе, нежели въ Байронѣ. Байрону предстояло бороться только съ тою ложью, съ тѣмъ лицемѣріемъ, надъ которыми плакались мудрецы и пророки всѣхъ странъ и временъ. Онъ могъ громко возвышать противъ нихъ свои голосъ; могъ бороться съ безуміемъ, срывать личину съ лицемѣрія и поражать ложь острымъ мечомъ истины. Но Лермонтовъ съ своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не можетъ существовать, очутился совершенно одинъ въ чуждомъ ему мірѣ. Окружавшіе его люди не понимали его или не смѣли понимать, и, такимъ образомъ, онъ находился въ постоянной опасности ошибиться въ самомъ себѣ или въ человѣчествѣ. Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ вида при точной оцѣнкѣ его произведеній. Ими многое объясняется и многое оправдывается. Поэтическій стонъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бьющая на эффектъ зѣвота скучающаго риомача или чувствительныя лебединыя пѣсни плаксивыхъ ханжей. Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтова звучатъ по временамъ диссонансы: что не одно жесткое слово, не одинъ рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ. Но гдѣ же такой садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что случайные недостатки стиховъ Лермонтова рѣдко могутъ быть поставлены въ упрекъ самому поэту, потому что и въ свѣтлыя и въ мрачныя минуты вдохновенія онъ искалъ только словъ, чтобы излить его, вовсе не думая выходить съ нимъ на судъ публики.

Стихи:

> ...Кто съ гордою душою
> Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
> Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
> Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
> Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!

вылились у него изъ глубины души. Самъ Лермонтовъ издалъ, какъ извѣстно, относительно лишь самую малую часть

своихъ произведеній, да и тѣ были, можно сказать, вырваны у него его друзьями, чтобы попасть въ печать. Всѣхъ причинъ этого упрямства никто не могъ бы объяснить.

Постоянныя неудачи въ жизни производятъ совершенно различное дѣйствіе на твердые и на слабые характеры.

...Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ...

Характеръ Лермонтова былъ самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ. Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покоряться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее; но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя. Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются — какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ, при свѣтѣ молніи — и небо и земля. Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ въ своей жизни часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ. Первая изъ этихъ дуэлей привела его къ долгому заключенію; а послѣдняя къ преждевременной смерти. Не берусь рѣшить, что именно подало поводъ къ этой послѣдней дуэли: неосторожныя ли остроты и шутки Лермонтова, какъ говорятъ нѣкоторые, вызвали ее, или, какъ утверждаютъ другіе, то ли, что противникъ его принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ „Герой нашего времени" и оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ и его семейства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слышалъ я эту исторію отъ секунданта Лермонтова, г. Г., который и закрылъ глаза своему убитому другу. Очень вѣроятно, что Лермонтовъ, обрисовавшій себя немножко яркими красками въ главномъ героѣ этого романа, списалъ съ натуры и другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что прототипамъ ихъ нетрудно было узнать себя. Книга написана прекрасною прозою, полна глубокой мысли и представляетъ превосходный комментарій къ стихамъ „Думы":

Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто иль темно.

Въ концѣ этого романа описывается дуэль, въ которой тотъ, кому первому приходится подвергнуться выстрѣлу противника, долженъ стать на краю обрыва, чтобы, въ случаѣ раны, немедленно упасть туда на вѣрную смерть: по странному сближенію, почти такимъ же образомъ умеръ впослѣдствіи и самъ Лермонтовъ. У него была твердость заклеймить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но недостало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонялся отъ нея, отъ этой отваги „дерзости слѣпой". Онъ предпочелъ, впрочемъ, сознательно высказать такую слѣпую дерзость, чѣмъ отстраниться отъ мнѣній и толковъ людей, которыхъ презиралъ отъ всей души. Въ жизни его было много подобныхъ странностей, но всѣ онѣ истекаютъ изъ одного источника — изъ его страданій и, большею частію, могутъ быть оправданы ими. Невозможно, чтобы человѣкъ при подобныхъ обстоятельствахъ не сбился иногда съ дороги. Проницательный умъ указываетъ мудрецу людскія глупости, но не всегда предостерегаетъ его отъ нихъ и не можетъ совершенно уберечь его отъ вліяній окружающей среды. Произнося судъ надъ умомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умовъ, слѣдуетъ брать мѣриломъ не то, что въ немъ есть общаго съ толпою, которая стоитъ ниже его, а то, что отличаетъ его отъ этой толпы и возвышаетъ надъ нею. Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодого поколѣнія въ Россіи; но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ *казаться*. Не надо понимать это въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ. Онъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы высказывать свое несчастіе, — и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ. *Боденштедтъ.*

Нравственный обликъ Лермонтова.

...Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно, —
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
Лермонтовъ (на смерть Пушкина).

Прошло болѣе полстолѣтія съ того рокового дня, когда безбожный выстрѣлъ Мартынова разрушилъ смертную оболочку великой души Лермонтова. Безвременная трагическая кончина геніальнаго поэта и обстоятельства его дуэли, до сихъ поръ не вполнѣ разъясненныя, вызвали въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ самые разнообразные толки. Большой свѣтъ и высшіе административные кружки, задѣтые Лермонтовымъ въ его стихотвореніи „На смерть Пушкина", встрѣтили извѣстіе объ его смерти довольно равнодушно и даже видѣли въ ней достойное воздаяніе за безпокойный характеръ поэта и его отрицательное отношеніе къ современной дѣятельности. Съ другой стороны, образованная публика, жадно ловившая всякій стихъ Лермонтова и считавшая его непосредственнымъ преемникомъ Пушкина, видѣла въ его смерти громадную общественную потерю. Краснорѣчивымъ выразителемъ ея скорби былъ Бѣлинскій, который прекрасно разъяснилъ значеніе кончины Лермонтова для осиротѣвшей русской поэзіи. Горе, охватившее въ то время образованныхъ русскихъ людей, становилось еще острѣе при мысли, что Лермонтовъ погибъ въ ранней юности, не успѣвъ совершить и половины того, чего отъ него ожидали. Хотя Пушкинъ тоже погибъ слишкомъ рано, въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, но на основаніи всего имъ сдѣланнаго можно съ достаточною вѣроятностью догадываться о томъ направленіи, которое должна была принять на будущее время его художественная дѣятельность. Извѣстно, что задолго до смерти Пушкинъ сумѣлъ смирить въ себѣ бурные порывы молодости, прійти въ гармонію съ собой и отчасти съ окружающей средой, словомъ, выработалъ себѣ болѣе или менѣе спокойное міросозерцаніе. Общественнымъ идеаломъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни была нравственная независимость художника, воспѣтая имъ въ стихотвореніи „Изъ Пиндемонте", для достиженія которой онъ охотно пожертво-

валъ бы всякими политическими правами. Придя къ убѣжденію, что плетью обуха не перешибешь, онъ то мечталъ итти объ руку съ правительствомъ, разъясняя публикѣ его мѣропріятія, то уходилъ въ чистое искусство, гдѣ ему было легко и привольно дышать. Само правительство, заинтересованное въ процвѣтаніи его генія, составлявшаго славу и гордость Россіи, оказывало покровительство его поэтической музѣ подъ условіемъ, конечно, чтобы она не выходила изъ очерченнаго вокругъ нея круга. Совершенно въ иномъ положеніи находился Лермонтовъ. Жизнь его была, такъ сказать, перерѣзана пополамъ; онъ погибъ двадцати семи лѣтъ отъ роду, не успѣвъ сладить съ своимъ пламеннымъ темпераментомъ, не успѣвъ развернуть вполнѣ своего таланта и окончательно выяснить своего міросозерцанія. Самый ходъ его развитія былъ иной, чѣмъ у Пушкина, Пушкинъ началъ съ отрицательнаго отношенія къ современной дѣйствительности и сочувствія къ лучшему общественному строю и его провозвѣстникамъ въ Россіи; Лермонтовъ — съ воспѣванія существующаго порядка. Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова весьма мало общественнаго элемента; изъ тѣхъ же немногихъ мѣстъ, гдѣ этотъ элементъ проявляется, видно, что современная русская дѣйствительность вполнѣ удовлетворяла юношу-поэта, которому ничего не оставалось болѣе какъ прославлять ее и предавать позору ея враговъ. Такимъ патріотическимъ духомъ проникнуто стихотвореніе „Опять народные витіи", навѣянное знаменитымъ Пушкинскимъ стихотвореніемъ „Клеветникамъ Россіи" и написанное Лермонтовымъ въ 1831 г., когда ему было семнадцать лѣтъ. Годъ спустя, въ предисловіи къ третьей части своей поэмы „Измаилъ-Бей" Лермонтовъ снова возвращается къ прежней темѣ, поетъ гимны русскому оружію и предсказываетъ скорое наступленіе того времени, когда западъ и востокъ признаютъ власть Россіи, когда черкесъ съ гордостью воскликнетъ:

Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!

Въ противность всякимъ ожиданіямъ, пребываніе въ Петербургѣ, въ юнкерской школѣ, въ значительной степени охладило патріотическій пылъ Лермонтова. Петербургъ, своимъ скверным климатомъ, своей казенщиной и преобладаніемъ

военнаго элемента, на первыхъ порахъ внушаетъ ему слѣдующіе стихи, вошедшіе въ его поэму „Сашка".

Увы! какъ скверенъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь — красный воротъ,
Какъ шишъ, стоитъ передъ тобой.

Выпущенный въ 1831 г. корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, Лермонтовъ сталъ вести разсѣянную свѣтскую жизнь, что, впрочемъ, не мѣшало ему много думать, наблюдать и писать. Къ этому времени относится его первое столкновеніе съ петербургской бюрократіей. Цензура III отдѣленія не пропускаетъ его комедіи, въ которой онъ, по словамъ А. Н. Муравьева, написалъ рѣзкую критику на современные нравы. Стихотвореніе „На смерть Пушкина" (1837 г.), въ которомъ Лермонтовъ выступилъ пламеннымъ выразителемъ скорби и негодованія, охватившаго русское общество, и заклеймилъ презрѣніемъ высшіе административные кружки, ускорившіе своимъ злословіемъ и бездѣятельностью роковую развязку, составляетъ переломъ въ отношеніяхъ поэта къ администраціи. Съ этихъ поръ Лермонтовъ попадаетъ въ разрядъ подозрительныхъ, его ссылаютъ на Кавказъ, и онъ уѣзжаетъ, совершенно разочарованный не только Петербургомъ, но и Россіей.

Прощай, немытая Россія!
Страна рабовъ, страна господъ!
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ!
Быть можетъ за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ вождей,
Отъ ихъ всевидящаго гзаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей[1]).

Неизвѣстно, удалось ли Лермонтову укрыться на Кавказѣ отъ всевидящихъ очей петербургской администраціи, но что за его произведеніями былъ учрежденъ усиленный надзоръ — это не подлежитъ сомнѣнію. Цензура не пропустила его „Пѣсни про купца Калашникова", и только, благодаря заступниче-

[1]) Стихотвореніе это, не вошедшее до сихъ поръ въ собраніе сочиненій Лермонтова, напечатано въ „Русской Старинѣ", 1887 г. № 12.

ству Жуковскаго, печатаніе ея было разрѣшено на свой страхъ министромъ народнаго просвѣщенія, да и то безъ имени Лермонтова. Съ „Сказкой для дѣтей“ впослѣдствіи вышло гораздо хуже. Цензура выбросила изъ нея цѣлыхъ одиннадцать строфъ, навсегда утраченныхъ. „Не по моему желанію“, — говоритъ поэтъ въ заключительной строфѣ, случайно уцѣлѣвшей въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта,— заканчиваю здѣсь мою рѣчь: моя поэма охранена свыше отеческими руками отъ излишней длинноты. Однако съ неохотой я отказываюсь отъ заключенія, которое вычеркнуто все безъ разбора, а вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркнута и мораль. Такимъ образомъ, цензура постоянно обращаетъ мой талантъ въ отрывокъ, лишь только захотѣлось бы мнѣ развернуться. Желая быть образцомъ повиновенія, оставляю и эту сказку отрывкомъ“.

Ссылка Лермонтова продолжалась годъ съ небольшимъ: въ началѣ 1838 г., вслѣдствіе хлопотъ своей бабушки Арсеньевой, Лермонтовъ былъ возвращенъ въ Петербургъ. На первыхъ порахъ высшее петербургское общество встрѣтило опальнаго поэта весьма радушно. Лермонтовъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ моднымъ человѣкомъ, героемъ дня. Дамы съ нимъ любезничали, выпрашивали стиховъ, засыпали приглашеніями. „Я пустился въ большой свѣтъ“, — писалъ онъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, — „въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ; дамы съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ хотятъ, чтобъ я былъ у нихъ и т. д.“ Но это не могло продолжаться долго. Вскорѣ между поэтомъ и grand mond'омъ началось весьма понятное охлажденіе. Вращаясь въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, нужно было подлаживаться къ господствовавшему тамъ тону, восхищаться всѣмъ русскимъ, находить мудрыми и благодѣтельными всѣ мѣропріятія администраціи. Такое восторженное, можно даже сказать — лирическое отношеніе къ существующему порядку было въ эту эпоху почти обязательнымъ для всякаго, въ особенности для военнаго, но на такую роль былъ менѣе всего способенъ Лермонтовъ, натура искренняя, независимая, неспособная ни къ лести ни къ лицемѣрію. Мы видѣли, что въ юности Лермонтовъ, упоенный военнымъ могуществомъ Россіи и той почетной ролью, которую она играла въ си-

стемѣ европейскихъ государствъ, былъ искреннимъ и восторженнымъ панигиристомъ правительства. Впослѣдствіи восторгъ его значительно уменьшился, когда онъ увидѣлъ, что этимъ внѣшнимъ почетомъ далеко не искупались мрачныя стороны внутренней жизни нашего отечества. Невеселую картину представляла наблюдателю тогдашняя Россія: безправіе закрѣпощеннаго народа, дикій разгулъ помѣщичьей власти, задыхающаяся въ цензурныхъ колодкахъ печать, беззаконіе и взяточничество въ судахъ, мудрящая надъ народной жизнью бюрократія, а надъ всѣмъ этимъ нависшая какъ туча, одаренная обширными полномочіями и жаждущая выслужиться администрація, подъ надзоръ которой была отдана запуганная интеллигенція... Отъ проницательнаго взора поэта не укрылось, что не было искренности и правды въ отношеніяхъ общества къ власти, что такъ-называемый на офиціальномъ языкѣ патріотизмъ былъ въ сущности лицемѣріемъ и раболѣпствомъ. Возмущенный всѣмъ этимъ до глубины души, поэтъ не стѣснялся выражать свой протестъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Результаты такой неосторожности легко было предвидѣть. Въ большомъ свѣтѣ и связанныхъ съ нимъ высшихъ административныхъ кружкахъ стали смотрѣть на него какъ на человѣка безпокойнаго, даже опаснаго, стали обвинять его въ отсутствіи патріотизма, чуть не въ измѣнѣ отечеству. Какъ всѣ эти несправедливыя обвиненія отражались на чуткой душѣ поэта, видно изъ ряда его неизданныхъ стихотвореній, сообщенныхъ пріятелемъ Лермонтова Глѣбовымъ нѣмецкому поэту Фридриху Боденштедту и переведенныхъ этимъ послѣднимъ на нѣмецкій языкъ. „Нѣтъ, я не измѣнилъ своей странѣ и не недостоинъ отцовъ моихъ. Это потому, что я не похожу на васъ ни въ чемъ и не ползаю, какъ вы; это потому, что ваши дѣла часто заставляютъ меня краснѣть отъ стыда; это потому, что я не слышу музыки въ бряцаніи цѣпей и не вижу ничего привлекательнаго въ блескѣ штыковъ — вы утверждаете, что я не патріотъ“. И далѣе: „Богъ далъ мнѣ языкъ, но когда я вздумалъ говорить — у меня захватило горло. Странныя вещи происходятъ въ моей странѣ и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія!“ Въ особенности должны были раздражить петербургскихъ сановниковъ слѣдующія язвительныя

строки: „Не завидую я ни вашимъ крестамъ ни вашимъ гибкимъ спинамъ; не завидую тому, чѣмъ вы сдѣлались черезъ подсказничество и низкопоклонство“.

Благодаря подобнымъ выходкамъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ частныхъ разговорахъ, Лермонтовъ съ каждымъ днемъ дѣлался все болѣе и болѣе ненавистнымъ высшей петербургской администраціи, которая прославила его человѣкомъ опаснымъ и даже успѣла вооружить противъ него самого Государя, такъ что, когда въ 1840 г. произошла извѣстная дуэль Лермонтова съ Барантомъ, онъ по Высочайшему повелѣнію былъ снова сосланъ на Кавказъ, откуда ему уже не суждено было возвратиться.

Оппозиція Лермонтова, которой его враги сумѣли придать преступное значеніе, въ сущности не только не заключала въ себѣ ничего преступнаго, но даже ничего политическаго. Лермонтовъ никогда не былъ революціонеромъ; сомнительно, чтобы его можно было даже назвать либераломъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ основѣ его протестующаго настроенія лежала не политическая доктрина, но нравственное чувство, возмущенное главнымъ образомъ отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства въ русскомъ обществѣ, ползавшемъ въ прахѣ передъ властью и смѣшивавшемъ раболѣпіе и лесть съ патріотизмомъ. Это презрѣніе къ современному обществу могло только усилить ту горечь разочарованія, которая съ юныхъ лѣтъ отравила собой душу Лермонтова. Доведенный до полнаго отчаянія обрушившимися на него преслѣдованіями, Пушкинъ, какъ художникъ, прежде всего искалъ утѣшенія въ искусствѣ. Для Лермонтова, менѣе способнаго забыть въ вымыслахъ идеальнаго міра раны, нанесенныя дѣйствительной жизнью, нуженъ былъ другой щитъ, другой ангелъ-утѣшитель. Такимъ ангеломъ-утѣшителемъ явилась для Лермонтова религія. Только религія могла смирить эту огненную боевую натуру, исполнить ее прощенія и любви. Изливъ свое негодующее и истекающее кровью сердце въ загадочномъ, проникнутомъ мрачнымъ отчаяніемъ, стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моей пророческой судьбою“, гдѣ онъ, повидимому, изображаетъ себя политическимъ мученикомъ, Лермонтовъ ищетъ утѣшенія въ религіи, которая проливаетъ цѣлительный бальзамъ въ его истерзанную душу, миритъ его съ жизнью и учитъ молиться за враговъ сво-

нхъ[1]). Религіозное и общественное настроеніе, охватившее душу поэта въ послѣдніе годы его жизни, находится въ тѣсной связи съ измѣнившимися взглядами на задачи поэтическаго творчества. Хотя и въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова по временамъ мелькаетъ смутное сознаніе своего великаго поэтическаго призванія, но это сознаніе появляется случайно и быстро потухаетъ въ мрачныхъ мысляхъ о своей ненужности[2]). И это вполнѣ понятно: для юноши-поэта центръ вселенной есть любимая женщина, цѣль жизни — ея любовь. Для нея онъ слагаетъ свои пѣсни, отъ нея одной ждетъ одобренія и награды[3]). Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца[4]). Но, по мѣрѣ своего развитія и углубленія въ жизнь, Лермонтовъ ставитъ для своей поэтической дѣятельности болѣе серіозныя задачи. Въ стихотвореніи „Поэтъ“ (1839 г.) онъ называетъ поэта осмѣяннымъ пророкомъ; въ стихотвореніи „Журналистъ, Читатель и Писатель“ (1840 г.) онъ изображаетъ поэта неумолимымъ обличителемъ современныхъ пороковъ и называетъ его рѣчь пророческою. Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи, извѣстномъ только по переводу Боденштедта, Лермонтовъ такъ характеризуетъ свою собственную поэтическую дѣятельность: „Какъ страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни въ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего полнаго права боролся я за все истинное и доброе, и т. д.“ Всѣ эти заявленія служатъ прелюдіей къ знаменитому стихотворенію „Пророкъ“, гдѣ проводится взглядъ на поэтическое призваніе, какъ на священную миссію. Этотъ могучій призывъ къ проповѣди чистыхъ ученій

---

[1]) См. заключительныя строки стихотворенія: „Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма“:

Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастьи бытія,
Которые мнѣ душу отравили —
За тѣхъ молюся я!

[2]) Ефр. Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я, ср.
Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ,

[3]) Ibid. 118: Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ, ср. ibid. 119.

[4]) Ibid. Т. 1, 6.

любви и правды есть вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительный аккордъ всей поэзіи Лермонтова.

Такимъ образомъ росъ въ ширь и глубь могучій геній Лермонтова, поражающій глубиной мысли и прелестью стиха, передъ которымъ иногда меркнетъ даже стихъ самого Пушкина. Чѣмъ завершилось бы это необычайное развитіе, какое направленіе приняла бы впослѣдствіи поэзія Лермонтова, несомнѣнно становившаяся все серіознѣе и глубже — объ этомъ мы можемъ только мечтать и дѣлать догадки, безъ всякой надежды прійти къ чему-нибудь вѣрному и положительному. Одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что геніальному таланту Лермонтова предстояла громадная будущность, что съ минуты смерти началось для него и безсмертіе.

Стороженко.

Идеалы Лермонтова.

Лермонтовъ, написавшій стихи „На смерть Пушкина", былъ уже не задумчивый юноша: онъ уже пережилъ и перечувствовалъ и Вертера, и Рене, и Байрона, и явился поэтомъ русской мысли и русской безотрадной дѣйствительности; онъ былъ вправѣ сказать о себѣ.

Нѣтъ, я не Байронъ, — я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Первая четверть нашего столѣтія подорвала въ общественномъ сознаніи уваженіе къ барству и крѣпостничеству. Мыслящее меньшинство дворянства уже не могло быть помѣщикомъ откровенно, а не быть помѣщикомъ нельзя было безнаказанно. Внутреннее сознаніе и совѣсть мѣшали оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу, а выйти изъ нихъ было нельзя: самая мысль объ этомъ казалась тогда опасной. Нельзя было вырваться изъ тяжелаго положенія, а примкнуть, закрывши глаза, къ жизни большинства, — было еще тяжелѣе. И вотъ, мыслящее меньшинство почувствовало себя лишнимъ человѣкомъ. Общественной дѣятель-

ности для него не существовало, всѣ пути были ему заказаны: оно могло только углубляться въ собственную тоску и пустоту жизни, сознавая свое безсиліе и одиночество, а родину любить только „странною любовью“, — любовью привычки къ знакомому пейзажу. Напряженный трагизмъ этого вынужденнаго положенія требовалъ сильнаго голоса въ литературѣ: его всѣ чувствовали, но онъ какъ будто ускользалъ отъ вниманія, заглушаясь, притупляясь внѣшней суетой жизни. Для того, чтобы выразить это тяжелое, удручающее настроеніе, нужно было прочувствовать его въ такомъ полномъ душевномъ одиночествѣ, какое выпало на долю Лермонтову; онъ и явился его выразителемъ. Съ упорной неизмѣнностью провелъ онъ свою безотрадную задачу, геніальною впечатлительностью понимая всю прелесть жизни и постоянно сознавая себя лишнимъ человѣкомъ въ этомъ мірѣ, гдѣ ему было душно, какъ въ тюрьмѣ и откуда ему хотѣлось бы вырваться куда-нибудь на просторъ и дикую волю, какъ узнику или Мцыри:

Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ...

Правъ былъ Бѣлинскій, сказавъ, что у Лермонтова „нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни, но вездѣ — вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце“. Русская современная ему дѣйствительность „жила въ каждой каплѣ его крови, трепетала съ каждымъ біеніемъ его сердца, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ настоящаго! Оно внѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности“...

Лермонтовъ всю жизнь носилъ въ душѣ и лелѣялъ въ воображеніи идеалъ свободнаго существа, рѣзко противорѣчившій застою тогдашней русской общественной жизни. Въ юности этотъ идеалъ являлся ему съ байроновскими чертами, въ образѣ Демона; мужая, поэтъ все болѣе и болѣе стремится свести его на реальную почву; онъ ищетъ его въ салонахъ, гдѣ самъ проводитъ или убиваетъ свое время, но гдѣ, въ сущности, его идеалу (какъ и ему самому) нѣтъ мѣста; старается представить его себѣ то въ лицѣ какого-то фантастическаго

испанца, изнывающаго въ монастырской тюрьмѣ („Исповѣдь“), то въ видѣ не менѣе фантастическаго Арсенія, въ какой то псевдо-исторической обстановкѣ дословно повторяющаго исповѣдь испанца („Орша“); но и тутъ ему нѣтъ мѣста, и обстановка выходитъ чѣмъ то посторонним, неудачно придуманнымъ; наконецъ, въ послѣдней переработкѣ той же темы, идеалъ достигаетъ въ прозрачной ясности и цѣльности — въ плѣнномъ мальчикѣ, рожденномъ на свободѣ и убѣгающемъ изъ монастырской неволи, подышать зеленымъ лѣсомъ, дикой волей, подраться съ звѣрями, съ которыми борьба для него отрадна... Борьба съ людьми для него скучна: они ему слишкомъ чужіе: онъ ихъ презираетъ; ихъ сила только въ томъ, что ихъ много и что это множество утомляетъ и обезсиливаетъ. Лучше три дня вздохнуть безъ нихъ, на вольной волѣ, самобытно и гордо, и потомъ погибнуть, чѣмъ склонить передъ ними непоклонную голову и жить долгимъ и скучнымъ прозябаніемъ, мало-по-малу утрачивая вольную душу.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? — Жилъ...

Жажда жизни, „жажда бытія“ — дѣятельнаго кипучаго, страстнаго, — проникаетъ все существо поэта:

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ славы не беретъ...

Но вмѣсто жизни передъ нимъ разстилается только томительный „ровный путь безъ цѣли“, — и снова щемитъ его сердце тоска одиночества:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людей — ни рабъ, ни властелинъ
И все, что чувствуетъ, — онъ чувствуетъ *одинъ*.

Его окружаютъ не люди, а только „образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски“, которымъ нѣтъ дѣла до его страданій и волненій, которымъ смѣшонъ его плачъ и укоръ.

и ему приходится бояться своего вдохновенія какъ язвы, чтобы не унизиться до выставки своихъ душевныхъ ранъ „на диво черни простодушной“. Эти прозябанія существа, постыдно равнодушныя къ добру и злу, ничего не могутъ дать ему и ничего не въ силахъ отъ него взять, — и передъ нимъ рисуется образъ библейскаго пророка, призваннаго „глаголомъ жечь сердца людей“, но вынужденнаго бѣжать изъ городовъ въ пустыню, потому что въ отвѣтъ на проповѣдь любви и правды въ него бросаютъ бѣшено каменья.

Онъ гордъ былъ, — не ужился съ нами...

А съ другой стороны неотвязно звучитъ вопросъ: зачѣмъ-же и за что эта пытка безцѣльнаго существованія?

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,—
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать!

И колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, поэтъ приходитъ, наконецъ, къ утратѣ вѣры въ будущность своего поколѣнія.

Его грядущее — иль пусто иль темно.

Только вдали отъ людей, лицомъ къ лицу съ спокойной, вѣчно-безстрастной природой, „смиряется души его тревога. Объективное творчество возможно для него только въ рѣдкія минуты душевнаго отдыха, — и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“ служитъ яркимъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты этическаго созерцанія жизни могъ подниматься поэтъ въ такія минуты. Но тяжелая рука дѣйствительности разрушала эти мечты и снова толкала его въ міръ житейскихъ треволненій; современность „сосала кровь изъ его сердца“

Идеала свободной души, воплощеннаго въ образѣ Мцыри, Лермонтовъ искалъ также и въ женщинѣ. Его мечта — уже

не деревенская барышня, не Татьяна, любящая и унылая, страдающая и покорная, — а женщина, которой нужна власть надъ людьми, ею презираемыми, женщина, въ которой больше гордости и ненависти, чѣмъ любви, чья душа

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Они идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повторяться не дано.

И въ самомъ дѣлѣ, женскій идеалъ Лермонтова — опять тотъ же Демонъ, сіявшій „такой волшебно сладкой красотою, что было страшно и душа тоскою сжималася“, тотъ же Мцыри но въ другой обстановкѣ, соотвѣтственной полу. Докончи этотъ идеалъ, прояснить его онъ нигдѣ не могъ; онъ хочетъ воплотить его въ дѣйствительности, поставить возлѣ себя, пробуетъ (въ „Сказкѣ для дѣтей“) и не успѣваетъ... Смерть ли прервала созданіе, или самый идеалъ невозможенъ и никогда не дошелъ бы до ясности? Существующую женщину Лермонтовъ презираетъ:

Пустого сердца не жалѣй:
Пускай себѣ поплачетъ,—
Ей ничего не значитъ.

Откуда же эта неодолимая потребность призрѣнія, которая заставляетъ поэта говорить первой по тогдашнимъ понятіямъ европейской націи, — великому народу: „Ты жалкій и пустой народъ!“, говорить всему европейскому міру, что онъ

Къ могилѣ клонится безславной головою.
Измученный въ борьбѣ сомнѣнья и страстей,
Безъ вѣры, безъ паденія,—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!—

и въ то же время у себя дома не находить человѣка, которому можно было бы руку подать въ минуту душевной невзгоды? Имѣлъ ли онъ право не имѣть друга, презирать

собственную любовь къ женщинѣ, презирать общество, какъ безсловесное стадо?

Эти вопросы поставлены авторомъ одной старой статьи о русскихъ поэтахъ. У него же находимъ и отвѣтъ на нихъ. „Жизнь и исторія даютъ не право, а возможность, или, вѣрнѣе, необходимость, какъ слѣдствіе цѣлаго ряда причинъ".

Къ Лермонтову вполнѣ примѣняется характеристика Арбенина, вложенная имъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ драмы „Странный человѣкъ": „Онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего это произошло... Его умственныя способности очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ ни беречься отъ его нападеній ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью, въ нихъ примѣтна была горькая досада, противъ всего человѣчества"...

Въ ранней молодости, еще полный идеалами Байрона, поэтъ близко присмотрѣлся къ обществу и почувствовалъ, что въ этомъ мірѣ онъ чужой, лишній, что ему тутъ дѣлать нечего, что работать ради этого общества не стоитъ труда. Съ этой точки зрѣнія смотритъ онъ и на личныя отношенія. Онъ вращается въ большомъ и маломъ „свѣтѣ", со всѣми знакомъ, никого не любитъ, — да и не за что; онъ постоянно шутитъ и хохочетъ какъ школьникъ, — а внутри у него кипитъ отвращеніе къ обществу, къ людямъ, съ которыми приходится встрѣчаться, къ самому себѣ и своему положенію, — и сердце его грызетъ тоска тяжелая и безвыходная. Оттого-то мысль о побѣгѣ изъ этой среды у него такъ истинна, такъ поэтична, мечты о природѣ и идеалъ Мцыри такъ искренни; оттого и положеніе его въ обществѣ настолько ложно, что Печоринъ, самъ того не замѣчая является такимъ же фразеромъ, какъ и Грушницкій. Только необыкновенная сила языка, вѣрность остальныхъ характеровъ и поэтическая прелесть обстановки сдѣлали изъ „Героя нашего времени" поэму, въ которой и самая проза звучитъ какъ стихъ. Не даромъ замѣтилъ Гоголь, что „никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и „благоуханною прозою", а Бѣлинскій видѣлъ въ „Тамани" — „словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ".

Влiянiе Лермонтова, сочувствiе къ нему мыслящихъ современниковъ было огромно: всякiй, признаваясь, чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ и чужимъ въ этой средѣ, которой ни любить ни уважать было не за что, и слѣдовательно, всякiй находилъ въ Лермонтовѣ свой отголосокъ. Желѣзный стихъ поэта „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“. Струну, задѣтую Лермонтовымъ, чувствовалъ въ своемъ сердцѣ каждый, кто не находилъ себѣ мѣста въ жизни и живой дѣятельности, а ихъ откровенно не находилъ никто. Лермонтовъ не былъ теоретикомъ; онъ не искалъ; онъ не искалъ разгадки жизни; объясненiе ея началъ было ему безразлично; никакихъ теоретическихъ вопросовъ онъ не касался. Онъ былъ скептикъ въ практикѣ, въ самой жизни: онъ не вѣрилъ въ ея исходъ, и потому на всякую человѣческую дѣятельность смотрѣлъ съ пренебреженiемъ и общественные вопросы выбросилъ изъ своей поэзiи.

Кромѣ строчки презрѣнiя, брошеннаго Францiи и европейскому мiру вообще, да строчки ненависти къ извѣстному кругу общества въ стихотворенiи на смерть Пушкина, онъ не затронулъ ни одного „гражданскаго мотива“, — развѣ только еще ненужность войны въ „Валерикѣ“:

... Жалкiй человѣкъ,
Чего онъ хочетъ?
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Но эти стихи — скорѣе презрѣнiе къ человѣку, чѣмъ мысль объ общественной гармонiи. Лермонтовъ какъ будто зналъ и помнилъ замѣчанiе Пушкина: „Коли ты поэтъ, такъ будь поэтомъ, а хочешь гражданствовать, такъ пиши прозою“. Равнодушiе къ теоретическимъ вопросамъ отдалило его отъ науки; онъ и въ ея исходъ не могъ вѣрить a priori, а потому и не принимался за нее. Равнодушный къ основнымъ началамъ и сомнѣвающiйся въ конечныхъ результатахъ, Лермонтовъ ловилъ свой идеалъ отчужденности и презрѣнiя, такъ же мало заботясь объ эстетической теорiи искусства для искусства, какъ и обо всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ, поднятыхъ въ его время подъ знаменемъ германской науки и раздѣлившихъ нашу интеллигенцiю на два лагеря — запад-

ническій и славянофильскій. Вечера, гдѣ собирались представители обѣихъ партій, такъ же какъ и всякія собранія съ ученымъ или литературнымъ оттѣнкомъ, были ему совсѣмъ не по душѣ; въ кругу литературномъ, какъ и въ великосвѣтскомъ, онъ не чувствовалъ себя своимъ и къ современной журналистикѣ относился, съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, далеко не благосклонно:

... нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ...
. . . .
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ? .
. . . .
Въ чернилахъ вашихъ, господа
И желчи ѣдкой даже нѣту,
А просто — грязная вода...

Онъ даже и въ своихъ произведеніяхъ не высказывалъ всего, что̀ думалось:

Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?

Не ища сближенія съ литературнымъ кругомъ, онъ появлялся среди него, какъ рѣдкій гость и уходилъ въ свѣтскую жизнь на поиски своего идеала — женщины; но идеалъ „ускользалъ какъ змѣя“, и поэтъ попрежнему оставался въ своемъ безотрадномъ одиночествѣ. „Жажды бытія“, жизни вольной и богатой впечатлѣніями,— заставляла его искать новыхъ и сильныхъ ощущеній, хотя бы цѣною страданія:

Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

Обыденнымъ существованіемъ, медленно переползающимъ изо-дня въ день, онъ не дорожилъ и всегда былъ готовъ поставить его на карту ради неизвѣстнаго. Роковая случайность прекратила это существованіе.

„Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ“, писалъ Гоголь. „Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертью, втеченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ разгарѣ силъ своихъ, и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!“.

Жуковскій опредѣлилъ поэзію Лермонтова словомъ „безочарованіе“. Онъ говоритъ, что „очарованіе“ — культъ красоты и жизнерадостности, — представителемъ котораго былъ Шиллеръ, уступило мѣсто байроновскому разочарованію; какъ-то, такъ и другое отразилось въ свое время въ нашей поэзіи; съ Лермонтовымъ же явилось новое настроеніе, которое нельзя иначе назвать какъ „безочарованіемъ“, потому что оно уже ничего не жаждетъ отъ жизни. Это характерное слово можно примѣнить и вообще къ той эпохѣ нашего общественнаго и литературнаго развитія, плодомъ и выраженіемъ котораго была поэзія Лермонтова: это было время не ожиданій и надеждъ, а унынія и усталости, — время не знавшее „очарованія“ ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Лермонтовъ ошибался только въ одномъ: горькое сознаніе суровой и безплодной дѣйствительности заставляло его всякую надежду считать ребяческой мечтой, недостойной „строгаго искусства“ между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эпоха, въ которую онъ жилъ, хотя и тяжелая и болѣзненная, была только эпохою переходною. Живой общественный организмъ не можетъ окаменѣть и остановиться на одномъ мѣстѣ, какъ не можетъ и держаться однимъ только отрицаніемъ. Въ тѣсныхъ колодкахъ нашей культуры 30-хъ годовъ уже зарождались и зрѣли свѣжія силы, которыя вслѣдъ затѣмъ сообщили нашей жизни и литературѣ новое и плодотворное движеніе впередъ. Негодующій вопросъ Лермонтова:

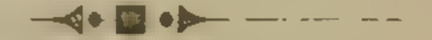
Когда же на Руси безплодной
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти — голосъ благородный?

разрѣшенъ исторіею, оправдавшей вдохновенное пророчество Гоголя:

„Все это (наша поэзія до начала 40-хъ годовъ) — еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе

металлы, изъ которыхъ выкуется наша сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь насквозь всю душу и не упадетъ на безплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія, и ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію, — нашу русскую Россію. не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единаго, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: „это — наша Россія!

Морозовъ.



Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ небогатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ, онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣщанскою спесью, ломаньемъ и кривляньемъ. По счастью, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ, — и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себѣ, безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть-было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ, и долго

былъ боленъ, такъ что хотя его впослѣдствіи и вылѣчили, однако онъ все-таки чувствовалъ отзывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ, напримѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади черезъ ея голову и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но, несмотря на все это, онъ былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ. Такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому что какъ ни кратко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ первоначальнаго образованія. Мало того, изъ примѣра Кольцова, мы больше всего убѣдились въ важности первоначальнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ — подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его умственному существованію недостаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то̀, что̀ легко усвоивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что̀ относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть Кайданова исторію, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героевъ древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только чрезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы освоиваться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными.

Вслѣдствіе этого же недостатка въ первоначальномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать „Иліады“, хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, — между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ не много вынесъ изъ уѣзднаго училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ — это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орѳографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его умственной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и „Бова Королевичъ“ съ „Ерусланомъ Лазаревичемъ“ составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи, — и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Читая сказки, Кольцовъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ, а зимою посылалъ его съ приказчиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи, онъ тѣмъ лучше понялъ

и оцѣнилъ степь и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее какъ друга, какъ любовницу. Поэтому ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стадо съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитой войлока или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіею, натуры и сказки о Бовѣ и Еруслапѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ, то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбились Кольцову изъ этихъ книгъ „Тысяча и одна ночь" и „Кадмъ и Гармонія" Хераскова, особенно первая. И немудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его, и, разумѣется, у него родилось желаніе самому произвести

что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ и въ городѣ и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ за сходную цѣну сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки бѣжитъ онъ съ нею въ садъ и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и риѳмы полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что̀ такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія піесы онъ заучилъ наизусть, и особенно понравился ему „Ермакъ". Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ риѳмами; но у него не было ни матеріала для содержанія ни умѣнья для формы. Однакожъ, матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по-своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищ-

ная пьеса, подъ названіемъ „Три видѣнія“, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ совѣтникъ ему былъ необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему „Три видѣнія“ и другія свои пьесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: „Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона“. Видно какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и, видно, его тронуло страстное стремленіе Кольцова къ стихотворству; онъ подарилъ ему „Русскую Просодію“ и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и, сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастьемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и

его небольшая библіотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю жизнь его. Мы уже говорили, что Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ были чувства и привязанности хоть жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязанностей другого рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта.

Эта любовь, и въ ея счастливую пору и годину ея несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ рифмами безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Въ своемъ поэтическомъ призваніи увидѣлъ онъ вознагражденіе за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ, и по ихъ слѣдамъ пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена. Къ тому же, онъ не имѣлъ большой надобности носить свои стихотворенія на судъ къ книгопродавцу, потому что нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, какого давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. И когда постигла его утрата любви, у него, какъ бы въ вознагражденіе за нее, остался другъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Натура сильная и широкая, Серебрянскій, будучи семинаристомъ, рано почувствовалъ отвращеніе къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему другую дорогу и другое призваніе, и, руководимый инстинктомъ, онъ самъ себѣ создалъ образованіе.

Кольцовъ былъ поэтъ по призванію, по натурѣ, — и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще бо́льшую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гоняющій скотъ съ одного поля на другое, по колѣни въ крови присутствующій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; прикащикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ, — и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣніями, и въ то же время, дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается, какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ!... Возвращаясь домой, онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человѣкомъ и, въ этомъ отношеніи, уже рѣзко отличился отъ невѣжественныхъ животныхъ въ человѣческомъ образѣ. Но у него есть книги,

Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!—

и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность, не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!... За что́ же?... Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности, чтобы тяжкимъ трудомъ и скучными хлопотами въ чуждой ему сферѣ способствовалъ матеріальному благосостоянію своего семейства? Но, увы! удивляться этому презрѣнію и этой ненависти безъ причины — значитъ не знать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человѣкомъ: онъ не взлюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрятности, низкопоклонникъ — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще болѣе невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ простить! Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижаете его вашимъ достоин-

ствомъ, вы — живой упрекъ ему! И если это невѣжество пожилой, почтенный человѣкъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностію и соображеніемъ: тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше ненужны ему.

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодого человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву, и черезъ Станкевича пріобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, впослѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ это время двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журналѣ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Впослѣдствіи Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное словцо *поэтъ-самоучка*, *поэтъ-прасолъ*, — и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человѣка хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ — на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщаніе въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ

отца своего, онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву. Новый пріятель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому что почти каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ библіотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми, — то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скроменъ и робокъ, а съ другой — въ немъ сильно было чувство своего достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ; но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ качествѣ таланта, или литературной рѣдкости, ему было и неловко и больно. Притомъ же, Кольцовъ былъ очень проницателенъ и имѣлъ много такту: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрятъ на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностію. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиною. Все это онъ хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ литераторомъ, который представилъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: „Что де вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку

разу шутки". Другой, тоже очень извѣстный литераторъ не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судитъ толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобъ изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, — она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, т.-е. съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьяненіемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобъ играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ всѣ, а не геніемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу или десятокъ стихотвореній, то всѣ должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его. „Что я ему? Что такое во мнѣ?" говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же, — тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ; но не любилъ шутить ими...

Однакожъ, знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь

освоивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко исподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его проницательности, — что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣть въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдимость, нежели проницательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него впослѣдствіи...

Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь — Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ. Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми литературными знаменитостями, тому ничего не стоитъ перезнакомиться съ второстепенными. Сперва онъ и здѣсь больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, давалъ волю своей ироніи... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, если бы могли догадаться, что этотъ мужичокъ, котораго они думали импонировать своею литературною важностью, видитъ ихъ насквозь и умѣетъ настоящимъ образомъ цѣнить ихъ таланты, образованность и ученость...

Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно-пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство одиночества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовью къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: „Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо;

но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, непріятностей куча; что день — то горе, что шагъ — то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно, — и я жизнью живу и топу своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — некогда, въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь, даже и съ охотою. Новаго не написалъ ничего — некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе, я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питеръ уѣхалъ навсегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя: кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по-своему. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ-отецъ со мною хорошъ; любитъ меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда такія вещи очень любитъ. Степь опять очаровала меня, я, чортъ знаетъ, до какого самозабвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: „Пора любви“ — она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-

другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить — и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива. Серебрянскій доѣхалъ до двора, но очень боленъ; кажется, проживетъ не болѣе мѣсяцевъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь. Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ все идетъ ладно; а то, что, въ самомъ дѣлѣ, изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Уже видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ".

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью, но зато поражалъ какою-то наивностью и оригинальностью. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели какъ, можетъ-быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой міръ; воронежская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла его отраду; онъ любилъ еще степь, но уже не такъ, какъ прежде: въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному... Итакъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее спало съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно начали обращаться на будущее. Прежнія знакомства, дотолѣ сносныя и, можетъ-быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимы, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Все родное Кольцова было уже не въ опустѣломъ для него Воронежѣ, а въ Москвѣ, и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея

вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ его стихотворенія, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнью. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настойчивостью, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонилъ своего отца купить ей фортепіано и нанять учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшіеся ему, не ослабили этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль. Натура Кольцова была не только сильна, но и нѣжна; онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходился съ ними недовѣрчиво, сближался медленно; но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ отношеніи къ нѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣроломство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безусловно и которая казалась ему также преданною, были для него страшнымъ ударомъ. Онъ все на свѣтѣ могъ перенести кромѣ этого, и кошачья лапка имѣла силу ранить его сильнѣе львиной лапы. Горячо любилъ онъ также своего маленькаго брата, но тотъ давно уже умеръ, къ его крайнему прискорбію. Съ отцомъ онъ былъ всегда на политическихъ отношеніяхъ, которыя и въ размолвкѣ и въ мирѣ были борьбою. Тутъ старые предразсудки и невѣжество явно и тайно боролись съ смѣлымъ умомъ и стремленіемъ къ свѣту. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову, — вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ весь Воронежъ въ 1837 году, способствовали наружному миру и согласію между отцомъ и сыномъ. Къ тому же, сынъ былъ еще необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣніи и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положеніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій — и его благосостояніе совершенно упрочилось; но, въ случаѣ неуспѣха, должно было слѣдовать конечное разореніе.

Если бы Кольцовъ принялся за дѣла, будучи лѣтъ 18-ти, не раньше, навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, а его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзеніемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣятельности. Но онъ понемногу и незамѣтно для самого себя освоился

съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзіи. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей и борьба съ ними; здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только непріятныя, даже страшныя. Разъ въ степи одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на трагикомедію, а Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и брат алея. Этимъ опасность была отстранена, потому что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удальцомъ, требовавшимъ расчета. При этомъ расчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ-быть и въ томъ, что не удалось ему его выполнить... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностью!... Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось ему вести ожесточенную войну...

Около этого времени, т.-е. послѣдней поѣздки его въ Москву, къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячъ ассигнаціями ежегоднаго дохода. Къ несчастью, не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома — обстоятельство, которое впослѣдствіи дорого ему стоило. . Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ, и черезъ два года довелъ на свою погибель до желаннаго конца... Но въ это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любитъ одни облака и не любитъ земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій

источникъ. Кольцовъ полагалъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна, — и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами... Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; запряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по временамъ эта ноша доводила его до отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву эти минуты уныпія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По отстройкѣ дома, онъ думалъ сдать отцу приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по степи, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей натуры съ внѣшнею дѣйствительностью. Но при всемъ своемъ знаніи жизни и людей, Кольцовъ жестоко обманывался въ своей надеждѣ... Но пока надо было жить, какъ судьба хотѣла. Слѣдующія строки изъ письма его къ одному изъ знакомыхъ ему петербургскихъ литераторовъ, писанныя еще въ 1836 году, представляютъ яркую картину его занятій: „Батенька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; а дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи“. Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ пріятелю: „Писать къ вамъ хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отъ чего — не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого; а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ — вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой о чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! ужъ это будетъ весьма рано: не хотѣлось бы

это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень. Кажется, у ней будетъ для меня больше свободнаго времени — посмотримъ. Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣе. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно — и лучше. Онъ ко мнѣ больше имѣетъ уваженія теперь, нежели прежде, а все виною хорошій конецъ дѣла. Онъ эти вещи очень любитъ, и хорошо дѣлаетъ; ему старику это идетъ". — Мѣсяца черезъ два онъ писалъ къ тому же лицу: „Хотѣлось бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь; но что жъ прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда — ажъ на душѣ тошнитъ, такъ хорошо мнѣ жить! — Серебрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбылося, много надеждъ не исполнилось — проклятая болѣзнь! Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они безпрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли хорошо удобритъ человѣкъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ, но не сберетъ плода, если лѣто выжжетъ корень; роса зари ему не помочь — ей нуженъ въ пору дождь. А этой-то земной благодати и капли не сошло на его жизнь; нужда и горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать, былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ — и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданія мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали". Интересны и слѣдующія строки изъ одного письма Кольцова, какъ живое свидѣтельство того, что значили для этой симпатической натуры дружескія связи и отношенія. „Не было еще мучительнѣе въ жизни моей состоянія, какъ въ прошломъ годѣ. Плохое, мучительное дѣло, больной Серебрянскій — смерть его все довершила. Скажите: въ одну минуту разломить, что крѣпло нѣсколько лѣтъ — моя любовь къ нему, прекрасная душа его, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее — и все вдругъ! Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему я онѣмѣлъ было совсѣмъ, и всему хотѣлъ сказать: *прощай!* и если бы

не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вѣдь меня не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа; сходка, общество людей — конечно, хорошо, но если есть *человѣкъ*, то такъ; а безъ него толпа не много даетъ. Опять я такой человѣкъ, которому надобны сильныя потрясенія; иначе я — нуль. Никто меня не уничтожитъ съ другою душою, а собственно мою уничтожитъ всякій".

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, и горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже. „Пророчески угадали вы мое положеніе (писалъ онъ въ 1840 году, въ Петербургъ, къ пріятелю); у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду: это неминуемо, какъ дважды два — четыре. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ, и частью, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея". Въ это время, Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ — принять на себя завѣдываніе конторою „Отечественныхъ Записокъ". Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество со всѣми его продѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кромѣ того, ему ни того ни другого предложенія нельзя было принять еще и потому, что, по причинѣ долга въ 20.000, векселя котораго были сдѣланы на его имя, онъ не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Разъ какъ-то Кольцовъ зажился въ Москвѣ, и только-что пріѣхалъ домой, какъ его зовутъ въ полицію, по векселю въ 3000 рублей. Опоздай онъ нѣсколькими днями, и вексель былъ бы посланъ въ Москву гдѣ онъ не имѣлъ бы никакой возможности распла-

титься по немъ. И это было бы дѣломъ отца его. „Онъ человѣкъ простой, купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотитъ на обухѣ. Такъ его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза отъ нихъ другимъ — ему и дѣла нѣтъ, и онъ что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. Мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что не такъ, ворчитъ и сердится: вы, говоритъ, все по-книжному да по-печатному, народъ грамотный — ума палата“. — Далѣе: „Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть, — не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что жъ дѣлать? Буду жить, пока живется, работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую сколько могу; буду биться до конца края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду — мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ 1838 году написалъ такъ много порядочнаго — это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. Тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой народъ — татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ — беремя: стройка дома (которая кончилась съ мѣсяцъ назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счеты, расчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу? — для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлецъ такъ на меня и лѣзетъ, дескать, писакѣ-то и крылья ошибить.. Это меня часто смѣшитъ, когда какой-нибудь чудакъ пѣтушится“.

Осенью 1840 года снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ тяжебнымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ, какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ сюда, Кольцовъ остановился у него и

прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было спѣшить въ Москву поправить и спасти другое, самое важное. Такъ какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправлялся въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безъ всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, приказчика, мелкаго торгаша — одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другого наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю: „Ахъ! если бы къ вамъ скорѣе! Если бъ вы знали, какъ не хочется ѣхать домой — такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда, а надо ѣхать, — необходимость, желѣзный законъ". Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участію князя П. А. Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными письмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможенъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. „Не хочется ѣхать, (писалъ онъ), да и только. Вотъ пришло время — и домъ и родные не взлюбились наконецъ. И если бъ была какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ — я бы прямо маршъ, и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя, и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посылаетъ голодомъ. Я писалъ къ отцу по окончаніи дѣла, чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ. Старикъ мой говоритъ: денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣло кончилось хорошо, мнѣ все равно, хотя бы кончилось и дурно. Мнѣ 68 лѣтъ, и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ — съ Богомъ, во святой часъ. Благословеніе дамъ, а больше

ничего. — Я прочелъ сіи родительскія строки и сказалъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Спросите, отчего это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: дѣло кончилось послѣднее и самое гадкое; слѣдственно, его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи. и потому любилъ меня до излишества; а теперь она ему не страшна и домъ его и все у него въ рукахъ: такъ я, выходитъ, сталъ ему не нуженъ... Эта новость, и особенно эта непризнательность срѣзали меня глубоко. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ прохватилъ меня голодъ, и я присѣлъ — и хорошо сдѣлалъ".

По возвращеніи домой, Кольцовъ нашелъ, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, благодаря старческой мудрости и опытности, и принялся ихъ устраивать. Отецъ принялъ его холодно, и едва согласился давать ему тысячу рублей въ годъ изъ семи тысячъ, которыя долженъ былъ приносить домъ, въ ожиданіи чего, Кольцовъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копейки въ карманѣ, — онъ, которому одному все семейство было обязано своимъ благосостояніемъ... Тогда имъ овладѣла одна мысль — устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ себя дурно чувствовать и на Страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но однакожъ кое-какъ оправился. Къ счастью, докторъ его былъ человѣкъ благородный и симпатичный, который лѣчилъ его болѣе изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ расчета; онъ зналъ впередъ, что получитъ бездѣлицу, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни Кольцовъ говорилъ ему: „Докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ". Докторъ ручался за его излѣченіе. „Когда такъ, будемъ лѣчиться". Что терпѣлъ Кольцовъ во время болѣзни отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и

радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумною жадностью, пилъ нашъ страдалецъ отравительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ — красавица, умна, образована, и ея организація вполнѣ соотвѣтствовала его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки, онъ уже почувствовалъ ослабленіе во всемъ организмѣ своемъ; вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый ему докторъ снова помогъ ему; но вслѣдъ за тѣмъ открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дону. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже и послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ онъ ничего не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лѣкарства, лѣченья, обѣда и ужина; но тутъ опять принялся за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не дивиться силѣ духа этого человѣка. Правда, онъ надѣялся выздоровѣть, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на все прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургъ: „Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте — на долго ли? — не знаю. Но какъ то это слово горько отозвалось въ душѣ моей. Но еще — прощайте, и въ третій разъ прощайте. Если бъ я былъ женщина, хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!“ А между тѣмъ все письмо проникнуто бодростью духа, надеждою и даже веселостью...

Но это выздоровленіе было только отсрочкою смерти. Для возстановленія его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, а между тѣмъ его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, дразнили какъ дикаго звѣря въ клѣткѣ. Иногда

ему не на что было купить лѣкарства; иногда у него не было ни чая, ни сахара, ни свѣчей, а иногда мать его только украдкою отъ отца могла доставлять ему обѣдъ и ужинъ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, гдѣ ему не было бы покоя ни на минуту. Онъ перешелъ въ мезанинъ, который цѣлую зиму не топился, — ему отказано было въ дровахъ, и онъ добывалъ ихъ по ночамъ, какъ воръ. Узнавши объ этомъ, ему обѣщали выгнать его по шеѣ изъ дому... Дѣлать было нечего, и онъ перешелъ внизъ. Разъ въ сосѣдней комнатѣ, у сестры его, много было гостей, и они затѣяли игру: поставили на середину комнаты столъ, положили на него дѣвушку, накрыли ее простынею и начали хоромъ пѣть вѣчную память рабу Божію Алексѣю... Это была невинная шутка...

Вскорѣ послѣдовала свадьба сестры. „Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь то я струсилъ, не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту пору, у насъ вечеринки каждый день — шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить, — курятъ больше; прошу не благовонить — больше; прошу не мыть половъ — моютъ“. Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной, для спасенія жизни, прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за мерзости, которыя съ нимъ дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. „Я теперь, славу Богу, живу покойно, смирно. Они меня не безпокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ больной, самъ старшой. Съ отцомъ вижусь рѣдко; онъ меня не оскорбляетъ больше пока, и я имъ доволенъ. Обѣдъ готовятъ порядочный. Чай есть, сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое лучше. Началъ прохаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весною меня вылѣчитъ. Но силъ, не только духов-

ныхъ, и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти, съ лица зелень сошла, глаза чисты". Въ заключеніе письма, говоря о своемъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: „Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь? — Тогда прощайте, друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого подлаго состоянія. Или жить для жизни, или — маршъ на покой!"

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силою воскресала въ немъ, какъ скоро начиналъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ для этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри его происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: „Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить ли все, ѣхать въ Петербургъ. Удерживаться дома — житье мнѣ будетъ плохое. Но все старикъ меня, какъ ни говори, а со двора не сгонитъ. У меня много здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаетъ лѣкарь и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ; скажи я имъ, они помогутъ. Съ старикомъ уладиться легко — жениться, и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ. Но зато, надо взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ — онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ приказчики? не могу: отъ себя заниматься? не на что. Положить надежду на мои стишонки: что̀ за нихъ дадутъ! И что̀ за нихъ буду получать въ годъ — пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой — надо говорить правду — особенно теперь, въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ — дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуйста напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу болѣе всего. — В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ, да немного, да и то живя въ Москвѣ и Питерѣ, а въ Воронежѣ не помню когда. Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать? — Плохо!"

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27 февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали

къ нему, но отвѣта не было: а осенью мы получили изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей, извѣстіе о его смерти... Онъ умеръ 19 октября 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія.

Бѣлинскій.

Стихотворенія Кольцова.

Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся пьесы, писанныя правильнымъ размѣромъ, преимущественно ямбомъ и хореемъ. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ его опытамъ, и въ нихъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему нравившихся. Таковы пьесы „Сирота“, „Ровеснику“, „Маленькому брату“, „Ночлегъ чумаковъ“, „Путникъ“, „Красавицѣ“, „Сестрѣ“, „Приди ко мнѣ“, „Разувѣреніе“, „Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный“, „Мщеніе“, „Вздохъ на могилѣ Веневитинова“, „Къ рѣкѣ Гайдарѣ“, „Что значу я“, „Утѣшеніе“, „Я былъ у ней“, „Первая любовь“, „Къ ней же“, „Наяда“, „Къ N.“, „Соловей“, „Къ другу“, „Изступленіе“, „Поэтъ и няня“, „А. П. Серебрянскому“. Въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. По крайней мѣрѣ, изъ нихъ видно, что Кольцовъ и въ этомъ родѣ поэзіи могъ бы усовершенствоваться до извѣстной степени; но не иначе, какъ съ трудомъ и усиліемъ выработавши себѣ стихъ и оставаясь подражателемъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ оригинальности. Правильный стихъ не былъ его достояніемъ, и какъ бы ни выработалъ онъ его, все-таки никогда бы не сравнился въ немъ съ нашими звучными поэтами даже средней руки. Но здѣсь и виденъ сильный, самостоятельный талантъ Кольцова: онъ не остановился на этомъ сомнительномъ успѣхѣ, но, движимый однимъ инстинктомъ своимъ, скоро нашелъ себѣ настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то ужъ безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ, безъ всякаго желанія

подражать или состязаться съ другими поэтами. Особенно любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ риѳмы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Таковы (за исключеніемъ пьесъ: „Цвѣтокъ", „Бѣдный призракъ", „Товарищу"), пьесы: „Послѣдняя борьба", „Къ милой", „Примиреніе", „Міръ музыки", „Не разливай волшебныхъ звуковъ", „Къ***", „Вопль страданія", „Звѣзда", „На новый 1842 годъ". Пьесы же: „Очи, очи голубыя", „Размолвка", „Люди добрые, скажите", „Теремъ", „По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ", „Совѣтъ старца", „Глаза", „Домикъ лѣсника", „Женитьба Павла" — составляютъ переходъ отъ подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду — русской пѣснѣ.

Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ Кольцова выразился во всей полнотѣ и силѣ. Рано почувствовалъ онъ безсознательное стремленіе выражать свои чувства складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровала его въ устахъ простого народа; но его удерживала отъ этого мысль, что русская пѣсня — не поэзія, а что-то простонародное, грубое и вульгарное. Къ счастью, ему попалась въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига (изданная въ 1829 г.). Каково же было его удовольствіе, его радость, когда въ этой книжкѣ онъ увидѣлъ между „настоящими" стихотвореніями и русскія пѣсни! Онъ сейчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и порѣшилъ его такимъ силлогизмомъ: баронъ — вѣдь это баринъ, да еще большой, все равно, что графъ или князь, и, вѣрно, онъ ученый человѣкъ; но онъ сочиняетъ же русскія пѣсни: стало-быть, русская пѣсня не вздоръ, не глупость, а тоже — поэзія... И съ тѣхъ поръ онъ все больше и больше началъ наклоняться къ этому роду поэзіи. Первыя пѣсни, какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія, написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣсней и потому походили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 г., ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и пьесамъ: „Кольцо", „Удалецъ", „Крестьянская пирушка", „Размышленіе поселянина" (1830—1832), недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсенъ: „Ты не пой, соловей" (1830) и „Не шуми ты, рожь"

(1834), начинается рядъ русскихъ пѣсенъ, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ.

Для означенія различныхъ степеней дара творчества употребляются, большею частію, два слова: *талантъ* и *геній*. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ вторымъ — высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже второго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше — вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потомъ всеобщность и глубина его идей и идеаловъ, и, наконецъ, историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ своими твореніями новый, никому до него не извѣстный, никѣмъ не подозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но безсознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній — и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили въ себѣ, и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя генія — милліонъ, потому-что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. И вотъ въ чемъ заключается *всеобщность* его идеи и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другого сословія, но для цѣлаго народа, а черезъ него и для всего человѣчества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта, — и потому бываютъ таланты, произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его, и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ оттого, что

сел$\dot{}$ить, другой оттого, что лишился любимой имъ женщины, третій оттого, что пострадалъ за правое дѣло, или за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, и т. д. Безъ этихъ случайностей, всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что каждый изъ нихъ поетъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравится только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній, или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствіе оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнью, его вдохновеніе есть не что иное, какъ „плѣнной мысли раздраженье" - мысли, захваченной у геніи или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда и стремится онъ. Пойди онъ противъ — и его сейчасъ забудутъ, а этого-то онъ и боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, порождаетъ толпу подражателей; но эта оригинальность тотчасъ исчезаетъ, какъ скоро привыкнутъ и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чужаго вліянія, или проявленіемъ дурного вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что и геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніальныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были полномочными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе, и потому заняли хотя и второстепенныя, но почетныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферѣ искусства такихъ людей называютъ большими и великими талантами, въ отличіе отъ геніевъ и обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло

названія *геніальныхъ талантовъ*, какъ выражающее и ихъ сродство съ геніемъ и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому, мы должны оправдать употребленное нами выраженіе „геніальнаго таланта", показавши его отношеніе къ „генію" и „таланту". Геніальный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что, подобно генію, живетъ собственною жизнью, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности, со стороны какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частно. И потому, геній есть полный властелинъ своего времени, которое носитъ на себѣ его имя, — тогда какъ вліяніе геніальнаго таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности, геніальный талантъ — одинъ уголокъ ея. Что̀ въ геніи составляетъ полноту его существованія, — то въ геніальномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства — это та оригинальность и самобытность, которая порождаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніальнаго таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпою, родъ фактора, необходимаго для облегченія сношеній между ними: невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокаго, недоступнаго толпѣ, пьедестала, и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумѣнію толпы. Подъ рукою таланта, идеи генія, такъ сказать, мельчаютъ и опошливаются, но этимъ самымъ онѣ и дѣлаются популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому, талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ, онъ дѣлается жертвою собственнаго успѣха: по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добро-

душно думая знакомить и сближать ее только съ самимъ собою — толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію, непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣдняго слова о существенномъ различіи между геніальнымъ и обыкновеннымъ талантомъ. Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка. Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ талантомъ, талантъ есть сила абстрактная, родъ капитала, который принадлежитъ своему владѣльцу, но который — не одно съ нимъ. Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши капиталъ, можно нажить другой: капиталъ — внѣшнее средство для жизни, но не сама жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, которые, долгое время пользовавшись огромною извѣстностью и которые, несмотря на то, сумѣли вознаградить себя другими благами жизни: пріобрѣли большіе чины или большія деньги и прекрасно живутъ себѣ безъ таланта и безъ славы. Не таковъ человѣкъ, одаренный геніальнымъ талантомъ: его нельзя отдѣлить отъ его таланта, его талантъ — его жизнь, его кровь, его духъ, его плоть, біеніе его сердца, дыханіе его груди, словомъ — весь онъ самъ. Это роковая сила, которая всегда будетъ мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятельности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспитанію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, какъ бы ни были они сильны. Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ самолюбія; но еще не въ этомъ только источникъ его ничѣмъ неудержимаго стремленія къ творчеству: оно у него — инстинктъ, натура, страсть. Въ отношеніи къ своему призванію, онъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
. . . .
Я эту страсть во тьмѣ ночной

Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Сила геніальнаго таланта основана на живомъ, неразрывномъ единствѣ *человѣка съ поэтомъ*. Тутъ замѣчательность таланта происходитъ отъ замѣчательности человѣка, какъ *поэта*, какъ *натуры*; тогда какъ обыкновенный талантъ отнюдь не условливаетъ собою необыкновеннаго человѣка: тутъ человѣкъ и талантъ — каждый самъ по-себѣ, и человѣкъ, въ отношеніи къ таланту, есть то же, что ящикъ въ отношеніи къ деньгамъ, которыя въ немъ лежатъ. Сильная и богатая натура всегда отличается отъ натуръ обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа, всегда оригинальна, — и удивительно ли, если печать этой оригинальности налагаетъ она и на свои творенія? Самобытность поэтическихъ произведеній есть отраженіе самобытности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка *есть лицо*, слѣдовательно, всякій человѣкъ есть личность; и однакожъ въ человѣческомъ родѣ гораздо больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, безличныхъ, нежели существъ съ рѣзкимъ выраженіемъ особности. Лицо есть выраженіе, душа человѣка: но вѣдь есть лица, которыхъ нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица, которыя видишь безпрестанно цѣлые годы и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно, *личность* имѣетъ свои степени и свою постепенность. Чѣмъ общѣе, тѣмъ ничтожнѣе она; чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальностью, тѣмъ она выше. Поэтому, геній есть высочайшее развитіе личности. Тайну генія составляетъ собственно не умъ; умъ, и часто весьма замѣчательный, бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не талантъ: талантъ, и притомъ весьма замѣчательный, часто бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно тоже, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна генія заключается больше всего въ какой-то непосредственной творческой способности вдохновенія, похожаго на откровеніе и составляющаго тайну личности человѣка. Это что-то такъ же неуловимое и невыразимое словомъ, какъ выраженіе физіономіи, какъ органическая жизнь. Намъ извѣстны средства жизни, ея органы, ихъ отправленія; но

физiологическая жизнь все-таки для насъ тайна. Мы не можемъ выразить сущности генiя, но всегда вѣрно чувствуемъ преобладающее надъ нами влiянiе не только генiя, но и всякой сколько-нибудь высшей насъ личности. Иногда генiальная личность, обдѣленная образованiемъ и не подозрѣвающая своего значенiя, съ смиренiемъ и съ робостью подходитъ къ человѣку обыкновенному, но образованному, развитому и ученiемъ и свѣтскою жизнью; но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно беретъ верхъ надъ послѣднимъ, и обыкновенный человѣкъ, въ присутствiи генiальнаго невѣжды, какъ-то невольно дѣлается осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться. Вотъ что̀ значитъ *личность, натура*, — и талантъ тогда только бываетъ плодотворенъ и живучъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ личностью, съ натурою человѣка. И вотъ почему иногда бываютъ люди съ талантомъ, не имѣя ни ума ни сердца: это таланты обыкновенные, которые могутъ существовать безъ связи съ личностью и натурою человѣка.

Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто внѣшняя сила производить на основанiи влеченiя самобытными образцами, но выраженiе внутренней сущности человѣка, его личности, его натуры — тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, но онъ уже сила творческая, зиждительная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра генiальности, — и если, по его объему, его нельзя назвать „генiемъ“, то можно и должно назвать „генiальнымъ талантомъ“.

Къ числу *такихъ* талантовъ принадлежитъ и талантъ Кольцова.

Пока сочиненiя Кольцова были разбросаны по разнымъ перiодическимъ изданiямъ, подобное заключенiе о его талантѣ не безъ основанiя могло бы показаться нѣсколько преувеличеннымъ; но теперь, когда все написанное имъ собрано въ одной книгѣ, и наше мнѣнiе можетъ быть повѣреннымъ, мы смѣло выговариваемъ его не какъ простое мнѣнiе, но какъ глубокое и обдуманное убѣжденiе.

Кромѣ пѣсенъ, созданныхъ самимъ народомъ, и потому называющихся „народными“, до Кольцова у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсенъ, хотя многiе русскiе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ, а Мерзляковъ и Дельвигъ даже прiобрѣли себѣ большую извѣстность своими русскими пѣснями, за которыми публика охотно утвердила

титулъ „народныхъ". Въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Мерзлякова попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно *подражаетъ* народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но, несмотря на то, въ цѣломъ, его русскія пѣсни не что иное, какъ *романсы*, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ виденъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русскихъ пѣсенъ Дельвига—это уже рѣшительно романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. Это чистая подѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій или, еще ближе къ дѣлу, италіанскій баринъ. Мерзляковъ, по крайней мѣрѣ, перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское гореванье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго. Впрочемъ, наше мнѣніе о пѣсняхъ Мерзлякова клонится не къ униженію его таланта, весьма замѣчательнаго; но мы хотимъ только сказать, что русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ Пушкинъ не былъ и не могъ быть русскимъ человѣкомъ, по причинѣ рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго между образованными классами русскаго общества и массою народа. Въ пьесахъ Пушкина, содержаніе которыхъ взято изъ народной жизни и выражено въ народной формѣ, видна душа глубоко-русская, но, въ то же время, видна и та художественная объективность, которая сдѣлала для Пушкина возможнымъ быть какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ жизни, даже самыхъ противоположныхъ другъ другу, и благодаря которой онъ въ „Каменномъ гостѣ" изобразилъ природу и нравы Испаніи съ такою же поразительною вѣрностью, какъ въ „Русалкѣ" изобразилъ природу и нравы Руси временъ удѣловъ. Сверхъ того, въ этой „Русалкѣ", если внимательнѣе прислушаться къ ея звукахъ, приглядѣться къ ея колориту,—нельзя не открыть въ ней примѣси поэтическихъ элементовъ, болѣе *обрусимыхъ* поэтомъ, если можно такъ выразиться, нежели чисто русскихъ. Сейчасъ видно, что эта пьеса писана поэтомъ, который образованъ европейски и который безъ этого обстоятельства не могъ бы написать ее

такъ. Не таковъ міръ русскихъ пѣсень Кольцова: въ нихъ и содержаніе и форма чисто русскія, — и несмотря на всю объективность своего генія, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣсней онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничествовать, — но не по недостатку таланта, а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для генія, этотъ міръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ и малъ, и потому могъ входить только, какъ элементъ, въ огромный и необъятный міръ Пушкинской поэзіи.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что̀, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, — зналъ ихъ не понаслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ, и по своей натурѣ и по своему положенію, былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности — страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселью, и вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ, онъ жалуется, что у него нѣтъ воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;

Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовью крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ: прочтите его „Пѣсню пахаря" и „Урожай". Сколько сочувствія къ крестьянскому быту въ его „Крестьянской пирушкѣ" и въ пѣснѣ:

Что ты спишь, мужичокъ!
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи — и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ-быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный

быть. Мотивъ многихъ его пѣсенъ составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ-за копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху.

Въ одной пѣснѣ крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одинокому; въ другой выражено раздумье крестьянина, на что ему рѣшиться — жить ли въ чужихъ людяхъ, или дома браниться съ старикомъ-отцомъ, разсказывать ребятишкамъ сказки, *ботать*, старѣться. Такъ говоритъ онъ, хоть оно и не тово, но ужъ такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? „Гдѣ избытокъ мой зарытъ?" И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронію:

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

Но если гдѣ идетъ дѣло о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка — тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

И какая же вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться:
Съ злою долей перевѣдаться...

И послѣ этой пѣсни („Измѣна суженой"), прочтите пѣсню: „Ахъ, зачѣмъ меня" — какая разница! Тамъ буря отчаянія сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь грустное воркованіе горлицы, глубокая раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвыходное страданіе...

Когда форма есть выраженіе содержанія, она связана съ нимъ такъ тѣсно, что отдѣлить ее отъ содержанія, значитъ уничтожить самое содержаніе; и наоборотъ: отдѣлить содержаніе отъ формы, значитъ уничтожить форму. Эта живая связь, или,

лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи съ формою и съ идеею бываетъ достояніемъ только одной геніальности. Простой талантъ всегда опирается или преимущественно на содержаніе, и тогда его произведенія не долговѣчны со стороны формы, или преимущественно блистаетъ формою, и тогда его произведенія эфемерны со стороны содержанія; но главное, и въ томъ и другомъ случаѣ, богатыя мыслію или щеголяющія внѣшнею красотою, онѣ лишены оригинальности формы, свидѣтельствующей о самобытности мысли. Здѣсь-то всего яснѣе и открывается, что обыкновенный талантъ основанъ на способности подражанія, на способности увлеченія образцами, — и въ этомъ заключается причина недолговѣчности, а чаще всего и эфемерности таланта. И потому, оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство геніальности, есть черта, которая отдѣляетъ геніальность отъ простой талантливости или даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателя въ языкѣ поэта, не должна быть искусственною, или изысканною: тогда она увлекаетъ только на минуту и потомъ тѣмъ болѣе дѣлается предметомъ осмѣянія и презрѣнія, чѣмъ больше сперва имѣла успѣха. Поэтъ долженъ быть оригиналенъ, самъ не зная какъ, и если долженъ о чемъ-нибудь заботиться, такъ это не объ оригинальности, а объ истинѣ выраженія: оригинальность придетъ сама собою, если въ талантѣ его есть геніальность. Истинная оригинальность въ изобрѣтеніи, а, слѣдовательно, и въ формѣ, возможна только при вѣрности дѣйствительности и истинѣ.

Такою оригинальностью Кольцовъ обладалъ въ высшей степени. Съ этой стороны, его пѣсни смѣло можно равнять съ баснями Крылова.

Кольцовъ никогда не проговаривается противъ народности, ни въ чувствѣ ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени *русской* поэзіи. Съ этой стороны языкъ его столько же удивителенъ, сколько и не-

подражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими напримѣръ, усыпаны, такъ сказать, двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича? У кого, кромѣ Кольцова, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

—

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

—

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ *заказаны?*

—

Не держи жъ, пусти, дай волюшку,
Дай опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана — гдѣ талантся,
Молодымъ кудрямъ счастливится.

—

Отчего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Мы не выбирали этихъ отрывковъ, но брали, что прежде попадалось на глаза. Выписывать все хорошее, значило бы большую часть пьесъ Кольцова въ одной и той же книгѣ напечатать вдвойнѣ. И потому, мы не войдемъ въ подробный разборъ отдѣльныхъ пьесъ. Скажемъ просто: если бы Кольцовъ написалъ только такія пьесы, какъ „Совѣтъ старца", „Крестьянская пирушка", „Размышленіе поселянина", „Два прощанія", „Размолвка", „Кольцо", „Пѣсня старика", „Не шуми ты, рожь", „Удалецъ", „Ты не пой, соловей", „Пѣсня пахаря", „Не на радость, не на счастье", „Всякому свой таланъ", „Пѣсня о Грозномъ", „Я любила его", „Что онъ

ходитъ за мною", „Нынче ночью къ себѣ", — и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что же сказать о такихъ пьесахъ, какъ „Урожай", „Молодая жница", „Косарь", „Раздумье селянина", „Горькая доля", „Пора любви", „Послѣдній поцѣлуй", „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ", „Пѣсня разбойника", „Тоска по волѣ", „Говорилъ мнѣ другъ прощаючись", „Безъ ума, безъ разума", „Разлука", „Расчетъ съ жизнью", „Перепутье", „Дуютъ вѣтры", „Грусть дѣвушки", „Доля бѣдняка", „Ты прости-прощай", „Разступитесь, лѣса темные", „Какъ здоровъ да молодъ"? — Такія пьесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы не увидалъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить — со слѣпыми о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Что же касается до пьесъ „Лѣсъ" (посвященный памяти Пушкина), „Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича", „Ахъ, зачѣмъ меня", „Измѣна суженой", „Деревенская бѣда", „Бѣгство", „Путь", „Что ты спишь, мужичокъ", „Въ непогоду вѣтеръ", „Дума сокола", „Свѣтитъ солнышко", „Такъ и рвется душа", „Много есть у меня", „Не весна тогда", „Хуторокъ" и „Ночь" — эти пьесы принадлежатъ не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи. Мы не говоримъ уже о неподражаемомъ превосходствѣ собственно лирическихъ пѣсенъ — талантъ Кольцова былъ, по преимуществу, лирическій: но не можемъ не указать на повѣствовательный характеръ пьесъ: „Измѣна суженой", „Деревенская бѣда", „Бѣгство", обѣ „пѣсни Лихача-Кудрявича", и на страстно-драматическій характеръ пьесы: „Хуторокъ" и „Ночь".

Почти всѣ пѣсни Кольцова писаны правильнымъ размѣромъ; но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриѳма, вмѣсто риѳмы, а часто и совершенное отсутствіе риѳмы, какъ созвучія слова, но, взамѣнъ, всегда риѳма смысла или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы — все это приближаетъ размѣръ пѣсенъ Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсенъ. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія о версификаціи и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому, безъ всякаго старанія и даже совершенно безсознательно, умѣлъ онъ искусно замаскировать правильный размѣръ своихъ пѣсенъ, такъ что его и не подозрѣ-

паснь въ нихъ. Притомъ, онъ придалъ своему стиху такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣлаться подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла ея тайна.

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ *думы* — особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому, въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: *вопросъ и рѣшеніе*. Въ первомъ отношеніи, нѣкоторыя думы прекрасны, какъ, напримѣръ: „Великая тайна“, „Неразгаданная истина“, „Молитва“, „Вопросъ“. Такъ, напримѣръ, что можетъ быть прекраснѣе этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслью, выраженною поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что̀ будитъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Но во второмъ отношеніи эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но не развитой умъ, томясь великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразой о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкой противъ слабости ума человѣческаго, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ: „Неразгаданная истина“, которая оканчивается такъ:

Подсѣку жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,

Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья.
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу,
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Это случалось и случается и съ великими мыслителями, когда они брались и берутся за вопросы выше ихъ времени или выше ихъ самихъ. Кольцовъ, съ его вопросами, не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ вѣкомъ: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшать ихъ. Но самый вопросъ излагается у него часто съ необыкновенною поэзіею, доходящею до высокаго (sublime); чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть его „Великую тайну". Несмотря на мистическую темноту выраженія, которая иногда доходитъ до рѣшительной безсмыслицы, какъ, напримѣръ, въ трехъ первыхъ стихахъ думы „Божій міръ", и естественная причина которой была та, что поэтъ больше ощущалъ и чувствовалъ или, лучше сказать, больше предощущалъ и предчувствовалъ сердцемъ, нежели сознавалъ умомъ то, что хотѣлъ выразить словомъ, — несмотря на эту мистическую темноту, почти во всѣхъ его думахъ есть поэзія и мысли и выраженія. Многіе осуждали Кольцова за этотъ родъ стихотвореній, видя въ нихъ претензіи полуграмотнаго прасола на философское умничанье. Да если вспомнить, мало ли за что не осуждали Кольцова эти „многіе" — даже за то, что въ бесѣдахъ онъ сидѣлъ не все молча, но иногда осмѣливался высказывать свое мнѣніе о предметѣ общаго разговора. Этою строгостью къ Кольцову особенно отличались умные и образованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики. И по дѣломъ ему: какъ было смѣть ему, безграмотному мѣщанину, удостоенному, за его талантъ, чести быть принятымъ въ общество умныхъ людей, — какъ было ему, при нихъ, „смѣть свое сужденіе имѣть"!... Люди съ книжнымъ, вычитаннымъ умомъ, съ готовыми сужденіями о чемъ угодно, никогда не поймутъ, чтобы человѣкъ съ высшею натурой, но обдѣленный образованіемъ, могъ, на своемъ странномъ языкѣ, вслухъ выговаривать то, что глубоко запало въ его душу и сильно заняло его умъ; никогда не растолкуете вы имъ, что такой человѣкъ и оши-

бается-то лучше, нежели какъ они говорятъ дѣло, потому что онъ ошибается *по-своему*, они говорятъ чужое...

Особенное достоинство думъ Кольцова заключается въ ихъ чисто русскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ не по кокетству таланта, а по необходимости прибѣгалъ къ этому складу. Въ своихъ думахъ Кольцовъ — русскій простолюдинъ, ставшій выше своего сословія настолько, чтобы только увидѣть другую, высшую сферу жизни, но не настолько, чтобы овладѣть ею и самому совершенно отрѣшиться отъ своей прежней сферы. И потому онъ по необходимости говоритъ ея понятіями и ея языкомъ объ увидѣнной имъ вдали сферѣ другихъ, высшихъ понятій; но потому же онъ въ своихъ думахъ искрененъ и истиненъ до наивности, — что и составляетъ главное ихъ достоинство. Хотя пѣсни Кольцова были бы понятны и доступны для нашего простого народа, но все же онѣ были бы для него гораздо высшею школою поэзіи, а слѣдовательно, чувствъ и понятій, нежели поэзія народныхъ пѣсенъ, — и потому были бы очень полезны для нравственнаго и эстетическаго его образованія. Такимъ же точно образомъ думы Кольцова, изложенныя образами и складомъ чисто русскими и представляющія собою первую высшую ступень простого русскаго человѣка въ стремленіи къ нравственно-идеальному развитію, были бы очень полезны для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ.

Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжаться, если бъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служитъ его превосходная дума „Не время ль намъ оставить“, написанная имъ менѣе, нежели за годъ до смерти. Въ ней виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка. *Бѣлинскій.*

Поэзія крестьянскаго быта.

Въ жизни человѣческой и вообще въ мірѣ нѣтъ такого зла, которое мы имѣли бы право разсматривать и изображать въ отрѣшенномъ, изолированномъ видѣ, независимо отъ

причинъ, которыя произвели его. Всякое зло, взятое отдѣльно, какъ самостоятельное являніе — чистая ложь, потому что въ дѣйствительности зло не имѣетъ никакой самостоятельности. Но такъ какъ истинный художникъ никогда не изображаетъ дѣйствительности такъ, чтобъ она не намекала на какія-нибудь явленія, съ которыми находится она въ тѣсной, органической связи, и которыя пріобщаютъ ее къ сферѣ человѣческихъ интересовъ, то и всякое зло, всякая грязь, всякая гнусность, пройдя сквозь призму художественнаго созерцанія, сбрасываетъ съ себя ту печать отверженія, которую налагаетъ на него обыкновенный прозаическій взглядъ на жизнь. Видъ всякой язвы отвратителенъ; но когда вы встрѣчаете ее на рисункахъ, приложенныхъ къ медицинскому сочиненію, не въ отвлеченіи, а на тѣлѣ живого человѣка, въ которомъ признаете своего брата, второго себя, — къ какому бы состоянію онъ не принадлежалъ, въ большихъ ли онъ чинахъ, или въ малыхъ, или совсѣмъ безъ чиновъ, — въ васъ заговоритъ любовь, вы почувствуете на самомъ себѣ эту язву, вы схватитесь за собственную грудь и ощутите собственными нервами ту самую боль, которая сводитъ въ судороги члены вашего брата: тогда и язва не только потеряетъ въ вашихъ глазахъ всю свою отвратительность, но и возбудитъ въ васъ могущественную симпатію. Все дѣло только въ томъ, чтобы вы узнали въ прокаженномъ себя самого; а въ этомъ распознаваніи никто не можетъ вамъ помочь такъ, какъ истинный художникъ, если онъ вздумаетъ воспроизвести передъ вами горестное явленіе. Вотъ почему грязь, оставаясь грязью подъ кистью копіиста, превращается, въ картинѣ талантливаго художника, въ такую же поэзію, какъ и всякая другая дѣйствительность. Изъ этого слѣдуетъ также, что возможность наслажденія изящнымъ произведеніемъ, въ которомъ много такого, что нынче называютъ *грязнымъ*, а въ старину называли *подлымъ*, зависитъ отъ филантропическаго развитія самихъ читателей.

Вотъ все, что казалось намъ необходимымъ сказать о содержаніи художественнаго произведенія вообще для того, чтобъ имѣть право признать изящество содержанія той части поэзіи Кольцова, которая имѣетъ предметомъ своимъ русскій крестьянскій бытъ, и противопоставить свой взглядъ тому, кто сталъ бы находить въ нихъ *пошлость, олигрютинирова-*

ніе и *грязь*. Въ заключеніе этого перваго вопроса приведемъ какія-нибудь выписки. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе „Молодая жница“. Передъ вами крестьянка, которая влюблена ничѣмъ не хуже какой-нибудь блѣдной барышни,

Съ туманной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ,

а между тѣмъ посмотрите, какъ тяжко она обставлена своимъ бытомъ:

Высоко стоитъ и т. д.

Вотъ еще стихотвореніе, въ которомъ *человѣкъ* такъ слитъ съ *крестьяниномъ*, что, прочитавъ его, нельзя не почувствовать самой нѣжной любви къ кафтану и лаптямъ: не потому, разумѣется, чтобъ въ нихъ-то и заключалась вся тайна и разгадка гуманности, а потому что Кольцовъ умѣетъ слишкомъ хорошо выставить изъ-подъ самой неграціозной оболочки то, что̀ часто заглушено подъ блестящимъ костюмомъ. См. „Размышленія поселянина“.

Вотъ что̀ значитъ возводить дѣйствительность въ поэзію! Мы не будемъ приводить другихъ примѣровъ, потому что матеріаломъ большей части стихотвореній Кольцова служитъ русскій крестьянскій бытъ, на который онъ, какъ истинный художникъ, смотритъ со стороны его человѣческаго характера, въ то же время никогда не погрѣшая противъ дѣйствительности.

Не ограничивается ли сфера поэзіи Кольцова возведеніемъ въ поэзію, то-есть гуманизированіемъ русскаго крестьянскаго быта? Мы полагаемъ, что эта сфера гораздо обширнѣе, и что поэзія русскаго крестьянскаго быта составляетъ только одну изъ подчиненныхъ областей того міра, который создалъ или, по крайней мѣрѣ, стремился создать, нашъ художникъ. Въ собраніи его стихотвореній находимъ мы много превосходныхъ пьесъ, отличающихся глубокою оригинальностью и вовсе не заключающихъ въ себѣ отвѣта на вопросъ объ упомянутомъ характерѣ русскаго крестьянина. Читая эти пьесы, нельзя не замѣтить, что другая, несравненно громаднѣйшая задача занимала поэта, другое колоссальное богатырское стремленіе рвалось изъ тревожной души, силилось пробиться сквозь огромныя препятствія, иногда и успѣвало

на мигъ находить себѣ выходъ, но всегда должно было возвращаться внутрь себя, однакожъ, не для коснѣнія въ безвыходномъ отчаяніи, а для прінсканія новыхъ путей къ выходу на широкое поле свободной дѣятельности. Это могучее, ничѣмъ несокрушимое стремленіе не переставало бушевать въ сердцѣ Кольцова до самой его смерти и выразилось во всей своей физіономіи въ его стихотвореніяхъ... Къ чему же онъ стремился? Къ чему рвалась эта странная сила, раздраженная, но не смятая преградами? Онъ стремился къ *жизни*, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями — символами могучей жизненности. Прочитайте его біографію: вы увидите, что вся жизнь его прошла въ борьбѣ съ дѣйствительностью, которая безжалостно дразнила его, указывая ему повременамъ тотъ обѣтованный край, къ которому онъ стремился, для того только, чтобъ снова отбрасывать его къ началу пути. Болѣе всего на свѣтѣ Кольцовъ любилъ искусство и науку: но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не имѣлъ средствъ ознакомиться такъ, какъ хотѣлъ и какъ необходимо ознакомиться для того, чтобъ они питали душу. Всю жизнь мечталъ онъ о томъ, чтобъ попасть въ кругъ людей мыслящихъ, но попадалъ въ него не на долго, только для того, чтобъ возвращаться къ людямъ, никогда его не понимавшимъ. И та дѣятельность, которой поневолѣ предавался онъ всю жизнь, не только не вела его къ успѣхамъ, но еще и раздражала его постоянными неудачами и часто даже жестокими ударами! Спрашиваемъ: чего можно ожидать отъ обыкновеннаго человѣка въ такомъ положеніи? Какъ проявляется обыкновенная натура, встрѣчая противорѣчіе между своими стремленіями и дѣятельностью? Быстрымъ изнеможеніемъ силъ и отвращеніемъ отъ дѣятельности вообще. Мы привыкли укорять людей за лѣность, за презрѣніе къ труду, привыкли читать цѣлымъ народамъ филиппики на эту тему, написали во всѣхъ азбукахъ и прописяхъ, что она, лѣность, есть мать всѣхъ пороковъ, и въ жару восторга забыли думать о томъ, что по непреложному закону причинности, и мать всѣхъ пороковъ не есть первая, самостоятельная, сама въ себѣ заключенная сила, не имѣющая начала въ другихъ явленіяхъ

дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы можете требовать отъ вашего сына, чтобъ онъ прилежно занимался, напримѣръ, музыкой, когда въ немъ сильнѣе всего развита потребность гимнастики, или чтобъ онъ посвящалъ силы свои коммерческимъ оборотамъ, тогда какъ въ немъ преобладаетъ потребность умственнаго созерцанія? Конечно, посредствомъ напряженія силъ можно заставить себя сдѣлать все, что угодно, съ грѣхомъ пополамъ; но, во-первыхъ, малая сила скоро должна уступить напору большей силы и истощиться: во-вторыхъ, зачѣмъ же обрекать человѣка на посредственность въ одной сферѣ труда, если онъ можетъ быть хорошимъ дѣятелемъ въ другой? въ-третьихъ, зачѣмъ обрекать его на муку, когда бы онъ могъ найти въ своей нормальной дѣятельности наслажденіе, для котораго созданъ наравнѣ со всѣмъ чувствующимъ? А главное, какъ можно требовать отъ обыкновеннаго человѣка, или отъ массы людей, чтобъ они не лѣнились, когда обстоятельства, вмѣсто того, чтобъ постоянно развивать ихъ силы и направлять ихъ къ удовлетворенію потребностей, то-есть къ наслажденію, ежеминутно ведутъ ихъ къ изнеможенію и къ мукѣ не какимъ инымъ путемъ, какъ путемъ труда, только не нормальнаго, а вынужденнаго?.. Чѣмъ обыкновеннѣе, то-есть чѣмъ бѣднѣе натура человѣка, тѣмъ спеціальнѣе его преобладающая потребность, тѣмъ тѣснѣе и кругъ условій, при которыхъ онъ можетъ находить себѣ удовлетвореніе въ трудѣ. Этимъ объясняется безпрестанно встрѣчающееся въ обыкновенныхъ маложизненныхъ людяхъ и отвращеніе отъ труда вообще, и апатическій взглядъ на жизнь, и даже безвыходное отчаяніе. Съ такою натурой надо обходиться очень заботливо, ведя ее постепенно по той колеѣ, въ которой она сама собою устремляется, не будучи въ силахъ вынести другого пути. Напротивъ, у натуры, одаренной многоразличными потребностями, такъ много сочувствія къ жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, такъ много гибкости и разнообразія въ наслажденіяхъ, что она можетъ выдержать самый отдаленный, самый окольный путь къ завѣтной мечтѣ своихъ стремленій, извлекая наслажденіе изъ того, что̀, повидимому, не можетъ возбуждать въ ней никакого сочувствія. Здѣсь должно искать отвѣта на вопросъ: почему огромный талантъ выходитъ на свою дорогу, несмотря ни на какія препятствія, между тѣмъ какъ

слабый спотыкается о первыя преграды и испаряется, какъ летучій газъ изъ легко прорываемой оболочки. Мало того, что первый слишкомъ тѣсно связанъ съ личностью, такъ сказать, съ темпераментомъ человѣка: путь жизни, усѣянный преградами къ естественному развитію, можетъ обезличить человѣка и дѣйствительно обезличиваетъ милліоны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый талантъ глохнетъ и исчезаетъ. Но дѣло въ томъ, что чѣмъ огромнѣе талантъ, тѣмъ онъ многостороннѣе, — а этого не могло бы и быть, еслибъ въ человѣкѣ, имъ одаренномъ, не было сочувствія къ разнообразію дѣйствительности, и еслибъ онъ не находилъ какой-нибудь пищи душѣ до тѣхъ поръ, пока попадетъ на то содержаніе, къ которому преимущественно стремится. Итакъ, любовь къ жизни со всѣми ея свойствами и во всѣхъ ея формахъ есть необходимый аттрибутъ огромнаго, многообъемлющаго таланта, неизбѣжное условіе его способности пребывать въ силѣ и полнотѣ. Исторія всѣхъ геніальныхъ людей подтверждаетъ эту психологическую истину: всѣ они одарены были отъ природы обиліемъ самыхъ разнообразныхъ потребностей и страстною любовью къ многообразному наслажденію жизнью: обстоятельство, которое помогало имъ выдерживать продолжительную борьбу съ препятствіями, отдалявшими ихъ отъ завѣтныхъ цѣлей, отъ задушевной дѣятельности. Таковъ былъ и Кольцовъ: любовь къ жизни во всей ея обширности составляла основу его личности и выразилась въ его поэзіи. Рано почувствовалъ онъ въ себѣ поэтическое призваніе и склонность къ умственной дѣятельности, сообразной съ этимъ призваніемъ. Случайныя обстоятельства доставили ему и возможность ознакомиться со средствами къ утоленію терзавшей его жажды. Но въ то же время необходимость удерживала его или въ степи, среди стадъ и гуртовщиковъ, или на городскихъ рынкахъ, гдѣ, въ качествѣ прасола, онъ тратилъ силы свои на возню съ торгашествомъ и надувательствомъ. И что жъ? Онъ не только не изнемогъ подъ бременемъ этой дѣйствительности, но еще отыскалъ въ ней источники упоеній и матеріалъ для поэзіи Тяжело было ему жить въ степи, потому что душа его рвалась въ міръ, созданный наукой и просвѣтленный искусствомъ; но самая степь плѣняла его своею нерукотворною красотою: онъ любилъ ее, какъ художникъ... Еще тяжелѣе было ему сносить всѣ явленія окружавшаго его быта; но и въ

этомъ быту художественный инстинктъ его отыскалъ искры человѣчности, заслоненныя отъ глазъ обыкновеннаго человѣка, и создалъ то, что̀ называемъ мы поэзіей крестьянскаго быта. Наконецъ, самый родъ труда, которому онъ посвящалъ свои силы, казалось, долженъ бы былъ довести его до отчаянія; напротивъ, онъ не могъ не любить своихъ занятій, не могъ отказать имъ въ плѣнительности, потому что какъ ни рознили они съ его склонностями, все-таки онъ видѣлъ въ нихъ исходъ для дѣятельности, гимнастику способностей и, можетъ быть, забвеніе горестныхъ думъ...

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.

На заботы жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день
Что есть мочи трудись.

Неудача, бѣда?
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ
И, на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣжъ люди враги,
Что̀ чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ
Назовутся въ друзья.

Ты на нихъ не сердись?
По спокойно, въ тиши
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстнаго увлеченія, что онъ плѣнялся жизнью, представляя ее себѣ въ какомъ-то упоительномъ отвлеченіи, охватывая любовью всѣ ея стороны разомъ, благословляя однимъ задушевнымъ гимномъ все ея содержаніе, и добро и зло, и радость и горе. Казалось бы, что такой взглядъ не можетъ составлять поэтическаго содержанія; ибо по привычкѣ къ мелкимъ, одностороннимъ страстямъ, намъ не вѣрится, чтобъ такая многообъемлющая идея, какова идея жизни, могла быть прочувствована человѣческимъ сердцемъ и изъ чистой мысли перейти въ ощущеніе. Но посмотрите и подивитесь, какъ легко совершался этотъ процессъ въ могучей натурѣ нашего поэта, и согласитесь, что онъ носилъ въ себѣ силы исполина:

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,—
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись — что силы,
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ, у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся.

Послѣдніе два стиха составляютъ истинный паѳосъ жизненности. Но вотъ еще цѣлая пьеса, заключающая въ себѣ ту же тему, выраженную въ формахъ удальства:

Какъ здоровъ и молодъ—
Безъ веселья веселъ;
Безъ призыва счастье
И валитъ, и ѣдетъ.

Въ непогоду-вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи, попъ, баринъ —
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы
У царя-головки —
Погулять по свѣту,
Пожить на распашку;

Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ,
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!...

Нельзя пропустить безъ вниманія тѣхъ стихотвореній Кольцова, въ которыхъ жизненность его выразилась въ отрицаніи и стремленіи. Считаемъ необходимымъ указать на нѣсколько превосходныхъ пьесъ, обнаруживающихъ его борьбу съ дѣйствительностью, его постоянное порываніе въ лучшій міръ и доказывающихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его способность принимать жизнь такъ, какъ она есть, не имѣла ничего общаго съ свойствомъ натуръ, неспособныхъ къ развитію и довольныхъ всѣмъ на свѣтѣ по безстрастію. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательны, напримѣръ, стихотворенія: „Удалецъ", „Тоска по волѣ", „Дума сокола", „Перепутье", „Много есть у меня". Посмотрите, какимъ могучимъ горемъ напоены, напримѣръ, вотъ эти стихи:

Мнѣ ли, молодцу
Разудалому,
Зиму зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ ль поля пахать?
Мнѣ ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?

Мнѣ поля — не другъ,
Коса — мачиха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ...

Или слѣдующее:

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдоль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ собою жить?...

. . . .

Или:

Сидѣть дома, болѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...

Хоть не такъ оно невыгодно,
Но, положимъ — дѣлать нечево:
Въ непогоду — не до плаванья;
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

. . . .

Куда глянешь — всюду наша степь,
На горахъ лѣса, сады, дома;
На днѣ моря груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!..

Но вотъ что замѣчательно: трудно найти поэта, котораго стремленія были бы въ одно время такъ же сильны и такъ же безплодны, какъ стремленія Кольцова. Читая его, вы убѣждаетесь въ ихъ неподдѣльности, въ ихъ несомнѣнной реальности; но нѣтъ у него ни одной пьесы, гдѣ бы онъ высказалъ ярко и опредѣленно тотъ идеалъ жизни, къ которому постоянно и неуклонно рвалась страстная душа его. Видно, что онъ самъ никогда не могъ дать въ этомъ себѣ столь яснаго отчета, чтобъ могъ передать его точными и живописно вѣрными словами. Поэтому, ясный и точный во всемъ остальномъ, онъ дѣлается загадочнымъ всякій разъ, когда доводитъ рѣчь до предмета своихъ порывовъ. Вы чувствуете, что стремленіе его исполнено жизни и могущества; но напрасно стали бы вы искать въ его стихахъ изображенія того міра который самому ему являлся полнымъ неуловимой тайны...

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ серебра,
Для бесѣдъ красныхъ словъ,
Для веселья вина!

Но я знаю на что
Травъ волшебныхъ ищу:
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

Стихотвореніе это можетъ служить доказательствомъ сказаннаго и совершеннымъ образцомъ того, какъ уклонялся Кольцовъ отъ описанія того, что̀ онъ только предчувствовалъ и предугадывалъ. Не будь онъ истиннымъ художникомъ, мы непремѣнно прочли бы у него множество звучныхъ стиховъ, составленныхъ изъ романтическихъ погремушекъ, стиховъ, въ которыхъ объяснялось бы намъ, что онъ, поэтъ,

Роскошный міръ мечтой себѣ построилъ,
Невзысканный бездушною толпой,
Гдѣ сердце онъ отъ горя упокоилъ,
Руководимъ фантазіей живой,
Гдѣ все полно любви и сладострастья,
Гдѣ сладкимъ сномъ душа упоена,
Гдѣ нѣтъ ни бурь, ни злобы, ни несчастья,

— однимъ словомъ, гдѣ происходятъ такія чудеса, какихъ намъ грѣшнымъ и во снѣ не видать. Кольцовъ, какъ художникъ, не имѣвшій чести принадлежать къ блестящему сонму романтическихъ поэтовъ, не смѣлъ и браться за разсказы о томъ, чего не сознавалъ ясно. Но спрашивается: гдѣ же причина этой неясности сознанія, или, лучше сказать, гдѣ причина того, что всѣ его порывы остались порывами и никогда не переходили даже въ стремленіе къ опредѣленной, правильно очерченной цѣли? Разгадать это явленіе очень легко: стоитъ только ознакомиться съ его біографіей. Даже изъ немногихъ чертъ, приведенныхъ выше, нельзя не догадаться, что Кольцовъ всю жизнь свою былъ жертвою великой внутренней драмы, которая постоянно терзала его дѣятельную душу и поддерживалась въ своемъ горестномъ характерѣ убійственною несоразмѣрностью великихъ потребностей и силъ, данныхъ природой, съ ничтожною суммой *знанія*, пріобрѣтаемыхъ исключительно путемъ эрудиціи. Чтобъ понять всю сокрушительность этой драмы, надо войти

въ положеніе истиннаго таланта, томимаго жаждой исхода и обреченнаго тѣмъ, что называется *судьбою*, на томленіе почти безвыходное. Человѣкъ съ силами Кольцова не можетъ не терзаться безплодностью своей мысли; праздное созерцаніе брамина ему невыносимо; демонъ творчества раскаленнымъ желѣзомъ побуждаетъ его сказать свое слово обо всемъ, что тревожитъ любознательность, и сказать это слово такъ громко, такъ торжественно ясно, чтобъ услыхали и поняли его люди, чтобъ разлилось оно въ народныхъ массахъ потоками новыхъ плодотворныхъ словъ и перешло въ жизнь человѣческихъ обществъ. Въ этомъ непреодолимомъ стремленіи и выражается соціальность человѣческой натуры. Но какъ увеличитъ сумму убѣжденій общества такой человѣкъ, который незнакомъ былъ и съ тѣмъ, что оно рѣшило? Чтобы содѣйствовать умственному прогрессу общества, надо прежде всего стать съ нимъ вровень: иначе нечего будетъ ни отрицать ни утверждать на пользу его. А все сдѣланное Кольцовымъ для пріобрѣтенія обиходнаго образованія было недостаточно и для того, чтобъ сравняться съ людьми, также самыми обиходными, но обученными *разнымъ предметамъ*, съ людьми, которые самою натурой обезпечены отъ ощущенія несоразмѣрности нравственныхъ потребностей со степенью ихъ удовлетворенія, съ людьми, которые тогда только и чувствуютъ побужденіе сказать свое слово, когда за картами или за обѣдомъ зайдетъ рѣчь о прелестяхъ сытнаго мѣста или о преимуществахъ такого-то ресторана.

„Думы“ Кольцова служатъ печальнымъ образчикомъ того, къ какимъ жалкимъ путямъ прибѣгаетъ человѣкъ, тревожимый великими вопросами и незнакомый съ тѣмъ, какъ рѣшало ихъ человѣчество, и до чего дошло оно въ вѣчномъ процессѣ своей дѣятельной мысли. Отвѣты, которыми онъ хотѣлъ унять свою любознательность, конечно, были бы ниже критики, еслибъ они сдѣланы были человѣкомъ, поставленнымъ въ возможность продолжать трудъ, понесенный вѣками. Но какъ произведенія ума, почти что изолированнаго отъ минувшей и современной мудрости, они въ высшей степени замѣчательны и много говорятъ въ пользу личности нашего поэта. Во-первыхъ, они доказываютъ, что онъ не могъ жить съ не разрѣшенными вопросами въ умѣ: онъ обманывалъ самого себя, чтобъ какъ-нибудь, во что бы ни стало.

добыть себѣ хоть призракъ отвѣта на задачи, отъ которыхъ изнывалъ и таялъ. Не доказываетъ ли этой непомѣрной исполинской силы его потребностей, силы, которая, по логикѣ природы, всегда сопровождается въ человѣкѣ такою же силою творчества? Не природу надо обвинять въ томъ, что часто эта вторая сила глохнетъ въ безплодномъ томленіи... Направленіе „Думъ“ Кольцова — мистицизмъ, отчаянное отрицаніе разума. Но можно ли допустить, чтобъ мистицизмъ его былъ выраженіемъ его искреннихъ убѣжденій? Можно ли повѣрить, чтобъ человѣкъ, переполненный любовью къ жизни до такой степени силы и фанатизма, какъ Кольцовъ, былъ мистикомъ въ душѣ, чтобъ онъ отрекся отъ разума, отъ того, что̀ даетъ жизни смыслъ и значеніе? Нѣтъ, допустить этотъ фактъ — то же, что признать непосредственное происхожденіе безсилія отъ силы. Но кромѣ этого апріорическаго соображенія, мы имѣемъ и фактическое доказательство того, что Кольцовъ прибѣгалъ къ мистицизму, какъ человѣкъ, измученный внѣшнею невозможностью рѣшить сокрушавшіе его вопросы обыкновеннымъ путемъ логики. Доказательство это заключается въ думѣ „Не время ль намъ оставить?“, „виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ разсудка“. Выписываемъ это стихотвореніе, какъ лучшій аргументъ:

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть, иль нѣтъ — желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять, и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но отъ души-ль, порою,
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною
Нѣтъ нужды дорожить?..

Темна, страшна могила;
За далью — мракъ густой;
Ни вѣсти ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ.

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой.

И такъ, „Думы“ Кольцова, несмотря на отсутствіе въ нихъ безусловныхъ достоинствъ, должны ставить его высоко въ мнѣніи человѣка безпристрастнаго. Онѣ доказываютъ,

во-первыхъ, исполинское развитіе нравственныхъ потребностей въ натурѣ поэта; во-вторыхъ, то, что его природный умъ, а главное, его жизненность не дали ему закоснѣть въ такомъ направленіи, въ которомъ погибали цѣлыя поколѣнія образованнѣйшихъ людей, и въ которомъ до сихъ поръ еще гибнутъ, если не поколѣнія, то, по крайней мѣрѣ, индивидуумы, просвѣщенные всякими науками

Но какъ бы то ни было, все это говоритъ только въ пользу необыкновенной личности поэта, нисколько не опровергая того, что главнымъ источникомъ его нравственныхъ страданій былъ недостатокъ образованія. Величіе его способностей даже увеличиваетъ въ нашихъ глазахъ эти страданія. Въ то же время недостатокъ образованія объясняетъ намъ, почему та часть его поэзіи, въ которой онъ не касается крестьянскаго быта, выражаетъ собою одни могучіе порывы къ чему-то такому, чего онъ никогда не рѣшался раскрывать другимъ, потому что поэтъ говоритъ только навѣрное...

Итакъ, по нашему мнѣнію, все содержаніе поэзіи Кольцова выражается въ трехъ отдѣлахъ стихотвореній. Къ первому принадлежатъ тѣ, въ которыхъ выполнилъ онъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта. Во второмъ является чистымъ лирикомъ и выражаетъ свою исполинскую личность, отличительная черта которой заключается въ всестороннемъ развитіи потребностей. Наконецъ, въ третій отдѣлъ входятъ „Думы", неудачныя попытки самоучки замѣнить истину, къ которой стремился, призраками, которые для самаго его имѣли силу кратковременно дѣйствующаго дурмана. Но если вникнуть глубже въ это разнообразіе поэтическихъ мотивовъ, то всѣ они приводятся къ одной темѣ, которая есть жизненность въ высочайшемъ ея развитіи. По нашему мнѣнію, совершенно несправедливо смотрѣть на Кольцова, какъ на такого поэта, который, по натурѣ своей (не говоримъ, по развитію), былъ рожденъ для тѣснаго круга сельской поэзіи, и который, сверхъ того, могъ писать съ грѣхомъ пополамъ и въ другихъ родахъ. Неестественно, слишкомъ неестественно допустить такое предположеніе о человѣкѣ, который всю жизнь чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ въ сферѣ воспѣтаго имъ быта... А между тѣмъ, разумѣется, какъ художникъ, онъ долженъ былъ чаще всего

обращаться къ тому самому быту, который тяготѣлъ надъ его личностью: онъ долженъ былъ это дѣлать потому, что не зналъ, а только угадывалъ другую сферу дѣйствительности...

Майковъ.

Русская женщина въ поэзіи Кольцова.

Онъ считаетъ себя недостойнымъ роли человѣка; онъ — парій въ собственныхъ глазахъ, парій по праву, такъ что самъ, наравнѣ съ другими, намѣренно небрежетъ своею особой и предаетъ ее поруганію добрыхъ людей:

Къ старикамъ на сходку
Выйти *приневолятъ:*
Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь;
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Кто вздумалъ бы принимать рѣчи Лихача-Кудрявича за выраженіе собственнаго взгляда Кольцова, тому совѣтуемъ перечесть стихотворенія: „Товарищу“, „Что ты спишь, мужичокъ“ и „Пѣсню Пахаря“. Этихъ трехъ пьесъ довольно, чтобъ истолковать различіе между національностью, какъ способностью изображенія, и національностью, какъ чертою характера самого поэта, между силою и слабостью личности...

Легко сказать, какъ сказали мы нѣсколько выше: „не можемъ умолчать объ одномъ произведеніи Кольцова“. На самомъ дѣлѣ, для критики нѣтъ ничего труднѣе, какъ *умалчивать* о красотѣ и важности того или другого его произведенія, разсматриваемаго отдѣльно. На этотъ разъ, напримѣръ, мы опять не въ силахъ умолчать о той части его поэзіи, которая заключаетъ въ себѣ изображеніе русской женщины.

Русская женщина такъ полно и вѣрно опредѣлена въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Кольцова, что, прочитавъ ихъ, чувствуешь, какъ будто прочиталъ цѣлую удивительно художественную поэму.

Само собою разумѣется, что анализъ русской женщины долженъ открыть два элемента ея характера — руссицизмъ, т.-е. то, что въ ней есть исключительнаго, національнаго,

и женственность, т.-е. то, что сохранила она человѣческаго, отраднаго. Вообще, русскія женщины мало изслѣдованы съ своей свѣтлой стороны, можетъ быть — потому, что въ младенческомъ обществѣ именно этимъ-то сторонамъ и затруднены средства къ обширному проявленію, а можетъ быть — и потому, что это общество одобряетъ въ женщинѣ черты діаметрально противоположныя. Кромѣ Пушкина и Лермонтова, этого предмета касались Некрасовъ и Тургеневъ. Гоголь и его ближайшіе послѣдователи постоянно уклоняются отъ этой темы. Графъ Соллогубъ изображаетъ русскихъ женщинъ большого свѣта единственно со стороны ихъ *оригинальности*. Какъ бы то ни было, на этотъ разъ мы довольны малымъ, потому что это малое превосходно опредѣляетъ намъ основныя стихіи существа, называемаго *русскою* женщиной, именно — глубину чувства въ борьбѣ съ національною неподвижностью. И то и другое характеризуетъ русскаго человѣка вообще; но глубина есть свойство чисто человѣческое, пощаженное въ немъ внѣшними обстоятельствами, а неподвижность и неразлучное съ ней поклоненіе факту — свойство чисто русское.

Изображенія русскихъ женщинъ Кольцовымъ ничего не открываютъ новаго въ области анализа; но онѣ въ высшей степени замѣчательны, во-первыхъ, потому что въ эстетическомъ отношеніи ихъ можно сравнить только съ изображеніемъ Татьяны; во-вторыхъ, потому что въ русскихъ крестьянкахъ и мѣщанкахъ, которыя у него выводятся, чрезвычайно любопытно *созерцать первообразъ* русскихъ барышень и барынь средняго и высшаго круга, утѣшаясь успѣхами современной цивилизаціи въ отечествѣ и припоминая, что до Петровой реформы не было между ними рѣшительно никакой разницы. Сравнимъ же Татьяну съ крестьянками Кольцова. Между ею и ими неизмѣримая бездна — дворянское происхожденіе, бальные уборы съ Кузнецкаго моста, французскіе романы, занесенные ходебщикомъ, романтическія идеи, почерпнутыя частью изъ этихъ романовъ, частью и изъ произведеній отечественнаго стихотворства, наиболѣе любезныхъ сердцу барышни, и въ заключеніе всего

Суровыхъ маменекъ уроки...

А между тѣмъ, странно, какъ это такъ выходитъ, что ха-

рактеръ любви Татьяны и исторія ея страсти совершенно тѣ же, что и у крестьянки Кольцова. Прежде всего поражаетъ насъ удивительная аналогія въ характерѣ самаго начала страсти у обѣихъ женщинъ. Любовь, какъ ощущеніе гармоніи, рождающейся между двумя живыми существами, двумя *отор-ванными струнами одной и той же лиры*, какъ говорятъ поэты, должна быть чувствомъ сладкимъ и живительнымъ: зарожденіе ея въ сердцѣ должно придавать особенную энергію всѣмъ жизненнымъ силамъ существа. Вмѣсто того и Пушкинъ, и Кольцовъ съ какою-то особенною грустью приступаютъ къ описанію перваго періода любви своихъ героинь: имъ жаль этихъ прекрасныхъ существъ, потому что первые симптомы любви русской женщины уже заключаютъ въ себѣ что-то зловѣщее:

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнятая грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...

Нѣсколько выше Пушкинъ восклицаетъ:

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью...

Кольцовъ, въ свою очередь, не совѣтуетъ своей степной красавицѣ прислушиваться къ весеннимъ пѣснямъ птичекъ и заботливо предупреждаетъ ее отъ напасти:

Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь, съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра — дня!
Какъ разъ *бѣду* наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Любовь Кольцовъ называетъ прямо *тоской:*

Запала въ грудь *любовь-тоска*,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,

Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ,
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря.

Француженки и нѣмки, не говоря уже объ италіанкахъ, всѣмъ существомъ своимъ празднуютъ чувство первой любви, вдохновляются имъ, какъ правомъ на наслажденіе. Отчего же русская женщина принимаетъ его съ какою-то болью, какъ печальную необходимость, какъ страшное условіе вынужденнаго контракта? Не оттого ли, что нѣтъ чувства болѣе свободнаго въ человѣкѣ, особенно въ женщинѣ? Зависимость отъ внѣшности можетъ проявляться во всемъ, кромѣ любви да геніальности. Каково же существу слабонервному, привыкшему съ пеленокъ къ механической подчиненности, вдругъ, безъ всякихъ переходовъ и приготовленій, почувствовать себя личностью, сознать свое до сихъ поръ никѣмъ не признанное *я*, очутиться на совершенно незнакомомъ пути самодѣятельности? Нѣтъ ничего мудренаго, что первая любовь русской женщины всѣхъ состояній часто сопровождается потоками слезъ и нервическими припадками.

Зато какъ и глубока эта страсть, вскормленная

...слезами и тоской!

Она глубока, какъ всякое чувство русскаго человѣка, существа, привыкшаго Богъ знаетъ почему сосредоточивать въ глубинѣ сердца всѣ свои ощущенія и тѣмъ самымъ вынашивать ихъ въ нѣдрахъ своей жизненности до тѣхъ поръ, пока плодъ вполнѣ созрѣетъ и сокъ его начнетъ выступать легкими пятнами изъ-подъ оболочки. Вы знаете, какъ глубоко любила Татьяна, и какъ ничтожны передъ ея любовью прославленныя страсти италіанокъ и испанокъ, гораздо болѣе напоминающія собою кое-какіе параграфы изъ натуральныхъ исторій не для дамъ, чѣмъ тѣ романы и поэмы, въ которыхъ описываются онѣ такъ восторженно и увлекательно! Но немного найдете въ поэзіи произведеній, въ которыхъ сила страсти была бы выражена такъ художественно вѣрно и съ такою энергіей, какъ въ пѣснѣ Кольцова: „Я любила его“.

Вотъ какова страсть русскихъ женщинъ! Не даромъ изумленный Впрей сказалъ про нихъ: „Sous leurs chaudes pelisses elles couvrent des passions violentes“.

Но вотъ что̀ изумительно: какъ согласить эту страстность съ способностью жертвовать страстью, съ щепетильною покорностью всему, что̀ назвали мы силой внѣшности? Трудно представить себѣ такую способность къ самоистязанію и такую терпимость, какими на каждомъ шагу поражаютъ насъ русскія женщины. Характеръ Татьяны въ этомъ отношеніи справедливо признанъ типическимъ. Женщины Кольцова всѣ созданы изъ того же элемента. Это существа глубоко страстныя, глубоко нѣжныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ существа безъ малѣйшей претензіи на самостоятельность, существа страдательныя и даже гордящіяся своею страдательностью. Вотъ кра̀сную дѣвицу

Силой выдали
За немилова,
Мужа старова.

Она горько жалуется на судьбу, но оканчиваетъ свою жалобу словами разочарованія вполнѣ безвыходнаго:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Другую покидаетъ любовникъ. На коварныя слова его она отвѣчаетъ:

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не се́ржуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротишься.

Ни отчаянія ни борьбы! Одно уныніе и покорность, доходящія до безплоднаго резонерства:

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоро̀тили.
Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили
За стекломъ отъ солнышка,
Красоту лелѣяли,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась?
Говорятъ родимые:
„Поживется — слюбится;
„И по сердцу выберешь,
„Да горчѣе придется!“
Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать,
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать!

Согласить глубокую страстность русской женщины съ ея фанатическимъ поклоненіемъ дѣйствительности значитъ — объяснить тайну самаго процесса модификаціи человѣческаго типа въ національный характеръ. Но такой задачи не можетъ

исполнить человѣческая наука, и потому мы, съ своей стороны, ограничиваемся простымъ указаніемъ на фактъ. Замѣтимъ только, что этотъ фактъ гораздо обширнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Обыкновенно у насъ удивляются покорности женщинъ только тогда, когда онѣ переносятъ безропотно какія-нибудь вопіющія жестокости своихъ грубыхъ властелиновъ. Но въ этомъ ли одномъ выражается ихъ благоговѣніе къ дѣйствительности? Само собою разумѣется, что жестокое обращеніе съ женщиной, съ успѣхами образованности, дѣлается у насъ, какъ и вездѣ, гнуснымъ исключеніемъ. Но спрашивается: измѣнился ли у насъ до-петровскій взглядъ на ея значеніе? Какъ смотрятъ на женъ своихъ мужья, которые славятся въ своемъ родствѣ и знакомствѣ примѣрными, нѣжными, преданными, и которыми сами жены не могутъ нахвалиться? Лучше всего этотъ взглядъ выражается въ томъ, чего требуютъ иногда *образованные* господа отъ женщины. „Нужно", говорятъ они, — „чтобъ женщина, прежде всего, была мила, чтобъ въ ней все было легко, игриво, граціозно, чтобъ все въ ней *нравилось* — и наружность, и умъ, и чувство. Глубокаго ума въ женщинѣ я не жалую: это мужское дѣло. Энергія ей тоже вредитъ: она тоже дѣлаетъ женщину мужчиной". На основаніи такого взгляда, возникла у насъ даже цѣлая теорія, проповѣдующая, что достоинства женщины должны быть діаметрально противоположны достоинствамъ мужчины. Люди, придерживающіеся отчасти метафизическаго направленія, основываютъ его на психологическомъ законѣ, по которому, какъ утверждаютъ они, намъ можетъ нравиться только то, что̀ противоположно намъ самимъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что̀ если мужчина долженъ быть уменъ и силенъ, то женщина, наоборотъ, должна быть глупа и немощна. Но пусть бы такъ и думали наши мужчины: замѣчательно то, что русскія женщины совершенно подчиняются этому взгляду и даже скандализируются всѣмъ, что̀ съ тѣмъ несогласно. Такимъ образомъ, для женщины опредѣленъ у насъ, съ полнаго ея согласія, особенный кругъ дѣятельности, въ которомъ глохнетъ безъ развитія большая часть ея человѣческихъ способностей, и горе той, которая рѣшится преступить заколдованный кругъ такъ-называемыхъ *приличныхъ* занятій! Отъ суда женщинъ пострадаетъ она еще болѣе, чѣмъ отъ приговора мужчинъ.

Майковъ.

Природа въ произведеніяхъ Кольцова.

Въ поэзіи Кольцова мы находимъ отраженіе природы широкаго и разнообразнаго пространства Россіи, изъѣзженнаго поэтомъ во время его прасольскихъ занятій и поѣздокъ въ столицы: отъ Чернаго моря и предгорій Кавказа до Москвы и Петербурга, отъ береговъ нижняго Поволжья до Югозападнаго края. Какъ въ пѣснѣ, время поэта катилось по полямъ и лугамъ, по селамъ, городамъ; но особенно онъ любилъ останавливаться на степи. Въ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ и себя называетъ „дикаремъ-степнякою". Въ вѣкъ юности онъ жилъ въ степяхъ съ коровами. Въ глуши степей, отъ селъ далеко, онъ съ любовью созерцалъ и степныя травы: ковыль и перекати-поле и цвѣты въ травѣ, особенно весной, когда степь зеленая съ цвѣтами и съ птичками-пѣвуньями полна дыханьемъ чаръ, и осенью, когда особенно пріятно было обогрѣться на ночлегѣ у огней чумаковъ, слушать ихъ пѣсни, ѣсть кашу степняка; приходилось бывать Кольцову въ степи и зимой, когда метель закрывала путь снѣговъ, когда разыгрывались на степи вьюги зимнія-крещенскія. Несмотря на однообразіе степей, Кольцовъ сильно любилъ ихъ, особенно въ весеннюю пору. Въ концѣ стихотворенія „Ночлегъ чумаковъ", находятся драгоцѣнныя подробности для характеристики Кольцова, какъ поэта:

Живалъ въ большихъ я городахъ,
Бывалъ на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ и тѣ... стремятся.
Узналъ, вздохнулъ... и для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться,
Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить...
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.

Вѣроятно, не безъ вліянія пѣсенъ чумаковъ Кольцовъ задумался въ степи:

Чья эта могила тиха, одинока?
Вѣстъ надъ могилой,
Вѣстъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву
Мимо той могилы
Сухую былинку
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Изъ степи же Кольцовъ вынесъ одно изъ любимыхъ своихъ сравненій: сохну, вяну я, что трава въ степи передъ осенью или какъ трава подкошеная. Я предполагаю хорошо извѣстнымъ всѣмъ „Косаря“ Кольцова. Если кто припомнитъ еще при этомъ навѣянное же степью стихотвореніе „Пора любви“, тотъ согласится, конечно, со мной, что трудно найти въ русской литературѣ другого такого пѣвца родныхъ степей. Указать на выдающіяся мѣста у Кольцова въ этомъ отношеніи, значило бы выписать цѣликомъ эти чудныя пѣсни. Кромѣ степей, Кольцовъ любилъ останавливаться на лѣсахъ и поляхъ. Опять-таки я предполагаю всѣмъ извѣстнымъ стихотвореніе Кольцова „Лѣсъ“, посвященное памяти Пушкина; но есть другое стихотвореніе Кольцова, подъ тѣмъ же названіемъ, въ которомъ оно, подобно Тургеневу въ „Запискахъ охотника“, останавливается на дикой красѣ лѣса, съ вопросомъ о тайнѣ, сокрытой въ немъ. Эта тайна навѣваетъ мысль о смерти. Въ лѣсу же являются у Кольцова и лѣшіе и русалки въ поэтической картинкѣ „Домикъ лѣсника“; но чаще Кольцовъ соединяетъ съ лѣсами темными, дремучими удальцовъ-разбойниковъ. Однако, поля, какъ и степи, больше привлекали поэтическія думы Кольцова, чѣмъ лѣса. Одной изъ выдающихся особенностей поэтическаго таланта Кольцова является оживленіе природы человѣческою жизнью. Въ глухихъ широкихъ степяхъ поэтъ отыскиваетъ чумаковъ, косарей и чудную дѣвушку. На поляхъ, среди зеленыхъ садовъ, среди пашенъ и высокой ржи, по которой вѣтерокъ плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается, на гумнахъ, — поэтъ вездѣ отыскиваетъ сельскихъ людей, то пахарей, то молодую

жницу; онъ любитъ мирныя думы сельскихъ людей, ихъ тяжелые труды, ихъ отдыхъ и пирушки. Какъ въ природѣ поэтъ видитъ то ясную погоду съ тишиной, то тучи съ страшной грозой, такъ и въ народныхъ характерахъ онъ созерцаетъ то мирныхъ тружениковъ, иногда съ грустнымъ выносливымъ чувствомъ, то удалыхъ молодцевъ, которые, подъ вліяніемъ роковой страсти, мстятъ страшно и безповоротно. Кольцовъ и въ жизни хорошо зналъ и понималъ такихъ молодцевъ. Разсказываютъ, что въ степи раздраженный работникъ собирался убить поэта; но послѣдній лаской и угощеніемъ сумѣлъ отвести отъ себя руку убійцы. Впрочемъ, удальцы Кольцова чаще становятся несчастными отъ злой судьбы, а страсть ихъ выражается въ порывѣ и въ сознаніи иногда полной недостижимости задушевныхъ желаній. Итакъ, личный элементъ въ поэзіи Кольцова соединялся съ образами, воззрѣніями и вообще съ жизнью въ широкомъ смыслѣ русскаго народа, преимущественно крестьянства. *Владиміровъ.*

Отношеніе Кольцова къ предшественникамъ и современникамъ.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII в. Но сначала это была пѣсня, представлявшая только подражаніе французской ложноклассической пѣсенкѣ, а народный бытъ появлялся въ этой поэзіи въ идилліяхъ и буколикахъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка появилась въ русской литературѣ и народная пѣсня, правда, значительно подправленная и изукрашенная, не только въ пѣсенникахъ, но и комическихъ операхъ. Однако, въ XVIII вѣкѣ и даже въ началѣ XIX въ русской литературѣ отличали и пѣсни нѣжныя, свѣтскія отъ простонародныхъ. Эти нѣжныя пѣсни явились подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія. И тѣ и другія не имѣли ничего общаго съ русской народной пѣсней, но распѣвались образованнымъ обществомъ вмѣстѣ съ романсами. Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ, Дельвигъ и Цыгановъ сблизили искусственную пѣсню съ русскою народною пѣсней, но такъ, что перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ, большею частью,

мы встрѣчаемъ заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій; у Цыганова встрѣчаются даже народныя пѣсни, переправленныя въ языкѣ и въ тонѣ. Дельвигъ имѣлъ особенное вліяніе на Кольцова, но не только пѣснями, а вообще всей своей поэзіей. Иногда у Дельвига можно найти искусственные мотивы, которые переродились у Кольцова въ народные. Вотъ, напр., слѣдующій, „Хата" Дельвига:

Мѣсяцъ свѣти — не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.
Скрой меня, бурная ночь! заметай слѣды мои, вьюга,
Вѣтеръ холодный бушуй вкругъ хаты Лизеты прекрасной.

У Кольцова:

Мѣсяцъ будь, иль не будь —
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый впотьмахъ
Съ ней его не собьетъ.
И до ночи метель
Снѣгомъ путь весь закрой,
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой...

Кольцовъ, какъ и всякій талантливый писатель, бралъ свои нѣкоторые сюжеты изъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ. Какъ часто при этомъ замѣчается, сильный талантъ беретъ чаще эти сюжеты изъ сочиненій слабыхъ писателей, чтобы представить ихъ въ лучшей формѣ, въ полномъ развитіи. И въ поэзіи Кольцова можно найти нѣкоторое отношеніе къ стихотвореніямъ русскихъ поэтовъ-самоучекъ. Изъ этихъ стихотвореній въ русской литературѣ 1830 и 31 г. пользовалась особенной извѣстностью сельская поэма Слѣпушкина, подъ названіемъ „Четыре времени года русскаго поселянина". Поэма была написана, по совѣту и указаніямъ ученыхъ друзей Слѣпушкина, въ родѣ „Четырехъ временъ года" Томсона, Попе и др., но содержаніе ея заключается въ изображеніи трудовъ и удовольствій русскихъ поселянъ. Эта сельская поэзія Слѣпушкина, при всѣхъ ея недостаткахъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ выборѣ Кольцовымъ сюжетовъ „Урожая", „Косаря" и особенно „Крестьянской пирушки".

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ поэмы Слѣпушкина въ соотвѣтствіи съ „Крестьянской пирушкой" Кольцова.

Гостей старинушка ведетъ,
За столъ дубовый ихъ сажаетъ,
Друзей по лавкамъ, на скамьѣ,
И всѣхъ честитъ ихъ, угощаетъ.
И сынъ привѣтливъ молодой,
Ихъ проситъ пивомъ жатвы новой;
Вотъ старики заговорили:
Кто сколько хлѣба съ поля снялъ,
И много ль сѣна накосили?

Точно такъ же и въ описаніи весенней грозы, послѣ которой:

Испили класы золотые,
Озимый потучнѣлъ загонъ,
И вотъ посѣвы яровые
Отъ влаги зрѣютъ и растутъ.
И земледѣльцы счастья ждутъ,—

можно видѣть слабый намекъ на „Урожай". Эти стихотворенія Слѣпушкина, въ которыхъ на каждомъ шагу проглядываетъ сладенькая идиллія, съ подделкой не столько подъ народный языкъ и воззрѣнія, сколько съ поддѣлкой подъ складъ художественныхъ идиллій Гнѣдича, Дельвига и др., были расхвалены въ 1830 г. въ литературной газетѣ Дельвига за „правду описаній, которыя знакомы пѣвцу-поселянину не по слуху". Дельвигъ становитъ за это Слѣпушкина выше многихъ второстепенныхъ русскихъ стихотворцевъ, подражателей Пушкина и Баратынскаго. Но съ кѣмъ бы онъ долженъ былъ сопоставить Кольцова, если бы могъ сравнить его описанія съ соотвѣтствующими описаніями Слѣпушкина?

Какъ ни ставятъ высоко поэзію Кольцова, но обыкновенно разсматриваютъ ее внѣ вліянія европейской иностранной литературы.

Кольцовъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по журнальнымъ статьямъ 1829 и 1837 годовъ о личности и пѣсняхъ знаменитаго англійскаго народнаго поэта Роберта Борнса. Можно бы найти нѣсколько общихъ мотивовъ у Кольцова какъ съ Борнсомъ, такъ и съ другимъ народнымъ поэтомъ, Беранже, хотя бы, напр., въ изображеніи бѣдняка, въ отношеніи къ земледѣльческому труду, къ произрастанію хлѣба, къ цвѣтамъ, къ животнымъ и проч. Сюда бы можно присоединить и нѣмецкаго

поэта Гебеля. Если пѣсни Беранже, которыя долго были неизвѣстны въ русской литературѣ, могутъ быть только сопоставляемы съ пѣснями Кольцова, то пѣсни Борнса и стихотворенія Гебеля могли быть и извѣстны Кольцову по переводамъ Козлова и Жуковскаго.

Говорятъ, что Кольцовъ стоитъ одиноко въ русской литературѣ, и сравниваютъ его въ этомъ отношеніи съ Крыловымъ. Но это не совсѣмъ справедливо. Вліяніе поэзіи Кольцова живо чувствуется у Некрасова, у Никитина и отражается вообще въ русской литературѣ съ сороковыхъ годовъ. Но, дѣйствительно, и до сихъ поръ поэзія Кольцова сохраняетъ свою особенную прелесть и къ ней приложимо собственное же опредѣленіе поэта:

У тебя ль была..
Рѣчь высокая,
Сила гордая..
Заливная пѣснь
Соловьиная...

Владимировъ.

Кольцовъ и народная лирика.

Народныя пѣсни раскрываютъ намъ добрую и дурную сторону народной жизни, объясняютъ многое, чего не узнаешь изъ сухого разсказа о событіяхъ. Въ нихъ высказывается высокое самоотверженіе сердца и неодолимая сила воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ печальныя картины семейнаго разлада и общественнаго неустройства: рядомъ съ прекраснымъ типомъ доброй, любящей дѣвушки передъ вами непривлекательчый образъ злой, лихой свекрови; молодецкая удаль нерѣдко выражается въ горькомъ горѣ, въ разбоѣ и хмѣлинушкѣ. Народная пѣснь есть выстраданное вѣками чувство былого и настоящаго — быль, которая выросла вмѣстѣ съ народомъ, и отчего она сложилась такъ. а не иначе, должна объяснить вамъ исторія; образованіе, государственное устройство, разныя событія — все это имѣетъ вліяніе на жизнь народа и народность, какъ кровь, которая обращается въ жилахъ, принимаетъ въ себя и здоровье и болѣзнь изъ воздуха, которымъ человѣкъ дышитъ.

Кольцова называютъ народнымъ поэтомъ, потому что онъ сумѣлъ въ своихъ пѣсняхъ ярко выставить многія черты русской народности. Наше дѣло показать, насколько сближается онъ съ народомъ, какія стороны русской жизни онъ изображаетъ, что новаго онъ внесъ въ народную пѣснь, какъ поэтъ художественный, воспитанный по произведеніямъ Жуковскаго и Пушкина? Любопытно видѣть, какъ въ народныхъ пѣсняхъ мы находимъ всѣ темы стихотвореній Кольцова: горемычная любовь дѣвушки, любовь-тоска молодца, удальство съ его презрѣніемъ къ долѣ и самая горькая доля. Но всѣ эти темы во многомъ измѣнены и развиты своеобразно: успокаивающій идеалъ мирнаго сельскаго труда и семейнаго довольства радостно рисуется вамъ посреди зловѣщихъ образовъ молодецкаго разгула. Лиризмъ Кольцова кладетъ на все нѣжный покровъ утонченнаго чувства, тогда какъ въ народной лирикѣ вы чаще находите ту эпическую форму, которая, представляя фактъ, мало касается его внутренняго мотива. Но при самомъ разборѣ пѣсенъ мы яснѣе покажемъ, какъ эти, такъ и другія различія. Мы на этотъ разъ разсмотримъ только пѣсни, относящіяся къ семейному быту.

Въ народныхъ пѣсняхъ, изображающихъ любовь дѣвушки,— преобладаетъ грустный тонъ элегіи [1]). Вотъ покинутая дѣвушка думаетъ слить себѣ крылышки да летѣть на чужой городъ, чтобы кликать кличъ: кто научитъ ее забыть милаго друга? Вотъ повѣряетъ она свое горе дубровѣ: ея судьбу пѣсня сравниваетъ съ судьбою горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтокъ. Иногда гадаетъ она, свивая вѣнокъ изъ грушицы и бросаетъ его въ рѣку; но вѣнокъ тонетъ: знать-то дружокъ нашелъ другую повѣжливѣе да попривѣтливѣе. Въ горѣ одинъ ей отвѣтъ:

Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами.

Безъ милаго завялъ ея прекрасный садикъ, и соловей, что пѣлъ въ немъ, улетѣлъ; красное солнце рано закати-

[1]) Въ собр. Сахарова, семейныя пѣсни №№ 1, 2, 3, 12, 16, 17, 25, 29, 35, 38, 39, 40, 42, 46, 47, 51.

лось за лѣсъ. Тутъ особенно трогательно кроткое чувство, съ которымъ добрая дѣвушка обращается къ другу:

Коли лучше меня найдешь — позабудешь,
Коли хуже меня найдешь — вспомянешь.

Въ этомъ и Кольцовъ вѣренъ народному духу; и у него дѣвушка даритъ кроткимъ словомъ на прощаньи:

Ну, Господь съ тобою, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься...

Въ другой пѣснѣ, гдѣ женщина задумывается и плачетъ надъ своимъ серпомъ по одному горькому предчувствію, грусть ея выражена, между прочимъ, слѣдующими стихами:

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ не къ радости,
Плакать хочется.

Въ народной поэзіи въ противоположность этому, высказывается болѣе реальное горе:

Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

Пѣсня: „Разступитесь, лѣса темные" особенно замѣчательна по своему народному мотиву:

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлаго —
Искать стану друга милого.

Этотъ образъ напоминаетъ слова народной пѣсни:

Я слила бы себѣ крылышки,
Полетѣла бъ на иной городъ
Что искать себѣ друга милаго.

Лучшая изъ пѣсенъ Кольцова на ту же тему безъ сомнѣнія: „Кольцо". Тутъ поэтъ прекрасно воспользовался народнымъ обычаемъ гадать по кольцу, чтобы выразить задушевную тоску дѣвушки:

Я затеплю свѣчу
Воску ярага,
Растоплю кольцо
Друга милаго.

Въ соотвѣтствіе этому въ народной пѣснѣ поется:

Я не жгла бы свѣчи воску яраго,
Не ждала бы я друга милаго
Не топила бъ красна золота
Не лила бы золота кольца.

Судя по другому народному стихотворенію, потеря дорогого кольца служитъ печальнымъ предвѣстіемъ дѣвушкѣ: видно быть ей не за милымъ, когда привидѣлся сонъ, что распаялся золотой перстень и выкатился дорогой камень... расплетутъ ея русую косу — и она обращается къ буйнымъ вѣтрамъ, чтобъ отнесли къ другу печальную вѣсточку. Согласно словамъ Кольцова: „Любовь — огонь, съ огня — пожаръ", и народная пѣснь говоритъ:

Ты горяздъ, душа, огонь высѣкать,
Часты искры сыплются,
Скоро трутъ загорается.

Такъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Кольцовъ близокъ не только духомъ, но и самыми выраженіями къ народной лирикѣ, и при всемъ томъ его произведенія не какой-нибудь наборъ простонародныхъ словъ, а живыя созданія, гдѣ природа, сохраняя всю свою первобытную простоту, преобразуется нерѣдко въ лучшіе типы.

Но вообще говоря, у нашего поэта далеко нѣтъ того разнообразія, съ какимъ высказывается чувство женщины въ народной лирикѣ. Пылкое самоотверженіе составляетъ главный его характеръ. Другія его свойства (исключая, такъ называемыхъ, разгульныхъ пѣсенъ, имѣющихъ предметомъ большею частью грубую сатиру): нѣжность, скромность, грація. Вотъ, батюшка запираетъ дѣвицу въ темницу, а она проситъ сдѣлать три окошечка: одно въ чистое поле, другое — въ садъ зеленый, третье — къ синю морю. Въ чистомъ полѣ ничего не видно, въ саду жалобненько распѣваютъ пташки, а по морю плыветъ корабликъ, на которомъ сидитъ ея другъ, и она машетъ платкомъ и „ручушкой" на прощаніе [1]) Скромность чувства мы встрѣчаемъ и при описаніи свиданій: кто кого любитъ, садится противъ друга на дубовой скамеечкѣ, тяжелехонько вздыхаетъ, про кручинушку не

---

[1]) Сахаровъ, „Удалыя пѣсни", 20.

скажетъ. Мы видимъ, что простодушная грація любви доступна и простому народу. И дѣйствительно, несправедливо было бы сказать, что вслѣдствіе страшной порчи, накопившейся съ вѣками, совсѣмъ утратилась въ немъ первобытная простота поэзіи. Всего неожиданнѣе встрѣчаемъ мы здѣсь ту глубокую нѣжность, которая, казалось бы, должна принадлежать человѣку съ нѣсколько высшимъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно хороша пьеса, гдѣ дѣвушка сравнивается „съ тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, ни усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломитъ буйнымъ вѣтромъ".

Какъ не ласточка къ ней съ вѣстью прилетѣла,
Не радостную касаточка приносила,
Что лежитъ моя надежа труденъ-боленъ.

Въ тоскѣ своей она молится Богу о здоровьѣ друга и мечтаетъ какъ бы сплетала ему вѣнки и говорила:

Не разлучимся мы, надежа, до смерти,
Мы простимся съ бѣлымъ свѣтомъ на вѣки.
Какъ останутся такія про насъ вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько
Мы и умерли съ тобою, другъ, вѣрненько.

Эта вѣрность, высказанная здѣсь нѣсколько идеально, составляетъ предметы лучшихъ пѣсенъ нашей народной лирики. Женщина здѣсь способна не только страдать и покоряться, но и сильнымъ протестомъ высказать свое страданье. Изнемогая въ этой борьбѣ твердой воли души съ упрямымъ насиліемъ, она призываетъ смерть, какъ послѣднее убѣжище. Самая рѣчь становится здѣсь выразительнѣе, изображая то страстный порывъ тоскующей души, то мрачную глубину отчаянія, но тамъ, гдѣ тоска выше словъ, которыми можно ее выразить, поэзія переходитъ въ юморъ.

Вотъ младъ ясенъ соколъ ушибъ, убилъ сизаго голубя.

Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ
По голубчикѣ мохноногенькомъ.

Говоря объ этой силѣ выраженія, мы должны припомнить прекрасное стихотвореніе Кольцова, подъ названіемъ „Разлука“ (стр. 137). Особенно его окончаніе поражаетъ полнотою вылившагося прямо изъ души чувства: „Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло, бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, и проч.“ Но отложивъ въ сторону художественное развитіе образа, мы не можемъ не замѣтить, что и характеръ чувства у Кольцова совсѣмъ измѣняется. Сравнивши съ этой пьесой народные стихи: „Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ“, которые также описываютъ прощаніе, мы поймемъ разницу между тѣмъ и другимъ настроеніемъ. Тогда какъ мечта любви, ея радостная, поэтическая сторона придаютъ у Кольцова какой-то свѣтлый тонъ самой картинѣ отчаянія, въ народной лирикѣ вы видите жизнь, подавленную тяжелымъ гнетомъ дѣйствительности, вамъ чудится саркастическая улыбка надъ разрытою могилой:

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго;
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Та же мрачная мысль высказана и въ пьесѣ: „Туманно красно солнышко, туманно“ „тогда я разлюблю друга, говоритъ дѣвица, какъ засыплются глаза мои песками, закроются бѣлы груди досками“: но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ той безнадежной шутки, что только смертью можно изъявить покорность волѣ родительской; здѣсь видна и готовность дѣйствовать въ защиту правъ своего сердца. Эта дѣятельная любовь служитъ содержаніемъ и нѣкоторыхъ другихъ народныхъ пѣсенъ. Такъ въ пьесѣ; „Ты восной, восной, младъ жавороночекъ“ [1]), разсказано, какъ добрый молодецъ, сидя въ темницѣ, пишетъ грамотку къ отцу къ матери, и поручаетъ жаворонку отнести его письмо, въ которомъ онъ молитъ родителей выкупить своего сына; но отецъ, мать и весь родъ-племя отъ него отрекаются: только красная дѣвица, получивъ грамотку, воскликнула въ сердечной тревогѣ:

Ахъ вы нянюшки, мои матушки,
Мои сѣнныя, вѣрныя дѣвушки!
Вы берите мои золоты ключи,

¹) Сахаровъ, Пѣсни удалыя, № 13.

Отмыкайте скорѣе кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте скорѣй добра молодца.

Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ, женщина иногда является и грозной мстительницей за оскорбленное чувство. Какъ ни рѣдки подобные случаи, пѣснь „Хорошо тому на свѣтѣ жить“ свидѣтельствуетъ, что любовь у нашего народа способна была къ этому мрачному трагизму.

Изъ предыдущаго разбора видно, какую полноту въ развитіи женскаго чувства представляетъ намъ народная лирика. Мы видѣли также, что Кольцовъ коснулся не многихъ сторонъ этой богатой жизни; но мы еще ничего не говорили о двухъ совершеннѣйшихъ его стихотвореніяхъ на разобранную нами тему: „Пора любви“ и „Молодая жница“. Мы не упоминали о нихъ потому, что, несмотря на ихъ вполнѣ народный складъ, этими стихотвореніями Кольцовъ всего болѣе удаляется отъ характера народной лирики, или, лучше сказать, въ нихъ та же народность, но уже обновленная идеаломъ самого поэта.

Главнѣйшая разница состоитъ въ томъ, что Кольцовъ рисуетъ намъ внутреннюю психологическую сторону чувства, его таинственное нарожденіе въ душѣ, между тѣмъ какъ народная лирика имѣетъ дѣло только съ событіемъ, изображаетъ, преимущественно, внѣшнюю сторону факта. Народъ не имѣетъ обычая долго вдумываться въ свою мысль, слѣдить за всѣми ея измѣненіями въ душѣ: для него пѣсть — быль въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ создаетъ вѣчный мемуаръ своей жизни, путевыя замѣтки, на которыхъ виденъ свѣжій слѣдъ испытаннаго; но не ищите у него художественнаго анализа впечатлѣній. Фактъ, взятый живьемъ, тѣмъ не менѣе говоритъ за себя, тѣмъ не менѣе ясно глядитъ идея, его озаряющая; но никогда идея эта не возносится надъ фактомъ. Оттого полнѣйшая пластика составлетъ необходимое свойство народныхъ произведеній. Мы лучше объяснимъ это при разборѣ.

Описаніе чувства въ народныхъ пѣсняхъ почти ограничивается словами: „У душечки, красной дѣвушки много въ ретив мъ сердцѣ зазнобушки“. Послѣ синонимическихъ распространеній той же мысли сейчасъ слѣдуетъ разсказъ, напримѣръ, о томъ, какъ дѣвица черпаетъ воду у ключика

и вдругъ, поставивши ведерцы призадумалась, да заплакала, что нѣтъ у нея ни роду-племени ни друга.

Но народъ не мастеръ изображать таинственныя тревоги, не слышно возникающія въ душѣ; ему нуженъ многозначительный фактъ: измѣна, смерть, муки ревности. Художественно изобразивъ въ двухъ своихъ пьесахъ психическую сторону любви, Кольцовъ сталъ на такую идеальную точку, до которой народъ никогда не возвышался.

Душно дѣвицѣ на полѣ, „горитъ гормо лицо бѣлое“, голова клонится на грудь, колосъ изъ рукъ валится, она глядитъ въ сторону, забывается...

Охъ болитъ у ней
Сердце бѣдное
Зародилось въ немъ
Небывалое?

И когда молодецъ вздохнулъ, запѣлъ пѣсню грустную.

Глубоко, въ душѣ
Красной дѣвицы
Озволась она
И запала въ ней.

Мы указываемъ главнѣйшія черты этого прекраснаго образа. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ что-нибудь противорѣчило духу народности; но ихъ утонченный выборъ и чистая прелесть цѣлаго художественнаго развитія уже напоминаютъ изящное творчество Пушкина. Припомнимъ хоть бы слѣдующее мѣсто изъ Онѣгина:

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты.
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ.

У Кольцова нѣтъ такихъ словъ, какъ „недвижный, ланиты“ вмѣсто „лѣнь ей ступить“ находимъ черту, согласную съ положеніемъ деревенской дѣвушки: „Нѣтъ ей охоты жать колосистой ржи, колосъ срѣзанный изъ рукъ валится“ вмѣсто „ланиты покрыты пламенемъ“ читаемъ „горитъ гормо лицо

бѣлое" и т. д. Бойкость и сила выраженій, тонъ удальства, разлитый въ цѣлой пьесѣ, принадлежитъ Кольцову, какъ поэту народному: но нельзя не замѣтить, что полнота и законченность рисунка и нѣжный его колоритъ, происходящіи отъ гармоническаго соединенія красокъ, сближаетъ нашего поэта съ Пушкинымъ.

Еще болѣе удаляется Кольцовъ отъ народной лирики въ стихотвореніи „Пора любви". Мысль представить дѣйствіе весны на сердце человѣка уже сама по себѣ такъ утончена, требуетъ такого глубокаго психическаго анализа, что ея художественное возсозданіе доступно только вполнѣ развитому чувству. Народъ, конечно, живетъ въ тѣсномъ сближеніи съ природою; всѣ ея вліянія глубоко въ немъ отражаются. Оттого и природа для него олицетворенна, принимаетъ участіе во всѣхъ тревогахъ его жизни, чему доказательствомъ можетъ служить почти всякая народная пѣсня. Глядитъ ли дѣвушка въ садъ изъ своей темницы: „Жалобнехонько въ саду пташки распѣвали".

Тоскуетъ ли она о своемъ неудачномъ супружествѣ:

Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи.

Можно сказать, что между всѣми явленіями природы и жизни народной проведена самая строгая параллель, и камни, растенія, звѣри существуетъ только для того, чтобы повторять собою жизнь человѣка: природа является даже на первомъ планѣ, какъ владычица судьбы человѣка. Но, по привычкѣ самаго этого сближенія, народъ не привыкъ представлять природу, какъ что-то отдѣльное, независимое отъ нашей свободной воли, не привыкъ повѣрять психологически ея дѣйствія надъ собою. У Кольцова же въ сближеніи съ природой мы замѣчаемъ это раздвоеніе. Не даромъ онъ былъ въ одно время поэтъ и философъ. Его философскія пьесы, которыя Бѣлинскій помѣстилъ отдѣльно подъ именемъ „Думъ", заключаютъ всегда одинъ вопросъ: какая цѣль бытія? Зачѣмъ созданы міры? Какое мѣсто посреди нихъ человѣку? Этихъ пьесъ нельзя однако при объясненіи творчества Кольцова разсматривать отдѣльно: въ нихъ есть тождественная связь съ другими его стихотвореніями. Религіозная мысль въ нихъ

разлитая, нерѣдко отзывается чѣмъ-то принужденнымъ, искусственнымъ; главный же мотивъ сомнѣніе. Сомнѣніе разрѣшающееся чисто религіознымъ успокоеніемъ, есть первая степень того развитія, на которую становится человѣкъ, высвобождаясь изъ своего природнаго патріархальнаго состоянія. Кольцовъ не видитъ смысла въ исторіи; онъ самъ говоритъ:

Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...

Вполнѣ сближаясь своей религіозной вѣрою съ природою, онъ однако отдѣляется отъ ней тѣмъ, что смотритъ на природу и жизнь съ новой идеальной точки зрѣнія. Сомнѣніе возбуждаетъ въ немъ такіе вопросы, которые не могли приходить въ голову народу при его патріархальной вѣрѣ во все чудесное. Оттого и природа съ ея дѣйствіями представляется ему сама по себѣ, какъ предметъ анализа. Эту-то замѣчательную сторону въ Кольцовѣ намъ необходимо отмѣтить особенно при разборѣ стихотворенія: „Пора любви". Всего болѣе и надо удивляться въ этой пьесѣ тому, какъ Кольцовъ съ своимъ высшимъ взглядомъ на природу умѣлъ соединить первобытную вѣру въ ея вліяніе. Но и тутъ онъ остался вѣренъ только самъ себѣ, не переступивъ за рубежъ, на которомъ сталъ между вѣрою и знаніемъ. Можно сказать, что онъ уже не былъ народнымъ, поднявшись выше этой точки. Такъ въ прекрасномъ стихотвореніи: „Царство мысли" Кольцовъ является представителемъ новыхъ идей общественнаго развитія; но эти идеи Фауста уже слишкомъ отдѣляютъ его отъ массы, — единственный случай, гдѣ Кольцовъ, такъ сказать, превзошелъ самого себя.

Въ пьесѣ „Пора любви" мы покамѣсть имѣемъ дѣло только съ двумя первыми строфами, какъ относящихся къ нашему настоящему предмету. Въ нихъ представлено волшебное вліяніе чудесныхъ пѣсенъ, которыхъ смысла не вѣдаетъ красавица. „Не слушай ихъ, красавица; какъ разъ бѣду наслушаешь"—такъ могучи весеннія пѣсни степныхъ птичекъ. Вы готовы вѣрить въ силу этого волшебства природы; но вы его понимаете, потому что степь „вся разубрана цвѣтами и полнымъ полна летучими птичками", потому что

пѣсни ихъ чудесныя (двоякій смыслъ этого слова уже не принадлежитъ народу), и хотя чудесность эту можно бы объяснить, но для красавицы въ чистотѣ ея дѣвственнаго чувства (сонъ дѣвичій и пр.) тѣ пѣсни волшебныя. Мы видимъ сколько тутъ есть данныхъ и для того, чтобы вѣдать смыслъ этихъ пѣсенъ и для того, чтобы вѣрить ихъ волшебству въ отношеніи красавицы. Послѣ этого вступительнаго объясненія, Кольцовъ уже могъ прямо перенестись въ народную среду, изображая „дыханіе горъ", которымъ мгновенно овѣяна душа дѣвушки. Но и тутъ послѣ стиха „Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ" (срав. у Пушкина „и въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ") картину, начерченную такою твердою мастерскою рукою, великолѣпно заканчиваетъ стихъ: „Смеркается степь, горитъ заря..." Природа здѣсь опять является волшебною только въ смыслѣ волшебной красоты, чарующей душу. Чтобы понять всю силу этого послѣдняго стиха не довольно одной дѣтской вѣры въ чудесное, нуженъ и глубокій художественный тактъ, съ какимъ намъ становится ясною вся обстановка прекрасной картины. То же самое можно сказать о другихъ подробностяхъ. Народное представленіе о зельяхъ и кореньяхъ, о нашептываніи и прислушиваніи замѣнилось болѣе идеальными: „Дыханіемъ чаръ овѣяна;" вмѣсто „тяжелехонько вздыхаетъ", согласно съ идеей о чарахъ сказано: „нейдетъ съ души тяжелый вздохъ". Наконецъ стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.

вмѣстѣ съ невольнымъ обаяніемъ любви прямо выражаетъ и стыдливо сознаніе чувства, которое въ одной народной пѣснѣ обозначено простыми словами: „про кручинушку не скажетъ". И такъ вообще отличіе Кольцова состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Въ полномъ художественномъ развитіи образа.

2) Въ изображеніи идеальной стороны чувства: поэтъ не довольствуется однимъ описаніемъ факта, но и представляетъ внутренніе его мотивы.

3) Въ изображеніи природы, независимомъ отъ ея чувственнаго вліянія на человѣка. „То, что мы обыкновенно

называемъ „сверхчувственнымъ“ и происходитъ отъ того чувственнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ не различаетъ себя отъ природы. Конечная природа и не предъявляетъ намъ своего закона иначе, какъ черезъ чувства; но, смѣшивая это чувство съ предметомъ, его произведшимъ, мы создаемъ тѣ символы, которыми такъ богатъ востокъ и вообще младенчество всякаго народа. Идеальный взглядъ начинается тамъ, гдѣ то же самое чувство восходитъ въ ясную раздѣлительную идею, разграничивающую внѣшнее постоянное отъ внутренняго, случайнаго, предметъ отъ его зыбкаго отраженія: тогда символъ измѣняется въ простую аллегорію. Измѣненіе это уже замѣтно и въ народныхъ пѣсняхъ; но, постоянство, неподвижность однихъ и тѣхъ же олицетвореній ясно указываетъ въ нихъ на первоначальный символизмъ. Такого свободнаго изображенія природы, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи Кольцова „Урожай“, гдѣ картина бури осмыслена идеей сельскаго труда, мы не находимъ въ пѣсняхъ. Сравненія, начинающіяся отрицаніемъ не: какъ не лебедь ходитъ бѣлая, ходитъ красна дѣвица душа — прямо свидѣтельствуютъ о попыткѣ народа внести начало анализа въ свои наблюденія надъ природой (или — что здѣсь все равно — надъ своими личными впечатлѣніями); но этотъ анализъ не простирается далѣе обыкновеннаго сравненій.

Мы переходимъ теперь къ народнымъ пѣснямъ, изображающимъ долю женщины въ ея супружескомъ состояніи. Замѣчательно, что у насъ судьба или рокъ, ни въ какомъ обстоятельствѣ жизни, ни въ какихъ столкновеніяхъ общественныхъ, не употребляется такъ часто и не играетъ такой важной роли, какъ въ супружествѣ. Судьба царствуетъ тамъ, гдѣ, кажется, болѣе всего прилично дать мѣсто свободному выбору. Въ семейныхъ узахъ она также „всесильна“, какъ въ смерти: „Суженаго конемъ не объѣдешь“ говоритъ пословица, согласно съ другимъ изрѣченіемъ: „Рокъ головы ищетъ“.

Это языческое понятіе о судьбѣ выросло у насъ съ вѣками вслѣдствіе семейнаго деспотизма, который намъ такъ ясно рисуютъ народныя пѣсни. Разсмотримъ это зло въ его корнѣ, въ народной жизни. Что необходимо было для старинной свадьбы? Женихъ пріѣдетъ самъ — семъ съ боярами, а восьмую возьметъ свашеньку, а девятую присватью (Свад.

пѣсни № 22) и будетъ у него жена вѣковѣчная ключница, вѣковѣчная платьемойница. Дѣвушка всему выучена: и ткать, и прясть, и золотомъ шить по атласу, по бархату (Свад. пѣсни № 60). Завидная невѣста! Вотъ она одѣвается въ цвѣтное платье, умывается ключевой водой, бѣлится, румянится, сурмится и расплетаетъ передъ зеркаломъ стоючи, свою русую косу (Свад. пѣсни № 8). Женихъ приноситъ на дѣвичникъ подарки — деликатное убранство: полтораста аршинъ лентъ, розовыхъ, алыхъ, померанцевыхъ, желтыхъ... стѣнное зеркальце, рѣзной гребень и вѣеръ, двое шелковыхъ чулковъ, черевички бархатныя, перчаточки шелковыя, корицы, гвоздики, мятнаго масла и двѣнадцать горшечковъ порошковъ румянъ (Свад. пѣсни № 115). Свадебка уже снаряжена: „девять печей хлѣба испечено, десятая печь тертыхъ калачей; девять четвертей пива наварено, десять четвертей зелена вина" (Свад. пѣсни № 118). Послѣ того начинаются безконечные обряды. которыхъ главная цѣль, какъ будто, заглушить въ конецъ всякое дѣвственное чувство.

Что же думаетъ въ эту минуту дѣвушка? Зачѣмъ обманула она подружекъ, сказавши, что пойдетъ съ ними въ монастырь? На чтожъ прельстилась она: на орѣшки ль, аль на прянички? (Св. п. № 140). Нѣтъ! Запоручили ее родимый батюшка и матушка за поруки за крѣпкія, за замки вѣковѣчные (св. п. № 19). Никогда не является столь трогательнымъ образъ женщины, какъ въ эту минуту. Мѣняя свою дѣвичью красоту на бабью (не даромъ это слово получило у народа значеніе чего-то грязнаго) она, какъ будто, чувствуетъ, что вмѣстѣ съ волею утратитъ и всю наивную красоту своего сердца. „Пой, мой громкій соловей, въ всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити!" говоритъ она. (Св. п. № 163). „Завянутъ безъ меня всѣ цвѣточки въ саду" (св. п. № 119). Этихъ нѣжныхъ отношеній къ цвѣтамъ и соловью ужъ не ищите въ будущей грозной матери и свекрови. Оттого и тоска ея выражается сильною рѣчью.

Помрачило ретиво сердце
Облегло тоской со кручиною! (Св. п. № 121).

Съ какою кротостью и любовью умоляетъ она родителей не

отдавать ея въ невѣдомый домъ, на чужую сторону? Тутъ не одна только обрядная притворная горесть, потому что

Чужіе отецъ съ матерью
Безталантливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается (Св. п. № 18).

„Кинулся, ты, мой батюшка", говоритъ она, „на злато, на серебро! Кормилица, моя матушка — на цвѣтное платье! избываете вы своего слугу вѣрнаго, безотвѣтнаго (Св. п. № 83, 139, 171). Иногда въ тяжеломъ раздумьи спрашиваетъ она: „Государь мой, родной батюшка, не возможно ль того сдѣлати, меня, дѣвицу, не выдати". Но батюшка при наибольшей кротости, сваливаетъ всю вину на сваху разлучницу. И такъ волей неволей нужно ей итти на чужую сторонушку, а „чужая-то сторонушка горемъ вся изнасѣяна, слезами поливана, печалью огорожено (св. п. № 159). Простившись съ подружками, съ которыми ужъ ей „не ночевать темныхъ ночекъ и не говаривать тайныхъ рѣчей" (св. п. № 126), забываетъ она также волю батюшкину, нѣгу матушкину, пріятство сестрицыно (св. п. № 137). Она теперь раздумываетъ онъ одномъ: „какъ быть да жить въ чужихъ людяхъ? какъ назвать свекра лютаго? Какъ величать свекровь лютую? (св. п. № 123). И вотъ ее учатъ: „Держи голову поклонную, а сердце покорное" (св. п. № 75). Незавидна ея жизнь въ чужой семьѣ: свекоръ, свекровь, деверья, золовушки — всѣ къ ней неласковы, угрюмы, перешептываютъ, пересмѣиваютъ; молвитъ ли слово — начнутъ передразнивать, сядетъ ли за столъ — всѣ куски во рту сочтутъ, замолчитъ ли — назовутъ дурочкой (св. п. № 161 и 172). Такъ сѣрые гуси щиплютъ лебедь, зачѣмъ не умѣетъ по-гусиному кликати (св. п. № 122). А какой радости ждать ей отъ мужа? Извѣстно, что припѣваетъ любимая народная пѣсня молодымъ молодкамъ:

Первый разъ ударитъ, такъ семь рубцовъ,
Другой разъ ударитъ, такъ четырнадцать,
Третій разъ ударитъ, такъ двадцать одинъ" (Разг. № 14).

Между тѣмъ лихая свекровь, „кривошыка непривѣтливая, каблукомъ сѣни проламываетъ", да учитъ сына своего, какъ невѣстушкѣ „съ головы до ногъ кожу спустить", и рѣдко

найдется такой добрякъ мужъ, что отвѣтитъ: „Не бѣда мнѣ уча жену свою, съ головы до пять кожу спустить, да вѣдь съ нею мнѣ вѣкъ будетъ изжить". (Разг. п. № 18). Какъ рѣдко встрѣтить сомнѣніе, можно ль жить съ женою, спустивъ съ нея кожу, также рѣдко случается и въ женѣ встрѣтить какую-нибудь ласку къ мужу; называя свою ладу дуракомъ, она отважно говоритъ ему: „Хоть я сгину, воли не покину" (Разг. п. № 13). Надо признаться, что при рабскихъ отношеніяхъ разныхъ членовъ семейства, и мужу приходится ни сколько не лучше. Благодаритъ ли онъ жену, что, бывши у попа въ гостяхъ, не забыла его, пила за его здоровье, съ какимъ сарказмомъ отвѣтитъ она; „Какъ тебя забыть! Ты у меня, какъ бѣльмо на глазу! Какъ бы вѣра та была, продала бы я тебя". (Разг. п. № 20). Съ другой стороны, хотя бы красота и не досталась старому мужу, на бѣдной женщинѣ тѣмъ не менѣе тяготятъ всѣ язвы общественнаго неустройства. Ей приходится выражать подобныя жалобы на добраго молодца.

Ты къ чему рано упиваешься?
Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,
Изъ кабака идешь, самъ валяешься. (Разг. п. № 6.)

Или, завивая кудри дороднаго супруга, гадаетъ она „про свое замужье бездѣльное", пеняетъ на батюшку, что отдалъ „не въ согласную семью, не покрытую избу" (Семейн. п. № 20).

Можетъ быть, многихъ поразитъ противоположность, въ какой является образъ женщины въ ея дѣвичьемъ быту, и ея характеръ, какъ матери, мачехи и свекрови. Еще мать сохраняетъ свои прекрасныя, женственныя черты: она плачетъ, какъ рѣка льется, объ убитомъ сынѣ; она не жалѣетъ денегъ, чтобъ выкупить его изъ темницы. Но и тутъ обычай, безпощадный обычай губитъ всякое свободное чувство: въ воспитаніи дѣтей господствуетъ одинъ страхъ; несчастная пословица свидѣтельствуетъ, что за битаго даютъ двухъ небитыхъ. Уже дѣвушкой, женщина является въ непріязненномъ отношеніи къ новой хозяйкѣ въ дому, къ женѣ своего брата, и какъ ей имѣть какое-нибудь уваженіе къ этой жертвѣ семейнаго деспотизма, къ проданной въ домъ работницѣ! Но ее ждетъ та же участь, и тѣмъ ненавистнѣе ей

новая родственница; она знаетъ, что ей самой нужно будетъ держать голову поклонную, и требуетъ отъ другихъ того же. Наступитъ свадьба — утомительный обрядъ, въ которомъ продажныя свахи восхваляютъ ея долю: тутъ все ложь и лицемѣріе, и характеръ насилія тѣмъ ненавистнѣе, что оно облекается въ праздничныя формы торжества, что даже искреннія слезы подчинены мертвымъ правиламъ обряда. Согласимся, что при этомъ переворотѣ въ жизни, отрывающемъ женщину отъ родной семьи и не дающемъ ей ничего въ защиту прежняго, сколько-нибудь сноснаго, положенія, уже должна заглохнуть душа, а послѣ нѣсколькихъ годовъ угнетенія и бабья красота высказывается въ полномъ цвѣтѣ. Какъ не ограничены права дѣвушки, она можетъ еще мечтать о миломъ, она не испытала еще на себѣ всей гнусности семейныхъ дрязгъ; послѣ свадьбы ей предстоитъ печальная борьба, изъ которой выноситъ она только ненависть въ загрубѣломъ сердцѣ. На комъ же вымещать эту ненависть, какъ не на дѣтяхъ и на будущей невѣстушкѣ?

Горемычная доля женщины въ супружеской жизни изображена у Кольцова только въ двухъ стихотвореніяхъ, да и то въ общихъ чертахъ, рисующихъ одно чувство безъ отношенія къ опредѣленному событію. Въ стихотвореніи:

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За не милаго —
Мужа стараго.

Жалобы женщины на свое житье-бытье горемычное выражена красками, совершенно соотвѣтственными тому же изображенію въ народныхъ пѣсняхъ; но въ послѣднихъ эта тема развивается несравненно полнѣе.

Такъ отношенія матери къ дочери, отданной въ чужой домъ и къ зятю, прекрасно выставлены въ цѣлой поэмѣ: „У Спаса къ обѣднѣ звонятъ“ (Разг. п. № 28). Теща снаряжается въ церковь, идетъ помалешеньку, съ ноги на ногу поступываетъ, на башмачки посматриваетъ. Видно, на душѣ у ней крѣпкая дума; всѣ церкви прошла, а Николѣ Мясницкому челомъ; всѣ люди прошла, а зятю челомъ, чтобъ не билъ дочь ея, не проливалъ горячу кровь, не гнѣвилъ сердце матерно. Но зять не глядитъ и не говоритъ съ ней,

не доволенъ онъ подарками тещи: ни кафтаномъ изъ камки ни сарафаномъ для дочери. Тогда теща даритъ ему три каменныя палаты съ серебряными маковицами, съ позолоченными крышами, — и зять сталъ ласковъ и выговорилъ: „Богоданная матушка!“ Ты подитко живи у меня, а работы не робь; только баню топи, да воду носи, да ребеночка качай. Этотъ разсказъ какъ нельзя лучше служитъ дополненіемъ къ стихамъ Кольцова:

Небось весело
Теперь матушкѣ...
Утирать мои
Слезы горькія.

Въ другомъ стихотвореніи Кольцова на ту же тему повторяется тотъ же упрекъ родителямъ, но еще болѣе общими словами. И здѣсь выраженіе „Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали“ соотвѣтствуетъ народнымъ: „Не собравшись съ разумомъ замужъ отдала (Сем. п. № 27). Разница съ первою пѣснью та, что въ ней родители, хоть и поздно, обвиняютъ судьбу, ворожатъ, сулятъ радости; а здѣсь утѣшаютъ пословицей: „Стерпится — слюбится“. Такъ и въ одной народной пѣснѣ (Сем. п. № 43) матушка съ торгу зашла мимоходомъ къ дочери и спрашиваетъ: каково жить въ чужихъ людяхъ? Дочь отвѣчаетъ: „Государыня, моя матушка, отдавши въ люди, стала спрашивать!“ — и разумѣется передаетъ ей, что свекоръ больно билъ, а свекровь ходя похвалялась. Любопытно, что тутъ ужъ не денежный расчетъ былъ причиною неудачной свадьбы, а дѣвушку выдали за мужъ... ради ближняго перепутьица.

Водовозовъ.

Жизненная правда поэзіи Кольцова.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой геніальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и дѣйствовалъ, т.-е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ поэзіи

Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе человѣческой души и жизни, современной ему, такъ въ Кольцовскихъ стихотвореніяхъ сказалась простая правда духовной жизни простого русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія: въ немъ, и только въ немъ, можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувство во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильной работой классѣ людей, несущемъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики „стонутъ по полямъ и дорогамъ" и повсюду „свѣту Божьяго, солнца не рады"; это — масса „рабовъ", „завидующихъ житью псовъ". Такъ, у Рѣшетникова его герои, подлиповцы, въ преувеличенной безсознательности влачатъ жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они, взрослые, способны понимать окружающую ихъ жизнь не въ большей степени, чѣмъ смышленыя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простого русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать бо́льшую правду о немъ, говоритъ нѣчто иное, исправляетъ это одностороннее воззрѣніе. Съ этой точки зрѣнія содержаніе поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ въ его историческомъ значеніи имѣетъ несравненно бо́льшую роль, чѣмъ это думаютъ обыкновенно; онъ — не интересный прасолъ-поэтъ только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а и свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть. Свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова по своему содержанію и воззрѣніямъ совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ былинами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр., на представленіяхъ Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его, конечно весьма тяжелой, жизни. Поэтъ образованныхъ, т.-е. привилегированныхъ классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ничего, кромѣ мрачныхъ красокъ, для изображенія

тягостей народнаго труда и жизни. Описывая, напр., работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать!

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печать „тупого терпѣнія и безсмысленнаго вѣчнаго испуга". Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая косулю тяжелую.
Баба порѣзала ноженьку голую...

Въ общемъ великая русская страна представляется страной „тупого терпѣнія" народнаго, страной,

Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

Загляните въ стихотворенія Кольцова — и картина народной жизни радикально мѣняетъ свой характеръ. Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но, описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и скорбь. „Весело на пашнѣ", „весело я лажу борону и соху", „весело гляжу я на гумно и скирды", — вотъ мысли и чувства, которыя онъ находитъ въ зрѣлищѣ народнаго труда. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ „выйдетъ въ полѣ травка — выростетъ и колосъ", какъ станетъ колосъ „спѣть, рядиться въ золотыя ткани", какъ „заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы". О неизбѣжныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, нѣтъ и помина, и только узнаете вы о немъ развѣ изъ словъ, что „сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ". Природа съ своей стороны тоже совершенно мѣняетъ свой характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не „нещадно палитъ", а только „глядитъ съ горы небесъ", а когда оно „видитъ — жатва кончена", то „холоднѣй оно пошло къ осени". Тѣ нивы, покосы да ширь поднебесная, которыя такое печальное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ,

у Кольцова являются въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. „Горе“ его поэзіи — не простое горе, а такое, которое „горами качаетъ“; но — говоритъ поэтъ — „родись терпѣливымъ и на все готовымъ“. Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ „тупымъ терпѣніемъ и испугомъ; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человѣкъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не „нюнилъ“, какъ это именно случилось у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

... съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель итти
Пѣсни пѣть соловьемъ...

Поэтъ — представитель не безсильнаго терпѣнья, а разумныхъ, а иногда необыкновенно смѣлыхъ, исканій выхода изъ горя и невзгоды Онъ готовъ „въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться — горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться“... И онъ увѣренъ, что „безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщетъ“. Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалѣетъ, что у него нѣтъ довольно воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,
Чтобъ порой предъ бѣдой

За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать...

Не то ли же самое находимъ мы въ народныхъ былинахъ? Тамъ, гдѣ, какъ въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ, отражаются черты земледѣльческаго быта, — на первый планъ выступаетъ необычайное народное уваженіе къ земледѣльческому труду, являющемуся лучшимъ приложеніемъ народной силы. Въ немъ, въ этомъ трудѣ, былина видитъ нѣчто даже большее, чѣмъ богатырскій подвигъ; послѣдній — только служилое дѣло для земли родной, въ первомъ же — самое осно-

ваніе жизни. И вотъ, въ какихъ чертахъ изображаетъ народъ встрѣчу богатыря съ представителемъ земледѣльческаго труда: молодой Вольга Святославовичъ?

...Выѣхалъ въ раздолище чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая;
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ...
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера
Со своей дружинушкой хораброй,
А не могъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера...

Ѣхалъ и третій день до „пабѣдья", пока, наконецъ, „наѣхалъ" пахаря. Былина съ очевиднымъ удовольствіемъ останавливается на картинѣ пахаря „Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былина отмѣчаетъ и тяжесть этого труда; пахарь замѣчаетъ Вольгѣ-богатырю, что ему „надобна Божья помощь крестьянствовати". Оставляя соху, Микула проситъ Вольгу послать дружинниковъ изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и бросить сошку „за ракитовъ кустъ"; но ни пять, ни десять дружинниковъ, ни вся дружина не могутъ „сошки отъ земли поднять". Тогда-то, какъ бы для показанія сравнительной силы земледѣльца:

Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой
Сошку изъ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ...

Такъ, съ любовью, переводя всѣ имена въ уменьшительныя, описываетъ былина торжество земледѣльческой силы. Не только самъ пахарь, но и трудовая кобылка его оказывается представительницею силы, какой не достигнуть другимъ. „Оратая кобылка-то рысью идетъ, а Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ; у оратая кобылка-то грудью пошла, а Вольгинъ-то конь оставается"... говоритъ былина. Она не забыла и всей гордости результатами могучаго труда, также поэзіи, свой-

ственной ему, и на вопросъ Вольги: „какъ-то тебя именемъ зовутъ, какъ величаютъ по отчеству?“ Микула говоритъ:

Ай же ты, Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драии надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою, —
Станутъ мужички меня покликивати:
— „Молодой Микулушко Селяниновичъ!“

И въ трудѣ и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова, какъ и въ былинахъ, глубоко сознательное и ясное разумѣніе, энергію и силу чувства и пониманіе цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ предъ вами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни, рисующія страсти и пороки человѣческіе, радость и горе, сомнѣнія и вѣрованія.

Конечно, для Кольцова оставались темными вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе образованныхъ людей, и потому его „Думы“ иногда отличаются какой-то особенной трогательной наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова нерѣдко поднималъ его далеко выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самого поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотой могилы: „Что слухъ мой замѣнитъ? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа безъ этого сердца?“ Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ „наобумъ мѣшаетъ съ былью небылицы“. И то, что такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно мыслящихъ людей, мыслящихъ самостоятельно и глубоко.

Невольно становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ ли жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе Кольцова на народъ и на его жизнь нѣкоторой опасности, со-

давая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшении быта. Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это. Если „тоскующее" о народѣ направленіе литературы было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова, то, именно, что народъ русскій — не рой подавленныхъ рабовъ, а созидательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донынѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи.

Что касается формы произведеній Кольцова, то и о ней можно сказать то же, что о содержаніи. Во времена высокой обработки литературнаго языка, геніальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшимся за чтеніе и только позже нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинской красоты и силы.

Затѣмъ въ стихахъ Кольцова есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто геніальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличается сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусственнаго, развитаго литературой. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность. *Введенскій.*

Естественность, вѣрность и живость въ изображеніи людей и природы у Кольцова.

Кольцовъ самъ испыталъ всѣ нужды простого народа, самъ жилъ съ нимъ, самъ былъ въ томъ же положеніи, въ

какомъ живутъ наши простолюдины. Поэтому и въ стихотвореніяхъ Кольцова русскіе люди являются настоящими, а не выдуманными существами.

Другая причина естественности изображеній въ пѣсняхъ Кольцова заключается въ самыхъ свойствахъ природнаго ума поэта. Онъ всегда отличался положительнымъ, практическимъ взглядомъ на вещи, и чѣмъ болѣе пріобрѣталъ образованности, тѣмъ яснѣе становился въ немъ такой взглядъ. Онъ не былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ обыкновенно идеалистами и которые, будучи незнакомы съ нуждами и трудностями жизни, смотрятъ съ пренебреженіемъ на заботы о вещественномъ благосостояніи. Кольцовъ образовался и воспитался именно въ школѣ житейской нужды и лишеній. Поэтому онъ хорошо понималъ важность достатка въ жизни,— и въ его поэзіи ярко отразилось это.

Въ всемъ у него видно живое, положительное направленіе. Напр., онъ любуется степью, и прекрасно изображаетъ ее; но онъ не забывается въ этомъ наслажденіи. Главная мысль его та, что въ степь эту приходитъ молодой косарь, которому нужно добыть денегъ, чтобы жениться на дочкѣ старосты. И вотъ какъ размышляетъ косарь, обращаясь къ степи:

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося..
Раззудись плечо,
Размахнись рука,
Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошенная;
Поклонись цвѣты,
Головой землѣ!

Вслѣдъ за этимъ чуднымъ изображеніемъ работы косаря, является практическая цѣль, для которой все это дѣлается:

Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной...

Эта забота о вещественныхъ средствахъ жизни вездѣ видна въ пѣсняхъ Кольцова. Пахарь его не восхищается только природою: нѣтъ, думаетъ о другомъ:

Заблеститъ нашъ серпъ
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
...Уроди мнѣ Боже,
Хлѣбъ — мое богатство.

Въ стихотвореніи „Урожай“ послѣ превосходнѣйшаго описанія пробужденія сельской природы весной, — идетъ рѣчь о полевыхъ работахъ крестьянъ, и главная мысль обращается на то,

Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Собираясь на пирушку, крестьяне, опять

Пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ —
Про хлѣбъ, про покосъ,
Про старинушку;
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ,
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено.

По осени мужички —

Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ

Невѣстѣ своей поэтъ сулитъ не одну любовь къ хижинѣ, а говоритъ: —

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчею съ серебромъ.

Говоря о ссорахъ съ дурной женой, не забываетъ онъ и о долгахъ:

И живемъ съ ней — только ссоримся,
Да роднею похваляемся,
Да, проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...

Въ радости своей онъ говоритъ:

Я не въ полѣ вихремъ вѣялся,
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастья пробовалъ...
Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ себѣ два терема,
Лисицъ, шелку, много золота,
Стану вѣкъ прожить бояриномъ,

Въ грусти своей онъ опять жалѣетъ о томъ, что нѣтъ у молодца —

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны — сохи,
Коня пахаря.

Описывая свое бѣдствіе, онъ говоритъ:

Съ той поры я съ горемъ — нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся.
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся...

Въ грусти своей онъ не забываетъ и о своей одеждѣ: Прошла моя золотая пора — говоритъ онъ, —

До поры, до время,
Всѣмъ я весь исжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Лихачъ Кудрявичъ разсказываетъ даже подробно, что когда приневолятъ вытти къ старикамъ на сходку

Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь.

Всѣ эти черты совсѣмъ не похожи на восклицанія о тоскѣ, о грусти, какія встрѣчаются очень часто въ пѣсняхъ, сдѣланныхъ другими сочинителями. И несмотря на видимую простоту и отсутствіе всякихъ поэтическихъ прикрасъ, въ пѣсняхъ Кольцова несравненно болѣе поэзія, чѣмъ въ тѣхъ сочиненіяхъ и потому именно, что въ нихъ болѣе правды. Люди, которые въ нихъ изображаются, ближе къ намъ по своему положенію, по своимъ чувствамъ. Мы видимъ, что они въ самомъ дѣлѣ живутъ, радуются и страдаютъ, понимаемъ и причины ихъ веселья и горя, — и поэтому ихъ жизнь, ихъ чувства, производятъ на насъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели жалобы выдуманныхъ лицъ, плачущихъ такъ себѣ, отъ нечего дѣлать.

Точно такъ же и описанія природы у Кольцова вполнѣ вѣрны и естественны. Онъ не придумываетъ скалистыхъ береговъ, журчащихъ ручейковъ, прекрасныхъ лѣсовъ съ раз-

чищенными дорожками и т. п., какъ это очень часто дѣлалось многими сочинителями. Онъ описываетъ именно то, что онъ видѣлъ и знаетъ: степь, ниву, лѣсъ, деревню, лѣтній зной, осенніе бури, зимніе вьюги, и представляетъ ихъ именно такъ, какъ они бываютъ въ природѣ. Такихъ картинъ природы у него чрезвычайно много разсыпано въ разныхъ его стихотвореніяхъ, особенно въ „Урожаѣ“, „Пѣснѣ пахаря“, „Что ты спишь, мужичокъ“, „Свѣтитъ солнышко“ и др.

Кромѣ умѣнья изображать природу и жизнь, не искажая ихъ, — у Кольцова есть еще важное достоинство: онъ понимаетъ предметы правильно и ясно. Не просто онъ разсказываетъ то, что случалось видѣть ему; это была бы пустая болтовня. Нѣтъ, онъ думаетъ, о чемъ ему говорить и что говорить, — въ его стихотвореніяхъ всегда есть мысль. Всѣ изображенія предметовъ и людей служатъ у него только для объясненія или для лучшаго выраженія главной мысли. У него вездѣ является человѣкъ и разсказывается о томъ, какое дѣйствіе производитъ на него то или другое явленіе природы. Такъ въ одномъ стихотвореніи у него старикъ, при мысли о веснѣ, вспоминаетъ о томъ, что ему не долго уже наслаждаться жизнію. Въ другомъ — весна разнѣживаетъ сердце молодыхъ людей и пробуждаетъ въ нихъ живыя чувства. Въ третьемъ весна возбуждаетъ завѣтныя, мирныя думы поселянъ объ урожаѣ. То вѣянье вѣтра напоминаетъ ему о дорогѣ, и онъ поетъ:

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь — мою — дорогу,
Пылью покрываетъ.

То онъ вызываетъ бурю, чтобы покрыть бѣгство удальца:

Подымайся, туча — буря,
Съ полуночной грозой!
Зашатайся лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,
Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ...

То осенніе вѣтры и туманы пробуждаютъ въ душѣ его чувство одиночества, и онъ грустно поетъ:

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные,
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.
Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлаго,

Не видать въ нихъ
Солнца краснаго.
Въ сырой мглѣ —
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется...
Въ эту пору
Непогожую
Одному жить
Сердцу холодно...

Такимъ образомъ каждая картина, каждый стихъ у Кольцова имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе по отношенію къ человѣку. Онъ старался еще глубже понять этотъ смыслъ, заключенный въ природѣ, и въ этомъ стараніи отыскать смыслъ вездѣ, во всемъ мірѣ, состоитъ содержаніе его думъ. Онъ говоритъ:

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце,
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокой, молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ...
... Повсюду мысль одна, одна идея...
... Она одна царица бытія...

Онъ спрашиваетъ, смотря на лѣсъ:

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?

Онъ знаетъ, что человѣкъ можетъ и долженъ разсуждать давать себѣ отчетъ обо всемъ, что совершается предъ нимъ въ мірѣ, потому что —

Цѣлая природа
Въ душѣ человѣка;
Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Правда эти стремленія отыскать мысль въ явленіяхъ природы ни къ чему не привели Кольцова. Онъ только увѣрился, что

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни. —

и не дошелъ до того, чтобы проникнуть въ эту тайну. Для этого онъ былъ еще очень мало образованъ; думы тяготили его, какъ онъ самъ признается:

Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва...

Впрочемъ, положительность Кольцова удержала его отъ такъ называемаго мистицизма, т.-е., отъ стремленія находить таинственный смыслъ во всѣхъ, даже самыхъ простыхъ вещахъ. Онъ возвратился, наконецъ, къ своему простому, свѣтлому взгляду на предметы, безъ лишнихъ умствованій и мечтаній. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить два его стихотворенія. Одно написано еще въ 1830 году, когда Кольцовъ совершенно незнакомъ былъ съ высшими философскими вопросами

Что значу я!
Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу
И вѣчно, недовольный, плачу:
Чего жъ ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди: до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать;
Но что до нихъ! пусть, какъ хотятъ,
О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль, — я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли — посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь — имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ отъ души поплачу, —
И не стараюсь знать, что значу...

Здѣсь еще видна нѣкоторая уклончивость; тонъ этого стихотворенія напоминаетъ тонъ русскаго мужичка, когда онъ съ лукавымъ простодушіемъ, говоритъ: „гдѣ намъ... мы люди темные“. Кольцовъ въ этихъ стихахъ какъ будто бы хочетъ сказать, что онъ и приниматься не хочетъ за разсужденія, что онъ и знать не хочетъ вопросовъ, надъ которыми люди трудятся. Тутъ еще видно пренебреженіе вообще къ мышленію философскому.

Другое стихотвореніе написано уже въ 1841 году, въ послѣднее время жизни Кольцова:

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь бесславить,
Что есть — иль нѣтъ — желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы.

Но отъ души ль порою
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною
Нѣтъ нужды дорожить?
Темна, страшна могила,
За далью мракъ густой:
Ни вѣсти ни отзыва
На вопль нашъ роковой!
А тутъ дары земные
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,
И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой...

Здѣсь также поэтъ сознается, что безполезно строить воздушные миры и мечтать про высоты; но теперь мысли его высказаны гораздо серіознѣе; видно, что онъ возстаетъ не противъ мышленія, не противъ разума, которому такъ много былъ обязанъ, а только противъ злоупотребленія ума, когда онъ пускается въ мечтательныя теоріи и отдаляется отъ жизни. Такую перемѣну произвело въ Кольцовѣ то время, когда онъ познакомился съ высшими вопросами и хорошо передумалъ ихъ. Его можно было бы сравнить въ этомъ съ алхимикомъ, который, долго искавши философскаго камня, убѣждается, наконецъ, въ нелѣпости алхиміи, но вмѣсто нея обращается къ истинной наукѣ и дѣлаетъ въ ней новыя открытія. Въ этомъ случаѣ даже и не совсѣмъ ясныя, нѣсколько мечтательныя умствованія, все-таки не безполезны были для Кольцова, пріучивъ его умъ къ болѣе серіозному взгляду на предметы и утвердивши еще болѣе природную ясность и положительность его ума.

И Кольцовъ, дѣйствительно, умѣлъ воспользоваться всѣмъ что было близко къ нему. Онъ прекрасно понималъ не только русскую жизнь, но и характеръ русскаго народа, и умѣлъ его выразить въ своихъ пѣсняхъ. Такъ у него прекрасно высказывается широкій разгулъ русскаго человѣка, эта удаль, которая идетъ на все и которой все ни по чемъ. Это можно видѣть въ пьесахъ: „Какъ здоровъ да молодъ“, „Расчетъ съ жизнію“, „Дума сокола“.

Весьма вѣрно, вмѣстѣ съ удалью выражается у Кольцова также и беззаботность, это завѣтное „авось“, съ которымъ идетъ русскій человѣкъ на встрѣчу и горю и радости. Пѣсни „Лихача-кудрявича“ совершенно въ русскомъ народномъ характерѣ. Лихачъ-кудрявичъ не слишкомъ любитъ разсчитывать: онъ,

Что шутя задумалъ,—
Пошла шутка въ дѣло,
А тряхнулъ кудрями,—
Въ одинъ мигъ поспѣло...

По его мнѣнію —

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Такъ говоритъ онъ въ счастіи. Приходитъ бѣда — и тутъ онъ не измѣняетъ своему характеру; онъ опять не разсчитываетъ, какъ помочь горю, какъ отвратить напасть, а покорно покоряется своей участи.

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ, —
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ...

Зла бѣда не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору...

Отъ нея не уйдешь, такъ ужъ лучше и не хлопотать понапрасну...

Зато —

Какъ здоровъ да молодъ, —
Безъ веселья веселъ,
Безъ призыва счастье
И валитъ и ѣдетъ...

Тутъ и заботиться не о чемъ: хлѣба ли нужно, —

А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля...

Достатка ли надобно?

Куда глянемъ — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома,
На днѣ моря — груды золота,
Облака идутъ — нарядъ несутъ.

Не нужно, впрочемъ, думать, чтобы самъ Кольцовъ тоже такъ смотрѣлъ на вещи. Напротивъ, онъ и въ поэзіи, какъ во всей жизни своей выражаетъ убѣжденіе, что нужно бороться съ обстоятельствами, и что безпечность непремѣнно ведетъ къ лѣни и усыпленію.

Онъ обращается съ укоромъ къ поселянину:

Что ты спишь мужичокъ?

Онъ говоритъ своему другу:

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ!...

Если обстоятельства жизни слишкомъ тяжелы для него, то онъ не падаетъ духомъ, но смѣло идетъ —

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей переведаться.

Онъ всегда готовъ къ тому,

Чтобъ порой, предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать...

Его стремленія всегда живы и сильны, и онѣ почти всегда превосходно выражаются въ его стихахъ. Какъ сильно, какъ естественно, какъ вѣрно выраженіе мыслей и чувствъ у Кольцова, — это можно видѣть изъ приведенныхъ выписокъ и еще болѣе изъ чтенія самыхъ стихотвореній его. Скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ о формѣ ихъ. Пѣсни Кольцова писаны особеннымъ размѣромъ, близкимъ къ размѣру нашихъ народныхъ пѣсенъ, но гораздо болѣе правильнымъ. Въ нихъ большею частію нѣтъ риомы, а если и есть, то всего чаще черезъ стихъ. Языкъ Кольцова совершенно простой, народный. Рѣдко, рѣдко можно встрѣтить въ его стихахъ книжное выраженіе, да и то, большею частію, въ слабыхъ его пьесахъ, которыя писалъ онъ правильнымъ, метрическимъ размѣромъ въ первое время своей поэтической дѣятельности. Выраженія народныя встрѣчаются у него часто; но формы вездѣ почти правильныя, принятыя въ литературѣ. Можно найти всего пять или шесть фразъ неправильныхъ, напр.: по время, задней головою, и т. п. Но эти недостатки совершенно незначительны и нисколько не вредятъ истиннымъ красотамъ поэзіи Кольцова.

Въ поэзіи Кольцова выразилась его душа, его жизнь, полная возвышенныхъ стремленій, тяжелыхъ испытаній и благородныхъ, чистыхъ чувствъ. Въ ней виденъ его свѣтлый взглядъ на предметы, умѣнье понимать жизнь и природу,

въ ней, наконецъ, является живое, естественное представленіе вещей, безъ прикрасъ и безъ искаженій природы. Все это такія достоинства, которыя дѣлаютъ стихотворенія Кольцова весьма замѣчательными въ нашей литературѣ. Въ нихъ соединяются всѣ условія, необходимыя для поэтическаго достоинства, т.-е. разумная мысль, благородное стремленіе и живое, глубокое чувство. Изъ соединенія этихъ условій происходитъ та правдивость и искренность, которою отличается Кольцовъ какъ въ изображеніи собственныхъ душевныхъ ощущеній, такъ и въ представленіи предметовъ внѣшнихъ. Это послѣднее достоинство получаетъ особенную цѣну въ глазахъ нашихъ, когда мы вспомнимъ, какъ рѣдко являлось оно у нашихъ писателей до Кольцова.

Изъ изд. 1877 г.

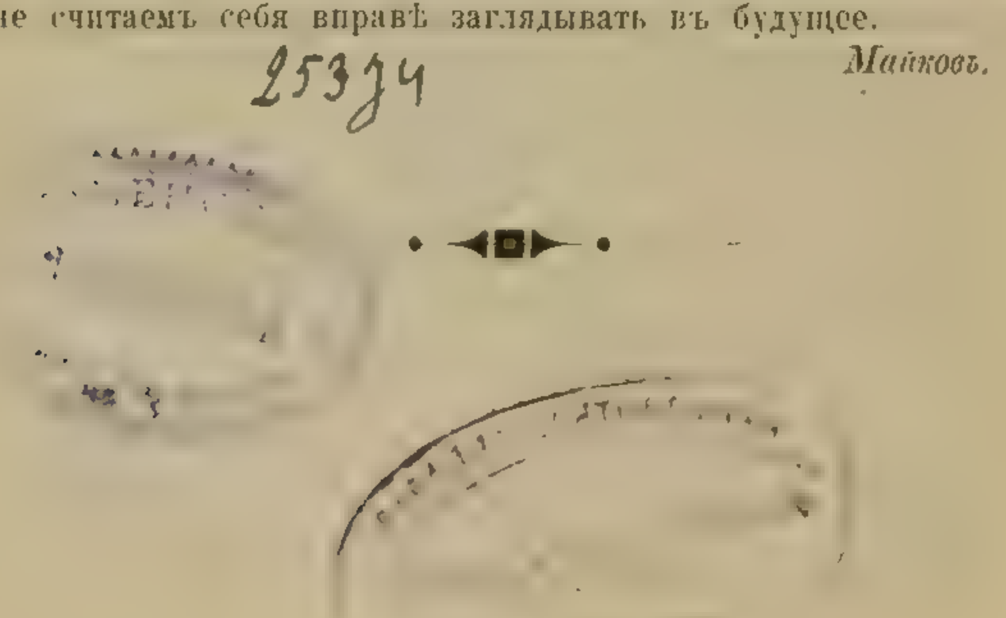
Значеніе поэзіи Кольцова.

По недостатку образованія, Кольцовъ не могъ своими произведеніями попасть въ колею современнаго ему движенія общества и литературы. Въ то же время могучая личность ставила его выше времени. Его произведенія положительно выразили собою тотъ идеалъ, на который остальные поэты наши указываютъ путемъ отрицанія. Онъ былъ болѣе поэтомъ возможнаго и будущаго, чѣмъ поэтомъ дѣйствительнаго и настоящаго. Его поэзія прямо призываетъ къ полнотѣ наслажденія тою жизнью, простые законы которой стремится опредѣлить и современная мудрость путемъ критики и утопіи. Страсть и трудъ, въ ихъ естественномъ благоустройствѣ, вотъ простыя начала, изъ которыхъ сложился яркій идеалъ жизни, проникшій восторгомъ здоровую натуру поэта-мѣщанина. Замѣчательно, что появленіе его стихотвореній современно появленію произведеній Гоголя, величайшаго поэта-аналитика, давшаго надолго нашей литературѣ направленіе критическое. Такъ и должно быть: сознаніе идеала одно только и можетъ дать смыслъ и крѣпость анализу и отрицанію. Иначе анализъ переходитъ въ мелочное сплетничанье, а отрицаніе — въ болѣзненное и безплодное раздраженіе желчи. Эпоха критики должна быть, въ то же время, эпо-

хою утопіи (принимая это слово въ его первоначальномъ, разумномъ значеніи); иначе человѣчество утратило бы всю энергію живыхъ стремленій и осталось бы безъ отвѣта на призывы бытія.

До сихъ поръ. Кольцовъ былъ поэтомъ безъ публики. Низшій классъ народа не читалъ его потому же, почему, можетъ-быть, и долго еще не будетъ читать; а *образованные люди*, большею частію, смотрѣли на его произведенія, какъ на факты, любопытные по своей рѣдкости. Они не могли сочувствовать Кольцову именно потому, что имъ слишкомъ любопытно было видѣть прасола, чувствующаго, мыслящаго и пишущаго *не хуже* тѣхъ, которые считали въ *то время* и мысль, и чувство, и творчество своими привилегіями. Самый матеріалъ его поэзіи — русскій крестьянскій бытъ — не могъ не казаться имъ предметомъ совершенно чуждымъ ихъ интересовъ. Если до сихъ поръ еще не замолкли жалобы на писателей, выводящихъ въ своихъ повѣстяхъ уѣздныхъ помѣщиковъ и мелкихъ столичныхъ чиновниковъ, то можно себѣ представить, какою китайскою стѣною равнодушія за десять лѣтъ предъ симъ отдѣлена была отъ интереса образованныхъ классовъ нашего общества вся эта крестьянская и мѣщанская дѣйствительность, гуманизированная Кольцовымъ! Прибавьте къ этому, что романтизмъ въ то время еще ослѣплялъ наше общество полнымъ блескомъ своей красивой лжи, и согласитесь, что сочувствователи Кольцова появились только на-дняхъ, не прежде. Исторія его вліянія только что начинается, и мы не считаемъ себя вправѣ заглядывать въ будущее.

Майковъ.



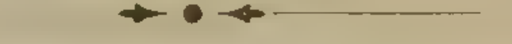
Седьмое изданіе напечатано съ шестого безъ перемѣны.

Въ восьмомъ изданіи внесено употребленіе *е* послѣ гортанныхъ (г, к, х) и шипящихъ (ж, ч, ш, щ) въ срединѣ рѣчи.

Въ девятомъ изданіи увеличены вдвое упражненія на первоначальныя правила, усвоеніе которыхъ возможно безъ изученія грамматики.

Десятое изданіе напечатано безъ перемѣны съ девятаго.

Въ одиннадцатомъ изданіи на каждый § всѣхъ частей рѣчи внесено по новому упражненію. Увеличено число упражненій и на всѣ части рѣчи.



СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ДИКТАНТЪ.

Часть II. СИНТАКСИСЪ.

Одобренъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.

Изданіе десятое.

Москва 1904 г. **Цѣна 60 к., въ переплетѣ 65 к.**



СПРАВОЧНЫЙ ОРѲОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Пособіе для учащихся.

Помѣщено до двѣнадцати тысячъ словъ.

Одобр. въ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед., городскихъ и начальныхъ училищъ.

Изданіе шестое, исправленное и дополненное.

Москва 1904 г. **Цѣна 25 к.**

О справочномъ орѳографическомъ словарѣ въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія было напечатано слѣдующее:

„Что касается до „Справочнаго орѳографическаго словаря", то онъ составленъ довольно полно и по лучшимъ пособіямъ. При собственныхъ именахъ лицъ указаны народныя формы, при именахъ существ. нарицательныхъ указаны, гдѣ нужно, падежныя формы; при глаголахъ указаны формы неопредѣленнаго наклоненія и 3-го лица множ. числа, а иногда и формы другихъ лицъ; при словахъ сложныхъ изъ предложныхъ префиксовъ и именъ приведены примѣры, объясняющіе, когда слѣдуетъ писать отдѣльно предлогъ, когда — вмѣстѣ съ именемъ. Вообще книжка составлена удовлетворительно" (Ж. М. Н. Просв. 1898 г., іюль).





„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. Ц. 1 р. (8°, 428 стр.) *Допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Прос. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Исторической хрестоматіи (Сборника историко-критическихъ изслѣдованій) **выпуски:**

I вып. О народной словесности. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.
II „ О книжной словесности XI—XVI вв. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
III „ О книжной словесности XVI—XVII вв. Ц. 2 р.
IV „ О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителяхъ. Ц. 2 р.
V „ О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.
VI „ Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII—XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной словесности и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8°, 659 стр.). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Прос.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ. Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.**) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8°, 656 стр.). Ц. 1 р. 50 к. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Прос.*

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. (8°, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Пушкинѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 798 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.**) Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 632 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о С. Т. Аксаковѣ, Григоровичѣ, Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.** (8°, 1115 стр.) Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.**) Ц. 1 р.

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 11-е, исправленное и дополненное. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для среднеучебн. зав., городскихъ и нач. училищъ, Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 9-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. [illegible] к.

Справочный орѳографическій словарь. Изд. 6-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*



